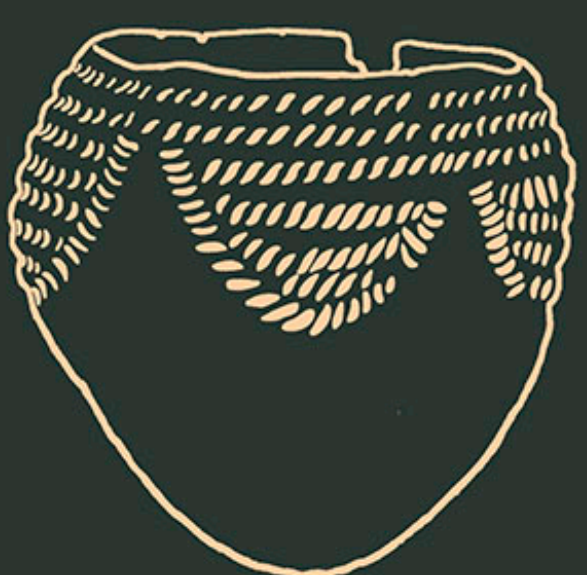
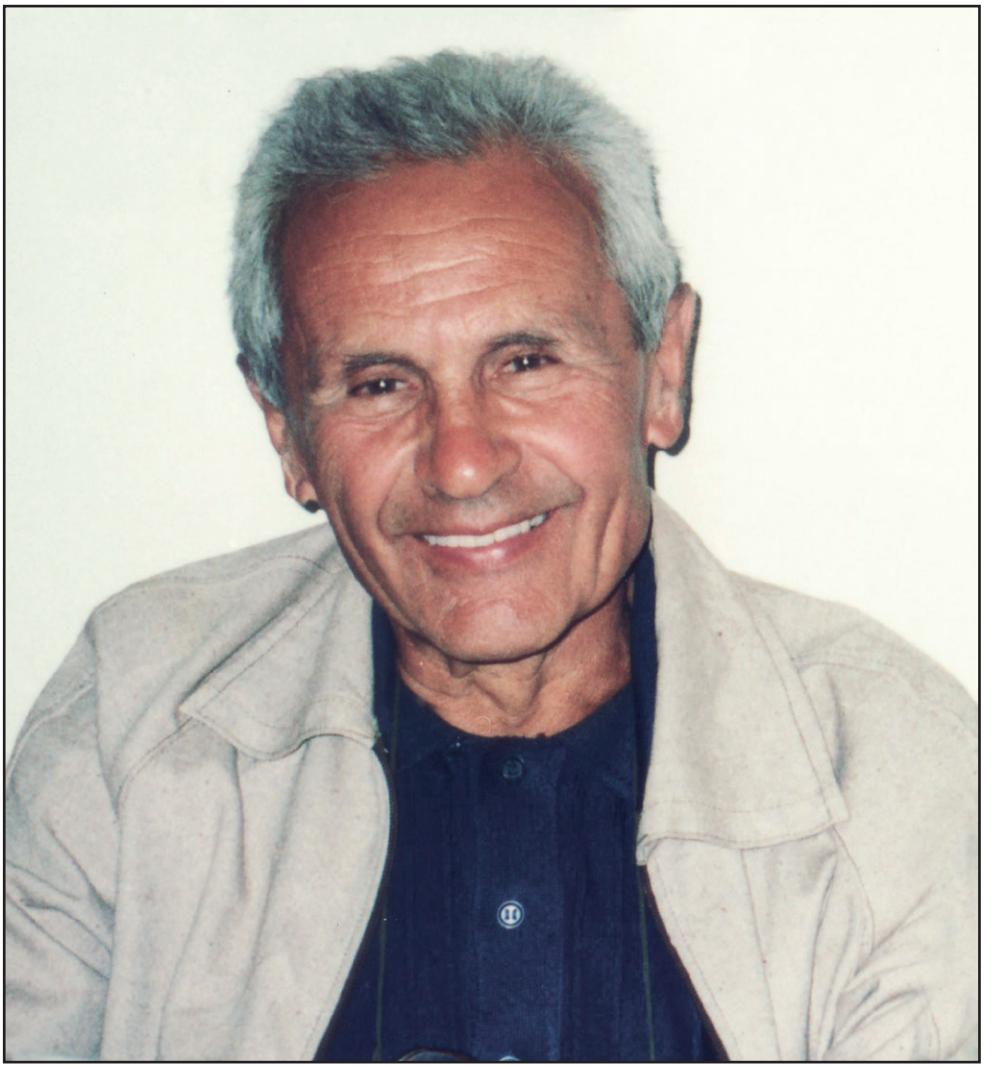
ЭНЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК ЦИРКУМПОНТИЙСКОГО РЕГИОНА



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Николай Яковлевич Мерперт
1922–2012

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ЭНЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК ЦИРКУМПОНТИЙСКОГО РЕГИОНА

Сборник к 100-летию
со дня рождения Н. Я. Мерперта

ИА РАН

Москва 2023

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

УДК 902/904
ББК 63.4
Э65

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

Ответственные редакторы:
д. и. н. Л. И. Авилова
к. и. н. Ю. В. Лунькова

Редакционная коллегия:
к. и. н. А. Н. Гей
д. и. н. Ш. Н. Амиров
н. с. Т. Н. Мишина

Рецензенты:
чл.-корр. РАН М. В. Добровольская
к. и. н. М. В. Андреева

Э65 **Энеолит** и бронзовый век Циркумпонтийского региона. Сборник к 100-летию со дня рождения Н. Я. Мерперта. М.: Институт археологии РАН, 2023. 328 с.

ISBN 978-5-94375-426-5

Сборник статей «Энеолит и бронзовый век Циркумпонтийского региона» посвящен 100-летию со дня рождения выдающегося российского археолога, доктора исторических наук, профессора Николая Яковлевича Мерперта. Николай Яковлевич является одной из ключевых фигур в истории изучения бронзового века в Восточной и Юго-Восточной Европе и Передней Азии. Широта научных интересов позволяет назвать его одним из последних энциклопедистов в археологии.

Представленные в сборнике статьи ориентированы на современные проблемы изучения и интерпретации памятников эпохи раннего металла от энеолита до позднего бронзового века на территории Восточной Европы, Кавказа, Балкан и Ближнего Востока, в свете предложенных Н. Я. Мерпертом научных разработок, являющихся и на сегодняшний день актуальными и востребованными.

Издание предназначено археологам, этнографам, историкам первобытного общества, а также всем, интересующимся проблемами древней истории.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-426-5
DOI: 10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-426-5

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН, 2023
© Авторы статей (фамилии выделены в содержании курсивом), 2023

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

СОДЕРЖАНИЕ

Вспоминая Николая Яковлевича Мерперта

Сорокина И. А. Николай Яковлевич Мерперт: становление личности ученого и вехи жизненного пути 7

Моргунова Н. Л., Турецкий М. А. Роль Н. Я. Мерперта в развитии урало-поволжской археологии 23

Горбунов В. С. Абашевско-срубная проблематика в трудах Н. Я. Мерперта 40

Янковский-Дьяконов А. И., Мустафа Джасем Аль-Хуссини. Советская археологическая экспедиция в Северном Ираке (1967–1985): создание, историография и рецепция 45

Ближний Восток и Балканы

Tekin H. Late Neolithic Findings in the Highlands of Upper Mesopotamia in the Light of New Researches 57

Петрова Н. Ю. Налепы на сосудах в контексте хозяйственной деятельности и искусства неолита Месопотамии 65

Корниенко Т. В., Дубова Н. А., Фрибус А. В. К вопросу об истоках, ранних этапах распространения и символическом значении каменных жезлов/стержней с навершием в Евразийском регионе 80

Авилова Л. И. Изображения существ смешанной природы на Ближнем Востоке в энеолите – бронзовом веке 91

Янковский-Дьяконов А. И., Гусак Л. А. Aṭ-ṭāriq aṭ-ṭawīl: долгая дорога к новой Российско-Иракской экспедиции 105

Мишина Т. Н. Керамический комплекс эпохи ранней бронзы телля Юнаците (болгарская Фракия) 116

Балабина В. И. Стоящие антропоморфные фигурки финального горизонта халколита на телле Юнаците 126

Энеолит – бронзовый век: проблемы и материалы

Амиров Ш. Н. Относительная хронология и синхронизация культурного процесса Месопотамии и Кавказа в эпоху неолита-ранней бронзы 143

Дога Н. С. Новые данные о периодизации, хронологии, хозяйстве и палеогеографии энеолита Нижнего Поволжья 156

Кореневский С. Н. Майкопско-новосвободненская общность. Краткий обзор истории изучения и интерпретации 159

Гей А. Н. Некоторые аспекты формирования источниковой базы по памятникам пластуновского типа или пластуновской культуры в низовьях Волги и Дона 182

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Меньшиков М. Ю., Атабиев Б. Х., Резниченко И. А., Юнкин Ж. А., Кашироков А. Х., Зашакуев З. Л. Архитектура кургана 1 курганной группы Кызбурун II (Исламей) 189

Кузнецов П. Ф. Наследие Н. Я. Мерперта на стыке археологии, радиоуглеродной хронологии и палеогенетики. Ранний бронзовый век 199

Шишлина Н. И., Леонова Н. В., Троицкий С. О., Куприянов Д. А., Солошенко Н. Г. Палеоландшафты и использование лесных ресурсов в экономике ямной культуры Сальско-Манычских степей 211

Файзуллин А. А. Социологическая интерпретация погребального обряда детей и подростков в ямной культуре Волго-Уральского междуречья 220

Козмирчук И. А., Скоробогатов А. М. Большой Липяг – укрепленное поселение репинской культуры в Верхнем Подонье 228

Мельник В. И. Ямно-катакомбные погребения в культурном контексте 238

Гак Е. И., Луньков В. Ю. Металлы и сплавы переходного периода от средней к поздней бронзе в культурном пространстве юга Восточной Европы 251

Мимоход Р. А. Десять лет спустя, или радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований в свете новых данных 268

Епимахов А. В. Влияние количества радиоуглеродных дат на достоверность реконструкций (бронзовый век Южного Урала) 289

Малов Н. М. Погребение начала эпохи поздней бронзы из кургана около станции Переметной на реке Деркул: раскопки П. С. Рыкова 298

Купцова Л. В. Культурно-хронологическая принадлежность некоторых безынвентарных комплексов Оренбургского Предуралья (по результатам радиоуглеродного датирования) 311

Лунькова Ю. В., Луньков В. Ю., Скоробогатов А. М. Планиграфия кургана у с. Некрылово (Воронежская область): к реконструкции подкурганного пространства 318

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Вспоминая
Николая Яковлевича Мерперта

https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-426-5.9-22

НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ МЕРПЕРТ: СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ УЧЕНОГО И ВЕХИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ[1]

И. А. Сорокина

Резюме. В статье рассматриваются основные вехи жизненного пути выдающегося археолога Николая Яковлевича Мерперта. Сделаны попытки анализа обстоятельств, способствовавших становлению его личности как ученого, организатора полевых исследований, преподавателя. В основу положены как многочисленные публикации о нем, так и его мемуары и архивные материалы. Большое внимание уделено образованию, полученному будущим ученым, – от семейных традиций до аспирантуры в ИИМК АН СССР. Освещена роль опыта, полученного во время трагических событий Великой Отечественной войны, участником которых был Н. Я. Мерперт. Представлены этапы его длинного жизненного пути, основные направления его научной и экспедиционной деятельности, наиболее значительные достижения на ниве советской/российской и зарубежной археологии.

Ключевые слова: Николай Яковлевич Мерперт, советская/российская археология, археология Болгарии, археология Ближнего Востока, археологические экспедиции, Институт археологии.

О Николае Яковлевиче можно писать много. Говоря о вехах, мы имеем в виду не только и не столько хронологию жизненного пути, сколько значимые явления в его жизни, повороты личной и научной судьбы, оказавшие влияние на формирование его как ученого и как человека.

Н. Я. Мерперт – участник Великой Отечественной войны, выдающийся ученый, педагог, воспитавший целую плеяду археологов. Можно без преувеличения утверждать, что он не просто внес очень весомый вклад в мировую археологическую науку, но реально составил в ней целую эпоху. Причем речь идет не только о российской, но и зарубежной археологии. Младший современник ученых, стоявших у истоков советской археологии (А. В. Арциховского, А. Я. Брюсова, С. В. Киселёва, А. П. Смирнова и др.), он не только продолжил их дело в изучении отечественных древностей, но и в полной мере использовал возможность заниматься проблемами возникновения цивилизаций на территории Евразии. Его перу принадлежат более 350 печатных работ, в том числе более 10 монографий. Значительная часть опубликована в зарубежных изданиях на иностранных языках, что до 1990-х гг. в отечественной науке было нечастым явлением[2]. Последней его книгой стали изданные в 2011 г. мемуары (*Мерперт*, 2011), подводящие итог насыщенной и плодотворной жизни. Возникает вопрос: как же сформировалась столь неординарная и многогранная личность? И здесь важно обратить внимание на самое начало ее становления[3].

Будущий ученый-археолог родился 26 ноября 1922 г. в Москве. Его юные и молодые годы прошли в арбатских переулках (рис. 1). Его отец, Яков Иванович, бывший офицер-артиллерист[4], участник Первой мировой войны, потом инженер-экономист, работал в правительственных учреждениях. Работу

[1] Исследование выполнено в рамках НИОКТР 122011200264-9 «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем».

[2] По поводу знания иностранных языков сам Н. Я. указывал на владение английским, французским, болгарским, а также на возможность чтения на немецком, латыни и древнегреческом языках (из листка по учету кадров от 1982 г. в личном деле, заполненного рукой Н. Я.).

[3] Краткую биографию Н. Я. Мерперта, написанную практически одинаковыми словами, можно найти на целом ряде сайтов, начиная с Википедии. Есть и более подробные статьи: см.: *Мунчаев*, 2014, 2019а, б. В данной работе мы использовали эти материалы, но основными источниками послужили личное дело, хранящееся в ИА РАН и содержащее собственноручно написанные документы (автобиографии, отчеты и т. д.), а также мемуары (*Мерперт*, 2011).

[4] Учился в Киевском военном училище (основано в 1865 г. как I Киевское юнкерское училище), дважды Георгиевский кавалер (*Мерперт*, 2011. С. 12).

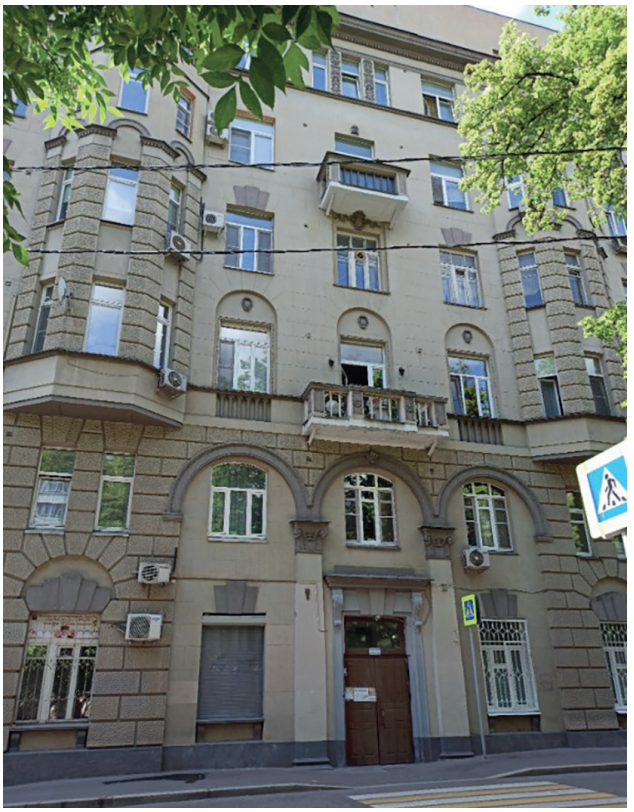


Рис. 1. Дом в Староконюшенном переулке (д. 37), в котором долгие годы жил Н. Я. Мерперт (из открытых источников)

выполнял ответственную, например, был ревизором Министерства сельского хозяйства СССР (из личного дела: автобиография Н. Я. от 1953 г.). Помимо военной специальности, он получил образование в Киевской консерватории, обладал хорошим голосом и пел в церковном хоре, а в дальнейшем приобщил сына к миру музыки, прежде всего русской оперы. Мать будущего ученого, Мелитина Михайловна, училась в Екатеринославском университете, оттуда ушла на фронт Первой мировой войны, получив специальность хирургической медсестры. В советское время работала медсестрой в школе № 59 – той самой, где учился ее сын (Там же). Ей Н. Я. обязан развитием интереса к истории, литературе, живописи. Мальчик с детства посещал музеи и театры и, еще не умея читать, слушал рассказы о событиях и персонажах российской истории. Потом, естественно, много читал сам.

Завершая рассказ о семье, необходимо отметить, что она была религиозной, православной (*Мерперт*, 2011. С. 18). Ребенка крестили в церкви Николы Явленного на углу Арбата и Серебряного переулка[5], посещали и другие храмы в районе Арбата. Отец, как уже упоминалось, пел в церковном хоре. Это было время, когда антирелигиозная кампания с изъятием церковных ценностей, ликвидацией священнослужителей и уничтожением храмов уже шла, но до агрессивного воинствующего атеизма последующих лет еще было время. Поэтому неудивительно, что Н. Я. в детстве успел приобщиться к ценностям Нового и Ветхого заветов. Это очень важно: хотя в дальнейшем он будет комсомольцем и членом КПСС и даже, судя по характеристикам в личном деле, проявит активность на этом поприще, в 1990-х именно он станет автором первого в СССР/России после 1917 г. курса лекций по библейской археологии, не преподававшейся до этого времени даже в богословских учебных заведениях. Пособие, написанное им по этому курсу, будет посвящено памяти матери (*Мерперт*, 2000. С. 5–7).

Итак, понятно, что сделала для развития личности будущего выдающегося исследователя семья, причем, как сам он неоднократно отмечал, «ненавязчиво», без принуждения. Интересы развивались постепенно. Следующий этап – школа.

Семья жила в Староконюшенном переулке у Арбата. Ближайшей была находящаяся там же школа № 59. О ней стоит рассказать отдельно, поскольку из ее стен вышли многие выдающиеся деятели науки и культуры. Она была учреждена в 1901 г. и до 1918 г. называлась 9-й классической гимназией им. Ивана и Александры Медведниковых (по именам благотворителей, оставивших в завещании средства для этой цели). В советское время гимназию ликвидировали, она стала просто школой, названия ее неоднократно менялись. С 1933 г. это школа № 59 Киевского района г. Москвы (рис. 2). Сюда Н. Я. и определили учиться в 1930 г.

Медведниковская гимназия до 1918 г. была одним из лучших не только в Москве, но и в России средних учебных заведений для мальчиков, считалась передовой и либеральной. Она существенно отличалась от обычных классических гимназий тем, что вместо упора на латынь и древнегреческий (часы которых были сокращены) обязательным стало изучение французского, немецкого, английского. Преподавались новые предметы: мироведение, естественная история, физическая география, анатомия и гигиена. Все это способствовало разностороннему

[5] Закрыта в 1929 и разрушена в 1931 г.

развитию учащихся. В 1918 г. в молодом советском государстве начались бесконечные и не всегда удачные реформы среднего образования. К счастью, сохранялась (под другими названиями) и сама школа, и, главное, высокий уровень преподавания, и даже некоторые традиции. Так что Николаю Яковлевичу повезло: ближайшее к дому учебное заведение оказалось по всем параметрам первоклассным[6].

В отношении программ обучения важнейшее значение имело Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 26.05.1934. Ранее «упраздненная» наука вновь обрела место в системе советского среднего и высшего образования. Это также было знаковым для судьбы Н. Я. событием: в стенах бывшей Медведниковской гимназии не только преподавание истории было отлично поставлено, но даже возродилась дореволюционная традиция постановки спектаклей – шедевров древнегреческой литературы, правда, уже не на греческом, а на русском языке (*Мерперт*, 2011. С. 25–27). И тут поступила большая помощь от сотрудников Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина[7], который находился не так далеко, на Волхонке, и был шефом школы[8]. В процессе постановки трагедии Софокла «Антигона» (1935) ученики погрузились в мир античности, посещая экскурсии и слушая лекции, которые специально для них проводили сотрудники музея. Это было в 1935 г. Тогда Н. Я. и познакомился с В. Д. Блаватским, впоследствии выдающимся ученым-античником[9]. Не эти ли обстоятельства определили в дальнейшем его выбор античности как специализации на кафедре археологии МГУ? Сам Н. Я. оценивал участие в этой постановке как определяющий фактор в его дальнейшей профессиональной судьбе, она «превратила интуитивное влечение в духовное содержание» (*Мерперт*, 2011. С. 27).

Школа школой, но и внешкольные занятия сыграли огромную роль в становлении ученого. Речь идет о занятиях в историческом кабинете Московского городского дома пионеров и октябрят в переулке

Рис. 2. Староконюшенный переулок, д. 18: школа, в которой учился Н. Я. Мерперт (из открытых источников)

Стопани (сейчас пер. Огородная слобода) у Чистых прудов, открытого по инициативе Н. К. Крупской в 1936 г. и ставшего одним из первых учреждений такого рода в стране[10]. Этот исторический кабинет включал 3 секции, в том числе археологическую (*Мерперт*, 2011. С. 28). Так археология как наука вошла в жизнь будущего ученого. В 1936 г. в возрасте 14 лет он впервые поучаствовал в раскопках вятичских курганов близ Подольска Московской области. Из членов исторического кабинета была образована небольшая экспедиция (1936–1937), шефство над которой взял Государственный исторический музей. Руководителем ее стал будущий академик, директор

[6] Интересно, что в здании Медведниковской гимназии с 1907 по 1914 г. располагалось фактически первое в России высшее учебное заведение, готовившее профессионалов-археологов – Московский археологический институт, о чем Н. Я. Мерперт, вполне вероятно, слышал. Это ли не перст судьбы?

[7] До 1923 г. Музей изящных искусств им. Императора Александра III при Московском университете, с 1932 г. Государственный музей изобразительных искусств, с 1937 г. им. А. С. Пушкина. Открыт в 1912 г. Основатель и первый директор И. В. Цветаев (1847–1913).

[8] С началом советского периода была распространена система шефства: города – над селом, разного профиля учреждений и предприятий – над учебными заведениями, колхозами и т. д.

[9] Блаватский В. Д. (1899–1980), о нем см.: Институт археологии: история…, 2000. С. 53–56.

[10] Существует и поныне как Дворец творчества детей и молодежи.

ИИМК/ИА АН СССР Б. А. Рыбаков – еще одна судьбоносная встреча[11], поскольку Николай Яковлевич впоследствии более 60 лет будет работать в институте, из них более 30 лет при директорстве Б. А. Рыбакова. В экспедиции состоялось знакомство со славянскими древностями и были получены начальные навыки полевой работы. По результатам раскопок 1936 г. Дворец пионеров провел конференцию. Участвовали не только кружковцы, но и известные ученые: уже знакомый юному Мерперту В. Д. Блаватский, а также доцент исторического факультета МГУ А. В. Арциховский[12]. Это первое знакомство с ним впоследствии оказалось знаковым. Присутствовал на конференции и А. П. Смирнов, с которым в 50-х гг. уже сложившийся к тому времени полевик Мерперт будет работать в одной экспедиции (о нем ниже). Представляется очень важным тот факт, что подобный еще полудетский интерес был поддержан настоящими сложившимися специалистами-археологами. Это отразилось наилучшим образом на дальнейшем профессиональном и жизненном пути не только Николая Яковлевича, но и его ровесника и гимназического друга В. В. Кропоткина, члена того же исторического кабинета и впоследствии также сотрудника Института археологии[13].

Позже Н. Я. продолжал археологические штудии в кружке при Государственном историческом музее и (*Мерперт*, 2011. С. 28–33). Участвовал он и в раскопках вятичских курганов (в 1938–1939 гг.), но уже в другом месте и со студентами МГУ.

После окончания школы юноша решил связать свое будущее с археологией. Но планы пришлось отложить. В 1940 г. после школы Н. Я. был призван в армию, поскольку уже шла Вторая мировая война и был изменен порядок призыва. Достигшие к окончанию школы 18 лет юноши сразу отправлялись на военную службу. Немаловажный факт: в то время многие учащиеся получали навыки в авто- и мотошколах в системе Осоавиахима[14]. Н. Я., возможно, в том числе, хотя он об этом не упоминает. Поэтому, вероятно, он попал в Отдельный мотоциклетный полк 1-го Мотомеханизированного корпуса Ленинградского военного округа в качестве курсанта учебного взвода[15]. Это было под Псковом, где он и встретил начало Великой Отечественной войны. Курсант стал солдатом того же полка. С августа 1941 г. он солдат 125-го отдельного танкового полка. Но воевал в основном в пехоте – танков не хватало. Танк водил недолго, хотя танкистом числился до увольнения из действующей армии. Воевал на Северо-Западном фронте под Порховом, Старой Руссой, Новгородом, Демянском. Был четырежды ранен. После последнего тяжелого ранения эвакуирован в Омск, в военный госпиталь, а в марте 1942 г. отчислен из армии по инвалидности. Боевые заслуги Николая Яковлевича отмечены государственными наградами.

В своих мемуарах Николай Яковлевич делится не только личными воспоминаниями военного периода, но и наблюдениями о состоянии советских вооруженных сил к началу войны. Прежде всего он отмечает нехватку командного состава всех уровней. Последнее явилось следствием трагических событий второй половины 1930-х гг., когда армия подверглась «чистке» в ходе «большого террора». К началу Второй мировой войны (1 сентября 1939) руководству страны и армии стало ясно, что положение надо срочно исправлять. Вероятно, именно поэтому Н. Я., имевшего полное среднее образование[16] и, следовательно, неплохую общую подготовку, отправили готовиться на должность командира взвода (с сентября по 22 октября 1941 г. проходил обучение в качестве помощника командира взвода 34-го отдельного танкового полка). Таким образом, Н. Я. сразу оказался в гуще военных событий. Не будем пересказывать перипетии его службы, но обратим внимание на то, что в тяжелейших условиях и неразберихе начального этапа войны, да еще в эпицентре – на Северо-

[11] Рыбаков Б. А. (1908–2001), о нем см.: Институт археологии…, 2000. С. 14–16.

[12] Исторический факультет МГУ был создан в 1934 г. после упомянутого уже постановления «О преподавании гражданской истории в школах СССР». В 1927 г. А. В. Арциховский (1902–1978) стал одним из его ассистентов в 1927 г., потом – доцентом (с 1929), профессором (с 1937). В 1939 г., после создания кафедры археологии, – бессменный ее заведующий. О нем см.: Институт археологии: история…, 2000. С. 38–42).

[13] Кропоткин Владислав Всеволодович (1922–1993) – крупный советский археолог, д. и. н. (1973), специалист по археологии раннего Средневековья, в течение 40 лет сотрудник и более 10 лет зав. сектором скифо-сарматской археологии ИА РАН (о нем см.: *Мерперт*, 1994).

[14] Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству, создано в 1927 г.

[15] По материалам личного дела.

[16] Постановлениями СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О структуре начальной и средней школы в СССР» от 15.05.1934 г. вводилось 3 типа общеобразовательной школы: начальная (4 класса), неполная средняя (7 классов), полная средняя (10 классов). 7-летнее обучение было обязательным в школах городов и рабочих поселков.

Рис. 3. Н. Я. Мерперт в военные годы и письмо матери М. М. Мерперт от 04.10.1941 г.
(© из личного архива Н. Я. Мерперта)

Западном фронте – вчерашний школьник проявил отличные организаторские способности, руководил людьми, получал и выполнял самостоятельные ответственные задания. Например, выводил из Старой Руссы колонну из почти двух десятков единиц боевой техники с боеприпасами (*Мерперт*, 2011. С. 40–41). И юноша, не имевший опыта, не только не растерялся, но и справился! В дальнейшем он будет руководить крупными, в том числе зарубежными, экспедициями – дело, требующее организаторского таланта, умения находить и выход из различных ситуаций, и контакт с людьми. Скажем прямо, не все археологи это умеют. Представляется, что эти качества были заложены именно во время начального трагического этапа Великой Отечественной войны.

После увольнения из армии и долгого пребывания в госпитале начинается новый этап жизни и деятельности Николая Яковлевича, происходит становление его как ученого-археолога. Уже в марте 1942 г. он вернулся в Москву, которая произвела на него впечатление некоторой пустынности, что связано с эвакуацией части населения, предприятий и учреждений. Но в то же время жизнь была четко организована и подчинена законам военного времени. О том, как жила его семья и близкие люди в это время, Н. Я. на фронте узнавал из писем матери, подробно (насколько это допускалось военной цензурой) описывавшей события. Одно из писем сохранилось в его личном архиве (рис. 3).

Тогда же, весной 1942 г. Николай Яковлевич поступил на кафедру археологии исторического факультета Московского университета. В 1941 г. вместе со всем МГУ была эвакуирована в Ашхабад и кафедра археологии во главе с ее заведующим А. В. Арциховским. Возвращение состоялось только в конце 1944 г. Однако в Москве с конца 1941 г. работал параллельно основному другой состав университета. Были привлечены оставшиеся в Москве

и возвращавшиеся туда с фронта преподаватели. Таким образом, кафедра археологии МГУ существовала одновременно в двух географических точках. Причем этот дублирующий состав не уступал основному. В него входили не только признанные, но и выдающиеся ученые, например, приглашенный на должность заведующего московской частью кафедры В. А. Городцов, чье имя не нуждается в представлении[17]. С ним у Н. Я. сложились, как он сам отмечал, «особые» отношения «подлинной близости» (*Мерперт*, 2011. С. 66). Дело в том, что маститый профессор в силу очень почтенного возраста и болезни читал лекции студентам только у себя дома. Это было очень близко от дома Н. Я., в тех же арбатских переулках[18]. Поэтому он имел возможность оставаться у Городцова после этих лекций и не только помогать ему по хозяйству, но и слушать как его воспоминания, так и фактически дополнительные лекции по археологии каменного века и палеометалла, что очень обогатило будущего ученого, способствовало формированию его научного мировоззрения. Большую роль в этом процессе сыграли представления В. А. Городцова о взаимодействии евразийских культур с ближневосточными центрами. Еще в 1923 г. Городцов разработал программу трехлетнего курса лекций для студентов археологического отделения факультета общественных наук МГУ[19] (*Канторович*, 2009. С. 310). На втором году обучения студенты должны были знакомиться с археологией Египта, Месопотамии, Передней Азии, Ирана, Турции, Индии и Китая, а также с крито-микенской и греко-римской цивилизациями. Очевидно, своим студентам профессор Городцов до увольнения из МГУ в 1930 г. прививал широту взглядов, способствовал их знакомству с достижениями зарубежной археологии и их научной значимостью. В 1941 г. после возвращения его в университет такая возможность вновь появилась, и студенту Мерперту посчастливилось ею воспользоваться на излете жизни выдающегося ученого.

Курс «Введение в археологию» до возвращения эвакуированного А. В. Арциховского читал С. В. Киселёв, будущий член-корреспондент АН СССР, уже тогда признанный специалист по археологии Центральной Азии[20]. Впоследствии под его руководством состоится первая зарубежная экспедиция Николая Яковлевича (1948–1949 гг., Монголия, раскопки Каракорума). Он же читал и курс «Бронзовый век», причем обширный: начиная с раннего энеолита Передней Азии до скотоводческих обществ степи и лесостепи. Территориально курс охватывал археологические культуры значительной части Евразии. Также Киселёв вел спецкурсы по археологии бронзового века Ближнего Востока, Центральной Азии, крито-микенской цивилизации. В числе других преподавателей Н. Я. называет Б. А. Рыбакова (курс «Средний железный век», очень сложный и многоплановый по определению Н. Я.), Б. Н. Гракова (лекции по скифо-сарматской проблематике), В. Д. Блаватского (античная археология), антрополога Г. Ф. Дебеца (курсы «Общая антропология» и «Каменный век»). Особое место в становлении будущего ученого занял историографический курс А. В. Арциховского, знакомившего студентов с процессом развития и достижениями российской/советской и зарубежной археологии и уделявшего большое внимание методическим аспектам полевой археологии (*Мерперт*, 2011. С. 73–75). Что важно: университетские занятия дополнялись личным общением дома у Артемия Владимировича, жившего в тех же арбатских переулках. Сложились дружеские отношения, как это было и с В. А. Городцовым (вспомним, что первое знакомство Н. Я. и А. В. состоялось еще в 1936 г.). Мы так подробно останавливаемся на студенческом периоде жизни Николая Яковлевича, чтобы показать, как, еще учась в университете, он получил не только конкретные знания, но и очень широкую эрудицию, которая потом поможет ему в научных изысканиях за рубежом и внутри страны.

Надо отметить, студент Н. Я. Мерперт был благодарным слушателем и участником семинаров, что отражено в документах личного дела. Учился отлично (выписка из зачетной книжки за 1945 г.[21]), с 1943 г. был сталинским стипендиатом, в 1944 г. получил 1 премию на конкурсе студенческих работ за доклад «Мечи». В 1945 г. сдал в печать свою первую науч-

[17] В. А. Городцов (род. 1860) занимал эту должность до возвращения из эвакуации А. В. Арциховского, вновь принявшего на себя обязанности заведующего. Скончался 02.02.1945 г.

[18] Обстоятельство, имевшее большое значение в условиях комендантского часа военного времени.

[19] Факультеты общественных наук (ФОН) существовали в университетах СССР с 1919 по 1924 г. и заменяли ликвидированные юридические и историко-филологические факультеты. Были созданы для подготовки кадров в духе советской идеологии. В 1 МГУ ФОН в 1925 г. был преобразован в факультеты советского права и этнологический.

[20] Киселёв С. В. (1905–1962). О нем см.: Институт археологии: история…, 2000. С. 117–121.

[21] 1945 – год фактического окончания МГУ, диплом же был получен в начале 1946 г.

ную статью (опубл. в 1947 г.). В личном деле имеется копия диплома с отличием от 14.02.1946 г., в которой указано, что в 1945 г. Н. Я. «окончил полный курс» исторического факультета МГУ по специальности «история». На «отлично» защитил и дипломную работу «Древнегреческие кровельные черепицы из раскопок Фанагории» (научный руководитель В. Д. Блаватский)[22]. Поэтому неудивительно, что далее для Н. Я. был открыт путь в аспирантуру.

И в это время происходят первые резкие повороты в научной судьбе будущего ученого. Коренным образом меняется тематика его интересов. Первоначально, еще со школы, Н. Я. связывал свое научное будущее с изучением античности. Вспомним школьную постановку «Антигоны», сопутствующие ей штудии в ГМИИ, знакомство с В. Д. Блаватским. Первая публикация – на античную тему[23], дипломная работа – также. Более того, в июне-сентябре 1945 г. у Николая Яковлевича появилась возможность непосредственного знакомства с материалами крупнейшего античного памятника Пантикапея в Керченском музее. Городу Керчи в целом и музею в частности во время войны был нанесен колоссальный урон. Требовалась разборка сохранившейся (спасенной) части коллекции, чем Н. Я. и занимался, будучи оформлен как научный сотрудник Керченского музея (личное дело: листок по учету кадров за 1946 г.). Также он вел небольшой самостоятельный раскоп в составе Пантикапейской экспедиции (нач. В. Д. Блаватский). Здесь и получил первый опыт городских раскопок, который потом очень пригодился ему при упомянутом уже исследовании Каракорума в Монголии в 1948–1949 гг. Казалось бы, все способствовало формированию будущего специалиста по античности. Но путь оказался другим. Сам Н. Я. в мемуарах объясняет этот факт тем, что потенциальный научный руководитель В. Д. Блаватский уехал надолго работать с античными материалами в Германию (*Мерперт*, 2011. С. 120). Надо было избирать другого руководителя и, как следствие, новую научную тему.

В 1946 г. Н. Я. поступил в «штатную кандидатскую» аспирантуру Института истории материальной культуры АН СССР[24] по специальности «история оружия» (приказ от 20 февраля в личном деле). Руководителем был определен А. В. Арциховский. Показательна характеристика, которую он дал будущему аспиранту (рис. 4). Почерк А. В. Арциховского легко читаем, но все же приведем с некоторыми сокращениями текст (из личного дела): «Николай Яковлевич Мерперт <…> является серьезным и талантливым молодым научным работником. В университете он три года <…> был сталинским стипендиатом. Отметки у него всегда были только отличные. Он премирован на конкурсе студенческих работ за доклад «Мечи», где на основе огромной научной литературы изучена эволюция меча с древнейших времен до конца средневековья в тесной связи с историей военного строя. Участвуя в нескольких археологических экспедициях, проявил энергию и инициативу. За время пребывания в университете он успел отлично изучить пять языков: французский, английский, немецкий, латинский и греческий. В дипломной работе <…> он сделал ряд ценных и самостоятельных исторических и этнографических выводов. Думаю, что Н. Я. Мерперт будет ценнейшим аспирантом. Зав. Археологическим отделением Профессор доктор А. Арциховский 17, XII, 1945»[25].

Первая тема диссертации – «Оружие Киевской Руси» (протокол заседания комиссии по приему в аспирантуру от 19.02.1946 г. в личном деле). Но вскоре она изменилась и звучала как «Салтовская культура». Почему произошла это перемена? Сам Н. Я. в мемуарах об этом не пишет, но возможное объяснение содержится в характеристике, данной ему С. В. Киселёвым, в то время зав. аспирантурой ИИМК: «Избранная Н. Я. Мерпертом тема диссертации “Салтовская культура” сделает его специалистом в весьма неразработанной области археологии среднего железного века» (из личного дела). Таким образом, Николай Яковлевич вновь оказался на фронте, теперь уже научном, и должен был «бороться» с малоизученным направлением археологии. Еще небольшое замечание, касающееся времени обучения в аспирантуре. При поступлении Н. Я. сдавал экзамен по французскому языку, который, вероятно, учил еще в школе (по крайней мере, до 1918 г. это был основной иностранный язык в Медведниковской гимназии), а за время пребывания в аспирантуре выучил второй, английский (справка о сдаче кандидатского экзамена на «отлично» в личном деле).

Обучение в аспирантуре Н. Я. закончил в 1949 г. В начале 1950 г. ему была присвоена ученая степень

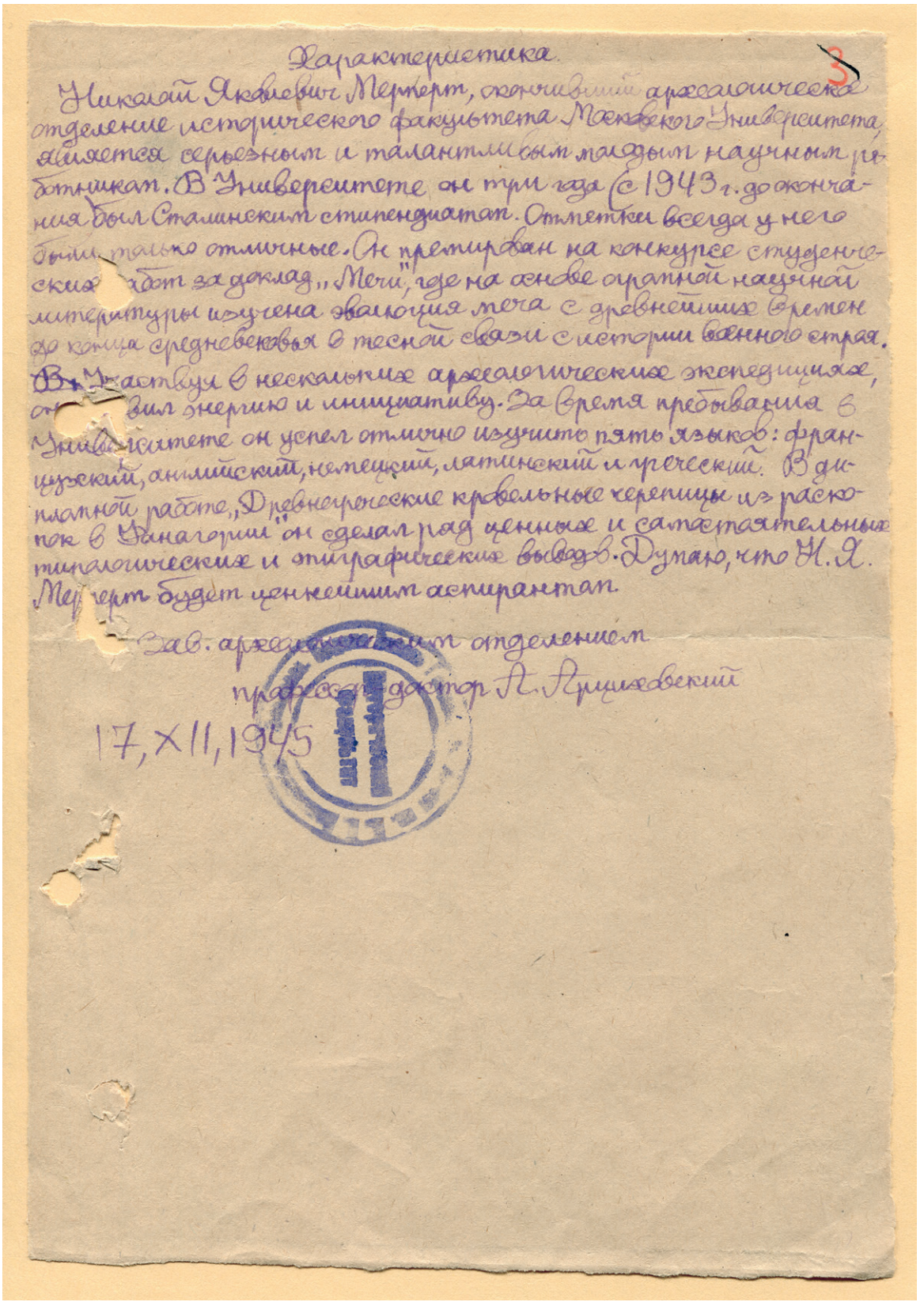
---

[22] Опубликована, см.: *Мерперт*, 1951.

[23] *Мерперт*, 1947.

[24] С 1957 г. – Институт археологии АН СССР/РАН.

[25] На истфаке МГУ было не отделение, а кафедра археологии. Но так написано А. В. Арциховским.



Характеристика.

Николай Яковлевич Мерперт, окончивший археологическое отделение исторического факультета Московского Университета, является серьезным и талантливым молодым научным работником. В Университете он три года (с 1943 г. до окончания был Сталинским стипендиатом. Отметки всегда у него были только отличные. Он премирован на конкурсе студенческих работ за доклад „Мечи", где на основе огромной научной литературы изучена эволюция меча с древнейших времен до конца средневековья в тесной связи с истории военного строя. В участвуя в нескольких археологических экспедициях, он [illegible]вил энергию и инициативу. За время пребывания в Университете он успел отлично изучить пять языков: французский, английский, немецкий, латинский и греческий. В дипломной работе „Древнегреческие кровельные черепицы из раскопок в Уанагории" он сделал ряд ценных и самостоятельных типологических и эпиграфических выводов. Думаю, что Н. Я. Мерперт будет ценнейшим аспирантом.

Зав. археологическим отделением
профессор-доктор А. Арциховский

17, XII, 1945

Рис. 4. Характеристика для поступления в аспирантуру ИИМК АН СССР, данная Н. Я. Мерперту А. В. Арциховским в 1945 г. (© НА ИА РАН, личное дело Н. Я. Мерперта)

кандидата исторических наук на основе защиты диссертации по теме «Верхнее Салтово»[26]. Однако долго заниматься средневековой тематикой ему не пришлось, поскольку началась его работа с памятниками другого времени и другого типа, но об этом ниже. Все же некоторое количество печатных работ 1950-х гг. ей посвящены, например, статья «О генезисе салтовской культуры» (1951), «Вопросы происхождения булгар» (1953), «Кочевые племена в степной полосе Восточной Европы» (1958), статьи в БСЭ о салтовской культуре, хазарах и Хазарском каганате и ряд других публикаций.

В 1949 г. Н. Я. уже был младшим научным сотрудником ИИМК. В дальнейшем вся его жизнь будет связана с институтом, как можно проследить по документам из личного дела. Здесь он пройдет путь от младшего (с 1949) до главного научного сотрудника (с 1988). В мае 1955 г. Постановлением Президиума АН СССР ему будет присвоено звание старшего научного сотрудника (по должности с. н. с. сектора неолита и бронзового века ИИМК по специальности «первобытная археология»). Он станет ученым секретарем ИИМК/ИА (1956–1961) и будет освобожден от этой должности в связи с началом экспедиции в Египте и последующими длительными зарубежными командировками. С тех пор он останется старшим научным сотрудником сектора неолита и бронзы, в дальнейшем будет его заведующим (1973–1988), а также руководителем группы зарубежной археологии (1961–1976; 1989–2006), в 1997 вошедшей в состав отдела теории и методики ИА РАН[27]. До ухода на пенсию в мае 2011 г. Н. Я. будет главным научным сотрудником этого отдела. Параллельно с основными должностями он привлекался к ответственной работе: член Полевого комитета[28], ответственный секретарь редакции II тома «Истории СССР» и ряда других изданий АН СССР; ответственный секретарь и член редколлегий «Кратких сообщений института археологии» и «Российской археологии»; член Ученого совета института (сначала по должности как ученый секретарь, потом будет постоянно избираться), а также и диссертационного совета ИА.

Все это время и до начала 2000-х гг. Николай Яковлевич активно участвовал в археологических экспедициях. Он приобрел не только опыт археолога-полевика, владеющего методикой исследования различных типов памятников, но и реализовал организаторские способности: прошел путь от рабочего на раскопе до начальника крупной экспедиции. В ходе полевых исследований Н. Я. имел возможность получить представление о материалах археологических культур от энеолита до Средневековья как в России, так и за рубежом. Это обстоятельство обусловило широту научных интересов Н. Я. и многообразие тематики его научных публикаций.

Мы уже упоминали, что еще в 1930-х гг. будущий археолог работал на раскопках курганов вятичей в Подмосковье. За время учебы в МГУ участвовал в небольших археологических разведках на окраинах (того времени) Москвы и ближайшем Подмосковье под руководством С. В. Киселёва (лето 1942), снова в раскопках славянских курганов (Царицыно, 1944). Тогда же, в 1944 г., студенты кафедры под руководством Б. Н. Гракова проводили обследования территории Украины близ Никополя в рамках работы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Так, пусть и в тяжелой обстановке, но все же состоялось знакомство со скифскими памятниками: Солохой, Каменским городищем и др. В 1945 г. имели место упомянутые выше раскопки в Пантикапее (Керчь), в 1946 г. – вновь раскопки вятичских курганов (у с. Беседы Московской области, рук. А. В. Арциховский).

В этом же году выпускник МГУ Н. Я. Мерперт получил свой первый открытый лист. Это были раскопки Лефортовского дворца (отчет хранится в НА ИА РАН: Ф-1. Р-1. № 98). Форма была сразу 1-я, видимо, потому, что у исследователя уже был значительный опыт раскопок. Сразу скажем, что всего Н. Я. получил 13 открытых листов: на работы в Самарской (тогда Куйбышевской – 1950–1953, 1955), Ульяновской (1951–1955), Сталинградской и Астраханской областях (1957), Татарской (1954) и Чувашской АССР (1957–1959) и на Кавказе (Чечено-Ингушская АССР – 1959 и 1960 гг.). Относительно малое количество открытых листов удивлять не должно: во-первых, с 1961 г. Николай Яковлевич участвовал только в зарубежных экспедициях, во-вторых, это листы «широкого профиля», выдававшиеся не на памятники, а на целые районы. Тогда это была обычная практика, особенно для начальников отрядов и экспедиций, а именно в таких статусах и работал Н. Я. с 1950 г. В области полевой археологии сам археолог Н. Я. Мерперт считал себя учеником А. В. Арциховского и В. Д. Блаватского (*Мерперт*, 2011. С. 75).

---

[26] Протокол заседания ученого совета ИИМК от 10.01.1950 в личном деле.

[27] См.: Институт археологии…, 2000. С. 158; *Коробов*, 2019. С. 90.

[28] Ныне научный экспертный совет при отделе полевых исследований ИА РАН.

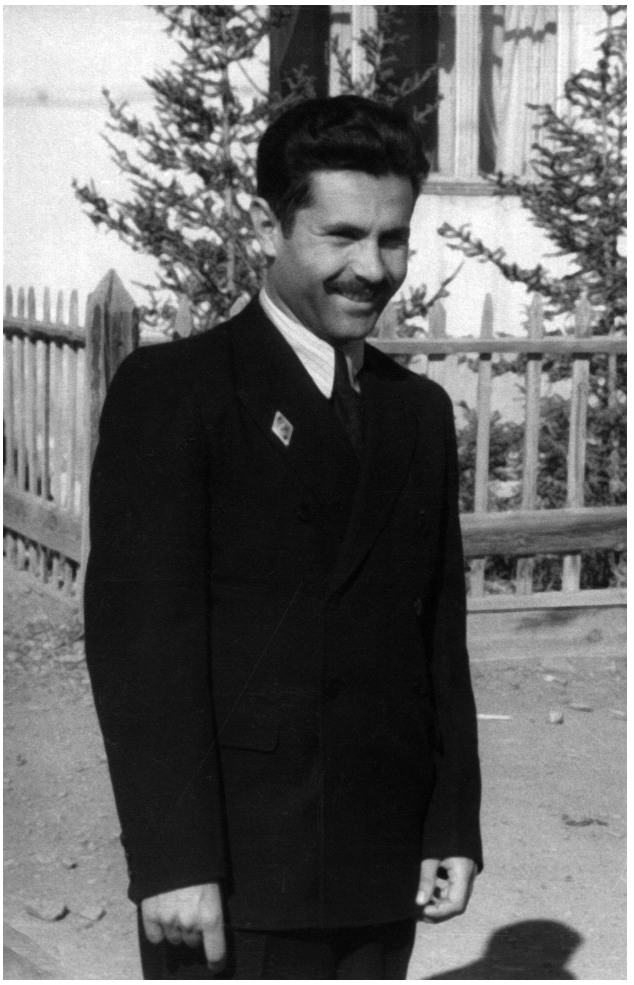


Рис. 5. Н. Я. Мерперт в Монголии, 1949 г.
(© из личного архива Н. Я. Мерперта)

Вернемся немного назад. В 1947 г. Н. Я. под руководством А. В. Арциховского участвовал в раскопках Великого Новгорода. Попав туда через 6 лет после трагического лета 1941 г., он как бы вновь окунулся в страшную атмосферу начала войны. Тяжело читать в мемуарах страницы, где он пишет, как узнавал очертания тогда еще сохранившихся окопов и могилы людей, с которыми его связала война. Но молодой ученый смотрел в будущее с оптимизмом. В экспедиции он вел самостоятельные раскопки шурфа в Софийском соборе и небольшой раскоп в левобережной части города[29].

В 1948–1949 гг. вместе с С. В. Киселёвым и Л. А. Евтюховой молодой археолог Н. Я. Мерперт (рис. 5) работал в Монголии (раскопки Каракорума[30]). Еще в университете он участвовал в семинаре С. В. Киселёва по методике городских раскопок, имел и практический опыт (Новгород). За работу в Монгольской экспедиции Н. Я. получил премию Президиума АН СССР (из автобиографии 1949 и 1950 г.). Это была его первая зарубежная экспедиция, положившая начало всем последующим. Сам он тогда очень сомневался, что его выпустят за границу (*Мерперт*, 2011. С. 135). По опыту знаем, что при советской власти был очень жесткий контроль «компетентных органов» за подобными поездками с любой целью, а отец Н. Я. до событий октября 1917 г. был кадровым офицером. Научная судьба молодого ученого могла сложиться совершенно иначе, если бы тогда выезд не состоялся. Но Монголия – не Европа, работать там было трудно, желающих едва ли было много, а налаживание всевозможных связей с этой страной тогда отвечало политическим интересам СССР. Возможно, поэтому критерии допуска были менее жесткими[31]. Та же политика положила конец экспедиции – началось резкое ухудшение отношений СССР с Китаем.

В 1950 г. Н. Я. вновь работал с Б. А. Рыбаковым. Это был Северо-Донецкий отряд Славянской экспедиции ИИМК в составе: Рыбаков – начальник, Мерперт – научный сотрудник. Проведены разведки в верховьях Северского Донца, выявлены памятники салтово-маяцкой (что тогда очень соответствовало научным интересам Н. Я.); роменской культур и древнерусские памятники XI–XIII вв. (это уже по тематике самого Рыбакова).

В том же 1950 г. началось сооружение ГЭС на Волге: Куйбышевской и Сталинградской. Предполагались огромные зоны затопления и срочно нужны были предварительные археологические исследования[32]. В связи с этим в ИИМК АН СССР была образована Куйбышевская экспедиция (1950–1955) под руководством А. П. Смирнова[33]

[29] Пребывание Николая Яковлевича в Новгороде отразилось в исполняемом до сих пор экспедиционном фольклоре.

[30] Столица Монгольской империи в 1235–1260 гг., основанная Чингисханом.

[31] Показательна начавшаяся с этой экспедиции зарубежная деятельность Н. Я. (экспедиции, участие в научных форумах, научный туризм). Только с 1948 по 1981 г. он выезжал в другие страны 43 раза (из личного дела: листок по учету кадров, заполненный им собственноручно в 1982 г.).

[32] Напомним, что в 1934 г. было принято Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об охране археологических памятников», согласно которому предварительные исследования были необходимы. Более того, финансировать их должны были строительные организации (*Сорокина*, 2015). Это Постановление знаменовало начало охранной археологии в СССР.

[33] Об А.П. Смирнове см.: Институт археологии…, 2000. С. 215–218.

(*Зеленцова*, 2019. С. 178–182). Здесь следует сказать о принципах работы этой экспедиции, заложенных Смирновым и оказавших влияние на всех работавших в ней археологов. Дело в том, что и в то время (а часто и гораздо позже) начальник экспедиции, как правило, являлся единственным держателем открытого листа, что давало ему право на единоличную публикацию материалов. Научный отчет тоже обычно подписывался только его именем. Остальные сотрудники, какими бы хорошими специалистами они ни были, оставались «за кадром». Не так было у А. П. Смирнова. В экспедиции каждый начальник отряда был самостоятельным исследователем, писал отчет и публиковал материал (Труды…, 1954). Такой демократизм, безусловно, способствовал научному росту молодых археологов. Все годы работы экспедиции Николай Яковлевич был начальником 2-го отряда, а с 1951 г. – заместителем начальника экспедиции. Тогда же он стал ученым секретарем Комиссии ИИМК по работам на великих стройках коммунизма (автобиография 1953 г.). Председателем был А. П. Смирнов. И тут вспомним, что знакомы они были еще с 1936 г. – А. П. участвовал в конференции кружка Дворца пионеров по результатам первых раскопок, в которых принимал участие школьник Мерперт. Более тесно общались с 1946 г.: А. П. приезжал на раскопки вятичских курганов в с. Беседы, в которых Н. Я. принимал участие, будучи студентом (см. выше). Впоследствии их связывала многолетняя дружба. Представляется, что неслучайно именно Николай Яковлевич был привлечен к работе в Куйбышевской экспедиции. Инициатором, вероятно, был сам Алексей Петрович. Н. Я. в ходе работ своего отряда надеялся найти материалы салтовского типа, но «обилие и яркость памятников бронзового века увлекло и поглотило» его (*Мерперт*, 2011. С. 169). В Поволжье он вел раскопки памятников срубной и абашевской (в 1957–1959 гг. в Чувашии) культур эпохи бронзы и, оставив средневековую тематику, занялся этногенезом населения Поволжья.

Еще одним направлением экспедиционной деятельности Н. Я. стал Северный Кавказ (Чечено-Ингушская АССР, 1956, 1959–1960). Здесь он в 1956 г. участвовал в разведке по приглашению ведущего в то время кавказоведа Е. И. Крупнова, а в 1959–1960 гг. исследовал Мекенские курганы и поселение Сержень-Юрт с Р. М. Мунчаевым, с которым потом долгие годы будет работать в Месопотамии.

В 1957 г. уже очень опытный полевик и организатор Н. Я. Мерперт сменил К. Ф. Смирнова в должности начальника Сталинградской экспедиции и впервые познакомился с памятниками ямной культурно-исторической общности. Именно изучение процесса первичного освоения степей и взаимодействия древнейших кочевников и раннеземледельческих культур стало основным научным направлением для ученого в 50-е и 60-е годы. Тема докторской диссертации, защищенной в 1968 г., – «Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III – начало II тыс. до н. э.). Это уже четвертый, во многом неожиданный для самого Н. Я., но очень значимый поворот его научного пути.

С начала 1960-х гг. и по начало 2000-х неутомимый исследователь работает в зарубежных экспедициях АН СССР/РАН: в Египте и в Судане (1961–1963); в Болгарии в качестве соруководителя Болгаро-Советской, потом Болгаро-Российской экспедиции (с 1961 по 1997 г.); в Ираке (с 1969 по 1980 г.); в Сирии (с 1988 по 2003 г.) (рис. 6). Это последние перемены направления его научных интересов. Поразительно, как глубоко вникал он в контекст каждой темы, которой занимался в разные периоды своей долгой жизни. Наиболее весомый вклад в изучение проблем энеолита и эпохи бронзы, как представляется, связан с многолетними исследованиями Николая Яковлевича в Болгарии и на Ближнем Востоке. Этому же посвящена и основная часть его публикаций, более 80 из которых изданы за рубежом (в Болгарии, Великобритании, Венгрии, Германии, Италии, Ираке, Румынии, Сирии, США, Франции, Чехословакии).

В настоящей статье мы сознательно не будем описывать зарубежные полевые и исследовательские труды Николая Яковлевича. Это уже сделал он сам и коллеги, работавшие с ним бок о бок в Болгарии и Месопотамии (*Мерперт*, 2011; *Мишина*, 2019; *Мунчаев*, 2014, 2019а). Нам были интересны в первую очередь более ранние периоды жизни, когда проходило становление его личности как ученого и человека. Они же и менее известны ученикам и коллегам.

В заключительной части отметим, что столь плодотворная работа на ниве советской, российской и зарубежной археологии была по достоинству оценена. В 1970 г. Н. Я. был награжден болгарским орденом «Кирилл и Мефодий» 1-й степени и Большой медалью святого Климента Охридского (Болгария)[34].

[34] Из характеристики Н. Я. к аттестации 2001 г. Год награждения медалью не указан.

Рис. 6. Н. Я. Мерперт на раскопках комплекса Тель-Хазна (Сирия), 2003 г.
(© из личного архива Н. Я. Мерперта)

В 1996 г. ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», а в 1999 г. он был удостоен Государственной премии за цикл трудов «Древняя история и культура Месопотамии VII–IV тыс. до н. э.» (совместно с О. Н. Бадером и Р. М. Мунчаевым). Был он и членом ряда зарубежных научных обществ и институтов: Археологического общества Югославии (1966), членом-корреспондентом Германского археологического института (1976), президентом Международного совета по фракологии и индоевропеистике (1988), почетным иностранным членом Института фракологии Болгарской АН (1997). Состоял в редакционных советах международных периодических изданий в Англии, Болгарии и Италии.

И, наконец, последнее. Огромен вклад ученого в подготовку кадров археологов. Раздел под названием «Педагогическая деятельность» в мемуарах Николая Яковлевича один из самых коротких (*Мерперт*, 2011. С. 367–376) и посвящен в основном характеристике работ некоторых его аспирантов как в области эпохи бронзы на территории России, так и по месопотамской тематике. Но начало было положено чтением лекций студентам. Первый опыт относится к 1955 г. Это время работы Н. Я. в Поволжье, в Куйбышевской экспедиции. Он подолгу бывал в Ульяновске, где занимался разбором коллекций, и был приглашен для чтения курса «Введение в археологию» в Ульяновский педагогический институт. Основой послужил аналогичный курс, читавшийся с 1937 г. в МГУ заведующим кафедрой археологии профессором А. В. Арциховским[35]. Он включал и археологию зарубежных стран. После Великой Отечественной войны курс был переработан автором и освещал уже только археологию СССР. Именно довоенную версию и предпочел Н. Я. В этом виден перст судьбы ученого: в дальнейшем зарубежная археология станет основной стезей его научной деятельности и обеспечит ему мировое признание.

Позже Николай Яковлевич и сам преподавал студентам МГУ. Его пригласил А. В. Арциховский после скоропостижной кончины в 1962 г.

[35] Эти лекции были изданы: в 1938 г. стеклографическим способом на правах рукописи, в 1940–1941 гг. – книгой (*Кантторович*, 2022. С. 288–300).

С. В. Киселёва, читавшего на кафедре археологии лекции по эпохе бронзы. Согласно имеющейся в личном деле справке из деканата истфака МГУ, в 1965–1970 гг. Н. Я. вел спецдисциплину «Бронзовый век» (68 часов) и спецкурсы «Бронзовый век Средиземноморья» и «Бронзовый век Ближнего Востока» (по 36 часов), а также параллельно – спецсеминары по эпохе бронзы для студентов IV–V курсов. Под его руководством защитили дипломы 15 студентов и диссертации – 3 аспиранта. Немалая, как видим, преподавательская нагрузка.

Своим первым аспирантом в ИИМК Н. Я. называет Ю. А. Краснова[36], закончившего аспирантуру и защитившего диссертацию в 1966 г. Но в личном деле имеются документы 1963 г. о «временно в порядке исключения» назначении Н. Я. Мерперта научным руководителем аспиранта В. С. Стоколоса (Коми АССР)[37]. Напомним, что в то время Н. Я. еще не защитил докторскую диссертацию, а назначение руководителем кандидата наук, видимо, и рассматривалось как то самое «исключение». Так что первым аспирантом мог быть Стоколос. Очевидно, Н. Я. справился с задачей, так как все последующие годы учеников у него было много. Всего же до 2005 г. состоялись защиты кандидатских диссертаций 44 аспирантами, в том числе из Вьетнама, Иордании, Нигерии, Румынии (*Мерперт*, 2011. С. 369). Многие из них впоследствии стали докторами исторических наук. За плодотворную педагогическую деятельность еще в 1974 г. Николай Яковлевич получил звание профессора.

С середины 1990-х гг. появилась возможность реализовать еще одну стезю многогранной деятельности Н. Я. Речь идет о библейской археологии. Ученый и педагог начал преподавать эту дисциплину в Библейско-богословском институте им. Святого Апостола Андрея Первозванного[38] и трудился на этом поприще около 10 лет. Переработанный курс был издан в 2000 г. как учебное пособие для богословских учебных заведений (*Мерперт*, 2000). В начале 2000-х и до почти последних лет своей жизни Н. Я. читал этот цикл лекций в Католическом институте истории, теологии и философии им. Фомы Аквинского[39]. Часть его включена в монографию, написанную в соавторстве с Л. А. Беляевым[40]. Важно отметить, что до 1990-х подобный курс не читался даже в богословских учебных заведениях России. Таким образом, в этой области Н. Я. выступил как первопроходец и в преподавании, и в написании учебного пособия.

В ноябре 2022 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Николая Яковлевича Мерперта, а в январе этого же года – 10 лет, как его нет с нами (он скончался 29.01.2012). Время осознать его роль в отечественной и зарубежной археологии. Он был одним из последних (если не последним) ученых-энциклопедистов. Немногим удается оставить столь заметный след в науке. Его исследования, в том числе самые ранние, актуальны и поныне. Научные труды еще долго будут востребованы археологическим сообществом, многочисленные ученики успешно продолжают его дело.

Литература

Беляев Л. А., Мерперт Н. Я., 2007. От библейских древностей к христианским: Очерки археологии эпохи формирования иудаизма и христианства. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы. 392 с.

Зеленцова О. В., 2019. Куйбышевская экспедиция // Институт археологии РАН: 100 лет истории / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 178–182.

Институт археологии сегодня / Отв. ред. А. В. Кашкин. М.: ИА РАН, 2000. 256 с.

Институт археологии: история и современность / Ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2000. 271 с.

Канторович А. Р., 2009. Заметки о преподавательской деятельности В. А. Городцова в Московском университете // Хорошие дни: памяти

[36] Краснов Ю. А. (1931–2000), д. и. н. В Институте археологии АН СССР/РАН руководил отделом новостроечных и хоздоговорных экспедиций (1974–1984) и отделом археологических сводов и карт (1989–2000).

[37] Стоколос В. С. (1930–2013), д. и. н., видный уральский археолог, работал в Институте языка, литературы и истории Коми научного центра АН СССР/РАН.

[38] Основан в 1995 г. в Москве, имеет статус высшего учебного заведения.

[39] Основан в 1991 г. в Москве для обучения студентов и повышения квалификации специалистов. Основное направление института – религиоведение.

[40] *Беляев, Мерперт*, 2007.

Александра Степановича Хорошева / Отв. ред. А. Е. Мусин. Великий Новгород; М.: ЛеопАрт. С. 309–313.

Канторович А. Р., 2022. Лекционные курсы А. В. Арциховского на историческом факультете МГУ как один из важнейших этапов археологического образования // Очерки истории отечественной археологии. Вып. VI. М.: ИА РАН. С. 288–300.

Коробов Д. С., 2019. Отдел теории и методики // Институт археологии РАН: 100 лет истории / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 85–94.

Мерперт Н. Я., 1947. К вопросу о происхождении гладиуса. М.: Изд-во МГУ. 14 с.

Мерперт Н. Я., 1951. Фанагорийские черепицы из раскопок 1938 г. // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху / Ред.: В. Д. Блаватский, Б. Н. Граков. М.: Изд-во АН СССР. С. 227–225. (МИА; № 19).

Мерперт Н. Я., 1994. Памяти Владислава Всеволодовича Кропоткина (1922–1993) // РА. № 1. С. 243–248.

Мерперт Н. Я., 2000. Очерки археологии библейских стран. М.: Библейско-богослов. ин-т. 355 с.

Мерперт Н. Я., 2011. Из прошлого: далекого и близкого. Мемуары археолога. М.: Таус. 393 с.

Мишина Т. Н., 2019. Болгаро-Советская экспедиция // Институт археологии РАН: 100 лет истории. М.: ИА РАН. С. 134–137.

Мунчаев Р. М., 2014. Выдающийся российский археолог Николай Яковлевич Мерперт (к 90-летию со дня рождения) // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии: сб. к 90-летию со дня рождения и памяти Н. Я. Мерперта. М.: ИА РАН. С. 19–24.

Мунчаев Р. М., 2019а. Археологическая экспедиция в Месопотамии // Институт археологии РАН: 100 лет истории. М.: ИА РАН. С. 129–133.

Мунчаев Р. М., 2019б. Н. Я. Мерперт (1922–2012) // Институт археологии РАН: 100 лет истории. М.: ИА РАН. С. 269–271.

Сорокина И. А., 2015. Археология в законодательстве первых десятилетий советской власти // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 17, № 3, ч. 2. С. 587–591.

Труды Куйбышевской археологической экспедиции / Отв. ред. А. П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 508 с. (МИА; № 42).

Сведения об авторе

Сорокина Ирина Анатольевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия;
e-mail: iasorokina@yandex.ru

https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-426-5.23-39

РОЛЬ Н. Я. МЕРПЕРТА В РАЗВИТИИ УРАЛО-ПОВОЛЖСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Н. Л. Моргунова, М. А. Турецкий

Резюме. Статья посвящена 100-летнему юбилею Николая Яковлевича Мерперта (1922–2012), выдающегося советского и российского археолога, доктора исторических наук, заслуженного деятеля наук Российской Федерации (1996), лауреата Государственной премии Российской Федерации в области науки (1999). Рассмотрены важнейшие этапы его научной и экспедиционной деятельности в Поволжско-Приуральском регионе. Показана роль Н. Я. Мерперта в работе Куйбышевской археологической экспедиции (1950–1956), одним из руководителей которой он был на протяжении 7 сезонов. Отмечен вклад в изучение срубной и ямной культур, его работы не потеряли актуальность и значение до настоящего времени.

Ключевую роль сыграл Н. Я. Мерперт в становлении урало-поволжской археологии в 70–80-е годы прошлого столетия. Он принимал активное участие в конференциях в Куйбышеве, Оренбурге, Челябинске, был ответственным редактором большого количества научных сборников, издававшихся в этих городах, вдохновителем многих исследований в степных районах Поволжья, Приуралья и Зауралья. Под научным руководством Н. Я. Мерперта были защищены 12 кандидатских диссертаций исследователей из Поволжья и Урала.

Ключевые слова: Николай Яковлевич Мерперт, урало-поволжская археология, научные конференции, сборники научных трудов, кандидатские диссертации.

История отечественной археологии богата именами блестящих исследователей, благодаря которым она заняла достойное место в мировой науке. Среди выдающихся отечественных археологов Николаю Яковлевичу Мерперту (1922–2012 гг.) принадлежит особая роль. Оценка его роли в истории нашей науки многократно давалась еще при жизни ученого и сразу после его ухода (*Качалова, Васильев*, 1983; *Мунчаев*, 2002а; 2002б; 2014; *Мунчаев, Пряхин*, 2003; *Мунчаев, Кузьминых*, 2003; *Васильев*, 2003; *Моргунова*, 2012; 2014; *Мэллори*, 2014). Авторы данной статьи благодарны судьбе, что довелось быть его учениками, общаться с ним многие годы – на конференциях и в аспирантуре в Институте археологии РАН в Москве, защищать диссертации под его научным руководством.

Научные достижения Н. Я. Мерперта были определены как его природным талантом, необычайной исследовательской интуицией и даром предвидения, так и беспримерной работоспособностью и трудолюбием, эрудицией, научной честностью и порядочностью, бесконечной преданностью науке. Причем Николай Яковлевич никогда не показывал какое-либо свое превосходство или считал свое мнение единственно правильным. Как истинный интеллигент, он очень доброжелательно и уважительно относился к другим исследователям и вообще ко всем окружавшим его людям независимо от их должности или социального статуса. Он всегда приветствовал какие-либо начинания, в то же время всегда проявлял принципиальность, при этом уважая точки зрения коллег.

Вероятно, Николай Яковлевич, как и все мы, не был лишен каких-то слабостей и недостатков, известно, что он ошибался в людях, что его не только предавали, но и достаточно грубо мешали ему в осуществлении значимых для развития археологии дел. Переживаний и трудностей в его жизни хватало. Но он был очень добрым и умеющим прощать человеком, он никогда не давал волю своим эмоциям, не растрачивал время на пустяшные разговоры и тем более интриги, каковых в научных кругах хватает. Для него всегда был важен результат, так как сам он всегда был на переднем крае больших дел,

[1] Исследование проведено при поддержке гранта РНФ: проект № 23-68-10006 на тему «Этнокультурные процессы в бронзовом и раннем железном веке в свете междисциплинарных исследований в Южном Приуралье».

и результат этих дел должен был иметь значение не только для него самого, но и для всей отечественной археологии.

Все эти, очень редко собранные в одном человеке, положительные качества, безусловно, способствовали его становлению как выдающегося ученого. Но уже в 50-е гг. он успешно совмещает научную деятельность с руководящей и общественной работой: ответственной работой ученого секретаря Института (1956–1961 гг.), а затем с руководством одним из крупных академических подразделений – сектором неолита и бронзового века Института археологии АН СССР (1973–1988 гг.) и группы зарубежной археологии (1961–1980, 1989–2006 гг.). Следует при этом заметить, что в те годы секторы Института являлись головными центрами, где соединялись усилия ученых всей страны по изучению соответствующих проблем. На этом посту Н. Я. Мерперт становится одним из лидеров и организаторов советской археологии. Будучи его аспирантами тех лет, мы являлись очевидцами достаточно бурной и плодотворной деятельности сотрудников сектора. Совершались большие экспедиции и масштабные раскопки интереснейших объектов археологии в Приладожье и в центральных областях России, в Сибири, на Кавказе, в Ираке и в Болгарии; осуществлялась сложная работа по подготовке томов «Археология СССР» и других обобщающих трудов; еженедельно организовывались выступления с докладами и отчетами по плановым темам как сотрудников института, так и многих ученых из других научных центров страны; проходили интереснейшие обсуждения и дискуссии самых разных проблем изучения древней истории и археологии. И надо отметить, что вокруг Н. Я. Мерперта всегда объединялись люди, которые были преданы, как и он сам, археологии. Достаточно вспомнить имена ученых сектора тех лет, классиков российской археологии: О. Н. Бадер, Д. А. Крайнов, А. А. Формозов, С. В. Ошибкина, В. И. Марковин, М. Ф. Косарев, В. П. Шилов, В. С. Титов, М. А. Дэвлет, Е. Е. Кузьмина, Т. М. Потемкина, В. Ф. Старков, Г. Н. Матюшин и многие другие, а также многочисленные аспиранты. Заметим, что некоторые из перечисленных сотрудников пришли на работу в сектор из Урало-Поволжского региона и продолжали там полевые исследования.

Выделению и признанию Николая Яковлевича Мерперта как видного деятеля и руководителя науки, на наш взгляд, способствовало его главное качество – ***он по своему воспитанию и закалке был человеком с государственным мышлением, истинный гражданин и патриот своей страны, с твердыми убеждениями и твердой гражданской позицией.*** И в итоге вполне заслуженно он получил высокое звание «Заслуженный деятель науки РФ» и Государственную премию Российской Федерации в области науки. Заслуженно, потому что он жил, как это требовало его время, и делал все, что мог, – и для людей, и для науки, и для страны. О таких людях в советское время говорили: Настоящий Коммунист и Настоящий Человек. В воспоминаниях о своем близком друге, коллеге и единомышленнике Р. М. Мунчаев отметил, что гражданская позиция Мерперта была всегда четкой и ясной, отличалась истинным гуманизмом и подлинным интернационализмом (*Мунчаев*, 2014. С. 24).

В данной статье авторы ставят задачу раскрыть на конкретных примерах эту важнейшую грань личности ученого.

Государственный подход к служению науке отражен в огромном вкладе Н. Я. Мерперта в археологию таких стран, как Египет, Ирак, Сирия, Болгария. Помимо научных целей, без сомнения, Николаем Яковлевичем ставились и более глобальные задачи укрепления культурных и добрососедских связей с этими странами. И, как хорошо известно, эти задачи успешно решались (*Мунчаев*, 2014; *Мэллори*, 2014). Поэтому из отечественных археологов Н. Я. Мерперт был наиболее авторитетным в мировой археологии, он участвовал в зарубежных конференциях, его охотно издавали в европейских и американских журналах. Но это была не самоцель, а стремление поднять престиж советской археологии.

И в силу своей должности в Институте археологии АН СССР, и по своей душевной потребности он очень много сделал для организации археологических центров в стране, в том числе в Урало-Поволжском регионе, где в полной мере он проявил свой талант и как исследователь, и как организатор науки.

Мы полагаем, что в судьбе Н. Я. Мерперта одним из поворотных, судьбоносных моментов в его научном и служебном росте оказалось назначение в 1950 г. на должность заместителя начальника Куйбышевской археологической экспедиции и руководителя ее второго отряда (рис. 1). Ему на ту пору было только 27 лет. Куйбышевская ГЭС была одной из грандиозных строек в каскаде гидроэлектростанций на Волге, имевших цель восстановления экономики страны. Перед археологами стояла весьма ответственная задача государственной важности. Под затопление водохранилищами уходили огромные площади. Под руководством Алексея Петровича Смирнова на протяжении 7 полевых сезонов (1950–1956 гг.) Николай Яковлевич работал на Вол-

ге. Как вспоминал он сам, именно в эти годы им был получен большой опыт полевых исследований большими площадями на памятниках бронзового века (*Мерперт*, 2011). Дар организатора и железный характер ученого, получивший закалку еще на фронтах Великой Отечественной войны, а также отличная школа, пройденная Николаем Яковлевичем в студенческие годы на раскопках в Великом Новгороде, затем под руководством С. Н. Киселева и Л. А. Евтюховой в Монголии, позволили справиться с нелегкими задачами.

Следует заметить, что до начала работ КАЭ археологов в Куйбышевской области практически не было. Ранее, с 1919 по 1929 г., археологические работы в Самарской губернии активно проводились членами Самарского общества археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском государственном университете под руководством известного советского археолога Веры Владимировны Гольмстен. Однако в начале 50-х гг. в Куйбышеве археологией занимались только сотрудники Куйбышевского областного музея краеведения Н. В. Бакшаев и К. Н. Муромцева, которых Н. Я. Мерперт привлек для работы в своем отряде (*Сташенков*, 2011. С. 17). Кроме этого, Н. Я. Мерперт встречался с ленинградским археологом Б. А. Латыниным, проживавшим в ссылке в начале 50-х гг. в г. Сызрань. Именно Б. А. Латынин посоветовал Н. Я. Мерперту начать исследования в районе Ставрополя на Волге (ныне г. Тольятти), в окрестностях сел Ягодное и Хрящевка (*Сташенков, Кочкина*, 2008. С. 30). Знаменательно, что в отряд Н. Я. Мерперта вошли тогда начинающие, а впоследствии такие известные ученые, как Р. М. Мунчаев, Э. А. Федорова-Давыдова, Л. П. Зяблин.

Н. Я. Мерперт провел уникальные раскопки ряда курганов и поселений срубной культуры в Ставропольском районе Куйбышевской области и Чердаклинском районе Ульяновской области. Несмотря на объективные трудности послевоенного периода и недостаток времени, раскопки были проведены на высочайшем методическом уровне.

Под его руководством были исследованы десятки курганов, сотни погребений различных эпох от ранней бронзы до средневековья и несколько крупных поселений бронзового века. Такие памятники, как курганные группы у сел Ягодное, Хрящевка, Светлое Озеро, Кайбелы, поселения на реке Сускан, стали эталонными для изучения местных археологических культур. Работать в это тяжелое, послевоенное время приходилось в спартанских условиях. Глядя на цифры по числу раскопанных

Рис. 1. 1950 г. – Н. Я. Мерперт на раскопках у с. Ягодное в Куйбышевской области

объектов, поражаешься прежде всего масштабам работ. На Сускáнском поселении, где мощность культурного слоя колебалась от 0,7 до 1,5 м, было исследовано 3000 кв. м, изучены 2 жилища-полуземлянки (24×14 м), колодцы, хозяйственные ямы и очаги. В курганных могильниках у сел Ягодное, Хрящевка, Кайбелы и др. раскопано более 30 курганов, вскрыто более 200 погребений. При этом курганы раскапывались вручную, когда некоторые из них достигали до 30–40 м в диаметре. В раскопках помогали местные жители, в свою очередь, отряд Н. Я. Мерперта оказывал поддержку людям, так как приходилось целые деревни переносить из прибрежной полосы на более высокие места и спасать от затопления. Для этих целей постоянно использовалась экспедиционная полуторка (*Мерперт*, 2011. С. 176).

Но поразительно и другое, что даже в наше время не всегда сопутствует масштабным хоздоговорным исследованиям. Это безупречная методика работ начиная от раскопок и заканчивая полной публикацией всех полученных материалов в изданных четырех томах Трудов Куйбышевской археологической экспедиции из серии «Материалы и исследования по археологии СССР». Важной чертой методики

Н. Я. Мерперта, в целом классической как для того, так и для нашего времени, являются раскопки поселений большими площадями с полным исследованием жилищ, точной фиксацией находок и различных объектов на плане и в профиле, с детальными прорисовками, описанием и фотофиксацией. Уникальны последующие всесторонние и своевременные публикации полученных материалов, снабженных высококачественными чертежами, рисунками, реконструкциями, фотографиями, антропологическими (Г. Ф. Дебец) и остеологическими (В. И. Цалкин) определениями.

Фактически все статьи исследователя по материалам его раскопок на Волге являются крупными монографиями как по объему, так и по содержанию. Вспомним, что до работ на Волге Николай Яковлевич занимался археологией эпохи средневековья и защитил кандидатскую диссертацию по салтово-маяцкой культуре. Однако в работах по результатам раскопок на Волге, которые до настоящего времени являются настольными книгами для специалистов по данному направлению, им дана глубокая интерпретация материалов срубной культуры бронзового века с опорой на все предшествующие и современные ему работы, предложена ее периодизация (*Мерперт*, 1954; 1958).

Несмотря на последующее значительное увеличение раскопанных памятников срубного типа, как курганов, так и поселений, материалы Н. Я. Мерперта, полученные более 70 лет назад, остаются наиболее результативными. Объяснение их востребованности нам видится достаточно простым. Оно заключается в безупречной честности ученого, в полной мере исполнившего свой научный долг, – от тщательности применения полевой методики раскопок до полной публикации полученных материалов с глубочайшим их осмыслением.

В 1957 г. Н. Я. Мерперт получил новое назначение на должность начальника Сталинградской экспедиции, где он совместно с В. П. Шиловым и И. В. Синицыным продолжил раскопки курганов в Поволжье, в том числе относящихся к ямной культуре, у с. Быково. А за год до этого он посетил по приглашению Е. И. Крупнова Предкавказье и, в частности, познакомился с рядом памятников майкопской культуры. Так, Н. Я. Мерперт в полной мере связал все свое последующее творчество в археологии со степной тематикой по бронзовому веку. Мы полагаем, что именно работая в Нижнем Поволжье, Николай Яковлевич обращается к главной теме своих исследований – проблематике древнеямной культуры. Почему в те годы он не стал далее развивать срубную тему в докторской диссертации? Видимо, была не одна причина. Но можно предположить, что в материалах ямной культуры Волго-Уралья ученый увидел возможность их обобщения на огромной территории в связи археологическими данными на южных и западных направлениях, а также обратиться к проблемам распространения производящего хозяйства и металлопроизводства в степной зоне Восточной Европы. На наш взгляд, в этом вопросе, как и всегда, ученый проявил дальновидность и прозорливость, поскольку в дальнейшем проблема взаимодействия степных культур и раннеземледельческих культур Передней Азии, Ближнего Востока и Балкано-Дунайского региона становится очень актуальной. Однако, чтобы подойти к суждениям по этой проблеме, вначале следовало представить степные культуры бронзового века в обобщающих работах. А таких работ на начало 60-х годов не было.

Разработке ямной проблематики в исследованиях Н. Я. Мерперта способствовало и то обстоятельство, что по окончании Великой Отечественной войны раскопки ямных курганов стали производиться по всей степи – от Поднепровья до Приуралья. Они связаны с именами выдающихся исследователей – Б. Н. Гракова, О. А. Кривцовой-Граковой, И. В. Синицына, В. Н. Даниленко, Д. Я. Телегина, В. П. Шилова, К. Ф. Смирнова, С. Н. Братченко, О. Г. Шапошниковой, А. Т. Синюка, В. Я. Кияшко и многих других. Особое значение приобрело открытие и масштабное исследование Михайловского поселения на Днепре и Хутора Репин на Дону. Многие из этих исследований были проведены наряду с восстановительными и новостроечными работами на Волге, на Дону и в Поднепровье.

Накопление источников и назревшая необходимость пересмотра взглядов на историческое содержание ямной культуры, вероятно, и подвигли Н. Я. Мерперта к созданию обобщающей работы первоначально в виде докторской диссертации, а затем монографии, ставшей к нашему времени классическим трудом по бронзовому веку Восточной Европы (*Мерперт*, 1974). Эта работа была своевременной и весьма плодотворной, поскольку на тот момент степные культуры бронзового века со времен классического труда В. А. Городцова практически не изучались; были распространены представления о них в соответствии с концепцией А. Н. Круглова и Г. В. Подгаецкого 1935 г.

Уже в 1959 г. Николай Яковлевич выступил с докладом по проблемам изучения ямной культуры на симпозиуме «Европа в конце каменного века» в Чехословакии (*Мерперт*, 1961а; 1961б). Там со-

стоялось и его знаменательное знакомство с М. Гимбутас, с которой, как он отметил в своих мемуарах, по всем аспектам изучения ямной проблематики у них оказались близкие представления, а научные контакты и взаимное уважение сохранились до конца дней (*Мерперт*, 2011. С. 207–208, 214). В докладе история степных племен бронзового века впервые была обрисована как специфический вариант древних цивилизаций, сыгравших значительную роль в судьбах населения всего евразийского пространства. Можно сказать, что в данном выступлении в тезисной форме уже были изложены все основные положения концепции ученого, в дальнейшем получившие фундаментальное обоснование в докторской диссертации (*Мерперт*, 2011. С. 215–218).

«Древнейшая история степной полосы Восточной Европы (III – начало II тыс. до н. э.)» – трехтомный труд, включавший текст объемом более 1200 страниц и обширное приложение, – это глобальное по территориальному и хронологическому охвату исследование, при этом безупречное с точки зрения тщательности, в соответствии с первоисточниками подачи и использования массового материала (*Мерперт*, 1968). Прежде всего, данный труд является эталоном строгости следования процедуре типологического анализа погребального обряда ямной культуры, что и обеспечило в конечном итоге непогрешимость и долголетие большинства выводов.

А затем был новый поворот в карьере ученого. Н. Я. Мерперт становится одним из руководителей первых зарубежных экспедиций в странах древнейших мировых цивилизаций – это работы в Египте, Болгарии и Ираке. По ходу исследований сложилась твердая убежденность, что южная и степная части Евразии исторически всегда были тесно взаимосвязаны. Впервые эту тему он обозначил в начале 60-х гг. (*Мерперт*, 1965), но особенно четко Н. Я. Мерперт изложил свое мнение по этому вопросу в статье, опубликованной в сборнике «Древний Восток: этнокультурные связи» (*Мерперт*, 1988).

Однако публикации этой статьи предшествовала целая череда событий. С середины 70-х гг., после почти 15-летнего перерыва, Н. Я. Мерперт вновь «возвращается в Поволжье», но в ином качестве.

Дело в том, что в 1969 г. вновь открылся университет в Куйбышеве (ныне – Самара), в котором Г. И. Матвеева создает археологическую группу, а затем хоздоговорную лабораторию. Галина Ивановна, ученица О. Н. Бадера в Пермском ГУ, обладала удивительной энергией и целеустремленностью, из первых же студентов она сумела отобрать настоящих энтузиастов и воспитала целую плеяду будущих археологов, так необходимых региону. Опять же заметим, что после окончания работ КАЭ в Куйбышеве никто из археологов не работал.

Из учеников Галины Ивановны И. Б. Васильев, переехавший вместе с ней из Уфы, не только становится ее верным помощником, но и активным исследователем памятников бронзового века.

В 1972 г. И. Б. Васильев начинает раскопки Утевских курганов. Курганы имели огромные размеры, достигая высоты более 5 м и диаметров до 100 м. Никто не верил, что курганы могли относиться к эпохе бронзы, но в них оказались элитные погребения ямной культуры (*Васильев*, 1980). В 1973 г. был открыт могильник у с. Съезжее на р. Самаре (*Васильев, Матвеева*, 1979). Открытия столь значимых памятников не могли не заинтересовать Н. Я. Мерперта, поскольку они во многом подтвердили его предположения, без сомнения пророческие, но тогда не подтвержденные конкретными материалами энеолита в Поволжье, о происхождении ямной культуры в Волго-Уральском междуречье. В 1974 г., в год выхода монографии «Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья», в Институте археологии на секторе неолита и бронзы, которым тогда руководил Н. Я. Мерперт, состоялся доклад И. Б. Васильева о об уникальных находках в Утевском курганном могильнике и в могильнике у с. Съезжее. И с этого момента внимание Николая Яковлевича к археологии Поволжья и Приуралья становится постоянным.

Сделаем небольшое отступление от изложения очередности событий тех лет. Нам доподлинно неизвестно, но, скорее всего, с подачи и при участии руководства Института археологии во главе с Б. А. Рыбаковым в 1976 г. был принят Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» (в РСФСР – в 1978 г.). Как известно, закон отлично заработал и сыграл важную роль в развитии провинциальной и, в целом, всей советской археологии, особенно в областных центрах, где по статусу не было академических научно-исследовательских институтов. Достаточно отметить, что за очень короткое время, благодаря энтузиазму и краеведов, и преподавателей вузов, в 70-е гг. археологические лаборатории на хоздоговорной основе были созданы во многих областных центрах: Куйбышеве (Самаре), Оренбурге, Волгограде, Саратове, Челябинске, Екатеринбурге и других городах Урала и Поволжья, а также по всей стране.

В Куйбышеве такие лаборатории развернулись сразу в двух вузах на базе исторических факультетов. Н. Я. Мерперт становится как бы куратором

Рис. 2. 1976 г. – Н. Я. Мерперт среди участников конференции в г. Куйбышеве. Слева направо: Э. А. Федорова-Давыдова, Н. Я. Мерперт, Д. А. Крайнов, Н. Н. Яковлев (проф. КГПИ), О. Н. Бадер, С. А. Попов. Фото Н. Б. Виноградова

поволжской археологии. Он не только сам принимал активное участие в работе многих конференций, но и способствовал подготовке кадров, брал под свое руководство аспирантов из Урало-Поволжского региона и привлекал к участию в этой работе всех ведущих специалистов Института археологии по неолиту, бронзе и по другим эпохам.

Возвращаясь к событиям середины 70-х гг., следует отметить особое значение конференции 1976 г. в Куйбышеве (рис. 2). Впоследствии научные конференции (или совещания, как их тогда называли) становятся регулярными, и они сыграли большую роль в становлении самарской, оренбургской и челябинской археологии. И. Б. Васильев упоминает в своем письме к С. В. Кузьминых от 18.05.1975 о том, что Н. Я. Мерперт «… давно говорит о необходимости совещания» по ямной, абашевской и срубной культурам (Письма…, 2006. С. 61). Совещание по проблемам археологии Поволжья и Приуралья состоялось в Куйбышеве в начале февраля 1976 г. и собрало многих ведущих специалистов по проблемам неолита и бронзы со всего Советского Союза (Проблемы археологии Поволжья…, 1976). Н. Я. Мерперт открыл конференцию и сделал обобщающий доклад «Древности Поволжья». В центре обсуждения на этой конференции впервые находились могильники Съезжее и Синташта. Хвалынский энеолитический могильник еще не был известен. Николай Яковлевич тогда всецело оценил перспективы данных открытий для археологии не только Поволжья, но и всей Евразии. С докладом о раскопках комплекса памятников на р. Синташта в Челябинской области выступил В. Ф. Генинг. Это сообщение также представило открытие нового исторического горизонта в андроновской проблематике. Большой вес и значимость данной конференции придало участие таких ученых, как О. Н. Бадер, Д. А. Крайнов, Т. Д. Белановская, Л. Я. Крижевская, Е. Е. Кузьмина, А. Х. Халиков, Д. А. Пряхин и многих других.

В 1977 г. начались раскопки I Хвалынского могильника в Саратовской области (С. А. Агапов, И. Б. Васильев, В. И. Пестрикова), Виловатовского

Рис. 3. 1980 г. Оренбург. Участники совещания по проблемам эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы.
Нижний ряд (слева направо): А. Т. Синюк, Д. Я. Телегин, И. Ф. Ковалева, Т. Д. Белановская, Н. Л. Моргунова, Н. Я. Мерперт, Э. А. Федорова-Давыдова, Л. И. Футорянский, А. Х. Халиков, Е. Е. Кузьмина, А. Д. Пряхин, Л. Я. Крижевская, С. А. Попов, А. А. Выборнов
Второй ряд: И. Б. Васильев, Р. С. Габяшев, Г. Н. Матюшин, С. Н. Заседателева, Л. С. Ильюков, З. П. Марина, В. Ф. Старков, Т. П. Лукьянова, Т. И. Нохрина,???, И. В. Калинина, Г. Н. Синицына, Л. В. Кузнецова, В. Л. Киселев
Третий ряд: В. И. Пестрикова, Н. П. Салугина, Е. М. Беспрозванный, В. С. Горбунов, оренбургские краеведы, Ю. А. Морозов, В. В. Никитин, Г. Г. Пенин, В. Н. Логвин
Верхний ряд: В. С. Мосин, студенты ОГПИ (С. Богданов, Н. Ледяев, С. Чернов), М. Л. Подольский, В. А. Семенов

поселения на р. Самара (И. Б. Васильев, Н. Л. Моргунова, Г. Г. Пенин) и Ивановского поселения в Оренбургской области (Н. Л. Моргунова). Этим открытиям способствовало развитие лабораторий на местах и рост кадров археологов, организация систематических разведочных работ. Новые материалы позволили создать первую схему энеолита степного-лесостепного Поволжья и соединить в единое культурное пространство степные культуры от Урала до Северного Причерноморья, выделить мариупольскую и хвалынско-среднестоговскую общность (*Васильев*, 1981).

Данная концепция явилась новаторской, ее обсуждение находилось в центре совещания «Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы», проходившего в г. Оренбург 19–22 февраля 1980 г. (рис. 3). Конференция привлекла внимание всех ведущих специалистов по энеолиту и бронзовому веку того времени. Программа была насыщенной и по географическому, и по культурно-хронологическому охвату. Николай Яковлевич выступил с пленарным докладом, в котором была дана высокая научная оценка открытиям энеолита в Поволжье и Приуралье. С обобщающими докладами в свете новых открытий выступили И. Б. Васильев, Н. Л. Моргунова и А. А. Выборнов (об энеолите Поволжья и Приуралья); А. Х. Халиков, В. В. Никитин и Р. С. Габяшев (по проблемам лесного энеолита); Д. Я. Телегин, И. Ф. Ковалева, З. П. Марина (о проблемах изучения степного энеолита Северного

Причерноморья и Поднепровья); Т. Д. Белановская и А. Т. Синюк (об энеолите степного и лесостепного Подонья); Л. Я. Крижевская и В. Ф. Старков (о неолите и энеолите Зауралья); Г. Н. Матюшин, Ю. А. Морозов, В. С. Горбунов (об энеолите лесостепных районов Башкирии) и другие. Таким образом, была охвачена соответствующая проблематика практически на всей территории Европейской части СССР с заходом в Зауралье и Казахстан. Материалы выступлений были опубликованы в тезисах до начала конференции, что в то время, за редкими исключениями, не делалось (Проблемы эпохи энеолита…, 1980). А затем под редакцией Н. Я. Мерперта и стараниями И. Б. Васильева в Куйбышеве вышел уникальный сборник статей по материалам конференции, который открывался статьей Н. Я. Мерперта (Энеолит Восточной Европы, 1980).

Много лет спустя одному из авторов данной статьи было приятно слышать благодарные воспоминания, особенно от старшего поколения участников, как об организации самой конференции, так и о содержании ее программы. Прежде всего, она объединяла участников одной проблематикой, одной аудиторией, такой формат ранее практически не использовался. Без сомнения, характер проблемной дискуссии, глубокого осмысления новых данных по энеолиту, объединение всех ведущих и начинающих специалистов без Н. Я. Мерперта вряд ли состоялись. Ведь почти все мы тогда только начинали свой путь в археологию, и нам повезло, что рядом оказался такой человек и наставник, как Николай Яковлевич.

Очень важный разговор на конференции состоялся по поводу содержания термина «энеолит», поскольку в отечественной археологии утвердилась в то время формулировка В. М. Массона о принадлежности к энеолиту лишь культур с производящей экономикой. По этому критерию, разумеется, не попадали в разряд энеолитических и степные культуры, и волосовская культура в лесной зоне. Н. Я. Мерперт в связи с новыми материалами внес коррективы в понятие «энеолит». Его предложение, что к энеолиту следует относить все культуры, в которых фиксируется знакомство с металлом или их включение в зону влияния металлоносных культур, было поддержано большинством участников конференции (*Мерперт*, 1980; 1981). Что касается экономического содержания эпохи энеолита, то было замечено, что «для всей территории, охваченной распространением металла, оно отличается своеобразием в различных экологических зонах и в различных исторических условиях, …внедрение металла везде вызывало прогресс как традиционных форм хозяйства, так и активизацию связей с центрами возникновения производящего хозяйства» (*Мерперт*, 1981). В последующие десятилетия исследования энеолитических памятников степной зоны Восточной Европы стали проводиться согласно теоретическим разработкам, предложенным тогда Н. Я. Мерпертом.

В 1986 г. в Оренбурге состоялась не менее значительная по постановке проблемных задач и по уровню участия специалистов конференция «Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы» (рис. 4). Она как бы продолжала тематику конференции 1980 г. До начала конференции были изданы тезисы докладов (Проблемы эпохи неолита…, 1986). На открытии конференции Н. Я. Мерперт сделал доклад, в котором с предельной ясностью и четкостью обозначил важнейшие вопросы в исследованиях степного неолита и важность данной темы для изучения всей последующей истории Евразии. На конференции впервые были представлены материалы целенаправленных исследований куйбышевских археологов во главе с И. Б. Васильевым открытых ими многих стоянок с культурными слоями в Северном Прикаспии (Каиршак, Тентек-Сор и др.), материалы уникальных многослойных поселений Джангар в Калмыкии (П. Н. Кольцов) и Варфоломеевка в Саратовской области (А. И. Юдин), а также уже ставшего эталонным для степного неолита поселения Раздорское (В. Я. Кияшко).

Можно без преувеличения сказать, что участие Н. Я. Мерперта не только на оренбургских конференциях, но и в других городах Поволжья и Урала консолидировало участников вокруг наиболее важных проблем, определяло дальнейший ход исследований. На каждой из конференций помимо проблемного доклада на заданную тему Николай Яковлевич делал сообщения об открытиях в Болгарии и о раскопках в Месопотамии, проводя широкие параллели со степными культурами неолита – энеолита – бронзового века. Это была своеобразная «школа» не только для молодых археологов, но и ученых старшего поколения, поскольку в то время возможностей узнать что-то о достижениях зарубежной археологии было немного.

В этой череде закономерных открытий и их обсуждений можно вспомнить полевые семинары на памятниках неолита – энеолита: в 1982 г. на поселении Муллино (Г. Н. Матюшин) в Башкирии с переездом на Ивановское поселение в Оренбургскую область, затем в 1983 г. на поселении Ботай в Северном Казахстане (В. Ф. Зайберт) (рис. 5–7).

Рис. 4. А. Х. Халиков и Н. Я. Мерперт. 1986 г. Оренбург. Совещание по проблемам эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы. Фото Н. М. Моргунова

Это были незабываемые дни не только потому, что эти достаточно представительные мероприятия проходили в живописных местах и на замечательных археологических объектах в весьма дружественной атмосфере. Но и потому, что участникам удалось обсудить многие проблемы непосредственно в поле, увидеть своими глазами культурные слои и подержать в руках артефакты, полные коллекции которых были специально представлены.

Большой подъем в 70–80-е гг. произошел в исследованиях памятников бронзового века как в Поволжье, так и по всей степной зоне от Западной Украины до Алтая. В Поволжье и на Южном Урале были открыты сотни памятников ямной, абашевской, срубной и андроновской культур.

Следует заметить, что в то время исследования в степных регионах Поволжья, Приуралья и Зауралья проходили параллельно и в тесной взаимосвязи. В Куйбышеве они возглавлялись И. Б. Васильевым, в Челябинске – Г. Б. Здановичем, в Оренбурге – Н. Л. Моргуновой. Можно без преувеличения сказать, что Н. Я. Мерперт был мозговым центром этого единства и его вдохновителем. О том свидетельствуют материалы научных совещаний тех лет по проблемам изучения позднего бронзового века степной Евразии. Николай Яковлевич был основным докладчиком, автором статей и ответственным редактором сборников материалов конференций.

Первая конференция на эту тему состоялась в 1978 г. в Куйбышеве. Это мероприятие получило название «Первое срубное совещание». Обсудить было что. В 70-е гг. в Поволжье и Приуралье были открыты новые выдающиеся памятники ямной культуры (Утевский, Покровский, Владимировский, Преполовенковский, Кашпирский могильники), исследованы абашевские памятники (поселения Красные Пески, Точка, Сурушское, могильник Никифоровское лесничество). Н. Я. Мерперт, в свое время исследовавший абашевские могильники в Чувашии, получил новые свидетельства о распространении этой культуры в лесостепном Заволжье. Наиболее значительное количество исследованных

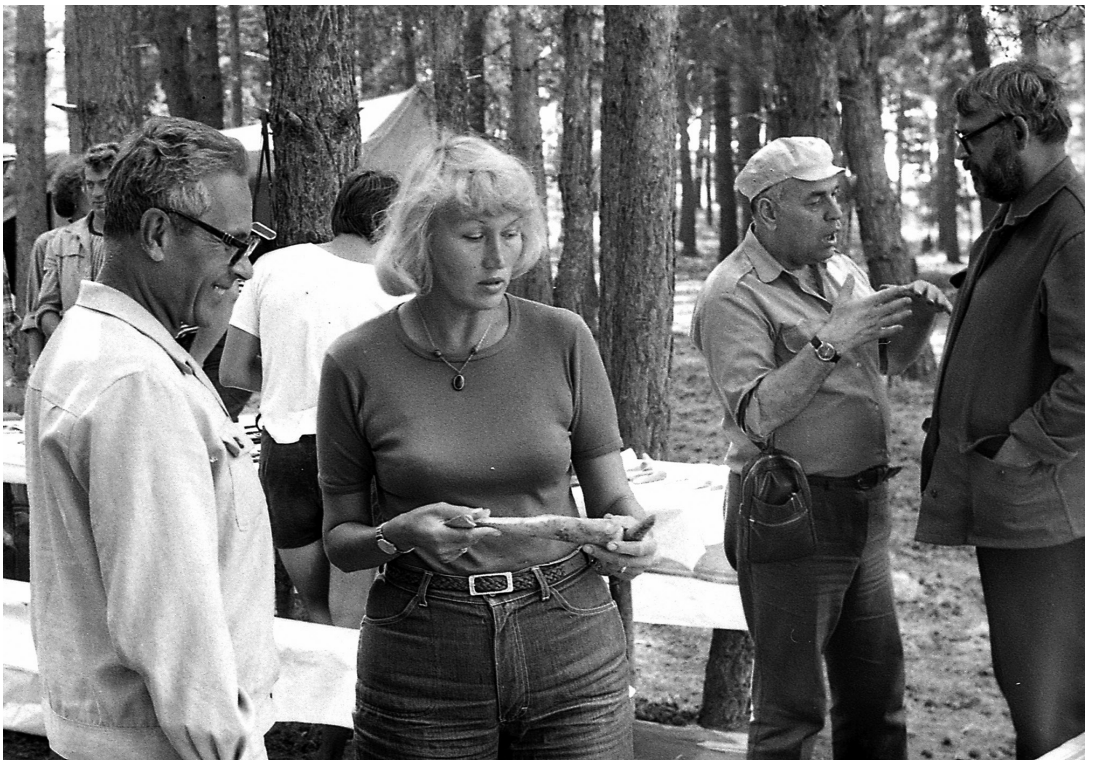


Рис. 5. Н. Я. Мерперт, Т. М. Потемкина, Г. Н. Матюшин, О. И. Мартынюк. 1983 г.
Полевой семинар на Ботае. Фото А. Д. Таирова

Рис. 6. Н. Л. Моргунова, Н. Я. Мерперт, Г. Н. Матюшин, А. М. Кисленко. 1983 г.
Полевой семинар на Ботае. Фото В. В. Генинга

Рис. 7. Г. Н. Матюшин, В. Ф. Зайберт, Н. Я. Мерперт, Г. В. Рыкушина (расчищает погребение), И. В. Иванов. 1983 г. Полевой семинар на Ботае. На втором плане стоят аксакалы рода Ботай. Фото В. В. Генинга

погребений к середине 70-х гг. в Куйбышевском Заволжье относилось к срубной культуре (более 300 комплексов). Все эти открытия позволили ученому вернуться к периодизации ПБВ Поволжья, созданной им в 50-е гг., и проверить ее правоту.

На конференции в феврале 1978 г. Н. Я. Мерперт в своем совместном докладе с А. Д. Пряхиным наметил основные направления в изучении этой культуры эпохи поздней бронзы восточноевропейской степи и лесостепи (*Мерперт, Пряхин*, 1978). Большое внимание было уделено значению культур, предшествующих срубной культуре, в формировании ее характерных черт, а также взаимодействию с хронологически близкими к ней культурами.

На конференции были представлены материалы со всех основных территорий распространения срубной культуры – Среднего и Нижнего Поволжья, Приуралья, Волго-Донского междуречья, Подонья, Поднепровья. На основании вновь полученных материалов появились возможности выявления локальной специфики различных территориальных групп и разработки периодизации срубных древностей (Древние культуры…, 1978).

Обсуждение проблем изучения срубной культуры на данной конференции шло параллельно с темами андроновской общности, особенно таких феноменальных материалов, как петровские и синташтинские. С докладами и сообщениями о новых материалах выступали Е. Е. Кузьмина, Т. М. Потемкина, Г. Б. Зданович и многие молодые исследователи.

Продолжением первого совещания по проблемам срубной культурно-исторической общности стало совещание «Культуры бронзового века Восточной Европы», которое прошло в 1982 г. в Куйбышеве (рис. 8) на базе пансионата в пригороде, в живописном возвышенном месте над Волгой. Интересно отметить, что в те времена организаторы конференций сами занимались устройством проживания участников и селили их в одной гостинице или на базах отдыха. Это очень способствовало общению и налаживанию научных контактов не только во время заседаний, но и в свободное время.

Основная тема конференции – дальнейшее изучение и интерпретация полученных результатов по материалам срубной культуры на огромной территории от Урала до Днепра (Культуры бронзового века…, 1983). Большая роль в координации этой работы принадлежала Н. Я. Мерперту, который уделил внимание как проблемам общего характера

Рис. 8. И. Б. Васильев, О. В. Кузьмина, Н. Я. Мерперт. Куйбышев. 1982 г. Второе срубное совещание. Из архива И. Б. Васильева

Рис. 9. Г. Б. Зданович, Н. Я. Мерперт, М. П. Грязнов. 1980 г. Петропавловск – Челябинск. Первое андроновское совещание. Из архива А. М. Кисленко

энеолита и бронзового века Европы в целом, так и срубной культуры в частности (*Мерперт*, 1985; *Мерперт и др.*, 1985).

Итогом исследовательской работы на этом этапе (середина 80-х гг.) стали два сборника научных работ, посвященных в основном проблемам срубной культурно-исторической общности (Культуры бронзового века…, 1983; Срубная культурно-историческая общность…, 1985). Для лесостепного Поволжья была разработана периодизация срубной культуры, которая явилась продолжением и развитием работ Н. Я. Мерперта конца 50-х – начала 60-х гг. (*Васильев и др*., 1985).

Особо вспоминается конференция «I Рыковские чтения», проходившая в Саратове в 1984 г. (Археология восточно-европейской степи, 1989). Здесь собрались многие ведущие исследователи степных культур, и в то же время было много молодых археологов, заявивших о себе в конце 70-х – начале 80-х гг., из Самары, Саратова, Воронежа, Волгограда и других городов. Н. Я. Мерперт собрал многих из них в одном из больших номеров саратовской гостиницы «Европа» и в простой демократической обстановке у каждого спросил, какой темой занимается, что уже сделано и какие планы на будущее намечены. Такие кулуарные, задушевные разговоры запоминаются надолго.

В 1980 г. на базе сразу двух вузов в Челябинске и Петропавловске (Казахстан) было проведено совещание по проблемам изучения андроновской общности (рис. 9). Н. Я Мерперт и другие ведущие специалисты высоко оценили и приравняли к выдающимся открытиям в археологии исследования памятников типа Петровки и Синташты, поскольку был выделен совершенно неизвестный ранее горизонт исторического развития огромного региона в степном Зауралье. По мнению Н. Я. Мерперта, данное открытие во многом изменило представления об исторических процессах и об исторической роли степного населения во всей Евразии. Он неоднократно высказывал это мнение и на конференциях, и на заседаниях сектора, которым руководил, где не раз первооткрыватели этих памятников Г. Б. Зданович и В. Ф. Генинг знакомили специалистов с новыми материалами. Позднее материалы конференции 1980 г. в Челябинске частично были опубликованы (Бронзовый век степной полосы…, 1983).

В середине 80-х гг. было открыто первое укрепленное поселение Аркаим. Начиная с 1989 г. непосредственно на памятнике прошло несколько международных конференций с участием ученых из США и Европы. Н. Я. Мерперт побывал на Аркаиме в 1995 г. (рис. 10). Он выступил с докладом, в котором провел широкие сопоставления подобных памятников на территории Евразии и показал полицентрический характер развития данной планировочной традиции, которая отражает активизацию культурного взаимодействия на обширных территориях циркумпонтийской зоны в энеолите и раннем бронзовом веке (*Мерперт*, 1995).

Разные мнения существуют по поводу такого неординарного и в то же время уникального памятника, как поселение Аркаим, но нам оценка Н. Я. Мерпертом данного открытия и его, прежде всего, научной значимости для археологии всей Евразии представляется единственно верной. У Ни-

Рис. 10. Н. Л. Моргунова, И. М. Стеблин-Каменский, Н. Я. Мерперт. Аркаим, 1995 г. Конференция «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Фото А. Д. Таирова

колая Яковлевича была только одна претензия к исследователям – он ждал скорейшей публикации всех полученных материалов. Однако сделать это быстро не получилось, да, видимо, и не могло получиться. Однако надо отдать должное авторам исследований, они активно знакомили археологов и общественность с материалами Аркаима, как и других аналогичных памятников. При этом научные работы на Аркаиме велись параллельно с очень сложным процессом спасения памятника от затопления. Затем началось беспримерное строительство заповедника, ныне включающего в себя, помимо научной и туристической инфраструктуры, также и музейный комплекс, состоящий из объектов археологии и этнографии под открытым небом, и музей на постоянной основе в отдельном здании. Такое грандиозное строительство, конечно, потребовало немало сил, времени и поисков финансирования. Тем не менее недавно многолетний труд по подготовке материалов Аркаима к полной публикации завершен. Свет увидели два тома книги, посвященных полному изданию результатов раскопок. К сожалению, ни Николай Яковлевич, ни Геннадий Борисович не смогли порадоваться этому событию в уральской археологии. Но одно из дел их жизни останется и будет всегда с нами.

Последняя конференция в г. Самара, на которой присутствовал Н. Я. Мерперт, называлась «Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация» (рис. 11). Она прошла в апреле 2001 г. и была посвящена 100-летию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы, и поэтому неофициальное название ее было I Городцовские чтения (Бронзовый век Восточной Европы…, 2001). Н. Я. Мерперт, как непосредственный ученик В. А. Городцова, много общавшийся с ним в трудные военные годы, был председателем Оргкомитета конференции. Он сделал доклад «Слово о Городцове», где рассказал о роли своего учителя в создании периодизации бронзового века южной половины Восточной Европы.

На протяжении многих лет Н. Я. Мерперт был ответственным (главным) редактором и членом

Рис. 11. Н. И. Шишлина, Н. Я. Мерперт, М. А. Турецкий. 2001 г. Самара. Первые Городцовские чтения. Из архива М. А. Турецкого

редколлегий сборников научных трудов, выходящих под грифом Куйбышевского государственного педагогического института (1978, 1979, 1980, 1981, 1982, 1984, 1985, 1988, 1989, 1990, 1991 гг.) и Куйбышевского государственного университета (1977, 1981, 1985 гг.). Таким образом, Н. Я. Мерперт имел возможность ознакомиться со всеми новейшими открытиями, сделанными самарскими, оренбургскими и другими исследователями по неолитической, энеолитической и бронзовой проблематике Волго-Уральского региона.

Рис. 12. Н. Я. Мерперт, Н. Л. Моргунова. 2004 г. Москва. Институт археологии РАН. XXIII Крупновские чтения. Фото М. А. Турецкого

И последняя тема, которую нельзя обойти, вспоминая Н. Я. Мерперта. Как человек государственный, Николай Яковлевич был Учителем в лучших проявлениях этого предназначения. Подготовка кадров для него была важнейшим делом. И он был открыт для всех, кто хотел учиться. Все, кто проходил школу у него в аспирантуре, защищал под его руководством свои диссертации, не только ему благодарны, но и ныне продолжают его дело (рис. 12). Н. Я. Мерперт руководил научной работой аспирантов из многих городов России, воспитал целый творческий коллектив современных археологов (более 40 докторов и кандидатов исторических наук).

В Поволжье и на Урале под руководством Н. Я. Мерперта защитили свои кандидатские диссертации 12 исследователей. Темы их диссертационных работ были созвучны тем проблемам, которым посвятил свою научную жизнь Николай Яковлевич.

По проблемам эпохи неолита и энеолита защитили диссертации И. Б. Васильев «Лесостепное Поволжье в эпоху энеолита и ранней бронзы». М., 1979; Н. Л. Моргунова «Эпоха неолита и энеолита в лесостепной зоне Волго-Уральского междуречья». М., 1984; В. И. Пестрикова «Хвалынский энеолитический могильник как исторический источник». М., 1987.

Вопросам изучения культур ранней и средней бронзы были посвящены работы М. А. Турецкого «Ямная культура Волго-Уральского региона (проблемы исследования погребального обряда)». М., 1992 и П. Ф. Кузнецова «Эпоха средней бронзы Волго-Уральского междуречья». СПб., 1991.

История развития культур позднего бронзового века нашла свое отражение в диссертациях В. С. Горбунова «История племен абашевской культуры в бассейне реки Белой». М., 1977; О. В. Кузьминой «Взаимоотношения абашевских и срубных племен в лесостепном Поволжье». М., 1983; А. П. Семеновой «Погребальный обряд племен срубной культуры лесостепной зоны левобережья Волги». М., 1983; Т. С. Малютиной «Федоровская культура Урало-Казахстанских степей». М., 1994; Н. Б. Виноградова «Южное Зауралье и Северный Казахстан в раннеалакульский период (по памятникам петровского типа)». М., 1984; Н. М. Малова «Абашевские племена Нижнего Поволжья (Памятники покровского типа)». СПб., 1992; Г. Г. Пятых «Проблема формирования срубной культуры Заволжья». М., 2005.

Рис. 13. Н. Я. Мерперт в своем кабинете в Институте археологии на Дм. Ульянова, 19. 2005 г. Москва. Фото Н. Л. Моргуновой

Следует также отметить, что большинство археологов – специалистов по бронзовому веку, работающих в настоящее время в Поволжье и на Урале, являются учениками или учениками учеников Николая Яковлевича. Он также вдохновлял на написание и являлся оппонентом на защитах докторских диссертаций В. С. Горбунова, Н. Л. Моргуновой и Г. Б. Здановича.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, Николай Яковлевич Мерперт был феноменальным человеком. За достаточно долгую жизнь он успел очень много. Значительную часть своего времени и сил он затратил на организующую деятельность в археологии как в своем родном Институте археологии РАН (рис. 13), так и в отдельных регионах страны. Его безусловный авторитет руководителя, наставника, общественного деятеля сочетался с огромным трудолюбием, талантом и научной успешностью. Еще при жизни он стал классиком археологии. Его труды безупречны, их отличает абсолютная научная честность. Он всегда шел от того материала, которым располагала наука в его время. Но в то же время видел то, что не видели многие другие. Какими-то невидимыми путями логических умозаключений он делал предположения (это было именно в виде гипотез), которые позже подтверждались новыми находками и открытиями. Поэтому, когда читаешь его работы, то не находишь ничего устаревшего и утратившего свою актуальность.

Николай Яковлевич Мерперт старался незаметно вдохновить нас на новые дела, всегда хвалил, говорил, что благодаря нам археология в Поволжье и на Урале выросла и многое изменила. На самом деле, таким образом он во многом подталкивал, внушал уверенность и желание двигаться дальше. И благодаря его поддержке, несмотря на все передряги последних десятилетий, что происходили со страной в целом и с наукой в том числе, мы живы и развиваемся. Развиваются наши археологические центры. И мы сохраняем память о нашем Учителе с великой благодарностью.

Литература

Археология восточно-европейской степи. Саратов, 1989. 168 с.

Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: материалы междунар. науч. конф. Самара, 2001. 452 с.

Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Башкирский гос. ун-т, 1983. 160 с.

Васильев И.Б., 1980. Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж: Воронежский гос. ун-т. С. 32–58.

Васильев И.Б., 1981. Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев. 129 с.

Васильев И.Б., 2003. Н.Я. Мерперт и его роль в археологии Поволжья // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара: Изд-во Самарского науч. центра РАН. С. 3–15.

Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П., 1985. Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизации). Куйбышев. С. 60–94.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1979. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // СА. № 4. С. 147–166.

Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978. 99 с.

Качалова Н.К., Васильев И.Б., 1983. Предисловие // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. ин-т. С. 3–4.

Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983. 165 с.

Мерперт Н.Я., 1954. Материалы по археологии Среднего Заволжья // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I. М. С. 39–156. (МИА; № 42).

Мерперт Н.Я., 1958. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II. М. С. 45–156. (МИА; № 61).

Мерперт Н.Я., 1961а. Некоторые вопросы истории Восточного Средиземноморья в связи с индоевропейской проблемой // КСИА. Вып. 83. С. 3–8.

Мерперт Н.Я., 1961б. Энеолит степной полосы Европейской части СССР // L´ Europe â la fin de l´âge de la Pierre. Praga. С. 161–175.

Мерперт Н.Я., 1965. О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке // КСИА. Вып. 105. С. 10–20.

Мерперт Н.Я., 1968. Древнейшая история степной полосы Восточной Европы (III – начало II тыс. до н. э.): дис. … д-ра ист. наук. М. // Архив ИА РАН. Р-2. № 2010, 2011, 2012.

Мерперт Н.Я., 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М. 166 с.

Мерперт Н.Я., 1980. Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев. С. 3–26.

Мерперт Н.Я., 1981. К вопросу о термине «энеолит» и его критериях // Эпоха бронзы волго-уральской лесостепи. Воронеж. С. 4–21.

Мерперт Н.Я., 1985. Срубная культурно-историческая общность (к постановке вопроса) // Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизация). Куйбышев. С. 3–10.

Мерперт Н.Я., 1988. Об этнокультурной ситуации IV–III тысячелетий до н. э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток: этнокультурные связи. М. С. 7–36.

Мерперт Н.Я., 1995. К вопросу о древнейших круглоплановых укрепленных поселениях Евразии // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: материалы конф. Челябинск: Челябинский гос. ун-т. С. 116–119.

Мерперт Н.Я., 2011. Из прошлого: далекого и близкого. Мемуары археолога. М. 384 с.

Мерперт Н.Я., Качалова Н.К., Васильев И.Б., 1985. О формировании срубных племен Поволжья // Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизация). Куйбышев. С. 10–28.

Мерперт Н.Я., Пряхин А.Д., 1978. Срубная проблема и лесостепь // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев. С. 5–9.

Моргунова Н.Л., 2012. Мерперт и его роль в археологии Поволжья и Урала // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та. С. 7–17.

Моргунова Н.Л., 2014. Проблемы изучения ямной культуры в трудах Н.Я. Мерперта в свете современных исследований // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии: сб. к 90-летию со дня рождения и памяти Н.Я. Мерперта. М.: ИА РАН. С. 124–134.

Мунчаев Р.М., 2002а. Н.Я. Мерперт и развитие российской археологии (вместо предисловия) // Проблемы археологии Евразии: к 80-летию Н.Я. Мерперта: сб. ст. М. С. 3–10.

Мунчаев Р.М., 2002б. К 80-летию Николая Яковлевича Мерперта // РА. № 4. С. 176–181.

Мунчаев Р.М., 2014. Выдающийся российский археолог Николай Яковлевич Мерперт (к 90-летию

со дня рождения) // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии: сб. к 90-летию со дня рождения и памяти Н. Я. Мерперта. М.: ИА РАН. С. 19–24.

Мунчаев Р. М., Кузьминых С. В., 2003. Н. Я. Мерперт и изучение бронзового века Среднего Поволжья // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: материалы междунар. науч. конф. Чебоксары. С. 50–57.

Мунчаев Р. М., Пряхин А. Д., 2003. Н. Я. Мерперт и изучение эпохи меди – бронзы восточноевропейской степи и лесостепи (к 80-летию ученого) // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 17. Воронеж: Воронежский гос. ун-т. С. 5–9.

Мэллори Дж. П., 2014. О Николае Яковлевиче Мерперте // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии: сб. к 90-летию со дня рождения и памяти Н. Я. Мерперта. М.: ИА РАН. С. 385–387.

Письма И. Б. Васильева С. В. Кузьминых (к истории самарской археологии 1970–80-х годов) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006. С. 48–84.

Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976. 103 с.

Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы. Оренбург, 1986. 58 с.

Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Оренбург, 1980. 38 с.

Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизации). Куйбышев, 1985. 184 с.

Сташенков Д. А., 2011. Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина: страницы истории // Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина: история и современность. Самара: Самарский науч. центр РАН. С. 5–29.

Сташенков Д. А., Кочкина А. Ф., 2008. Борис Александрович Латынин. Самарский период жизни. Саратов. 200 с.

Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980. 190 с.

Сведения об авторах

Моргунова Нина Леонидовна, Оренбургский государственный педагогический университет, ул. Советская, 19, Оренбург, 460014, Россия; e-mail: nina-morgunova@yandex.ru;

Турецкий Михаил Александрович, Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина, ул. Ленинская, 142, Самара, 443041, Россия; e-mail: maturet@mail.ru

https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-426-5.40-44

АБАШЕВСКО-СРУБНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ТРУДАХ Н. Я. МЕРПЕРТА

В. С. Горбунов

Резюме. Изучение научного наследия крупных ученых в любой научной области уже является актуальной проблемой. В отечественной археологической науке к числу исследователей, чье наследие остается изученным не в полной мере, следует отнести труды Н. Я. Мерперта, поскольку в своей исследовательской деятельности он сумел охватить широкий спектр проблем от энеолита до эпохи бронзы Евразии. Целью данной статьи является анализ и осмысление вклада исследователя в изучение абашевско-срубной проблематики. Задача состоит в том, чтобы высветить те мысли и направления в разработке сложных проблем двух важнейших культурно-исторических общностей, которые послужили источником и ориентиром для дальнейших исследований современных авторов. Важнейшим вкладом в проблематику эпохи раннего металла Северной Евразии является применение им комплексного подхода, использование современных достижений в изучении историко-культурных процессов в рамках крупных историко-культурных областей или общностей.

Ключевые слова: абашевская культурно-историческая общность, срубная культурно-историческая общность, Северная Евразия, эпоха бронзы.

Труды Николая Яковлевича Мерперта хорошо знакомы археологам, изучающим проблемы эпохи раннего металла евразийского и ближневосточного ареалов. Его профессиональная деятельность была обусловлена теми обстоятельствами, которые определили все вехи полевых и аналитических исследований в археологии на протяжении более шести десятков лет. Основные этапы его жизни и деятельности были освещены в целом ряде статей, преимущественно написанных к его юбилейным датам: к 80-летию (*Мунчаев*, 2002; *Мунчаев, Кузьминых*, 2003; *Васильев*, 2003) и 90-летию (*Моргунова*, 2012; *Мунчаев*, 2014), и, наконец, к 100-летнему юбилею (*Сорокина*, 2022; *Горбунов*, 2022) ученого. Практически все, оценивая научный путь Мерперта-исследователя, подчеркивают широкий круг проблем, в изучение которых он внес свой вклад. Важное место среди них занимает абашевско-срубная проблематика, в разработке которой он также оставил свой заметный след.

Как отмечал Р. М. Мунчаев, 1950 год стал в значительной степени переломным в научной деятельности Н. Я. Мерперта. Это было связано с организацией Куйбышевской экспедиции ИИМК АН СССР во главе с А. П. Смирновым. Объектом работы экспедиции была территория в составе Куйбышеской, Сталинградской, Ульяновской областей и Татарской АССР, входящая в зону затопления будущего водохранилища Куйбышевской ГЭС (*Мунчаев*, 2014. С. 21). Перед экспедицией была поставлена задача обследовать всю зону затопления всего за шесть сезонов. Объем работ для Куйбышевской археологической экспедиции (КАЭ) был поистине огромный. Необходимо было провести сплошную археологическую разведку и исследовать все известные и выявленные в ходе этого археологические памятники от устья р. Камы до Самарской Луки (*Мунчаев, Кузьминых*, 2003. С. 51). Начальник экспедиции А. П. Смирнов назначил Н. Я. Мерперта своим заместителем и одновременно руководителем ее второго отряда. Поэтому Н. Я. Мерперт в силу данных обстоятельств принимал активное участие в полевых раскопках ряда поселений и многочисленных погребальных памятников, преимущественно срубной культуры. Первые результаты работ были оперативно опубликованы в Вестнике АН СССР (*Смирнов, Мерперт*, 1951. С. 33–44; 1954. С. 58–68). Позднее результаты исследований курганных могильников у сел Ягодное и Хрящевка, в зоне работы Куйбышевской экспедиции, нашли освещение в Кратких сообщениях ИИМК АН СССР (*Мерперт*, 1952. С. 30–40; 1953. С. 43–54). Итогам же исследований Куйбышевской экспедиции был посвящен отдельный том Материалов и исследований по археологии (*Мерперт*, 1954). В монографической статье этого тома «Материалы по археологии Среднего Заволжья» Н. Я. Мерперт опубликовал результаты исследований 14 раскопанных курганов, содержавших

156 захоронений из курганных могильников эпохи бронзы у сел Ягодное и Хрящевка. Публикация представляет собой подробное описание архитектуры курганов, конструкций могильных камер, деталей погребального обряда, керамики и погребального инвентаря. Подобная публикация не потеряла своей значимости до настоящего времени, поскольку представляет собой ценный источник. Оперируя большим объемом новой информации по срубно-хвалынским древностям, он выявил много новых деталей и подробностей о погребальной практике этого населения. В частности, он выделил две группы захоронений. К первой, наиболее многочисленной, он отнес погребения в материковых ямах. Среди них Н. Я. Мерперт выделил различные конструктивные детали. К числу социально значимых захоронений он отнес крупные могильные камеры с накатниками из сосновых и дубовых бревен, часто дополненных вертикальными столбами. Вопреки мнению ряда ученых об отнесении захоронений в почвенных ямах на уровне погребенной почвы, в заполнении насыпи, к особой археологической культуре – автор рассматривал их как особые варианты погребальной практики срубных племен (*Мерперт*, 1954. С. 139–140). Ко второй группе он отнес расчлененные погребения, среди которых различаются вторичные захоронения и захоронения частей заранее расчлененного трупа. На их основе автор предлагает свою версию интерпретации жертвенников, находя отдельные аналогии им в трудах Л. Г. Моргана (*Мерперт*, 1954. С. 140–146). Детальному разбору Н. Я. Мерперт подвергает керамическую коллекцию и вещевой инвентарь, на основании которых относит материалы могильников Ягодное и Хрящевка к последней четверти II тыс. до н. э. (*Мерперт*, 1954. С. 153). Поскольку работа написана в середине 50-х годов прошлого века, то она послужила своего рода эталоном для проведения полевых исследований в стране. Нельзя также не отметить, что памятников срубной культуры в Поволжье, помимо раскопанных к тому времени в донецком и нижневолжском регионах, было изучено крайне мало.

Необходимо подчеркнуть, что полученную в ходе раскопок и опубликованную информацию по срубно-хвалынской культуре Н. Я. Мерперт позднее широко использует при написании разделов обобщающих трудов. В соавторстве с Е. Ю. Кричевским для «Очерков истории СССР» был написан параграф о племенах степной полосы Европейской части СССР эпохи бронзы (Очерки истории СССР…, 1956. С. 141–152). Продолжением публикаций материалов, полученных в ходе работ Куйбышевской экспедиции, стали монографические статьи «Из древнейшей истории Среднего Поволжья» (*Мерперт*, 1958. С. 45–156) и «Срубная культура Южной Чувашии» (*Мерперт*, 1962. С. 7–21). По мнению Н. К. Качаловой, Н. Я. Мерперт сделал весьма существенную попытку решения проблемы относительной хронологии срубной культуры и впервые обратился к погребальным комплексам. Исходя из способа устройства могил и стратиграфического расположения их в кургане, он разделил срубные погребения Куйбышевского Поволжья на несколько групп (*Качалова*, 1978. С. 70). Так, в общем очерке истории бронзового века в Среднем Поволжье Н. Я. Мерперт пытался разделить погребальные памятники срубной культуры этой территории на ряд последовательных хронологических этапов. Были выделены пять этапов, охватывающих значительный хронологический отрезок от рубежа III и II до начала I тыс. до н. э.: раннесрубный (полтавкинский) этап, этап круглых курганов с одиночными захоронениями, этап круглых курганов-кладбищ с множественными захоронениями, этап длинных курганов-кладбищ с множественными захоронениями и наиболее поздний этап – резко уплощенных длинных насыпей, сочетающихся с бескурганными кладбищами (*Мерперт*, 1962. С. 16). Резюмируя свое хронологическое видение, Н. Я. Мерперт пишет: «Таким образом, как бы «фокусируя» хронологические данные, полученные по ряду направлений связей с абсолютно датированными областями, мы получим одну дату – XV в. до н. э. Такова дата Покровских срубных погребений, т. е. третьего этапа нашей схемы (Ягодное, курган 5; Хрящевка, курганы 6 и 8; Кайбелы, курганы 11, 22, 23, 24 и пр. 51 Уразмаметовские курганы, как уже отмечалось, несколько архаичнее: как и курганы 1 и 2 у Ягодного и другие, они могут быть датированы XVI – началом XV в. до н. э. Этим временем, видимо, и следует датировать северное движение срубных племен в правобережье Волги, приведшее их к соприкосновению с появившимися в то же время в северной Чувашии и Марийской АССР племенами абашевской культуры» (*Мерперт*, 1962. С. 21). Говоря о вкладе Н. Я. Мерперта в разработку проблемы срубных древностей, необходимо напомнить, что до работы КАЭ большая часть Среднего Поволжья в отношении памятников раннего металла оставалась, по сути, «белым пятном». Только результаты работ Н. Я. Мерперта, А. Х. Халикова, Н. Ф. Калинина и А. В. Збруевой привели к появлению нового массива источников, что внесло коренной перелом в изучение эпохи бронзы Среднего Поволжья (*Мунчаев, Кузьминых*, 2003. С. 52).

Возвращение Н. Я. Мерперта к срубной проблематике произошло в 70–80-е гг. Именно в этот период наблюдается активизация археологических исследований в целом ряде городов – Воронеже, Самаре, Уфе, Омске, Челябинске и др. Благодаря этому, в европейской части существенно увеличилось число памятников бронзового века. К числу работ обобщающего характера по древностям эпохи бронзы относится совместная статья Н. Я. Мерперта и А. Д. Пряхина, вводившая термин «срубная культурно-историческая общность» и связываемая с пространством лесостепи (*Мерперт, Пряхин*, 1979. С. 7–24). В ней подняты и рассмотрены многие важные аспекты изучения срубных древностей, и сами авторы отметили, что в разработке проблемы срубной культурно-исторической общности к настоящему времени достигнут рубеж, знаменующий начало качественно нового этапа в исследовании данной проблематики (Там же. С. 24). Заметным событием в изучении срубной культурно-исторической общности была публикация в Куйбышеве межвузовского сборника научных трудов (Срубная культурно-историческая общность…, 1985). Во вводной статье (к постановке проблемы) Н. Я. Мерперт более четко обозначил ареал срубных древностей в рамках огромной срубной культурно-исторической **области**. Особо важным элементом и стимулом в интеграционных процессах автор считал возникновение уральских металлургических центров и широкое распространение из них как сырья, так и готовых изделий (*Мерперт*, 1985. С. 7). В совместной с И. Б. Васильевым Н. К. Качаловой статье рассматриваются проблемы формирования срубных племен Поволжья. В решении этого сложного вопроса авторы выделяют два определяющих фактора. Первый заключается в поисках первоначальной области ее сложения, а второй – в выявлении исходных культурных компонентов (*Мерперт и др*., 1985. С. 10–11).

Роль Н. Я. Мерперта в археологии Поволжья очень детально и обстоятельно изложена в статье И. Б. Васильева, с чем трудно не согласиться.

Статья опубликована в сборнике Самарского Научного Центра РАН, Института истории и археологии Поволжья и Самарского государственного педагогического университета, посвященном 80-летию Н. Я. Мерперта (*Васильев*, 2003. С. 3–15).

Обращение Н. Я. Мерперта к абашевской проблематике связано с полевыми исследованиями на территории Чувашии в пятидесятых годах, где с 1955 г. развернулись работы Чувашской археологической экспедиции под руководством А. П. Смирнова. Предполагалось изучение памятников разных эпох. Изучение погребальных памятников абашевской и срубной культур взял на себя Н. Я. Мерперт. Его отрядом были раскопаны знаменитый Абашевский могильник, а также курганы у сел Янгильдино, Пикшик и Уразмаметово (*Мерперт*, 1961). Значимость изучения абашевских могильников, в частности у с. Пикшик, существенно изменила наши представления о многих аспектах погребальной практики этой группы памятников абашевской культуры.

Как справедливо отмечалось, раскопами в Чувашии завершилась полевая исследовательская деятельность Н. Я. Мерперта в Среднем Поволжье. Главным итогом ее было создание не только надежной источниковедческой базы и высказанные по ее поводу комментарии, а тот импульс, который был дан его исследованиями и гипотезами, в том числе и остро дискуссионными, касающимися дальнейшей разработки проблем бронзового века восточноевропейской степи и лесостепи (*Мунчаев, Кузьминых*, 2003. С. 54). Свое видение абашевской проблематики спустя четыре десятка лет от изучения в Чувашской Республике в 1955–1961 гг. Н. Я. Мерперт озвучил на международной научной конференции в Чебоксарах в 2003 году (*Мерперт*, 2003. С. 58–60). Он высоко оценил достижения в области изучения абашевской проблематики к началу двадцать первого века. Поддержал концепцию А. Д. Пряхина о включении абашевских древностей в единую общность в составе доноволжской, средневолжской и уральской абашевских культур, хотя относил эту проблему к числу дискуссионных. Кроме того, он коснулся и других сложных вопросов, связанных с генезисом абашевского населения, его связями с предшествовавшими и синхронными массивами археологических культур эпохи раннего металла.

С 1960-х гг. начался трехлетний балканский период работы в составе Болгаро-Советской археологической экспедиции (*Мерперт*, 1965. С. 19–28). Но и в этих условиях он не отрывался от отечественных проблем эпохи раннего металла.

Давая оценку вклада Н. Я. Мерперта в разработку двух важнейших культур восточноевропейской степи и лесостепи бронзового века – абашевской и срубной – необходимо подчеркнуть несколько важнейших результатов его деятельности.

Во-первых, для его работ характерна широта и глубина методологической оценки историко-культурных процессов исходя из всей суммы археологической информации.

Во-вторых, он мыслил более широкими и перспективными категориями, которые сразу были

должным образом оценены и применены на практике. Так, выделение ямной культурно-исторической области как особой таксономической единицы нашло активное отражение в применении этого термина к другим группам древностей в работах В. Ф. Генинга, А. Д. Пряхина и других исследователей.

В-третьих, Н. Я. Мерперт создал пример и образец применения методов и приемов в полевых исследованиях. К числу важнейших методов относятся: раскопки поселений большими площадями, с полным исследованием жилищ, точной фиксацией находок и различных объектов, детальным описанием и, наконец, с последующей всесторонней и своевременной публикацией полученных материалов (*Васильев*, 2003. С. 9).

Научные идеи и теоретико-методологические подходы оказали непосредственное влияние на концептуальные подходы и автора данной статьи при подготовке диссертаций и книг по абашевской и срубной проблематике (*Горбунов*, 1986; 2006).

Н. Я. Мерперта справедливо считают основателем Волго-Уральской научной школы эпохи раннего металла, усилиями которой в настоящее время достигнуты серьезные успехи в изучении проблем абашеских и срубных древностей бронзового века Северной Евразии.

Литература

Васильев И. Б., 2003. Н. Я. Мерперт и его роль в археологии Поволжья // Вопросы археологии Поволжья: сб. ст. Вып. 3. Самара: Изд-во Самарского науч. центра РАН. С. 3–15.

Горбунов В. С., 1986. Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа: Башкирский гос. пед. ин-т. 96 с.

Горбунов В. С., 2006. Срубная общность Восточной Европы. Уфа: Изд-во Башкирского гос. пед. ун-та. 192 с.

Горбунов В. С., 2022. О вкладе Н. Я. Мерперта в развитие археологии в регионах // Энеолит и бронзовый век Циркумпонтийского региона: культурные процессы и взаимодействия (к 100-летию со дня рождения Н. Я. Мерперта): тез. докл. конф. М.: ИА РАН. С. 7–8.

Качалова Н. К., 1978. Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья // СА. № 3. С. 69–78.

Мерперт Н. Я. Пряхин А. Д., 1979. Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы Восточной Европы и лесостепь // Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та. С. 7–24.

Мерперт Н. Я., 1952. Курганы эпохи бронзы у с. Ягодное (по материалам Куйбышевской экспедиции) // КСИИМК. Вып. 44. С. 30–40.

Мерперт Н. Я., 1953. Археологические памятники у с. Хрящевки (из работ в зоне строительства Куйбышевской ГЭС) // КСИИМК. Вып. 50. С. 43–54.

Мерперт Н. Я., 1954. Материалы по археологии Среднего Заволжья // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР. С. 39–156. (МИА; № 42).

Мерперт Н. Я., 1958. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР. С. 45–156. (МИА; № 61).

Мерперт Н. Я., 1961. Абашевские курганы Северной Чувашии (раскопки 1957–1958 гг. // Абашевская культура в Среднем Поволжье. М.: Изд-во АН СССР. С. 111–156. (МИА; № 97).

Мерперт Н. Я., 1962. Срубная культура Южной Чувашии // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 4. М.: Изд-во АН СССР. С. 7–21. (МИА; № 111).

Мерперт Н. Я., 1965. Археологические исследования в Южной Болгарии // КСИА. Вып. 100. С. 19–28.

Мерперт Н. Я., 1985. Срубная культурно-историческая область (к постановке вопроса) // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев. С. 3–10.

Мерперт Н. Я., 2003. Абашевская проблема: несколько вводных слов // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: материалы междунар. науч. конф. Чебоксары. С. 58–60.

Мерперт Н. Я., Качалова Н. К., Васильев И. Б., 1985. О формировании срубных племен Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев. С. 10–28.

Моргунова Н. Л., 2012. Мерперт и его роль в археологии Поволжья и Урала // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та. С. 7–17.

Мунчаев Р. М., 2002. К 80-летию Николая Яковлевича Мерперта // РА. № 4. С. 176–181.

Мунчаев Р. М., 2014. Выдающейся российский археолог Николай Яковлевич Мерперт (к 90-летию со дня рождения) // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии: сб. к 90-летию со дня

рождения и памяти Н. Я. Мерперта. М.: ИА РАН. С. 19–24.

Мунчаев Р. М., Кузьминых С. В., 2003. Н. Я. Мерперт и изучение бронзового века Среднего Поволжья // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: материалы междунар. науч. конф. Чебоксары. С. 50–58.

Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956. С. 141–152.

Смирнов А. П., Мерперт Н. Я., 1951. Археологические работы в районе строительства Куйбышевской ГЭС // Вестник АН СССР. № 11. С. 33–44.

Смирнов А. П., Мерперт Н. Я., 1954. Археологические исследования Куйбышевской экспедиции в 1953 г. // Вестник АН СССР. № 4. С. 59–68.

Сорокина И. А., 2022. Николай Яковлевич Мерперт: вехи жизненного пути // Энеолит и бронзовый век Циркумпонтийского региона: культурные процессы и взаимодействия (к 100-летию со дня рождения Н. Я. Мерперта): тез. докл. конф. М.: ИА РАН. С. 5–7.

Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизации): межвуз. сб. науч. тр. Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. ин-т, 1975. 184 с.

Сведения об авторе

Горбунов Владимир Степанович, Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, ул. Октябрьской революции, 3-а, Уфа, 450008, Россия; e-mail: gvs1946@yandex.ru

https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-426-5.45-54

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В СЕВЕРНОМ ИРАКЕ (1967–1985): СОЗДАНИЕ, ИСТОРИОГРАФИЯ И РЕЦЕПЦИЯ

А. И. Янковский-Дьяконов,
Мустафа Джасем Аль-Хуссини

Резюме. Николай Яковлевич Мерперт был одним из ключевых участников первой отечественной экспедиции в Месопотамии. С его деятельностью связаны ее первые шаги; он руководил раскопками одного из ее наиболее значительных памятников – хассунского поселения Ярым-Тепе I – и до конца жизни был одним из основных авторов почти всех российских публикаций исследований Синджарской степи, касавшихся хассунского, халафского, убейдского, отчасти урукского и раннединастического периодов. В данной статье мы сделаем историографический обзор трудов советской экспедиции в Ираке, познакомим читателя с историей ее создания и остановимся на ее рецепции в отечественной и англоязычной литературе, а также в самом Ираке.

Ключевые слова: Северная Месопотамия, Ярым-Тепе, Магзалия, Сотто, Кюль-Тепе, Шейх Хомси, Синджарская степь, Протохассуна, Хассуна, Самарра, Халаф, Убейд.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Краткие отчеты об очередных сезонах экспедиции публиковались в Вестнике АН СССР, журнале «Советская археология», ежегодном издании Института археологии АН СССР «Археологические открытия», иракском научном журнале «Sumer», британском научном журнале «Iraq» и в других периодических научных изданиях. Эти публикации были впервые суммированы в книге Н. Я. Мерперта и Р. М. Мунчаева, вышедшей сразу после окончания основного периода раскопок в Ираке (*Мунчаев, Мерперт*, 1981. С. 16).

«Введение» в книгу Н. Я. Мерперта и Р. М. Мунчаева помещает описываемые памятники в общий исторический контекст перехода от присваивающей к производящей экономике. В следующих двух главах описаны поселение Ярым-Тепе I, относящееся к хассунской культуре, и Ярым-Тепе II – один из наиболее широко исследованных памятников халафской культуры. В книге имеются также три Приложения, посвященные вопросам палеоботаники, палеозоологии и металлургии исследуемых памятников.

Как предупреждают авторы во Введении, в публикации приведены материалы только четырех нижних горизонтов Ярым-Тепе I и II, отражающие возникновение и становление соответствующих поселений.

По окончании работ на Ярым-Тепе III были опубликованы статьи по-русски и по-английски (*Мерперт*, 1982; *Munchaev, Merpert*, 1984), но монографическая публикация по-прежнему ожидает своего автора.

В 1989 г. Николай Оттович Бадер опубликовал в своей монографии (1989) результаты раскопок на более раннем, чем Ярым-Тепе, телле Магзалия, а также на памятниках керамического неолита, относящихся к периодам Протохассуны и архаической Хассуны, – Телле Сотто и Кюль-тепе, одновременных нижним слоям Ярым-Тепе I.

В 1980 г. в журнале «Советская археология» вышла статья участников раскопок Владимира Александровича Башилова, Олега Георгиевича Большакова и Андрея Васильевича Кузы (*Башилов и др.*, 1980), которые заново проанализировали стратиграфию нижних слоев Ярым-Тепе I на основании полевой документации и коллекции находок. Два нижних строительных яруса в этой новой стратиграфии были отнесены авторами к древнейшему этапу хассунской культуры, в периодизации Н. О. Бадера названному этапом Сотто (Там же. С. 127).

Сравнивая между собой соответствующие слои на шести поселениях этапа Сотто (Умм Дабагийя, Сотто, Кюль-Тепе, Ярым-Тепе, Теллуль Ас-Сала-сат, Хассуна), В. А. Башилов и соавторы пришли к выводу, что первоначальное строительство таких поселков начиналось с одного домохозяйства, принадлежавшего одной большой семье. Английский вариант статьи был опубликован тогда же в журнале «Sumer» (*Bashilov et al.*, 1980).

В 1993 г. в США вышла англоязычная компиляция журнальных статей и глав из упомянутых монографий под редакцией Нормана Йоффе и Джеффри Кларка, «Early Stages in the Evolution of Mesopotamian Civilization: Soviet Excavations in Northern Iraq» («Ранние этапы эволюции Месопотамской цивилизации: советские раскопки в Северном Ираке») (Early Stages in the Evolution…, 1993).

Вступление к книге написано Н. Йоффе. Следующие три главы представляют собой переводы публикаций Н. О. Бадера в советских периодических изданиях, посвященных соответственно раскопкам теллей Магзалия, Сотто и Кюль-Тепе. Все главы пронумерованы начиная с Введения.

Пятая глава представляет собой резюме уже упомянутой монографии Н. О. Бадера (*Бадер*, 1989). Следующие шесть глав посвящены раскопкам на Ярым-Тепе I, II и III – соответственно, хассунской культуре на Ярым-Тепе I, халафской на Ярым-Тепе II, халафским и убейдским слоям на Ярым-Тепе III, а также такому явлению, как архаический этап хассунской культуры. Эти главы переведены из советской научной периодики.

В качестве одиннадцатой главы приведен раздел из книги Н. Я. Мерперта и Р. М. Мунчаева (*Мерперт, Мунчаев*, 1981), посвященный первым свидетельствам о металлургии на Ярым-Тепе. Книгу завершает перевод статьи Р. М. Мунчаева обобщающего характера (*Мунчаев*, 1984) и очерк самого Н. Йоффе «Mesopotamian Interaction Spheres». К сожалению, этот очерк не является критическим осмыслением вышеприведенных статей, а представляет собой перепечатку оригинального исследования редактора, построенного на материале письменных исторических периодов.

Книга под редакцией Н. Йоффе и Дж. Кларка остается наиболее широкой по своему охвату публикацией результатов советской экспедиции в Месопотамии и единственной посвященной ей монографией на английском языке. На нее написано несколько рецензий, к которым мы вернемся в заключительной части статьи.

Общая политическая и экономическая обстановка в Ираке в связи с затяжной ирано-иракской войной 1980–1988 гг. не способствовала продолжению работ советской экспедиции в Ираке. Полевые исследования были перенесены на другие памятники той же историко-географической области, но уже по другую сторону Синджара, на территории современной Сирии. В 1988 г. Месопотамская экспедиция ИА РАН приступила к работам на телле Хазна I в провинции Хасеке. Руководителем экспедиции по-прежнему остался Р. М. Мунчаев, а Н. Я. Мерперт по-прежнему был ее ведущим участником. Из ярымской группы археологов первые сезоны (1988–1991) на Телле Хазна также продолжали работать Н. О. Бадер и О. Г. Большаков, а с 1989 г. в состав экспедиции вошел Ш. Н. Амиров, который сыграл очень значительную роль в дальнейших исследованиях и публикациях.

В 2004 г. вышел первый том публикаций раскопок Телля Хазна I (*Мунчаев и др*., 2004); в Приложении к нему приведена подробная история Месопотамской экспедиции, начиная с ее организации и первых шагов, написанная Р. М. Мунчаевым. В этом же томе приведен новый библиографический список всех работ Месопотамской экспедиции (*Мунчаев*, 2004. С. 397–403). Второй том вышел в 2016 г. (*Мунчаев, Амиров*, 2016).

В 2008 г. в Институте археологии РАН вышло два сборника: памяти одного из участников Ярымской экспедиции В. А. Башилова, и к 80-летию Р. М. Мунчаева. В первом сборнике есть три статьи, посвященные Ярымской экспедиции. Статья Р. М. Мунчаева «В Междуречье Тигра и Евфрата: воспоминания о работе В. А. Башилова в Месопотамии» (*Мунчаев*, 2008) вкратце описывает обоснование задач экспедиции и ее историю под другим углом зрения, более мемуарного, менее официального характера.

Статья О. Г. Большакова «Абу Зена Володжа (Ярымские воспоминания)» (*Большаков*, 2008) приводит живую картину раскопочных реалий. В ней же, в частности, приводится печальная история утраты последних чертежей одного из памятников – телля Магзалия.

Третья «иракская» статья в сборнике памяти В. А. Башилова написана Н. О. Бадером и М. Ле Мьер. В отличие от двух предыдущих публикаций мемуарного характера, эта статья посвящена исследованию процесса перехода от докерамического к керамическому неолиту в Синджаре и началу этапа Протохассуны (*Бадер, Ле Мьер*, 2008).

В сборнике, посвященном 80-летию Р. М. Мунчаева, есть лишь одна статья, касающаяся иракской тематики. Это статья Н. О. Бадера, посвященная разведкам в районе группы теллей Ярым Тепе на площади 100 км^2 (*Бадер*, 2008).

В 2013 г. три ведущих участника Ярымской экспедиции – Р. М. Мунчаев, В. И. Гуляев и Н. О. Бадер (Н. Я. Мерперта уже не было в живых) – выпустили книгу ярких воспоминаний о «Ярымской эпопее» с описанием Месопотамии, археологической проблематики Ярымской экспедиции и ее работы в популярном изложении (*Мунчаев и др*., 2013). Две

большие главы в мемуарах Н. Я. Мерперта (*Мерперт*, 2011. С. 295–351) также посвящены иракской экспедиции[1].

Ш. Н. Амиров исследовал морфологию халафской расписной керамики на основе формализованного описания и количественной оценки распределения полученных групп в слоя халафского поселения Ярым Тепе II (*Амиров*, 1994; *Amirov, Deopeak*, 1997; *Amirov*, 2018; *Amirov*, 2021). Н. Ю. Петрова опубликовала ряд исследований керамической коллекции Ярым-Тепе I в сравнении с другими памятниками Плодородного Полумесяца (*Петрова*, 2016; 2019; 2022).

Статья участницы экспедиции на Телле Хазна Т. В. Корниенко посвящена Теллю Магзалия в контексте других памятников позднего докерамического и раннего керамического неолита северной части Плодородного Полумесяца (*Корниенко*, 2020).

СОЗДАНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

В 1960–70-е гг. Ирак был в экономическом отношении процветающей страной со светским правительством и хорошо организованной государственной службой охраны древностей и надзора за их изучением. По словам российского дипломата В. И. Колотуши, который в 1983–1986 г. был советником-посланником в Посольстве СССР в Ираке, «Багдад входил в число самых важных и платежеспособных партнеров СССР» (*Колотуша*, 2020).

В 1966 г. на церемонию открытия нового здания Иракского музея в Багдаде были приглашены официальные делегации из разных стран. По воспоминаниям Н. Я. Мерперта, в создании экспозиции музея большую роль сыграли немецкие специалисты (*Мерперт*, 2011. С. 298). Советский Союз представляли директор Государственного Эрмитажа академик Б. Б. Пиотровский, заместитель директора Института археологии АН СССР, кавказовед Е. И. Крупнов и специалист по арабских рукописям А. Б. Халидов, руководитель Арабского кабинета им. И. Ю. Крачковского и Сектора Ближнего Востока Ленинградского отделения Института востоковедения РАН (ныне Институт восточных рукописей РАН).

Во время этого визита и прозвучал вопрос со стороны иракских коллег – скорее всего, это были выдающийся археолог Фуад Сафар, занимавший должность Генерального инспектора раскопок в Ираке, и председатель Государственного Совета по древностям и наследию (ГСДН) Фейсал Аль-Валли (один из руководителей раскопок на Телле Эс-Савван): «Почему в Ираке до сих пор не ведет раскопки Советский Союз, самая дружественная нам страна?».

Главным энтузиастом, загоревшимся идеей создания иракской экспедиции и добившимся ее поддержки в Президиуме Академии Наук СССР и в Отделе науки ЦК КПСС стал Е. И. Крупнов. Его инициативу поддержал директор Института археологии академик Б. А. Рыбаков (*Мунчаев*, 2018). В конце 1967 г. Институт археологии командировал в Ирак своих сотрудников Н. Я. Мерперта и Н. О. Бадера для официального согласования работ и выбора объекта для стационарных раскопок.

Вот как пишет об этих рекогносцировках Н. О. Бадер (*Бадер*, 1989. С. 9): «Мы предприняли поездку вдоль западных склонов Загроса, посетили раскопки английской экспедиции в Мандели на юге страны, Джармо и другие памятники, в долине Шемшемаль, в районе городов Эрбиля и Мосула на севере, а также приняли участие в работах департамента [ГСДН – *А. Я., М. Дж.*] в Телль эс-Савван».

Мандели находится не на юге Ирака, а на востоке, в *мухáфазе* (административной области) Дияла, к востоку – северо-востоку от Багдада. Там расположено самаррское поселение Чога Мами, которое, разумеется, могло заинтересовать Н. О. Бадера, стремившегося к изучению ранних памятников. В долине «Шемшемаль» (Чамчамаль) в мухафазе Сулеймания Иракского Курдистана расположен неолитический памятник Джармо и пещера Зарзи (поздний палеолит – мезолит). Телль Эс-Савван расположен к северу от Багдада и является эталонным памятником самаррской культуры. Ни один из перечисленных памятников не относится к аллювиальной равнине Тигра и Евфрата и тем более к Южному Ираку (Шумеру). Очевидно, что проведение работ в Южном Ираке при подготовке советской экспедиции не рассматривалось, и программа исследований с самого начала была нацелена на памятники, связанные с «неолитической революцией» – переходом от собирательства и охоты к производящему земледельческому хозяйству.

Согласно воспоминаниям Н. Я. Мерперта, Фуад Сафар включил в их ознакомительный маршрут и южные районы Ирака (*Мерперт*, 2011. С. 306–328). Советские археологи посетили древние города Борсиппу, Вавилон, Ур, Гирсу, Лагаш, а также Телль Эль-Убейд и город Болотной области Сук-аш-Шуюк.

[1] Сведения о езидах, приведенные в обеих книгах, заслуживают уточнения; наиболее полную библиографию изучения езидизма см.: *Юсупова*, 2018.

Об этой южной поездке Н. Я. Мерперт рассказывает как о совершенной скорее для расширения общего кругозора. Нигде не делается акцент на том, что какие-либо телли из южного маршрута могли бы стать объектом стационарных исследований.

Как многократно отмечалось, Синджарская долина к концу 1960-х гг. была изучена очень мало, а число археологических памятников в ней весьма велико.

Джоан Отс приводит имена двух британских исследователей в связи с изучением Синджарской долины (*Oates*, 1994). Первый из них – это Генри Лэйард, давший красочное описание картины, которую он видел в 1846 г. с высоты цитадели Тель-Афара – города, построенного на ассирийском поселении, – насчитав более ста теллей, которые отбрасывали четкие тени в закатном свете. Д. Отс предваряет это упоминание такими словами: «Что касается древних поселений, то территории к северу и к югу от Джебель Синджар являются одними из самых плотно населенных областей древнего Ближнего Востока».

Через девяносто лет после Лэйарда, в 1937 г. выдающийся британский археолог Сетон Ллойд провел разведки на равнине к югу от Джебель Синджар, снова отметив высочайшую плотность поселений в этом регионе (с одного высокого места он насчитал 200 теллей). Именно он первый зафиксировал группу теллей Ярым-Тепе.

Несмотря на такую необычайную плотность археологических памятников, раскопок здесь было проведено немного: С. Ллойд исследовал поселение Грай Реш эпохи поздней первобытности второй половины V – первой половины III тыс. до н. э. (Северный Убейд, поздний халколит, культура Ниневия 5), в 1950-е гг. супруги Дэвид и Джоан Отс работали на трех римских и византийских поселениях, а в 1960-е гг. они же приступили к исследованиям ассирийского Телля Римах и Телля Тайя (*Oates*, 1994. P. 882).

Н. О. Бадер добавляет к этому: «экспедиция Токийского университета работала в 10 км северо-восточнее Телафара на холмах Телюль эс-Таласат, по преимуществу хурритского времени. В основании одного из теллей был обнаружен слой с очень архаичной керамикой, однако опубликованы эти материалы не были, а их полной интерпретации не было предложено. Дэвид и Джоан Отс познакомили нас с подъемными материалами некоторых теллей. <…> Экспедиция видела свои основные цели в изучении процессов первоначального становления производящих форм хозяйства в Северной Месопотамии. Их решение требовало стационарных исследований поселений хассунской, халафской и убейдской культур, которые были известны здесь только по подъемным материалам. Выбор памятников для таких работ был прост и сложен одновременно…» (*Бадер*, 1989. С. 10).

Мы привели эту большую цитату из монографии Н. О. Бадера, потому что она с исчерпывающей ясностью обрисовывает цели, поставленные перед экспедицией, и ситуацию до начала работ.

Роль английских коллег, а именно Дэвида и Джоан Отс, в становлении Ярымской экспедиции была очень велика. Вот что пишет Р. М. Мунчаев в сборнике, изданном в честь 75-летия Дэвида Отса:

«Основным препятствием было отсутствие у нас какого-либо опыта в исследовании археологических памятников в Месопотамии. Следует также признать, что в то время наши знания литературы по археологии Ближнего Востока, а также самого месопотамского археологического материала оставляли желать лучшего. Вот почему помощь Дэвида и Джоан, которую мы с радостью приняли с самого первого дня, была неоценимой. Мы считаем, что не будет преувеличением сказать, что никто не оказал нам большей поддержки, чем Отсы. Они всячески помогали своим русским коллегам выбирать места для раскопок, подбирать рабочих нужной квалификации, литературу, на которой надо сосредоточиться, и много другой полезной информации… В 1969 году Британская школа археологии в Багдаде предоставила российской миссии не только инструменты для раскопок, вплоть до лопат, кирок и мешков для переноски земли, но даже посуду» (*Munchaev, Merpert*, 2002. P. 240). Взаимодействие с Отсами подробно описано также в мемуарах Н. Я. Мерперта (*Мерперт*, 2011. С. 302–306).

Впоследствии, разумеется, советская экспедиция прочно встала на ноги и сама снабжала себя всем необходимым. Логистика Ярымской экспедиции была устроена иначе, чем у современных иностранных экспедиций в Ираке. Первая партия оборудования и припасов была отправлена заранее морем; в нее входил грузовой автомобиль ГАЗ-53 и разъездной автомобиль ГАЗ-69 («газик»), на которых имущество было перевезено через весь Ирак на расстояние 1000 км с советскими водителями за рулем (М. Юнисовым и П. Даровских). Первый экспедиционный лагерь (1969 г.) был чисто палаточным, он был устроен на ровной площадке на склоне Ярым-Тепе III. Рабочие жили в отдельном палаточном лагере на Ярым-Тепе II.

Постоянное сырцовое здание для экспедиционной базы было построено к исходу второго сезона, в 1970 г. В нем были устроены помещение для каме-

ральной обработки находок, склад оборудования, столовая, кухня и жилье для сторожа. Сами члены экспедиции остались жить в палатках.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ПАМЯТНИКОВ

Памятники, исследованные советской экспедицией, находятся в Синджарской степи на слабо всхолмленной территории с сезонными водными протоками на высоте 300–400 м над уровнем моря в окрестностях города Тель Афар в мухафазе Найнава.

Наиболее ранним из памятников, исследованных советской экспедицией, является Джебель Магзалия («гора стрекоз») в 7,5 км к северу от Ярым-Тепе, на правом берегу реки Абра, в деревне Абра Наджар, у южных отрогов хребта Джебель-Синджар. Площадь телля – около 0,65 га, мощность культурного слоя – 8,2 м, в нем выявлено три периода и 18 строительных горизонтов (*Бадер*, 1989). Памятник относится к эпохе докерамического неолита (PPNB), конец VIII тыс. до н. э., его можно сопоставить с Джармо, Шимшара, Чёйёню Тепеси, Иерихоном, Теллем Бейда.

Сырцовые дома в этом поселении построены на каменных фундаментах, которые использовались повторно. В третьем, последнем периоде обживания зафиксированы многокомнатные дома, много места отведено для хранения и обработки зерна. Поселение обнесено стеной из каменных плит, что необычно для таких памятников. Медное шило, найденное на Телле Магзалия, относится к древнейшим медным находкам на территории Северного Двуречья.

На поселениях Телль Сотто, Кюль-Тепе и Ярым-Тепе I представлены последовательные этапы развития керамической хассунской культуры, получившей распространение в середине VII тыс. до н. э.

Телль Сотто был обнаружен в 1971 г. В. А. Башиловым и В. И. Гуляевым в 2 км к западу от Ярым-Тепе. В том же году вокруг телля Сотто были проведены разведки, покрывавшие примерный радиус в 8–10 км вокруг памятника. На этой площади обнаружено десять небольших теллей с выходами материала хассунской культуры. Материал на их поверхности носит характер Архаической Хассуны, а в основании отложений – «необычный и еще более архаичный материал хассунского облика». Телль Сотто – один из этих памятников; его раскопки проводились в 1971, 1973 и 1974 гг. Хотя общая площадь телля 0,35 га, древние поселения на нем в каждый отдельный период занимали всего около 0,05 га; общая мощность культурного слоя составляет до 2,5 м (*Бадер*, 1989. С. 109).

Кюль-Тепе, «пепельный холм», лежит примерно в 6 км западнее группы Ярым-Тепе. Комплекс памятников состоит здесь из двух теллей на правом берегу реки Вади-Шараи, между деревнями Шарай на юге и Шарай-Шемали на севере. Для раскопок был выбран один из холмов, впоследствии получивший название Кюль-Тепе I. Так же, как и на Телле Сотто, площадь древних поселений была значительно меньше, чем общая площадь Кюль-Тепе I (около 0,4 га). Подмытая рекой часть холма облегчила получение стратиграфического разреза, показавшего, что весь комплекс памятников мог относиться к периоду Протохассуны и Архаической Хассуны. Мощность культурного слоя не превышает 2,25 м (*Бадер*, 1989. С. 114).

Группа Ярым-Тепе состоит из шести холмов, из которых три (Ярым-Тепе IV, V и VI), расположенные вдоль течения речки Абры, относятся к поздним периодам (новоассирийскому и последующим). Нумерация этим поздним теллям дана не по течению реки, а, по-видимому, в соответствии с порядком их описания. Название «Абра» носят и другие временные протоки в этом районе.

Ярым-Тепе I расположен в поле с восточной стороны Абры; его площадь более 1 га. На сегодня это наиболее исследованный памятник культуры Хассуна, датируемый рубежом VII – началом VI тыс. до н. э. (*Петрова*, 2016).

В культурном слое мощностью 6,5 м выделено 12 строительных горизонтов. На поселении обнаружен ряд глиняных печей, включая древнейший из известных двухъярусный гончарный горн; есть редкие для этого времени находки металла: свинцовый браслет, медные бусины, кусочки медной руды. В верхних слоях встречается импортная керамика культуры Самарра, а также сосуды, которые можно рассматривать как местную имитацию самаррской керамики (*Петрова*, 2022).

Ярым-Тепе II (площадь около 1 га) лежит в 250 м к западу от Ярым-Тепе I, непосредственно у реки. В период после таяния снегов в горах наступает половодье, наполняя пойму реки, которая подтачивает холм; отсюда туркменское название «половина холма», перешедшее затем на всю группу. Ярым-Тепе II – один из наиболее широко раскопанных памятников халафской культуры, сменившей хассунскую после небольшого перерыва. Мощность культурного слоя на Ярым-Тепе II – около 7 м, выделено 9 строительных горизонтов. Сырцовые жилые постройки на Ярым-Тепе II в основном круглые в плане.

Именно на Ярым-Тепе II 11 апреля 1976 г. была сделана одна из самых замечательных находок

халафской керамики и произведений древнейшего искусства Ближнего Востока в целом: антропоморфный сосуд в виде женской фигуры с длинными волосами, который сейчас выставлен в первобытном зале Иракского Музея. Раскопками в этот день руководил В. И. Гуляев, а расчисткой находки занимался мастер Халаф Джасем (*Мунчаев и др*., 2013. С. 57).

Массовый керамический материал из Ярым-Тепе II послужил Ш. Н. Амирову для подробной статистической периодизации халафской культуры, в которой впервые выявлен момент появления посуды, выполненной на поворотном механизме (*Амиров*, 1994; 2019; *Amirov*, 1997, 2018, 2021).

Телль Ярым-Тепе III, наиболее крупный из трех (около 2 га), непосредственно примыкает к Ярым-Тепе II и отделен от него небольшой ложбиной. Н. Я. Мерперт пишет, что не исключено первоначальное единство обоих поселков (*Мерперт*, 2011. С. 348): из общей толщи культурного слоя в 12 м в восьми метрах нижних слоев находится халафская керамика, а в четырех верхних метрах – убейдская. Раскопки Ярым-Тепе III проводились в 1977–1980 гг., т. е. были завершающими в работе советской экспедиции. Было получено хорошее представление об убейдском поселке и о процессе аккультурации халафской культуры убейдской. Исследование халафских слоев Ярым-Тепе III не было завершено.

В 1985 г. состоялся последний полевой сезон советской экспедиции в Ираке в рамках спасательных работ при строительстве Мосульской дамбы на Тигре. В ходе этих работ был исследован Телль Шейх Хомси с культурными отложениями завершающего этапа периода Убейд и позднего халколита (*Мунчаев, Амиров*, 2018). Тем самым были созданы условия для хронологической преемственности с последующими работами на Телле Хазна. Результаты раскопок Телля Шейх Хомси хранятся в архиве Месопотамской экспедиции Института археологии РАН и пока не опубликованы.

РЕЦЕПЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ

Работа советских исследователей в Ираке охватила период в четыре тысячелетия, начиная от докерамического неолита (PPNB) на Телле Магзалия до североубейдской культуры на Ярым-Тепе III и Телле Шейх Хомси. Собранный материал позволяет проследить последовательные переходы от PPNB к культуре Сотто – Умм Дабагийя (Протохассуна), к Архаичной Хассуне, от Архаичной Хассуне к Стандартной, от хассунской культуры к халафской культуре, и наконец, вытеснение халафской культуры убейдской. Работы проведены на высоком методическом уровне, с доведением больших раскопочных площадей до материка, с четким стратиграфическим контролем. Собрана и обработана представительная коллекция хассунской и халафской керамики, полученной из хороших стратиграфических контекстов. Получены обширные палеоботанические и палеозоологические данные, имеются радиоуглеродные датировки, исследованы и обобщены данные по ранней металлургии. Проведены разведки на территории 100 км^2. Среди находок имеются шедевры мирового уровня.

Этот громадный материал, не полностью опубликованный, документирует целую эпоху в мировой истории.

Еще во время работы Ярымской экспедиции вышел краткий, но основательный очерк Сетона Ллойда «The Archaeology of Mesopotamia: From the Old Stone Age to the Persian Conquest» (*Lloyd*, 1978). В его основном тексте нет упоминания ярымских теллей, но в списке литературы приведены две работы Н. Я. Мерперта и Р. М. Мунчаева. В послесловии Н. Я. Мерперта к русскому переводу книги С. Ллойда, вышедшему в 1984 г., о ярымских находках сказано подробнее (*Мерперт*, 1984. С. 250–264).

Как было сказано выше, главной публикацией результатов Ярымской экспедиции за пределами Советского Союза стало компилятивное издание на английском языке под редакцией Н. Йоффе и Дж. Кларка. На него вышло несколько рецензий, в том числе Ш. Н. Амирова (1995).

В 1994 г. в журнале Antiquity вышла рецензия Джоан Отс (*Oates*, 1994). Название рецензии можно перевести на русский язык так: «Исключительно неблагодарное высокомерие: западная публикация важных советских полевых исследований». Дэвид и Джоан Отс не были марксистами, не имели никакой связи с Советским Союзом (кроме помощи Ярымской экспедиции) и даже, по рассказу О. Г. Большакова,[2] сначала приняли советских археологов за шпионов, но изменили свое мнение, когда увидели, что «два Николая», Н. Я. Мерперт и Н. О. Бадер, ведут зарисовки на раскопках Чога Мами как высокопрофессиональные археологи. Р. М. Мунчаев подчеркивает, что помощь Отсов была «абсолютно бескорыстной» (*Munchaev, Merpert*, 2002. P. 240).

[2] Из неопубликованной аудиозаписи рассказа О. Г. Большакова о «ярымской эпопее».

«Шесть памятников, раскопанных советской экспедицией, – пишет Джоан Отс, – экспоненциально увеличили наши знания о неолите в Северной Месопотамии. <…> тот факт, что этому предприятию было отведено 12 сезонов, и что памятники были исследованы в значительном объеме, как вертикально, так и латерально, привел к тому, что буквально впервые мы располагаем значительным объемом социальной и экономической информации из хороших контекстов. Стратегия долговременных обширных раскопок полностью оправдала себя, что, мы надеемся, будет замечено нынешними учреждениями, ответственными за финансирование, программы которых, рассчитанные на три года, в духе разбойничьего набега, не могли бы принести сравнимые результаты».

Жесткой критике Д. Отс подвергает следующие особенности книги: во-первых, то обстоятельство, что она собрана из публикаций предварительных отчетов разных лет, без какой-либо попытки их внутреннего согласования; во-вторых, за отсутствие критического осмысления этого материала. В-третьих – что отражено в названии рецензии – Д. Отс обращает внимание на то, что «хотя трое выдающихся советских ученых <…> щедро поделились своим временем, своими рукописями и своими иллюстрациями, и на самом деле являются авторами 250 из 263 содержательных страниц книги, их имена не вынесены ни на титульный лист, ни на обложку книги».

В 1996 г. в Journal of Field Archaeology вышла рецензия Пола Зимански, активно работавшего в Ираке (*Zimanski*, 1996). Указывая, так же как и Джоан Отс, на то обстоятельство, что книга Н. Йоффе и Дж. Кларка является компиляцией предварительных отчетов без критической оценки, П. Зимански в целом с благодарностью оценивает этот труд. Однако он обращает внимание на то, что к моменту выхода рецензируемой книги появились результаты новых раскопок на аналогичных памятниках, что отражено в некоторых обобщающих работах, таких как книга первооткрывателя Телля Уэйли (Убейд 0) Ж.-Л. Юо (*Huot*, 1994) и исследователя соседнего с Теллем Магзалия Телля Кермез-Дере Т. Воткинса (*Watkins*, 1992), которые позволяют поместить ранние памятники, изученные Ярымской экспедицией, в более широкий контекст. В обеих вышеназванных обобщающих работах материал из Ярымской экспедиции принят во внимание.

За пределами специальной литературы по археологии первобытности находки Ярымской экспедиции почти не были отражены в советской и российской историографии. В 1983 г., уже после выхода книги (*Мерперт, Мунчаев*, 1981), вышел первый том фундаментальной «Истории Древнего Востока» под редакцией И. М. Дьяконова, наиболее передового советского университетского учебника по этой теме для того времени (История Древнего Востока, 1983). На с. 66 упоминается хассунская культура, уровень развития которой долгое время «представлялся весьма архаическим, но раскопки арабских археологов на поселении Телль ас-Савван, около Багдада, и советских ученых на Ярым-тепе, к западу от Мосула, позволили кардинальным образом пересмотреть это представление». Далее в историографическом разделе на с. 507 снова упоминаются советские раскопки, наряду с арабскими и японскими. Этому предшествует общая посылка, что «время для критической оценки многочисленных экспедиций в Ирак и Сирийскую Месопотамию послевоенного периода еще не настало». Как мы видели, обобщающие критические исследования по Ярымскому материалу, в общем, так и не были написаны.

В 2020 г. вышел первый том новой Оксфордской истории Древнего Востока, которая заявлена как «всесторонний обзор … выполненный международным коллективом ведущих ученых»[3]. Первая глава написана П. Аккермансом (*Akkermans*, 2020) и посвящена «доисторической Западной Азии», включая несколько тысячелетий, которые оказались в фокусе исследований Ярымской экспедиции. Ни единого упоминания трудов экспедиции и изученных ею памятников нет ни на карте, ни в тексте главы, ни в библиографии. Двенадцати сезонов экспедиции на шести теллях, которые, по словам Джоан Отс, «экспоненциально увеличили наши знания», словно никогда не существовало.

Письменная история Месопотамии активно используется в Ираке для подтверждения значимости исторического наследия этой страны. Изображения знаменитых памятников – зиккуратов в Уре и Уруке, клинописных табличек, известных статуй раннединастического периода и Третьей династии Ура часто можно встретить на улицах городов и даже в качестве логотипов коммерческой продукции. Но того же нельзя сказать о самаррских, халафских и хассунских памятниках. Между тем халафские антропоморфный и зооморфный сосуды

[3] https://academic.oup.com/book/37433. Дата обращения 15/02/2023.

из Ярым-Тепе II являются шедеврами мирового искусства, демонстрирующими пластику и рисунок высокой степени совершенства за пять тысячелетий до классической античной керамики, которой гордятся европейские и российские музеи. Общественный потенциал этих вещей для Ирака, выставленных в национальном музее как рядовые, используется лишь в малой степени. Дописьменная и письменная история остаются, образно говоря, на разных берегах Тигра и Евфрата.

Р.М. Мунчаев и Н.Я. Мерперт с благодарностью упоминают несколько имен иракских инспекторов ГСДН, выполнявших надзор за соблюдением иракского Закона о древностях и за методикой работы советских археологов: Исмаил Хиджара (1969–1971 гг.), Зухейр Раджаб (1970, 1972 гг.), Ясин Рашид (1973 г.), Саллах Сальман аль Гумури (1974 г.), Музахим Махмуд (1975 г.), Джорджис Мухаммад (1975–1976 гг.), Сабах Аббуда (1976 г.) (*Мунчаев, Мерперт*, 1981. С. 14).

Из вышеперечисленных археологов Исмаил Хиджара приобрел мировую известность своими раскопками Телля Арпачия, которые он предпринял в 1976 г. по совету Дэвида и Джоан Отс, чтобы восполнить существенные пробелы в исследовании этого ключевого халафского памятника М. Маллованом в 1933 г. (*Hijara*, 1980).

Из монографии Р.М. Мунчаева и Н.Я. Мерперта мы узнаем, что И. Хиджара побывал в Москве в 1978 г., где обсуждал с авторами монографии свои разведки в Северном Ираке в 1976–1977 гг., в ходе которых им было обнаружено «около 140 памятников и местонахождений керамики халафской культуры» (*Мунчаев, Мерперт*, 1981. С. 160). Это говорит о том, что профессиональные контакты между советскими археологами и инспекторами ГСДН продолжались и за пределами раскопок. Результаты своих разведок, а также своих раскопок Телля Арпачия И. Хиджара опубликовал в обширном халафском контексте (*Hijjara*, 1997).

Приходится сделать вывод, что, несмотря на громадные достижения советской экспедиции в методически совершенном сборе важной исторической информации, ее работы были недостаточно оценены вне круга советских и российских археологов, непосредственно занятых историей ранних обществ Ближнего Востока, и их западных коллег. Это было связано прежде всего с отсутствием монографических публикаций на английском языке с критическим осмыслением результатов, а также с недостаточным вниманием западных (а за ними и иракских) ученых к советской и российской историографии.

Культурно-дипломатический потенциал экспедиции также не был использован. Это следует объяснить политическим кризисом как в СССР, так и в Ираке, а также затяжными бедствиями, блокадой и войнами в Ираке, нарушившими культурно-образовательную среду.

Насколько новая Российско-Иракская комплексная экспедиция сможет восполнить этот пробел – покажет время.

Благодарность

Авторы сердечно благодарят Ш.Н. Амирова и Н.Ю. Петрову за ценную помощь в данной работе.

Литература

Амиров Ш.Н., 1994. Морфология керамики халафской культуры Северной Месопотамии (по материалам поселения Ярым-Тепе 2): автореф. дис. … канд. ист. наук. М.

Амиров Ш.Н., 1995. Рец. на кн.: Early Stages in the Evolution of Mesopotamian Civilization. Soviet Excavations in Northern Iraq. The University of Arizona Press. Tucson and London, 1993 // РА. № 4. С. 192–196.

Амиров Ш.Н., 2019. Халафская культура Северной Месопотамии в свете современных исследований // Восток (Oriens). № 6. С. 6–22.

Бадер Н.О., 1989. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. Исследования Советской археологической экспедиции в Ираке на поселениях телль Магзалия, телль Сотто, Кюльтепе. М.: Наука. 368 с.

Бадер Н.О., Ле Мьер М., 2008. От докерамического к керамическому неолиту в Синджаре: начало протохассуны // Проблемы современной археологии: сб. памяти В.А. Башилова / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Таус. С. 28–48.

Башилов В.А., Большаков О.Г., Куза А.В., 1980. Древнейшие слои хассунского поселения Ярым-тепе I в Северном Ираке // СА. № 1. С. 106–129.

Большаков О.Г., 2008. Абу Зена Володжа (Ярымские воспоминания) // Проблемы современной археологии: сб. памяти В.А. Башилова / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Таус. С. 24–27.

История Древнего Востока. Ч. I. Месопотамия / Ред. И. М. Дьяконов. М.: Наука, 1983. 534 с.

Колотуша В. И, 2020. Без грифа секретности, или Байки старого толмача. М.: «Весь мир». 464 с.

Корниенко Т. В., 2020. Телль Магзалия в контексте памятников раннего неолита Северной Месопотамии и сопредельных территорий // РА. № 4. С. 5–20.

Мерперт Н. Я., 1982. К вопросу об архаическом этапе хассунской культуры (по материалам нижних горизонтов Ярымтепе I) // Археология Старого и Нового Свет / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: Наука. С. 11–27.

Мерперт Н. Я., 1982. Поселение убейдской культуры Ярым-Тепе III в Северной Месопотамии // СА. № 4. С. 133–149.

Мерперт Н. Я., 1984. Послесловие // Ллойд С. Археология Месопотамии. М.: Наука. С. 250–264.

Мерперт Н. Я., 2011. Из прошлого: далекого и близкого. Мемуары археолога. М.: Таус. 384 с.

Мунчаев Р. М., 1984. Некоторые проблемы археологии Месопотамии в свете новейших исследований (из итогов работ Советской экспедиции в Ираке) // КСИА. Вып. 180.

Мунчаев Р. М., 2004. К истории российских археологических исследований в Месопотамии // Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Амиров Ш. Н. Телль Хазна I. Культово-административный центр IV–III тыс. до н. э. в Северо-восточной Сирии. М.: Палеограф. С. 383–396.

Мунчаев Р. М., 2008. В Междуречье Тигра и Евфрата: воспоминания о работе В. А. Башилова в Месопотамии // Проблемы современной археологии: сб. памяти В. А. Башилова / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Таус. С. 12–23.

Мунчаев Р. М., 2018. Роль Е. И. Крупнова в организации первой российской экспедиции в Месопотамии и некоторые итоги ее деятельности // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Карачаевск. С. 11–16.

Мунчаев Р. М., Амиров Ш. Н., 2016. Телль Хазна I. Культово-административный центр IV–III тыс. до н. э. в Северо-восточной Сирии. Т. 2. М.: Таус.

Мунчаев Р. М., Амиров Ш. Н., 2018. Homo dominus. О знаках собственности в Северной Месопотамии эпохи поздней первобытности // РА. № 2. С. 9–22.

Мунчаев Р. М., Бадер Н. О., Гуляев В. И., 2013. Первые российские археологи в Месопотамии. М.: Таус. 243 с.

Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.,1981. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. Исследования советской экспедиции в Ираке. М. 320 с.

Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Амиров Ш. Н., 2004. Телль Хазна I. Культово-административный центр IV–III тыс. до н. э. в Северо-восточной Сирии. М.: Палеограф.

Петрова Н. Ю., 2016. Технологическое изучение керамики поселения Ярымтепе I (периоды Протохассуны и Архаической Хассуны) // КСИА. Вып. 242. С. 48–59.

Петрова Н. Ю., 2019. Развитие технологии изготовления неолитической керамики в Восточной Джезире и горах Загроса (Северный Ирак и Западный Иран) // КСИА. Вып. 256. С. 329–343.

Петрова Н. Ю., 2022. Классическая самаррская расписная неолитическая керамика (по материалам поселения Ярым-тепе I в Северном Ираке) // АЭАЕ. Т. 50, № 3. С. 29–38.

Юсупова З. А., 2018. К истории изучения езидизма // Письменные памятники Востока. Т. 15, № 2 (33). С. 56–66.

Akkermans P., 2020. Prehistoric Western Asia // The Oxford History of the Ancient Near East. Oxford: Oxford University Press. P. 27–94.

Amirov Sh., 2018. The Morphology of Halafian Painted Pottery and Process of Ubaidian Acculturation // II Workshop on Late Neolithic Ceramics in Ancient Mesopotamia: pottery in context. Barcelona. P. 15–24.

Amirov Sh., 2021. Experience in Creating a Descriptive System for the Morphology of Halafian Painted Pottery from Yarim-Tepe 2 (Iraq) // Neolithic Pottery from the Near East: Production, Distribution and Use: Third International Workshop on Ceramics from the Late Neolithic Near East. Antalya. P. 91–102.

Amirov Sh., Deopeak D., 1997. Morphology of Halafian Painted Pottery from Yarim Tepe 2, (using computerized shape analysis) // Baghdader Mitteilungen. Band 28. P. 69–85.

Bashilov V.A., Bolshakov O. G., Kuza A. V., 1980. The Earliest Strata of Yarim Tepe I // Sumer, XXXV. Baghdad.

Early Stages in the Evolution of Mesopotamian Civilization: Soviet Excavations in Northern Iraq / Eds.: N. Yoffee, J. Clark. Tucson; London: University of Arisona Press, 1993. XV, 286 p.

Hijara I., 1980. Arpachiyah 1976 // Iraq. Vol. 42, no. 2. P. 131–154.

Hijara I., 1997. The Halaf Period in Northern Mesopotamia. London. 159 p., 94, 114 p. ill.

Huot J.-L., 1994. Les premiers villageois de Mésopotamie. Paris. 223 p.: ill.

Lloyd S., 1978. The Archaeology of Mesopotamia: From the Old Stone Age to the Persian Conquest. London: Thames and Hudson. 251 p.

Munchaev R., Merpert N., 1984. Soviet Expedition Research at Yarim-Tepe III in North-Western Iraq, 1978–1979 // Sumer. XLIII, 1–2.

Munchaev R.M., Merpert N. Ya., 2002. Twenty Five Field Seasons of the Russian Mission in North Mesopotamia // Of pots and plans: papers on the archaeology and history of Mesopotamia and Syria: presented to David Oates in honour of his 75th birthday. London: NABU. P. 240–258.

Oates J., 1994. 'An extraordinarily ungrateful conceit': a western publication of important Soviet field-studies // Antiquity. 68. P. 882–885.

Watkins T., 1992. Pushing Back the Frontiers of Mesopotamian Prehistory // The Biblical Archaeologist, Vol. 55, no. 4. P. 176–181.

Zimansky P., 1996. Early Stages in the Evolution of Mesopotamian Civilization: Soviet Excavations in Northern Iraq // Journal of Field Archaeology. Vol. 23, no. 1. P. 138–140.

Сведения об авторах

Янковский-Дьяконов Алексей Игоревич, Институт востоковедения РАН, ул. Рождественка, 12, Москва, 107031, Россия; e-mail: jankowski-diakonoff@yandex.ru

Мустафа Джасем Аль-Хуссини Мохаммед, Государственный совет по древностям и наследию Министерства культуры, туризма и древностей Республики Ирак, Президентский дворец, набережная Шатт эль-Араб, Басра, 61001, Республика Ирак; e-mail: mustfaamohammed@yandex.ru

Ближний Восток
и Балканы

https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-426-5.57-64

LATE NEOLITHIC FINDINGS IN THE HIGHLANDS OF UPPER MESOPOTAMIA IN THE LIGHT OF NEW RESEARCHES

H. Tekin

Abstract. The foothills of the Taurus Mountains, which form the high areas of Upper Mesopotamia, are the birthplace of the Euphrates and Tigris rivers, which are also the life sources of Mesopotamia. Information about the prehistoric times of the southeastern of Türkiye, which constitutes the mountainous areas of Upper Mesopotamia, was minimal about 30 years ago. Due to the dams and hydroelectric power plants built on the Euphrates and Tigris rivers, archaeological activities in these areas have increased considerably. In addition to the Early Neolithic settlements discovered one after another in Türkiye's Euphrates basin, remarkable discoveries regarding the Late Neolithic period were made in the Upper Tigris valley. Thanks to the archaeological activities initiated in 1998 within the impact area of the Ilısu Dam, which was completed and put into service in 2020, results contributed significantly to the current knowledge about the Late Neolithic period of Upper Mesopotamia were reached. This article presents the remarkable data of these results to the reader.

Keywords: Hassuna, Samarra, Mesopotamia, Late Neolithic, pottery.

НАХОДКИ ЭПОХИ ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА В ВЫСОКОГОРЬЯХ ВЕРХНЕЙ МЕСОПОТАМИИ В СВЕТЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Х. Текин

Резюме. В предгорьях Тавра, образующих высокогорные районы Верхней Месопотамии, располагаются истоки рек Евфрата и Тигра, которые являются источниками жизни Месопотамии. Наши знания о доистории горных районов Верхней Месопотамии на Юго-востоке Турции еще около 30 лет назад были минимальны. Строительство плотин и гидроэлектростанций на Евфрате и Тигре стало началом значительных археологических исследований в этих районах. Кроме целого ряда ранненеолитических поселений, обнаруженных в бассейне Евфрата на территории Турции, в верхней части долины Тигра были сделаны замечательные открытия памятников, относящихся к периоду позднего неолита. В 1998 г. были начаты археологические работы в зоне строительства плотины Илису. В 2020 г. строительство было завершено и плотина введена в эксплуатацию. Благодаря этим работам были достигнуты значительные результаты и внесен большой вклад в современные знания о периоде позднего неолита в Верхней Месопотамии. В данной статье вниманию читателя представлены данные о результатах проведенных исследований.

Ключевые слова: Хассуна, Самарра, Месопотамия, поздний неолит, керамическая посуда.

Introduction

It is possible to divide the Taurus Mountains into two sub-regions based on the geographical and archaeological data of the Taurus Mountains, which almost horizontally divides the geography of today's Türkiye into two. The west of this separation is the Turkish Eastern Mediterranean, and the east is the Southeastern Anatolia Region (Fig. 1) (*Tekin*, 2021). The southern foothills of the Taurus Mountains are also home to the first Neolithic settlements of Upper Mesopotamia. The most distinctive feature of these Early Neolithic sites is their "monumental" architecture. Considering the general characteristics of the Early Neolithic settlements of Upper Mesopotamia within the borders of Türkiye, some differences between the Euphrates and Tigris valleys draw attention. Although

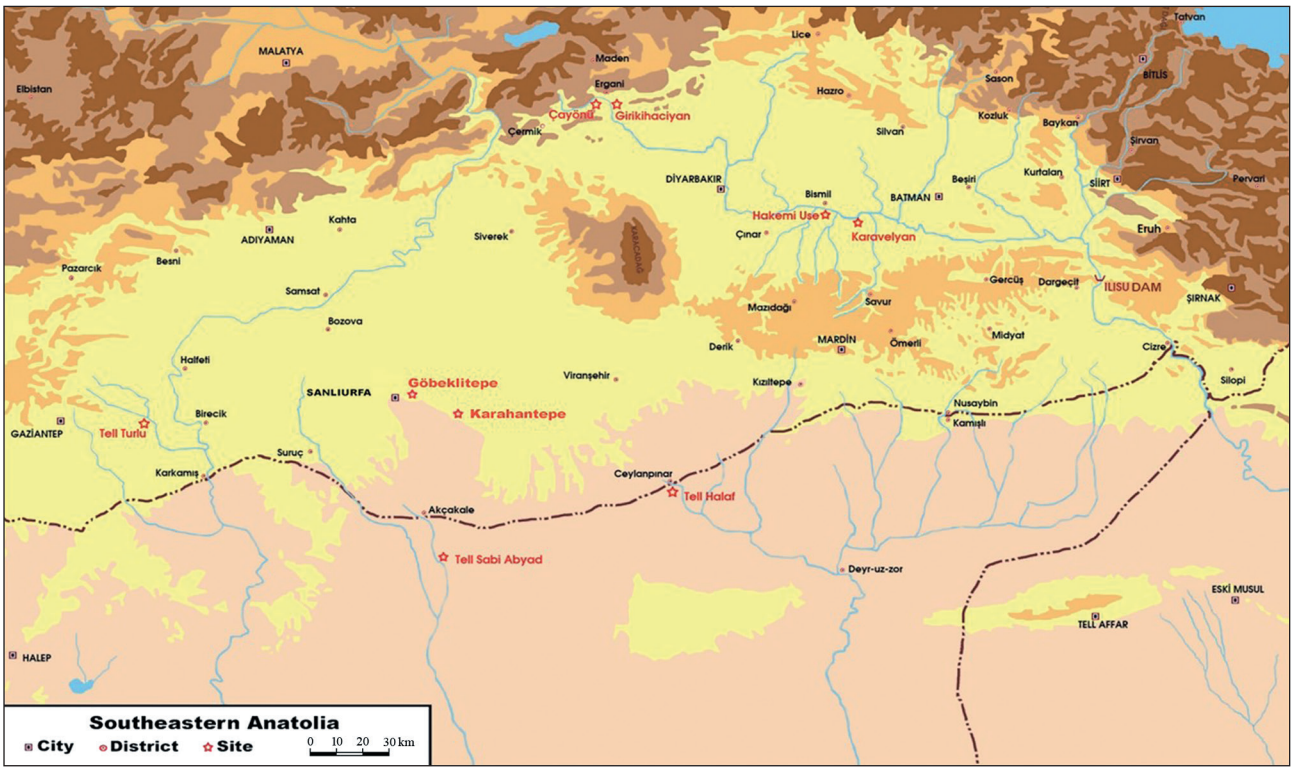


Fig. 1. The map of the Upper Tigris

the monumental and round-planned architecture shows similarities, there are distinct differences.

Göbeklitepe and Karahantepe are the most well-known and prominent among these settlements. Some experts focus on Göbeklitepe and define the Early Neolithic settlements at the southern slopes of the Taurus Mountains as "Göbeklitepe Culture" (*Karul*, 2021).

Ilısu Dam Area

Ilısu Dam, built on the Tigris and named after the modern village where it was built, has a reservoir area of approximately 313 km^2, and many cultural assets have been affected by it (Fig. 2). In 1998, under the Ministry of Culture and Tourism coordination and the General Directorate of State Hydraulic Works, international teams initiated archaeological research to identify and rescue the cultural assets in the areas that would be inundated and affected by the Ilısu Dam reservoir. For this purpose, numerous excavations and surveys focusing on different periods were carried out. Within the scope of these studies, the excavations of the Late Neolithic settlements, which achieved remarkable results, were carried out, and comprehensive information about this period of the region was obtained.

One of the settlements that best represents the early phase of the Late Neolithic in the Upper Tigris valley is the **Salat Camii Yanı** (near Salat Mosque), which was excavated under the direction of Japanese archaeologist Yutaka Miyake between 2004 and 2009 (*Miyake*, 2005). The mound has approximately 5 m of deposit, and three main layers were determined during the excavations. The virgin soil was reached in all trenches, but no evidence of the Pre-Pottery Neolithic occupation was found. At the bottom, a structure unearthed in the 1st layer on the virgin soil draws attention. The walls of the building, which consists of an L-shaped corridor in the middle and seven rooms connected to it, were built without a stone foundation and in the *pisé* technique.

The pottery of this layer technically consists of coarse-paste, low-fire, dark-cored and coarse-quality vessels with added minerals to the paste (*Miyake*, 2011a. P. 293. Fig. 6–7). Although no complete was found in the excavations, it is suggested that most of the vessels were for cooking purposes, based on the dough quality, rim, and body parts (*Miyake*, 2011a. P. 285). It is stated that the 3 phases found in the Salat Camii Yanı excavations represent the early phase of the Late Neolithic period, and the pottery unearthed completely agrees with the Proto-Hassuna in the traditional Mesopotamian chronology (*Miyake*, 2011b. P. 135).

The most extensive excavation of the Upper Tigris valley from the Late Neolithic period was carried

Fig. 2. The map of the Ilısu reservoir area

out at **Hakemi Use**. Within the scope of the Ilısu Dam project built on the Tigris River, the Hakemi Use excavations were carried out between 2001–2013 by a Turkish team from Ankara Hacettepe University under my responsibility (*Tekin*, 2020).

The mound, approximately 1.5 ha wide, is called Hakemi Use, meaning Joseph's Mound, by the local people, has a 4 m deposit. Hakemi Use was inhabited only during the Late Neolithic and Late Assyrian periods. In the Middle Ages (14th century AD), it was the cemetery of the village 200 m east.

Hakemi Use is entirely a Mesopotamian Late Neolithic settlement located on the right bank of the Tigris according to the flow direction. The virgin soil was reached in many trenches during the excavations. 3.5 m of the 4 m cultural deposit of this small settlement belongs to the Late Neolithic period. Radiocarbon results gave 6100–5950 BCE for the Late Neolithic period. Hakemi Use is a Hassuna-Samarra settlement containing all the elements of this period. The five-building levels determined in the settlement occupied only for approximately 150 years in the Late Neolithic period have similar characteristics. The walls of the buildings, almost all of which do not have stone foundations, are primarily created in the *pisé* technique (Fig. 3).

Five building levels belonging to the Late Neolithic period were identified in the settlement. While there is no remarkable difference between the architectural remains and archaeological finds unearthed in these five building levels, some minor differences, mainly pottery, can be observed between the first two building levels at the top and the other three below. Since the first excavation season, dividing the Late Neolithic pottery into four main groups has been possible. Detailed information about these has been shared in different publications in the past (*Tekin*, 2004; 2013; 2017; 2020).

Although there are some minor differences according to the building levels, the proportional distribution of the pottery in these four main groups within the assemblage is as follows: *the Standard Ware* %72, *the Orange Fine Ware* %13, *the Dark Faced Ware* %11 and *the Fine Ware* is %4.

Two hundred fifty-one burials were unearthed in all five building levels, showing similar traditions. While a few were buried inside and under the floors, most were buried in the empty spaces between the houses (Fig. 4). It should be noted that there is no unity of direction in the burials in question. While the number of children and women is high on the superstructure layers (especially the 1st and 2nd), men and older women draw attention to the infrastructure layers. As grave goods, mostly

Fig. 3. Aerial photo of Hakemi Use from the balloon

Fig. 4. A burial under the floor of a house at Hakemi Use

one or two vessels were left on the upper part of the body of the individuals (Fig. 5). Very rarely, this number can be up to five in some graves. Another great point is that very few ornaments were found in the burials.

Human figurines from clay were mostly found in garbage areas between houses. These small-sized figurines are highly stylized and mostly depict women (due to their breasts), although some are unisex. Only one of them is a sitting woman figurine made of marble, and looks very natural (Fig. 6) (*Tekin*, 2013, 498. Fig. 44.10). This sample at issue is very similar to the finds of Tell es-Sawwan, a contemporary settlement of Middle Mesopotamia, both in size, the material from which it was produced, and its appearance (*Oates*, 1966). It should be noted that among the pottery assemblage in the context in which this figurine was found, the Samarran type was found in small numbers. Considering all the features of this figurine and the fact that only one was found in the excavation, it is possible that it was not locally produced and came here from the South. On the other hand, whether Samarran pottery was also inhabited directly or indirectly from the south has yet to be made clear. The answer to this question will be found when the pieces of pottery are analyzed. The international research group, including Russian colleagues, is conducting analysis studies, and is expected to be completed soon.

Another place where excavations are carried out within the scope of the Ilısu Dam project is **Karavelyan**. During the field studies carried out by the Hakemi Use team between 2007 and 2012, a short-term settlement belonging to the Early Halaf (*ca.* 5800–5700 BCE) period was determined (*Tekin*, 2019). The settlement, which has approximately one meter of cultural deposit, has a width of 1.5 ha.

The presence of two building levels belonging to the Late Neolithic period was found in the settlement. Based on the quality of the architectural remains unearthed, there is no long-term settlement here, and it is almost a seasonal station. Considering the size of the contemporary settlements found during the survey conducted by the excavation team along the Tigris River, it was determined that there were at least ten similar settlements within a few kilometers. The common point of this settlement is that they are located a few hundred meters inland from the coastline of the Tigris and on a natural terrace.

Located on a natural terrace north of the Tigris, opposite Karavelyan, **Boztepe** is another Ilısu excavation briefly occupied during the Early Halaf period (*Parker et al*., 2001). Unfortunately, very short-term research was carried out in Boztepe, and the findings were not published comprehensively. In particular, it has become necessary to reconsider the Boztepe results of the archaeological activities carried out in the region after the

Fig. 5. An Archaic Hassuna pottery from Hakemi Use

Fig. 6. A marble figurine from Hakemi Use

preliminary excavation report. However, it is possible to see Boztepe, which is very similar to the Karavelyan finds, with other contemporary settlements in the Upper Tigris Valley. This settlement, located on a high terrace on the opposite bank of the Tigris, should be considered a station of the semi-nomadic lifestyle that dominated the region during the Early Halaf period.

Birkleyn Cave, located close to the source of the Tigris in the Taurus Mountains, is famous for the relief of two Assyrian kings at its entrance. Known as the Tigris Tunnel in the archaeological literature since the 19th century, a German team carried out the last work in this cave within the scope of the Ilısu Dam, and some handmade pottery found at the entrance of the cave draws attention as Hassuna-type (*Schachner*, 2022. P. 276).

Ambar Dam Area

Ambar Çay, one of the northern branches of the Tigris River, takes its source from the Taurus Mountains. Due to a small dam being built on this stream, excavations have been carried out in some settlements in this area since 2018 (*Ökse*, 2020). Within this project's scope, the excavation finds of two settlements belonging to the Neolithic Period allowed us to reach significant conclusions about the situation on the northern border of the Upper Tigris valley. One of them, **Gre Filla**, is a typical example of Early Neolithic settlements in the region. It differs from the standards of the Euphrates in that the columns supporting the four roofs in the building are in the form of stone masonry. As is known, the Euphrates specimens are made of one piece of limestone, and most of them have relief decorations.

Kendale Hecala is the only settlement that has been excavated and represents the Late Neolithic period in the Ambar Dam project (*Ökse et al.*, 2019). It is reported that the first occupation of the settlement took place between *ca.* 6900–6700 BCE, and the pottery has dense mineral tempered paste (*Ökse*, 2019. P. 3). In addition, Dark Faced Burnished Ware samples, which are mostly considered original for Syro-Cilicia, were also found (*Ökse,* 2019. P. 4).

When all the finds are evaluated together, Kendale Hecala forms the northern boundary of this material, which was found during excavations in Upper Mesopotamia, which yields Proto-Hassuna and Hassuna material in traditional Mesopotamian chronology.

General Evaluation

The first archaeological research on Neolithization in the Turkish part of Upper Mesopotamia was initiated in the early 1960s by a team from the universities of Istanbul and Chicago (*Çambel, Braidwood*, 1980). **Çayönü**, which was started to be excavated as a part of this project, remained the most important and only reference center for southeast Türkiye for many years. Although the excavations are sometimes interrupted, the existence of both the Early Neolithic and Late Neolithic (*Özdoğan, Özdoğan*, 1993) periods has been determined in Çayönü, which continues today.

Til Huzur (Yayvantepe), located a few kilometers east of Çayönü and now under the modern village, is a remarkable Late Neolithic settlement close to the Taurus Mountains, although it was a short-term excavation (*Caneva*, 2011). When the archaeological material of this settlement is carefully examined, it will be seen that it is closely related to the pottery collected during the survey at either the Hakemi Use or the survey a few hundred kilometers to the south. Based on this, it is seen that there is a direct relationship between the settlements inhabited along the Tigris and the settlements located close to the mountainous areas in the north.

The finds of some settlements excavated for a short time or discovered during the survey show the relationship with contemporary settlements both within the region and in the south (Iraq-Syria). Although **Sumaki Höyük**, located on the banks of Garzan Çay, one of the northern tributaries of the Tigris, is known as an Early Neolithic period settlement, sherds belonging to the early stages of the Late Neolithic period were collected during the excavations (*Erim-Özdoğan*, 2011). The pottery unearthed at Sumaki Höyük shows Proto-Hassuna characteristics.

Although the **Türbe Höyük** material on the shore of Botan Çay, another important eastern branch of the Tigris, mainly includes the Bronze Age, the cultural filling below belongs to the Late Neolithic period (*Sağlamtimur, Ozan*, 2007). The burials unearthed in the settlement and the pottery collected from it show Early Halaf characteristics.

Notably, the size of Late Neolithic settlements increased in the mountainous areas in the east of the region. In this area, where the Tigris forms deep valleys, husbandry is an essential source of livelihood rather than agricultural activity. Located on the high plateaus where the Tigris will leave Türkiye and enter Iraq, **Takyan Höyük** is a remarkable Late Neolithic settlement with a width of about 15 ha. Unfortunately, no excavations were carried out in this mound, but a very intensive survey was conducted (*Kozbe*, 2013).

Thanks to the dam excavations and surveys, remarkable and valuable information about the Neolithization of Upper Mesopotamia in the last 30 years has been obtained. For many years, only the Çayönü team had limited information about this mountainous region of Mesopotamia, and all comments could be made

based on this. However, in the south of this area, within the borders of Syria and Iraq, international teams conducted intensive research in the second half of the 20th century, and significant knowledge was accumulated. This situation was valid for almost all periods of Mesopotamia, and when interpreting the Bronze and Iron Ages, only the south of the region was considered due to the lack of information within the borders of Türkiye.

Interpretations about Hassuna, Samarra, and Halaf, representing the Late Neolithic period of Upper Mesopotamia, were made based on information from Iraq and Syria. At the same time, the few data from within Türkiye's borders were described as the northern periphery of the region or were sometimes ignored. The situation changed at the beginning of the 21st century, owing to the concentration of archaeological activities in southeastern Türkiye. Thanks to the prehistoric research concentrated in the Euphrates and Tigris basins of Türkiye, the findings in Syria and Iraq have been interpreted differently. In particular, the research that contributed to the origin of the prehistoric communities of Upper Mesopotamia focused on the southern foothills of the Taurus Mountains. It is understood that the Early Neolithic communities were first present in the region around *ca.* 10500 BCE and started to build sizeable round-stone buildings. During the 10th millennium, in a large area stretching from the Euphrates to the east of the Tigris, the circular planned buildings with pillars presented a dominant settlement model in the region. Another common feature of these buildings is that they are built in pits dug a few meters below the ground. While the surfaces of these pillars in the Euphrates basin are mostly decorated with relief, this is not encountered in the Tigris. In addition, it should be emphasized that there is a similarity between sculptures or small finds made of limestone.

Regarding 7000 BCE in the region, a significant change is observed in the Near East; most settlements have been abandoned. While hilly areas were preferred as settlements in the past, it is seen that in this new process, plains and riverside settlements have been settled. Undoubtedly, the most radical change is the disappearance of monumentality in architecture. It is understood that agriculture and animal husbandry came to the fore in this new lifestyle, and simple village life was preferred as a small size and social pattern. A similar situation is observed in this vast area south of the Taurus Mountains, starting from the Mediterranean and extending to Urmiyah.

Another breaking point in the mountainous areas of the Upper Tigris occurred in the late 6000-early 5000 BCE. It is observed that many villages are drawn inward from the riverbanks and are generally located on natural high terraces. Although the exact reason for this has not yet been determined, it is highly likely to be related to the change in the flow of the Tigris. Because a few centuries later, the settlements again descended to the flat area.

Another significant result of the excavations in the Upper Tigris valley is that although the Hassuna and Samarran pottery penetrate the higher regions of the Taurus Mountains, Halaf is more common in areas with an altitude of 700–500 m. This indicates that the Halaf communities originated from the way of life in this region. Considering the distribution and dimensions of the settlements, it is seen that small seasonal stations are arranged at a short distance (one day's walking distance) around the main settlements. This situation in the mountainous areas of the Upper Tigris Valley coincides with the prevailing lifestyle today. These are the leading regions of Türkiye with low population density.

As the archaeological activities increase in Southeastern Türkiye, which constitutes the mountainous areas of Upper Mesopotamia, which has been neglected in archeology for many years, quite interesting and valuable data are reached. In light of this information, the prehistory of Upper Mesopotamia is being reconstructed. In addition to the existing studies, the veil of secrecy on the Late Neolithic period of Upper Mesopotamia will be lifted through the data obtained through new research.

References

Çambel H., Braidwood J. R. (eds)., 1980. The Joint Istanbul-Chicago Universities "Prehistoric Research in Southeastern Anatolia" // Istanbul: The University of Istanbul Press.

Caneva I., 2011. Til Huzur-Yayvantepe // The Neolithic in Turkey: New Excavations & New Research. Vol. 1. The Tigris Basin / Eds.: M. Özdoğan, N. Başgelen, P. I. Kuniholm. İstanbul: Archaeology & Art Publications. P. 173–184.

Erim-Özdoğan A., 2011. Sumaki Höyük: A new Neolithic settlement in the Upper Tigris basin // The Neolithic in Turkey: New Excavations & New Research. Vol. 1. The Tigris Basin / Eds.: M. Özdoğan, N. Başgelen, P. I. Kuniholm. İstanbul: Archaeology & Art Publications. P. 19–60.

Karul N., 2021. Buried buildings at Pre-Pottery Neolithic Karahantepe // Türk Arkeoloji ve Etnografya Dergisi. Vol. 82. P. 21–31.

Kozbe G., 2013 The Late Neolithic Şırnak area (Southeast Turkey) // Interpreting the Late Neolithic of Upper Mesopotamia / Ed. O. P. Nieuwenhuyse et al. Turnhout: Brepols. P. 479–491.

Miyake Y., 2005. Archaeological Survey at Salat Cami Yanı: a Neolithic pottery site in the Tigris valley, Southeast Turkey // Anatolica. XXXI. P. 1–17.

Miyake Y., 2011a. 2009 Salat Camii Yanı kazıları (Diyarbakır ili, Bismil ilçesi) // 32. Kazı Sonuçları Toplantısı. Vol. 3. P. 282–293.

Miyake Y., 2011b. Salat Cami Yanı. A pottery Neolithic site in the Tigris valley // The Neolithic in Turkey: New Excavations & New Research. Vol. 1. The Tigris Basin / Eds.: M. Özdoğan, N. Başgelen, P. I. Kuniholm. İstanbul: Archaeology & Art Publications. P. 129–149.

Oates J., 1966. The baked clay figurines from Tell es-Sawwan // Iraq. 28. P. 146–153.

Ökse A. T., 2019. Yukarı Dicle Havzasında Kendale Hecala Neolitik Çağ stilize insan ve kabartmalı kap parçaları // The Journal of Ceramic Research. Vol. 1. P. 1–12.

Ökse A. T., 2020. Yukarı Dicle Havzası-Ambar Çayı Vadisi yerleşim tarihi // Olba. Vol. 28. P. 1–34.

Ökse A. T., Konak A., Yurt V., 2019. Ambar Barajı – Ambar Höyük, Gre Filla ve Kendale Hecala – 2018 kurtarma kazıları // 41. Kazı Sonuçları Toplantısı. Vol. 1. P. 299–314.

Özdoğan M., Özdoğan A., 1993. Pre-Halafian pottery of Southeastern Anatolia, with special reference to the Çayönü sequence // Between the Rivers and over the Mountains, Archaeologica Anatolica et Mesopotamica Alba Palmieri Dedica / Ed. M. Frangipane et al. Roma: Università di Roma: P. 87–103.

Parker B., Creekmore P., Easton Ch., 2001. The Upper Tigris Archaeological Research Project (UTARP) Excavations and survey at Boztepe and intensive survey at Talavaş Tepe, 1999: A preliminary report // Salvage Project of the Archaeological Heritage of the Ilısu and Carchemish Dam Reservoirs Activities in 1999 / Eds: N. Tuna, J. Öztürk, J. Velibeyoğlu, Ankara: METU Publications. P. 565–591.

Sağlamtimur H., Ozan A., 2007. Siirt Türbe Höyük kazısı ön raporu // Ege Üniversitesi Arkeoloji Dergisi. Vol. 10. P. 1–31.

Schachner A., 2022 The Tigris Tunnel (Birkleyn) (2004–2005). An archaeological and epigraphical survey at one source of the Tigris // 50 Jahre Vorderasiatische Archäologie in München / Eds: A. Otto, K. Kaniuth. München: PeWe Verlag. P. 274–281.

Tekin H., 2004. Preliminary results of the 2001 excavations at Hakemi Use // Salvage Project of the Archaeological Heritage of the Ilısu and Carchemish Dam Reservoirs Activities in 2001 / Eds.: N. Tuna, J. Greenhalgh, J. Velibeyoğlu. Ankara: Middle East Technical University. P. 425–462.

Tekin H., 2013. The contribution of Hakemi Use to the prehistory of Upper Mesopotamia // In Interpreting the Late Neolithic of Upper Mesopotamia / Ed. O. P. Nieuwenhuyse et al. Turnhout: Brepols. P. 493–502.

Tekin H., 2017. The Late Neolithic pottery traditions on the Upper Tigris valley // Painting Pots, Painting People / Eds.: W. Cruels, I. Mateiciucovà, O. Nieuwenhuyse. Oxford: Oxbow Books. P. 107–114.

Tekin H., 2019. Karavelyan excavations within the Ilısu Project // Anatolia. Vol. 45. P. 197–209.

Tekin H., 2020. Hakemi Use excavations within the Ilısu Project // Anatolia. Vol. 46. P. 147–165.

Tekin H., 2021. An overview of the Late Neolithic period of southeastern Anatolia // Journal of Turkish Institute of Archaeology and Cultural Heritage. Vol. 1. P. 49–78.

About the author

Halil TEKIN, Assoc. Prof. Dr., Department of Archaeology, Hacettepe University, Ankara, Türkiye;
e-mail: htekin4@gmail.com

Сведения об авторе

Текин Халил, доктор наук, профессор Отделения археологии Университета Хасеттепе, Анкара, Турция;
e-mail: htekin4@gmail.com

https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-426-5.65-79

НАЛЕПЫ НА СОСУДАХ В КОНТЕКСТЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ИСКУССТВА НЕОЛИТА МЕСОПОТАМИИ[1]

Н. Ю. Петрова

Резюме. В статье предпринята попытка понять назначение налепов на неолитических керамических сосудах Месопотамии, предгорий Тавра и Загроса и связать их с хозяйственной деятельностью или искусством. Первые налепы на сосудах связаны с предгорьями Тавра и Загроса и относятся к началу VII тыс. до н. э. Они имеют строго функциональное назначение (ручки на сосудах для приготовления пищи или их подвешивания). В середине VII тыс. до н. э. появляются налепы – хозяйственные метки или символы, а также художественные зооморфные и антропоморфные изображения. Последние преимущественно связаны с Северной Месопотамией и культурой Протохассуны. Зооморфные и антропоморфные рельефные изображения на сосудах находят близкие аналогии в мелкой пластике как современного им, так и предшествующего времени – раннего керамического – позднего докерамического неолита. При этом видовой состав изображаемых животных этого времени отличается от тех, что воспроизводились в эпоху раннего докерамического неолита (за исключением змей). В то же время по антропоморфным изображениям можно проследить связь с искусством самого раннего периода неолита.

Ключевые слова: неолит, Месопотамия, предгорья Тавра, предгорья Загроса, налепы на сосудах, зооморфные и антропоморфные изображения.

В последние десятилетия проводилось много исследований памятников неолита западной части Северной Месопотамии и прилегающего к ней региона – предгорий Тавра, благодаря чему наши знания о гончарном производстве данного региона значительно расширились. Также активные исследования ведутся в северо-западных предгорьях Загроса, однако многие данные еще не опубликованы (рис. 1). На сегодняшний день известно, что в период докерамического неолита, который делится на ранний (этап А) (X–IX тыс. до н. э.) и поздний (этап В) (конец IX–VIII тыс. до н. э.[2]) (*Амиров*, 2018; *Корниенко*, 2021; *Asouti*, 2017; *Borrell et al*., 2015; *Kozlowski, Aurenche*, 2005; *Mellaart*, 1975), глиняные сосуды уже известны и встречаются как в необожженном, так и в обожженном виде. Керамическим неолитом на Ближнем Востоке принято считать период, начинающийся примерно в начале VII тыс. до н. э., когда керамика начинает массово распространяться, причем в достаточно развитом, с точки зрения технологии, виде (*Nieuwenhuyse, Campbell*, 2017). В предгорьях Тавра и в западной части Северной Месопотамии (*Le Miere*, 2017; *Nieuwenhuyse, Campbell*, 2017), а также в предгорьях Загроса данный процесс отмечен раньше всего (*Hole*, 2018; *Petrova, Darabi*, 2022). В восточной части Северной Месопотамии массовое распространение керамики зафиксировано достаточно поздно – с середины VII тыс. до н. э. – в период Протохассуны (*Бадер, Ле Мьер*, 2008; *Петрова*, 2016; 2019).

До настоящего времени изучались только отдельные виды налепов на керамике, распространенные на локальных территориях (*Бадер*, 1989; *Ökse*, 2019; *Özdogan*, 2018). В данном исследовании предлагается попытка обобщенной типологизации с целью определения их утилитарного или идеологического назначения.

---

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем» (№ НИОКТР 122011200264-9).

[2] Здесь и далее все даты калиброванные. На разных территориях Плодородного Полумесяца даты могут варьироваться. Кроме того, не везде и не всеми принимается указанное периодизационное деление, связанное прежде всего с неолитом Южного Леванта. На других территориях не всеми принимается деление на докерамический и керамический неолит (*Darabi*, 2015; *Tekin*, 2017).

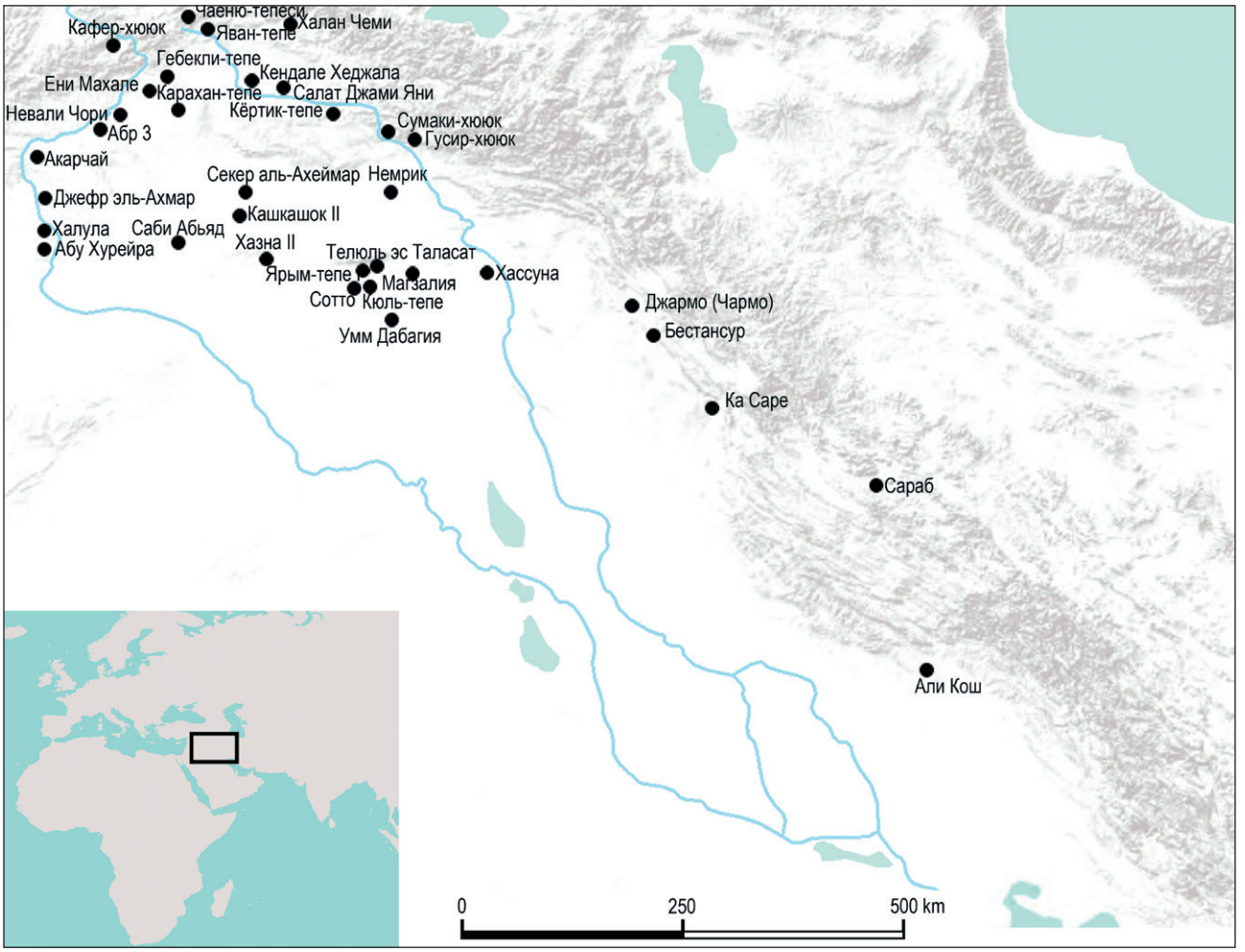


Рис. 1. Карта памятников неолита Месопотамии, предгорий Тавра и Загроса, упомянутых в тексте

Самые ранние глиняные сосуды – это либо небольшие изделия, либо емкости, связанные с хранением (*Özdoğan*, 2009; *Smith*, 1990; и др.). К началу так называемого керамического неолита ассортимент значительно расширяется, но на разных территориях варьируется. В северо-западной части Северной Месопотамии преобладают сосуды разного размера, в основном – прямостенные или слегка округлые закрытой формы (*Miyake*, 2011, *Cruells et al*., 2017, *Nieuwenhuyse et al*., 2010), использовавшиеся для приготовления пищи (*Le Mière, Picon*, 2003). В предгорьях Загроса формы более разнообразны, есть шарообразные и с ребром в нижней части, появляются выделенные шейки со сливом (*Braidwood, Howe*, 1960. Pl. 15; *Hole et al*., 1969. Fig. 44, 45; *Petrova, Darabi*, 2022. Fig. 8). Начиная с середины VII тыс. до н. э., а возможно и раньше, появляется столовая посуда (*Петрова*, 2022).

КРАТКИЙ ОБЗОР СКУЛЬПТУРНЫХ И РЕЛЬЕФНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ НЕОЛИТА МЕСОПОТАМИИ И ПРЕДГОРИЙ ТАВРА (X–VII ТЫС. ДО Н. Э.)

Скульптурные и рельефные изображения раннего докерамического неолита (X–IX тыс. до н. э.)

Скульптура и рельефные изображения, связанные с культовой практикой, впервые появляются в северо-западной Месопотамии и в предгорьях Тавра в самом начале процесса неолитических трансформаций – в X–IX тыс. до н. э., в сообществах людей, в основном остававшихся охотниками (*Шмидт*, 2011). Скульптура представлена несколькими видами: близкая к реальным размерам изображаемого объекта, мелкая пластика, скульптурные навершия пестов. Рельефные изображения представлены

на стелах и скамьях культовых общественных сооружений и на каменных сосудах. На этой территории можно выделить две взаимосвязанные культурные традиции, соотносимые с бассейнами двух главных месопотамских рек в их верховьях – Евфрата и Тигра. Самый яркий очаг скульптурных и рельефных изображений расположен в бассейне р. Евфрат (*Benz, Bauer*, 2013; *Deitrich et al*., 2012; *Karul*, 2021; *Stordeur*, 2010).

Среди антропоморфных скульптур и рельефов главную роль играют образы с ярко выраженным мужским началом, известные в виде скульптуры на поселениях Ени Махале (*Çelik*, 2011. Fig. 4), Карахан-тепе (*Karul*, 2021), Невали Чори (*Hauptmann*, 2011. Fig. 11–17, 24, 36), Гебекли-тепе (*Schmidt*, 2011. Fig. 17) и др.), в виде мелкой пластики (Невали Чори (*Hauptmann*, 2011. Fig. 18–19) и в рельефных изображениях на известковых стелах и скамьях в Невали Чори (*Hauptmann*, 2011. Fig. 35). На известняковой чаше из Невали Чори изображен рельефный парный мужской образ с расставленными в разные стороны руками и ногами (*Hauptman*, 2011. Fig. 22). Моделировка лица на подобных изображениях часто выполнена путем выделения носа и бровей при помощи снятия материала по бокам. Женские скульптурные изображения известны в виде мелкой пластики в Невали Чори (*Hauptmann*, 2011. Fig. 20–21), Джафер Хююк (*Cauvin et al*., 2011. Fig. 26, 27)[3].

Мир животных, изображаемых в период раннего докерамического неолита, очень обширен. Это животные, представляющие потенциальную опасность для человека, среди них: хищные (пантеры, львы, леопарды, лисы, собаки, волки), копытные (кабаны, быки), различные ядовитые представители животного мира (змеи, скорпионы, многоножки). Кроме этого, известны изображения птиц (утки, журавли, орлы или грифы), пресмыкающихся (ящерицы, черепахи), пауков и летающих насекомых. Гораздо реже встречаются изображения козы, джейрана и онагра (*Deitrich et al*., 2012). Зооморфные изображения представлены в виде отдельных скульптур (поселения Аянлар Хююк (*Çelik*, 2017. P. 10), Гебекли-тепе (*Deitrich et al*., 2012. Fig. 6; *Schmidt*, 2011. Fig. 19, 24, 30) и др.), на стелах и скамьях культовых общественных сооружений (Гебекли-тепе) (*Schmidt*, 2011. Fig. 7–14, 18, 21–23, 28, 29, 34) и в виде мелкой каменной пластики (Невали Чори) (*Hauptmann*, 2011. Fig. 26–32). Кроме того, на хлоритовых чашах известны скульптурное изображение быка (поселение Телль Абр 3) (*Yartah*, 2016), а также резное изображение безоаровых козлов на поселении Аянлар Хююк (*Çelik*, 2017. Fig. 9a–b).

В верховьях р. Тигр скульптурные зооморфные изображения, видовую принадлежность которых сложно определить, известны в виде пестов с навершиями в виде голов животных, выполненных из хлорита или песчаника (поселения Немрик 9 (*Kozłowski*, 1997. Fig. 1–3), Кертик-тепе (*Özkaya, Coşkun*, 2011. Fig. 24, 25), Халан Чеми (*Rozenberg*, 2011. Fig. 12–15); *Корниенко*, 2022), а также в виде различных рельефных изображений на небольших каменных пластинах: поселениях Кертик-тепе (*Özkaya, Coşkun*, 2011. Fig. 31, 32; *Özkaya et al*., 2012), Гусир Хююк (*Karul*, 2011. Fig. 21) и сосуде – безоаровый козел (*Özkaya, Coşkun*, 2011. Fig. 20).

В Загросе и его предгорьях на поселениях X–IX тыс. до н. э. уже известна мелкая антропоморфная пластика – Асиаб (*Richter et al*., 2021. P. 12), антропоморфная и зооморфная (коза?) – Чога Голан (*Matthews, Fazeli Nashli*, 2022. Fig. 5.17; *Nicholas et al*., 2013. Fig. 6, 7).

Скульптурное искусство позднего докерамического – керамического неолита (конец IX – VII тыс. до н. э.)

В период позднего докерамического неолита (конец IX–VIII тыс. до н. э.) скульптуры, выполненные в полный рост, исчезают. В это время и в период раннего керамического неолита (первая половина – середина VII тыс. до н. э.) по всей территории Северной Месопотамии, в предгорьях Тавра и Загроса, распространяется мелкая пластика – антропоморфная и зооморфная (*Kozlowski, Aurenche*, 2005. P. 27).

В антропоморфной пластике не всегда можно уверенно определить пол (*Özdoğan*, 2011. Fig. 21, 23), но определенно известны как мужские изображения – с расставленными в разные стороны руками и ногами: Сумаки-хююк (*Erim-Özdoğan*, 2011a. Fig. 37a), Джармо (Чармо) (*Braidwood et al*., 1983. Fig. 161), Магзалия (*Бадер*, 1989. Табл. 42, 73) (рис. 2: *4, 5*), так и женские – очень распространенные сидячие фигурки: Джафер-хююк (*Cauvin et al*., 2011. Fig. 26, 27), Акарчай-тепе (*Özbaşaran, Duru*, 2011. Fig. 39); Мезраа-телейлат (*Özdoğan*, 2011. Fig. 16–19), Кашкашок II (Tell Kashkashok…, 1991. Pl. 19), Чаеню-тепеси (*Erim-Özdoğan*, 2011b. Fig. 82, 83), Сумаки-хююк (*Erim-Özdoğan*, 2011a.

[3] Известно крупное прочерченное женское изображение на каменной стеле поселения Гебекли-тепе (Schmidt, 2011. Fig. 15).

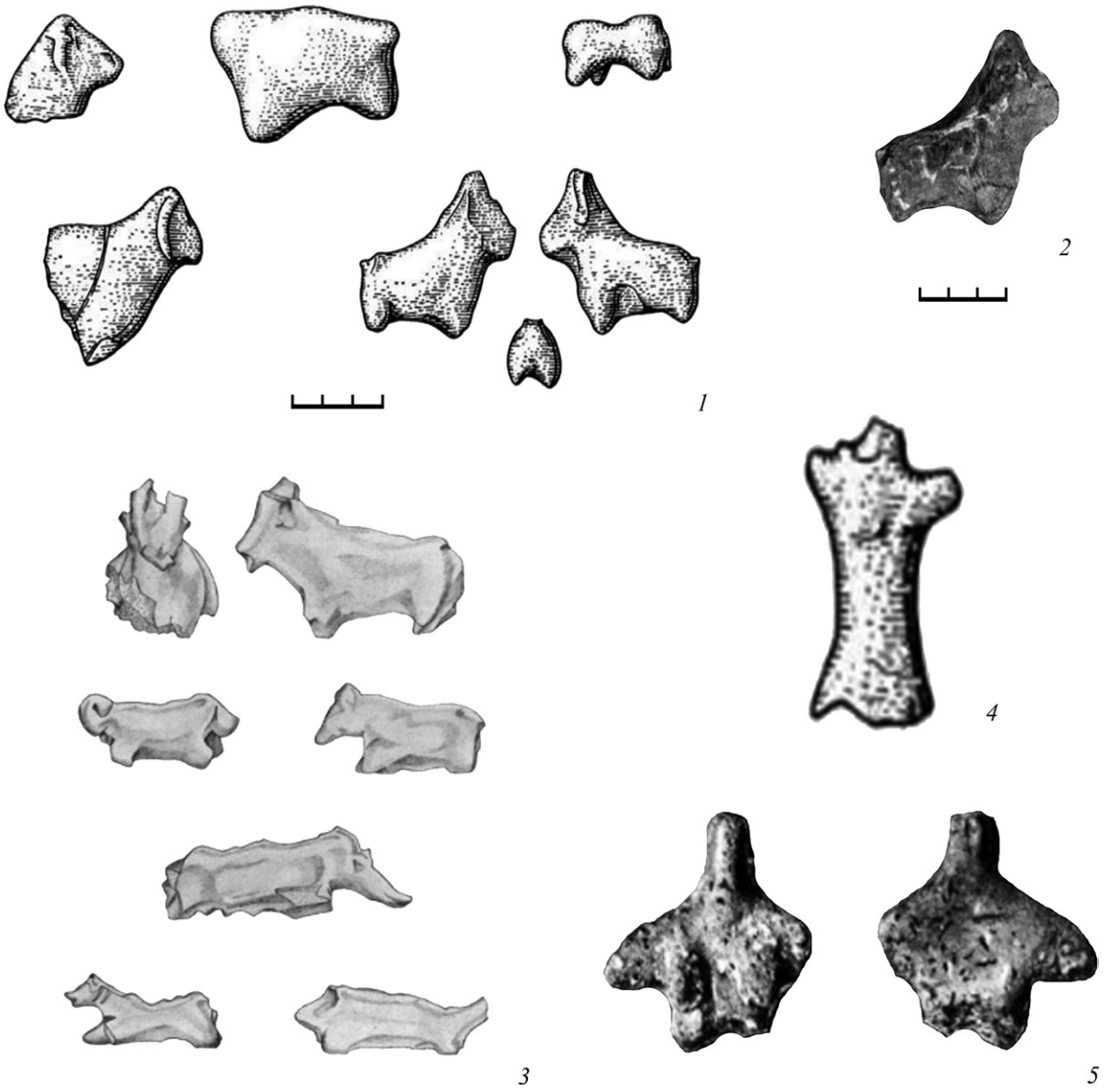


Рис. 2. Зоо- и антропоморфная мелкая пластика Северной Месопотамии и северо-западных предгорий Загроса:
1–2, 4 – Телль Магзалия (по: *Бадер*, 1989. Табл. 21, 42); *3* – поселение Джармо (Чармо) (по: *Braidwood, Howe*, 1960. Pl. 16); *5* – Телль Сотто (по: *Бадер*, 1989. Табл. 73)

Fig. 17), Джармо (Чармо) (*Braidwood, Howe*, 1960. Pl.16, p. 44; *Broman Morales*, 1983. Fig. 156–158, p. 377–378, 682), Бестансур (*Jonson*, 2020. Fig. 8.8). На поселении Гандж Даре также найдены антропоморфные статуэтки, но пол определить сложно (*Darabi et al*., 2018. Fig. 5.2.2.3).

Конец докерамического неолита – первая половина керамического неолита – это время, когда скотоводство и земледелие уже стало важной составляющей жизни коллективов во всем рассматриваемом регионе. В этот период хорошо узнаваемы образы барана, например: Чаеню-тепеси (*Broman Morales*, 1990. Pl. 19, 20i; *Erim-Özdoğan*, 2011b. Fig. 80, 81), Джармо (Чармо) (*Broman Morales*, 1983. Fig. 146), Акарчай-тепе (*Özbaşaran, Duru*, 2011. Fig. 39), Кашкашок II (Tell Kashkashok…, 1991. Pl. 20.1), Магзалия (*Бадер*, 1989. Табл. 42, 21) (рис. 2: *1*), Салат Джами Яни (*Miyake*, 2011. Fig. 23), Кашкашок II (Tell Kashkashok…, 1991. Pl. 20), козы: Саби Абьяд (*Akkermans et al*., 2006. Fig. 7), Джармо (Чармо) (*Braidwood, Howe*, 1960. Pl. 16; *Broman Morales*, 1983. Fig. 147–149) (рис. 2: *3*), Гандж Даре (*Darabi et al*., 2018. Fig. 5.2.2.2), Тепе Сараб (*Broman Morales*, 1990. Pl. 3a), Тепе Али Кош (*Hole et al*., 1969. Fig. 97); свиньи: Мезраа-телейлат (*Özdoğan*, 2011. Fig. 46), Чаеню-тепеси (*Broman Morales*, 1990. Pl. 21), Су-

маки-Хююк (*Erim-Özdoğan*, 2011a. Fig. 37c), Тепе Сараб (*Broman Morales*, 1990. Pl. 2, 4a, b), быка[4]: на Мезраа-телейлат (*Özdoğan*, 2011. Fig. 46–47); собаки: Джармо (Чармо[5]) (*Braidwood, Howe*, 1960. Pl. 16. P. 128; *Broman Morales*, 1983. Fig. 150–155), Тепе Сараб (*Broman Morales*, 1990. Pl. 1, 4). На поселении Абу Хурейра также известна голова фигурки, трактуемая как «женская особь газели» (*Moore et al*., 2000. P. 506). Можно отметить, что среди зооморфной пластики региона теперь преобладают изображения мелкого рогатого скота.

МАТЕРИАЛЫ, МЕТОДЫ И ВРЕМЕННЫЕ РАМКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом для данного исследования послужили глиняные налепы на поверхности керамических сосудов, распространенные в течение VII тыс. до н. э. в Месопотамии (в основном ее северной части) и в предгорьях Тавра и Загроса. Сравнительный анализ различных налепов производился как непосредственно по археологическим объектам, так по публикациям материалов поселений региона. Непосредственно изученные керамические изделия происходят из поселений Ярым-тепе I и Телль Сотто в Северной Месопотамии, относящихся к середине – второй половине VII тыс. до н. э. (*Бадер*, 1989; *Мунчаев, Мерперт*, 1981); поселения Салат Джами Яни первой половины – середины VII тыс. до н. э., расположенного в предгорьях Тавра (*Miyake*, 2011); поселения Ка Сарэ[6] (*Alibaigi, Salimiyan*, 2020) первой половины VII до н. э., расположенного в центральной части предгорий Загроса. В подавляющем большинстве случаев налепы известны не на целых сосудах, а на их фрагментах.

Налепы на керамических сосудах

Изученные налепы на сосудах можно разделить на три вида: функциональные налепы – хозяйственные метки или символы и условно художественные рельефы, представленные зоо- и антропоморфными изображениями. Первые появляются в начале VII тыс. до н. э., остальные – ближе к середине VII тыс. до н. э. Более сложные художественные зооморфные и антропоморфные рельефные изображения на сосудах существовали в рассматриваемом регионе преимущественно в период Протохассуны, но периодически встречаются и позднее.

Функциональные налепы на сосудах

Первые зафиксированные на Ближнем Востоке налепы на внешней поверхности глиняных сосудов относятся к началу VII тыс. до н. э. и имеют строго функциональное назначение. Они появляются в северо-западной части Северной Месопотамии на прямостенных емкостях с большим количеством намеренно добавленной крупной минеральной примеси в формовочной массе: Салат Джами Яни (*Miyake*, 2011), Акарчай, Халула (*Cruells et al*., 2017), Кашкашок II (Tell Kashkashok…, 1991), Саби Абъяд (*Nieuwenhuyse et al*., 2010; *Nieuwenhuyse, Campbell*, 2017. Fig. 3.5), Секер ал-Ахеймар (*Nishiaki, Le Miere*, 2017). Установлено, что данные сосуды использовались для приготовления пищи (*Le Mière, Picon*, 2003). Налепы на них – крупные парные плоские выступы, расположенные недалеко от края венчика, играющие роль ручек (рис. 3: *1*).

Вероятно, несколько позже появляются более крупные налепы с отверстиями внутри, по всей видимости, предназначенные для продевания веревки – подвешивания сосудов или крепления крышки. Они также располагаются недалеко от края венчика. Такой вид налепа засвидетельствован в предгорьях Тавра и в западной части Северной Месопотамии, в том числе на памятниках раннего этапа Протохассуны – Акарчай-тепе (*Özbaşaran, Molist*, 2007), Кашкашок II (Tell Kashkashok…, 1991. Pl. 63), на Саби Аъяд (*Le Mière, Nieuwenhuyse*, 1996. Fig. 3.4), Салат Джами Яни (рис. 3: *2*). Также он появляется в центральных предгорьях Загроса, но отличается морфологически от западно-месопотамских аналогов – здесь налепы более узкие, чаще всего вертикально ориентированные, имеют одно или два отверстия: например, поселения Джармо (*Braidwood, Howe*, 1960. Pl. 15), Ка Сарэ (*Alibaigi, Salimiyan*, 2020. Fig. 4) (рис. 3: *3, 4*).

---

[4] На поселении Кюль-тепе (Северная Месопотамия) присутствует глиняный фрагмент, который трактуется как головка быка, но по приведенной фотографии трудно сделать заключение (*Бадер*, 1989. Рис. 46).

[5] Широко известное название поселения Джармо (курд.), по мнению курдских исследователей, правильнее обозначать как Чармо.

[6] Материалы поселений Ярым-тепе I и Телль Сотто хранятся в Институте археологии РАН, поселения Салат Джами Яни – Университет Хаджиттепе (г. Анкара, Турция), поселения Ка Сарэ – Университет Рази (г. Керманшах, Иран).

Рис. 3. Функциональные налепы на сосудах предгорий Тавра и Загроса, первая половина VII тыс. до н. э.:
1, 2 – Салат Джами Яни; *3, 4* – Ка Саре

Налепы – хозяйственные метки или символы

Ближе к середине VII тыс. до н. э. появляются налепы в виде простых геометрических фигур. Преобладают небольшие округлые или овальные выступы-кнопки или же небольшие, рассеченные надвое валики, которые по-прежнему остаются под венчиком, но уже не могут быть использованы как ручки. Подобные налепы-кнопки могут быть единичными, парными или множественными (Ярым-тепе I (*Мунчаев, Мерперт*, 1981. Рис. 194); Умм Дабагия (*Kirkbride*, 1972. Pl. XI); Кашкашок II (Tell Kashkashok…, 1991); Телюль эс-Таласат (*Fukai, Matsutani*, 1977); Мезраа-Телейлат (*Özdoğan*, 2011. Fig. 36–38); Салат Джами Яни (*Miyake*, 2011); Чаеню, Явантепе (*Özdogan*, 2018. Fig. 2–4) (рис. 4: *1–5*). В ряде случаев зафиксировано их расположение на крупных сосудах с низким венчиком, предположительно, связанных с хранением, или (реже) на кувшинах с высоким венчиком, например: Телль Сотто (*Бадер*, 1989. Табл. 62); Ярым-тепе I (*Мунчаев, Мерперт*, 1981. Рис. 19) (рис. 4: *10*). Подобные налепы известны уже повсеместно в Месопотамии, но наиболее часто встречаются на распространившейся в середине VII тыс. до н. э. в Северной Месопотамии керамике Протохассуны. В отличие от предшествующей ей на этой территории керамики с крупной минеральной примесью она характеризуется наличием в составе формовочной массы навоза в высокой концентрации (*Петрова*, 2019).

Интересно, что налепы-кнопки часто сочетаются с предположительно гипсовым покрытием внешней поверхности, что, вероятно, связано с улучшением функции хранения сосудов. В этом случае они не привязаны к краю венчика и могут также располагаться в верхней части сосуда (рис. 4: *3–5, 9*).

Кроме того, известны более сложные налепы в виде геометрических фигур и линии – это круги, овалы, изогнутые линии и др., например: Телль Сотто (*Бадер*, 1989. Табл. 63); Ярым-тепе I (*Мунчаев, Мерперт*, 1981. Рис. 19); Телль Хассуна (*Lloyd, Safar*, 1945. Fig. 6); Мезраа-телейлат (*Özdoğan*, 2011. Fig. 36), Джармо (Чармо) (*Braidwood et al*., 1983. Fig. 109) (рис. 4: *6–8*). Интересный, но, к сожалению, полностью не сохранившийся сложный налеп зафиксирован в верхней части археологически целого сосуда-хранилища, происходящего из поселения Телль Сотто. Сохранился глиняный овал и прикрепленный к нему изогнутый жгутик (рис. 4: *9*).

Сложно интерпретировать назначение подобных геометрических налепов, однако в некоторых случаях можно предположить функциональное назначение выступов-кнопок как неких хозяйственное отметок. Например, в значительно более позднюю эпоху на поселениях государства Урарту на больших сосудах-хранилищах, называемых пифосами или карасами, в их верхней части существовали резные круглые отметки, расположенные вертикальными рядами или несколько рядом, которые исследователи связывают с хозяйственными отметками (*Belli, Salvini*, 2006. Fig. 10–15). Можно допустить, что данная традиция могла развиваться начиная с периода неолита в виде налепов. Как в Северной Месопотамии, так и на Кавказе известны очень похоже расположенные округлые налепы-кнопки: Телль Сотто (*Бадер*, 1989. Табл. 63); Явантепе, Чаеню (*Caneva*, 2011. Fig. 11–12; *Özdogan*, 2018. Fig. 2); Телль Саби Абъяд (*Le Mière, Nieuwenhuyse*, 1996), Арухло (*Chataigner et al*., 2018. Fig. 12) (рис. 4: *2, 3*).

Рис. 4. Налепы на сосудах, которые могут служить хозяйственными метками или символами. Северная Месопотамия и предгорья Тавра, середина VII тыс. до н. э.: *1–5* – налепы-кнопки. *1* – Салат Джами Яни; *2, 8, 10* – Телль Сотто (по: *Бадер*, 1989. Табл. 47, 62, 63); *3–7* – Ярым-тепе I; *9* – Телль Сотто (ГМИИ I.2.К 636 КП-418107)

Единичные налепы-кнопки на сосудах неолита Северной Месопотамии отличаются от подобных на сосудах сопредельных территорий, например, происходящих с территории Леванта этого же времени и относящихся к ярмукской культуре второй половины VII тыс. до н. э., например, поселение Мунхата (*Garfinkel*, 1999. P. 53. Fig. 31.3; 29), а также от известных на Кавказе чуть позднее в VI тыс. до н. э. (поселения Шому-тепе (*Ахундов*, 2012), Геойтепе (*Arimatsu*, 2020. Fig. 13.6), Арухло (*Chataigner et al*., 2014). В последних случаях налепы-кнопки располагаются вдоль венчика на одинаковом расстоянии друг от друга и являются не единичными, но повторяющимися элементами орнамента. На территории Месопотамии такие случаи неизвестны. Здесь они всегда или единичные, или компактно расположенные.

Вероятно, некоторые из подобных налепов могли нести символическое значение, например, знака-оберега. Особенно это касается более сложных, различным образом изогнутых налепов-линий (рис. 4: *7, 8*).

Налепы в виде зооморфных изображений

Зооморфные изображения представлены несколькими разновидностями животных: использующиеся человеком в его хозяйственной деятельности, являющиеся объектами охоты, а также змеи.

Первая разновидность – изображения животных с рогами, которые, вероятнее всего, воспроизводят домашних копытных. В большинстве случаев вид животного поддается определению, т. к. рога, как и некоторые другие части тела, передаются достаточно детально. Наиболее распространены изображения барана так же, как уже отмеченные случаи мелкой пластики более раннего и одновременного периодов. В налепах на сосудах они представлены в виде фронтально расположенных голов с характерными большими, расходящимися в стороны, полукруглыми бараньими рогами: Умм Дабагия (*Kirkbride*, 1973. Pl. XIc), Кашкашок II (Tell Kashkashok…, 1991. Pl. 16.2), Явантепе (*Özdogan*, 2018. Fig. 2–4).

Короткие, близко расположенные, немного наклоненные назад рога характерны для коз и хорошо различимы у глиняных фигурок. Но в виде глиняного рельефа фронтальное изображение головы козы известно пока только на одном сосуде, происходящем из поселения Умм Дабагия (*Kirkbride*, 1973. Pl. XId).

Вторая разновидность – животные, являющиеся объектами охоты населения Северной Месопотамии неолитического периода. Встречаются как фронтально обращенные головы, так и полное изображение профилей животных с высокими прямыми, вертикально расположенными рогами, в которых можно узнать джейранов или газелей (Ярым-тепе I (рис. 5: *1*); Умм Дабагия (*Kirkbride*, 1973. Pl. III: *4, 7*; X.b; XI.d; *Петрова*, 2023).

В изображениях целого животного в профиль с короткими откинутыми назад, вероятно, ушами (Телль Сотто (*Бадер*, 1989. Табл. 64) (рис. 5: *3*); Умм Дабагия (*Kirkbride*, 1973. Pl. III. 2, 8; *Петрова*, 2023); а также в изображении только головы в профиль с короткими растопыренными в стороны ушами на фрагменте керамики из Телль Саби Абьяд (*Brüning et al*., 2014. Fig. 3.8. P. 193) можно предполагать онагров. Изображения онагров известны также по настенной живописи поселения Умм Дабагия периода Протохассуны, население которого специализировалось на охоте на онагров (*Kirkbraide*, 1975. Pl. VII; *Петрова*, 2023).

В коллекции Ярым-тепе I, в слоях Архаической Хассуны, датирующихся концом VII тыс. до н. э., также имеется очень интересный парный налеп в виде изображенных в профиль голов животных с небольшими выступами на голове (рис. 5: *2*). Его интерпретация несколько затруднена. Можно осторожно предположить, что перед нами изображения детенышей рогатых животных, рога у которых только начали расти. И видно, что предполагаемые отростки рогов ориентированы вверх, что характерно для козлят и ягнят, а не в разные стороны, как у телят. Прямых аналогий с изображениями на других памятниках рассматриваемого времени и региона найти не удалось. Но, например, в Центральной Анатолии на поселении Чатал-хююк примерно в это же время известен налеп на сосуде, который трактуется как голова быка, и его рога, а вернее, отростки, идут в стороны (*Özdöl-Kutlu*, 2021. Fig. 18.5). Аналогичные изображения есть среди мелкой пластики конца докерамического неолита телль Магзалии (*Бадер*, 1989. Табл. 21) (рис. 2: *2*). А также в еще более ранних материалах раннего докерамического неолита – в зоомофных навершиях каменных жезлов на поселениях Кертик-тепе (*Özkaya, Coşkun*, 2011. Fig. 24, 25) и Халан Чеми в верховьях р. Тигр (*Rozenberg*, 2011. Fig. 12).

Отдельная категория зооморфных налепов – реалистичные изображения змей: Телль Сотто (*Бадер*, 1989. Табл. 63, 64) (рис. 5: *4*), Телюль эс-Таласат (*Fukai, Matsutani*, 1977). На поселении Умм Дабагия найден целый сосуд – емкость средней величины с подкосом в нижней части, в верхней части которой присутствует налеп в виде змеи (*Kirkbraide*, 1972). Подобные изображения хорошо известны начиная

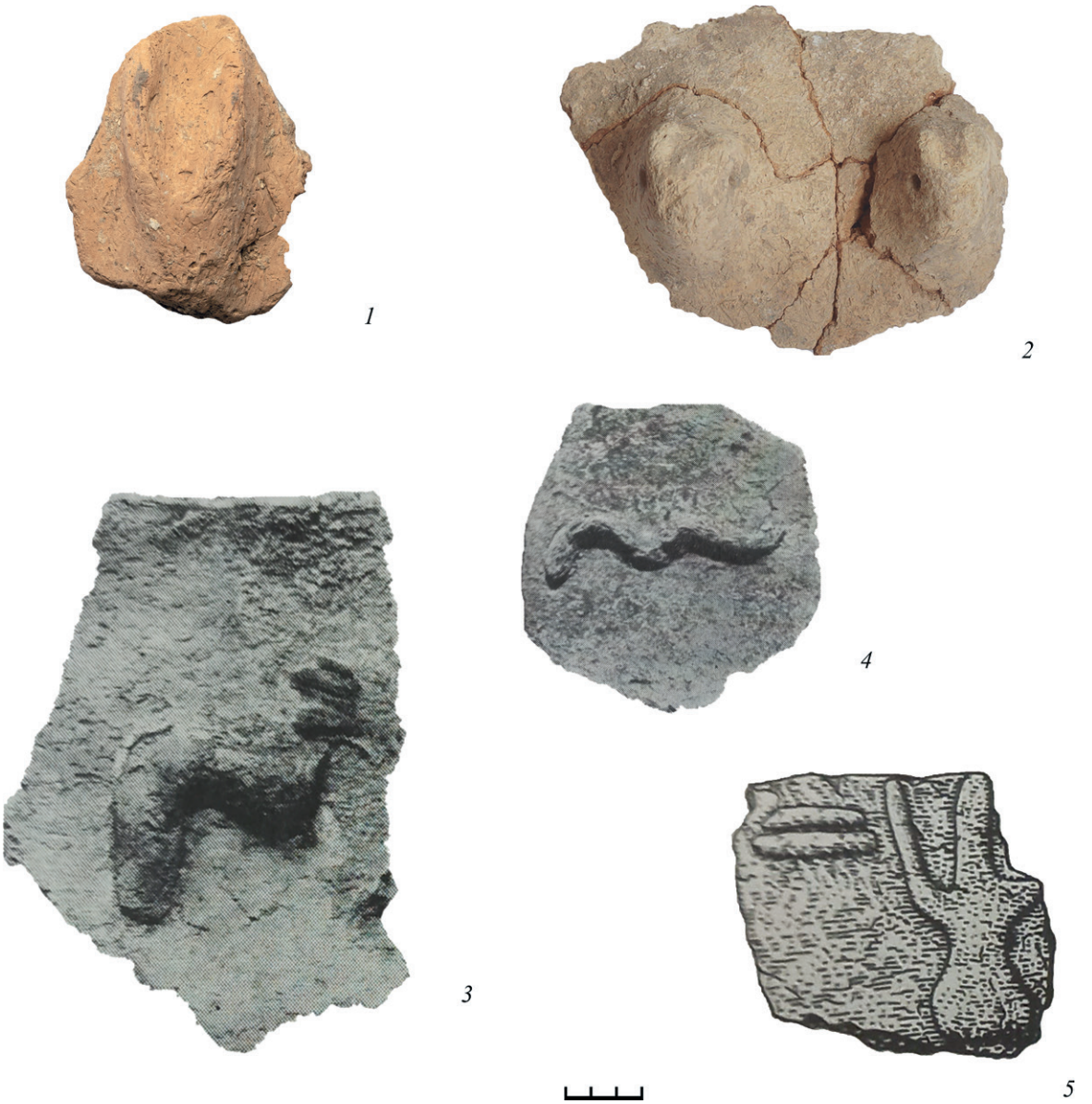


Рис. 5. Зоо- и антропоморфные налепы на сосудах Северной Месопотамии, середина – вторая половина VII тыс. до н. э.: *1, 2* – Ярым-тепе I; *3–5* – Телль Сотто (по: *Бадер*, 1989. Табл. 63, 64)

с периода раннего докерамического неолита как на каменных изваяниях, например, Невали Чори (*Hauptmann*, 2011), Гебекли-тепе (*Schmidt*, 2011), так и на каменных сосудах в виде прочерченных изображений: Кёртик-тепе (*Özkaya, Coşkun*, 2011. Fig. 23, 36, 37), Джефр эль-Ахмар (*Stordeur*, 2010).

Налепы в виде антропоморфных изображений

Рельефные изображения человека встречаются на сосудах периода Протохассуны восточной части Северной Месопотамии и в предгорьях Тавра. Это мужские образы, переданные фронтально, руки у которых либо раскинуты в стороны, либо подняты вверх: Телль Сотто (*Бадер*, 1989. Табл. 63, 64) (рис. 5: *5*), Умм Дабагия (*Kirkbraide*, 1973. Pl. XI: a, b), Чаеню-тепеси (*Özdogan*, 2018. Fig. 2–4), Кендале Хеджала (*Ökse*, 2019. Fig. 3, 4. P. 5). Аналогичные фигуры встречаются в виде налепов на сосудах в Восточной Анатолии в конце керамического неолита: неолитические поселения Кошк Хююк (*Öztan*, 2012. P. 62. Fig. 29), Тепеджик Чифтлик (*Biçakçi et al*., 2012. Fig. 34d) и раннего халколита – Тюлин-тепе (*Esin*, 1993. Fig. 4); на Южном Кавказе, например,

поселение неолита Арухло (*Chataigner et al*., 2014) и в Южном Леванте (поселение эпохи раннего халколита Эйн эл-Джарба (*Garfinkel*, 1999. Pl. II.2). Подобные изображения также находят аналогии в мелкой антропоморфной глиняной пластике как периода Протохассуны (*Braidwood et al*., 1983. Fig. 161), так и в более раннее время – в период позднего докерамического неолита (*Бадер*, 1989. Табл. 42, 73) – начала керамического неолита (*Erim-Özdoğan*, 2011) (рис. 2: *4, 5*). Такая же фигура известна в виде скульптурного изображения на уже упомянутом каменном сосуде и в монументальной скульптуре периода начала докерамического неолита, происходящих из поселения Невали Чори (*Hauptmann*, 2011. Fig. 12, 35). Можно согласиться с предположением, что подобные изображения воспроизводят танец (*Garfinkel*, 1998. P. 211–212). Но также стоит отметить, что в такой же позе изображены и охотники на фресках поселения одновременного Чатал-хююк в Центральной Анатолии (*Mellaart*, 1975. P. 60).

Кроме рассмотренных изображений, на сосуде, происходящем из поселения Телюль эс-Таласат раннего этапа Протохассуны, известно воспроизведение лица человека в фас, выполненное в технике налепа (*Fukai, Matsutani*, 1977. Pl. 14.1). Близкие ему по иконографии и по времени изображения происходят с поселения Мезраа-Телейлат, расположенного в западной части Северной Месопотамии. Это фигурки, сделанные из известняка (*Özdoğan*, 2011. Fig. 17–20). Но у них, в отличие от глиняного рельефного изображения на сосуде, не выделены брови. Наиболее близкие аналогии связывают данное изображение с лицами на каменных стелах раннего докерамического неолита бассейна р. Евфрат в предгорьях Тавра – нос и брови сделаны схожим приемом – удаления снизу лишнего материала и затем проделывания ямок, показывающих глаза и рот: поселения Ени Махале (*Çelik*, 2011. Fig. 4), Карахан-тепе (Karul, 2021), Невали Чори (*Hauptmann*, 2011. Fig. 11–17, 24, 36); Гебекли-тепе (*Schmidt*, 2011. Fig. 17).

ОБСУЖДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги рассмотренной темы, можно кратко отметить, что первыми появились функциональные налепы на сосудах – в начале VII тыс. до н. э. Самые ранние их примеры зафиксированы в северо-западной части Северной Месопотамии, в предгорьях Тавра и, чуть позже, Загроса. Они служили для облегчения использования сосудов в быту – ручки, помогавшие при приготовлении пищи, или налепы с отверстиями для подвешивания.

В середине VII тыс. до н. э. начинают фиксироваться небольшие округлые или овальные выступы-кнопки. Можно предположить, что их появление связано либо с уменьшением функциональных налепов, либо с появлением отдельной самостоятельной традиции нанесения неких хозяйственных отметок на сосуды, с большой вероятностью служившие для хранения продуктов. Нельзя также исключать символическое значение части подобных налепов.

В середине VII тыс. до н. э. в Северной Месопотамии также появляется традиция рельефных изображений животных и людей на сосудах, преимущественно представленная на памятниках периода Протохассуны. Интересно, что наибольшее количество и разнообразие зооморфных налепов встречено на сосудах поселения Умм Дабагия, которое представляет собой охотничью факторию, специализировавшуюся на охоте на онагров, находившуюся за пределами зоны неполивного земледелия. Но на сосудах из Умм Дабагии также известно большое количество рельефных изображений голов баранов. Чем это объяснить, пока неясно. Большинство подобных налепов найдены не на целых сосудах, а на их фрагментах, что затрудняет интерпретацию. Как уже упоминалось, известен только один закрытый сосуд с рельефным изображением в виде змеи, и, вероятно, здесь можно предположить ее символическое значение.

Налепы в виде животных находят близкие аналогии в зооморфной мелкой пластике как современного им времени, так и предшествовавшего – позднего периода докерамического неолита. Однако в пластике мы видим бóльшее разнообразие.

Надо отметить, что приоритеты в изображении животных Северной Месопотамии и предгорий Тавра периода раннего докерамического неолита, где в искусстве преобладали сильные и опасные животные, отличаются от более поздних. В период позднего докерамического и керамического неолита, когда одомашненные животные вошли в жизнь общества, но охота еще играет важную роль, изменяется и тематика изображений. Теперь это почти всегда домашние животные, в основном бараны, но также козы, а также онагры и газели, являющиеся основными объектами охоты региона начиная с периода докерамического неолита. Овцы и козы, онагры и газели составляют большую часть остеологических коллекций периода Протохассуны (*Бадер*, 1983. С. 22; *Гаджиев*, 1989. С. 298; *Мунчаев, Мерперт*, 1981. С. 149 – определение В.И. Бибиковой). В течение всего VII тыс.

до н. э., до периода появления самаррской культуры, козы и овцы доминировали среди скота во всех регионах Ближнего Востока, кроме Анатолии (*Galvin*, 1987. P. 121; *Kirkbride*, 1975; *Miller, Marston*, 2012. P. 99). Вероятно, с этим связано отсутствие изображений быков (коров) и свиней на сосудах, которые уже присутствуют в стаде, но пока еще не играют заметной роли в экономике обитателей Северной Месопотамии. Надо напомнить, что изображения дикого быка и кабана уже были известны в предгорьях Тавра в более ранее время – на каменных стелах раннего докерамического неолита (*Schmidt*, 2011. Fig. 36). И эта ситуация контрастирует с данными о синхронном искусстве Центральной Анатолии поселения Чатал-хююк, где различные изображения быков были хорошо известны в рассматриваемый период, причем скорее как объекты охоты, и где совсем не представлены одомашненные животные (*Антонова*, 1984. С. 52; *Hodder*, 2014; *Mellaart*, 1975. Рис. 58; *Özdol-Kutlu*, 2021).

Антропоморфные рельефные изображения на сосудах Северной Месопотамии полностью идентичны современным им и несколько более ранним (начала керамического неолита и позднего докерамического неолита) изображениям человека в мелкой пластике. Но, как и в мелкой пластике, можно предполагать связь с искусством раннего докерамического периода неолита. Традиция рельефного изображения человека с расставленными в стороны руками и ногами на сосудах продолжается и в более позднее время, распространяясь на соседние территории: внутреннюю область Анатолии, Левант и Кавказ. Имеем ли мы здесь дело с изображением танца или охоты, точно сказать нельзя, однако очевидно, что, в отличие от всех остальных статичных скульптурных изображений человека эпохи неолита рассматриваемого региона, здесь переданы динамические движения.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Я благодарна за возможность использования и работы с материалами поселения Салат Джами Яни Доктору Халилу Текину (Университет Хаджитепе, г. Анкара, Турция) и Доктору Ютака Миуаке (Университет Тсукубы, Япония); поселения Ка Саре – Доктору Саджаду Алибаги (Университет Рази, Керманшах); а также ГМИИ им. Пушкина и хранителю коллекции – Галине Юрьевне Колгановой за разрешение использовать изображение сосуда, происходящего из Телль Сотто.

I am grateful for the opportunity to use and study the materials of the Salat Cami Yani settlement – to Dr. Halil Tekin (Hacettepe University, Ankara, Türkiye) and Dr. Yutaka Miyake (University of Tsukuba, Japan); Ka Sareh settlement – to Dr. Sajjad Alibaigi (Razi University, Kermanshah, Iran).

Литература

Амиров Ш. Н., 2018. Культурный процесс и климатические флуктуации эпохи раннего и среднего голоцена на Переднем Востоке // КСИА. Вып. 250. С. 173–193.

Антонова Е. В., 1984. Очерки культуры древних земледельцев Передней Азии. М.: Наука. 262 с.

Ахундов Т. И. О., 2012. У истоков кавказской цивилизации. Неолит Азербайджана. Кн. 1. Шомутепе. Баку: Ин-т археологии и этнографии Нац. Акад. наук Азербайджана. 386 с.

Бадер Н. О., 1983. Истоки хассунской культуры и становление земледелия на равнине Синджара // Археология Средней Азии и Ближнего Востока: тез. докл. II советско-американского симп. Ташкент. С. 19–23.

Бадер Н. О., 1989. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.: Наука. 368 с.

Бадер Н. О., Ле Мьер М., 2008. От докерамического к керамическому неолиту в Синджаре: начало Протохассуны // Проблемы современной археологии: сб. памяти В. А. Башилова / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: ТАУС. С. 28–48.

Гаджиев Д. В., 1989. Фауна с поселения телль Магзалия // Бадер Н. О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.: Наука. С. 297–299.

Корниенко Т. В., 2021. Вопросы физической географии, периодизации и хронологии в исследовании первичных очагов «Неолитической революции» на территории центральной части Плодородного полумесяца // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. № 4. С. 5–16.

Корниенко Т. В., 2022. Каменные скульптурно оформленные песты, стержни и декорированные чаши из хлорита ранненеолитических памятников Северной Месопотамии // Проблемы истории филологии культуры. № 3 (77). С. 5–24.

Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., 1981. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М.: Наука. 320 с.

Петрова Н.Ю., 2016. Технологическое изучение керамики поселения Ярымтепе I (периоды Протохассуны и Архаической Хассуны) // КСИА. Вып. 242. С. 48–59.

Петрова Н.Ю., 2019. Развитие технологии изготовления неолитической керамики в Восточной Джезире и горах Загроса (Северный Ирак и западный Иран) // КСИА. Вып. 256. С. 329–343.

Петрова Н.Ю., 2022. Варка пищи в неолите Плодородного полумесяца // КСИА. Вып. 267. С. 30–43.

Петрова Н.Ю., 2023. Умм Дабагия [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/c/umm-dabagiia-1b7c00 (дата обращения: 04.08.2023).

Шмидт К., 2011. Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. Археологические открытия в Гебекли-тепе. СПб.: Алетейя. 319 с.

Akkermans P.M.M. G., Cappers R., Cavallo O., Nieuwenhuyse O.P., Nilhamn B., Otte I., 2006. Investigating the early pottery Neolithic of northern Syria: new evidence from Tell Sabi Abyad // American Journal of Archaeology. Vol. 110. P. 123–156.

Alibaigi S., Salimiyan A., 2020. The Archaeological landscape of the Neolithic period in the western foothills of the Zagros mountains: new evidence from the Sar Pol-e Zahāb region, Iran-Iraq borderland // Iraq. Vol. 82. P. 15–39.

Arimatsu Y., 2020. Neolithic pottery from Göytepe // Göytepe. Neolithic excavations in the middle Kura valley, Azerbaijan / Eds.: Y. Nishiaki, F. Guliev. Oxford: Archaeopress archaeology. P. 261–286.

Asouti E., 2017. Human palaeoecology in Southwest Asia during the early pre-pottery Neolithic (c. 9700–8500 cal. BC): the plant story // Neolithic Corporate Identities. Studies in Early Near Eastern Production, Subsistence and Environment / Eds.: M. Benz, H. G. K. Gebel, T. Watkins. Berlin: Ex Oriente. P. 21–53.

Belli O., Salvini M., 2006. Pithoi with cuneiform and hieroglyphic inscriptions from Upper Anzaf fortress // Studi micenei ed egeo-anatolici. № 48. P. 55–72.

Benz M., Bauer J., 2013. Symbols of power – symbols of crisis? A psicho-social approach to Early Neolithic Symbol System // Neo-Lithics. Vol. 2/13. P. 11–24.

Biçakçi E., Godon M., Çakan Y.G., 2012. Tepecik-Çiftlik // The Neolithic in Turkey: New Excavations & New Research. Vol. 3. Central Turkey / Eds.: M. Özdoğan, N. Başgelen, P. I. Kuniholm. İstanbul: Archaeology & Art Publications. P. 89–134.

Borrell F., Junno A., Barcelo J.A., 2015. Synchronous environmental and cultural change in the Emergence of agricultural economies 10,000 years ago in the Levant // PLOS ONE. 10, 8. e0134810.

Braidwood R.J., Howe B., 1960. Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago. 246 p.

Braidwood L.S., Braidwood R.J., Howe B., Reed Ch.A., Watson P.J. (editors), 1983. Prehistoric archaeology along the Zagros flanks / The Oriental Institute of the University of Chicago. Vol. 5. 708 p.

Broman Morales V., 1983. Jarmo figurines and other clay objects // Prehistoric archeology along the Zagros flanks / Ed. L. S. Braidwood et al. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago. P. 369–424.

Broman Morales V., 1990. Figurines and other clay objects from Sarab and Çayönü. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago. 92 p.

Brüning M.L., van Exel V., van Kesteren Ch., Nilhamn B., Rooijakkers R., Schuitema K., de Wit T., 2014. The other small finds // Excavations at Late Neolithic Tell Sabi Abyad, Syria. The 1994–1999 field seasons / Ed. P. M. M. G. Akkermans et al. Turnhout: Brepols. P. 165–216.

Caneva I., 2011. Til Huzur-Yayvantepe // The Neolithic in Turkey: New Excavations & New Research. Vol. 1. The Tigris Basin / Eds.: M. Özdoğan, N. Başgelen, P. I. Kuniholm. İstanbul: Archaeology & Art Publications. P. 173–184.

Cauvin J., Aurenche O., Cauvin M.-C., Balkan-Atli N., 2011. The pre-pottery site of Cafer Höyük // The Neolithic in Turkey. New excavations & New research. Vol. 2. The Euphrates basin / Eds.: M. Özdogan, N. Başgelen, P. Kuniholm. Istanbul: Archaeology & Art Publications. P. 1–40.

Çelik B., 2011. Şanliurfa – Yeni Mahale // The Neolithic in Turkey. New excavations & New research. Vol. 2. The Euphrates basin / Eds.: M. Özdogan, N. Başgelen, P. Kuniholm. Istanbul: Archaeology & Art Publications. P. 139–164.

Çelik B., 2017. A new Pre-Pottery Neolithic site in Southeastern Turkey: Ayanlar Höyük (Gre Hut) // Documenta Praehistorica. Vol. XLIV. P. 360–367.

Chataigner Ch., Badalyan R., Arimura M., 2014. The Neolithic of the Caucasus. Oxford: Oxford Handbooks online. 34 p.

Cruells W., Faura J.M., Molist M., 2017. Akarçay Tepe and Tell Halula in the context of the earliest production of ceramics in West Asia // The Emergence of Pottery in West Asia / Eds.: A. Tsuneki, O. Nieuwenhuyse, S. Campbel. Oxford: Oxbow Books. P. 27–42.

Darabi H., 2015. An introduction to the Neolithic revolution of the Central Zagros, Iran. Oxford. 124 p. (BAR International Series; 2746).

Darabi H., Richter T., Mortensen P., 2018. Excavation at Tapeh Ganj Dareh. Ganj Dareh end of season report 2018. Archive Report. Tehran. 152 p.

Deitrich O., Heun M., Notroff J., Schmidt K., Zarnkow M., 2012. The role of cult and feasting in the emergence of Neolithic communities. New evidence from Göbekli Tepe, south-eastern Turkey // Antiquity. Vol. 86. P. 674–695.

Erim-Özdoğan A., 2011a. Sumaki Höyük. A new neolithic settlement in the Upper Tigris basin // The Neolithic in Turkey: New Excavations & New Research. Vol. 1. The Tigris Basin / Eds.: M. Özdoğan, N. Başgelen, P. I. Kuniholm. İstanbul: Archaeology & Art Publications. P. 19–60.

Erim-Özdoğan A., 2011b. Çayönü // The Neolithic in Turkey: New Excavations & New Research. Vol. 1. The Tigris Basin / Eds.: M. Özdoğan, N. Başgelen, P. I. Kuniholm. İstanbul: Archaeology & Art Publications. P. 185–269.

Esin U., 1993. The relief decoration on the prehistoric pottery of Tülintepe in Eastern Anatolia // Between the rivers and over the mountains / Ed. M. Frangipane et al. Roma: Università di Roma «La Sapienza». P. 105–119.

Fukai S., Matsutani T., 1977. The Excavation of Telul eth-Talathat, 1976 // Sumer. Vol. 33, 1. P. 48–64.

Galvin K. F., 1987. Forms of finance and forms of production: the evolution of specialized livestock production in the ancient Near East // Specialization, exchange, and complex societies / Eds.: E. M. Brumfiel, T. K. Earle. Cambridge: Cambridge university press. P. 119–129.

Garfinkel Y., 1998. Dancing and the Beginning of Art Scenes in the Near East and South-East Europe // Cambridge Archaeological Journal. Vol. 8. P. 207–237.

Garfinkel Y., 1999. Neolithic and chalcolithic pottery of the Southern Levant. Jerusalem: Institute of Archaeology, Hebrew University of Jerusalem. 321 p.

Hauptmann H., 2011. The Urfa region // The Neolithic in Turkey. New excavations & New research. Vol. 2. The Euphrates basin / Eds.: M. Özdogan, N. Başgelen, P. Kuniholm. Istanbul: Archaeology & Art Publications. P. 85–138.

Hodder I., 2014. Çatalhöyük: the leopard changes its spots. A summary of recent work // Anatolian Studies. 64. P. 1–22.

Hole F., 2018. The creative centuries: diversity and innovation in Iranian Neolithic ceramics // II Workshop on Late Neolithic ceramics in Ancient Mesopotamia: pottery in context / Eds.: A. Gomez-Bach, J. Becker, M. Molist. Barcelona: Museu d'Arqueologia de Catalunya. P. 173–184.

Hole F., Flannery K. V., Neely J. A., 1969. Prehistory and human ecology of the Deh Luran plain. An early village sequence Khuzistan, Iran. Ann Arbor: University of Michigan. 518 p. (Memoirs of the Museum of Anthropology, University of Michigan; no. 1).

Jonson J. S., 2020. Conservation // The early Neolithic of the Eastern Fertile Crescent. Excavations at Bestansur and Shimshara, Iraqi Kurdistan / Ed. R. Matthews et al. Oxford; Philadelphia: Oxbow. P. 107–114. (Central Zagros archaeological project; Vol. 2).

Karul N., 2011. Gusir Höyük // The Neolithic in Turkey: New Excavations & New Research. Vol. 1. The Tigris Basin / Eds.: M. Özdoğan, N. Başgelen, P. I. Kuniholm. İstanbul: Archaeology & Art Publications. P. 1–17.

Karul N., 2021. Buried buildings at Pre-pottery Neolithic Karahantepe // Türk Arkeoloji ve Etnografya Dergisi, Yil. Sayi 82. P. 21–31.

Kirkbride D., 1972. Umm Dabaghiyah, 1971: a preliminary report // Iraq. Vol. 34. P. 3–15.

Kirkbride D., 1973. Umm Dabaghiyah, 1972: a second preliminary report // Iraq. Vol. 35. P. 1–11.

Kirkbride D., 1975. Umm Dabaghiyah, 1974: a fourth preliminary report // Iraq. Vol. 37. P. 3–10.

Kozłowski S. K., 1997. The Gods from Nemrik // Al-Rāfi dān. Vol. 18. P. 33–44.

Kozlowski S. K., Aurenche O., 2005. Territories, boundaries and cultures in the Neolithic Near East. Oxford: Archaeopress. 275 p. (British Archaeological Reports. International Series; 1362).

Le Mière M., 2017. The earliest pottery of West Asia: questions concerning causes and consequences // The Emergence of Pottery in West Asia/Eds.: A. Tsuneki, O. Nieuwenhuyse, S. Campbel. Oxford: Oxbow Books. P. 9–16.

Le Mière M., Nieuwenhuyse O., 1996. The prehistoric pottery // Tell Sabi Abyad. The Late Neolithic settlement / Ed. P. M. M. G. Akkermans. Istanbul: Nederlands historisch-archaeologisch instituut. P. 119–284.

Le Mière M., Picon M., 2003. Appearance and first development of cooking and «non-cooking» ware concepts in the Near East // Ceramics in society: Proceedings of the 6th European meeting on ancient ceramics. Fribourg: University of Fribourg. P. 175–188.

Lloyd S., Safar F., 1945. Tell Hassuna: Excavations by the Iraq Government Directorate General of Antiquities in 1943 and 1944 // Journal of Near Eastern Studies/Chicago: The University of Chicago press. Vol. 4, 4. P. 255–331.

Matthews R., Fazeli Nashli H., 2022. The archaeology of Iran from the Palaeolithic to the Achaemenid Empire. London; New York: Routledge world archaeology. 619 p.

Mellaart J., 1975. The Neolithic of the Near East. London: Thames and Hudson. 300 p.

Miller N. F., Marston J. M., 2012. Archaeological fuel remains as indicators of ancient west Asian agropastoral and land-use systems // Journal of arid environments. Vol. 86. P. 97–103.

Miyake Y., 2011. Salat Cami Yani. A pottery Neolithic Site in the Tigris Valley // The Neolithic in Turkey: New Excavations & New Research. Vol. 1. The Tigris Basin / Eds.: M. Özdoğan, N. Başgelen, P. I. Kuniholm. İstanbul: Archaeology & Art Publications. P. 129–149.

Moore A. M. T., Hillman G. C., Legge A. J., 2000. Village on the Euphrates: From foraging to farming at Abu Hureyra. Oxford: University press. 585 p.

Nicholas J. C., Riehl S., Zeidi M., 2013. Revisiting neolithization in the Zagros foothills: excavation at Chogha Golan, an aceramic Neolithic site in Ilam Province, Western Iran // The Neolithisation of Iran. The formation of new societies / Eds.: R. Matthews, H. Fazeli Nashli. Oxford; Oakville: Oxbow books. P. 76–83.

Nieuwenhuyse O. P., Akkermans P. M. M. G., van der Plicht J., 2010. Not so coarse, nor always plain – the earliest pottery of Syria // Antiquity. Vol. 84. P. 71–85.

Nieuwenhuyse O. P., Campbell S., 2017. Synthesis: the emergence of pottery in West Asia // The Emergence of Pottery in West Asia / Eds.: A. Tsuneki, O. Nieuwenhuyse, S. Campbel. Oxford: Oxbow Books. P. 167–192.

Nishiaki Y., Le Mière M., 2017. The Oldest Neolithic Pottery from Tell Seker al-Aheimar, Upper Khabur, Northeastern Syria // The Emergence of Pottery in West Asia / Eds.: A. Tsuneki, O. Nieuwenhuyse, S. Campbel. Oxford: Oxbow Books. P. 43–54.

Ökse A. T., 2019. Neolithic pot sherds with schematic humans in relief from Kendale Hecala in the Upper Tigris region // The journal of ceramic research. P. 1–12.

Özbaşaran M., Duru G., 2011. Akarçay Tepe. A PPNB and PN settlement in Middle Euphrates – Urfa // The Neolithic in Turkey. New excavations & New research. Vol. 2. The Euphrates basin / Eds.: M. Özdogan, N. Başgelen, P. Kuniholm. Istanbul: Archaeology & Art Publications. P. 165–202.

Özbaşaran M., Molist M., 2007. Akarçay Tepe, Orta Fırat'ta Neolitik Döneme Ait Yeni Bir Yerleşme // Anadolu'da Uygarlığın Doğuşu ve Avrupa'ya Yayılımı. Türkiye'de Neolitik Dönem: Yeni Kazılar, Yeni Bulgular. İstanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayınları. P. 179–87.

Özdoğan M., 2009. Earliest use of pottery in Anatolia // Early farmers, late foragers, and ceramic traditions: on the beginning of pottery in the Near East and Europe / Ed. D. Cheorghiu. Cambridge scholars publishing. P. 22–43.

Özdoğan M., 2011. Mezraa-Teleilat // The Neolithic in Turkey. New excavations & New research. Vol. 2. The Euphrates basin / Eds.: M. Özdogan, N. Başgelen, P. Kuniholm. Istanbul: Archaeology & Art Publications. P. 203–260.

Özdoğan M., 2018. Some considerations on the emergence of Neolithic way of life in the Caucasus // Context and connection: Studies on the archaeology of the ancient Near East in honour of Antonio Sagona / Ed. A. Batmaz et al. Leuven; Paris; Bristol: Peeters. P. 15–27.

Özdol-Kutlu S., 2021. Bull symbolism in Anatolian Neolithic pottery and religious life in Neolithic society // Neolithic pottery from the Near East. Production, distribution and use / Eds.: R. Özbal, M. Erdalkiran, Y. Tonoike. İstanbul: Koç University Press. P. 239–255. (Koç Üniversitesi Yayınları; 259).

Özkaya V., Coşkun A., 2011. Körtik Tepe // The Neolithic in Turkey: New Excavations & New Research. Vol. 1. The Tigris Basin / Eds.: M. Özdoğan, N. Başgelen, P. I. Kuniholm. İstanbul: Archaeology & Art Publications. P. 89–127.

Özkaya V., Coşkun A., Benz M., Erdal Y. S., Atici L., Şahin F. S., 2012. Körtik tepe 2010 Yili Kazisi // Kazı Sonuçları Toplantıları. 33 (2011), Cilt 1. Ankara. P. 315–338. (Kültür Varlıkları ve Müzeler Genel Müdürlüğü Yayın; № 155–1).

Öztan A., 2012. Köşk Höyük: A Neolithic Settlement in Niğde-Bor Plateau // The Neolithic in Turkey: New Excavations & New Research. Vol. 3. Central Turkey / Eds.: M. Özdoğan, N. Başgelen, P. I. Kuniholm. İstanbul: Archaeology & Art Publications. P. 31–70.

Petrova N., Darabi H., 2022. Analysis of neolithic pottery technology along the Iranian Zagros foothills // Documenta Praehistorica. Vol. XLIX. P. 318–342.

Richter T., Darabi H., Alibaigi S., Arranz-Otaegui A., Bangsgaard P., Khosravi S., Maher L. A., Mortensen P., Pedersen P., Yeomans L., 2021. The formation of early Neolithic communities in the central Zagros: an 11.500 year-old communal structure at Asiab // Oxford Journal of Archaeology. Vol. 40. P. 2–22.

Rozenberg M., 2011. Hallan Çemi // The Neolithic in Turkey: New Excavations & New Research. Vol. 1. The Tigris Basin / Eds.: M. Özdoğan, N. Başgelen, P. I. Kuniholm. İstanbul: Archaeology & Art Publications. P. 61–78.

Schmidt K., 2011. Göbekli Tepe // The Neolithic in Turkey. New excavations & New research. Vol. 2. The Euphrates basin / Eds.: M. Özdogan, N. Başgelen, P. Kuniholm. Istanbul: Archaeology & Art Publications. P. 41–83.

Smith P. E. L., 1990. Architectural innovation and experimentation at Ganj Dareh, Iran // Word Archaeology. Vol. 21, 3. P. 323–335.

Stordeur D., 2010. Domestication of plants and animals, domestication of symbols? // Development of Pre-state communities in the ancient Near East / Eds.: D. Bolger, L. C. Maguire. Oxford; Oakville: Oxbow Books. P. 123–130.

Tekin H., 2017. Tarihöncesinde Mezopotamya. Ankara: Ankara ofset. 469 p.

Tell Kashkashok: The excavation at tell No. II // Ed. T. Matsutani. Tokio: The University of Tokio, 1991. 273 p.

Yartah T., 2016. Typologie de bâtiments communautaires à Tell ‘Abr 3 (PPNA) en Syrie du Nord // Neo-Lithics. Vol. 2/16. P. 3–49.

Сведения об авторе

Петрова Наталья Юрьевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: petrovanatalya7@mail.ru

https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-426-5.80-90

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ, РАННИХ ЭТАПАХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И СИМВОЛИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ КАМЕННЫХ ЖЕЗЛОВ/СТЕРЖНЕЙ С НАВЕРШИЕМ В ЕВРАЗИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Т. В. Корниенко, Н. А. Дубова, А. В. Фрибус

Резюме. В статье на примере материалов неолита, энеолита и эпохи бронзы прослеживаются функциональные и символические проявления традиции изготовления каменных стержней/жезлов/скипетров с зооморфными навершиями в Юго-Западной Азии и соседних регионах. Определено, что полированные каменные стержни со скульптурным, преимущественно зооморфным, навершием впервые получили распространение в эпоху докерамического неолита в восточной и центральной частях Северной Месопотамии. Функционально они использовались в качестве пестов, но также являлись сакральными объектами общественной значимости. В эпоху энеолита – раннем бронзовом веке зооморфные скипетры разных типов, в том числе каменные или с каменными навершиями, получают широкое хождение у населения Евразии. С эпохи энеолита – раннего бронзового века и в последующие исторические периоды образ скипетра/жезла с зооморфным навершием, опираясь в предыстории своего оформления на тотемические и фаллические культы времен верхнего палеолита и докерамического неолита, при сохранении значения для идентификации индивидов и сообществ, видимо, закрепился также в качестве символа власти и военной мощи.

Ключевые слова: скипетры/жезлы с навершием, Евразия, социальный статус, неолит, энеолит, бронзовый век, зооморфная символика.

Жезлы, скипетры, посохи, как в древности, так и в наши дни, нередко понимаются как индикаторы определенных полномочий, выполняемых функций или занимаемого положения. Такие объекты известны по материалам археологических культур разных регионов и времен, начиная с эпох верхнего палеолита и мезолита. Обычно при анализе данные находки интерпретируют в качестве символов духовной и/или административной власти. Однако есть основания полагать, что в ранние времена эти объекты выполняли не только символические функции, но также имели практическое назначение. Одним из ярких примеров подобной трансформации восприятия общественным сознанием таких объектов является посох. Использовавшийся изначально у скотоводческих народов как направляющий инструмент в обращении со стадами, впоследствии он стал широко восприниматься как символ, указывающий путь человеческим сообществам. Эта метафора через века и тысячелетия передается в разных культурах.

С территории Европы происходят относящиеся к палеолитическому времени предметы, изготовленные из рога оленя, реже бивня мамонта и другого сырья, в виде стержней с зоо- и антропоморфными изображениями, имеющие, как правило, одно или два отверстия. Среди них распространены экземпляры со скульптурными навершиями в виде голов или фигурок животных. Такие объекты известны уже по памятникам с ориньякской индустрией. Расцвета традиция их изготовления достигает в эпоху Мадлен. В научной литературе за ними надолго закрепилось определение «жезлы начальника». Тем не менее уже со второй половины XX в. часть исследователей предпочитает нейтральные, напрямую не связанные с управленческой функцией названия: «жезлы», «просверленные жезлы», «копьеметалки» (*Garrod*, 1955; *Sieveking*, 1987; *Абрамова*, 2017; *Braun*, 2019; *Lombard*, 2022; *et al.*). Функционально данные объекты рассматривают сейчас в качестве ритуально защищенных символическими изображениями инструментов охотника; предметов статусных, имевших утилитарное назначение.

Цель настоящей статьи – на примере материалов неолита, энеолита и эпохи бронзы проследить функциональные и символические проявления традиции изготовления каменных стержней или

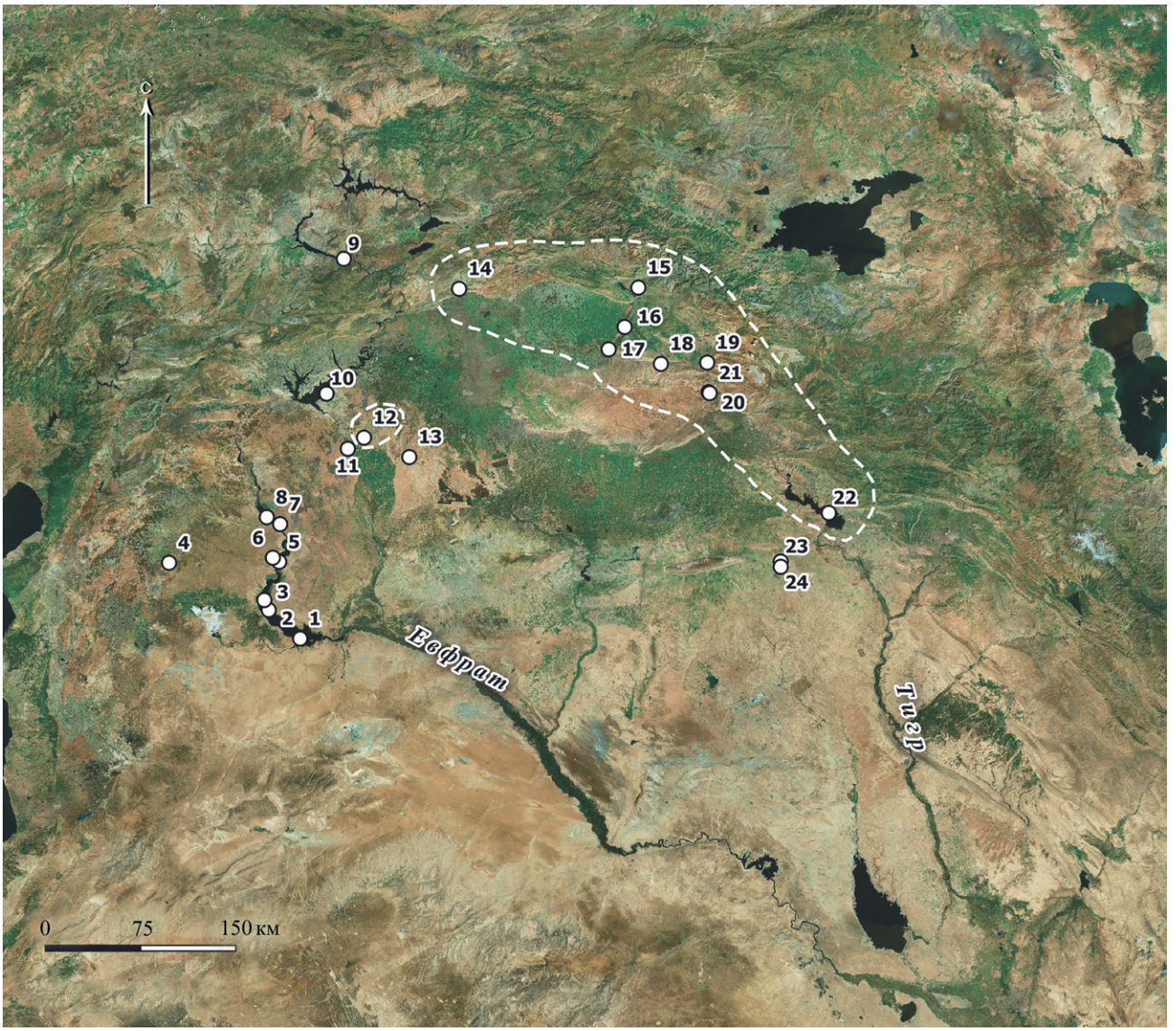


Рис. 1. Карта Северной Месопотамии с памятниками финального эпипалеолита и раннего неолита на территории Северной Сирии: *1* – Абу Хурейра, *2* – Телль Мурейбит, *3* – Шейх Хассан, *4* – Телль Карамель, *5* – Джерф эль-Ахмар, *6* – Телль Халула, *7* – Джаде эль-Мугара, *8* – Телль Абр 3; Юго-Восточной Турции: *9* – Джафер Хююк, *10* – Невали Чори, *11* – Ени Махалле (Шанлыурфа), *12* – Гёбекли Тепе, *13* – Карахан Тепе, *14* – Чайоню Тепеси, *15* – Халлан Чеми, *16* – Демикёй, *17* – Кёртик Тепе, *18* – Хасанкейф Хююк, *19* – Гусир Хююк, *20* – Чемка Хююк, *21* – Бонджуклу Тарла; Северного Ирака: *22* – Немрик 9, *23* – Телль Магзалия, *24* – Кермез Дере
Пунктирной линией отмечены зоны распространения каменных стержней/«скипетров» с зооморфным навершием

жезлов/скипетров с зооморфными навершиями в Юго-Западной Азии и соседних регионах.

Анализ доступных сегодня материалов показывает, что полированные каменные стержни со скульптурным навершием впервые получили распространение в эпоху докерамического неолита (Pre-Pottery Neolithic/PPN) в восточной и центральной частях Северной Месопотамии (рис. 1)[1]. Из Кёртик Тепе, Халлан Чеми, Немрик 9 и Гёбекли Тепе происходят наиболее представительные коллекции таких объектов (*Корниенко*, 2022. С. 6–13). В материалах Чайоню Тепеси (р-н Эргани, верховья Тигра) песты со скульптурным навершием являются редкостью (*Davis*, 1982. P. 79–85, 151, 153–154; *Erim-Özdoğan*, 2011. Fig. 70).

[1] X–VIII тыс. до н. э., здесь и далее даты калиброванные. Подробнее о хронологии и терминологии в изучении процесса неолитизации Северной Месопотамии см.: *Корниенко*, 2021.

Стоит отметить, что т. н. стержни/дубинки/рабочие палочки (poles/batons/working poles) без скульптурных наверший, сделанные из хлоритов, нефрита, слюдяного сланца и других эстетически ценных пород камня, реже из песчаника, известны по материалам многих северомесопотамских памятников PPNA и переходного к PPNB времени: Мурейбит, Джерф эль-Ахмар (*Ibañez*, 2008. P. 666–667. Fig. 3), Телль Абр 3 (*Yartah*, 2013. P. 80, 158), Телль Карамель (*Mazurowski*, 2012. P. 74, 80. Pl. 106, 107, 110), Халлан Чеми (*Rosenberg*, 1999. Fig. 4), Гусир Хююк (*Karul*, 2020. Fig. 18b), Чемка Хююк (*Kodaş et al.*, 2020. P. 42) и других. Они тщательно отполированы, иногда имеют гравировку: перпендикулярные насечки, продольные линии, более сложный рисунок (например, в виде песочных часов). Довольно часто целые экземпляры и/или фрагменты данных инструментов происходят из ритуального контекста: заполнения построек неординарного назначения и погребений. По замечанию Ж. Ковэна, изящная форма, импортное сырье, из которого сделаны хлоритовые стержни, техническое мастерство, необходимое для их производства, и отсутствие следов использования на сохранившихся целыми в Телле Мурейбит экземплярах предполагают символическую роль таких объектов (*Cauvin*, 1977; *Ibañez*, 2008. P. 666–667). Вместе с тем, судя по зафиксированным следам истертости на концах многих фрагментарно сохранившихся сделанных из хлорита стержней Телля Мурейбит, Джерф эль-Ахмар (*Ibañez*, 2008. P. 666), Телля Карамель (*Mazurowski*, 2012. P. 74) и некоторых других современных им памятников Северной Месопотамии, в каких-то случаях эти полированные стержни функционировали в качестве пестов.

В Немрик 9 (Северный Ирак) в слоях, относящихся к PPNA и переходному от PPNA к PPNB периодам, обнаружено 26 сделанных из камня (предположительно, известняка) стержней со скульптурным навершием (рис. 2: *4–10*). Среди них 5 полных, 12 в разной степени поврежденных экземпляров и 9 заготовок. Все они выполнены в единой технике, стилистике и по одной схеме: стержень, заканчивающийся навершием в виде головы животного (змеи, львицы или пантеры, птиц разных видов). В одном случае невершие было сделано в виде головы антропоморфа, еще в одном – в виде копыта быка. Помимо этого, по мнению С. Козловски, в форме данных объектов представлен фаллический мотив (*Kozłowski*, 1997. P. 35–36). Пять стержней со скульптурным навершием поселения Немрик 9 обнаружены в жилых домах, один в погребении, один в мусорной яме, большинство (бракованных или сломанных) найдены вмурованными в каменную вымостку на открытых участках. С. Козловски избегает называть эти объекты пестами, настаивая на первичности их религиозных функций. Однако он сообщает, что на сохранившихся нижних частях стержней со скульптурными навершиями зафиксированы следы их использования в качестве растирающих и измельчающих инструментов (*Kozłowski*, 1997. P. 33–35. Tab. 1).

На Халлан Чеми (Юго-Восточная Анатолия, провинция Батман), памятнике PPNA времени, открыты песты с навершиями в виде букраний (рис. 2: *1–3*). Выполнены они преимущественно из хлоритов, единичные экземпляры сделаны из песчаника. Контекст находок, к сожалению, нам неизвестен. Скульптурно оформленные песты сделаны приблизительно в том же масштабе и стиле, что и хлоритовые, а также вырезанные из белого известняка украшенные гравировкой и рельефом чаши. Руководитель раскопок Халлан Чеми М. Розенберг считает: есть основания полагать, что декорированные сосуды и скульптурно оформленные песты могли использоваться вместе. Учитывая выявленные в центральной зоне поселения материальные остатки от проведения общественных пиров, представляется весьма вероятным, что символически украшенные чаши и песты, сделанные в большинстве своем из хлорита, были задействованы в формализованном приготовлении и потреблении пищи и/или напитков в рамках данного поведенческого комплекса (*Rosenberg*, 1999. P. 28. Fig. 4; 2011. P. 63. Fig. 9–14). По источникам ряда памятников Передней Азии известно, что в эпоху верхнего эпипалеолита и раннего неолита пиры служили важным ритуальным компонентом социальной жизни человеческих коллективов[2].

В ходе раскопок 2000–2018 гг. соседнего с Халлан Чеми поселения Кёртик Тепе эпохи позднего эпипалеолита и PPNA обнаружено не менее 20 пестов со скульптурным навершием. Исследователи памятника сообщают, что недекорированные песты были выявлены в бытовом контексте среди других объектов домашней утвари, тогда как песты со скульптурным навершием найдены в основном в могилах вместе с другим погребальным инвентарем (*Özkaya, Coşkun*, 2011. P. 97. Fig. 24, 25; *Özkaya et al.*, 2013. P. 31, 67). Эти скульптурно украшенные объекты с сохранившейся высотой от 10 до 23–25 см сделаны

[2] Обзор литературы по этому вопросу см.: *Dietrich et al.*, 2012; 2017.

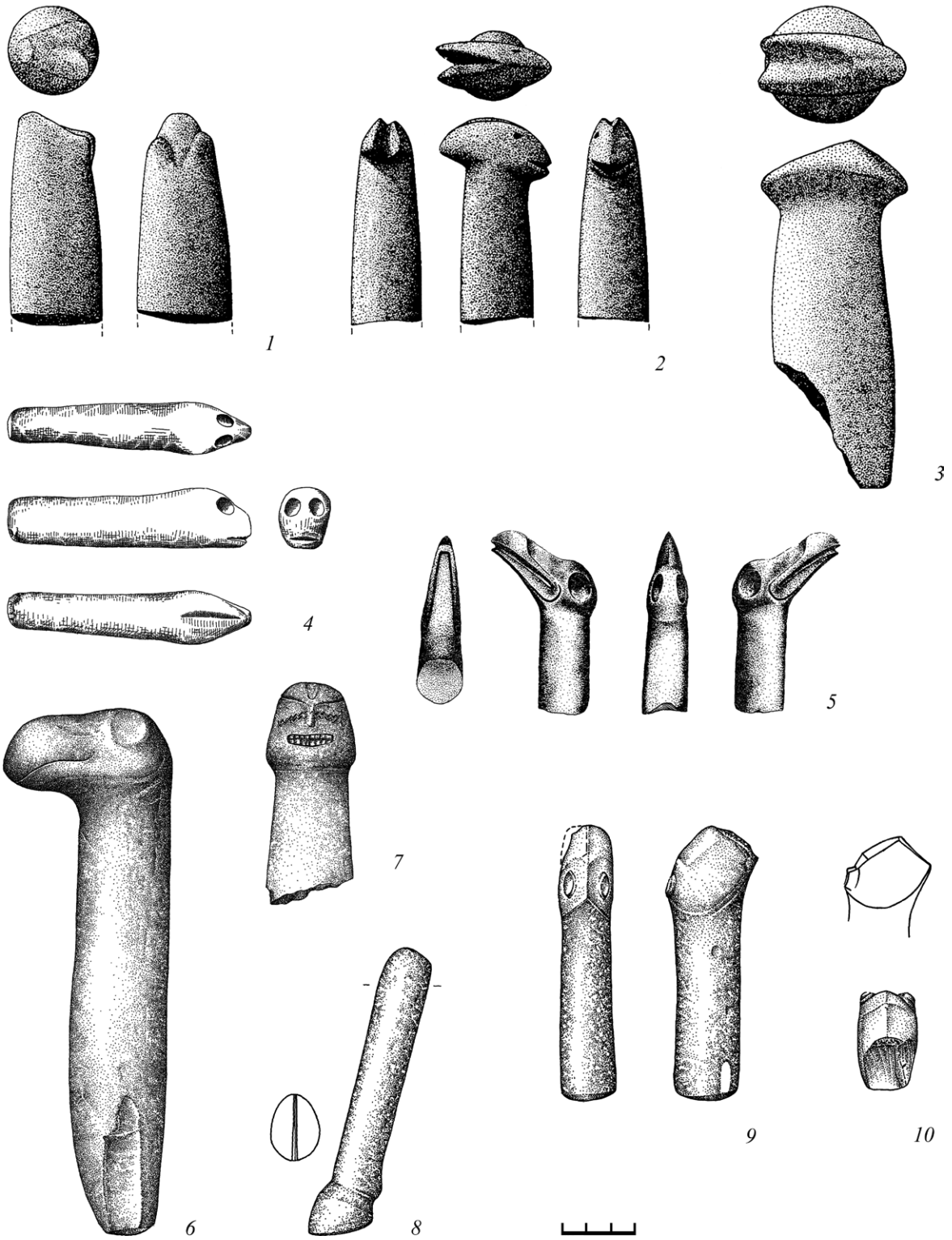


Рис. 2. Песты со скульптурным навершием: *1–3* – из Халлан Чеми (по: *Rosenberg*, 1999. Fig. 4); *4–10* – из Немрик 9 (по: *Kozłowski*, 1997. Fig. 1–3)

преимущественно из хлоритосодержащих пород камня. Их верхняя часть выполнена в форме стилизованного изображения головы животного: в большинстве случаев – горного козла, иногда птицы, черепахи или представителя семейства псовых. В одном случае встречено Т-образное навершие, которое по аналогии с Т-образными крупноформатными стелами, характерными для культовых комплексов этого региона и времени, интерпретируют как антропоморфное. Стержни пестов, идущие как продолжение скульптурных наверший, немного утолщаются в нижней части. Поверхность тщательно отполирована. Некоторые из этих объектов на нижней части сохранили следы истертости и выкрошенности, возникшие в результате их использования (*Özkaya, Şahin*, 2019. P. 585). Соответственно, декорированные песты Кёртик Тепе имели не только символическое значение, как это предполагалось ранее (*Özkaya, Coşkun*, 2011. P. 97), но и практическое применение. По крайней мере, некоторые из них использовались функционально для измельчения каких-то веществ. Нельзя исключать совместное ритуальное использование скульптурных пестов с декорированными чашами из хлорита, в большом количестве найденными разбитыми в могилах Кёртик Тепе (*Özkaya et al.*, 2013. P. 27), с которыми они сопоставимы по размерам, материалу, месту обнаружения, стилистике и изобразительным мотивам в оформлении.

Раскопки на Гёбекли Тепе (Юго-Восточная Анатолия, провинция Шанлыурфа) в слоях PPNA и раннего PPNB времени обнаружили, помимо других многочисленных символически оформленных объектов, фрагментированные и целые экземпляры стержней со скульптурными навершиями, передающими, вероятно, образы букрании и/или фаллоса (*Dietrich et al.*, 2017. Fig. 5.24). В ряде случаев навершия стержней Гёбекли Тепе Т-образны. Скульптурно оформленные стержни Гёбекли Тепе сделаны из различных пород камня, высота сохранившихся экземпляров – около 22 см. О сработанности их нижних концов сведений нет. Исследователи Гёбекли Тепе называют эти объекты «скипетрами», подчеркивая тем самым их символическое назначение (*Dietrich et al*., 2012; 2017). Сообщалось, что все «скипетры» обнаружены в материалах заполнения культовых круглоплановых сооружений, в отношении которых, судя по имеющимся данным, по окончании срока их функционирования осуществлялся специальный обряд захоронения, включавший уборку помещений, оставление в них определенным образом размещенных ритуальных объектов и засыпку (*Dietrich et al.*, 2017. P. 99, 121).

Для ранненеолитических памятников на территории Северной Сирии песты, стержни со скульптурным навершием нехарактерны. Возможно, отголосками фиксируемой в Северном Ираке и Юго-Восточной Анатолии традиции создания таких изделий и их использования в ритуальных целях на территории западной части Северной Месопотамии являются сделанные из известняка странного вида объекты, найденные в слоях PPNA на Телле Мурейбит и Телле Абр 3. В публикациях материалов названных памятников эти объекты рассматриваются в категории статуэток. В Телле Мурейбит необычная зооантропоморфная фигурка высотой около 13 см была найдена в границах Строения 22 (*Stordeur, Lebreton*, 2008. P. 619–621. Fig. 1). Руки и ноги у нее никак не обозначены, скульптурно выделена лишь голова с проработкой носа/клюва и больших глаз. Прорезанная горизонтальная линия отделяет голову от тела. Две параллельные прорезанные вертикальные линии идут по центру передней стороны фигурки от головы до нижней части объекта. В Телле Абр 3 полированное конусообразное изделие высотой около 13 см, с диаметром основания 7,13 см и диаметром верхней части 6,5 см было обнаружено замурованным в стене неординарного Строения М4 (*Yartah*, 2013. P. 80. Fig. 14, 15). Наличие головы/головки обозначено горизонтальной выгравированной по кругу линией, четко отделяющей навершие объекта от основной его части. Другие детали оформления отсутствуют. Объект условно представляет некое существо и/или фаллос.

Об истертости нижних концов у рассмотренных фигурок из ранненеолитических поселений западной области Северной Месопотамии не сообщалось. Выполнены они из известняка, а не из редких пород камня. Вместе с тем морфология, изобразительные мотивы и композиция в оформлении отмеченных изделий во многом сопоставимы с характеристиками оформления пестов и стержней со скульптурным навершием из современных им памятников Юго-Восточной Анатолии и Северного Ирака. В миниатюре и те и другие объекты повторяют форму и изобразительные мотивы крупноформатных во многих случаях украшенных рельефом стел[3] – главного символа культовых комплексов Северной Месопотамии, определяемого по материальным остаткам слоев PPNA, раннего и среднего PPNB времени.

[3] Подробнее о крупноформатных стелах и их символическом значении см.: *Kornienko*, 2018.

В эпоху энеолита – раннего бронзового века значительно расширяется территория распространения таких объектов, а также ассортимент использовавшихся материалов для изготовления жезлов и штандартов с зооморфными навершиями. Выделяется большое количество их типов. Жезлы с каменными зооморфными навершиями юга Восточной Европы и Кавказа, граничащих с Передней Азией регионов, эпохи энеолита и раннего периода бронзового века по типологии С. Н. Кореневского разделяются на два класса. Класс 1 – скипетры-вставки с выступом в основу, вероятно в деревянную короткую рукоять (черенок) или в длинную палку (посох). Класс 2 – скипетры черенковые, напоминающие жезлы (*Кореневский*, 2008). Каменные зооморфные жезлы 2-го класса, их длина от 21 до 37 см, по своим характеристикам (материал, размер, морфология, изобразительные мотивы) во многом напоминают каменные стержни со скульптурным навершием из памятников докерамического неолита Северной Месопотамии.

Каменные скипетры-жезлы с зооморфными навершиями, датированные энеолитом, выявлены на территории Азербайджана в памятниках лейлатепинской культуры в Акстафинском районе: курган № 1/2006 Союгбулаг (рис. 3: *1*), поселение Пойлу II (рис. 3: *2*) (*Мусеибли*, 2022. С. 734, 744). С территории Юго-Восточного Азербайджана также происходят относимые ко 2-му классу скипетров и датируемые ранним бронзовым веком (конец IV – начало III тыс. до н. э.): каменный скипетр из кургана № 1 Тельманкенд (рис. 3: *3*) и жезл, обнаруженный близ с. Назароба (рис. 3: *4*). Ближайшей аналогией жезлу из с. Назароба является скипетр из кургана III Се Гирдан (рис. 3: *5*), район оз. Урмия, Иран. Захоронение в этом кургане относят к майкопской погребальной традиции и датируют около 3000 г. до н. э. (*Muscarella*, 2003. P. 130; *Кореневский*, 2008. С. 105; *Кириченко*, 2022. С. 328). Помимо популярного и в докерамическом неолите Передней Азии образа головы кошачьего хищника, в эпоху энеолита – ранней бронзы для скульптурных наверший скипетров распространенным становится ранее не известный образ конской головы.

Памятники Бактрийско-Маргианской археологической культуры (БМАК) демонстрируют большое разнообразие скипетров/жезлов/посохов. Наиболее богат предметами этой категории Гонур-депе в Туркменистане (2500–1500 до н. э.) (*Дубова и др.*, 2019). Кроме специфичных именно для Бактрийско-Маргианской археологической культуры (БМАК) крупных каменных посохов/жезлов разных форм (рис. 4), встречаются отдельные каменные (*Sarianidi*, 2017. P. 80, 109) и бронзовые (например: *Сариниди*, 2001. Рис. 18 и 19 на с. 52, 53; *Sarianidi*, 2017. С. 127. Рис. 2 и 3) навершия, а также ритуальные/церемониальные топоры (*Winkelmann-Witkowsky*, 2020; особенно: Abh. 1, 2a, 2b. на стр. 99), которые также во многих культурах являются аналогами жезлов. Из последней из упомянутых группы предметов весьма показателен ряд изделий с зооморфными изображениями (Abh. 1, 6, 9, 11 и 2b, 1), а также известное навершие в форме головы лошади, происходящее из погребения 2380 Гонур-депе (*Sarianidi*, 2017. P. 127. Fig. 2). Кроме зооморфных, на Гонуре известно несколько десятков (точное число указать затруднительно, т. к. инвентаризация всех находок, сделанных за 50-летний период работы на памятнике, только начата) округлых каменных и бронзовых наверший разных размеров, бронзовых наверший с четырьмя или шестью острыми концами (рис. 5). В некоторых погребениях, например, в цистах 2900 (*Sarianidi*, 2017. P. 150. Fig. 23) и в уже упомянутом 2380, такие навершия сохранились *in situ*. По оставленному на грунте следу была возможность определить, что они являлись навершиями деревянных жезлов длиной 40–45 см. По всей видимости, такие жезлы могли маркировать принадлежность погребенного к определенному социальному слою.

Подчеркнем, что в погребениях одновременно могут находиться как крупные каменные посохи (длиной до 200 см) разной формы (например, погр. 3870, 3900, где были веретенообразный посох и посох с окончанием в виде «копыта»), так и они же вместе с вышеописанными короткими жезлами, имеющими навершия (например, в погребении 3870).

О том, какой социальный слой/слои маркировал каждый из упомянутых символов власти в Маргиане, на данном этапе исследования можно только догадываться. Для решения таких вопросов нужен вдумчивый анализ всего разнообразия комплексов погребальных приношений, характерных как для Гонур-депе конкретно, так и для других синхронных и прочих памятников.

В контексте обсуждаемой проблемы хотелось бы подчеркнуть, что зооморфные скипетры разных типов, в том числе каменные или с каменными навершиями, имели широкое хождение у населения Евразии в эпоху энеолита – раннем бронзовом веке: помимо Восточной и Юго-Восточной Европы, Кавказа и Ирана, от Оренбуржья до Алтая (Барнаульско-Бийское Приобье), Казахстана и Монголии. Для указанного периода исследователи единодушны в определении данных предметов символами

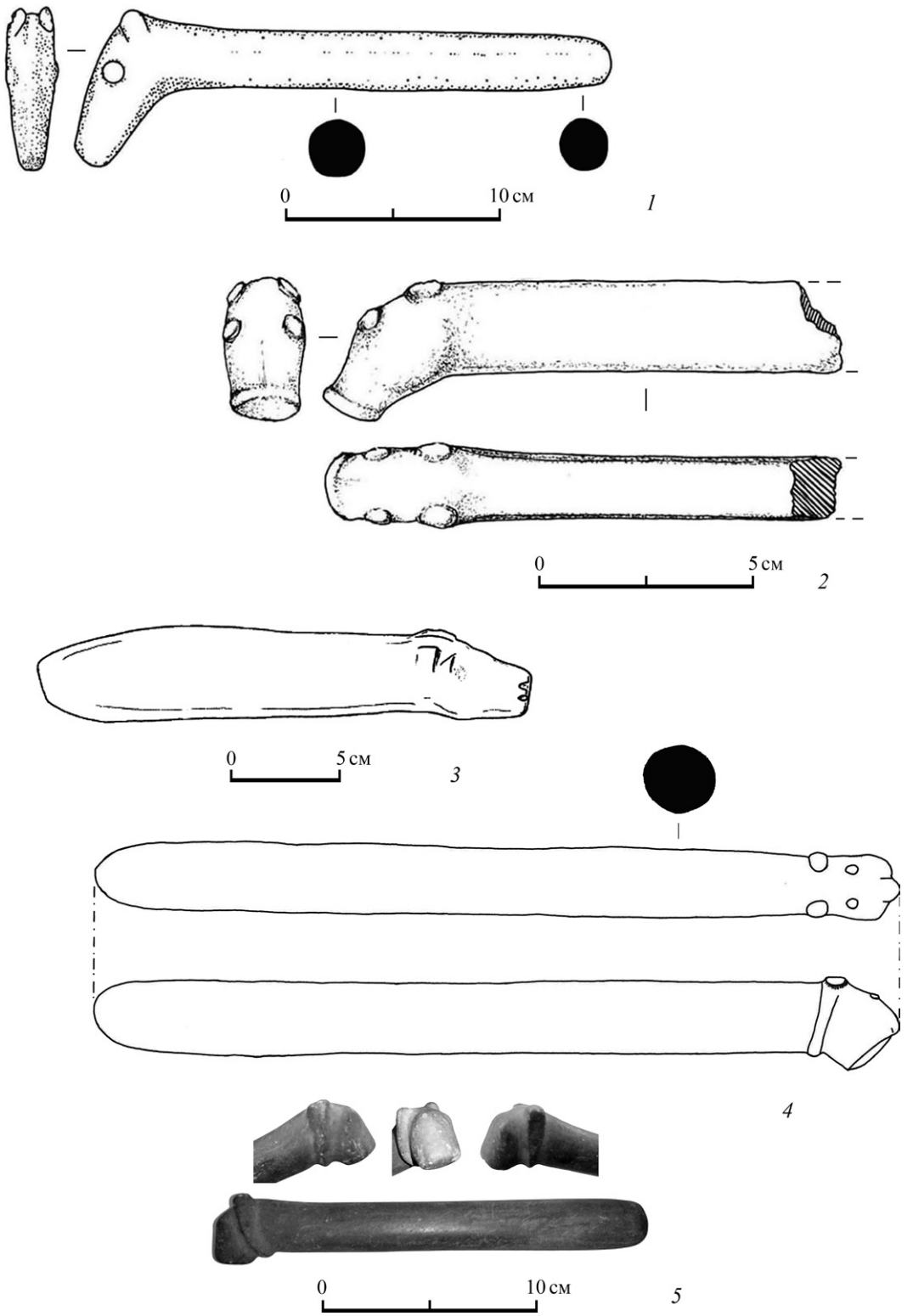


Рис. 3. Каменные скипетры эпохи энеолита – ранней бронзы: *1* – Союгбулагский курган № 1/2006, Азербайджан (по: *Мусеибли*, 2022. Рис. 4: *3*); *2* – Пойлу II, Азербайджан (по: *Мусеибли*, 2022. Рис. 4: *4*); *3* – курган №1 у с. Тельманкен, Азербайджан (по: *Ахундов, Махмудова*, 2008. С. 147. Табл. 30.8); *4* – Се Гирдан, курган III, Иран (по: *Muscarella*, 1969. Fig. 27); *5* – Назароба, Азербайджан (фотография Д. А. Кириченко, любезно предоставлена автором)

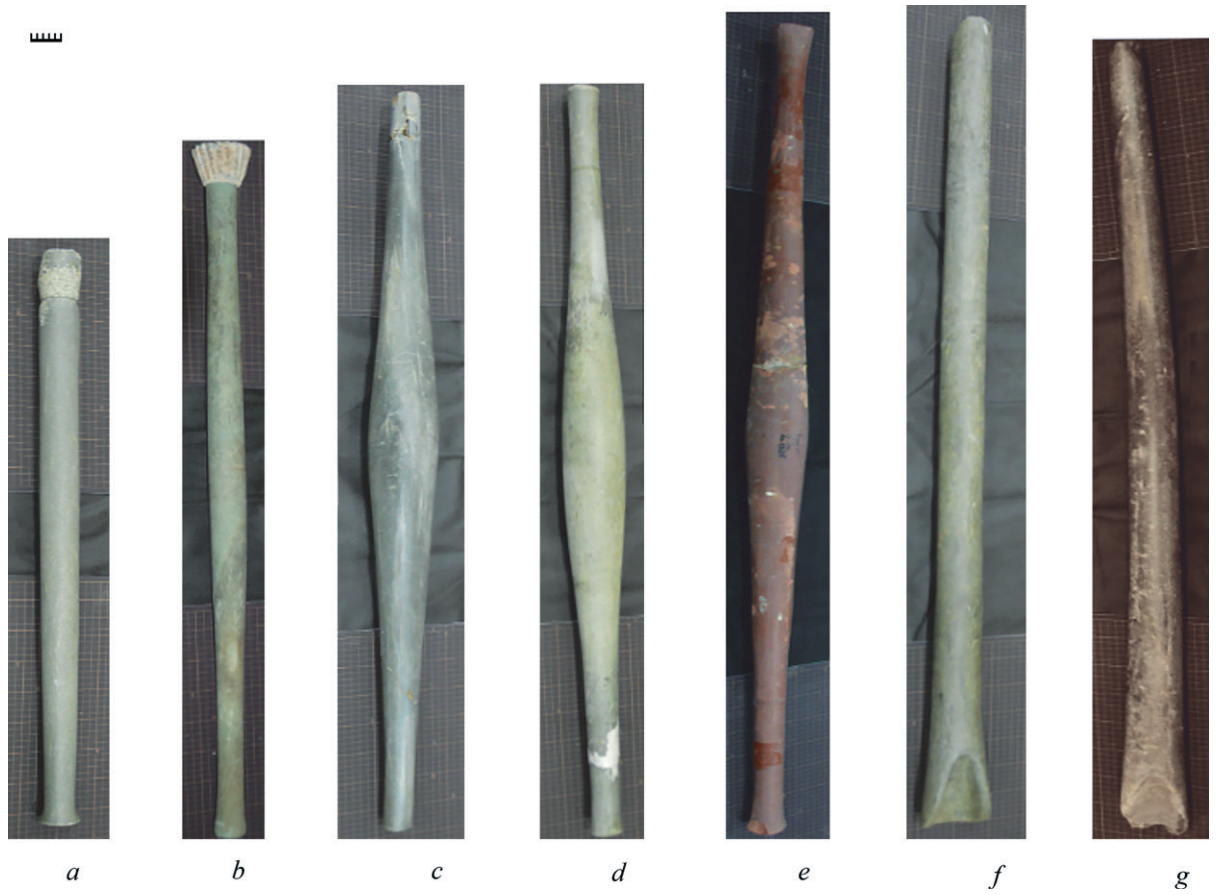


Рис. 4. Каменные посохи/скипетры Маргианы.
a – посох с навершием. Гонур-депе, Главный некрополь, погребение 2617; *b* – посох с навершием. Гонур-депе, главный некрополь, погребение 500; *c* – веретенообразный посох. Гонур-депе, главный некрополь, погребение 1500; *d* – веретенообразный посох. Гонур-депе, «Царский некрополь», погребение 3870; *e* – веретенообразный посох. Гонур-депе, «Царский некрополь», погребение 3900; *f* – посох с окончанием в виде копыта. Гонур-депе. «Царский некрополь», погребение 3235; *g* – посох с окончанием в виде копыта. Гонур-депе. «Царский Некрополь», погребение 3870.
© Маргианская археологическая экспедиция

власти, как элементов знаковых систем, закреплявших складывавшиеся иерархические отношения в предгосударственную и раннегосударственную эпоху во многих сообществах Евразии V–III тыс. до н. э. (*Кореневский*, 2008. С. 108; *Кириченко*, 2022. С. 328; *Мусеибли*, 2022. С. 734).

Где и когда ранее всего появились каменные скипетры – предмет долгих дискуссий[4]. В качестве далеких прототипов таких объектов, на наш взгляд, могут выступать каменные стержни с зооморфным навершием эпохи докерамического неолита из восточного и центрального районов Северной Месопотамии. Их далекие предшественники – символически украшенные зооморфными изображениями, выполненные из рога, кости и бивня мамонта «жезлы» эпохи палеолита. Очевидно, для этих времен символически украшенные стержни были связаны как с основной хозяйственной деятельностью коллективов, так и с представлениями об устройстве мира.

В конце плейстоцена – начале голоцена в отдельных областях зоны Плодородного полумесяца создаются группы первых долговременных поселений охотников и собирателей. Оседлый образ жизни, специализированное собирательство, эксперименты по выращиванию растений повлияли на то, что одними из наиболее распространенных видов инвентаря на таких поселениях начиная с эпохи эпипалеолита становятся различных размеров и типов зернотерки,

[4] Обзор литературы по этому вопросу см.: *Манзура*, 2000. С. 254; *Кореневский*, 2008. С. 92.

Рис. 5. Разнообразные навершия жезлов, происходящие с Гонур-депе. Верхний ряд – каменные, средний ряд – металлические, нижнее изображение – из главного некрополя Гонура, погр. 2380.
© Маргианская археологическая экспедиция

терочные камни, ступки и песты. Полированные каменные стержни с зооморфными навершиями PPNA и PPNB времени, судя по ряду признаков, могли функционально использоваться в качестве пестов, но также являлись сакральными объектами. В том числе как объекты ритуальной значимости их использовали при проведении общественных церемоний: пиров, обрядов захоронения людей и обрядов захоронения общественных построек культового назначения. Морфология и изображения скульптурных наверший таких предметов, так же как в целом знаковые проявления на многих других ритуальных объектах Северной Месопотамии X–IX тыс. до н. э., отражают тотемные представления, культ головы и фаллоса (*Kornienko*, 2018; *Корниенко*, 2022). Эти символы как элементы ритуала были связаны с поддержанием воспроизводства, стабильности и защиты коллективов, их создававших. Иное функциональное назначение, очевидно, стоит за скипетрами или «штандартами» эпохи энеолита и бронзового века, V–II тыс. до н. э. (как показывают в частности материалы гхасульской, лейлатепинской, майкопской культур и БМАК на примере Гонур-депе).

Изначально морфология «жезлов» эпохи палеолита и каменных стержней мезолита (докерамического неолита), несомненно, связана с удобной формой палки как универсального орудия и оружия. С эпохи энеолита – раннего бронзового века и в последующие исторические периоды образ скипетра/жезла с зооморфным навершием, опираясь в предыстории своего оформления на тотемические и фаллические культы времен верхнего палеолита и докерамического неолита, при сохранении значения для идентификации индивидов и сообществ, закрепляется также в качестве символа власти и военной мощи.

Литература

Абрамова З. А., 2017. Древнейший образ человека: каталог по материалам палеолитического искусства Европы. СПб.: Петербургское Востоковедение. 304 с.

Ахундов Т. И., Махмудова В. А., 2008. Южный Кавказ в кавказско-переднеазиатских этнокультурных процессах IV тыс. до н. э. Баку: Шарг-Гарб. 198 с.

Дубова НА., Фрибус А. В., Грушин С. П., Сатаев Р. М. Турик В. Г., 2019. Крупные каменные изделия Маргианы (Туркменистан, эпоха бронзы): местонахождения и разнообразие форм // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): материалы Междунар. конф. (18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург). Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). СПб.: ИИМК РАН: Невская Типография. С. 51–53.

Кириченко Д. А., 2022. О скипетре из историко-краеведческого музея города Масаллы (Азербайджанская Республика) // Евразия в энеолите – раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий): материалы междунар. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии Михаила Петровича Грязнова (1902–1984). СПб. С. 327–329.

Кореневский С. Н., 2008. О зооморфных прототипах каменных скипетров эпохи энеолита, раннего периода бронзового века Восточной Европы и Кавказа // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXI. С. 86–111.

Корниенко Т. В., 2021. Вопросы физической географии, периодизации и хронологии в исследовании первичных очагов «неолитической революции» на территории центральной части Плодородного полумесяца // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. № 4. С. 5–16.

Корниенко Т. В., 2022. Каменные скульптурно оформленные песты, стрежни и декорированные чаши из хлорита ранненеолитических памятников Северной Месопотамии // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3. С. 5–24.

Манзура И. В., 2000. Владеющие скипетрами // Stratum plus. № 2. С. 237–295.

Мусеибли Н. А., 2022. Каменная индустрия Лейлатепинской культуры // История, археология и этнография Кавказа. Т. 18, № 3. С. 729–750.

Сариниди В. И., 2001. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Мир-медиа, 2001. 245 с.

Braun I. M., 2019. Ausgewählte Beispiele der Kleinkunst des Spätglazials aus der Schweiz und überregionale Parallelen // Das Magdalénien im Südwesten Deutschlands, im Elsass und in der Schweiz / Hrsg. H. Floss. Tübingen: Kerns. P. 277–296.

Cauvin J., 1977. Les Fouilles de Mureybet (1971–1974) et leur Signification pour les Origines de la Sédentarisation au Proche-Orient // Annual American School Oriental Research. № 44. P. 19–48.

Davis M. K., 1982. The Çayönü Ground Stone // Prehistoric village archaeology in south-eastern Turkey. The Eighth-Millennium BC Site at Çayönü: its Chipped and Ground Stone Industries and Faunal Remains / Eds.: L. S. Braidwood, R. J. Braidwood. Oxford: British Archaeological Reports. P. 73–174. (British Archaeological Reports. International Series; 138).

Dietrich O., Notroff J., Schmidt K., 2017. Feasting, social complexity and the emergence of the early Neolithic of Upper Mesopotamia: a view from Göbekli Tepe // Feast, famine or fighting? Multiple pathways to social complexity / Eds.: R. J. Chacon, R. Mendoza. New York: Springer. P. 91–132.

Dietrich O., Heun M., Notroff J., Schmidt K., Zarnkow M., 2012. The Role of Cult and Feasting in the Emergence of Neolithic Communities. New Evidence from Gobekli Tepe, South-Eastern Turkey // Antiquity. № 86. P. 674–695.

Erim-Özdoğan A., 2011. Çayönü // The Neolithic in Turkey. New Excavations & New Research. The Tigris basin / Eds.: M. Özdoğan, N. Başgelen, P. Kuniholm. Istanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayinlari. P. 185–269.

Garrod D. A. E., 1955. Palaeolithic Spear-throwers // Proceedings of the Prehistoric Society. Vol. 31, 3. P. 21–35.

Ibañez J. J., 2008. Conclusion // Le site néolithique de Tell Mureybet (Syrie du Nord): En hommage à Jacques Cauvin / Ed. J. J. Ibañez. Oxford: Archaeopress. P. 661–677. (British Archaeological Reports. International Series; 1843).

Karul N., 2020. The beginning of the Neolithic in southeast Anatolia: Upper Tigris Basin // Documenta Praehistorica. Vol. XLVII. P. 76–95.

Kodaş E., Genç B., Çiftçi Y., Labendan-Kodaş C., Erdem Ç., 2020. Çemka Höyük: A Late Epipalaeolithic and Pre-Pottery Neolithic Site on the Upper Tigris, Southeast Anatolia // Neo-Lithics. P. 40–46.

Kornienko T. V., 2018. On the Interpretation of Stelae in the Cult Complexes of Northern Mesopotamia

during the Pre-Pottery Neolithic // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. Vol. 46, 4. P. 13–21.

Kozłowski S. K., 1997. The Gods from Nemrik // Al-Rāfidān. № 18. P. 33–44.

Lombard M., 2022. Re-considering the origins of Old World spearthrower-and-dart hunting [Электронный ресурс] // Quaternary Science Reviews. Vol. 293. 107677. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0277379122003080 (дата обращения: 27.08.2023).

Mazurowski R. F., 2012. Ground and pecked stone industry and objects of art // Tell Qaramel 1999–2007 / Eds.: R. F. Mazurowski, Y. Kanjou. Warsaw: Polish Centre of Mediterranean Archaeology University of Warsaw. P. 72–89.

Muscarella O. W., 1969. The Tumuli at Sé Girdan: A Preliminary Report // Metropolitan Museum Journal. Vol. 2. P. 5–25.

Muscarella O. W., 2003. The chronology and culture of Sé Girdan: Phase III // Ancient Cilvilizations from Scythia to Siberia. Vol. 9, 1. P. 117–131.

Özkaya V., Coşkun A., 2011. Körtik Tepe // The Neolithic in Turkey. New Excavations & New Research. The Tigris Basin / Eds.: M. Özdoğan, N. Başgelen, P. Kuniholm. Istanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayinlari. P. 89–127.

Özkaya V., Coşkun A., Soyukaya N., 2013. Körtik Tepe. Uygarliğin Diyarbakir'daki ilk adimlari. The First Traces of Civilization in Diyarbakir. Istanbul: Arkeolojive Sanat Yayınları. 72 p.

Özkaya V., Şahin F. S., 2019. Körtik Tepe 2017 kazısı // Kazı Sonuçları Toplantısı. № 40 (3). S. 575–594.

Rosenberg M., 1999. Hallan Çemi // Neolithic in Turkey: the Cradle of Civilization. New Discoveries / Eds.: M. Özdoğan, N. Başgelen. Istanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayinlari. P. 25–33.

Rosenberg M., 2011. Hallan Çemi // The Neolithic in Turkey. New Excavations & New Research. The Tigris Basin / Eds.: M. Özdoğan, N. Başgelen, P. Kuniholm. Istanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayinlari. P. 61–78.

Sarianidi V., 2017. Necropolis of Gonur. Athens: Kapon editions, 2017. 340 p.

Sieveking A., 1987. A Catalogue of Palaeolithic Art in the British Museum, London: British Museum Press. 115 p.

Stordeur D., Lebreton M., 2008. Figurines, pierres á rainures, «petits objets divers» et manches de Mureybet // Le site néolithique de Tell Mureybet (Syrie du Nord): En hommage à Jacques Cauvin / Ed. J. J. Ibañez. Oxford: Archaeopress. P. 619–643. (British Archaeological Reports. International Series; 1843).

Winkelmann-Witkowsky S., 2020. Betrachtungen zu den Kultäxten, Hämmern und Sichelschwertern in Gonur Depe // Nature – Man – Society: From Past to Present. Collection of papers in honor of Nadezhda Dubova's jubilee / Eds.: M. N. Guboglo, V. V. Kufterin. Moscow: Staryi sad. P. 98–125.

Yartah T., 2013. Vie quotidienne, vie communautaire et symbolique à Tell 'Abr3 – Syrie du Nord, données nouvelles et nouvelles réflexions sur l'horizon PPNA au nord du Levant 10 000 à 9 000 BP: Thèse de doctorat / Université Lyon 2. Lyon. 2 vols.

Сведения об авторах

Корниенко Татьяна Владимировна, Воронежский государственный педагогический университет, ул. Ленина, 86, Воронеж, 394043, Россия; e-mail: zigzinatvk@gmail.com

Дубова Надежда Анатольевна, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Ленинский просп., 32а, Москва, 119991, Россия, e-mail: dubova_n@mail.ru

Фрибус Алексей Викторович, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия, e-mail: fribus@list.ru

https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-426-5.91-104

ИЗОБРАЖЕНИЯ СУЩЕСТВ СМЕШАННОЙ ПРИРОДЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В ЭНЕОЛИТЕ – БРОНЗОВОМ ВЕКЕ[1]

Л. И. Авилова

Резюме. В статье анализируются изобразительные материалы Месопотамии и Ирана эпохи раннего металла, на которых помещены фигуры существ с признаками животных и людей. Среди наиболее ранних – персонажи с телом человека и головой/рогами козла, представленные в окружении животных в ситуациях обрядового действа на печатях-штампах эпохи позднего Убейда из Тепе Гавры, Тепе Гияна и Суз I. Позже в урукской глиптике роль покровителя животных играет чисто антропоморфный персонаж («царь-жрец»), определяемый по характерным деталям прически и костюма, признаки принадлежности к миру животных – рога – у него отсутствуют. В III тыс. до н. э. происходит возрождение древней культурной традиции использования зооморфных деталей: появляется «рогатая корона»/рога, которые стали главным отличительным признаком божеств Раннединастического и Аккадского времени. Изображения существ смешанной природы рассматриваются как источник для реконструкции древних мифологических представлений Ближнего Востока и стоящей за ними социальной реальности.

Ключевые слова: Месопотамия, Иран, Убейд, Урук, Раннединастический период, Аккадский период, глиптика, пластика, антропоморфные персонажи, существа смешанной природы.

… меж них возвышался герой Агамемнон,
Зевсу, метателю грома, главой и очами подобный,
Станом - Арею великому, персями - Энносигею.
Словно как бык среди стада стоит, перед всеми отличный,
Гордый телец, возвышается он меж телиц превосходный:
В день сей таким сотворил Агамемнона Зевс Олимпиец,
Так отличил между многих, возвысил средь сонма героев.

Илиада. Пер. Н. И. Гнедича

Исследование трактовки образа человека в искусстве позволяет реконструировать и понять идеологические установки, действовавшие в человеческих коллективах ранних эпох. Для периода доистории и древней истории произведения изобразительного искусства имеют особую важность, поскольку в них отражены архетипические образы и идеи, которые были основой духовной жизни людей отдаленного прошлого.

Исследование сюжетных изображений повторяющихся персонажей выявляет сквозные идеи, уходящие корнями в раннюю первобытность, когда человек еще только начинал осмысливать себя как особое существо, наделенное духовным началом и отделенное от мира животных. Почему те или иные образы становились в различные эпохи ведущими, а другие оказывались на периферии или за рамками репертуара? Как трансформировался облик и содержание древних образов? Каков социальный контекст этих трансформаций? Обратившись к произведениям глиптики и пластики Ближнего Востока, можно попытаться восстановить картину развития идеологических представлений людей в эпоху энеолита – бронзового века. Археологические находки дают возможность сопоставить набор и характер образов и сюжетов, сравнить их с данными ранних письменных источников.

[1] Исследование выполнено в рамках НИОКТР 122011200270-0 «Динамика развития духовной и материальной культуры в энеолите – бронзовом веке (Юго-Восточная Европа, Кавказ, Передний Восток)».

На изобразительных памятниках Месопотамии и Ирана эпохи раннего металла (энеолит – бронзовый век) встречаются фигуры существ, во внешнем облике которых сочетаются признаки человека и животных. Они представляют собой источник для изучения древних верований (мифологических представлений, отраженных в обрядах). Задача исследователя состоит в том, чтобы попытаться выяснить, какая историческая реальность и социальный контекст за ними скрывается.

Искусство глиптики достигло в Двуречье высочайшего развития, многие печати – высокохудожественные произведения. Был выработан целый ряд художественных и идеологических канонов их оформления. Печати и их оттиски являются важнейшим источником для реконструкции религиозных и мифологических представлений, социальной структуры месопотамского общества. Эти миниатюрные произведения искусства привлекали внимание многих исследователей (*Frankfort*, 1955; *Amiet*, 1961; 1972; 1980; *Caldwell*, 1976; *Aruz*, 1992; *Афанасьева*, 1979; *Антонова*, 1983; 1991).

Материалы. Автора интересуют изображения персонажей смешанной природы – с телом человека и головой/рогами животного. Выразительные ранние находки такого рода происходят из небольшого поселения Тепе Гавра в предгорной зоне на севере Ирака (*Tobler*, 1950). Слои Гавры с XIX по XIII относятся к северному Убейду, слой XII – переходный от Убейда к северо-месопотамскому позднему халколиту. Слои с XI по VIII (3800–3600 cal. BC) содержат материалы позднего халколита, который частично соответствует раннему Уруку в Южной Месопотамии (3900–3600 до н. э., см.: *Porada et al*., 1992. Vol. II. P. 96. Fig. 3; *Rothman*, 2002. P. 56; 2004). Слои VII–IV относятся к Раннединастическому периоду (далее – РД). Изображения существ смешанной природы встречаются на печатях-штампах эпохи позднего Убейда – начала Урука (слои XIII–XI, конец V – начало IV тыс. до н. э.), начиная со слоя X их количество заметно снижается (*Tobler*, 1950. P. 175). Отмечается, что в целом печати из слоев XIII–XI принадлежат к единой изобразительной традиции (*Aruz*, 1992. P. 16).

Материалы **Тепе Гавры** наиболее информативны, поскольку они количественно представительны и имеют хронологическую привязку к определенным слоям памятника. На ряде печатей помещены сцены с участием как чисто антропоморфных существ, так и персонажей смешанной природы, в том числе с рогами животного (рис. 1: *5–7, 9, 10*). Интересующие нас персонажи могут изображаться поодиночке и группами, в различных символически значимых ситуациях. Одиночный персонаж может представлять собой существо с головой или рогами козла в позе бега или танца и в сопровождении козлов. Имеется группа антропоидов без выраженных зооморфных признаков, держащихся за руки, видимо, в хороводном танце. Выразителен персонаж в коленопреклоненной позе, сопровождаемый змеями, а также изображения двух людей, стоящих по сторонам огромного сосуда с опущенными в него трубками для питья (*Tobler*, 1950. Pl. CLXII, CLXIII, CLXIV, CLXV). В слое раннеурукского времени антропоморфные существа являются участниками различных обрядовых действий (совокупления, жертвоприношения). При этом и в позднеубейдских, и в последующих урукских слоях Тепе Гавры преобладают изображения травоядных, хищников и геометрические фигуры.

Печати с изображениями персонажей смешанной природы бытовали и в Западном Иране в позднеубейдских слоях поселений Сузианы, собственно в Сузах (*Amiet*, 1972; 1980) и Луристане (*Contenau, Ghirshman*, 1935). Необходимо привести хронологические параллели между Юго-Западным Ираном и месопотамской хронологической колонкой. Сузы I (Сузы A) синхронны позднему Убейду Тепе Гавры (слои XIII–XI); Сузы II соотносятся с периодом Урука, Сузы III – с периодами Джемдет Наср и РД I и II; Сузы IV синхронны РД III и Аккаду, Сузы V – концу аккадского периода и времени 3-й династии Ура (*Porada et al*., 1992. Vol. I. P. 132–135; Vol. II. P. 126–127. Fig. 2).

Печати-штампы позднего энеолита, хотя и не имеющие четкой стратиграфической привязки, известны и на центральном плато Ирана – в **Тепе Гияне.** На них представлены персонажи во взаимодействии с животными, схожие со сценами на печатях из Тепе Гавры: здесь изображены существа двойной природы в композициях с козлами, змеями, в сцене копуляции и т. д. (*Contenau, Ghirshman*, 1935. Pl. 35: *5*; 38: *24*). К сожалению, большинство печатей из Гияна происходят из грабительских раскопок, и даже в случае находок из раскопок Контено указывается только глубина от поверхности памятника (*Caldwell*, 1976. P. 233).

На печатях и их оттисках изображается одиночная фигура, которой приданы черты животного, чаще всего это головной убор с рогами горного козла. Иногда она представлена в сопровождении змей (*Amiet*, 1980. № 149–151). Характерная стилистическая черта изображений – их геометризм: туловище зооантропоморфов состоит из двух соединенных вершинами треугольников (рис. 1: *11, 12*).

Рис. 1. Изображения на печатях-штампах из Северной Месопотамии и Западного Ирана.
1–7, 9, 10 – Тепе Гавра, слои XIII–XI; *8, 13* – Телль Асмар; *11, 12* – Тепе Гиян; *14–16* – Сузы I

Близость сюжетов и композиций печатей из Гавры и Гияна логично объяснять, во-первых, сходством ландшафтных характеристик памятников: оба они находятся в предгорной зоне. Кроме того, в позднем Убейде и раннем Уруке между этими поселениями существовали тесные связи, поскольку они были важными пунктами в системе обмена лазуритом и обсидианом (*Herrmann*, 1968; *Caldwell*, 1976. P. 238–240). Об оживленном обмене свидетельствуют и находки привозных материалов в слоях XIII–XI Гавры, в частности медные и золотые изделия (*Tobler*, 1950. P. 192, 193, 211; *Rothman*, 2002. P. 81). Ключевую роль Гияна в обмене на дальние расстояния определяло его положение, позволявшее контролировать доставку лазурита из Бадахшана не только в Северную Месопотамию, но и в Сузы и далее на запад в города Южной Месопотамии (*Caldwell*, 1976. P. 234). В период Джемдет Наср контроль над торговыми путями перешел от Верхней Месопотамии к Сузам и городским центрам Юга Месопотамии (*Majidzadeh*, 1982). О роли Юго-Западного Ирана как моста между аллювиальной долиной Месопотамии и горными районами Ирана пишет Г. Райт (*Wright*, 2013. P. 51). Все это дает основания рассматривать материалы из этих двух регионов в едином ключе – с точки зрения процесса сложения раннегосударственных образований на широкой территории и связанных с этим идеологических принципов обоснования неравенства и власти (*Hole*, 1983).

В **Сузах I** обнаружены многочисленные печати-штампы и их отпечатки (*Amiet*, 1972; *Hole*, 2010), всего насчитывается около 260 экз. (*Matthews, Nashli*, 2022. P. 153). Ко времени финального Убейда и раннего Урука (Сузы I и II, 3500–3300 до н. э.) относятся печати с изображениями персонажа с головой (или в маске) козла с длинными рогами и узкой длинной бородой, представленного, в отличие от Гавры, в одежде – колоколовидной узорчатой юбке (рис. 1: *14–16*). В синхронном некрополе Суз I находок печатей нет.

Сузы были важнейшим административным и религиозным центром, расположенным на границе Нижней Месопотамии и предгорий Загроса, что определяло синкретический характер культуры города, сосуществование равнинных и горных элементов. В нем была сооружена монументальная ступенчатая платформа из сырца (*haute terrasse*) площадью 5,5 га, которая возвышалась на 20 м над долиной. Предполагается, что на ней мог находиться храм (*Hole*, 1983. P. 315). Поблизости был расположен одновременный некрополь, где в ряде погребений обнаружен богатый инвентарь (*Mecquenem*, 1943). Строительство столь монументального сооружения, несомненно, требовало организованного труда многочисленных работников в течение долгого времени и централизованного руководства со стороны неких властных структур. Интересная деталь: фасады платформы в верхней части были декорированы глиняными моделями козлиных рогов (*Canal*, 1978). Мотив горного козла с огромными рогами популярен и в росписи на керамике из Суз I и Тепе Гиссара IC (3500–3000 до н. э.).

Как видим, на печатях и их оттисках представлены сцены сложных и многозначных культовых действий. В них участвуют антропоморфные существа высокого статуса, в ряде случаев их можно рассматривать как изображения божеств или жрецов в обрядовой одежде. Их костюм включает головной убор в виде головы дикого козла с массивными рогами или хищной птицы с загнутым клювом (*Hole*, 2010. P. 237).

Зооантропоморфный персонаж известен в литературе как «хозяин животных». На его тесную связь с миром животных указывают как черты внешнего облика (рога, чаще всего козлиные), так и соседство с животными, причем его поза и место в композиции отражают отношения власти и покровительства по отношению к последним. П. Амье считал, что этот персонаж является древнейшим среди мифологических фигур восточного репертуара, предшественником героев и антропоморфных божеств на раннединастических и аккадских цилиндрических печатях (*Amiet*, 1966. P. 32, 49).

Изображения пар животных и людей, танцующего персонажа в окружении животных на печатях Гавры, Гияна и Суз передают ситуацию обрядового действа. Нередко зооантропоморфы на печатях из Гияна и Суз держат в руках змей, иногда – кошачьих хищников (львов?) (рис. 1: *8, 12, 14, 16*). Это свидетельствует, что изображенные существа наделялись превосходящими человеческие возможности способностями и властью над опасными животными, вне зависимости от того, чем эта власть определялась, – сверхчеловеческой природой персонажа, его особыми (например, шаманскими) качествами или божественным происхождением в сочетании с высоким социальным статусом. Неслучайно ряд исследователей считают фигуры с подчеркнуто удлиненной головой на печатях Гавры изображением человека в маске, исполнителя шаманских обрядов (*Rothman*, 2009). Такая трактовка предлагается и в отношении изображений на печатях из Суз I (*Matthews, Nashli*, 2022. P. 164). К персонажам печатей Гавры, Гияна,

Суз I, Телль Асмара Ф. Хоул применяет термин *намаш* (шаман). Он пишет, что изображения антропоморфов в специфических позах – свидетельство того, что это существа, наделенные способностью общения с сверхприродными силами, что проявляется в их власти над змеями и другими животными, отсюда и название «хозяин животных» (*Hole*, 2010. P. 234, 236–237). Отмечается, что в композициях с козами животные изображаются попарно, что подчеркивает связь сюжетов с обрядами, направленными на размножение скота (*Антонова*, 1991).

Оттиски несут информацию не только о религиозных верованиях и обрядах, но и о системе хранения продуктов и административном управлении этой системой. Отпечатки на реверсах глиняных булл указывают, что ими опечатывали горловины сосудов, корзины и др. контейнеры, предварительно закрытые тканью, и деревянные колышки дверных запоров (*Aruz*, 1992; *Laurito, Lemorini*, 2008). Мы не можем определить, какие именно продукты запечатывали глиняными буллами в Сузах I, но аналогии, относящиеся к IV и III тыс. до н. э., например, из Арслантепе (*Frangipane*, 2016; 2019), позволяют предполагать, что это была сельскохозяйственная продукция и, возможно, особо ценные товары или сырье.

В развитых городских обществах позднего Урука печати были знаком контроля над содержимым помещений, сосудов, контейнеров, сохранностью дверных запоров и т. д. Это маркировало ряд взаимосвязанных изменений в хозяйстве и общественной жизни: прогресс в разделении труда, формирование специализированного ремесла, интенсификацию обмена, а также оформление в обществе администрации – группы лиц, основным занятием которой стало управление жизнью общины. Статус таких лиц был высок и требовал визуального обозначения, в частности, на символах власти, каковыми служили печати.

Начиная **с конца IV тыс. до н. э.** в Нижней Месопотамии среди изображений на цилиндрических печатях и рельефах встречается чисто антропоморфный персонаж – общественный лидер, названный П. Амье в соответствии со сферой его деятельности «царем-жрецом» (*Amiet*, 1972. P. 34–38). Он постоянно фигурирует в глиптике додинастического времени (Урука – Джемдет Насра) (*Антонова*, 1991; 1998б; *Авилова*, 2022б; *Braun-Holzinger*, 2007; 2013) и четко идентифицируется по характерным деталям прически, головного убора и костюма (прическа/парик с рельефным валиком вокруг головы и узлом волос на затылке, длинная узорчатая юбка с поясом) (*Schmandt-Besserat*, 1993. P. 201, 211; *Авилова*, 2022а. С. 287). Ряд изобразительных памятников свидетельствует о его основных общественных функциях. Так, антропоморфный лидер представлял общину перед лицом божества, действуя в качестве рачительного хозяина, строителя храмов, победоносного воина. Е. В. Антонова подчеркивает, что правитель месопотамского города-государства эпохи позднего Урука был обязан контролировать сбор сельскохозяйственных продуктов для поддержания культа богов и строительства храмов, нес ответственность за функционирование ирригационных систем, изобилие сельскохозяйственной продукции и накопление ресурсов для обмена, обеспечивая таким образом существование и процветание общины (*Антонова*, 1998а. С. 142 сл.). Изображения персонажа с колосом или цветущими ветвями в руках, «кормильца стад» божества (рис. 2: *1, 2*), отправителя обряда «священного брака» со жрицей, исполнявшей роль богини – покровительницы города, передают характер общественных религиозных церемоний. В них прокламировалась идея значимости элиты и ее ритуальной деятельности, направленной на сохранение стабильности всего мироздания, благополучия общины и стимулирование производства (*Antonova*, 1992; *Авилова*, 2022а).

Подчеркну, что «царь-жрец» додинастической эпохи не имеет зооморфных черт, которыми был наделен его предшественник, – прежде всего рогов. При этом его отношения с миром животных остаются весьма тесными. На печатях он изображен протягивающим травоядным животным колосья или цветущие растения, совершает жертвоприношения у храма (в частности, подносит сосуд, выполненный в виде козла, приносит убитого кошачьего хищника) (рис. 2: *3, 4*). Такие изображения П. Амье рассматривал как свидетельства развития религии и культа, в котором правитель унаследовал черты архаического гения, «хозяина животных». В древности он был охотничьим божеством, защитником диких зверей, а в условиях городской цивилизации стал покровителем стад домашнего скота. П. Амье пишет, что под влиянием изображений реального правителя формировался антропоморфный образ месопотамских божеств. Их предшественником был присутствующий на печатях зооантропоморфный демон, *genius loci*, покровитель животных. В III тыс. до н. э. месопотамские божества изображались антропоморфными, а черты животных были принадлежностью второстепенных мифологических и демонических существ (*Porada*, 1965. P. 33).

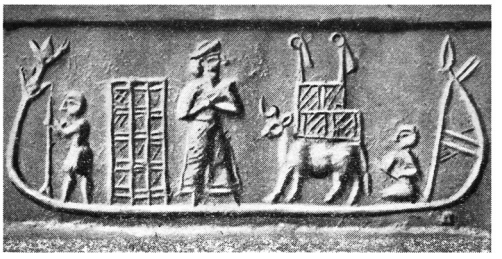
В раннединастическую эпоху (3000–2350 до н. э.) в обширном репертуаре образов искусства Большой Месопотамии происходят значительные

1

2

3

4



5

Рис. 2. Изображения царя-жреца на позднеурукских цилиндрических печатях.
1, 2 – царь-жрец – «кормилец стад»; *3, 4* – царь-жрец в сценах жертвоприношения у храма; *5* – царь-жрец с дарами в ладье

изменения. Прежде всего это возвращение персонажей смешанной природы. Зооантропоморфные изображения часто встречаются на цилиндрических печатях и других изобразительных материалах на протяжение всего III тыс. до н. э. (т. е. эпох РД и Аккада, 3-й династии Ура) и позже, во II тыс. до н. э., в касситском и Древневавилонском периодах (*Frankfort*, 1955; *Braun-Holzinger*, 2013).

Зооантропоморфные существа можно разделить на группы в зависимости от наличия, способа и степени выраженности зооморфных элементов.

Человек-бык. Его образ чрезвычайно популярен в месопотамской глиптике. Он представляет собой существо с человеческой головой, бородой и торсом, бычьими рогами, задними ногами и хвостом. У него может быть голова и ноги быка, но при этом человеческие руки. Таких зооантропоморфов изображали поодиночке и парами, часто они показаны как участники сцен борьбы с животными, стоящими на задних ногах. На печатях эпохи РД человек-бык чаще всего представлен в сценах борьбы со львами и быками (рис. 3: *2, 3, 6*).

Данный персонаж часто изображался и в пластике (рис. 3: *7, 12;* 4, *2*). Выразительна случайная находка раннединастического времени (РД III?) из Царского некрополя Ура (рис. 3: *7*): бронзовая голова имеет чисто человеческую форму, при этом увенчана большими бычьими рогами, как бы вырастающими из черепа, головной убор отсутствует (*Woolley*, 1934. Pl. 121a-b; *Braun-Holzinger*, 1984. S. 32, № 89). Укажу также на бронзовую статуэтку начала III тыс. до н. э. с территории Элама, изображающую существо в головном уборе с огромными рогами горного козла и накидкой в виде хищной птицы на плечах (рис. 3: *5*).

В композициях на печатях с человеком-быком часто соседствует чисто антропоморфный *«герой».* Он участвует в схватке с животными, но может также играть роль их защитника. Характерные черты его внешности – широкий пояс и прическа в виде локонов (рис. 3: *2, 3, 6)*. Сюжеты с участием человека-быка и антропоморфного «героя» появляются в РД и широко распространяются в глиптике аккадского периода (2350–2100 до н. э.). Один из ранних (РД IIIA) примеров изображения «героя» – сцена на резонаторе так называемой Большой лиры из царского погребения 789 в некрополе Ура (Art of the first cities, 2003. № 58). На мозаичном перламутровом панно обнаженный герой представлен в геральдической композиции между двумя человеко-быками, стоящими на задних ногах. Герой имеет человеческую внешность: у него борода в четыре пряди, прическа из трех пар симметрично расположенных локонов. Широкий пояс означает, что он носит одежду. Быкам же приданы некоторые человеческие черты. Крайне интересно, что у героя и у быков совершенно одинаковые человеческие лица, бороды и близко поставленные широко раскрытые глаза (рис. 4: *1*). Это внешнее сходство отражает тесную взаимосвязь образов, причем герой доминирует над могучими животными. Учитывая контекст находки, можно полагать, что композиция подчеркивает сверхприродную силу и высокий статус погребенного, представленного в виде «героя».

Чтобы отчасти приблизиться к пониманию сущности этих персонажей, вспомним героя Энкиду. О значимости его образа свидетельствует то, что именно с повествования о его разрыве с миром животных и явлении в мире людей начинается Эпос о Гильгамеше. Вначале Энкиду как покровитель диких животных находится в тесном взаимодействии с ними. В его облике присутствуют внешние черты животных (его тело покрыто шерстью, он питается травой), но рога не упоминаются. При этом Энкиду носит одежду (напомню о широком поясе – принадлежности «героя», изображаемого на печатях и панно) (рис. 3: *2, 3;* 4, *1)*.

Аруру…
Слепила Энкиду, создала героя.
Порожденье полуночи, воин Нинурты,
Шерстью покрыто все его тело,
Подобно женщине, волосы носит,
Пряди волос, как хлеба густые;
Ни людей, ни мира не ведал,
Одеждой одет он, словно Сумукан.
Вместе с газелями ест он травы,
Вместе со зверьми к водопою теснится,
Со скотом водой веселит свое сердце.
(Эпос… 2006. Таблицы I, II, 34–41).

Далее следует описание Энкиду охотником, который рисует не внешний облик героя, а характеризует его как покровителя и защитника диких животных:

Боюсь я его, приближаться не смею!
Я вырою ямы – он их засыплет,
Я поставлю ловушки – он их вырвет,
Из рук моих уводит зверье и тварь степную, –
Он мне не дает в степи трудиться!
(Эпос… 2006. Таблицы I, III, 8–12).

Характерна третья большая группа образов. У них отсутствует реалистический признак принадлежности к миру животных – рога, вместо них пред-

Рис. 3. Изображения существ смешанной природы на цилиндрических печатях и в произведениях пластики III тыс. до н. э. *1* – сцена жертвоприношения у храма на печати РД III; *2, 3, 6* – сцены борьбы с участием существ смешанной природы и антропоморфного героя на печатях РД; *4* – Ур, сцена жертвоприношения у храма на рельефе РД III; *5* – Иран, бронзовая статуэтка нач. III тыс. до н. э.; *7* – человек-бык, бронзовая голова из некрополя Ура; *8* – Шамаш во вратах восточных гор, цилиндрическая печать аккадского времени; *9* – битва божеств, цилиндрическая печать аккадского времени; *10* – Шамаш и божество-лодка, цилиндрическая печать аккадского времени из Телль Асмара; *11* – царь Гудеа перед Энки, цилиндрическая печать кон. III тыс. до н. э.; *12* – человек-бык, статуэтка кон. III тыс. до н. э., камень, инкрустация перламутром

1

2

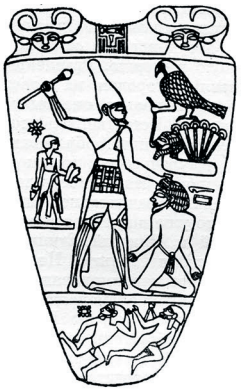
Рис. 4. Изображения человека-быка и героя.
1 – Ур, мозаика на резонаторе Большой лиры из погр. 789 Царского некрополя, РД IIIA, перламутр;
2 – Эбла, статуэтка из дворца G, вторая половина III тыс. до н. э., золото, хлорит

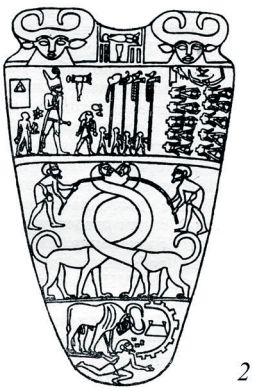
ставлена так называемая *«рогатая корона»* – специфический головной убор в виде конической тиары с симметрично расположенными друг над другом парами рогов, от одной до пяти пар. Такая корона стала главным отличительным признаком персонажей сверхъестественной/божественной природы. Изображения богов в рогатом головном уборе появляются на печатях относительно поздно, систематически – в РД III, но в основном уже в аккадское время. Рогатая корона присутствует на изображениях как главных богов шумерского пантеона, так и сопутствующих им божеств более низкого ранга. Таков сюжет с Шамашем, прокладывающим себе путь через горы в сопровождении служебных персонажей, где в рогатых коронах изображено и главное божество, и сопровождающие персонажи (рис. 3: *8*). В сцене путешествия Шамаша в божественной ладье рогатой короной наделен и Шамаш, и антропоид, который представляет собой нос лодки (так наз. бог-лодка) (рис. 3: *10*). Характерен сюжет аккадского времени – массовая битва богов, каждый из которых имеет рогатую корону (рис. 3: *9*). Таким образом, рогатый головной убор обозначал не ранг божества, а указывал на его сверхъестественную природу (*Braun-Holzinger*, 2013. S. 147; *Ornan*, 2014. P. 570). Рогатая корона или пара рогов стали главным признаком божеств или «героев» раннединастического и аккадского времени. Ее можно трактовать как пример возрождения древней (позднеубейдской) культурной традиции изображения мифологизированного персонажа с зооморфными чертами и ее адаптации к социальному контексту раннегосударственной эпохи (РД III, Аккада и 3-й династии Ура), требовавшему изображения общественного лидера. Так тенденции, развивавшиеся в эпоху Урука – Джемдет Насра (3500–2900 до н. э.), получают свое завершение во второй половине III тыс. до н. э.

Эволюцию канонов изображения божества/правителя с чертами рогатого животного можно проследить на рельефах. Один из самых ранних – палетка Нармера из Египетского музея в Каире (ок. 3200–3000 до н. э.) – посвящен победе Верхнего Египта над Нижним. Она увенчана изображениями двух стилизованных человеческих лиц с коровьими ушами и рогами (считается, что они изображают двух богинь – Хатхор и Бат). Отмечу, что сама палетка общими очертаниями напоминает коровью голову. Фараон представлен на ней четырежды (!) в разном облике (рис. 5: *2*): на реверсе крупно в антропоморфном виде с булавой в руке и в виде сокола; на аверсе в верхнем регистре в небольшом масштабе и внизу, где он изображен метафорически – в виде быка, который разрушает рогами стену вражеского города (*Orthmann*, 1975). Таким образом, на каждой стороне палетки фараон представлен как в антропоморфном, так и в зооморфном облике. Существенно, что антропоморфные и зооморфные черты правителя не совмещены в одном персонаже смешанной природы, как на печатях Гавры и Гияна; на палетке антропоморфные и зооморфные изображения дублируют одно другое на одном идеологически значимом предмете, предназначенном для мифологического обоснования власти фараона над Верхним и Нижним Египтом. Неслучайно на одной стороне он изображен в короне Верхнего Египта, а на другой – Нижнего.

Иначе трактована военная победа аккадского войска над лулубеями на стеле Нарамсина (XXIII в. до н. э.), найденной в Сузах (хранится в Лувре) (рис. 5: *3*). Правитель изображен в сцене триумфа. Он имеет антропоморфный облик, а его головной убор представляет собой коническую тиару с парой отходящих в стороны изогнутых бычьих рогов (*Orthmann*, 1975. Abb. 104). На стеле присутствуют божества – небесные покровители царя, они помещены

1





2

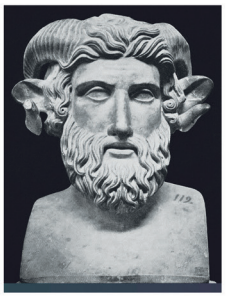
3

4

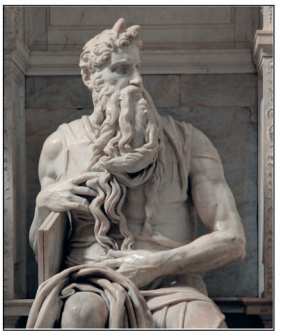
5

6

7



8



9

Рис. 5. Длительная традиция изображения существ смешанной природы.
1 – «колдун» из пещеры Трех братьев, верхний палеолит; *2* – палетка Нармера, конец IV тыс. до н. э.; *3* – стела Нарамсина, XXIII в. до н. э.; *4* – рельеф Анубанини, XXIII в. до н. э.; *5* – стела Ур-Намму, XXII–XXI вв. до н. э.; *6* – голова правителя Лагаша Гудеа, XXII в. до н. э.; *7* – шеду из дворца Саргона II в Дур-Шаррукине, кон. VIII в. до н. э.; *8* – Зевс-Амон, Неаполь, Национальный археологический музей; *9* – Моисей, скульптура Микеланджело, нач. XVI в., Ватикан

вверху в виде двух звездообразных символов (*Ornan*, 2014. P. 573). И. М. Дьяконов пишет: «Искусство второй половины 3 тыс. до н. э. (Аккадской империи) более всего характеризуется центральной идеей обожествляемого царя» (История Древнего мира, 1989).

Чрезвычайно близкую композицию находим на рельефе Анубанини (Иран, провинция Керманшах), одновременном стеле Нарамсина. Царь лулубеев изображен попирающим пленника. Его приветствует богиня Инанна, представленная в рогатой короне, тогда как головной убор царя – полусферическая «пастушья шапка» с широким околышем (рис. 5: *4*), без зооморфных деталей. На диоритовой голове правителя Лагаша Гудеа (XXII в. до н. э.) тоже имеется такая шапка, причем ее околыш детально проработан, изображены спиралевидные завитки меха (рис. 5: *6*). Точно так же распределены головные уборы персонажей на стеле Ур-Намму (XXII–XXI вв. до н. э., хранится в Университетском музее Пенсильвании), где царь – основатель 3-й династии Ура изображен в сцене инвеституры: он предстоит богу Нанне, который вручает ему царские регалии в виде кольца и мерной веревки (*Legrain*, 1944) (рис. 5: *5*). И на стеле Хаммурапи (XVIII в. до н. э., Лувр) древневавилонский царь-законодатель также получает регалии от бога солнца и справедливости Шамаша. На всех перечисленных памятниках конца III – начала II тыс. до н. э. божества изображены в рогатых коронах, которые маркируют их божественную природу, а реальные цари Анубанини, Ур-Намму, Гудеа, Хаммурапи – в полусферических пастушьих шапках с широким меховым околышем.

Таким образом, в конце III тыс. до н. э. имеется целый ряд рельефов, где реальный царь трактован как обожествленный персонаж, чья власть санкционирована богом-покровителем. При этом идея обожествления правителя может выражаться по-разному: либо через зооморфные детали его головного убора (Нарамсин), либо композиционно – в сценах инвеституры/предстояния божеству. В последнем случае царь имеет чисто антропоморфный облик, а обоснованием божественного происхождения его власти и царского достоинства является факт покровительства божества, в чьем облике подчеркнута зооморфная символика (рогатая корона), тогда как головной убор правителя (Анубанини, Ур-Намму, Хаммурапи) таких символов не несет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Печати и другие изобразительные памятники позволяют судить о характере общественного и культурного развития в Иране и Месопотамии на протяжение длительного времени.

Археологические материалы демонстрируют устойчивую связь культовых комплексов с административной системой хранения и распределения общественного продукта (сбор приношений для божества, которому был посвящен храм, и десятины для содержания жрецов). Ф. Хоул предложил в связи с этим термин «институционализация религии», точно отражающий содержание данного процесса (*Hole*, 1983. P. 315).

Было ли общество Гавры и Суз эгалитарным или им руководили могущественные лидеры? Очевидно, что такие лидеры могли консолидировать значительные группы работников для масштабных общественных работ, о чем свидетельствует строительство погребального комплекса и верхней террасы Суз I, храмового комплекса в Гавре XIII. Для сооружения каждого требовались тысячи человекочасов труда, что подразумевает наличие единоличного лидера-организатора (*Matthews, Nashli*, 2022. P. 153). В позднем энеолите Ирана развитие происходит динамично: если площадь поселения Суз I ок. 5 га, то Суз II – 25 га, на Акрополе возводятся монументальные здания, в административной системе применяются печати, глиняные буллы, числовые записи, что характеризует общество раннегосударственного уровня, находящееся на пороге использования письменности. Иконография изображений отражает высокий статус мужских персонажей (божеств) – участников военных действий и строительной деятельности. Эти явления указывают на формирование централизованной власти, осуществляемой элитой. Ее стремление контролировать доступ к ресурсам ускоряло развитие сложных общественных структур в Иране. Подобные явления имели место и в Южной Месопотамии в период Урука (*Matthews, Nashli*, 2022. P. 157–158).

Приведенные выше изобразительные материалы позднеубейдского времени свидетельствуют, что основную роль в организации общества играли культ и религия. Ф. Хоул пишет об обществах, состоявших из неких «полуавтономных модулей», которые могли объединяться в определенные моменты в общих интересах и действовать самостоятельно и ситуативно в другое время (*Hole*, 1983. P. 325). Он полагает, что общество Суз I (а также Гавры XIII–XII – *Л. А.*) вероятно, возглавлялось лидерами линиджей или кланов, которые, наряду с организацией хозяйственной деятельности, могли также руководить культовыми действиями при совершении определенных обрядов.

Потребность в изображении общественного лидера в виде существа смешанной природы возникла в связи с выделением в раннегосударственном обществе носителей функции управления, наделенных также сакральными функциями. Появление таких образов на знаках контроля, каковыми были печати, обусловлено формированием института царской власти.

На изобразительных материалах можно также проследить изменение модели взаимоотношения человека с миром животных. Наиболее ранние образы на печатях Тепе Гавры, Суз и Гияна рисуют картину единства, человек органично включен в жизнь животного мира, прежде всего, как исполнитель обрядовых действий, что характерно для мировоззрения шаманистов. Наиболее ранние изображения печатей как бы воскрешают представления древнего целостного общества, подобного обществу доисторических охотников. Следует отметить особенность глиптики Ирана и Двуречья конца IV – начала III тыс. до н. э. – отсутствие изображений богов и фантастических существ. В ранней первобытности практически неизвестны изображения персонажей, которые можно было бы назвать фантастическими (т. е. такими, в которых совмещаются части тел разных животных). Даже «колдун» из верхнепалеолитической пещеры Трех братьев не является фантастическим существом, поскольку он имеет явные признаки человека, облаченного в обрядовый костюм (рис. 5: *1*). Нельзя забывать, что для представителей традиционного общества человек в ритуальном костюме (одной из деталей которого была маска/рога козла – рис. 1), переставал быть человеком, он становился существом иной природы – духом, демоном; люди высокого общественного статуса наделялись особыми свойствами (в средневековой Франции король мог возложением рук исцелять от золотухи).

В другой модели статус человека и животного принципиально различен: человек главенствует, является хозяином стада домашних животных, их кормильцем, тогда как животные выступают как объект хозяйственной деятельности и обрядов жертвоприношения, исполняемых царем-жрецом (рис. 2: *1–4*). Эти черты соответствуют уровню развития экономики городских общин позднего Урука – Джемдет Насра и системе взглядов додинастического времени.

Наконец, третья модель взаимоотношений зооантропоморфов и чисто антропоморфных героев с животными – борьба, агрессия, рукопашная схватка, в том числе с применением оружия. Божества разных рангов четко отделены от мира людей характерным признаком своей божественной сущности – «рогатой короной».

Таким образом, «рогатая корона» или пара рогов стали главным отличительным признаком божеств, обожествленных правителей и мифологических «героев» РД III и Аккада, тогда как головной убор царей периода 3-й династии Ура зооморфных элементов не имеет. Это пример возрождения позднеубейдской традиции изображения значимого мифологического персонажа и ее адаптации к социальному и культурному контексту иных эпох. Мы сталкиваемся и с гораздо более поздними, широко распространенными на Ближнем Востоке статуями крылатых человеко-быков и человеко-львов в рогатых тиарах – шеду, которые были духами-охранителями дверей во дворце Саргона II в Дур-Шаррукине (VIII в. до н. э. – рис. 5: *7*). Рога сохраняются в синкретическом образе эллинистического Зевса-Амона (рис. 5: *8*) и мифологизированной фигуре Александра Македонского – Искандера Зулькарнайна восточных легенд.

В Ветхом Завете рога почти всегда являются положительным символом. И поскольку этот символ использует Сам Бог, лишь самые высокие из людей удостаиваются этого символа. Образ библейского пророка Моисея, наделенного зримым символом духовного лидерства в виде рогов, встречается в искусстве Средневековья, особенно ярко он воплощен в скульптуре Микеланджело начала XVI в. (рис. 5: *9*). Рогами Бог наделяет праотца Иосифа: «Благословение Явившегося в терновом кусте да приидет на главу Иосифа и на темя наилучшего из братьев своих; крепость его как первородного тельца, и роги его, как роги буйвола; ими избодет он народы все до пределов земли: это тьмы Ефремовы, это тысячи Манассииины» (Втор. 33, 16,17).

Так, будучи однажды выработана в глубокой древности, традиция присваивать носителям духовной власти зооморфные элементы внешности получает чрезвычайно долгую жизнь и наполняется в разные исторические эпохи новыми оттенками смыслов.

Литература

Авилова Л. И., 2022а. …Возложил на голову его венец из чистого золота // Stratum plus. № 2. С. 279–302.

Авилова Л. И., 2022б. Изображения зооантропоморфных существ на Ближнем Востоке в энеолите – бронзовом веке // Энеолит и бронзовый век Циркумпонтийского региона: культурные процессы и взаимодействия (к 100-летию со дня рождения Н. Я. Мерперта): тез. докл. конф. М.: ИА РАН. С. 31–33.

Антонова Е. В., 1983. Представления обитателей Двуречья о назначении людей и глиптика конца IV – первой половины III тыс. до н. э. // Вестник древней истории. № 4. С. 88–96.

Антонова Е. В., 1998а. Месопотамия на пути к первым государствам. М.: Восточная литература. 223 с.

Антонова Е. В., 1998б. Признаки высокого социального статуса в Месопотамии V–IV тыс. до н. э. // Вестник древней истории. № 3. С. 3–15.

Антонова Е. В., 1991. Зооантропоморфные персонажи печатей Ирана и Месопотамии в социальном контексте // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. СПб. С. 104–112.

Афанасьева В. К., 1979. Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве. М.: Наука. 219 с.

История Древнего мира: в 3 т. Т. 1. Ранняя древность. 3-е изд. / Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. М.: Наука, 1989. 534 с.

Эпос о Гильгамеше («О все видавшем») / Пер. с аккад. И. М. Дьяконова. СПб.: Наука, 2006. 214 с.

Amiet P., 1961. La glyptique mesopotamienne archaique. Paris: Centre national de la recherche scientifique. 454 p.

Amiet P., 1966. Elam. Paris: Arche éditeur. 607 p.

Amiet P., 1972. Glyptique Susienne des origines à l'époque des perses Achémenides. Paris: Paul Geuthner. 326 p. (Memoires de la Delegation Archeologique Iran Series; 43).

Amiet P., 1980. La glyptique mesopotamienne archaique. 2nd ed. Paris: Editions du Centre national de la recherché scientifique. 522 p.

Antonova E., 1992. Images on Seals and the Ideology of the State Formation Process // Mesopotamia. XXVII. P. 77–87.

Art of the First Cities: The Third Millennium B. C. from the Mediterranean to the Indus / Eds.: J. Aruz, R. Wallenfells. New York: The Metropolitan Museum of Art; New Haven: Yale University Press, 2003. 564 p.

Aruz J., 1992. The Stamp Seals from Tell esh Sheikh // Anatolian Studies. 42. P. 15–28.

Braun-Holzinger E. A., 1984. Figürliche Bronzen aus Mesopotamien München: C. H. Beck. 127 S. (Prähistorische Bronzefunde; I/4).

Braun-Holzinger E. A., 2013. Frühe Götterdarstellungen in Mesopotamien. Fribourg; Göttingen: Academic Press: Vandenhoeck Ruprecht. 245 S. (Orbis Biblicus et Orientalis; 261).

Caldwell D., 1976. The Early Glyptic of Gawra, Giyan and Susa and the Development of Long Distance Trade // Orientalia. Nova Series. 45. P. 227–250.

Canal D., 1978. La haute terrasse de l'Acropole de Suse // Paléorient. 4. P. 169–176.

Contenau G., Ghirshman R., 1935. Fouilles de Tépé Giyan prés de Nehavend. Paris: Paul Geuthner. 144 p.

Frangipane M., 2016. The Origins of administrative practices and their developments in Greater Mesopotamia. The evidence from Arslantepe // Archéo-Nil. 26. P. 9–32.

Frangipane M., 2019. Arslantepe. The rise and development of a political centre: from temple to palace to a fortified citadel // Arslantepe proceedings of the I International Archaeology Symposium, 4–6 October 2018. Malatya: İnönü University Press. P. 71–104.

Frankfort H., 1955. Stratified Cylinder Seals from the Diyala Region. Chicago: University of Chicago Press. 78 p. (University of Chicago Oriental Institute Publications; 72).

Herrmann G., 1968. Lapis Lazuli: The Early Phase of Trade // Iraq. 30. P. 21–57.

Hole F., 1983. Symbols of religion and social organization at Susa // The Hilly Flanks and Beyond: Essays on the Prehistory of Southwestern Asia Presented to Robert J. Braidwood, November l5, l982 / Eds.: T. Cuyler Young Jr., P. E. L. Smith, P. Mortensen. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago. P. 315–333. (Studies in Ancient Oriental Civilization; 36).

Hole F., 2010. A monumental failure: the collapse of Susa // Beyond the Ubaid: Transformation and Integration in the Late Prehistoric Societies of the Middle East / Eds.: R. A. Carter, G. Philip. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago. P. 227–244. (Studies in Ancient Oriental Civilization; 63).

Laurito R., Lemorini C., 2008. Seal impressions on cretulae at Arslantepe: a new approach // Proceedings of the 4th International Congress of the Archaeology of the Ancient Near East 29 March – 3 April 2004. Vol. 1 / Eds.: H. Kühne, R. M. Czichon, F. J. Kreppner. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. P. 413–420.

Legrain L., 1944. The third dynasty of Ur. The stela of Ur-Nammu // Museum Bulletin. Vol. X, no. 3–4. P. 56–57.

Majidzadeh Y., 1982. Lapis Lazuli and the Great Khorasan Road // Paléorient. 8, 1. P. 59–69.

Matthews R., Nashli H.F., 2022. The Archaeology of Iran from the Palaeolithic to the Achaemenid Empire. London: Routledge. 619 p. (Routledge World Archaeology).

Mecquenem R. de, 1943. Archéologique susienne. Paris. 208 p. (Mémoires de la délégation en Perse; 29).

Ornan T., 2014. A silent message: Godlike kings in Mesopotamian art // Critical approaches to Ancient Near Eastern art / Eds.: B.A. Brown, M.H. Feldman. Boston; Berlin: Walter de Gruyter. P. 569–595.

Orthmann W., 1975. Der Alte Orient. Berlin. 567 S. (Propyläen Kunstgeschichte; 14).

Porada E., 1965. The art of ancient Iran. Pre-Islamic cultures. New York: Crown Publishers. 279 p.

Porada E., Hansen D.P., Dunham S., Babcock S.H., 1992. The chronology of Mesopotamia, ca. 7000–1600 B.C. // Chronologies in Old World archaeology / Ed. R.W. Ehrich. 3rd edition. Chicago; London: University of Chicago Press. Vol. I, II.

Rothman M.S., 2002. Tepe Gawra: The Evolution of a small, prehistoric center in Northern Iraq. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 494 p. (University museum monograph; 112).

Rothman M.S., 2004. Studying the Development of Complex Society: Mesopotamia in the Late Fifth and Fourth Millennia BC // Journal of Archaeological Research, 12 (1). P. 75–119.

Rothman M.S., 2009. Religion, Function, and Social Networks: Tepe Gawra in the Late Fifth and Early Fourth Millennia BC // A Propos de Tepe Gawra, Le Monde Proto-Urbain de Mésopotamie / Ed. P. Butterlin. Turnhout. P. 15–40. (SUBARTU XXIII).

Schmandt-Besserat D., 1993. Images of Enship // M. Frangipane, ed. Between the Rivers and over the Mountains: Archaeologica Anatolica et Mesopotamica Alba Palmieri dedicata. Roma: Università di Roma “La Sapienza”. P. 201–219.

Tobler A.J., 1950. Excavations at Tepe Gawra. Vol. II. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 444 p.

Woolley C.L., 1934. Ur Excavations. Vol. II. The Royal Cemetery. London: The British museum. 604 p.

Wright H.T., 2013. A bridge between worlds: south-western Iran during the fourth millennium BC // Ancient Iran and its neighbours: Local developments and long-range interactions in the fourth millennium BC / Ed. C.A. Petrie. Oxford: Oxbow. P. 51–73.

Сведения об авторе

Авилова Людмила Ивановна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия;
e-mail: aviloval@mail.ru

https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-426-5.105-115

AṬ-ṬĀRIQ AṬ-ṬAWĪL: ДОЛГАЯ ДОРОГА К НОВОЙ РОССИЙСКО-ИРАКСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

А. И. Янковский-Дьяконов,
Л. А. Гусак

Резюме. Через два года после того, как работа Месопотамской экспедиции ИА РАН в Сирии стала невозможна из-за гражданской войны, началась подготовка новой российской экспедиции в Ирак. Правильной оценке ситуации в Ираке и установлению контактов помогли мультимедиа-выставка «Бесстрашные» в Брюсселе в 2013 г. и конференция «Перед лицом хаоса. Защита материального и нематериального наследия в XXI в.» в Институте восточных рукописей РАН в 2016 г. Пользуясь советом и поддержкой британской, американской и итальянской археологических экспедиций, базировавшихся в Уре (Южный Ирак), и опираясь на опыт Месопотамской экспедиции Института археологии РАН, новая Российско-Иракская экспедиция провела разведки в 2019 г., пробный сезон в 2020 г. и полноценный раскопочный сезон в 2021 г. Работа экспедиции включена в контекст восстановления культурно-образовательной среды Ирака, разрушенной десятилетиями войн и бедствий.

Ключевые слова: Южная Месопотамия, Месопотамские болота, защита культурного наследия в военных конфликтах, старовавилонский период, Первая династия Приморья, касситский период, деурбанизация Месопотамской аллювиальной равнины.

В 1985 г. на Телле Шейх Хомси состоялся последний сезон археологической экспедиции Института археологии (ИА) АН СССР в Ираке; исследования, которые были перенесены в Сирию (*Мунчаев и др*., 2004; *Мунчаев, Амиров*, 2016), вынужденно прекратились с началом гражданской войны в этой стране. Однако всего два года отделяет завершение работ на Телле Хазна и начало подготовки новой российской археологической экспедиции в Месопотамию, продолжающей дело, начатое Н. Я. Мерпертом и его коллегами.

Оба автора прошли указанную в названии «долгую дорогу» вместе с самого ее начала, но некоторые ее эпизоды засвидетельствованы А. И. Янковским-Дьяконовым в одиночку. В этих случаях мы перейдем на изложение от первого лица, заключив такой текст в кавычки, с пометкой «*А. Я.*».

«В конце 2012 г. я встретился с Домиником Паини, французским деятелем культуры, тогда заведовавшим кафедрой истории кино в Школе Лувра. Общих тем было много: в 2020–2015 гг. я руководил группой исследователей-документалистов, готовивших фактическую основу для фильма А. Н. Сокурова о Лувре времен нацистской оккупации. Это требовало близкого знакомства как с самим Лувром, так и с общими вопросами защиты культурных ценностей в военных конфликтах.

В числе прочего Д. Паини курировал программу только что открывшегося арт-кинотеатра в центре Брюсселя – Cinéma Galeries. Кинотеатр был расположен в крытом пассаже со стеклянной крышей, Galeries de la Reine («Галереи королевы», фр.), а под пассажем к кинотеатру отошел двойной подземный туннель общей площадью 1000 м^2. В нем было установлено 18 видеопроекторов с проекцией на стены.

Д. Паини предложил карт-бланш в этом выставочном пространстве в наступающем 2013 г. Это был год 10-летия американского вторжения в Ирак, и я предложил посвятить выставку 10-летию событий в Иракском Музее, а открыть ее 11 сентября, в знаковый день, когда с атаки на небоскребы Всемирного торгового центра в 2001 г. началась цепочка бедствий, в конце концов приведших к вторжению в Ирак.

Управляющему директору Cinéma Galeries, молодому и энергичному Эдуарду Мейеру, удалось найти средства не только на саму выставку, но и на мою поездку в Нью-Йорк и Чикаго для сбора материалов и встречи с непосредственными участниками событий» (*А. Я.*)

Результаты этой работы вышли далеко за пределы создания мультимедиа-выставки. Удалось получить детальную картину как самих разрушений иракского культурно-исторического наследия

в результате системного кризиса, так и международных усилий по его спасению. Наиболее яркие примеры отобраны в статье 2014 г. (*Янковский-Дьяконов (Янковский)*, 2014); там же перечислены главные англоязычные публикации на эту тему.

Открытие выставки под названием «Les Courageux» («Храбрые, имеющие мужество», фр.) состоялось 11 сентября 2013 г. при большом стечении публики. На открытии присутствовали Посол Ирака в Бельгии, Люксембурге и Европейском Союзе Мухаммад Аль-Хумаймиди и делегация Иракского Музея. Кроме того, мы разослали 50 приглашений в разные издания и медиапорталы; все они, кроме одного, были проигнорированы. Единственным, кто упомянул нашу выставку в своей заметке, стал журналист газеты Ле Суар Никола Крусс. В остальные дни после многолюдного вернисажа выставка пустовала: проблемы иракского наследия брюссельскую публику не заинтересовали. Однако дело было сделано, мы познакомились с целым новым кругом людей, которые шли на большие труды и риски, чтобы не на словах, а на деле помочь иракцам в сохранении своего наследия. Мы понимали, куда двигаться дальше.

Конец 2013 г. был временем, когда поднимался и набирал силу самопровозглашенный «халифат», так называемое «исламское» «государство», запрещенное в РФ. Его популярность была, не в последнюю очередь, реакцией на вторжение американской коалиции в Ирак. В ответ на бесчинства «халифата» в западных странах, да и в России, началась «реакция на реакцию», усилилось враждебное отношение к мусульманам. Мы понимали, что эти процессы чреваты военными конфликтами и дальнейшей гибелью культурного наследия в затронутых ими странах. Главной дальнейшей задачей мы видели укрепление взаимопонимания между условно «христианской» и условно «мусульманской» общественностью, хотя бы для начала в области археологии, истории и музейного дела.

Первым, кому мы предложили нашу выставку и наши наработанные контакты, был Государственный Эрмитаж. Однако, несмотря на живой интерес отдельных сотрудников, взаимодействие тогда наладить не удалось. В мае 2016 г., после большой подготовки, мы провели международную конференцию в Институте восточных рукописей (ИВР) РАН «Перед лицом хаоса. Защита материального и нематериального наследия в XXI веке». Конференция, подготовительная работа к ней и весь комплекс работ по иракскому проекту 2015–2017 гг. стали возможны благодаря помощи и пониманию со стороны директора Института восточных рукописей РАН чл.-корр. РАН Ирины Федоровны Поповой и финансовой поддержке петербургского IT-предпринимателя Сергея Игоревича Прудова в рамках проекта «Карты времени». Задачей конференции была выработка конкретных действий, осуществимых в современных условиях России и Ближнего Востока; и если удастся – привлечение внимания российских военных к проблеме защиты культурных ценностей в «горячей» фазе конфликта и после нее.

В решении последней непростой задачи нам постарался помочь военный историк и дипломат Александр Антонович Колесников, в то время руководитель Санкт-Петербургского информационно-аналитического центра Российского института стратегических исследований.

В конференции приняли участие археологи, музейные работники, инженеры и военные из Сирии, Йемена, Ирака, Нидерландов, Франции, Германии и России. Среди ее ключевых участников был Ш. Н. Амиров, сделавший доклад о раскопках на Телле Хазна в соавторстве с бессменным руководителем Месопотамской экспедиции ИА РАН чл.-корр. РАН Р. М. Мунчаевым. Другим важным участником конференции стал иракский археолог и общественный деятель Абдуламир Хамдани (рис. 1), уже хорошо знакомый нам по работе над брюссельской выставкой. В 2003–2008 гг. он делал все возможное для защиты археологических памятников Южного Ирака от массовых грабежей (*Янковский-Дьяконов (Янковский)*, 2018). По итогам конференции Ш. Н. Амиров, А. Хамдани и А. И. Янковский-Дьяконов при поддержке археолога и ассириолога, ученицы Н. Я. Мерперта Натальи Аркадьевны Май и руководства ИВР РАН составили неформальную рабочую группу, внутри которой сложилось понимание, что наиболее реалистичным вкладом России в заботу о ближневосточном наследии в имеющихся обстоятельствах должна быть организация археологического проекта в Ираке.

К этому времени на шиитском юге Ирака, рядом с современной Болотной областью, уже успешно работали несколько иностранных экспедиций.

«В феврале-марте 2017 г. по приглашению А. Хамдани я посетил Насирию и Багдад, познакомился с руководством Государственного Совета по древностям и наследию Ирака (ГСДН) и впервые побывал в тех местах, которые впоследствии станут нашими главными опорными пунктами: административный центр мухафазы Ди Кар, город-миллионник Насирию, маленький городок Чибайш в Болотной области и стационарную археологическую базу

Рис. 1. Абдуламир Хамдани на конференции «Перед лицом хаоса» в ИВР РАН, 19.05.2016.
Фото А. И. Янковского-Дьяконова

рядом с древним Уром в 15 км к юго-западу от Насирии» (*А. Я.*)

Во время американской оккупации археологический музей-заповедник древнего Ура оказался включен в зону безопасности авиабазы, лежавшей в 1 км к юго-западу от зиккурата. Вместе с аэродромом американские военные охраняли археологическую территорию и два дома, когда-то построенные для служб и экспозиции будущего музея. А. Хамдани смог убедить американцев отремонтировать эти дома, а ГСДН разрешил использовать их как базу для иностранных ученых.

Тем самым в археологии Южного Ирака была открыта новая глава: впервые с 1991 г. стало возможно возвращение иностранных экспедиций в Нижнее Двуречье. Принципиально важной для обеих сторон – и для иракских властей, и для приезжих археологов – была надежная охрана, которую можно было обеспечить в Уре.

Первые рекогносцировки итальянского шумеролога Франко Д'Агостино состоялись в 2008 г. (*Hamdani*, 2019); они были связаны со строительством ворот и отдельной ограды археологического заповедника в Уре. В декабре 2011 г., пользуясь новой базой в Уре, американская экспедиция под руководством Элизабет Стоун и Пола Зимански начала раскопки небольшого Телля Сахарийя – где, по результатам раскопок, могло находиться место проведения праздника Акити в эпоху Ур III – Исин-Ларса (*Zimansky, Stone*, 2014). С 2015 г. тот же американский коллектив приступил к изучению квартала АН Ура (*Stone, Zimansky*, 2016). В 2012 г. итальянская экспедиция под руководством Ф. Д'Агостино и Личи Романо начала раскопки Телля Абу Тбейра, а в 2013–2017 гг. британская экспедиция под руководством Стюарта Кэмпбелла, Джейн Мун и Роберта Киллика провела очень важные исследования Телля Хайбер (*Calderbank*, 2021), который стал первым памятником Первой династии Приморья с надежной клинописной датировкой. Американская экспедиция жила в «Бейт Амрикий» (большем по размеру «американском» доме), а итальянская и британская – в меньшем «Бейт Италий», или, в честь Франко Д'Агостино, «Бейт Франко».

«Consider us your family, while you are here,[1] – сказала мне Джейн Мун, открывая дверь «Бейт Франко», где жила тогда британская экспедиция. Меня познакомили со всеми этапами ее работы, начиная от организации геодезической сети и полевых зарисовок на электронных планшетах, привязанных к тахеометру, до камеральной работы фотографа, реставратора и керамиста. Дж. Мун познакомила меня с коллекцией массовой керамики, которая на Телле Хайбер была весьма представительной, от урукской до касситской.

Очень важно было увидеть, как британские коллеги взаимодействовали с иракцами в новых, послевоенных условиях. Они стремились быть не «концессионерами», которые нанимают рабочих и передают находки в Иракский Музей, а партнерами в образовательной деятельности. Я дважды выезжал в небольшой болотный город Сук-аш-Шуюк, сначала с Дж. Мун, потом с реставратором Джулией Баррелла на их лекции об основах современных методик археологических работ и полевой стабилизации находок» (*А. Я.*)

Вокруг базы в Уре сложился круг «урской интеллигенции», который поддерживался энергией и авторитетом как самого А. Хамдани, так и его ближайшего друга, переводчика, публициста и философа Амира Доши.

В Чибайше такую же задачу – устроить центр притяжения для иракских и иностранных коллег – взял на себя инженер-гидротехник Джасем Аль-Асади, один из тех, благодаря кому удалось возродить Месопотамские болота после попытки их осушения при Саддаме Хусейне.

Базирование археологов в Уре стало возможно не только благодаря охране. Рядом с теллем находится деревня из нескольких домов, где живет семья Мохсенов Аль-Гази – потомков шейха Муншида, который помогал Леонарду Вулли подбирать рабочих и охранять раскопки. В наши дни братья заняты разной работой, связанной с функционированием Ура как музея и археологического базы. Зайеф, досконально знающий историю Ура, проводил там экскурсии (рис. 2), Насралла, Гани и их сыновья организуют быт археологов, а Акрам и Хайдер стали высококвалифицированными мастерами-землекопами с огромным опытом работ с сырцовой архитектурой.

«С инспектором ГСДН по мухафазе Ди Кар Амджадом Неама мы посетили несколько теллей области Уммы, а также древние Гирсу и Лагаш. В конце поездки А. Хамдани предложил сосредоточить усилия будущей российско-иракской экспедиции на исследовании Телля Дехайла, потенциальной столицы Первой династии Приморья. Такая работа имела бы не только большой научный смысл, но и важный культурно-дипломатический потенциал, так как существование независимого Приморского государства в эпоху деурбанизации Месопотамской аллювиальной равнины во II тыс. до н. э. важно для самосознания современного юга Ирака.

Дехайла сравнительно мало потревожена грабежами и не была затронута раскопками ранних археологов, имеет один главный период обживания, и при наличии достаточного финансирования имеет все шансы, чтобы стать ключевым памятником для понимания кризисных процессов II тыс. до н. э. в Месопотамии, что имеет большое значение для теории истории в целом.

Годом раньше на Телле Дехайла побывали «хайберовцы». Наша собственная поездка на Дехайлу, требовавшая отдельного разрешения, была отложена на будущее. Пока что предстояло обсудить в России результаты первой рекогносцировки. Доклады по итогам этой поездки были сделаны в ИВР РАН, в Институте классического Востока и античности НИУ ВШЭ, в Государственном Эрмитаже. Самым важным был подробный разговор в ИА РАН с Р. М. Мунчаевым» (*А. Я.*)

В ноябре 2018 г. мы смогли провести собственную рекогносцировку на Телле Дехайла и собрать небольшую коллекцию поверхностной керамики, которая не противоречила Приморскому потенциалу памятника, хотя и не давала слишком больших надежд на то, что Приморское время было периодом его расцвета.

Тем временем шло формирование нового кабинета министров Ирака, в котором А. Хамдани предложили портфель Министра культуры, туризма и древностей. Еще перед нашим отлетом из Багдада в ноябре 2018 г. мы собрались в доме одного из его друзей и обсуждали наши надежды и планы.

«В России наиболее существенная поддержка на этом этапе пришла от директора ИА РАН академика Н. А. Макарова. Он обратился с письмами в Министерство иностранных дел России (первоначальную помощь в установлении этих контактов нам оказал А. А. Колесников), и после встречи между Ш. Н. Амировым, мной и тогдашним куратором

[1] «Считайте нас Вашей семьей, пока Вы здесь» (англ.).

Рис. 2. Зайеф Мохсен на площадке зиккурата; А. Хамдани называл его «the prince, the priest and the guard of Ur». Позади деревня Мохсенов Аль-Гази в Уре. 27.02.2017. Фото А. И. Янковского-Дьяконова

иракского направления в Департаменте Ближнего Востока и Северной Африки МИД России А. В. Соломатиным на имя академика Н. А. Макарова пришел ответ за подписью Специального представителя Президента РФ по Ближнему Востоку и странам Африки, заместителя Министра иностранных дел М. Л. Богданова, сообщавший об официальной поддержке экспедиции.

Еще до того, как этот ответ был получен, нам удалось организовать встречу А. Хамдани, уже ставшего Министром культуры, туризма и древностей Ирака, и Посла России в Ираке Максима Константиновича Максимова. Встреча символически состоялась в гостинице Вавилон, на фоне реплики знаменитых ворот. Дорога для Российско-Иракской комплексной экспедиции (РИКЭ) была открыта.

Через пару дней после этого в городе Амара, областном центре мухафазы Майсан, я встретился с Ш. Н. Амировым и руководителем археологического департамента компании «Энерготранспроект» В. В. Новиковым. Василий Васильевич не без приключений привез с собой беспилотный аппарат, с которым, под руководством Ш. Н. Амирова и инспектора ГСДН по мухафазе Майсан Муртады Хашима, мы отправились на поиск убейдских теллей за Тигр, ближе к первым отрогам Загроса. Мы осмотрели 12 теллей; наиболее интересным из них оказался небольшой Телль Ваджеф (1 га) с необыкновенно разнообразной расписной керамикой Убейд-4 в подъемном материале.

Так же как Дехайла принципиально важна для понимания процессов II тыс. до н. э., так и Телль Ваджеф способен дать ключевые сведения по проблеме контакта Плодородного Полумесяца и аллювия и, возможно, существенно прояснить наше понимание раннего заселения Шумера. Оба памятника РИКЭ и пространство между ними ставят важнейшие комплексные задачи, способные обеспечить продуктивной работой целые коллективы ученых, сформировать и поддержать новые направления в науке о древности и об обществе.

В отличие от области Ди Кар, где многие иностранные экспедиции работали в разные годы на таких знаменитых памятниках, как Ур, Ларса, Лагаш,

Умма и многих других, в Майсане никогда не было иностранных раскопок. Сами иракцы проводили стационарные археологические исследования на телле аккадского периода Абу Шиджа, немного ниже Ваджефа по течению реки Тиб. Областной исторический музей, в помещении которого мы жили во время наших разведок, еще только готовился к открытию своей экспозиции.

Из Амары мы на пару дней приехали в Насирию и снова посетили Телль Дехайла, где В. В. Новиков провел аэрофотосъемку. Ее результаты – цифровая модель рельефа и ортофотоплан – стали надежной основой для дальнейшей работы на памятнике» (*А. Я.*)

Эта апрельская поездка стала возможной благодаря поддержке со стороны общественного деятеля и предпринимателя Владимира Альбертовича Смирнова. Он же помог нам пробудить интерес к нашей экспедиции со стороны ПАО «Газпром нефть». В августе 2019 г. мы получили от этой компании небольшой грант, который позволил нам подготовить и провести первый, пробный сезон и начать шурфовку на Телле Дехайла.

Но до тех пор нужно было подписать с иракской стороной официальное разрешение на раскопки. Поездка в Багдад была запланирована на октябрь, когда в Багдаде и в Южном Ираке начались события, получившие название «октябрьской революции» (taẓāhurāt tišrīn). Протесты назревали давно, их первая волна прошла еще летом 2018 г. в Басре против неспособности правительства обеспечить элементарные нужды горожан. Но осенью 2019 г. люди вышли на улицы Багдада, Насирии и других городов уже с другим требованием – сменить политическую систему. «Октябрьская революция» была продолжением тех же надежд на строительство нового Ирака, которые мы, на свой лад, обсуждали в ноябре 2018 г. с Абдуламиром Хамдани и его друзьями.

Но демонстранты были встречены не только гранатами со слезоточивым газом, но и автоматным огнем. Стреляли в них, по-видимому, частные вооруженные формирования, созданные при проиранских политических партиях.

«Людское море начиналось сразу за гостиницей на берегу Тигра, где я обычно останавливался. Сразу за ее крыльцом лежали бухты колючей проволоки и начиналась другая жизнь: там ездили не на автомобилях, а на «тук-туках» («моторикшах», трехколесных мотороллерах с кабиной на индийский манер), там стояли палатки, в которых оказывали медицинскую помощь раненым и бесплатно кормили демонстрантов; несмотря на огромный приток людей, на площади было чисто – добровольцы регулярно убирали мусор, что для Ирака было совсем необычно. Первый раз мы прошли через это людское море с Мунтадером Аль-Ода, молодым иракцем, который заканчивал бакалавриат по социальной антропологии в РГГУ в Москве и был энтузиастом российской экспедиции в Ираке. Он много и деятельно нам помогал, наше плодотворное сотрудничество с ним было одним из главных факторов успеха РИКЭ в 2019–2020 гг.

Во второй раз мне нужно было проделать этот путь одному. Хозяин гостиницы встал, когда я спустился в холл, – оказалось, что он ночевал прямо здесь на банкетке, положив рядом с собой автомат. Взять такси было невозможно; он пытался отговорить меня идти пешком, но мне нужно было обязательно попасть в ГСДН на другом берегу Тигра и подписать там наши документы. На улицах были баррикады, в разных местах валялись горящие автомобильные шины. В сотне метров слева с берега реки доносились автоматные очереди. Там на самом деле погибали люди. Три моста через Тигр были перекрыты. Я перешел по четвертому и в конце концов добрался до вахты Иракского музея. Пока охранник досматривал мои вещи, я увидел, словно в другой реальности, как Абдуламир Хамдани, в костюме и при галстуке, провожает какую-то делегацию. В тот же день наши документы были подписаны.

Наутро, прямо от калитки музейного комплекса, Абдуламир отправил меня на машине в Насирию. Там тоже была революция; тоже была веселая, полная надежд толпа, так же, как и в Багдаде, множество народу вскарабкалось на верхние этажи недостроенного здания. На одной из главных улиц Насирии из «писательской кофейни», как обычно, были выставлены стулья на улицу и писатели наблюдали ночное людское бурление, стояли такие же палатки медицинской помощи, так же раздавали еду и чай.

В Уре за один-два дня у меня произошло несколько важных встреч. Мы увиделись с Элизабет Стоун и Полом Зимански – для них это был последний сезон в Уре перед уходом на пенсию. Элизабет передала руководство раскопками Вильяму Хэффорду. Мы поговорили с ней о Дехайле, которую она когда-то хотела сама раскапывать. Она посоветовала обратить внимание на их публикации о Машкан-Шапире (*Stone, Zimansky*, 2004; *Stone*, 2012), во многих отношениях подобном Теллю Дехайла.

Здесь же мы встретились с нашим дорогим Франко Д'Агостино, который когда-то провел несколько лет в России, изучая клинописные тексты из коллекции Эрмитажа. Он дал важные

советы по логистике и организации раскопок вдобавок к тому, что я уже знал от Джейн Мун и Роберта Киллика и сказал мне: «Ça sera l'aventure de ta vie»[2].

Дома, в Петербурге, мы стали готовиться к нашему пробному сезону. Поскольку денег было мало, главный акцент был сделан на магниторазведку. К нам согласился приехать Йорг Фассбиндер; о выдающемся качестве его работ я знал по результатам магнитометрии в Уруке и в особенности в Хараксе Спасину (*Fassbinder et al*., 2019a, b). Мы также позвали Д. Кальдербанка, как специалиста, непосредственно работавшего с керамикой из подтвержденных клинописными источниками слоев Приморского периода на Телле Хайбер. Ш. Н. Амиров и М. Ю. Меньшиков должны были присоединиться к нам после постройки лагеря и взять на себя основной объем археологических работ.

Поначалу предполагалось, что мы полетим 6 февраля 2020 г., но инспектор ГСДН по мухафазе Ди Кар Тахир Аль-Хоссейни попросил нас этого не делать, так как в Насирии продолжались протесты, некоторые дороги были перекрыты, а главное – археологическая полиция была отвлечена на охрану центра города и не могла нас сопровождать на памятник. К этому времени в ходе протестов на улицах иракских городов погибли многие сотни людей и были ранены многие тысячи. Мы поменяли билеты на 4 марта и больше не спрашивали разрешений. В. В. Новиков любезно дал нам напрокат один из своих тахеометров; оформление таможенных документов на него с российской стороны вылилось в отдельную эпопею.

Утром 5 марта мы вышли из уже привычного аэровокзала в Басре на теплый южный воздух; Гани Мохсен принял тахеометр и наши чемоданы в свой пикап и мы отправились в Ур, до которого было чуть более 200 км. Нам оставалось немного, когда на одной из улиц Насирии машина Гани заглохла. Гани стал выяснять причину и звонить брату; тем временем к нам подъехал белый автомобиль и из него вышел начальник археологической полиции мухафазы Ди Кар Джалил Сабер Хашим.

«Мы познакомились; он был очень любезен и пообещал нашей экспедиции всю необходимую помощь. Я поблагодарил и сказал, что очень рад этой встрече, потому что нам нужно решить вопрос охраны нашего лагеря и численности полицейских в нем. В ответ я услышал: «Не думаю, что вы сможете жить на памятнике».

До сих пор все послевоенные иностранные экспедиции в Южном Ираке жили на охраняемых базах где-нибудь в городе (или, например, в Уре) и ездили оттуда каждый день на раскоп за десятки километров. Наш памятник находился в 65 км дороги от Ура; часть дороги была хорошей, а другая часть настолько плохой, что в рекогносцировочных поездках приходилось выходить из машины с лопатами и ровнять ухабы на непроезжих участках. В случае невезения дорога в один конец могла занять два часа. Поэтому еще на встрече с А. Хамдани в министерстве я попросил у него разрешения построить на памятнике лагерь из тростниковых домиков, наподобие тех, в которых живут болотные жители. Абдуламиру эта идея очень понравилась, – кроме всего прочего, поставить на памятнике временную «шумерскую деревню» было просто красиво. Но конкретный механизм взаимодействия между министерством культуры и министерством внутренних дел, которое должно было дать разрешение и обеспечить охрану, был неясен. Тогда же, в министерстве, я попросил ограничить численность и полицейских, и представителей ГСДН, чтобы облегчить неизбежные бытовые проблемы пробного сезона.

Поскольку возрождение «болотного» образа жизни было главной специальностью нашего друга Джасема Аль-Асади, то и для Абдуламира и для меня было очевидно, что Джасем станет нашим главным партнером в тростниковом строительстве и поможет нам согласовать наши нужды с мастерами из Чибайша. Домики должны были состоять из разборного стального каркаса и трехслойного покрытия «циновка-полиэтилен-циновка». Торцовые стены были решетчатыми и имели тростниковые же двери.

К моменту нашего разговора с начальником полиции стальной профиль был закуплен, каркасы сварены; мне предстояло съездить в Чибайш и заплатить за них, и главное, назвать строителям сроки, когда лагерь должен быть готов. Но теперь никто этих сроков не знал» (*А. Я.*)

В ожидании разрешения от полиции мы поселились в Уре и приступили к покупкам лагерного снаряжения и инструментов. В эти мартовские дни по-прежнему продолжались протесты, хотя и не с таким накалом, как прежде. Но на подходе была новая беда – пандемия ковида, истинной опасности которой никто не знал. Каждый вечер мы проверяли иракский телеграм-канал с новостями о распространении коронавируса, пытаясь понять, как это отразится на нас и на нашей работе.

[2] «Это будет главное событие твоей жизни» (фр.).

Поскольку ГСДН требовал сопровождать иностранцев с полицией, наши выезды в город за посудой и мебелью приобрели очень громоздкий характер. К тому же та часть города, где находились нужные магазины, была перекрыта из-за карантина. В конце концов Мунтадар и Гани стали ездить за покупками одни и присылать нам фотографии кирок и ведер в мессенджер.

Еще 8 марта мы съездили на телль и выбрали место для лагеря. Наконец, 11 марта, когда ВОЗ официально объявила о пандемии COVID-19, А. Хамдани имел разговор с Министром внутренних дел Ирака Ясином Аль-Ясири, и разрешение жить на памятнике было в принципе получено. Еще несколько дней понадобилось, чтобы оформленные бумаги дошли до региональной инспекции ГСДН.

Ранним утром 17 марта мы выехали из Ура на Дехайлу, еще раньше – в 4 часа утра – из Чибайша выехал грузовик с бригадой строителей. Они везли стальные каркасы, тростниковые циновки, рулоны полиэтилена, много вязальной проволоки и двухкубовый пластиковый танк для воды.

Уже в сумерках домики были закончены, и мы все с радостными криками собрались перед ними для общей фотографии. Свершилось! Российско-Иракская экспедиция построила шумерский «хутор» в старице реки Эриду, рядом с одним из крупнейших древних городов в области Ур – Эриду, никогда ранее не подвергавшемся научным раскопкам. На обратном пути мы ехали по пустыне уже в темноте, какое-то время видя вдалеке красные огоньки грузовика строителей, но потом он скрылся из виду; мы выбрали не ту колею и заблудились в пустыне.

«По случайности утром я записал трек дороги туда на морской навигатор, который возил с собой для геодезических целей, и мы вернулись по нему обратно до визуальных ориентиров. Мы приехали в ночной Ур смертельно усталые и совершенно счастливые. В Уре, где, в отличие от Дехайлы, был интернет, я получил известие от начальника службы безопасности проекта «Западная Курна-2» ЛУКОЙЛа о том, что Ирак закрыл международное пассажирское авиасообщение» (*А. Я.*)

Полной неожиданностью это не было. Еще до выезда в Ирак к нам отказался ехать Йорг Фассбиндер. Словацкая экспедиция, едва приехав в Умму, собрала свои вещи и покинула Ирак за несколько дней до прекращения полетов. Но у нас такой опции не было. Организация сезона и получение финансирования шли с таким трудом, что уехать, не начав раскопок, означало бы поставить на экспедиции крест. У нас был только один вариант – остаться и продолжать работу.

На следующий день, 18 марта, в пустыне бушевала буря, лил дождь, порывы ветра достигали 20 м/с. Выезжать на памятник было бессмысленно. Мы приехали через день, 19 марта, и застали тростниковые домики невредимыми, хотя жестяные кабинки уборных унесло на сотню метров в пустыню, а армейскую палатку, предназначенную для отдыха рядом с раскопом, сильно потрепало.

Первый шурф было решено заложить у вымостки из обожженного кирпича вблизи берега древней реки. «Во имя Аллаха, милостивого и милосердного» мастер Акрам Мохсен начал наши раскопки.

В первые рабочие дни мы все же не ночевали на Дехайле, оставляя там сторожа, так как вопрос о количестве и режиме работы сотрудников полиции не был до конца прояснен. Вскоре, когда стало понятно, что у нас все хорошо, мы снова вернулись к идее ночевки на памятнике. «Ладно, – ответили в Инспекторате ГСДН, – но нужно будет очень много полиции».

«В одно прекрасное утро, когда мы с Мунтадаром и Гани уже добрались до раскопа, я увидел, что к лагерю, который лежал в 500 м к югу от нас, подъехали два крупных черных бронированных внедорожника, из них высыпали зеленые человечки и быстро понесли свои матрасы в наши тростниковые домики. Не теряя времени, мы вскочили в машину и понеслись к ним.

Как ни странно, общим напором нам удалось довольно быстро отстоять наш хутор и перенаправить новоприбывших полицейских, больше похожих на военных, в армейскую палатку, где они и устроились.

Мы успели раскрыть в шурфе стену из сырцового кирпича, шедшую вдоль реки, когда Мунтадар сообщил мне, что мы должны покинуть памятник по личному указанию А. Хамдани в связи с требованиями карантина.

Я попросил продолжать раскопки, пока мы, через Мунтадера, препирались с министром, пытаясь доказать, что в пустыне заразы меньше, чем в городе. Но, видимо, мы были слишком на виду – мы остались единственной иностранной группой, продолжавшей работу в Южном Ираке на фоне затяжного политического кризиса и ковида» (*А. Я.*)

Пришлось вернуться в Ур, где перед нами встал вопрос – как теперь попасть в Россию. Сделать это удалось через месяц, благодаря активной помощи Посольства России в Ираке и Генконсульства в Басре, проекта «Бадра» ПАО «Газпром нефть», журналиста Марианны Беленькой, сотрудников Департамента информации и печати МИД и других хороших людей. В этой и других непростых ситуациях особо

ценной была помощь Ильи Владимировича Лобова, на момент сдачи этой статьи – первого секретаря Посольства России в Ираке.

Пока Академия наук, Минцифры, МИД и Росавиация вели о нас переписку, мы получили возможность досконально изучить Телль Мукайар (Ур), обработать керамику с Дехайлы и познакомиться с оживающей весенней пустыней и ее разнообразной фауной. Некоторые ее представители соседствовали с нами в Бейт Франко: на безымянную жабу и на мышь Генриэтту с ее потомством пыталась охотиться эфа, которая извивалась у нас под стиральной машиной, а сольпуг мы не раз выносили из душевой, чтобы они там не пострадали.

За три дня до нашего возвращения в Россию, 20 апреля 2020 г. не стало одного из главных участников советских раскопок в Ираке, выдающегося петербургского арабиста Олега Георгиевича Большакова.

Мы уже были в Москве, когда Мунтадер побывал на Телле Дехайла вместе с геоморфологом, впоследствии нашим незаменимым другом и соавтором Джаафаром Джотери. Он провел пешую разведку в старице реки и в других местах, чтобы проверить информацию дистанционных снимков. Эта разведка заложила основу для плодотворного исследования геоморфологии Телля Дехайлы и его окрестностей (*Янковский-Дьяконов и др*., 2020, 2022).

Несмотря на краткость пробного сезона 2020 г., были выполнены важные задачи. Впервые в послевоенном Ираке иностранная экспедиция получила возможность жить в непосредственной близости от изучаемого памятника. Впервые российские археологи начали самостоятельные земляные работы на классическом шумеро-аккадском памятнике в Южной Месопотамии. Было налажено взаимодействие не только с иракскими профильными государственными структурами (ГСДН и археологическая полиция), но и с негосударственными организациями (Nature Iraq и строители тростниковых сооружений).

Главными научными результатами сезона были: подтверждение датировки памятника как старовавилонского, с Приморским и, возможно, касситским потенциалом, открытие ранее неизвестного здесь нововавилонского присутствия и открытие оборонительного рва, вероятно, тоже нововавилонского (*Янковский-Дьяконов и др*., 2020).

Дорога к следующему сезону была открыта. Он состоялся в апреле 2021 г. благодаря Фонду развитию науки и культуры «Таволга» и компании «Энерготранспроект». Директор Фонда Марина Владимировна Бондарева еще в 2019 г. проявила интерес к идее возрождения российских археологических исследований в Ираке, а в конце марта 2021 г. председатель совета директоров «Энерготранспроекта» Александр Сергеевич Ларин и М. В. Бондарева встретились в Багдаде с Председателем ГСДН Лейтом Хуссейном и с советником Президента Ирака по культуре и искусству Майсун Аль-Дамлуджи. Идея сделать иракскую экспедицию комплексной была высказана еще в 2018 г. академиком Н. Н. Казанским, по образцу Советско-Йеменской комплексной экспедиции (СОЙКЭ), организованной П. А. Грязневичем в 1982 г. Мы надеялись расширить нашу деятельность в Ираке, запланировали большую программу дистанционных исследований, изучение мандейских и арабских письменных памятников, музейное сотрудничество.

Второй сезон РИКЭ прошел успешно, в той же обстановке дружбы и партнерства, что и первый, но в расширенном составе. Представителями ГСДН были Амджад Неама, с которым мы имели удовольствие работать еще с 2017 г., Мустафа Джасем Аль-Хуссини, выпускник Волгоградского государственного университета, ныне инспектор ГСДН по мухафазе Басра, и молодой археолог Фаркад Бакир. По-прежнему с нами были братья Мохсены, мастер-землекоп Акрам и завхоз Гани. Тростниковый лагерь состоял теперь из шести домиков, армейских палаток больше не ставили. С нами постоянно жили три группы полицейских, сменявшихся каждые сутки; мы делили с ними все особенности нашего быта и наши трапезы, которые готовил неутомимый повар Фарис. Двое из сменных офицеров оказались знатоками истории своей страны; старший из них, Хамид, находил время рассказывать о ней своим подчиненным (рис. 3).

Праздником для всех нас был приезд на телль соруководителя нашей экспедиции Шахмардана Назимовича Амирова и его коллеги Максима Юрьевича Меньшикова, профессионалов высочайшего уровня и надежных товарищей. Благодаря Глебу Ларионову, компании-провайдеру телекоммуникационных и IT-услуг XSAT Global и их иракскому офису, наша шумерская деревня получила надежный выход в интернет.

Два шурфа были пройдены до материка – первый, начатый в 2020 г., и второй, заложенный в районе внутренней стены теменоса. В последнем была раскрыта система монументальных стен, соответствующих картине, которую можно было ожидать в старовавилонском городе. При этом главная стена была построена на так называемом размыве прируслового вала, что могло указывать на точку первоначального строительства. Городская

Рис. 3. Смена полиции охраняет «шумерскую деревню» на Телле Дехайла. 15.04.2021.
Фото М. Ю. Меньшикова

жизнь на Дехайле пресеклась, вероятно, в ранне-Приморское время (к XVI в. до н. э.); позже здесь существовали полукочевые лагеря, возможно, поздне-Приморского (XVII в.) и нововавилонского времени (вторая четверть – середина I тыс. до н. э.).

Весной 2021 г. мы по-прежнему оставались единственной иностранной экспедицией на юге Ирака. В том же 2021 г. мы предприняли еще одну попытку привлечь к Российско-Иракской экспедиции внимание российского государства. Благодаря содействию политолога и общественного деятеля Федора Лукьянова, глава Россотрудничества Е. А. Примаков одобрил нашу идею об участии в 9-м заседании Российско-Иракской Межправительственной комиссии по торговле, экономическому и научно-техническому сотрудничеству (МПК).

В разгар работ по подготовке к Межправкомиссии пришла горькая весть: 4 июля 2021 г. не стало руководителя Месопотамской экспедиции ИА РАН Рауфа Магомедовича Мунчаева.

«На Межправкомиссии иракскую сторону представлял, в сфере культуры, директор департамента международных связей Минкультуры Ирака Фалах Шакер, с которым мы были знакомы по предыдущей работе. Нам удалось, впервые в деятельности таких комиссий, включить в протокол итогового заседания, который для обеих стран имеет статус распоряжения правительства, культурный блок. Было важно включить в него, во-первых, упоминание о комплексной экспедиции как о российской гуманитарной миссии нового типа, а во-вторых, упомянуть необходимость заключения в этой связи межправительственного соглашения. Появление в итоговом протоколе полезной конкретики вызвало сопротивление, и еще за полчаса до подписания Фалах Шакер, замглавы делегации и я согласовывали формулировки в кабинете иракского торгового атташе на Погодинской улице, а потом неслись оттуда в Дом Правительства. Главы делегаций – Ю. И. Борисов, тогда заместитель Председателя Правительства РФ, и Министр иностранных дел Ирака Фуад Хуссейн оценили наш труд, посвятив ему время и добрые слова на заключительном заседании.

Прошло чуть меньше месяца, и 22 сентября 2021 г. меня приняли заместитель Министра иностранных дел России, спецпредставитель Президента РФ по Ближнему Востоку и странам Африки М. Л. Бог-

данов и прежде Посол РФ в Ираке, а теперь заместитель директора ДБВСА МИД М. К. Максимов – те самые люди, с которых в 2019 г. началась официальная поддержка РИКЭ. Мы подробно обсуждали перспективы российской гуманитарной миссии на основе исследовательской и образовательной программы РИКЭ, привлекая опыт Британского института изучения Ирака, Германского археологического института и подобных им американских и французских представительств» (*А. Я.*)

Прошедший 2022 год принес беды и утраты. Последнего из остававшихся в живых участников «Ярымской эпопеи», советской археологической экспедиции в Ираке, Валерия Ивановича Гуляева не стало 20 марта; а 29 апреля ушел из жизни Абдуламир Хамдани.

Мы по-прежнему надеемся, что немалый научный и культурно-дипломатический потенциал РИКЭ, накопленный за шесть лет ее подготовки и четыре года практической работы, будет использован нашей страной.

Литература

Мунчаев Р. М., Амиров Ш. Н., 2016. Телль Хазна I. Культово-административный центр IV–III вв. до н. э. в Северо-восточной Сирии. Т. 2. М.: Таус. 584 с.

Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Амиров Ш. Н., 2004. Телль Хазна I. Культово-административный центр IV–III вв. до н. э. в Северо-восточной Сирии. М.: Палеограф. 488 с.

Янковский-Дьяконов (Янковский) А. И., 2014. Три иракских истории // Иудаика и арамеистика: с. науч. ст. на основе материалов Третьей ежегодной конф. по иудаике и востоковедению (17 декабря 2013 г.). СПб. С. 314–323.

Янковский-Дьяконов (Янковский) А. И., 2018. Судьба древней Уммы // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 95. Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Игоря Михайловича Дьяконова (1915–1999). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 291–304.

Янковский-Дьяконов А. И., Кальдербанк Д., Джотери Дж., Новиков В. В., 2020. Результаты пробного сезона российско-иракской экспедиции на телле Дехайла-1 // Восток (Oriens). № 5. С. 9–21.

Янковский-Дьяконов А. И., Кальдербанк Д., Джотери Дж., Новиков В. В., 2022. Второй сезон Российско-Иракской экспедиции на Телле Дехайла-1 (2021 г.) // КСИА. Вып. 267. С. 44–58.

Calderbank D., 2021. Pottery from Tell Khaiber: A Craft Tradition of the First Sealand Dynasty. Ludlow: Moonrise Press. XII, 287 p.

Fassbinder J., Lambers L., Campbell S., Hauser S., 2019a. Ancient Charax Spasinou (Iraq) – Interpreting a multi-phase city based on magnetometer survey // New Global Perspectives on Archaeological Prospection: 13th International Conference on Archaeological Prospection (28 August – 1 September 2019, Sligo – Ireland) / Ed. J. Bonsall. Oxford: Archaeopress. P. 201–205.

Fassbinder J., Ostner S., Scheiblecker M., Parsi M., van Ess M., 2019b. Venice in the desert: Archaeological geophysics on the world's oldest metropolis Uruk-Warka, the city of King Gilgamesh (Iraq) // New Global Perspectives on Archaeological Prospection: 13th International Conference on Archaeological Prospection (28 August – 1 September 2019, Sligo – Ireland) / Ed. J. Bonsall. Oxford: Archaeopress. P. 197–200.

Hamdani A., 2019. Let's Dig It! The Story of Abu Tbeirah in the Vicinity of Ur // Abu Tbeirah Excavations I. Area 1. Last Phase and Building A – Phase 1 / Eds.: F. D'Agostino, L. Romano. Rome: Sapienza Università Editrice. P. 9–18.

Stone E., 2012. Surface Survey and Satellite Reconnaissance: Reconstructing the Urban Layout of Mashkan-Shapir // Iraq. Vol. 74. P. 65–74.

Stone E., Zimansky P., 2004. The Anatomy of a Mesopotamian City: Survey and Soundings at Mashkan-Shapir. Winona Lake: Eisenbrauns. 504 p.

Stone E., Zimansky P., 2016. Archaeology Returns to Ur: A New Dialog with Old Houses // Near Eastern Archaeology. Vol. 79, № 4. P. 246–259.

Zimansky P., Stone E., 2014. Tell Sakhariya and Gaeš // Proceedings, 9th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East (ICAANE). Vol. 3. Basel. P. 57–66.

Сведения об авторах

Янковский-Дьяконов Алексей Игоревич, Институт востоковедения РАН, Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, 12, Россия; e-mail: jankowski-diakonoff@yandex.ru;

Гусак Лидия Андреевна, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Россия, 173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41; e-mail: lika.gusak@gmail.com

https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-426-5.116-125

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ ТЕЛЛЯ ЮНАЦИТЕ (БОЛГАРСКАЯ ФРАКИЯ)[1]

Т. Н. Мишина

Резюме. На теллях Фракии керамика рассматривается как основной источник для построения периодизационных схем раннего бронзового века. В статье впервые публикуются статистические характеристики раннебронзовой керамической коллекции с учетом стратиграфического распределения, а также история ее формирования телля Юнаците. Керамическая коллекция насчитывает 270 целых сосуда и 17 крупных фрагментов, которые позволяют восстановить форму сосуда, и более 26 000 фрагментов (табл. 1; рис. 1–3). Также было проанализировано количественное распределение керамики в пласте РБВ на памятнике для ряда форм и формообразующих признаков (рис. 4, 5). По морфологическим характеристикам в качестве индикаторов отмечены: аскосы, миски с внутренним ребром и миски с приподнятым краем в РБВ I – РБВ II, соусники для РБВ II, сосуды с носиками для РБВ II – РБВ III, для РБВ III – остродонные чаши. Судя по распределению керамических маркеров, этапы РБВ I – РБВ II имеют между собой более тесные контакты и в меньшей степени связаны с этапом РБВ III (рис. 6).

Ключевые слова: телль Юнаците, Фракия, эпоха ранней бронзы (РБВ), статистические характеристики, морфологический тип, хронологический маркер, стратиграфия, чаши типа Юнаците, аскосы, соусники, сосуды с носиками, миски с внутренним ребром.

Территория Фракии и примыкающие к ней районы занимают одно из значимых положений в разработке проблем культурно-исторического развития древних обществ. Фракия входит в западный регион распространения теллей, которые обычно имеют напластования неолита – халколита – эпохи бронзы или халколита – бронзы. Часто в эпоху ранней бронзы носители этой культуры занимали пустующие к тому времени искусственные холмы, на которых прежде располагались поселения халколитического времени. Такая ситуация прослежена в теллях Караново, Юнаците, Дядово, Нова Загора, Огняново, Маноле и других.

Проблемы периодизации раннего бронзового века продолжают оставаться актуальными для Балканского региона. Важное значение в решении этих вопросов имеют многослойные поселения/телли с мощным культурным слоем, длинной последовательностью культурных отложений. Их сравнительная стратиграфия позволяет выделять синхронные горизонты и этапы на памятниках, расположенных в конкретных регионах.

К настоящему времени на территории Болгарии известно около 70 памятников с отложениями эпохи РБВ, однако степень их исследованности различна, и далеко не все имеют продолжительную и детально зафиксированную стратиграфию (*Nikolova*, 1995, map 3).

Телль Юнаците является хорошим полигоном для подобных исследований, поскольку имеет и детальную стратиграфию отложений РБВ, и полностью исследованный пласт (Б) этого времени, который достигает мощности до 4,5 метров. Отметим, что верхние горизонты нарушены римским и средневековым строительством и средневековым могильником. В толще пласта Б выделено 16 (I–XVI/XVII) последовательных горизонтов/поселков эпохи ранней бронзы с фиксацией стратиграфии и планиграфии (*Мерперт, Мацанова*, 2007).

На телле выделяют три хронологических этапа РБВ с учетом периодизации, принятой в настоящее время в Болгарии (*Лещаков*, 2000). Кроме того, накоплены серии дат ^{14}C, которые позволяют в абсолютных значениях представить эти этапы: РБВ I – горизонты

[1] Исследование выполнено в рамках НИОКТР 122011200270-0 «Динамика развития духовной и материальной культуры в энеолите – бронзовом веке (Юго-Восточная Европа, Кавказ, Передний Восток)».

XVI/XVII–XV – 3200–2800 гг. до н. э.; РБВ II – горизонты XIV–IX – 3000–2500/2450 гг. до н. э.; РБВ III – горизонты VIII–I – 2500/2450–2000 гг. до н. э. (*Alexandrov*, 1995; 1998; *Бояджиев*, 2007; *Boyadzhiev*, 2015; *Görsdorf, Bojadžiev*, 1996; *Nikolova*, 1996; 2000; *Чичагова и др*., 2007; *Мишина, Балабина*, 2019).

С начала исследований этих многослойных памятников именно массовый керамический материал рассматривался в качестве основного источника для построения периодизационных схем неолита, халколита и бронзового века. Пример – карановская колонка, выделенная на эпонимном памятнике (*Georgiev*, 1961). С начала исследований многослойных памятников археологи столкнулись с проблемой разделения материалов между эпохами и внутри эпох. Сложность работы с керамическими фрагментами состоит в том, что на многослойных поселениях они часто фиксируются в переотложенном состоянии ниже или выше горизонтом, а иногда и двумя. При фиксации керамических маркеров прежде всего обращалось внимание на контекст находок, а именно: фрагменты керамики, зафиксированные на полу постройки, на дневной поверхности горизонта, важен контекст обнаружения целых сосудов. Массовый характер данных артефактов позволяет опираться на количественные показатели.

ФОРМИРОВАНИЕ КЕРАМИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ТЕЛЛЯ ЮНАЦИТЕ

Приведем общую характеристику керамической коллекции и историю ее формирования. Необходимо напомнить о некоторых особенностях ее сложения. В 1976 г. Региональным историческим музеем г. Пазарджика были возобновлены раскопки телля Юнаците[2]. В 1981 г. была создана Болгаро-Советская/Российская археологическая экспедиция под руководством к. и. н. Р. Катинчарова и зав. Сектором археологии Регионального Исторического музея г. Пазарджик В. Мацановой с болгарской стороны и профессора Н. Я. Мерперта – с российской. Ее задача состояла в том, чтобы с помощью современных комплексных методов провести исследование многослойного поселения. Таким образом, история исследования телля Юнаците распадается на два этапа: болгарский и болгаро-российский.

Как это бывает при проведении длительных полевых исследованиях больших поселений, подход к сбору и фиксации массового керамического материала постепенно меняется в процессе раскопок. В результате серии материалов из верхних стратиграфических горизонтов, с одной стороны, и нижних – с другой, оказываются статистически трудно сопоставимыми.

Так, на первом этапе исследования верхних горизонтов эпохи ранней бронзы – с I по X горизонт – в керамическую коллекцию отбирались исключительно профилированные и орнаментированные фрагменты. Прочие фрагменты – непрофилированные части стенок и донца, деформированные, неорнаментированные, мелкие – изымались без подсчетов и сохранены не были. Общая статистика материала, т. е. подсчет всех имеющихся фрагментов, для этих горизонтов отсутствует. Таким образом, коллекция с I по X горизонт включительно состоит из заведомо отобранных фрагментов и представляет неполную выборку. Такая ситуация не позволяет говорить об общей статистике керамического материала из этих горизонтов. Усеченность этой части керамической коллекции затрудняет работу со всей коллекцией в целом.

На втором этапе с XI по XVI/XVII горизонт была принята иная система сбора подсчета керамики. Подсчитывались все фрагменты (табл. 1, сумма фрагментов с номером и без номера). Массив керамических фрагментов с каждого горизонта делился на венчики, стенки, донца и ручки, и уже после этого велась сортировка фрагментов на часть, составившую основу коллекции массового материала. Они получили инвентарный номер (табл. 1, фрагменты с номером). Другая часть, не получившая инвентарного номера, учитывалась в общей статистике (табл. 1, фрагменты без номера). Для того чтобы возможно было работать с керамическим массивом, который включал бы материалы всех стратиграфических горизонтов, сохранилось деление на венчики, стенки, донца и ручки.

На графике 1 представлено распределение массового керамического материала по горизонтам. С XVI/XVII по XI горизонт коллекция керамики имеет стратиграфические привязки, что позволяет выявить полную картину распределения посуды по горизонтам (рис. 1). Начиная с X горизонта наблюдается резкое уменьшение количества керамических фрагментов, связанное с усеченностью выборки.

[2] Начало исследований на телле Юнаците относится к 1939 г. (*Миков*, 1940). Керамическая коллекция этого периода исследований не имеет стратиграфических привязок, отмечены лишь глубины обнаружения.

Таблица 1. Сводная статистическая таблица массового керамического материала телля Юнаците.

Горизонт	Часть сосуда	Фрагменты с №	Фрагменты без №	Сумма фрагментов с № и без	Целые формы
XVI/XVII	венчики	1556	985	2541	**35**
	орнам. стенки	1007	159	1166	
	донца	868	361	1229	
	ручки	924	99	1023	
	сумма	**4355**	**1604**	**5959**	
XV	венчики	1573	781	2354	**17**(+1 фр**)**
	орнам. стенки	934	80	1014	
	донца	217	330	547	
	ручки	383	452	835	
	сумма	**3107**	**1643**	**4750**	
XIV	венчики	617	1452	2069	**14** (+1 фр**)**
	орнам. стенки	858	36	894	
	донца	326	637	963	
	ручки	268	459	727	
	сумма	**2584**	**2069**	**4653**	
XIII	венчики	893	1145	2038	**33**
	орнам. стенки	838	838	838	
	донца	558	467	1025	
	ручки	258	509	767	
	сумма	**2547**	**2121**	**4668**	
XII	венчики	764	951	1715	**14**
	орнам. стенки	453	94	547	
	донца	448	386	834	
	ручки	306	447	753	
	сумма	**1971**	**1878**	**3849**	
XI	венчики	920	682	1602	**19**
	орнам.	79	144	233	
	стенки				
	донца	633	233	866	
	ручки	457	152	609	
	сумма	**2089**		**3310**	
X	венчики	922	–	922	**27**
	орнам. стенки	80	–	80	
	донца	633	–	633	
	ручки	458	–	458	
	сумма	**2093**	–	**2093**	
IX	венчики	233	–	233	**11**
	орнам. стенки	196	–	196	
	донца	355	–	355	
	ручки	1218	–	1218	
	сумма	**2002**	–	**2002**	
VIII	венчики	596	–	596	**10**
	орнам. стенки	118	–	118	
	донца	31	–	31	
	ручки	352	–	352	
	сумма	**1097**	–	**1097**	

Таблица 1. Продолжение.

Горизонт	Часть сосуда	Фрагменты с №	Фрагменты без №	Сумма фрагментов с № и без	Целые формы
VII	венчики	523	–	523	**15**
	орнам. стенки	116 33	– –	116 33	
	донца				
	ручки	332	–	332	
	сумма	**1004**	–	**1004**	
VI	венчики	220	–	220	**10** (+2 фр.)
	орнам. стенки	53	–	53	
	донца	19	–	19	
	ручки	198	–	198	
	сумма	**490**	–	**490**	
V	венчики	449	–	449	**15** (+ 2 фр.)
	орнам. стенки	65	–	65	
	донца	40	–	40	
	ручки	275	–	275	
	сумма	**829**	–	**829**	
IV	венчики	423	–	423	**10** (+ 6 фр.)
	орнам. стенки	38 26	– –	38 26	
	донца				
	ручки	231	–	231	
	сумма	**718**	–	**718**	
III	венчики	320	–	320	**10**
	орнам. стенки	37	–	37	
	донца	16	–	16	
	ручки	220	–	220	
	сумма	**573**	–	**573**	
II	венчики	294	–	294	**5** (+ 1 фр.)
	орнам. стенки	17	–	17	
	донца	22	–	22	
	ручки	164	–	164	
	сумма	**497**	–	**497**	
I	венчики	134	–	134	**12** (+ 2 фр.)
	орнам. стенки	35	–	35	
	донца	30	–	30	
	ручки	94	–	94	
	сумма	**292**	–	**292**	
Всего стратифицированных		**26248**			**257** (+ 15 фр)
Горизонт неизвестен					**12** (+ 2 фр.)
Зондаж А					**1**
Всего		**26248**			**270** (+17 фр.)

На графике 2 отражено количество только профилированных фрагментов с учетом распределения по горизонтам. Хотя общая тенденция снижения количественного содержания керамики сохраняется, уменьшение ее не такое резкое. Эту тенденцию к снижению количества керамического материала возможно объяснить общей сохранностью строительных горизонтов (планиграфия верхних горизонтов менее четкая, сохранность их значительно хуже), а также уменьшением площади поселков от более ранних к поздним (*Мерперт, Мацанова*, 2007. С. 14–116). Возможно, сыграла роль меньшая заселенность поселков на телле, хотя второе предположение требует более весомых доказательств (рис. 2).

Усеченность керамической коллекции с X по I горизонт затрудняет работу со всей коллекцией в целом. Для того чтобы возможно было работать с керамическим массивом, который бы учитывал все стратиграфические горизонты, за основу коллекции были приняты только профилированные фрагменты.

Кроме фрагментов, массив керамики насчитывает 270 археологически целых сосудов и 17 крупных фрагментов (табл. 1). Из них 257 целых сосудов и 15 крупных фрагментов стратифицированы. Распределение целых сосудов по горизонтам представлено в таблице 1 и на графике 3. График отражает их неравномерное распределение по стратиграфической шкале: X, XIII, XVI/XVII горизонты (соответственно 27, 33, 35) выделяются наибольшим количеством сохранившихся целых форм, в других горизонтах сосуды представлены более или менее равнозначно (от 19 до 10) (рис. 3).

Среди нестратифицированных сосудов есть и такие, которые относятся к хронологическим маркерам, – это аскосы (№ 181, 170), остродонные чаши (шпицбодены) (№ 98, 275, 277) и сосуд с носиком (№ 255). В этом случае сосуды использовались в исследовании по принципу типологического сходства.

АНАЛИЗ СТАТИСТИЧЕСКОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ КЕРАМИКИ В СЛОЕ ПАМЯТНИКА

Некоторые керамические формы после первых публикаций были определены как индикаторы для конкретных хронологических периодов. Так, В. Миков указывал на остродонные чаши как на маркеры эпохи бронзы (*Миков*, 1940). В. Милойчич при построении периодизации Юнаците относил остродонные сосуды к пласту Юнаците III (*Miloičič*, 1949). В дальнейшем все исследователи чаши «типа Юнаците» связывают с эпохой РБВ III (*Alexandrov*, 1995. P. 253–269; 1998; *Лещаков*, 2000, *Каинчаров, Мацанова*, 1993; *Мишина*, 2014). Устойчивым маркером являются и аскосы, характерные для РБВ I – РБВ II (*Лещаков*, 2000, *Мишина*, 2015).

Детально прослеженная стратиграфия и хронология телля Юнаците (*Мерперт и др*., 2007; *Бояджиев*, 2007; *Чичагова и др*., 2007) позволяет достаточно точно определить относительную хронологию этих типов посуды. А также хотя бы частично соотнести целые сосуды из раскопок 1939 года, для которых указаны только глубины, со стратиграфическими горизонтами РБВ из позднейших раскопок. Так были детально проанализированы аскосы, остродонные и округлодонные сосудики (*Мишина*, 2014; 2015; 2021).

Из всего многообразия посуды были выделены и другие формы и формообразующие признаки, на стратиграфической колонке горизонтов РБВ занимающие определенные временные интервалы.

Аскосы (рис. 4: *1–3*). На телле Юнаците имеется самая большая на сегодня серия аскосов из 37 целых сосудов и 251 фрагмента. Анализ размеров и параметров позволил выделить небольшие по объему аскосы-чаши и более крупные аскосы-кувшины (*Мишина*, 2015. Рис. 1: *1–3*). Целые аскосы фиксируются на телле Юнаците с XVI/XVII 1–3 горизонта до VIII горизонта. С XVI/XVII по XIII горизонт обнаружено наибольшее число археологически целых сосудов (25 экземпляров) и 180 фрагментов, максимум целых сосудов и фрагментов дают XIV и XIII горизонты. В целом фиксируется устойчивая тенденция к уменьшению этого типа сосудов от ранних к более поздним горизонтам. Распределение целых аскосов совпадает с распределением фрагментов. Единичные фрагменты, встреченные с IX по I горизонт, связаны с периферийной зоной на памятнике и нарушением слоя, что объясняет их переотложенный характер. Таким образом, они диагностируют этапы РБВ I и РБВ II.

Аскосы, орнаментированные каннелюрами (*Мишина*, 2002; 2011), происходят из еще более узкого хронологического интервала, относящегося к РБВ I, поскольку каннелированный орнамент достоверно маркирует только нижние горизонты РБВ – XVI/XVII (1–3) – XV–XIV (*Мишина*, 2002. С. 236; 2011. С. 5–14).

Чаши «типа Юнаците» остродонные (шпицбодены). Чаши (рис. 4: *5–7*) телля Юнаците представлены 25 целыми сосудиками и несколькими десятками (40) фрагментов – это также самая большая коллекция чаш, известная на теллях Фракии. Шпицбодены (целые и фрагменты) были зафиксированы с I по X горизонт. Только целые чаши выявлены с I по VI

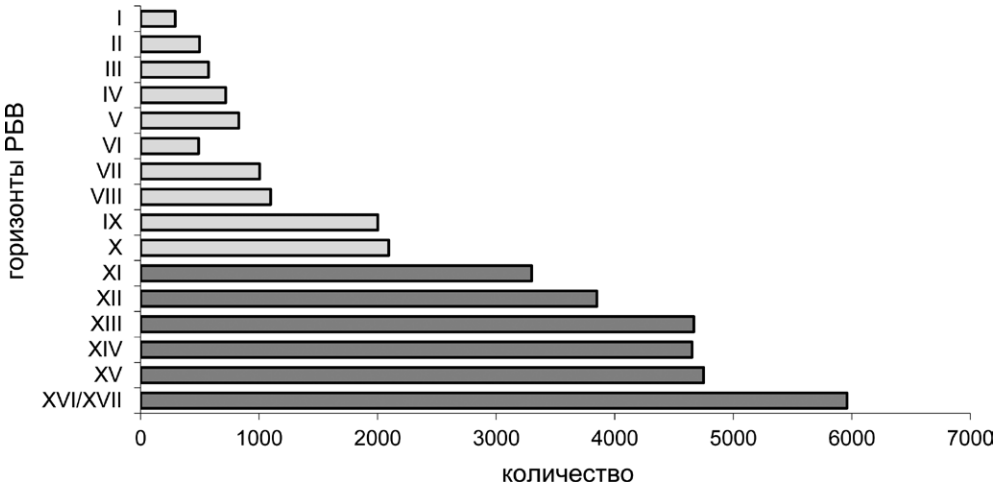


Рис. 1. График количественного распределение массового керамического материала по горизонтам РБВ

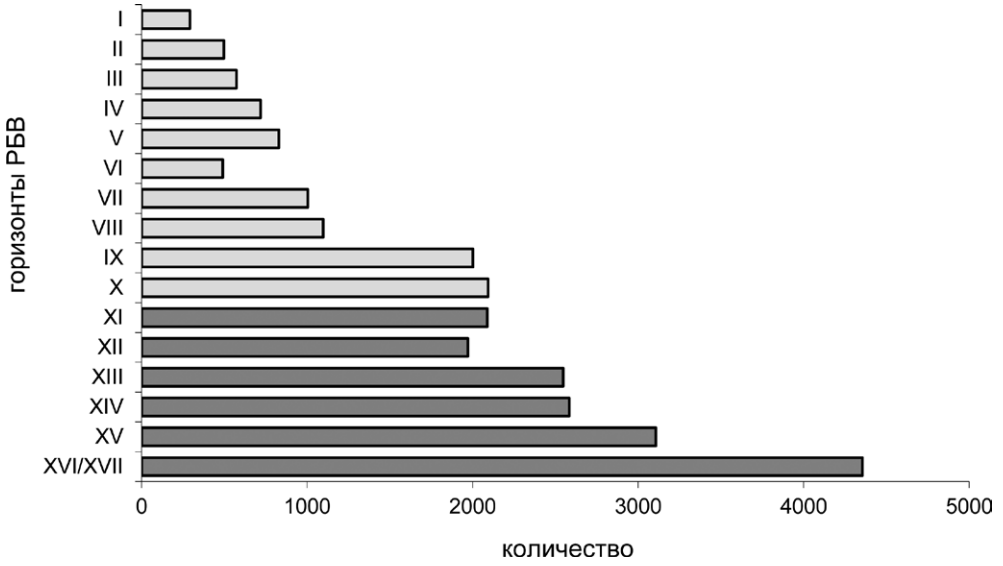


Рис. 2. График количественного распределение профилированных фрагментов керамики по горизонтам РБВ

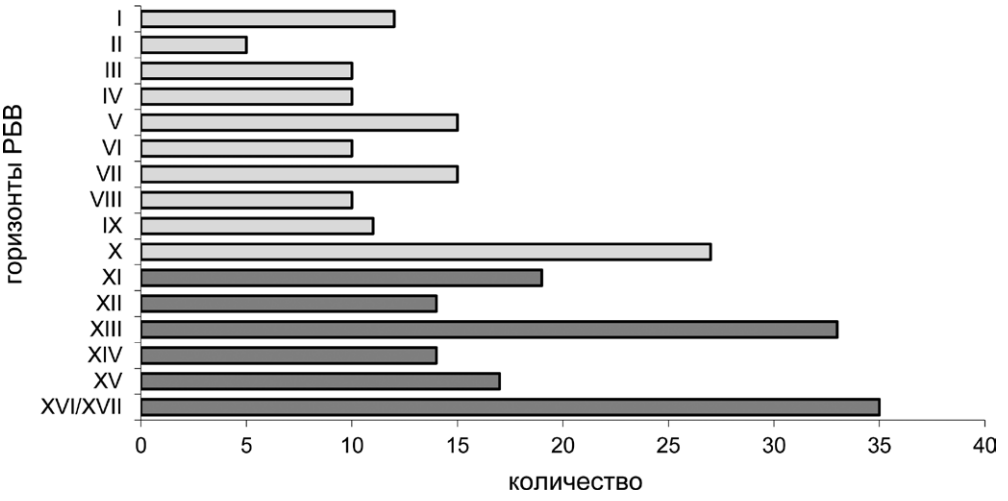


Рис. 3. График количественного распределения целых сосудов по горизонтам РБВ

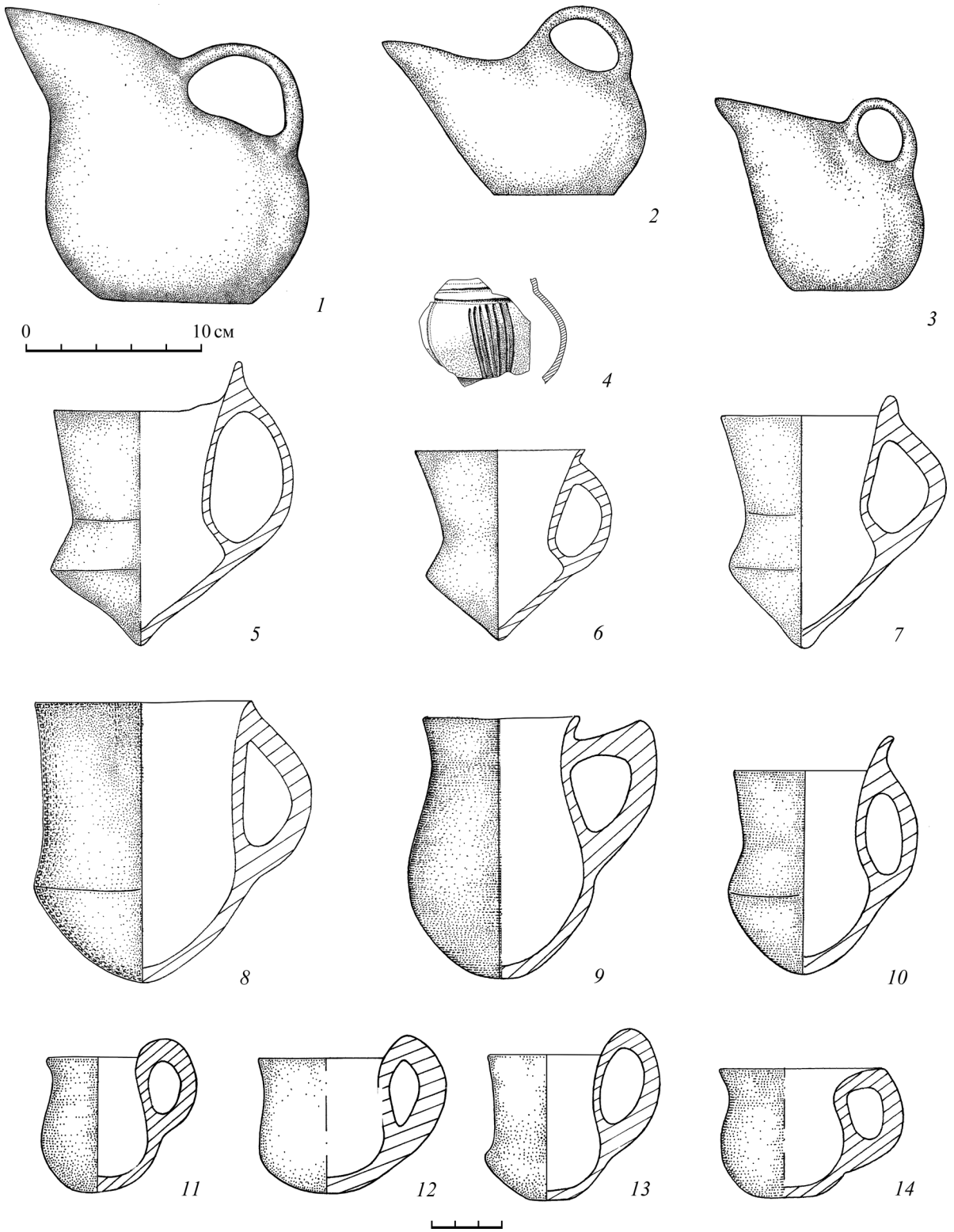


Рис. 4. Керамика: *1–3* – аскосы; *4–6* – чаши «типа Юнаците» остродонные; *8–10* – округлодонные чаши; *11–14* – чаши с округло-уплощенным дном

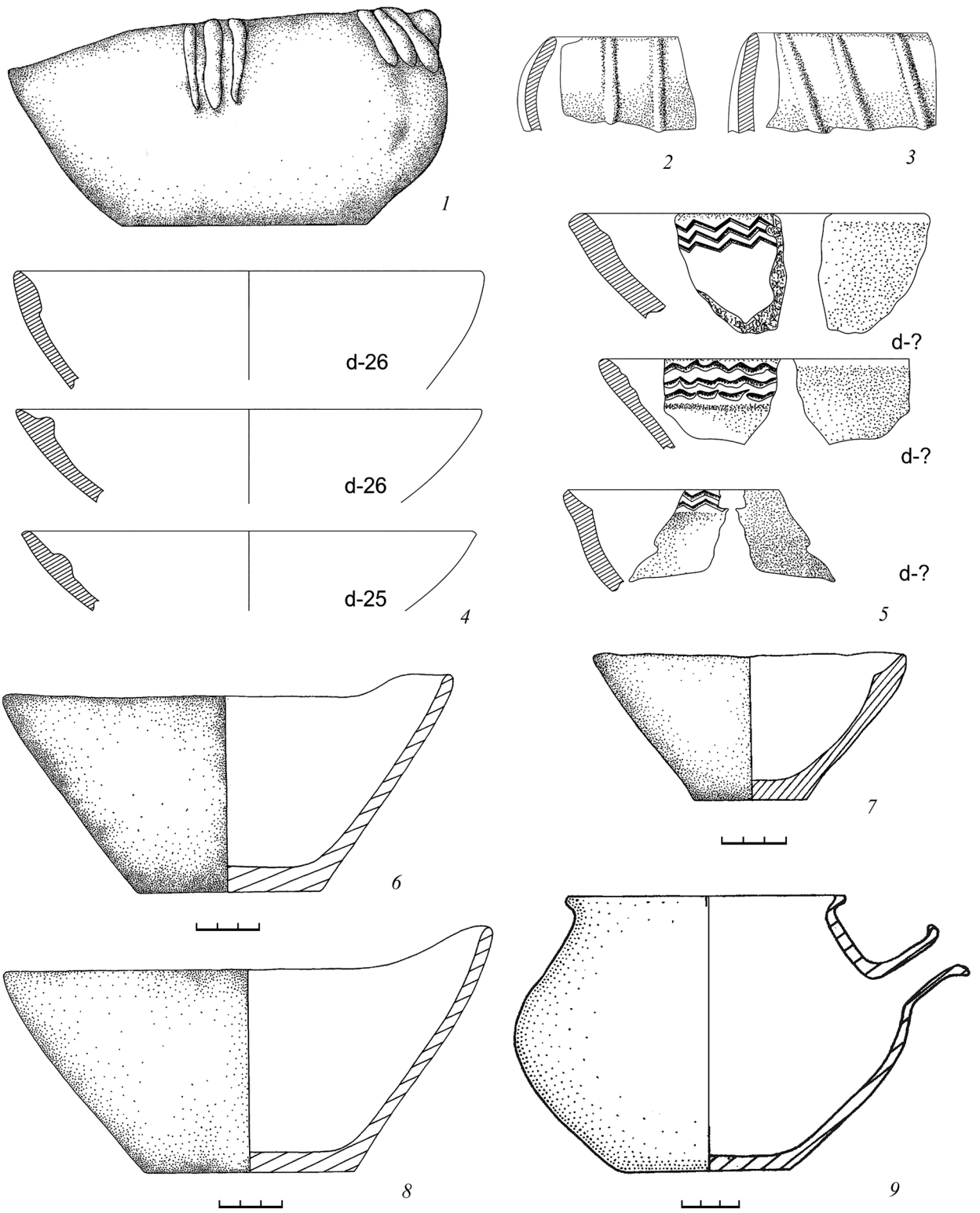


Рис. 5. Керамика: *1–3* – соусники; *4, 5, 7* – миски с внутренним ребром; *6–8* – миски с оттянутым краем; *9* – сосуд с носиком

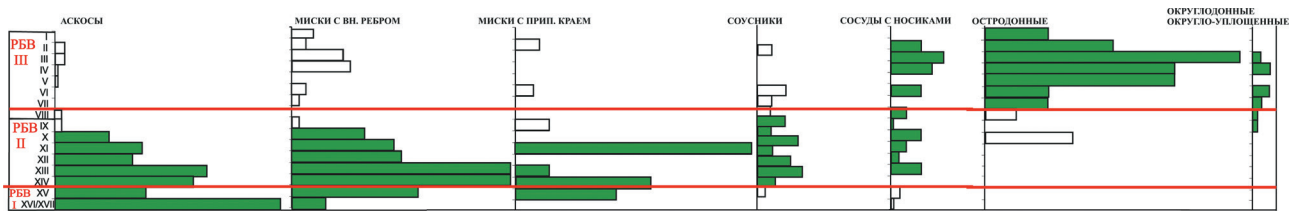


Рис. 6. График количественного распределения керамических маркеров по горизонтам РБВ

горизонт, с III по V горизонт обнаружено наибольшее количество экземпляров: 10 целых и 8 фрагментов. В результате анализа стратиграфических данных стало возможным утверждать, что большинство чаш зафиксировано в VI–I горизонтах. Отмечу, что именно в этих горизонтах обнаружены все целые формы (*Мишина*, 2014. Рис. 3). Остродонные чаши «типа Юнаците» являются маркерами для эпохи РБВ III.

Чаши типа Юнаците с округлым дном **–** еще один морфологический тип сосудиков, найденных на телле Юнаците. На памятнике найдено 13 экземпляров таких сосудиков (*Мишина*, 2021). В. Миков, наряду с остродонными чашами, относит их к «типу Юнаците» (*Миков*, 1940). На исследуемом телле керамическая посуда этого типа распределилась в стратиграфическом интервале – с VIII по I, а максимальное их количество приходится на V–III горизонты (рис. 4: *8–10*). Стратиграфически округлодонные и остродонные чаше имеют полное соответствие.

Чаши с округло-уплощенным дном составляют серию из 13 сосудиков (*Мишина*, 2021). Морфологически они неоднородны. В этой серии имеются чаши-кувшинчики с почти плоским дном и чаши с округло-уплощенным дном (рис. 4: *11–14*). Стратиграфически они компактно разместились в интервале между VIII и V горизонтами.

Соусниками названы сосуды овально-подтреугольного плана, асимметричные, закрытые, с вытянутым сливом, без выделенного венчика. По верхнему краю этих сосудов имеются сгруппированные рельефные налепы, что помогло в выделении этой формы (рис. 5: *1–3*). В керамической коллекции Юнаците имеется один целый сосуд и несколько десятков фрагментов (38 фрагментов). На стратиграфической шкале телля они фиксировались с XIV по IX горизонт, характерны для **узкого** периода РБВ II (рис. 6).

Сосуды с носиками **(**рис. 5: *9*) – в коллекции их немного – 3 целых сосуда и 25 фрагментов. Сосуды с носиками морфологически тяготеют к разным совокупностям, определяющим в данном случае является наличие оформленного носика, по которому определено их функциональное назначение. На стратиграфической шкале телля они расположились в пределах с XIII по II горизонт. Это форма оказалась маркером для РБВ II–III (рис. 6).

ФОРМООБРАЗУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ

В качестве хронологического диагноста выделяются некоторые признаки на открытых конических мисках. Так, имеются открытые **миски с внутренним ребром**. На фоне открытых мисок, которые не работают на хронологию и равномерно распределились по всей стратиграфической шкале памятника, именно признак, связанный с оформлением ребра на внутренней стороне сосуда (332 фрагмента), локализуется с XVI/XVII по X горизонт, максимально он зафиксирован в XIV–XIII горизонтах. Этот признак маркирует РБВ I–II, в большей степени именно средний этап РБВ.

Еще один признак был зафиксирован как маркер для определенных стратиграфических горизонтов – **оттянутый (или вытянутый) край миски**. Эта форма представлена двумя целыми сосудами и несколькими десятками фрагментов (27 фрагментов). Такие миски локализуются с XV по XI горизонт, также индикатор для этапа РБВ II (рис. 6).

Итак, имея в виду только морфологические характеристики, укажем на узкие хроноиндикаторы: аскосы с каннелированным орнаментом фиксировались в горизонтах РБВ I, аскосы без каннелюр, миски с внутренним ребром распространены в РБВ I – РБВ II. Для РБВ II – это соусники и миски с приподнятым краем, для РБВ III – остродонные и округлодонные чаши, сосуды с носиками – РБВ II – РБВ III. Судя по распределению керамических маркеров, этапы РБВ I – РБВ II имеют между собой большее сходство в ассортименте посуды, возможно, их контакты были более тесными. Их культурное развитие шло достаточно плавно, границы между РБВ I и РБВ II не указывают на культурный слом, а лишь являются привязкой к периодизационной схеме. На это указывает планировка поселков, характер домостроительства, другие категории находок. Данные этапы в меньшей степени связаны с этапом РБВ III.

Литература

Бояджиев Я., 2007. Телль Юнаците – абсолютная хронология горизонтов эпохи ранней бронзы // Телль Юнаците. Т. II. Эпоха бронзы. Ч. 1. М.: Восточная литература. С. 217–221.

Катинчаров Р., Мацанова В., 1993. Разкопки на селищната могила при с. Юнаците, Пазарджишко // Праисторически находки и изследвания: сборник в памет на проф. Георги И. Георгиев. София. С. 155–173.

Лещаков Кр., 2000. Изследвания върху бронзовата епоха в Тракия // Годишник на Софийския университет «Климент Охридски». Исторически факултет. 84–85. София. С. 5–121.

Мерперт Н. Я., Мацанова В., 2007. Стратиграфия горизонтов раннего бронзового века // Телль Юнаците. Т. II. Эпоха бронзы. Ч. 1. М.: Восточная литература. С. 125–144.

Миков В., 1940. Селищна могила при с. Юнаците (Пазарджишко) // Годишник на Пловдивската народна библиотека и музей. 1937/1939. Пловдив. С. 55–84.

Мишина Т. Н., 2002. Два раннебронзовых погребения телля Плоская могила во Фракии // Проблемы археологии Евразии. Сборник статей к 80-летию Н. Я. Мерперта. М. С. 230–238.

Мишина Т. Н., 2011. Орнаменты на керамике – хронологические маркеры для эпохи ранней бронзы (по материалам телля Юнаците, Болгария) // РА. № 4. С. 5–14.

Мишина Т. Н., 2014. Остродънни чаши от тел Юнаците // Археология. София. Кн. 2. С. 101–112.

Мишина Т. Н., 2015. Аскосы раннебронзовых поселений телля Юнаците (Болгария) // КСИА. Вып. 239. С. 150–169.

Мишина Т. Н., 2021. Сосудики с ручками финала эпохи ранней бронзы на телле Юнаците (Болгария) // КСИА. Вып. 262. С 168–187.

Мишина Т. Н., Балабина В. И., 2019. Телль Юнаците в системе балканской радиоуглеродной хронологии // КСИА. Вып. 257. С. 65–78.

Чичагова О. А., Александровский А. Н., Балабина В. И., Мишина Т. Н., Зазовская Э. П., 2007. Новая серия ^{14}С дат для Телля Юнаците // Телль Юнаците. Т. II. Эпоха бронзы. Ч. 1. М.: Восточная литература. С. 232–238.

Alexandrov St., 1995. The Early Bronze Age in West Bulgaria: Periodization and Cultural Definition // Bailey D., Panayotov I. Prehistoric Bulgaria. Madison, Wisconsin. P. 253–269.

Alexandrov St., 1998. Pottery from the End of the Early Bronze Age in West Bulgaria // James Harvey Gaul. In Memoriam. Sofia. P. 223–233.

Boyadzhiev Y., 2015. Tell Yunatsite: Development and Absolute Chronology of the Settlements from the Beginning of the Chalcolithic to the Early Bronze Age // Neolithic and Copper Age between the Carpathians and the Aegean Sea. Chronologies and Technologies from the 6th to the 4th Millennium BCE. Bonn: Habelt. P. 381–393.

Georgiev G. I., 1961. Kulturgruppen der Jungstein- und der Kupferzeit in der Ebene von Thrazien (Südbulgarien) // L'Europe à la fin de l'Âge de la pierre: Actes du Symposium consacré aux problèmes du Néolithique européen (Prague – Liblice – Brno, 5–12 octobre 1959). Praha: Académie Tchécoslovaque des Sciences. S. 45–100.

Görsdorf J., Bojadžiev J., 1996. Zur absoluten Chronologie der bulgarischen Urgeschichte // Eurasia Antiqua. Bd. 2. S. 105–173.

Miloičič V., 1949. Chronologie der Jüngeren Steinzeit Mittel- und Südosteuropas. Berlin: Mann. 137 S.

Nikolova L., 1995. Sarovka Tell near the Village of Dubene, Karlovo District, with Appendix: Early Bronze Age Settlements in Bulgaria (A Map) // Early Bronze Age Settlements Patterns in the Balkans (Ca. 3500–2000BC Calibrated Dates). Sofia. (Reports of Prehistoric Research Projects; vol. 1, no. 1, 2).

Nikolova L., 1996. Settlement and Ceramic: The Experience of Early Bronze Age Bulgaria // Early Bronze Age Settlements Patterns in the Balkans (Ca. 3500–2000BC Calibrated Dates). Part 2. Sofia. P. 145–186. (Reports of Prehistoric Research Projects; vol. 1, no. 2–4/1995).

Nikolova L., 2000. The Yunatsite culture. Periodization, chronology and synchronizations // Reports of Prehistoric Research Projects. Vol. 2–3/1999. Sofia. P. 34–104.

Сведения об авторе

Мишина Татьяна Николаевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия;
e-mail: tnmishina@mail.ru

https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-426-5.126-140

СТОЯЩИЕ АНТРОПОМОРФНЫЕ ФИГУРКИ ФИНАЛЬНОГО ГОРИЗОНТА ХАЛКОЛИТА НА ТЕЛЛЕ ЮНАЦИТЕ[1]

В. И. Балабина

Резюме. Фракийский телль Юнаците раскапывается много лет и хорошо известен в литературе. Пластика из его верхнего халколитического горизонта включает глиняную скульптуру, головки на керамике, фигуративные сосуды, а также изделия из кости. Комплекс соответствует культурному комплексу Коджадермен – Гумельница – Караново VI – Сэлкуца III. Значительная часть коллекции уже опубликована. В данной работе рассматриваются две основные совокупности стоящих статуэток: нагие и одетые в платья. Описание фигурок включает ряд деталей (акцентированные животы, орнамент, осевые отверстия вдоль всего корпуса). Одетые статуэтки встречены без полостей снизу и с полостями, те и другие представлены с разведенными в стороны руками. Статуэтки без полостей снизу не несут орнамента, полые статуэтки бывают без орнамента и орнаментированными. У фигурок без орнамента в ряде случаев подчеркнуты животы, среди имеющих декор тоже есть статуэтки со слабо выступающими животами, отмечаются случаи выделенной талии. Прочерченная орнаментация вариативна на разных частях статуэток, у многих из них имеются продольные линии декора по платьям. Близка к орнаментированным полым статуэткам погремушка. Высоту по плечи удалось измерить всего у 14 стоящих статуэток из разных совокупностей и групп. Их высота варьирует от 3,5 до 7,7 см. На Юнаците стоящие статуэтки двух совокупностей представлены почти в равном количестве. Они фиксировались в контурах ряда построек и за их пределами. В Болгарии полые фигурки и погремушки встречены на памятниках Коджадермен – Гумельница – Караново VI, но на задунайских территориях они известны начиная с Гумельницы А2. Особенности стоящих изображений на Юнаците не находят полного соответствия ни в синхронных материалах, ни среди более ранних.

Ключевые слова: телль, халколит, Коджадермен – Гумельница – Караново VI, контекст, статуэтки обнаженные, фигурки в платьях, статуэтки полые, фигурки без полостей, морфология изображений, конструктивные особенности.

Болгарский телль Юнаците, находящийся во Фракии, раскапывается много лет и хорошо описан в литературе. Пластика из его верхнего халколитического горизонта включает трехмерную глиняную скульптуру (антропоморфную и зооморфную), головки на керамике, антропоморфные сосуды, а также изделия из кости. Значительная часть этой коллекции уже опубликована[2]. По культурной принадлежности комплекс горизонта смешанный, соответствует Коджадермен – Гумельница – Караново VI (далее КГК VI) – Сэлкуце III.

Стоящие статуэтки – сравнительно массово представленный вид глиняной антропоморфной скульптуры на рассматриваемом горизонте Юнаците, их как минимум 76 экз., в рамках данной серии можно выделить *нагие изображения* и *одетые в длинные платья. Нагие фигурки* бывают с отчетливыми признаками пола, среди них встречены женские и мужские. Иногда признаки пола оказываются частичными или отсутствуют вовсе. *Одетые фигурки* с цилиндрическими и конусовидными туловищами в данной коллекции по вторичным признакам соответствуют только женским персонажам.

Обратимся к описанию ***нагих статуэток*** (рис. 1–3), среди которых распознаваемы по полу – 25, без признаков пола – 5 (из-за отсутствия маркировки – 2 и из-за недостаточной целостности туловищ – 3), можно также отметить серию фрагментов

[1] Исследование выполнено в рамках НИОКТР 122011200270-0 «Динамика развития духовной и материальной культуры в энеолите – бронзовом веке (Юго-Восточная Европа, Кавказ, Передний Восток)».

[2] В частности: крестообразные зооморфные фигурки (*Мацанова*, 1994), антропоморфные сосуды и миниатюрные культовые столики (*Терзийска-Игнатова*, 2000), костяные статуэтки (*Терзийска-Игнатова*, 2002), глиняные зооморфные четвероногие фигурки (*Tersijska-Ignatova*, 2004, *Терзийска-Игнатова*, 2008), сидящие антропоморфные статуэтки (*Мацанова, Терзийска-Игнатова*, 2014), антропоморфные и зооморфные головки на сосудах (*Балабина*, 2020), головы от антропоморфных фигурок (*Балабина*, 2021).

стоящих ног – 7. Головы разной степени сохранности присутствуют всего у семи фигурок – трех женских, двух мужских и двух без признаков пола. Все они уплощенные с выступающими носами (рис. 1: *1, 2, 5, 6;* 2: *1, 2, 6*). Шеи возможны разной длины. Груди (у женских статуэток) моделированы раздельными и относительно маленькими (рис. 1: *4, 6, 7, 8;* 2: *1*). Иногда их нет, хотя женский треугольник внизу живота обозначен (рис. 1: *3*; 2: *3*). Но у части фигурок с грудями нет женского треугольника. У имеющихся мужских изображений груди не отмечены. Талия женских статуэток тоже вариативна: от выделенной относительно «тонкой» (рис. 2: *1, 8*; 3: *2*) и менее выраженной «средней» (рис. 1: *3–5;* 2: *3*), до почти прямых боков (рис. 1: *6–8*). Можно отметить такое же упрощенное сложение у статуэток без признаков пола и одной из мужских. При этом заметная талия оказалась и у двух мужских итифаллических фигурок (рис. 2: *4, 7*). Живот у нагих женских статуэток плоский либо чуть обозначен в боковой проекции (равно как и у мужских). Спина у большинства экземпляров того и другого пола прямая, а ягодицы разной степени выпуклости. Ноги имеют несколько вариантов моделировки: не разделенные сдвоенные (рис. 3: *4*), разделенные только сзади (рис. 2: *8*), раздельные сомкнутые (рис. 1: *1, 4;* 3: *1, 2*), раздвинутые (рис. 2: *2;* 3: *5*). Бывают разных пропорций. Сохранились целиком или почти целиком у отдельных фигурок разного пола и без признаков пола. Можно упомянуть фрагменты сдвоенных ног и раздельных (рис. 3). Обращает на себя внимание фрагмент правой ноги с прочерченным овалом на уровне щиколотки (рис. 3: *9*) – деталью, характерной для женской пластики КГК VI.

Признаки пола. У женских статуэток внизу живота часто прочерчены треугольники разных пропорций, у одного изображения их два – спереди и сзади (рис. 1: *7*). У ряда фигурок треугольник вертикально разделен в нижней части. Бывает прочерчен поясок вокруг бедер от верха треугольника (рис. 3: *1*). У двух статуэток с сомкнутыми ногами моделированы фаллосы (рис. 2: *4, 7*). Еще у одной, тоже предположительно мужской (с раздвинутыми ногами), признаков пола нет (рис. 2: *2*).

Наиболее вариабельными оказались *жесты*, которые бывают симметричными и нет, при этом несколько отличаются у женских и мужских фигурок.

Простейший симметричный жест женских изображений – руки, разведенные в стороны, этот же жест представлен и у пары статуэток без признаков пола (рис. 1: *1–4*); еще один симметричный жест – руки сомкнуты под грудью (рис. 1: *7*); последний встреченный симметричный жест – расставленные руки упираются в бока чуть выше бедер (рис. 1: *8*).

Самый сложный сохранившийся жест женской (?) фигурки – правая рука опущена к промежности, кисть между бедер; левая рука поднята к правому плечу, согнутая кисть обнимает плечо у самой шеи (рис. 1: *5*). Еще у одной фрагментированной женской статуэтки несохранившиеся руки тоже могли лежать по-разному (рис. 2: *1*).

У мужских фигурок положение рук также вариативно. В одном случае руки почти симметрично опущены и сомкнуты у гениталий (рис. 2: *4*); в другом – сомкнуты несколько выше, на животе (рис. 2: *6*); у статуэтки без признаков пола (предположительно мужской) согнутые в локтях руки на уровне плеч: правое предплечье горизонтально, а левое приподнято к подбородку (рис. 2: *2*). Прочие обнаженные фигурки утратили руки. Среди них несколько женских, мужская и фрагменты торсов разного размера (рис. 2: *3, 5, 7–9*). Обращает на себя внимание единичность большинства описанных жестов в данной выборке.

У ряда изображений встречены *отверстия* – продольные осевые вдоль спины и единичное условно поперечное (спереди назад), проложенное несколько наискось. Так, у женской фигурки отверстие начинается сзади почти у основания шеи, а выходит под грудью (рис. 1: *4*).

Осевые отверстия сохранились в женских статуэтках, мужских и без признаков пола. Можно выделить варианты таких сквозных отверстий:

1) отверстия вдоль середины спины: от темени до промежности (рис. 1: *6*), подобное отверстие от основания шеи, фактор сохранности (1: *7*), отверстие от основания шеи до низа таза, укрепленное двумя петлевидными выступами: вверху и на середине таза (рис. 2: *7*); отверстие от верха спины до промежности (рис. 2: *2*); отверстие примерно от основания шеи, прослежено до середины спины (рис. 2: *1*);

2) отверстие от темени до условного «уровня лопаток» (рис. 1: *5*).

Очевидно, что некоторая вариативность *отверстий вдоль спины* отчасти обусловлена разной степенью сохранности предметов.

У фрагментированной статуэтки оказалось два встречных отверстия, выходящих спереди и сзади: от середины шеи до середины живота + соединенное с ним отверстие от середины шеи почти до уровня таза (рис. 2: *5*).

Большинство обнаженных статуэток *без орнамента*. Обнаружен он лишь на нескольких фрагментированных предметах. Это продольная половина

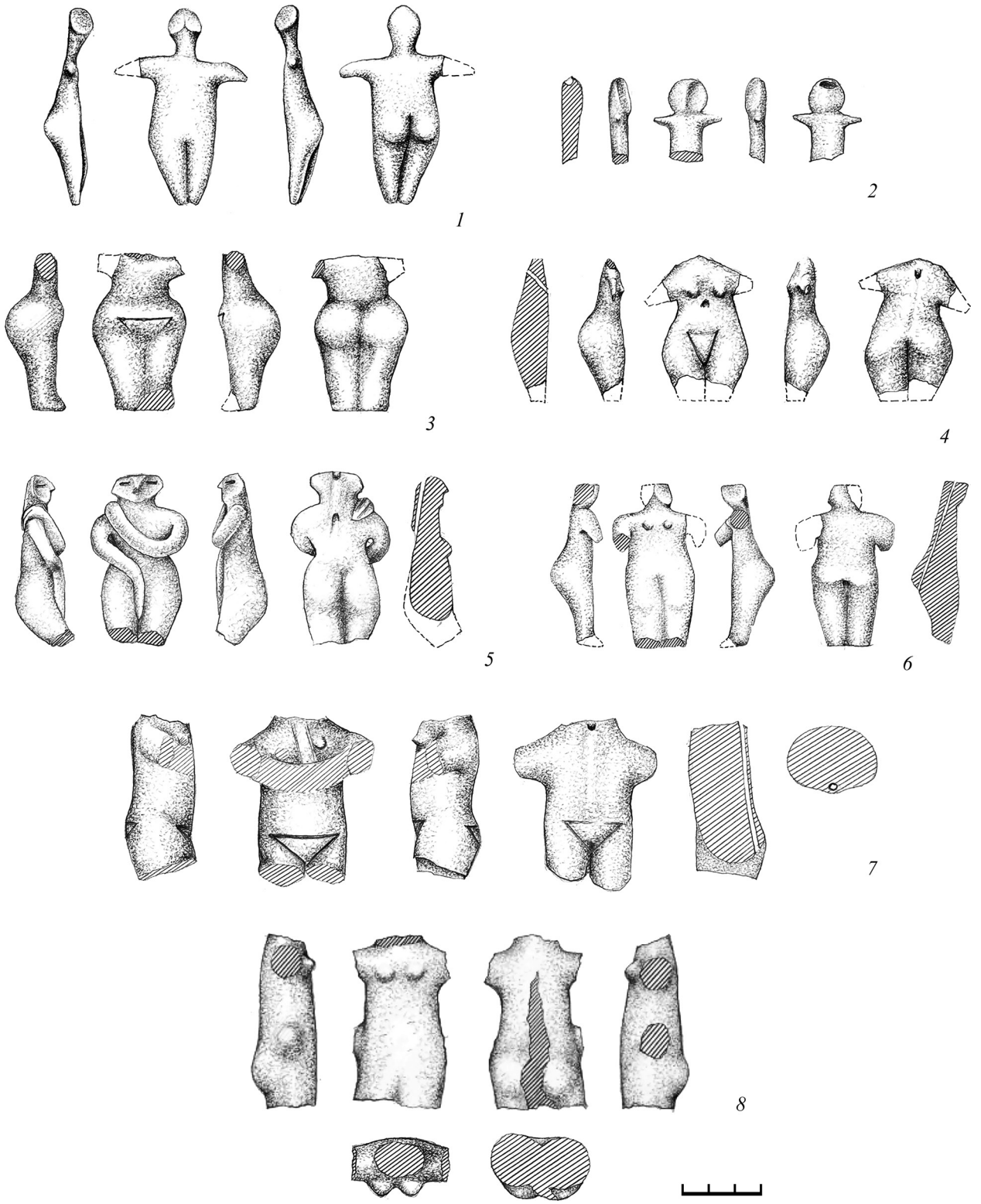


Рис. 1. Стоящие нагие фигурки из Юнаците: *1, 2* – без признаков пола; *3–8(?)* – женские изображения

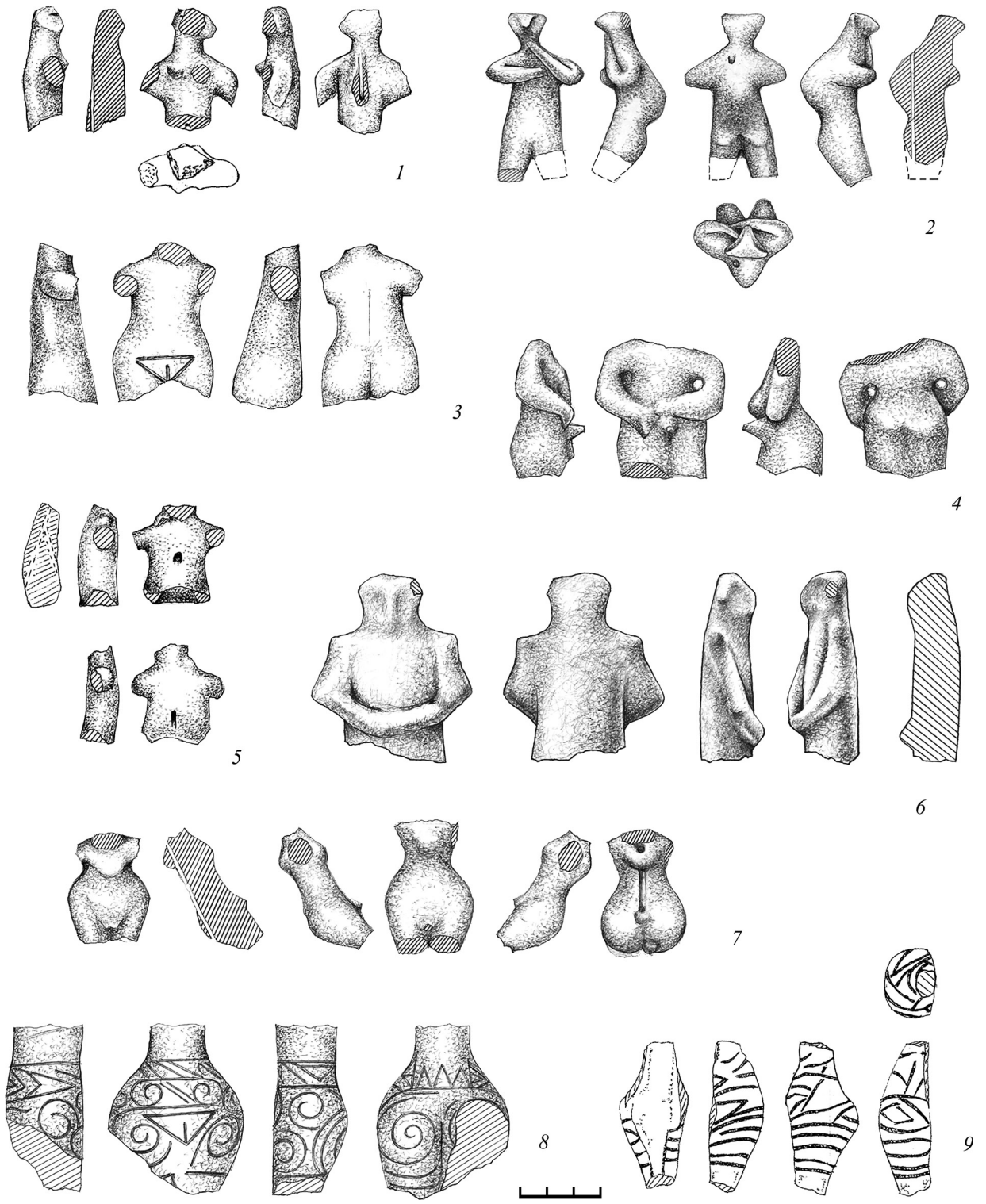


Рис. 2. Стоящие нагие фигурки из Юнаците: *1, 3, 8, 9* – женские; *2, 4, 6, 7(?)* – мужские; *5* – без признаков пола (сохр.)

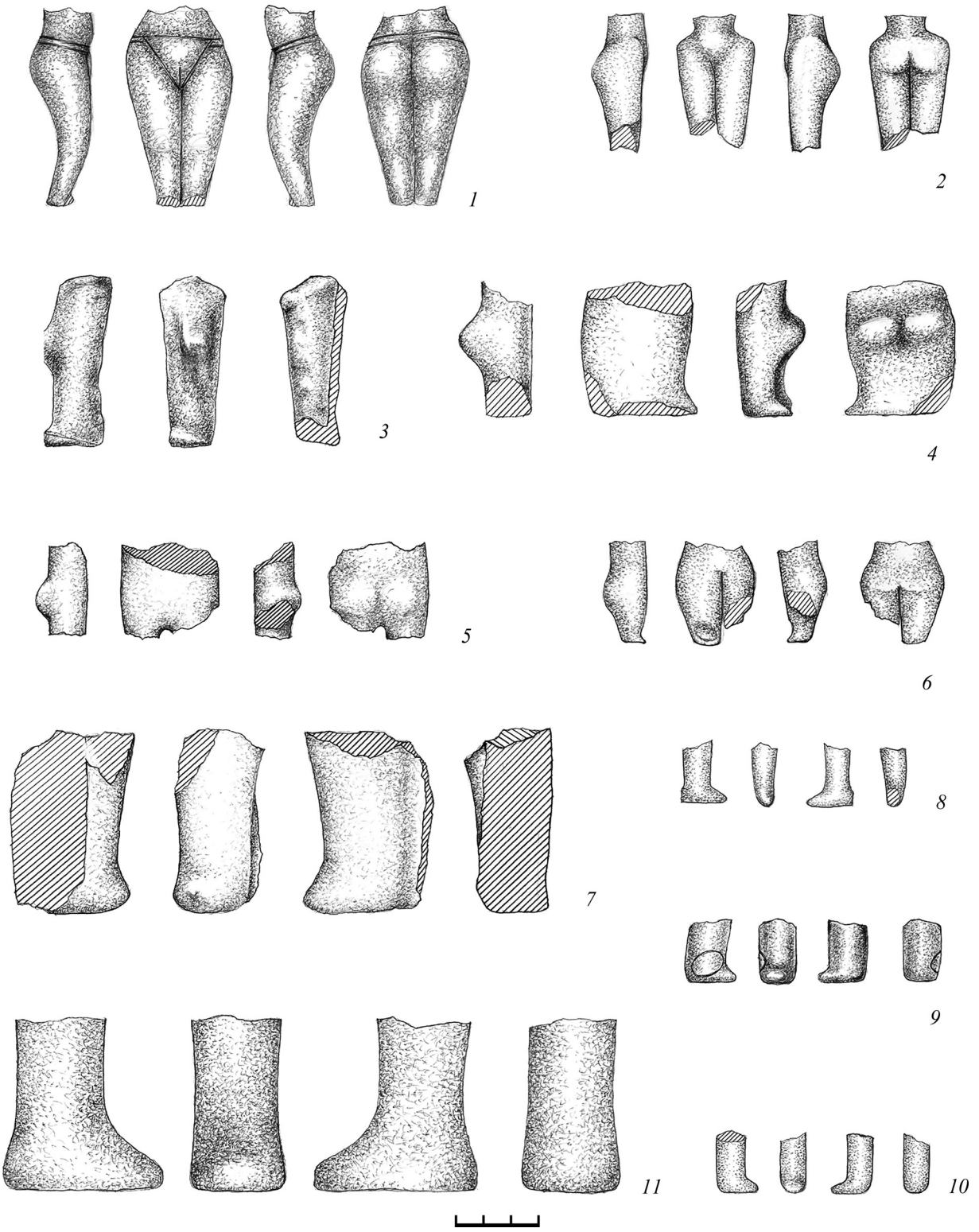


Рис. 3. Фрагментированные стоящие нагие фигурки из Юнаците (*1–11*)

фигурки КГК VI, сохранившейся от талии до конца бедра. Прочерченный орнамент на ней включает углы (?), ромбы при обводке самого бедра (рис. 2: *9*). Более ранняя статуэтка (Караново V) оказалась сохранной от талии до середины широких бедер (рис. 2: *8*). Ее ноги сзади разделены, а спереди нет. Ниже уровня талии фигурка покрыта графитной росписью (в несколько рядов), в которую спереди включен женский треугольник, разделенный внизу вертикальной чертой. Верхний уровень декора здесь – косые насечки и уголки вершинами вверх и почти горизонтально. Ниже сохранилось два уровня спиралей, соотносящихся с орнаментом сзади (встречные одинарные спирали по сторонам от женского треугольника и обратные тройные на ягодицах).

К Караново V принадлежат всего 2 статуэтки, попавшие в данную выборку: только что упомянутая и еще одна, тоже необычная, сохранившаяся от уровня шеи до верха бедер (рис. 1: *7*). Ее талия совсем не выражена, но есть груди, под которыми были соединены утраченные руки. Ноги раздельные, сомкнутые. Имеются два прочерченных женских треугольника – один спереди, второй сзади. Через середину спины близко к поверхности проведено сквозное осевое отверстие от границы шеи до промежности. Данная статуэтка несколько напоминает «бифасную» неолитическую пластику Юга Европы. Но у нее отчетливо моделированы обе стороны – передняя с грудью и задняя со спиной, правда, с женским треугольником вместо ягодиц.

Размеры обнаженных фигурок из-за фрагментарности и отсутствия большинства голов уточнить бывает трудно. Нередко приходится обходиться приведением рисунков к одному масштабу. Чтобы оценить соразмерность тех или иных элементов торсов и ног, Ст. Чохаджиев измерял высоту наиболее сохранных «одетых» фигурок (тоже частично утративших головы) от низа «подолов» до оснований шеи, то есть по плечи (*Чохаджиев*, 2004. С. 23)[3]. Этот же принцип вполне можно применить и к наиболее сохранным нагим статуэткам в вертикальной позиции. К сожалению, доступны измерению оказались лишь две из них – женская и без признаков пола. Их высота по плечи – 5,4 и 5,5 см. Но не будем забывать о довольно крупных фрагментах, имеющихся и в данной выборке, и среди отдельных голов от статуэток.

Можно отметить некоторые морфологические особенности обнаженных женских фигурок, принадлежащих верхнему горизонту халколита в Юнаците. Они в вертикальной позиции или с незначительным перегибом бедер. Есть обломки продольных половин, свидетельствующие о способе моделирования. Груди обозначены в большинстве случаев, причем они сделаны маленькими – это груди юных женщин. Животы не акцентированы.

Конструктивные детали в некоторых женских и мужских статуэтках, в частности осевые отверстия вдоль корпуса (рис. 1: *6, 7*; 2: *1, 2*), известные и у более ранних нагих фигурок (*Andreescu*, 2002. Pl. 9: *4*), могли бы служить как для фиксации на поверхности, так и для подвешивания.

Рассмотрим ***вторую совокупность*** **статуэток (*одетые*)**. Среди них есть две группы: без полостей снизу (рис. 4; 5: *1*) и с полостями (рис. 5: *2–6*; 6; 7: *1, 2, 4*; 8: *1–3*).

Одетые статуэтки без полостей снизу (10 экз.) не несут орнамента, при этом они разного размера, пропорции тоже вариативны вплоть до парциальности. Бывают изображены маленькие груди (рис. 4: *1–3, 5*).

Голова сохранилась лишь у одной миниатюрной фигурки – округлой формы, уплощенная, передана весьма лаконично. На лице отмечен только нос в виде вертикального защипа (рис. 4: *4*).

Все уцелевшие *руки* разведены в стороны. *Талия* иногда слегка намечена (рис. 4: *4*, *5*). У большинства статуэток обобщенно-конические или просто прямые бока, которые в отдельных случаях даже чуть сужаются к низу (рис. 4: *3*).

В группе есть фигурка с глубокой и достаточно широкой полостью сверху – от уровня плеч до середины туловища (рис. 4: *1*), назначение которой, весьма возможно, для крепления головы. На одном парциальном торсе можно отметить несквозное поперечное отверстие в спине, на уровне груди (рис. 4: *3*). На другом – подобное, но менее глубокое отверстие сохранилось спереди, на уровне талии (рис. 4: *5*). Также обращает на себя внимание изображение обобщенно антропоморфной формы, с уплощенными окончаниями рук и шеи (рис. 4: *6*). То есть в данном случае головы просто не было. На уровне необозначенной груди сделано сквозное горизонтальное отверстие.

У фигурок без полостей снизу высота по плечи варьирует от 3,5 до 7,7 см. Плоские или чуть вогнутые основания оказались слегка вытянутыми поперечно[4]. Данный промер тоже показывает двукратный размах вариаций от 2×2,3 см до 5,1×5,5 см.

---

[3] Второй промер – диаметр подола (там же) нам пригодится при рассмотрении «одетых» статуэток с полостями снизу.

[4] Вариации размеров сохранившихся оснований (в см.) таковы: 2×2,3; 2,7×3; 3×3,3; 4,2×4,3; 4×4,5; 5,1×5,5.

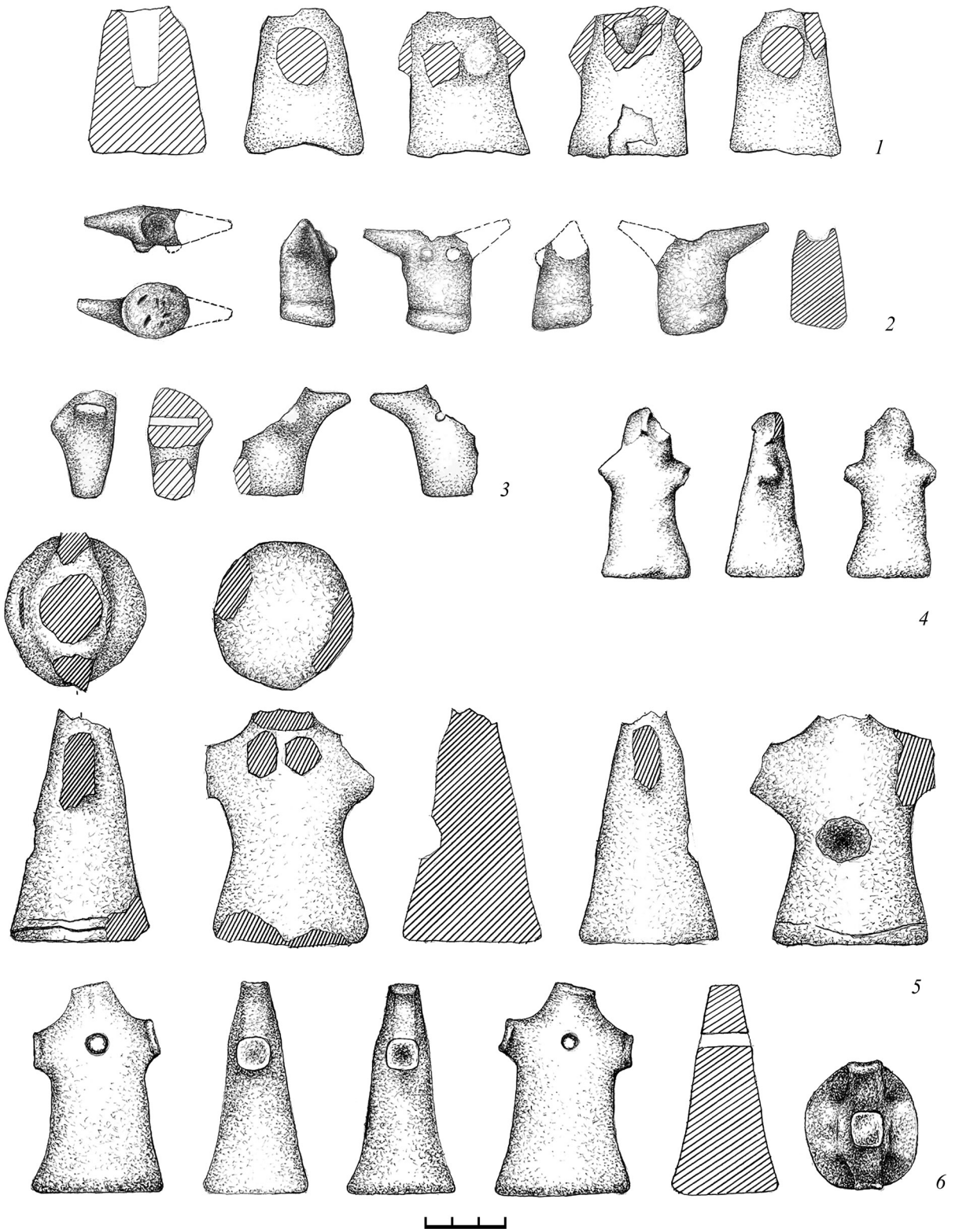


Рис. 4. Одетые фигурки без полостей снизу из Юнаците (*1, 2, 3, 5*) – женские статуэтки: *1* – статуэтка с полостью сверху, *3* – фигурка с узким несквозным отверстием в спине (на уровне груди), *5* – статуэтка с отверстием в животе, *6* – безголовая фигурка с горизонтальным сквозным отверстием на уровне груди

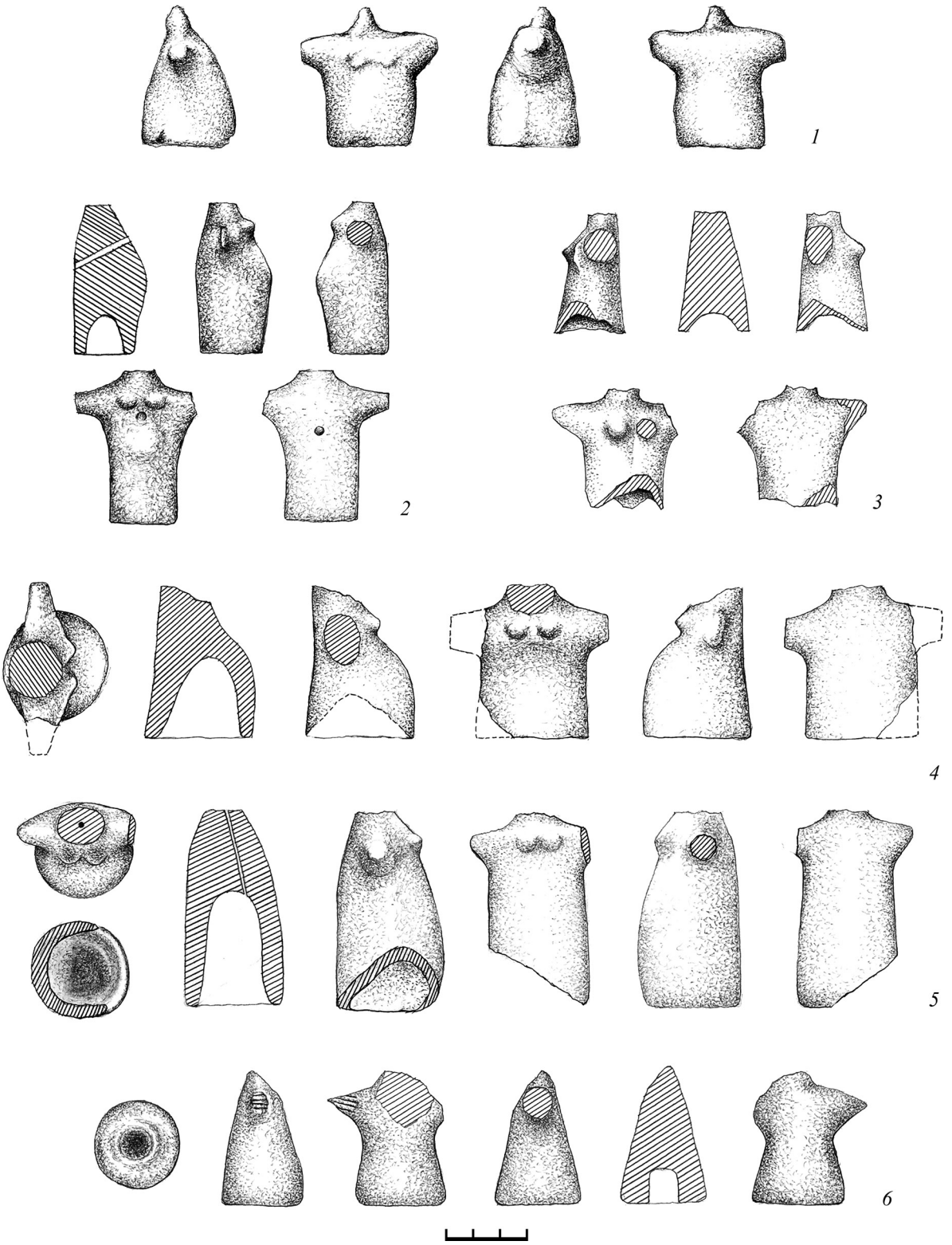


Рис. 5. Одетые женские фигурки из Юнаците. *1* – без полости снизу, *2–6* – с полостями снизу и без орнамента

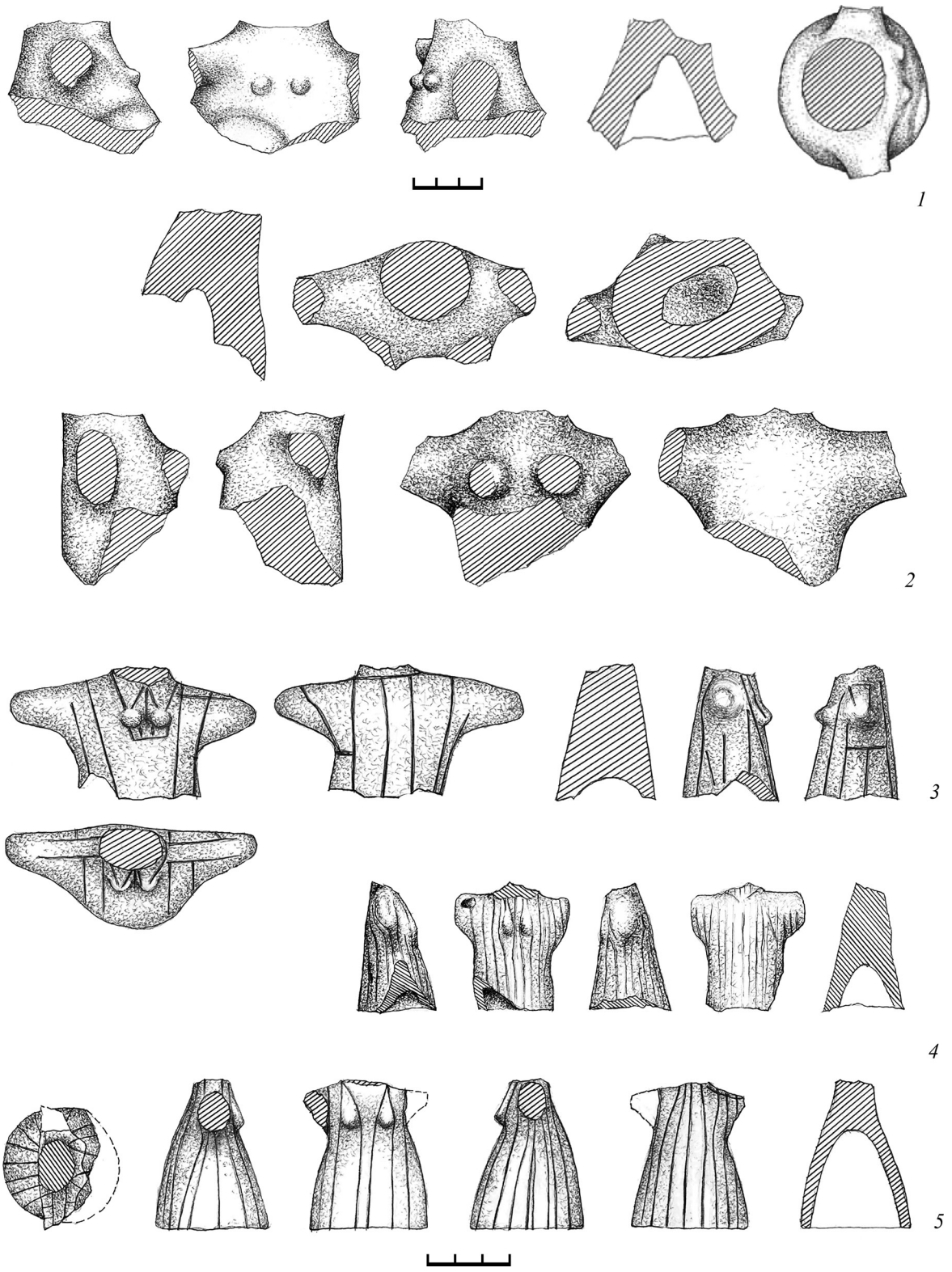


Рис. 6. Одетые женские фигурки с полостями снизу: *1, 2* – без орнамента, *3–6* – орнаментированные

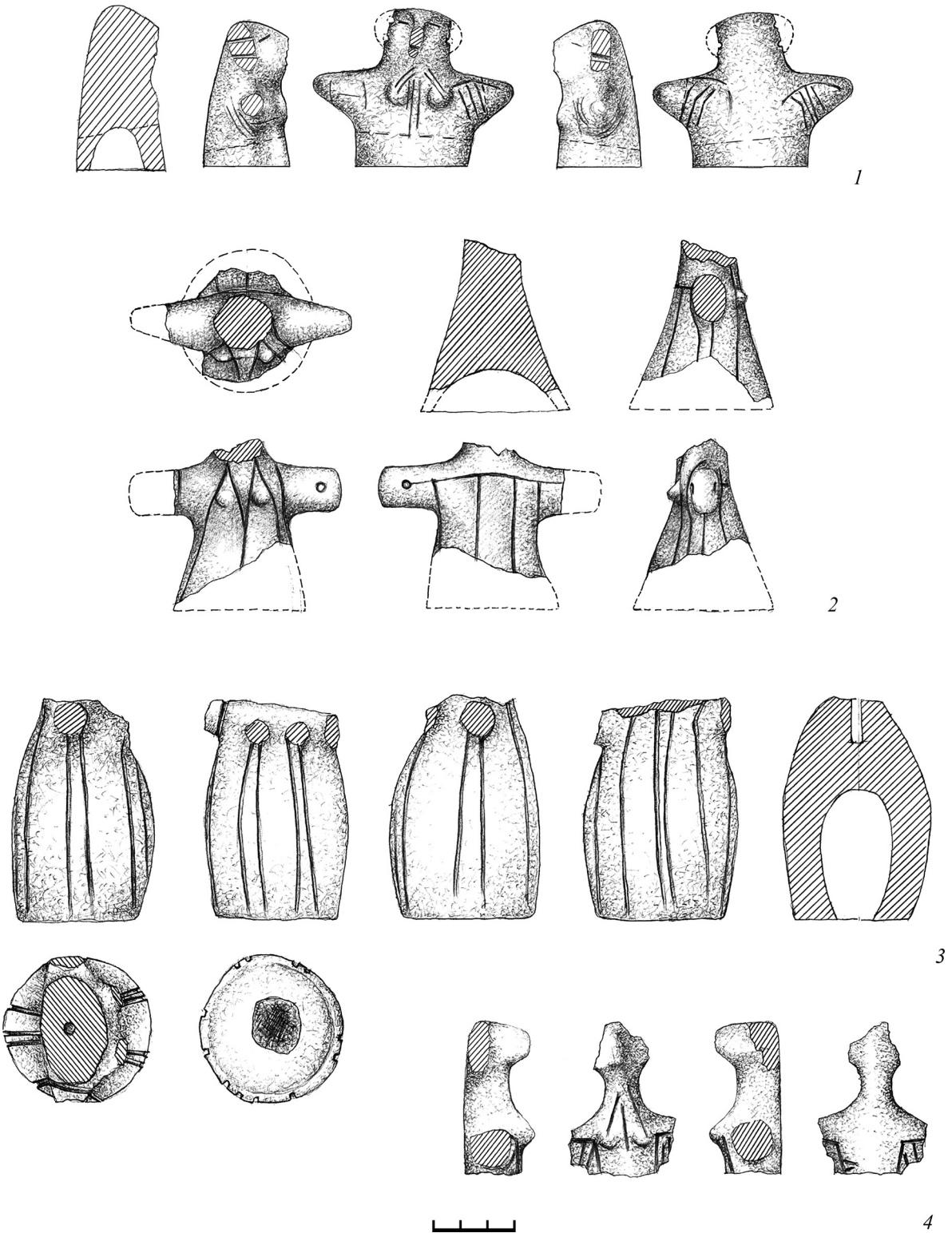


Рис. 7. Одетые орнаментированные женские изображения с полостями снизу из Юнаците: *1, 2, 4* – фигурки, *3* – погремушка

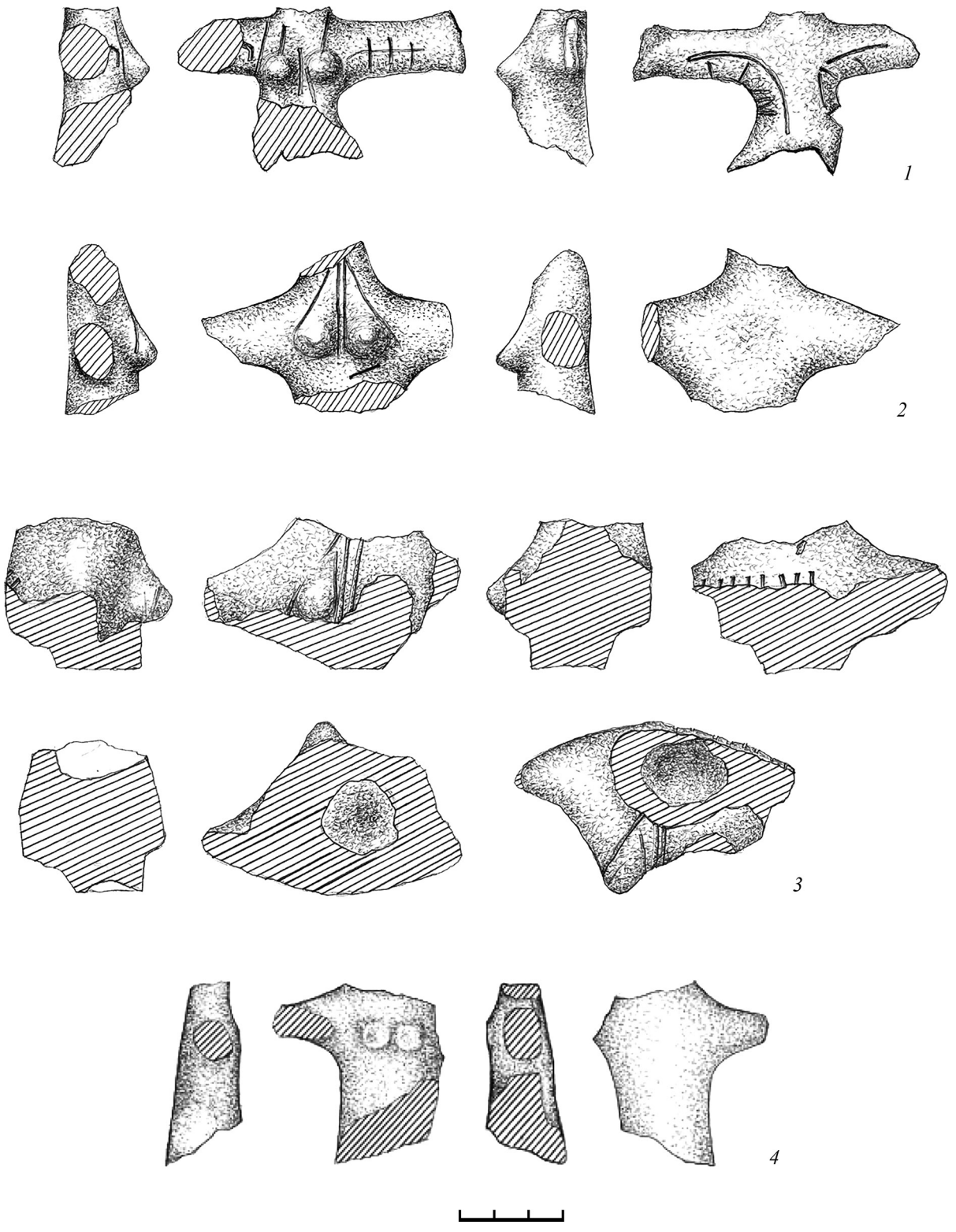


Рис. 8. Фрагменты женских одетых фигурок из Юнаците: *1–3* – орнаментированные с полостями снизу, *4* – без орнамента (?)

Статуэтки с полостями снизу бывают без орнамента и орнаментированные. Рассмотрим их по очереди.

Фигурки без орнамента – 12 экз. (рис. 5: *2–6*; 6: *1, 2*). Ни у одной из них *головы и шеи* не сохранились. Почти у всех обозначены маленькие *груди,* а *руки* разведены в стороны. Общий абрис одетых туловищ у большинства статуэток без раскосов внизу (рис. 5). В нескольких случаях, судя по *выступающим животам* (вид сбоку), обозначены разные стадии беременности (рис. 5: *2, 4, 5?*; 6: *1?*).

Полости снизу отличаются по форме и глубине, судя по разрезам, в ряде случаев имеют раскосы. У пары фигурок (сохранившихся лишь в верхней части) полости начинаются высоко (у одной почти от уровня шеи) и похожи на конические (рис. 6: *1, 2*). Встречено углубление снизу иной формы. Оно короткое и узкое, при этом у статуэтки слегка обозначена талия (во фронтальной проекции) (рис. 5: *6*).

Таким образом, у неорнаментированных фигурок полости снизу бывают разной глубины и формы, а общий абрис платьев вариативен – от слегка выделенной талии до отображения животов разного размера.

Конструктивные детали встречены лишь у двух статуэток с подчеркнутыми животами. У первой – это тонкое отверстие от шеи до верха полости, предположительно могло служить для крепления головы (рис. 5: *5*). У другой фигурки узкое отверстие проложено наискось из-под груди до середины спины (рис. 5: *2*). Его назначение пока остается неясным.

Среди полых статуэток без орнамента доступны измерению высоты и диаметров подолов всего четыре. Их высота по плечи колеблется от 4,3 до 6,3 см, а диаметры круглых подолов – от 2,3 до 4 см. У отдельных экземпляров промер высоты заметно превышает нижний диаметр, то есть фигурки выглядят высокими на относительно узком основании (рис. 5: *2, 5*).

Орнаментированных *статуэток с полостями* 15 экз. (рис. 6: *3–5*; 7; 8: *1–3*). Головы от них также есть в коллекции Юнаците, в частности, головка на широкой короткой шее и с частично сохранившимися отверстиями в ушах (рис. 7: *1*), а также верхняя часть фигурки с уплощенной *головой* с резко выступающим обобщенным носом и длинной узкой шеей (рис. 7: *4*). *Руки* фигурок разведены в стороны. Их окончания бывают уплощенными, закругленными или чуть заостренными. В уплощенных окончаниях рук можно встретить сквозные поперечные отверстия (рис. 7: *2*). У всех моделированы маленькие раздельные груди. Есть статуэтки со слабо выступающими животами (рис. 6: *3, 5* (?)), но в выборке можно отметить фигурки и с выделенной талией (рис. 7: *2*) иногда даже тонкой (рис. 8: *1, 2*). Наиболее сохранный подол раскошен (рис. 6: *5*).

Полости в орнаментированных фигурках (закругленно-конической формы) вариативны по глубине от достаточно глубоких почти из-под груди (рис. 6: *5)* до средних, с уровня несколько ниже талии (рис. 6: *3*, *4*). Одна фрагментированная статуэтка имеет полости сверху и снизу (рис. 8: *3*), что пока не находит аналогий, а ее конструкцию трудно уточнить из-за скромности сохранившегося фрагмента.

Получается, что две группы полых фигурок несколько различны морфологически. Те, что без орнамента, почти не имеют раскошенных платьев, но у них чаще указаны признаки беременности, более редкие и не столь очевидные у орнаментированных. Примечательно, что изображения в раскошенных платьях встречаются и на раннеземледельческой европейской керамике начиная с позднего неолита. Фрагмент сосуда с подобной фигурой был найден на рассматриваемом горизонте Юнаците (*Балабина*, 2023. Рис. 1).

Орнаментация. При общей стилистике прочерченный декор на каждой фигурке имеет некоторое своеобразие. К сожалению, из-за слабой сохранности полых орнаментированных изображений данные и о декоре оказались в той или иной степени утрачены, поэтому приходится описывать его, согласно степени представленности (даже по частям).

Обе сохранившиеся головы не орнаментированы (рис. 7: *1, 4*). На *шеях* декор часто присутствует спереди и в ряде случаев соотносится с орнаментом грудей. Так, на одной статуэтке от середины основания шеи на груди проведены симметрично уголком по две параллельные черты + пара вертикальных полос между ними почти до талии (рис. 7: *1*); в другом случае виден менее тщательный уголок из пары черточек от середины шеи: одна оканчивается на правой груди, а вторая – между грудями (рис. 7: *4*); в третьем – от середины основания шеи проведены симметричным уголком на груди по черточке + вертикальная черточка между грудями + две черты справа и слева от краев шеи к середине грудей, продолженные под ними и соединенные горизонтальной чертой (рис. 6: *3*). И наконец, от середины нижней трети (?) шеи проложен симметричный уголок из двух черточек, кончающихся снаружи у краев грудей + вертикальная пара черточек между грудями (рис. 8: *2*). Частичное воспроизведение той же схемы видно еще на нескольких предметах (рис. 8: *1*, *3*). Можно также отметить случаи нанесения орнамента на шее сзади – горизонтального обвода ее края (рис. 6: *3*) и косых черточек «мысиком» там же (рис. 6: *4*).

Орнамент на руках бывает связан с декором шеи и туловища или только шеи. При общности с декором подолов от шеи по плечам и верху рук бывают прочерчены парные полосы (рис. 6: *3, 5*), иногда они отмечены только сзади и несколько ниже (рис. 7: *2*; 8: *1*).

Если помимо шеи орнаментированы только руки, они бывают обведены снизу несколькими чертами, соотнесенными с полосами вдоль линии плеч спереди и сзади (рис. 7: *1*); на одной фрагментированной статуэтке с тонкой талией (рис. 8: *1*) декор сзади прочерчен дугами, идущими от середины рук и по бокам с поперечными редкими полосами + поперечные полосы на руках спереди. Возможно, похоже, но более угловато была орнаментирована еще одна статуэтка худшей сохранности (рис. 7: *4*).

Декор туловищ в платьях сохранился тоже на отдельных фигурках. Это продольные полосы, обходящие груди, но их композиции различаются (рис. 6: *3–5*; 7: *2*). Самый простой случай – частые равномерно распределенные по платью полосы (рис. 6: *4*); полосы более редкие, сзади равномерные, спереди попарно сближенные (рис. 6: *5*); редкие равномерные полосы сзади, спереди – по паре полос у оснований рук (рис. 6: *3*); сзади редкие равномерные, спереди расходящиеся от шеи два клина, соединенные в середине (рис. 7: *2*). То есть углубленная орнаментация вариативна с соблюдением основных тенденций, делающих прочерченные изображения на статуэтках не только сопоставимыми, но и похожими.

Уточнить размеры находок в большинстве случаев трудно из-за их фрагментарности. Приведение к одному масштабу показало, что величина орнаментированных статуэток различна. По имеющимся верхним частям видно, насколько одни массивнее других[5].

Близка к описанным орнаментированным фигуркам с полостями статуэтка-погремушка (рис. 7: *3*). У нее тоже обозначены маленькие груди, но иной абрис «платья», округло сужающегося книзу. Кроме того, сделано дно с небольшим отверстием в центре, через которое видна часть полости. Собственно полость в разрезе овальная и средней глубины.

У погремушки «платье» спереди образует округлый выступ, похожий на большой прикрытый одеждой живот. В центре отбитой шеи есть узкое, неглубокое вертикальное отверстие, скорее всего, следы крепления головы. Руки, к сожалению, утрачены. Орнаментация почти такая же, как на полых фигурках, – парные прочерченные полосы спускаются по платью. Сохранились обводные прочерченные линии вокруг плеч, далее продолжающиеся на подоле почти до края платья.

Эта погремушка – единственное полое изображение с достоверно сохранившейся высотой от низа до уровня плеч – 7,3–7,5 см; размеры не совсем круглого основания 4,2–4,3 см; наибольшая толщина одетого туловища (в профиль) – 5,2 см. Погремушки известны на разных памятниках КГК VI в Болгарии и Румынии. Правда, их устройство бывает и иным, как то: полые фигуры без отверстий (*Andreescu*, 2002. Pl. 15: *7*; 23: *4*; *Hansen*, 2007. T. 1. Abb. 124) или с отверстием сверху, что позволило сблизить их с антропоморфными сосудами (*Чохаджиев*, 2004. С. 23–24; Обр. 1: *11;* 13: *2*).

Заметно, что *одетые* статуэтки несколько более вариативны по сравнению с *нагими* как морфологически, так и конструктивно. У них возможны цилиндрические и усеченно-конические туловища без полостей снизу, а также усечено-конические туловища с полостями разной глубины и формы. При этом положение рук полых статуэток одинаково, а у нагих выявлено определенное разнообразие жестов. Сближает те и другие один общий жест – разведенные в стороны руки.

Узкие отверстия в шеях и верхних частях фигурок с полостями, скорее всего, следы крепления голов. Единичные поперечные отверстия есть и в обнаженных, и в полых изображениях. Известны они и в сидящих статуэтках того же горизонта Юнаците (*Мацанова, Терзийска-Игнатова*, 2014. Рис. 1: *5*). Об их функциях пока судить рано. А вот отсутствие длинных сквозных вертикальных отверстий в устойчивых одетых фигурках, может указывать на то, что и обнаженные должны были стоять, а не висеть. Такие отверстия отмечены и в некоторых сидящих статуэтках из Юнаците, не имеющих плотного крепления к стульчикам (*Мацанова, Терзийска-Игнатова*, 2014. Рис. 1: *8*).

Высоту по плечи удалось измерить всего у 14 статуэток финального горизонта халколита (из разных совокупностей и групп). Размеры их не противоречат друг другу. Если учесть все приведенные выше замеры, общий размах высоты будет варьировать от 3,5 до 7,7 см. Однако, судя по размерам отдельных голов, торсов и ног, а также фрагментов одетых туловищ, диапазон был шире в бóльшую сторону. То есть размерная вариативность стоящих фигурок была весьма заметной и превышала их выявленную двукратную изменчивость.

[5] К сожалению, удалось померить высоту одетого туловища и диаметры подолов лишь у двух реконструированных фигурок. Их высота от уровня плеч до края «юбки» примерно одинакова – 5,2 и 5,4 см. Восстановленные диаметры внизу тоже похожи – 4 и 4,6 см.

К сожалению, информация *о контексте* стоящих статуэток недостаточно полна. Они были зафиксированы как в контурах построек, так и за их пределами. Причем на полу постройки могли сочетаться одетые фигурки и нагие в разных позах. Много фрагментированной пластики встречено вне построек (на дневной поверхности поселения).

Среди материалов верхнего горизонта халколита на Юнаците стоящие антропоморфные статуэтки двух рассмотренных совокупностей представлены почти в равных количествах. Подобной информации для памятников КГК VI и Сэлкуцы известно немного. Отчасти потому, что стоящие фигурки в давних опубликованных коллекциях пластики не образуют заметных серий (иногда из-за малой площади раскопок). В каких-то случаях и публикации бывали выборочными. В целом общий рефрен напоминает о присутствии разных стоящих статуэток на большинстве синхронных памятников Болгарии, относимых к КГК VI, что справедливо и для Сэлкуцы III. Достаточно полно опубликована антропоморфная глиняная пластика из близких по времени горизонтов телля Смядово (*Миткова, Попов*, 2011)[6]. Стоящие обнаженные и «одетые» фигурки встречены тут тоже примерно в равных соотношениях, но тех и других заметно меньше, чем в верхнем горизонте халколита на Юнаците. Орнаментированные статуэтки в Смядово единичны (Там же. С. 76. Табл.). Но собственно типология стоящих фигурок несколько шире[7]. Один из типов стоящих обнаженных статуэток соответствует нагим фигуркам в Юнаците, но у большинства из них подчеркнуто выпуклые животы, указывающие на беременность (*Миткова, Попов*, 2011. Каталог. С. 35. № 18, 20; С. 96, таблица). Представлены единичные статуэтки с полостями снизу, но сами они другой формы (Там же. С. 39. № 43). Описываются и обобщенные цилиндрические изображения без полостей, но более узкие, чем в Юнаците, с горбиками в верхней части спины (*Миткова, Попов*, 2011. Каталог. С. 40–41, № 49, № 52). Поэтому целесообразно учитывать не только сходство материалов с разных памятников, но и их особенности[8].

Ст. Чохаджиев допускает, что отдельные статуэтки КГК VI с полостями снизу следует относить к погремушкам (*Чохаджиев*, 2004. С. 22. Обр. 1: *9*). На рассматриваемом горизонте Юнаците у единичных наиболее сохранных полых фигурок разрезы несколько отличаются от разреза погремушки (рис. 6: *5*; 7: *1, 4*). Поэтому здесь информации для такого обобщения пока недостаточно.

В Болгарии полые фигурки и погремушки встречены на памятниках КГК VI (*Чохаджиев*, 2004. С. 24). Если обратиться к материалам культуры Гумельница в Румынии, систематизированным Р. Р. Андрееску (*Andreescu*, 2002. Summary. P. 97–108), становится ясно, что на задунайских территориях полые статуэтки известны заметно раньше, начиная с Гумельницы А2, есть они и на памятниках фазы В1 (Op. cit. Pl. 13: *3, 5*; Pl. 23*: 1, 3*; Pl. 30: *1, 2*), бывают без орнамента и орнаментированные, те и другие нередко с подчеркнуто выпуклыми животами.

Наиболее сохранная в коллекции Юнаците *погремушка* (с выпуклым животом), в рамках классификации Р. Р. Андрееску, принадлежит отдельной категории стоящих изображений в платьях (*Andreescu*, 2002. Summary. P. 99).

Стоит отметить и особенности совокупностей пластики, представленных в сводке Р. Р. Андрееску. Среди нагих стоящих фигурок (с орнаментом и без него) встречены изображения с выпуклыми животами (Op. cit. Pl. 17: *2*; 25: *1, 5*). А руки у обнаженных и полых статуэток (Гумельница А2, В1) более вариативны по жестам (Op. cit. Pl. 13: *3, 5*; 16: *1*; 18: *2*; 23: *3*; 30: *4*), что неудивительно при рассмотрении столь широкой серии.

Одетые фигурки без полостей на рассматриваемом горизонте Юнаците имеют некоторое сходство и с более ранней пластикой балканского неолита, где в публикациях попадаются подобные статуэтки, но с обозначенными признаками пола, в том числе мужского (*Lazarovici G., Lazarovicci C.-M.*, 2014. Fig. 41*: 3*; *Vukovi*ć*, Peri*ć, 2014. Fig. 3*)*. Присутствующая в данной группе фигурка с глубокой и достаточно широкой полостью сверху тоже находит параллели в пластике региона более раннего времени. Так, в позднем неолите известны статуэтки-сосуды с обширными полостями с уровня плеч и почти до дна (*Dumitroaia et al.*, 2014. Fig. 5).

Если вернуться к пласту памятников КГК VI – Сэлкуца III, придется признать, что соотношение категорий и типов антропоморфных статуэток бывает разным, а вписываются они в более широкий культурный и хронологический контекст. Последний вывод подтверждают авторы, работавшие с более ранними материалами (*Pavúk, Bakamska*, 2018. P. 47). То есть закономерности, выявленные

[6] Здесь тоже преимущественно фрагментированный материал.

[7] Выделено два типа обнаженных изображений и два подтипа полых (*Миткова, Попов*, 2011. С. 11).

[8] Приходится иметь в виду и терминологические разночтения при описании весьма вариативных изображений.

для стоящих статуэток верхнего горизонта халколита на Юнаците, не находят полного соответствия ни в синхронных материалах, ни среди более ранних, но охваченных шире. Что очень близко наблюдениям С. Хансена об особенностях и очень узкой, почти точечной региональной спецификации антропоморфной пластики Юго-Восточной Европы (*Hansen*, 2007. P. 384–385).

Литература

Балабина В. И., 2020. Налепные головки на керамике последнего халколитического горизонта тепля Юнаците // КСИА. Вып. 258. С. 126–136.

Балабина В. И., 2021. Глиняные головы антропоморфных фигурок, найденные при раскопках верхнего горизонта халколита на телле Юнаците, Болгария // КСИА. Вып. 262. С. 156–168.

Балабина В. И., 2023. Две антропоморфные фигуры на керамике из телля Юнаците (энеолит) // КСИА. Вып. 269. С. 38–48.

Мацанова В., 1994. Кръстати идоли от селищната могила при с. Юнаците, община Пазарджик // Марица – Изток. Археологически проучвания. Т. II. София. С. 53–62.

Мацанова В., Терзийска-Игнатова Ст., 2014. Позднеэнеолитические сидячие антропоморфические керамические фигурки из телля Юнаците // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии: сб. к 90-летию и памяти Н. Я. Мерперта. М.: ИА РАН. С. 244–251.

Миткова Р., Попов Н., 2011. Къснохалколитна керамична антропоморфна пластика от селищна могила Смядово. Пловдив. 90 с.

Терзийска-Игнатова С., 2000. Къснохалколитни антропоморфни съдове и култови масички от селищната могила при Юнаците, Пазарджишко // Тракия и съседните райони през неолита и халколита. София. С. 113–120.

Терзийска-Игнатова С., 2002. Костени идоли от късния халколит на селищната могила при с. Юнаците (РБ) // Проблемы археологии Евразии: к 80-летию Н. Я. Мерперта. М. С. 259–270.

Терзийска-Игнатова С., 2008. Зооморфни амфисбени от селищната могила Юнаците // Праисторически проучвания в България: Нови предизвикателства. София. С. 178–183.

Чохаджиев Ст., 2004. За предназначението на някои женски антропоморфни фигури – хронологически индикатор на късния халколит // Епохи. № 3–4. С. 21–28.

Andreescu R. R., 2002. Plastica antropomorfa Gumelniteana. Analiza primara. Bucuresti. 120 p.: ill.

Dumitroaia G., Preoteasa C., Nicola C.-D., 2014. Some considerations on a certain type of anthropomorphic idol of the Precucuteni culture // Anthropomorphism and symbolic behavior in the Neolithic and Copper Age communities of South-Eastern Europe / Eds.: C.-E. Ursu, S. Țerna. Suceava: Editura Karl A. Romstorfer. P. 365–376. (Studies into South-East European Prehistory; I).

Hansen S., 2007. Bilder vom Menschen der Steinzeit. Untersuchungen zur anthropomorphen Plastik der Jungsteinzeit und Kupferzeit in Südosteuropa. Teil I. Text. Mainz: Philipp von Zabern. 539 S.

Lazarovici G., Lazarovici C.-M., 2014. About the great religious themes of Vinča culture // Anthropomorphism and symbolic behavior in the Neolithic and Copper Age communities of South-Eastern Europe / Eds.: C.-E. Ursu, S. Țerna. Suceava: Editura Karl A. Romstorfer. P. 187–248. (Studies into South-East European Prehistory; I).

Pavúk J., Bakamska A., 2018. Zur Typologie und Chronologie der neolithischen anthropomorphen Plastik auf dem Balkan // Volume of the International Symposium «The Image of Divinity in the Neolithic and Eneolithic. Ways of Communication» (Sibiu, the 26–28 of October 2017). Suceava: Editura Karl A. Romstorfer. P. 47–66.

Tersijska-Ignatova S., 2004. Late Chalcolithic Zoomorphic Figurines from Tell Yunatsite // Prehistoric Thrace / Eds.: V. Nikolov, P. Kalchev, K. Bachvarov. Sofia; Stara Zagora: Institute of Archaeology with Museum. P. 383–390.

Vuković J., Perić S., 2014. Male figurines from Pavlovac-Čukar, Southern Serbia // Anthropomorphism and symbolic behavior in the Neolithic and Copper Age communities of South-Eastern Europe / Eds.: C.-E. Ursu, S. Țerna. Suceava: Editura Karl A. Romstorfer. P. 249–274. (Studies into South-East European Prehistory; I).

Сведения об авторе

Балабина Вера Игоревна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия;
e-mail: balabina@mail.ru

Энеолит – бронзовый век: проблемы и материалы

https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-426-5.143-155

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ И СИНХРОНИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ПРОЦЕССА МЕСОПОТАМИИ И КАВКАЗА В ЭПОХУ НЕОЛИТА – РАННЕЙ БРОНЗЫ

Ш. Н. Амиров

Резюме. Предложено обобщение археологических материалов эпохи раннего – среднего голоцена, которые были собраны на обширных пространствах Западной Евразии от Месопотамии до Северного Кавказа. Это обобщение ставит целью синхронизацию достаточно удаленных друг от друга археологических источников и локальных периодизационных схем в виде единой и, насколько это позволяют современные данные, непротиворечивой системы.

Ключевые слова: «Плодородный полумесяц», Кавказ, климатические флуктуации голоцена, халафская культура, убейдская культура, поздний халколит, Ниневия 5, шулавери-шомутепинская культура, чохская неолитическая культура, культура Сиони, лейлатепинская культура, куро-аракская культурная общность, великентская культура, майкопская культура, новосвободненская культура, Марткопи, Бедени, новотитаровская культура.

К сожалению, использование абсолютного датирования на основе наиболее широко применяемого в настоящее время для древностей периода голоцена радиокарбонного метода не является общим знаменателем для решения задач построения единой периодизации культурного процесса. Если для формирования тематически и географически ограниченных периодизаций этот метод еще как-то приемлем, то при создании значительных пространственно-временных схем заложенные в его основе погрешности делают его мало валидным и противоречивым.

Традиционные для археологического исследования типологический и стратиграфический методы потенциально обладают значительно большими возможностями для объективной и проверяемой синхронизации материалов в системе координат относительного датирования. Эта возможность реализуется при наличии количественной оценки объективно выделяемых типологических групп массового материала.

Культурный процесс поздней первобытности – ранней цивилизации, приходящийся на эпоху раннего – среднего голоцена, в большей мере, чем в другие исторические периоды, связан с единым ритмом планетарных климатических флуктуаций, которые особенно наглядно прослежены в аридном поясе субтропического и умеренного климатов Северного полушария. В силу этого шкала климатических флуктуаций создает надежные, хотя и широкие рамки для генеральной синхронизации материалов достаточно удаленных географически археологических культур и их этапов (*Issar, Zohar*, 2007; *Mayewski et al*., 2004. P. 243–255; *Robinson et al*., 2006. P. 1517–1541).

Более узким синхронизирующим признаком является распространение объектов материальной культуры и культурных навыков за пределы собственной ойкумены. На территории Месопотамии и сопредельных с ней стран наличие достаточно удаленных торгово-обменных связей фиксируется с эпохи докерамического неолита, а начиная с эпохи керамического неолита и позднее, в эпоху палеометалла, приобретает характер системных и значительно более удаленных связей, чем в предшествующее время (*Мунчаев, Амиров*, 2018а. С. 9–22; 2018б. С. 5–16; *Амиров*, 2019). Таким образом, распространение надежно датируемых импортов и культурных новаций бесспорной этиологии обладает объективными синхронизирующими признаками. Датирующие признаки распространяются через культуры-медиаторы, которые являются одновременно реципиентами и ретрансляторами. Через их посредство объекты материальной культуры и культурные навыки распространяются на территории, непосредственно не связанные с культурной метрополией.

Если говорить о палеоклиматической шкале, то для анализа флуктуаций климата эпохи голоцена существует множество как естественнонаучных, так и антропогенных источников. Антропогенные

источники для исследования этого вопроса имеют исключительно важное значение, не только потому, что они заполняют все хронологическое пространство голоцена, но также потому, что они крайне чувствительны к изменениям климата и опираются на независимую методику датирования. Для Переднего Востока с начала – середины III тыс. до н. э. появляется возможность достаточно точного датирования культурного слоя археологических памятников при условии обнаружения письменных документов[1]. Причем географическое распространение письменной культуры, исходно возникшей в Шумере, происходит достаточно быстро и в течение второй половины III тыс. до н. э. уже выходит за границы Великой Месопотамской равнины. Однако для бесписьменных культур этого региона также существует возможность датирования материала, сопоставимая с точностью датировки исторических источников. Такую возможность дает типологический метод и количественная оценка вариабельности массового материала, которая позволяет строить максимально дробные схемы относительной хронологии. Условием степени подробности относительной датировки являются наличие достаточной массовости однородного материала и мощность культурного слоя, позволяющая исследовать распределение этого материала во времени. Мощность культурных отложений отдельных памятников в Месопотамии может достигать 40 м. В конечном счете типологический метод археологии позволяет датировать климатические флуктуации с большей точностью, чем любые естественнонаучные методы, которые неизбежно апеллируют к С-14 (*Амиров*, 2018а. С. 173–193). Для некоторых памятников отдельных периодов такие колонки, основанные на количественном анализе морфологии массовой керамики, уже построены: для халафской культуры на примере Ярым-Тепе 2 (*Amirov, Deopeak*, 1997. P. 65–85; *Амиров*, 2007. С. 465–472; *Amirov*, 2018. P. 15–23) и для культуры Ниневия 5 на основании анализа материалов из Телль Хазна 1 (*Мунчаев и др*., 2004; *Амиров*, 2010). Созданные для этих памятников периодизации предлагают дифференцировать хронологические интервалы длиной менее 50–40 лет. Для остальных бесписьменных культур Месопотамии мы имеем более общие временные оценки. Но в настоящее время мы по меньшей мере совершенно определенно знаем относительное положение археологических культур этого региона по отношению друг к другу и для ряда археологических культур можем выделять генерализованные этапы развития (*Амиров*, 2018а. С. 173–179).

Также следует отметить, что, помимо датирования через количественную оценку распределения массового материала в культурных слоях долговременно бытовавших памятников, археологические слои также хранят множество признаков климатических флуктуаций, которые позволяют синхронизировать географически достаточно удаленные материалы. Соответственно, условием для археологического исследования климатических флуктуаций эпохи голоцена является долговременное накопление культурного слоя, который формируется в результате оседлого образа жизни или образа жизни, близкого к оседлому. Оседлый образ жизни на Переднем Востоке возникает в начале голоцена, в эпоху эпипалеолита и связан с интенсивным собирательством. Отдельные поселения этого периода известны в зоне естественного произрастания растений, используемых в качестве пищи (злаковые, бобовые, орехи и др.), на холмистых отрогах в поясе, обрамляющем Великую Месопотамскую равнину. Они известны в Левантийском регионе, в районе Урфы и в Загросских горах (см., напр.: *Schmidt*, 2012; *Asouti*, 2017. P. 21–43; *Willcox*, 2013. P. 39–40; *Willcox et al*., 2008. P. 313–325; *Riehl et al*., 2013. P. 65–67). Но массовый характер оседлые поселения приобретают с появлением нового хозяйственного уклада производящей экономики, связанной с агрокультивацией (см., напр.: *Braidwood et al*., 1960; *Hole et al*., 1969; *Bar-Yosef, Belfer-Cohen*, 1989. P. 447–498; *Bar-Yosef, Meadow*, 1995; The Neolithisation of Iran…, 2013; *Darabi et al*., 2019. P. 44–56 и др.).

С появлением агрокультивации сообщества людей отрываются от локусов естественного произрастания диких пищевых растений и распространяют их в широком поясе степной зоны Месопотамии, потенциально пригодном для земледелия, то есть в полосе достаточного для культивации дождевания. Эта полоса с легкой руки Джеймса Генри Брэстеда получила с начала XX века н. э. название «Полумесяца плодородных земель» (*Breasted*, 1906–1907).

В целом природным фоном первичных очагов неолитической революции на планете Земля является узкая полоса субтропиков Евразии, в рамках которого выделяется два локуса первичной доместикации Юго-Западной и Юго-Восточной Азии. Помимо широтного положения в рамках южного пояса субтропиков Северного полушария, регионы первичной

[1] Для второй половины III тыс. до н. э. датирование происходит с точностью до нескольких десятилетий.

доместикации отличают дополнительные качества. Физико-географические особенности Западно-Азиатского очага неолитической революции определены орографией гор Леванта Тавра и Загроса, которые сформировались в результате движения Аравийской платформы в северном направлении. Эти горы определили особенности климата региона в рамках субтропического пояса Евразии, дискретно разделив сочетание влажного средиземноморский климата, связанного с Атлантикой, и сухого климата Аравийской пустыни. Именно эти сочетания климатов и их флуктуации создали парадигмы развития культуры, связанной с понятием «плодородный полумесяц»[2].

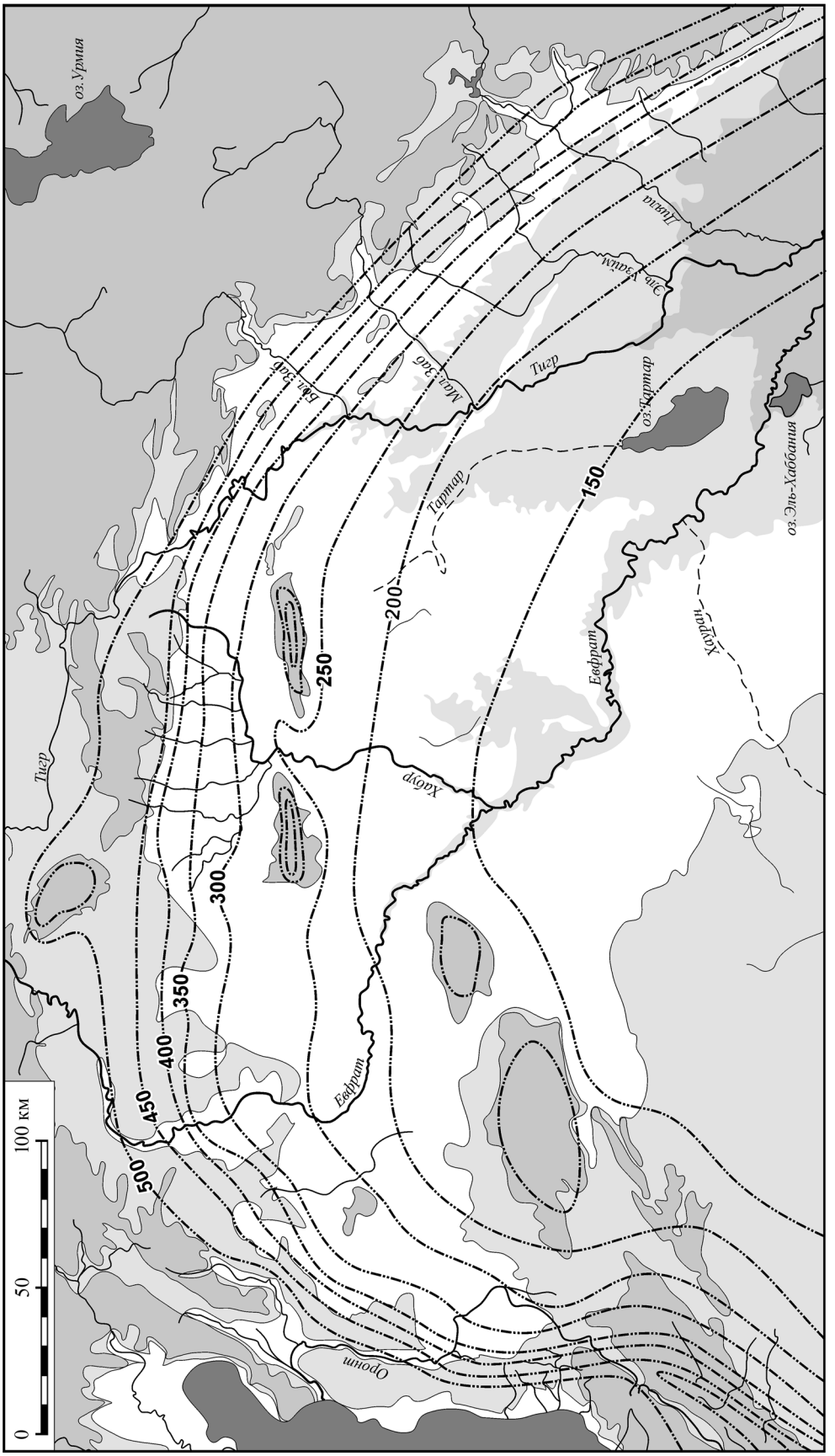
Собственно «полумесяц плодородных земель» – это полоса естественного дождевания шириной примерно от 30–40 км в южной части до 100–150 км в северной части Месопотамии, где выпадает количество атмосферных осадков, достаточное для неполивного земледелия (Карта 1). Наибольшее число осадков в поясе «плодородного полумесяца» приходится на районы, расположенные в непосредственной близости от гор, обрамляющих Месопотамскую равнину. Например, в подгорной зоне Тавра фиксируется до 550 мм годовых осадков. По мере удаления от гор в сторону равнины количество атмосферных осадков постепенно уменьшается примерно до 100 мм. Неполивное земледелие возможно здесь в полосе выпадения до 250 мм осадков, но гарантированный ежегодный урожай собирают в интервале от 300 мм годовых осадков и выше. Поэтому в историческое время, и в особенности в первобытности, пояс культивации растений «плодородного полумесяца» (и, соответственно, оседлого образа жизни) был всегда ограничен линией изойет примерно в 300 мм годовых осадков. Территории Месопотамской равнины, расположенные в зоне выпадения менее 300 мм годовых осадков, исторически имели хозяйственный уклад, связанный либо со скотоводством, либо с охотой на диких животных. Земледелие в Месопотамии вне полосы «плодородного полумесяца» исторически было возможно только непосредственно вблизи русел рек и при наличии ирригации. Многочисленные работы палеогеографов и археологов, включая наши собственные (см., напр.: *Weiss et al*, 1993; *Weniger et al*., 2009; *Бадер*, 2008. С. 310–319; *Амиров*, 2010; 2018а и др.), убедительно показывают, что распределение осадков в поясе «плодородного полумесяца» было не статической, но динамической величиной. То есть, другими словами, площадь «полумесяца плодородных земель» в гумидные периоды становилась шире, чем это фиксируют современные линии изойет, а в более аридные периоды сжималась в размерах по сравнению с современностью. Более того, исследования палеоклимата говорят о том, что флуктуации площади «полумесяца плодородных земель» концентрированно отражают единый ритм колебаний увлажненности и аридизации в обширной полосе умеренной, субтропической и тропической зон Северного полушария в эпоху голоцена (*Амиров*, 2014. С. 3–17; 2018б).

Таким образом, распределение разновременных археологических памятников Месопотамской равнины документирует жесткую зависимость между климатическими колебаниями и расселением сообществ людей с момента возникновения производящей экономики, которая в Ближневосточном очаге «неолитической революции» связана прежде всего с культивацией зерновых культур.

В течение раннего – среднего голоцена (X–III тыс. до н. э.) Месопотамская равнина и сопредельные с ней территории были основной культурной метрополией для значительных пространств Западной Евразии. При этом, если земли «плодородного полумесяца» сыграли ведущую роль в распространении культурных навыков «неолитической революции», то аллювиальная Месопотамия была центром распространения достижений эпохи ранней цивилизации за пределы собственной ойкумены. Распространение важнейших культурных достижений и системной организации общества за пределы очагов их первичного происхождения приходится на два достаточно протяженных цикла максимальной гумидности климата, известных как атлантический оптимум голоцена. Если максимально широкое распространение культурных достижений производящей экономики приходится на VI тыс. до н. э., то распространение достижений эпохи первичного становления цивилизации – на IV тыс. до н. э. (*Амиров*, 2018а. С. 173–193).

Основным механизмом распространения культурных достижений за пределы Месопотамии были торгово-обменные процессы с регионами, обладавшими необходимыми сырьевыми ресурсами. Для эпохи неолита это прежде всего обсидиан, начиная с эпохи халколита это металлическое сырье. Также

[2] Вероятно, определенную роль в первичном становлении производящей экономики также сыграло наличие в Левантийском регионе рифтового разлома эль Гхаб, в непосредственной близости к которому фиксируются наиболее ранние эксперименты с доместикацией растений и животных.



Карта 1. «Полумесяц плодородных земель» Месопотамской равнины

следует отметить, что с эпохи позднего халколита и в эпоху ранней бронзы нам известны примеры значительных популяционных миграций за пределы Месопотамской равнины, которые могут быть связаны, с одной стороны, как с избыточным демографическим давлением в IV тыс. до н. э., так и с аридизацией климата III тыс. до н. э.

Наблюдения, сделанные над распределением разновременных археологических памятников в разных районах «плодородного полумесяца», а именно – в Джезире и Южном Леванте, дают очевидный пример синхронных климатических флуктуаций на Переднем Востоке в эпоху раннего – среднего голоцена. Первое широкое пространственное освоение Месопотамской равнины культурами докерамического неолита B (PPNB) и несколько позднее подгорной равнины Загроса в Хузистане (фаза Бус Морде) на протяжении VIII тыс. до н. э. завершается на фоне иссушения климата в течение второй половины VII тыс. до н. э. (судя по всему, не очень протяженного) и сменяется широким освоением Месопотамской равнины носителями культуры протохассунской керамики (*Мунчаев, Мерперт*, 1981; *Бадер*, 1989; *Мунчаев и др*., 1993. С. 25–42). Для периода хассунской и синхронной ей в Палестине ярмукской культуры можно отметить исключительную влажность климата, что выразилось в расселении носителей хассунской культуры в экстремально засушливом поясе Северной Месопотамии и подтверждают многочисленные свидетельства проливных дождей и селевых потоков в зоне расселения ярмукской культуры (напр.: *Rollefson*, 2009, P. 12–18). Завершают свое существование обе культуры в ходе общего цикла резкого иссушения климата ближе к середине VI тыс. до н. э. Также мы можем отметить короткий временной перерыв между хассунской и ярмукской культурами и, соответственно, сменившими их культурами Халаф и Вади Раббах. Для времени бытования этих культур во всем регионе «плодородного полумесяца» характерно умеренное увлажнение, сопоставимое с современным распределением осадков. Обе эти культуры завершают свое существование примерно одновременно, но не резко в начале первой трети V тыс. до н. э. На ограниченном количестве поселений в обоих регионах сохраняется преемственность и аккультурация под сильным североубейдским влиянием. Происходит оформление длительно и непрерывно существовавших культур эпохи халколита. В Месопотамии отмечен непрерывный переход от культуры Северный Убейд к культуре позднего халколита Северной Месопотамии, испытавшей сильное влияние шумерской цивилизации. В Палестине в это время оформляется гхассульская культура эпохи халколита (Беершева-Гхассул), которая сохраняет некоторые элементы преемственности с культурой Вади Раббах эпохи позднего неолита (*Rosenberg et al*., 2014. P. 148–76). Культуры эпохи халколита Палестины также находятся под влиянием Месопотамии. В Палестине отмечено затухание культуры в результате двух циклов иссушения климата в конце IV тыс. до н. э. В Северной Месопотамии аридный цикл этого времени документирован прерыванием связей с Южной Месопотамией и оформлением с начала III тыс. до н. э. самостоятельной культуры Восточной Джезиры, известной как Ниневия 5 (*Амиров*, 2010). В 28–27 вв. до н. э. в полосе «плодородного полумесяца» начинается длительный и устойчивый цикл аридизации климата (*Amirov*, 2014. P. 323–334). Для середины III тыс. до н. э. в Палестине и Северной Месопотамии отмечено смещение зоны оседлости в сторону более увлажненных регионов. В это время прекращают существование культуры периода Ранней Бронзы II в Палестине и Ниневия 5 в восточной Джезире. В то же время во второй половине III тыс. до н. э. фиксируется начало масштабного городского строительства (*Amirov*, 2020. P. 295–301). В последней трети III тыс. до н. э. в обоих регионах зафиксированы следы климатического коллапса и военных столкновений (*Ristvet, Weiss*, 2005. P. 1–25; *Амиров*, 2018а. С. 173–193).

Первые свидетельства распространения материальной культуры Северной Месопотамии в Закавказье относятся к завершающему этапу эпохи керамического неолита. В это время на памятниках шулавери-шомутепинской культуры, расположенных вдоль среднего течения Аракса, были обнаружены импорты халафской керамики. С учетом того, что халафские керамические импорты и подражания им известны в районе озера Ван, их наличие на относительно недалеко расположенных памятниках долины Аракса не выглядит удивительным. Импорты халафской керамики были обнаружены в разновременных отложениях культурного слоя Нахичеванского Кюль-Тепе. Время существования этого памятника может быть датировано развитым-поздним этапом автохтонной культуры шулавери-шомутепинского круга. Соответственно, отмеченные импорты позволяют синхронизировать средний-поздний этап существования этой культуры или ее дериватов со временем бытования относительно раннего-среднего этапа халафской культуры Северной Месопотамии. С другой стороны, в этом же регионе на памятниках финального этапа бытования этой культуры, таких как Нахичеван-тепе и Годедзор, известны сосуды

с орнаментом, характерным для убейдской керамики. Таким образом, время бытования памятников развитого – позднего этапов культуры шулавери-шомутепинского круга одновременно времени существования халафской и убейдской культур Северной Месопотамии. В то же время наиболее ранний этап шулавери-шомутепинской культуры исследован на памятниках, близких к долине среднего течения Куры. К числу памятников раннего-среднего этапа этой культуры относятся поселения, изученные в Нижней Картли, типа Арухло, Храмис-Дидигора, Шулаверис-гора и др. Наиболее ранним из известных в настоящее время памятников шулавери-шомутепинской культуры является Эльхаманлы-тепе (*Nishiaki et al*., 2015. P. 1–28), время бытования которого может быть датировано рубежом VII–VI тыс. до н. э. Хотя у нас нет материальных свидетельств для синхронизации наиболее раннего этапа шулавери-шомутепинской культуры с материалами Северной Месопотамии, он очевидно одновременен второй половине времени бытования хассунской культуры. В таком случае время существование этой культуры охватывает длительный период от конца VII до первой половины V тыс. до н. э.

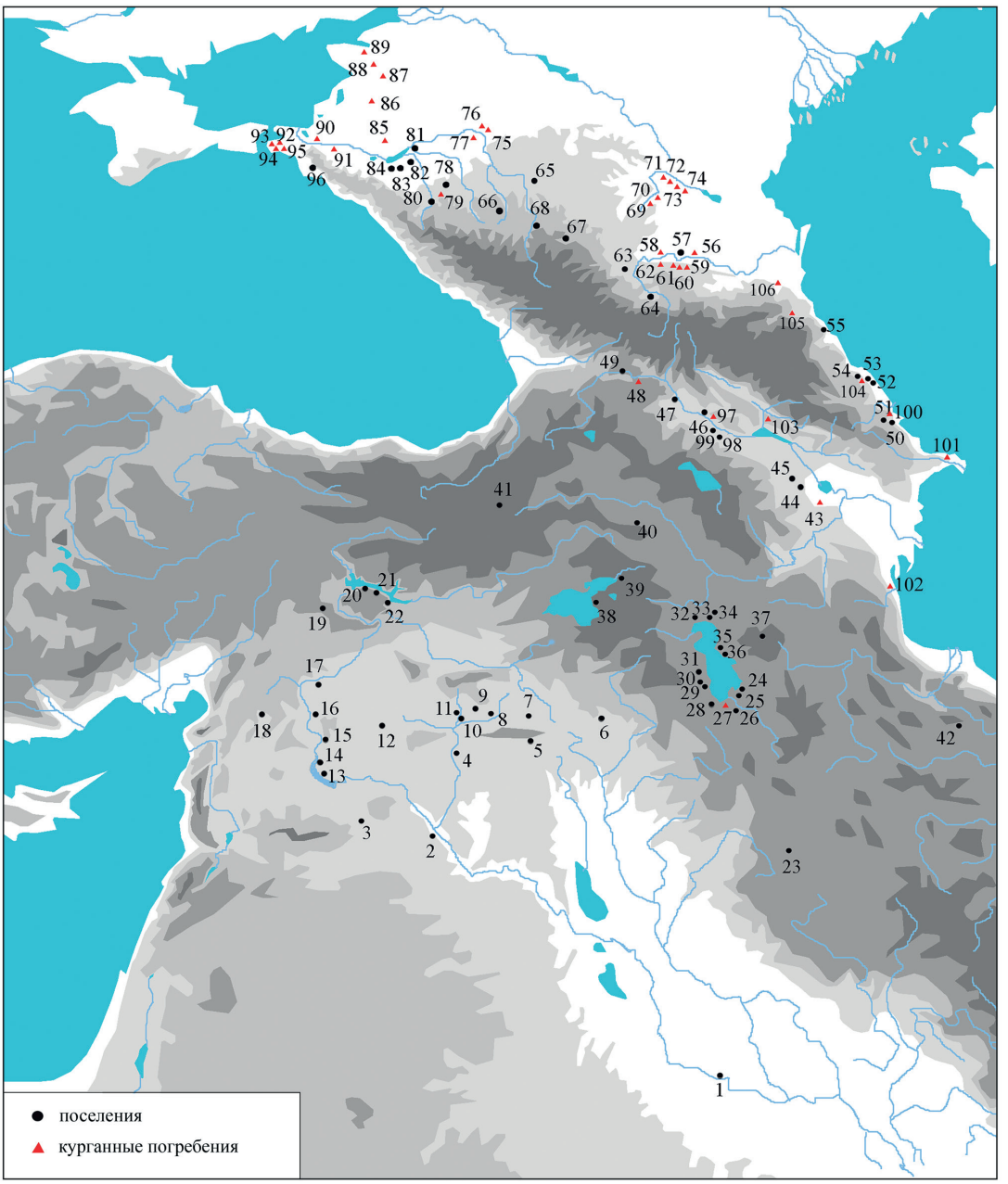
Следует отметить, что шулавери-шомутепинская культура Закавказья – это древнейшая культура региона с производящей экономикой. Ее носители имели достаточно широкие обменные контакты за пределами своей этнической территории. Самым северным, известным в настоящем местом, которого достигали культурные контакты шулавери-шомутепинской культуры, является Внутренний Дагестан. Керамика из неолитического слоя Чохского поселения демонстрирует морфологическую близость с наиболее ранней керамикой шулавери-шомутепинской культуры. Эта керамика либо является импортом, либо была изготовлена на месте под культурным влиянием Закавказья. При этом следует отметить, что культурное влияние Закавказья касается только производства керамической посуды. Все остальные признаки «неолитической революции» – от орудий до свидетельств наличия оседлого образа жизни и производящей экономики, известные как неолитический пакет, имеют документированное автохтонное происхождение, прослеженное стратиграфически в культурном слое Чохского поселения (*Амирханов*, 1987; *Амиров*, 2018б. С. 47–66). Неолитический слой Чохского поселения датируется рубежом VII–VI тыс. до н. э. К сожалению, Чохское поселение до настоящего времени является единственным известным неолитическим памятником Нагорного Дагестана. Мы не можем пока охарактеризовать полноценно пространственные и временные рамки бытования этой культуры. Тем не менее не вызывает сомнения, что во Внутреннем Дагестане, несмотря на плохую сохранность памятников раннего – среднего голоцена, должны быть обнаружены местонахождения, отражающие более поздние этапы развития чохской неолитической культуры.

Памятники шулавери-шомутепинской культуры эпохи неолита – раннего халколита, широко распространенные на подгорной равнине Восточного Кавказа, прекращают свое существование около середины V тыс. до н. э., и, судя по всему, это связано с климатическим коллапсом середины – последней трети V тыс. до н. э., отмеченным в Северной Месопотамии в конце убейдского периода. Однако ряд признаков говорит о том, что носители этой культуры не растворились бесследно, но, изменив хозяйственный уклад и образ жизни, переместились в зону предгорий Малого Кавказа и южных склонов Большого Кавказа. В результате этой культурной трансформации складывается раннехалколитическая культура Сиони[3].

Новый этап культурных контактов Северной Месопотамии и Закавказья отмечен в эпоху позднего халколита. Примерно со второй четверти IV тыс. до н. э. (Late Chalcolithic – LC 2) фиксируется физическая миграция носителей северомесопотамской культуры в Восточное Закавказье. Учитывая тот факт, что длительное время после коллапса неолитической культуры степная зона Закавказья была довольно слабо населена, а по своим физико-географическим условиям она исключительно напоминает степи Северной Месопотамии, этот район представлял собой большие потенциальные возможности для миграции в близкую с точки зрения климата и ландшафта зону избыточного населения, принадлежащего месопотамскому культурному кругу.

В степной зоне вдоль течения Аракса земледельческие памятники IV тыс. до н. э. исключительно многочисленны. Они известны не только в Мильско-Карабахской степи (Лейла-Тепе, Агылыдере, Абдал Азиз-Тепе, Чинар-Тепе), Муганской степи (Полу-Тепе, Мишарчай VI, Алхан-Тепе), но и на поселениях, расположенных севернее, вдоль течения Куры, как поселения Беюк Кесик, Ментеш-Тепе (халколитический слой), так и выше вдоль долины среднего течения Куры (Карта 2). В целом в настоя-

[3] Название Сиони-Цопи приемлемо для позднего этапа этой культуры эпохи позднего халколита.



Карта 2. Памятники Месопотамии и Кавказа IV – первой половины III тыс. до н. э.
1– Урук (Варка); *2* – Крайа; *3* – эль-Коум; *4* – Умм-Ксейр; *5* – Грай-Реш; *6* – Тепе-Гавра; *7* – Телль Хава; *8* – Хамукар; *9* – Телль Лейлан; *10* – Телль Брак; *11* – Телль Хазна; *12* – Хамам эт-Туркман; *13* – Хабуба Кабира; *14* – Шейх Хассан; *15* – Косак Шимали; *16* – Хаджинеби; *17* – Курбан Хююк; *18* – Ойлюм Хююк; *19* – Арслантепе; *20* – Норшунтепе; *21* – Тепечик; *22* – Тюлинтепе; *23* – Годин Тепе; *24* – Гел Тепе; *25* – Таш Тепе; *26* – Саин Кале; *27* – Се Гирдан; *28* – Хасан Абад; *29* – Хасан Тепе; *30* – Калечик; *31* – Геой Тепе; *32* – Узуб Тепе; *33* – Барудж Тепе; *34* – Кюльтепе; *35* – Яник Тепе; *36* – Кара Буру; *37* – Басмандж; *38* – Аш Тепе; *39* – Чолпан; *40* – Ханаго; *41* – Сос Хююк; *42* – Тепе Габристан; *43* – Уч Тепе; *44* – Чалаган Тепе; *45* – Лейла Тепе; *46* – Беюк Кесик; *47* – Сиони; *48* – Кавтисхеви; *49* – Бериклдееби; *50* – Серкер Тепе; *51* – Дашлы Тепе; *52* – Торпах Кала; *53* – Великент; *54* – Кабаз-Кутан; *55* – Геме Тюбе; *56* – Калиновское; *57* – Галюгаевское; *58* – Комарово; *59* – Бахчи Юрт; *60* – Бамут; *61* – Ассиновская; *62* – Верхний Акбаш; *63* – Кишпек; *64* – Старый Урух; *65* – Ташлыанское; *66* – Большетегинское; *67* – Замок; *68* – Усть Джегута; *69* – Жуковское; *70* – Грушевское; *71* – Ипатово; *72* – Золотаревка; *73* – Шарахалсун; *74* – Чограй; *75* – Темижбекская; *76* – Новолабинская; *77* – Зиссерман; *78* – Ясенова поляна; *79* – Новосвободная; *80* – Мешоко; *81* – Свободное; *82* – Пшиш; *83* – Чишхо; *84* – Псекуп; *85* – Старокорсунская; *86* – Старомышастовская; *87* – Днепровский; *88* – Батуринская; *89* – Тимашевская; *90* – Темрюк; *91* – Общественное; *92* – Фонтан; *93* – Сенная; *94* – Кепы; *95* – Варенниковская; *96* – Дюрсо; *97* – Союг Булаг; *98* – Агылы Дере; *99* – Пойлу; *100* – Сеидлар; *101* – Дюбенди; *102* – Тельманкенд; *103* – Торпак-Кала; *104* – Мискин-булак; *105* – Миатлы

щее время в этой части Закавказья археологическими разведками и раскопками зафиксировано порядка 80 памятников позднего халколита (*Амиров*, 2014; *Мунчаев, Амиров*, 2012. С. 38–47; 2020. С. 86–104). Бытовые памятники этой культуры обычно выглядят как небольшие телли примерно одной размерной группы. Они имеют в среднем площадь около 1 га и мощность культурного слоя от одного до трех метров.

За позднехалколитической культурой степной зоны Закавказья в Азербайджане закрепилось название лейлатепинской культуры. Она была принесена в Закавказье мигрантами, своим происхождением связанными с северомесопотамской степью. Переселенцы вернули в степное Закавказье возрожденный земледельческий уклад и целый комплекс связанных с ним элементов материальной культуры и обрядовых практик, которые находят прямые соответствия в синхронной культуре Джезиры. Наиболее важным культуроопределяющим элементом лейлатепинской культуры является характерная массовая керамика месопотамского облика, изготовленная на круге и с добавками в тесте в качестве отощителя рубленой соломы (мякины или половы).

В то же время следует отметить, что материальная культура поселений Закавказья позднего халколита не ограничивалась только изделиями северомесопотамского происхождения. На лейлатепинских поселениях степной зоны, как правило, находят порядка 20–30% сосудов ручной лепки с минеральными добавками в тесте, которые имеют иногда лощеную поверхность, иногда гребенчатые расчесы по внешней поверхности. Эта керамика принадлежит кругу культуры Сиони. Эта разновидность керамических сосудов была обнаружена на поселениях Лейла-Тепе, Пойлу II, Беюк Кесик и др. (*Мунчаев, Амиров*, 2020. С. 83–104). Значительное количество керамических сосудов культуры Сиони в слое лейлатепинских поселений свидетельствует о наличии интенсивных экономических и культурных контактов между носителями этих культур.

Следует отметить, что памятники лейлатепинской культуры имеют признаки, синхронизирующие ее как с материалами культуры Сиони-Цопи, так и с куро-аракской культурой. Например, на поселении Ментеш-Тепе слой культуры Сиони (период II), который перекрывает отложения неолитического времени (период I), в свою очередь, был перекрыт отложениями лейлатепинской культуры (период III) (*Lyonnet et al*., 2012). В слое периода III керамика месопотамского облика с рубленой соломой в тесте и керамика Сиони с поверхностью, обработанной гребнем, встречены одновременно. В степной зоне Кура-Араксинского междуречья зафиксировано одновременное бытование керамики этих разновидностей на большинстве исследованных поселений, например: Пойлу II, Лейла-Тепе, Беюк Кесик, Агылы-Дере и др. Также обе разновидности керамики встречены вместе на поселениях Картли, таких как Цопи и др. Наконец, на ряде поселений было зафиксировано перекрывание горизонтов круговой керамики, с рубленой соломой в тесте, материалами куро-аракской культуры, например, на поселении Овчулар-Тепеси, Ментеш-Тепе, Бериклдееби (период IV) и др. (*Мунчаев, Амиров*, 2020. С. 83–104).

В свете синхронизации материалов этих культур большой интерес представляет поселение Пойлу II. На нем в нижней части слоя круговая керамика с соломой в тесте фиксировалась вместе с гребенчатой керамикой Сиони, в то время как в верхней части слоя керамика с рубленой соломой встречена вместе с куро-аракской посудой (*Мусеибли*, 2010. С. 208–211). Очевидно, что лейлатепинская культура была отчасти синхронна позднему этапу культуры Сиони-Цопи и отчасти – относительно раннему этапу куро-аракской культуры. Такая ситуация могла быть только на временном отрезке середины – второй половины IV тыс. до н. э.

Важным синхронизирующим признаком является тот факт, что носители лейлатепинской культуры также имели интенсивные торговые контакты с популяциями, обитавшими в степной зоне Предкавказья. На территории Дагестанской плоскости это были носители великентской культуры куро-аракской культурно-исторической общности (*Амиров*, 2018б. С. 47–66), а на Северном Кавказе носители майкопской культуры (*Мунчаев, Амиров*, 2012. С. 37–46; *Мунчаев и др*., 2010. С. 316–336). В южной части Дагестанской плоскости керамика лейлатепинского облика была обнаружена на поселениях Великент 2, Гапцах, Торпах-кала и других памятниках (Карта 2). Если говорить о майкопской культуре, то собственно основные признаки ее материальной культуры, по которым мы идентифицируем эту культуру, за исключением подкурганного погребального обряда, это подражания либо реже прямые импорты с Переднего Востока, которые через лейлатепинскую культуру распространялись в степной зоне Северного Кавказа.

Следует отметить, что в степной зоне Северного Кавказа от Чечни на востоке до Прикубанья на западе известны наиболее ранние подкурганные погребения эпохи развитого халколита, которые предшествуют времени бытования майкопской культуры.

Эти курганы датируются финалом V – началом IV тыс. до н. э. Носители древнейшей курганной культуры этого региона стали основными реципиентами предметов материальной культуры месопотамского облика, что в результате привело к сложению майкопской культуры Северного Кавказа.

В отличие от носителей куро-араксской культуры с ее ярко выраженными признаками эгалитарной, родовой организации общества, социум носителей курганной культуры Предкавказья в майкопское время имел очевидные признаки многоуровневой социальной стратификации. Это богатое и иерархически организованное общество оказалось идеальным потребителем как импортных предметов роскоши, так и предметов материальной культуры повседневного назначения типа массовой керамики месопотамского облика, включая как сосуды-подражания, изготовленные ручной лепкой, так и сосуды, непосредственно изготовленные на гончарном круге.

Роль культуртрегеров выполняли «торговые агенты» из среды носителей лейлатепинской культуры, которые были вовлечены в поиск источников металлического сырья, необходимого для существования их популяций. Ситуация выглядит абсолютно аналогичной положению вещей в культурной метрополии, каковыми были города-государства аллювиев Южной Месопотамии, которые создали в это же время разветвленную систему торговых колоний в направлении рудных источников сырья в Анатолии и Иране. Наличие контактов между достаточно удаленными друг от друга лейлатепинской и майкопской культурами не должно удивлять, поскольку известны свидетельства контактов лейлатепинской культуры к северу от ее ойкумены на плоскости Восточного Кавказа (*Амиров*, 2018б. С. 47–66).

Экономический расцвет общества носителей майкопской культуры, как и время наиболее интенсивных связей с лейлатепинской культурой, приходится на период максимальной гумидности второго атлантического оптимума. Время контактов между лейлатепинской и собственно майкопской культурой укладывается в несколько столетий (в интервале второй-третьей четверти IV тыс. до н. э.). А реально это может быть порядка 400 лет в интервале 36–33 вв. до н. э.

Завершение существования лейлатепской культуры может быть связано с кратковременным аридизационным кризисом четвертой четверти IV тыс. до н. э. (*Мунчаев, Амиров*, 2020. С. 83–194). Кстати, этот экологический кризис хорошо прослежен на ряде памятников Ближнего Востока (*Амиров*, 2018а. С. 173–193). С этим же экологическим кризисом связана и этим же временем датируется первая миграционная волна носителей курганной культуры из степной зоны Предкавказья в Закавказье и далее. Курганные погребения этой миграционной волны отмечены на Прикаспийской равнине, и в особенности вдоль Куры (напр., некрополь Союг-Булак), где известны погребения с синкретическим погребальным обрядом, имеющим черты майкопской и лейлатепинской культур (*Лионне и др*., 2011. С. 48–61). Вероятнее всего, эта миграция была не единственной. В интервале последней четверти IV до н. э. имели место несколько миграционных волн с Северного Кавказа в Закавказье и далее в сторону Анатолии, вдоль русел Куры (Кавтисхеви) (*Makharadze*, 2007. С. 123–131) и Аракса и в сторону Урмийского региона в Иране (Си-Гирдан) (*Трифонов*, 2000.С. 244–264) (Карта 2). Отмеченный с конца IV тыс. до н. э. процесс миграции носителей курганных культур в Закавказье может быть прослежен в течение почти всего III тыс. до н. э.

С другой стороны, после прекращения существования лейлатепинской культуры, частичной депопуляции степной зоны Предкавказья и прекращения активных опосредствованных связей с Передней Азией мы можем наблюдать значительные изменения в облике материальной культуры на Северном Кавказе. Здесь в начале III тыс. до н. э. происходит, по сути, формирование новой курганной (т. н. новосвободненской) культуры, которая имеет ряд признаков, общих с майкопской культурой, что может говорить об их генетической близости, но в то же время обладает рядом признаков, имеющих иной культурный вектор, нежели это было в майкопское время (*Резепкин*, 2011). Новосвободненская культура, судя по некоторым элементам материальной культуры (напр., находки цилиндрических печатей с гравированным геометрическим орнаментом, посоховидные булавки), синхронна первой половине времени бытования культуры Ниневия 5 в Северной Месопотамии, которая, в свою очередь, синхронна периодам РД I–II по исторической периодизации Шумера, а также курганной культуре Марткопи в Закавказье.

Поступательная динамика аридизации климата III тыс. до н. э., которая хорошо документирована пространственным распространением археологических памятников Северной Месопотамии (напр., *Амиров*, 2018а; *Мунчаев и др*., 2004; *Мунчаев, Амиров*, 2016; *Amirov*, 2020. P. 295–301; *Weiss et al*., 1993; *Staubwasser, Weiss*, 2006; *Weninger et al*., 2009 и др.), не менее наглядно представлена археологическими материалами Северного Кавказа. С начала длительного аридного цикла III тыс. до н. э. наибольшая

плотность заселения Северного Кавказа оказалась смещена в наиболее увлажненную, западную часть Предкавказья, и прежде всего в Прикубанье. Здесь, несколько позднее отмеченного выше сложения новосвободненской культуры, происходит сложение новотитаровской культуры, которая, судя по всему, существует примерно в интервале 28–25 вв. до н. э. Новотитаровская культура одновременна периоду РД II–III в Южной Месопотамии, второй половине времени бытования культуры Ниневия 5 в Северной Месопотамии и отчасти курганной беденской культуре в Закавказье. Главной особенностью этой культуры является высокая подвижность ее носителей, отраженная в количественно беспрецедентном использовании колесного транспорта (повозок) в погребальном обряде популяции (*Гей*, 2000). Высокая мобильность носителей новотитаровской культуры свидетельствует об ординарности регулярных сезонных перемещений на значительные расстояния, что говорит о формировании уклада полноценного кочевого скотоводства. Этот факт можно связывать с хозяйственной адаптацией к поступательно возрастающей аридности климата[4]. При этом, надо сказать, что курганные культуры предшествующего времени, также связанные с ведущей ролью скотоводства в хозяйственном укладе, не дают основания для предположения о высокой мобильности, сопоставимой с новотитаровской культурой. Мы, безусловно, знаем об использовании быков (волов) в качестве тяглового животного начиная с майкопского времени (*Канторович и др.*, 2019. С. 53–72). При этом фактов наличия собственно колесного транспорта в майкопской культуре в настоящее время неизвестно, и здесь пока возможно предполагать использование в качестве транспортного средства волокуши или полозовых платформ. Наиболее раннее использование колесного транспорта в Предкавказье документировано в течение периода бытования новосвободненской культуры (*Кондрашов, Резепкин*, 1988. С. 91–97), а массовое его использование происходит именно во время бытования новотитаровской культуры (*Гей*, 2000).

Исследование вопроса распространения колесного транспорта в Северной Месопотамии и Закавказье свидетельствует, что поскольку находки деревянных колес либо их деталей крайне редки, то важнейшим маркером появления колесного транспорта в том или ином регионе являются такие находки, как глиняные модели колес. Эти изделия имели не бытовое, но скорее ритуально-магическое назначение. На Телле Хазна 1 была собрана значительная коллекция таких предметов, самый ранний из которых может быть датирован последними веками IV тыс. до н. э. (*Амиров, Корниенко*, 2016. С. 386–418). С другой стороны, на памятниках лейлатепинской культуры эти предметы либо полностью отсутствуют, либо крайне малочисленны (*Мунчаев, Амиров*, 2020. С. 83–104). В Закавказье модели колес известны на памятниках позднего этапа кура-аракской культуры, которые по времени следуют за памятниками лейлатепинской культуры. Таким образом, мы можем говорить о появлении колесного транспорта в Закавказье с начала III тыс. до н. э. и о массовом его распространении со второй четверти III тыс. до н. э.

На фоне прогрессирующей аридизации климата, в интервале XXVI–XXIII вв. (может быть, несколько шире), происходит сложение и бытование культур катакомбной общности, таких как Западная Манычская, Восточная Манычская, а также их дериватов типа лолинской культуры. Эти курганные культуры существуют одновременно с культурой круглоплановых, фортифицированных городов Северной Месопотамии известных как «Kranzhugel», и временем Аккадской государственности. Культурогенез лолинской культуры, судя по всему, связан с резкой аридизацией климата 23 в. до н. э. (*Борисов, Мимоход*, 2017. С. 63–75) и примерно совпадает с финалом существования аккадского государства, который в большей мере, чем с политическими событиями, связан с климатическим кризисом, известным как «аккадский климатический коллапс» 23 в. до н. э. (*Weiss et al.*, 1993). Таким образом, поступательная аридизация климата в интервале 27–23 вв. до н. э. позволяет синхронизировать культурный процесс в Северной Месопотамии, Закавказье и в степном поясе Юга Русской равнины.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Известные обобщающие работы длительных интервалов времени голоценовой истории Западной Евразии были опубликованы как в 1970–1980 гг. (напр., *Mellaart*, 1975; *Redman*, 1978; *Nissen*, 1988 и др.), так и позднее (напр., *Akkermans, Schwartz*, 2003; *Sagona, Zimansky*, 2009 и др.). Собранные в течение последнего времени археологические источники позволяют предложить дополнительную

[4] Именно в это время в результате иссушения климата прекращают существование Телль Хазна 1 и многие другие поселения в аридном поясе «плодородного полумесяца» Северной Месопотамии.

информацию для обобщения культурного процесса Западной Евразии эпохи поздней первобытности. В данном обзоре поставлена цель синхронизировать хронологическую колонку месопотамского региона, где наиболее четко документирована стратиграфическая последовательность культур преисторического периода и известна наиболее глубокая историческая традиция с материальной культурой сопредельных и опосредствованно сопредельных стран, которые имели на отдельных этапах развития точки пересечения с культурами месопотамского круга.

Предложенное обобщение материалов из достаточно удаленных регионов от Великой Месопотамской равнины до Северного Кавказа основано на типологическом и стратиграфическом методах и рассмотрено в контексте адаптации к климатическим флуктуациям эпохи раннего – среднего голоцена. Такой подход делает предложенный синтез свободным от погрешностей естественнонаучного датирования, не позволяющих построить непротиворечивую хронологическую шкалу для территорий сопоставимого географического охвата.

Литература

Амиров Ш. Н., 2007. Методика и исследования морфологии халафской керамики // Три четверти века. Д. В. Деопику – друзья и ученики. М.. С. 465–472.

Амиров Ш. Н., 2010. Хабурская степь Северной Месопотамии в IV – первой половине III тыс. до н. э. М.: Таус. 411 с.

Амиров Ш. Н., 2014. Месопотамско-кавказские связи IV–III тыс. до н. э. в свете климатических флуктуаций // КСИА. Вып. 233. С. 3–17.

Амиров Ш. Н., 2018а. Культурный процесс и климатические флуктуации эпохи раннего и среднего голоцена на Переднем Востоке, на примере Южного Леванта и Северной Месопотамии // КСИА. Вып. 250. С. 173–193.

Амиров Ш. Н., 2018б. Дагестан. Культурный процесс в свете климатических колебаний эпохи раннего и среднего голоцена // КСИА. Вып. 252. С. 47–66.

Амиров Ш. Н., 2019. Халафская культура Северной Месопотамии в свете современных исследований // Восток (Oriens). № 6. С. 6–22.

Амиров Ш. Н., Корниенко Т. В., 2016. Модели колес и повозок на Телль Хазне I // Телль Хазна I. Культово-административный центр IV–III тыс. до н. э. в Северо-Восточной Сирии. Т. 2. М.: Таус. С. 386–418.

Амирханов Х. А., 1987. Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М.: Наука.

Бадер Н. О., 1989. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.: Наука. 365 с.

Бадер Н. О., 2008. Разведки Российской археологической экспедиции в Северной Месопотамии // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М.: Таус. С. 310–319.

Борисов А. В., Мимоход Р. А., 2017. Аридизация: формы проявления и влияние на население степной зоны в бронзовом веке // РА. № 2. С. 63–75.

Гей А. Н., 2000. Новотиторовская культура. М.: Старый сад. 224 с.

Канторович А. Р., Маслов В. Е., Петренко В. Г., 2019. Открытие древнейших бронзовых носовых колец для управления быками в погребении майкопской культуры в Центральном Предкавказье // Горы Кавказа и Месопотамская степь на заре бронзового века. М. С. 53–72.

Кондрашов А. В., Резепкин А. Д., 1988. Новосвободненское погребение с повозкой // КСИА. Вып. 193. С. 91–97.

Лионне Б., Алмамедов К., Буке Л., Курсье А., Джелилов Б., Хусейнов Ф., Лут С., Махарадзе З., Рейнард С., 2011. Могильник эпохи позднего энеолита Союг Булаг в Азербайджане // РА. № 1. С. 48–61.

Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Бадер Н. О., Амиров Ш. Н., 1993. Телль Хазна II – раннеземледельческое поселение в Северо-Восточной Сирии // РА. № 4. С. 25–42.

Мунчаев Р. М., Амиров Ш. Н., 2012. Еще раз о Месопотамско-Кавказских связях в IV–III тыс. до н. э. // РА. № 4. С. 38–47.

Мунчаев Р. М., Амиров Ш. Н., 2016. Телль Хазна I. Культово-административный центр IV–III тыс. до н. э. в Северо-Восточной Сирии. Т. 2. М.: Таус. 596 с.

Мунчаев Р. М., Амиров Ш. Н., 2018а. Homo Dominus. О знаках собственности в Северной Месопотамии эпохи поздней первобытности. Часть 1 // РА. № 3. С. 9–22.

Мунчаев Р. М., Амиров Ш. Н., 2018б. Homo Dominus. О знаках собственности в Северной Месопотамии эпохи поздней первобытности. Часть 2 // РА. № 4. С. 5–16.

Мунчаев Р. М., Амиров Ш. Н., 2020. Лейлатепинская культура и Кавказ // Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком в бронзовом

и железном веке: диалог культур, культура диалога. Berlin. С. 83–104. (Archäologie in Iran und Turan; 19).

Мунчаев Р. М., Амиров Ш. Н., Магомедов Р. Г., 2010. Восточный Кавказ и проблема месопотамско-кавказских связей в IV–III тыс. до н. э. // Исследования первобытной археологии Евразии: сб. ст. к 60-летию Х. А. Амирханова / Ред.: М. С. Гаджиев, О. М. Давудов, Р. Г. Магомедов. Махачкала. С. 316–334.

Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., 1981. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии М.: Наука. 320 с.

Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Амиров Ш. Н., 2004. Телль Хазна I. Культово-административный центр IV–III тыс. до н. э. в Северо-Восточной Сирии. Т. 1. М.: Таус. 485 с.

Мусеибли Н. А., 2010. Результаты раскопок поселения Пойлу II лейлатепинской культуры // Археология, этнология, фольклористика Кавказа: междунар. науч. конф. (Тбилиси, 25–27 июня 2009 г.): сб. крат. содерж. докл. Тбилиси. С. 208–211.

Резепкин А. Д., 2011. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника Клады). СПб. 344 с. (Труды ИИМК РАН; т. XXXVII).

Трифонов В. А., 2000. Курганы майкопского типа в Северо-Западном Иране // Судьба ученого: к 100-летию со дня рождения Б. А. Латынина: сб. материалов. СПб. С. 244–264.

Akkermans P. M. M. G., Schwartz G. M., 2003. The Archaeology of Syria from Complex Hunter-Gatherers to Early Urban Societies (ca. 16000–300 BC). Cambridge.

Amirov Sh. N., 2014. Life and death of Tell Hazna I settlement // Proceedings of the 8th International congress on the Archaeology of the Ancient Near East (Warsaw, April 30 – May 4 2012). Vol. 1 / Ed. P. Bieliński et al. Wiesbaden: Harrassowitz. P. 323–334.

Amirov Sh. N., 2018. The Morphology Of Halafian Painted Pottery From Yarim Tepe II, And The Process of Ubaidian Acculturation // II Workshop on Late Neolithic Ceramics in Ancient Mesopotamia: pottery in context / Eds.: A. Gómez-Bach, J. Becker, M. Molist. Barcelona. P. 15–23. (Monografies del Museu d'Arqueologia de Catalunya; 1).

Amirov Sh. N., 2020 Tell Khazna I: A Concentric Planned Settlement in the Khabur Steppe // Circular Cities of Early Bronze Age Syria / Eds.: C. Castel, J.-W. Meyer, Ph. Quenet. Turnhout: Brepols. P. 295–301.

Amirov Sh. N., Deopeak D. V., 1997. Morphology of Halafian Painted Pottery from Yarim Tepe 2, Iraq // Baghdader Mitteilungen. 28. P. 65–85.

Asouti E., 2017. Human Palaeoecology in Southwest Asia During the Early Pre-Pottery Neolithic (c. 9700–8500 Cal BC): The Plant Story // Neolithic Corporate Identities / Eds.: M. Benz, H. G. K. Gebel, T. Watkins. Berlin: Ex Oriente. P. 21–43.

Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., 1989. The Origins of Sedentism and Farming Communities in the Levant // Journal of World Prehistory. 3, 4. P. 447–498.

Bar-Yosef O., Meadow R., 1995. The Origins of Agriculture in the Near East // Last Hunters – First Farmerss: New Perspectives on the Prehistoric Transition to Agriculture / Eds.: T. D. Price, A. B. Gebauer. Santa Fe: School of American Research Press.

Braidwood J. R., Howe B., Helbaek H., Mason F. R., Reed C. A., Wright H. E., 1960. Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan. Chicago: Chicago University Press. 184 p. (Studies in Ancient Oriental civilization; 31).

Breasted J. H., 1906–1907. Ancient Records of Egypt: Historical Documents from the earliest Times to the Persian conquest. Chicago: Chicago University Press. 5 vols.

Darabi H., Richter T., Mortensen P., 2019. Neolithization Process in the central Zagros: Asiab and Ganj Dareh Revisited // Documenta Praehistorica. 46. P. 44–56.

Hole F., Flannery K. V., Neely J. A., Helbaek H., 1969. Prehistory and human ecology of the Deh Luran plain: an early village sequence from Khuzistan, Iran. Ann Arbor: University of Michigan, Museum of Anthropology. 440 p.

Issar A. S., Zohar M., 2007. Climate change – environment and History of the Near East. Berlin; Heidelberg; New York: Springer. 288 p.

Lyonnet B., Guliyev F., Helwing B., Aliyev T., Hansen S., Mirtskhulava G., 2012. Ancient Kura 2010–2011: the first two seasons of joint field work in Southern Caucasus // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. 44. P. 1–190.

Makharadze Z., 2007. Nouvelles données sur le Chalcolithique en Géorgie orientale // Les Cultures du Caucase (VIe–IIIe millénaires avant notre ère): leur relations avec le Proche-Orient / Ed. B. Lyonnet. Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique. P. 123–131.

Mayewski P. A., Rohling E., Stager J. C., Wibjorn K., Maasch K. A., Meeker L. D., Meyerson E. A., Gasse F., van Kreveld Sh., Holmgren K., Lee-Thorp J., Rosqvist G., Rack F., Staubwasser M., Schneider R., Steig E. J., 2004. Holocene climate variability // Quaternary Research. Vol. 62, iss. 3. P. 243–255.

Mellaart J., 1975. The Neolithic of the Near East. London: Thames and Hudson. 300 p.

Nishiaki Y., Guliev F., Kadowaki S., Alakbarov V., Miki T., Salimbayov Sh., Akashi Ch., Arai S., 2015. Investigating Cultural and Socioeconomic Change at the Beginning of the Pottery Neolithic in the Southern Caucasus: The 2013 Excavations at Haci Elamxanli Tepe, Azerbaijan // Bulletin of the American Schools of Oriental Research. 374. P. 1–28.

Nissen H. J., 1988. The early History of the Ancient Near east, 9000–2000 B. C. Chicago: The University of Chicago Press. 224 p.

Redman Ch. L., 1978. The Rise of Civilization. San Francisco.

Riehl S., Zeidi M., Conard N. J., 2013. Emergence of agriculture in the foothills of the Zagros Mountains of Iran // Science. Vol. 341, № 6141. P. 65–67.

Ristvet L., Weiss H., 2005. The Hābūr Region in the Late Third and early Second Millennium B. C. // The History and Archaeology of Syria. Vol. 1 / Ed. W. Orthmann. Saabrucken: Saarbrucken Verlag.

Robinson S. A., Black S., Sellwood B. W., Valdes P. J., 2006. A review of paleoclimates and paleoenvironments in the Levant and eastern Mediterranean from 25,000 to 5000 years B. P.: setting the environmental background for the evolution of human civilization // Quaternary Science Reviews. Vol. 25, iss. 13–14. P. 1517–1541.

Rollefson G. O., 2009. Slippery Slope: The Late Neolithic Rubble Layer in the Southern Levant // NeoLithics. Vol. 1/09. P. 12–18.

Rosenberg D., Klimscha F., Graham Ph. J., Hill A., Weissbrod L., Ktalav I., Love S., Pinsky S., Hubbard E., Boaretto E., 2014. Back to Tel Tsaf: A Preliminary Report on the 2013 Season of the Renewed Project // Journal of the Israel Prehistoric Society. Vol. 44. P. 148–179.

Sagona A., Zimansky P., 2009. Ancient Turkey. London; New York: Routledge.

Schmidt K., 2012. Göbekli Tepe a Stone Age sanctuary in South-Eastern Anatolia. Berlin: Ex Oriente.

Staubwasser M., Weiss H., 2006. Holocene climate and cultural evolution in late prehistoric – early historic West Asia // Quaternary Research. Vol. 66, iss. 3. P. 372–387.

The Neolithisation of Iran: The Formation of New Societies / Eds.: R. Matthews, H. Fazeli Nashli. Oxford, 2013.

Weiss H., Courty M. A., Wetterstrom W., Guichard F., Senior L., Meadow R., Curnow A., 1993. The Genesis and collapse of Third Millennium North Mesopotamian civilization // Science. Vol. 261, № 5124. P. 995–1004.

Weninger B., Clare L., Rohling E. J., Bar-Yosef O., Böhner U., Budja M., Bundschuh M., Feurdean A., Gebel H.-G., Jöris O., Linstädter J., Mayewski P., Mühlenbruch T., Reingruber A., Rollefson G., Schyle D., Thissen L., Todorova H., Zielhofer C., 2009. The Impact of Rapid climate change on prehistoric societies during the Holocene in the eastern Mediterranean // Documenta Praehistorica. Vol. XXXVI. P. 7–59.

Willcox G., 2013. The Roots of Cultivation in Southwestern Asia // Science. Vol. 341, № 6141. P. 39–40.

Willcox G., Fornite S., Herveux L., 2008. Early Holocene cultivation before domestication in northern Syria // Vegetation History and Archaeobotany. 17. P. 313–325.

Сведения об авторе

Амиров Шахмардан Назимович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия;
e-mail: shahmardan@mail.ru

https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-426-5.156-158

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПЕРИОДИЗАЦИИ, ХРОНОЛОГИИ, ХОЗЯЙСТВЕ И ПАЛЕОГЕОГРАФИИ ЭНЕОЛИТА НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ[1]

Н. С. Дога

Резюме. Долгое время ключевые вопросы энеолита Нижнего Поволжья оставались дискуссионными ввиду малочисленности источников. Новейшие исследования на памятниках Алгай и Орошаемое позволили прояснить ряд вопросов. Особенностью изучения этих стоянок стало широкое использование естественнонаучных методов. Доказан хронологический приоритет прикаспийской культуры над хвалынской. Установлен факт наличия первых доместицированных животных в регионе у носителей прикаспийской культуры. Определены климатические максимумы и минимумы голоцена и их соотношение с бытованием населения на памятниках.

Ключевые слова: энеолит, Нижнее Поволжье, прикаспийская культура, хвалынская культура, хронология, производящее хозяйство, палеогеография.

ВВЕДЕНИЕ

Возросший в последнее время интерес исследователей к эпохе энеолита Нижнего Поволжья обусловлен качественными изменениями в материальной культуре этого периода. Накопившаяся к 1980-м годам источниковая база позволила И. Б. Васильеву предложить трехступенчатую схему развития энеолита в интересуемом регионе. Так, к раннему этапу относилась прикаспийская культура, к развитому – хвалынская, а к позднему – памятники алексеевского и репинского типов (*Васильев*, 1980). Обоснованность этой концепции, ввиду значительного расширения источниковой базы, отмечал Н. Я. Мерперт. Наряду с этим, автор указывал на усложнение вопросов, связанных с происхождением, распространением, взаимосвязями и дальнейшими судьбами раннеэнеолитических культур региона (*Мерперт*, 1980. С. 20–21). Развернувшиеся в последующем дискуссии подтвердили справедливость этого замечания.

В отношении хронологической позиции прикаспийской культуры сформировалось несколько гипотез. Одни исследователи относили ее к раннему энеолиту (*Васильев*, 1980. С. 2; *Моргунова*, 2010. С. 185; *Юдин*, 2012. С. 25), другие – к периоду неолита (*Ставицкий*, 2013. С. 32), а третьи не выделяли в отдельную культуру (*Барынкин*, 1992. С. 17). В этой связи неясным оставался вопрос соотношения прикаспийской и хвалынской культур. Гипотезу о более ранней позиции прикаспийских древностей опровергал П. П. Барынкин, настаивая на сосуществовании хвалынской культуры и керамики «воротничкового» типа (*Барынкин*, 1992. С. 18). Отсутствие на территории Нижнего Поволжья стратифицированных памятников, а также малочисленность радиоуглеродных дат не позволяли однозначно решить этот вопрос. Вывод о наличии у энеолитического населения Нижнего Поволжья производящего хозяйства был основан на единичных исследованиях остеологических останков и требовал подтверждения. Кроме того, утвердилось мнение о доместикации животных еще в период неолита (*Юдин*, 2004. С. 162). Что касается вопросов палеогеографии, то они, ввиду малочисленности комплексных исследований, также оставались открытыми.

На сегодняшний день источниковая база для энеолитических культур значительно расширилась. Первостепенным здесь является качественный уровень появившихся источников, а также возможность применения естественнонаучных методов в их изучении. Целью данной работы является обобщение полученных за последние десять лет данных о периодизации, хронологии, хозяйстве и палеогеографии энеолита Нижнего Поволжья.

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 22-28-00082

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ

На территории степного Поволжья, близ поселка Александров Гай Саратовской области расположены две стоянки, относящиеся к периодам неолита и энеолита – Алгай и Орошаемое. Исследование данных памятников было начато в 2014 г. и ведется по сегодняшний день. Стратиграфическая колонка на обеих стоянках достаточна выразительна. На памятниках последовательно залегают культурные слои орловской, прикаспийской и хвалынской культур. Важной особенностью является то, что все три культурных слоя отделены друг от друга мощными стерильными прослойками (*Выборнов и др*., 2020а. С. 69*; Выборнов и др*., 2021а. С. 104). Залегание слоя хвалынской культуры выше прикаспийской позволило сделать вывод о хронологическом приоритете последней, что подтвердилось и радиоуглеродными датами. По различным материалам из прикаспийского слоя получена серия валидных датировок в интервале 4800–4900 лет ВС, а для хвалынской культуры – 4700–4600 лет ВС (*Выборнов и др*., 2022. С. 10. Табл. 1).

Принадлежность хвалынской культуры к эпохе энеолита не ставится под сомнение, что касается прикаспийской, то на ее памятниках отсутствуют признаки использования металла. По мнению Н. Я. Мерперта, именно распространение металлических орудий труда является признаком энеолита, а изменение, например, форм экономики, – признак неустойчивый (*Мерперт*, 1981. С. 20). Однако ряд существенных новаций, фиксируемый в материальной культуре прикаспийского населения (техника усиленного отжима в расщеплении камня, смена накольчатой традиции на гребенчатую в орнаментации керамики, появление производящего хозяйства), позволяет ставить вопрос о переходном периоде от неолита к энеолиту на территории Нижнего Поволжья (*Выборнов и др*., 2020б).

Н. Я. Мерперт отмечал, что производящее хозяйство появляется в степи и лесостепи в «до-древнеямное» время (*Мерперт*, 1980. С. 12). Однако этот вывод основывался прежде всего на материалах хвалынской культуры. В результате исследования памятников Алгай и Орошаемое удалось получить обширную коллекцию остеологических останков. Основным промысловым животным у прикаспийского населения была сайга, также зафиксированы кости тура, тарпана и кулана. Наряду с дикими видами обнаружены кости овцы и козы (*Выборнов и др*., 2019. С. 361. Табл. 2). Липидный анализ керамики показал наличие остатков жирных кислот, свидетельствующих об использовании молока. Что касается гипотезы о появлении домашних животных еще в период неолита, то на сегодняшний день веских доказательств этому нет. В остеологических коллекциях орловской культуры памятников Алгай, Орошаемое и Варфоломеевская определены только дикие виды. Новейшие исследования памятников позднего неолита в Северном Прикаспии также показали отсутствие домашних животных. На данной территории кости овцы впервые фиксируются на памятнике прикаспийской культуры Курпеже-Молла. Более раннее хронологическое положение древностей этой стоянки (5100 лет ВС) говорит о северо-прикаспийском импульсе развития животноводства в Нижнем Поволжье. Данные с хвалынских памятников Северного Прикаспия говорят о наличии в стаде не только мелкого, но и крупного рогатого скота (*Выборнов и др*., 2019. С. 361. Табл. 2). Отдельно следует отметить, что ни у прикаспийского, ни у хвалынского населения не наблюдается признаков доместицированной лошади.

Наличие стратиграфической колонки на памятниках Алгай и Орошаемое позволило впервые для этого региона провести геохимический анализ. В начале формирования слоя прикаспийской культуры климатические условия характеризуются как прохладные. К концу периода они становятся более влажными и теплыми. В этом слое фиксируется климатический максимум голоцена. Именно к верхней части культурного слоя и приурочена основная часть находок. Данный факт дает основание предположить, что прикаспийское население проживало на памятнике в наиболее благоприятное время, с пригодной для хозяйства растительностью и климатической обстановкой. Период максимальной аридизации на памятнике маркирует стерильная прослойка между прикаспийским и хвалынским культурными слоями. Климатическая обстановка улучшается только в период бытования на памятнике хвалынского населения. Условия вновь становятся влажными и теплыми (*Выборнов и др*., 2021б*)*. Данные спорово-пыльцевого анализа из обоих культурных слоев показали, что растительность на окружающей территории была близка к современным сухим степям. Преобладали маревые, также заметно содержание злаковых и полыни (*Овчиннков и др*., 2020. С. 171).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Новейшие изыскания в области энеолита Нижнего Поволжья подтвердили ряд гипотез Н. Я. Мер-

перта. Появление стратифицированных памятников Алгай и Орошаемое, а также использование естественнонаучных методов позволило впервые развить ряд аспектов, которые по объективным причинам ранее не разрабатывались. Достоверно установлено, что с прикаспийской культурой в регионе появляются новые технологии и доместицированные животные. Этот процесс относится к 4800 лет ВС и приурочен к климатическому максимуму голоцена. Получены убедительные доказательства хронологического приоритета прикаспийской культуры над хвалынской, а также поставлен вопрос о переходном периоде между неолитом и энеолитом на территории Нижнего Поволжья.

Литература

Барынкин П. П., 1992. Энеолит и ранняя бронза Северного Прикаспия: автореф. дис. … канд. ист. наук. 26 с.

Васильев И. Б., 1980. Энеолит лесостепного Поволжья // Энеолит Восточной Европы / Отв. ред. Н. Я. Мерперт. Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. ин-т. С. 27–53.

Выборнов А. А., Гилязов Ф. Ф., Дога Н. С., Кулькова М. А., Филиппсен Б., 2022. The Chronology of Neolithic-Eneolithic in the steppe zone of the Volga basin // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 27, № 3. С. 6–15.

Выборнов А. А., Гилязов Ф. Ф., Дога Н. С., Попов А. С., Юдин А. И., Васильева И. Н., Кулькова М. А., Рослякова Н. В., Косинцев П. А., 2021а. Результаты раскопок стоянки Алгай в 2020 году в степном Поволжье // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. Т. 3, № 2. С. 100–121.

Выборнов А. А., Дога Н. С., Кулькова М. А., 2020б. Вариант перехода к энеолиту в Нижнем Поволжье // КСИА. Вып. 258. С. 65–74.

Выборнов А. А., Косинцев П. А., Кулькова М. А., Дога Н. С., Платонов В. И., 2019. Время появления производящего хозяйства в Нижнем Поволжье // Stratum plus. № 2. С. 359–368.

Выборнов А. А., Кулькова М. А., Дога Н. С., 2021б. Природно-климатические кризисы как фактор культурной и хозяйственной изменчивости // Уральский исторический вестник. № 3 (72). С. 15–25.

Выборнов А. А., Юдин А. И., Васильева И. Н., Косинцев П. А., Рослякова Н. В., Дога Н. С., Попов А. С., 2020а. Результаты исследования памятника Орошаемое в Нижнем Поволжье в 2019 году // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 8. Самара. С. 66–77.

Мерперт Н. Я., 1980. Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы // Энеолит Восточной Европы / Отв. ред. Н. Я. Мерперт. Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. ин-т. Куйбышев. С. 3–26.

Мерперт Н. Я., 1981. К вопросу о термине «энеолит» и его критериях // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи / Отв. ред. А. Т. Синюк. Воронеж: Воронежский гос. пед. ин-т. С. 4–21.

Моргунова Н. Л., 2010. К вопросу о синхронизации и культурных связях культур энеолита и раннего бронзового века степного-лесостепного Поволжья и Приуралья с культурами лесной зоны Волго-Камья // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции/Отв. ред. Л. Н. Кузнецова. Куйбышев: Куйбышевский обл. музей краеведения. С. 184–193. (Краеведческие записки; вып. XV).

Овчинников А. Ю., Выборнов А. А., Кулькова М. А., Занина О. Г., Лопатина Д. А., Дога Н. С., Юдин А. И., Алифанова В. М., 2020. Почвенно-экологические условия на нео-энеолитическом поселении «Орошаемое» в Нижнем Поволжье // Почвоведение. № 2. С. 165–177.

Ставицкий В. В., 2013. К вопросу о выделении нео-энеолитической эпохи в Поволжье // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы. СПб. С. 31–33.

Юдин А. И., 2004. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов. 199 с.

Юдин А. И., 2012. Поселение Кумыска и энеолит степного Поволжья. Саратов: Научная книга. 212 с.

Сведения об авторе

Дога Наталья Сергеевна, Самарский государственный социально-педагогический университет, ул. М. Горького, 65/67, Самара, 443099, Россия; e-mail: natalidoga@yandex.ru

https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-426-5.159-181

МАЙКОПСКО-НОВОСВОБОДНЕНСКАЯ ОБЩНОСТЬ. КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

С. Н. Кореневский

Резюме. Статья посвящена краткому обзору состояния изучения майкопско-новосвободненской общности и истории ее изучения. Отмечено, что эта общность в целом датируется IV тыс. до н. э. Она подразделяется на четыре варианта: майкопский, псекупский, долинский и территориальную новосвободненскую группу. Внутри нее намечаются три подгруппы. Первая из них содержит, наряду со своей посудой, в комплексах керамику псекупского варианта. Вторая представляет в комплексах только небольшие сосуды, кубки и миски. Третья подгруппа характеризуется своеобразной керамикой с елочным орнаментом и иными украшениями поверхности тулова горшков. Именно с ней связаны богатейшие гробницы и многие находки металла. После краткого описания каждого варианта рассматривается устройство жилищ и предметов быта на поселениях. Специальный раздел отведен изучению металла. В конце статьи проведен обзор данных антропологии и генетики по проблеме майкопско-новосвободненской общности.

Ключевые слова: Майкопский курган, новосвободненские гробницы, могильник Клады, раскопки, погребение, хронология, стратиграфия, вариант, культура, металл, антропология, генетика.

Майкопско-новосвободненская общность, или майкопская культура, как ее ранее называли, является одним из наиболее ярких феноменов предгосударственного периода в евразийской археологии. Открытие ее первых памятников относится к самому концу XIX в. История их изучения в кратком варианте может быть представлена тремя этапами.

Первый этап длился с 1897 по 1950 г. В 1897 г. Н. И. Веселовский раскопал большой курган в г. Майкопе, названный поэтому Майкопским. В нем были найдены многочисленные украшения из благородных металлов и полудрагоценных камней, оружие и орудия из бронзы, а также сосуды из золота, серебра, меди и совершенного вида керамика.

В 1898 г. им были раскопаны еще две наземные каменные гробницы под курганными насыпями у ст. Новосвободной в Адыгее (*Веселовский*, 1900; 1901). Открытые Н. И. Веселовским памятники содержали скорченные на спине и на боку окрашенные красной краской костяки. Они отличались своей богатой утварью от иных костяков «с охрой» из других курганов Прикубанья.

В научных кругах того времени погребальные комплексы стали называть древностями «раннекубанской курганной группы» (*Shmidt*, 1929; *Иессен*, 1950).

К 50-м гг. XX в. на первом этапе по теме круга Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц были опубликованы работы многих ведущих археологов своего времени. Например, таковы статьи А. В. Шмидта (*Shmidt*, 1929), А. М. Тальгрена (*Talgren*, 1933), Г. Чайлда (*Childe*, 1936; *Чайлд*, 1952), Иессена (*Иессен*, 1935; 1950. С. 157–200).

Особое значение для современного уровня знаний о майкопском феномене приобрели статьи Б. В. Фармаковского (*Фармаковский*, 1914) и М. И. Ростовцева (*Rostovtzeff*, 1920; 1922). Б. В. Фармаковский в своей работе 1914 г. высказал мысль о том, что пейзаж на серебряном кубке из Майкопского кургана отражает местный рельеф горного хребта Большого Кавказа. М. И. Ростовцев в работе 1922 г. изложил гипотезу о связи изделий Майкопского кургана с Предкавказьем и датировке его комплексов временем преддинастического периода Египта. В нашей периодизации культур Ближнего Востока это время приходится на Урукский период южной Месопотамии.

Итог изучения майкопской проблемы в первой половине XX в. был подведен в статье А. А Иессена (*Иессен*, 1950). Базой для нее служили 34 ярких по находкам, но недостаточно хорошо раскопанных кургана и Старомышастовский клад золотых украшений из Прикубанья.

Второй этап изучения древностей круга памятников Майкопа и Новосвободной длился с 1950 про 1985 г. В это время возникло понятие «майкопская культура», введенное в научный оборот Е. И. Круп-

новым в 1957 г. Майкопская культура никогда не рассматривалась как единое культурное целое. В ее трактовке Е. И. Крупновым были приняты все положения схемы А. А. Иессена (*Крупнов*, 1957; *Иессен*, 1950; 1962).

М. Гимбутас в 1956 г. практически в это же время опубликовала предположение о том, что культуру Майкопского кургана принесли с юга пришлые племена (*Gimbutas*, 1956).

В конце 60-х – начале 70-х гг. в Прикубанье начинают исследоваться памятники типа поселений Мешоко, Ясенева Поляна, Свободное в Адыгее, которые относятся А. А. Формозовым, А. Д. Столяром, Р. М. Мунчаевым к майкопской культуре (*Формозов*, 1965; *Мунчаев*, 1975).

Новые курганы майкопской культуры в большом количестве раскапываются Р. М. Мунчаевым в Чечено-Ингушетии у с. Бамут (*Мунчаев*, 1975). В Кабардино-Балкарии целый массив майкопских курганов исследуют местные археологии под руководством И. М. Чеченова (*Чеченов*, 1973; 1984; *Батчаев*, 1984; *Мизиев*, 1984; *Бетрозов*, *Нагоев*, 1984). В Карачаево-Черкесии раскапывается интересный курган у аула Кубина (*Биджиев*, 1980).

В работах того времени майкопская культура продолжает рассматриваться как имеющая раннюю территорию в Прикубанье, откуда она распространилась на восток в терские районы Предкавказья. Датировка майкопской культуры опускается до первой половины III тыс. до н. э. (*Мунчаев*, 1975. С. 334, 401). Р. М. Мунчаев, обобщая накопленный к началу 70-х гг. материал, пишет в своей монографии, что древности Майкопского кургана явно являются импортом из Месопотамии, но вещи позднего этапа отражают уже местную металлообработку как меди, так и благородных металлов (*Мунчаев*, 1975; 1994).

Первые серии анализов состава металла майкопских бронз, не считая начальных определений 1900 г., были получены оптико-эмиссионным методом И. Р. Селимхановым (*Селимханов*, 1960). Затем количество проанализированных образцов майкопских изделий было значительно увеличено работами Е. Н. Черных (*Черных*, 1966). Им при этом были выделены майкопская I группа мышьяково-никелевого металла и II мышьяково-низконикелевая группа. Был опубликован тезис о возможности связывать состав металла в изготовленном изделии с медно-рудными источниками.

Для I группы мышьяково-никелевого металла источники определялись к югу от Кавказа, а вещи из него, например, в Майкопском кургане, объявлялись импортами. II майкопская мышьяковая группа считалась по своим источникам местной, связанной с Южным Кавказом.

В рассматриваемый период только две работы выбивались из общей схемы интерпретации памятников майкопской культуры. Так, в 1974 г. С. Н. Кореневским (*Кореневский*, 1974) была опубликована типология втульчатых топоров майкопской культуры, которая отражала местный характер производства как ранних, так и поздних типов. Версия об импортах на раннем майкопском этапе на примере таких орудий не подтверждалась. М. В. Андреева в 1977 г. (*Андреева*, 1977) издала статью, в которой призывала вернуться к точке зрения М. И. Ростовцева на датировку Майкопского кургана временем преддинастического периода в рамках середины – конца IV тыс. до н. э.

Третий период в изучении памятников круга Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц начался с середины 80-х гг. после раскопок поселений Серегинского, Большетегинского в Прикубанье и Галюгаевского-1 на Тереке в Ставропольском крае. Источниковедческая база изучения майкопских древностей после этого принципиально и качественно изменилась.

Вскоре поселения типа Мешоко – Ясенева Поляна – Свободное перестали рассматриваться как памятники майкопской культуры. Для них было сформулировано новое понятие – культура накольчато-жемчужной керамики. Блок ее памятников относится к более раннему времени, чем майкопская культура (*Кореневский, Наглер*, 1987; *Кореневский*, 1998; *Нехаев*, 1992).

В аналитике майкопских находок возникли новые сюжеты. Выводы по керамике начали опираться на данные типологии всего ее керамического фонда. Керамика стала исследоваться с помощью микроскопа на принципах методики А. А. Бобринского.

Хронология культуры начиная с 1990 г. после работ на Галюгаевских поселениях 1 и 3 начала определяться при помощи радиокарбонных дат. Сейчас количество дат С-14 из майкопских памятников достигает около 120 определений из поселений и погребений. Доказательства присутствия резервуарного эффекта на майкопских образцах не обнаружены.

В изучении химического состава изделий из металла были применены данные рентгенофлуоресцентного анализа. Большое внимание в исследовании поселений уделяется получению палинологических сведений о климате того времени.

Престиж погребальной практики начал изучаться на основании взаимной встречаемости предметов

в комплексах с выделением различных престижных групп вещей, так называемых артефактных групп. Появились первые данные генетической экспертизы майкопских костяков.

Особое внимание стало уделяться сходству и различию признаков майкопской и лейлатепинской культур Южного Кавказа (*Нариманов и др*., 2007; *Мусеибли*, 2020).

Для обобщающих рассуждений о памятниках круга Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц с 1989 г. стал употребляться термин «майкопско-новосвободненская общность» (МНО) (*Кореневский*, 1989). Он подчеркивал своеобразие памятников круга Майкопа-Новосвободной при сопоставлении их феномена с одновременными культурами других регионов. Общими признаками общности рассматриваемых вариантов является не один, а целое сочетание признаков. К ним относятся: курганный обряд погребения, скорченная поза костяка на боку с посыпкой его красной краской, использование керамики разных майкопских типов без искусственных минеральных примесей, а также галечной выкладки на дне могилы, сдвиг скорченного на боку костяка к стенке захоронения. Очень своеобразен в памятниках МНО металл. Особенно показательны сосуды из золота, серебра, бронзы. В погребениях с оружием встречаются золотые височные подвески-колечки. Общими для элиты МНО стали височные подвески с нанизанным на них сердоликовым, реже лазуритовым, камешком. Такие украшения в других культурах неизвестны. В среде майкопских племен они изготовлялись из золота и только в четырех случаях – из серебра (например, Кудахурт, п. 1) (*Кореневский и др*., 2008).

Погребения с находкой скорченных на спине костяков с кистями рук у таза, найденных вместе с майкопской керамикой или металлом, рассматриваются как ямно-майкопские (*Державин, Тихонов*, 1980).

В итоге получается такая картина. Ареал памятников майкопско-новосвободненской общности протянулся по предгорьям и равнинам Предкавказья вдоль линии Главного Кавказского хребта от Черного моря до Чечни и Ингушетии на востоке. Самая восточная точка открытия майкопского кургана известна у г. Гудермес в Чечне. Протяженность территории МНО доходит до 720 км при ширине основного ареала до 120 км. В целом ее хронология занимает отрезок времени примерно с 3900 по 3000/2900 гг. до н. э. Климат Предкавказья в это время соответствовал условиях второй половины Атлантического периода голоцена. Он был жарким, но с колебаниями зноя и влажности. Позднее время памятников МНО приходится на начало Суббореального периода голоцена.

Всего сейчас можно говорить примерно о 30 открытых майкопских поселениях и 240–250 достаточно хорошо раскопанных курганных памятниках. Майкопско-новосвободненская общность никогда не рассматривалась как единое целое. На основании анализа форм керамики и металла она подразделяется на четыре типологических варианта и на два этапа. Каждый вариант имеет свои особенности в керамическом комплексе, хронологии и в путях формирования.

А. Д. Резепкин предлагает несколько иное подразделение вариантов МНО. Новосвободненский и долинский вариант он выделяет в особую новосвободненскую культуру. Такое предложение является только сменой названий, а не сути явления. Есть традиционное мнение, что культура объединяет памятники, имеющие общее происхождение. Однако единство происхождения носителей долинского варианта и новосвободненской группы, которое определяется по формам посуды, признать никак нельзя. Их керамические комплексы сильно различаются. Оба эти варианта относятся к позднему этапу МНО и, естественно, стадиально отличаются от более раннего майкопского варианта. Они также синхронны позднему псекупскому варианту, отличаясь от него керамическим контекстом. Поэтому термин «общность» для объединения комплексов в некое особое историко-культурное формирование всех четырех вариантов является наиболее оправданным.

Ранний этап при помощи радиокарбонных дат стало возможно рассматривать в рамках первой половины IV тыс. до н. э. Поздний этап определяется второй половиной этого тысячелетия. По иной схеме, на основании особенностей радиоуглеродного датирования, выделяются три диапазона дат. Таков ранний диапазон от 3900 до 3700–3600 л. до н. э., средний диапазон – 3600–3400 л. до н. э., поздний диапазон – 3400–3000/2900 л. до н. э. По своей хронологии памятники МНО значительно древнее времени царского некрополя в Уре. Ее поздний период совпадает с временем Джемдет Наср, а ранний – с временем слоя Арслантепе VII и Урукским периодом на юге Месопотамии (*Кореневский*, 2004; 2011; 2019; *Courcier*, 2014).

Первый вариант МНО – **майкопский** (рис. 1). Он располагается большей частью в Центральном Предкавказье. Его керамический комплекс состоит из двух классов посуды. Первый класс имеет формовочные массы горшков и мисок без искусственных минеральных примесей. Сосуды в основном облада-

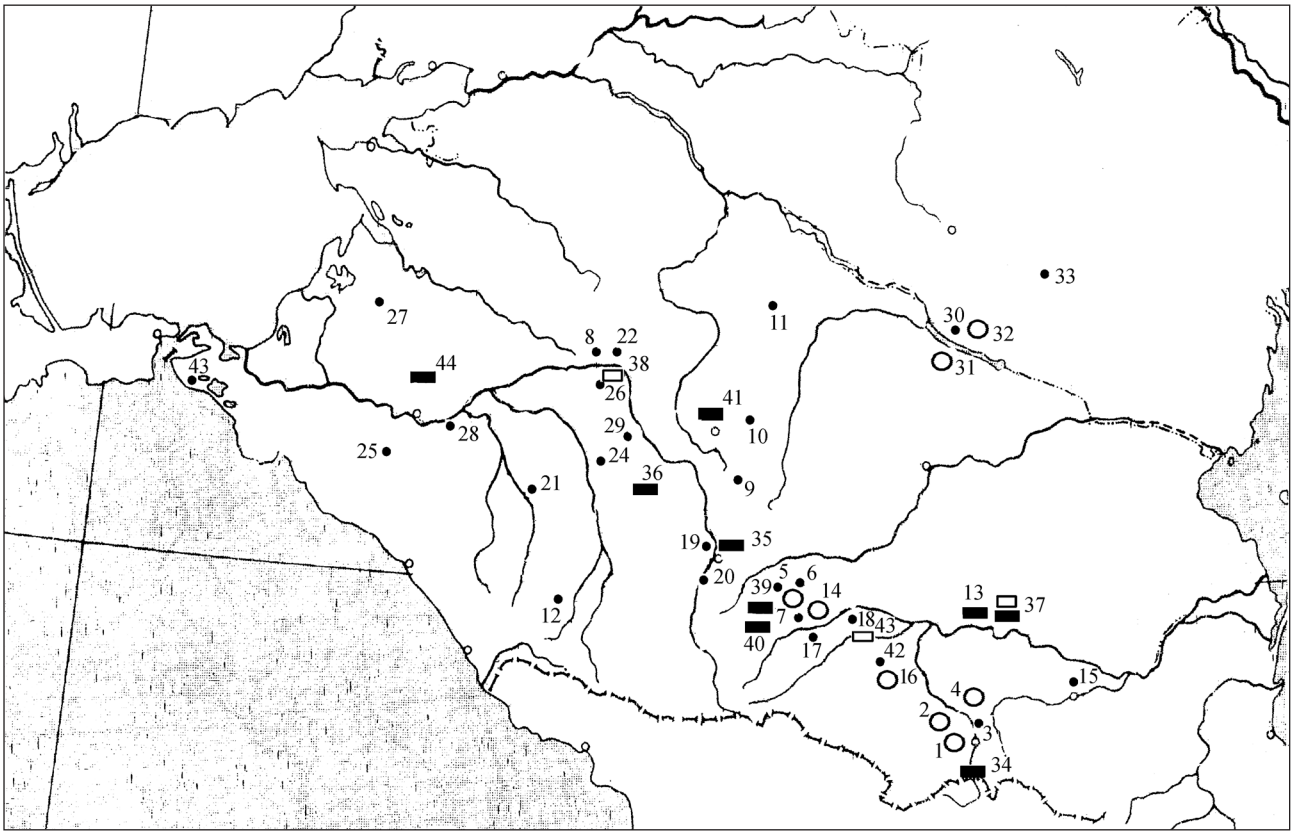


Рис. 1. Карта 1. Памятники майкопского (галюгаевско-серегинского) варианта
1 – Брут, *2* – Заманкул, *3* – Сунжа, *4* – Ногир, *5* – Иноземцево 2000, *6* – Гранит, *7* – Винсады, *8* – Темижбекская, *9* – Воровсколесская, *10* – Грушовское, *11* – Ореховка, *12* – Мостовская, *13* – Стодеревское, *14* – Марьинская, *15* – Гудермес, *16* – Урванский, *17* – Чегем I, *18* – Лечинкай, *19* – Усть-Джегута, курганы, *20* – Кардоник, *21* – Майкоп, *22* – Тенгинская, *23* – Чернышев, *24* – Келлермесская, *25* – Абинский мог., *26* – Зиссермана, *27* – Днепровская, *28* – Псекупский мог., п. 150, *29* – Армавир, *30* – Зунда Толга, *31* – Чограй I 5/6, *32* – Манджикины, *33* – Эвдык, *34* – Мыштулагтылагат, *35* – Усть-Джегутинское пос., *36* – Большетегинское, *37* – Галюгаевское пос., *38* – Серегинское, *39* – Аликоновское, *40* – Индустрпия, *41* – Ташлянское, *42* – к. Шалушка, *43* – Комсомолец, пос., *44* – Новотитаровское, пос., *45* – Рассвет (условное отнесение)

ют мешковидными очертаниями и округлым дном, острорельефно отогнутым венчиком. Цвета сосудов колеблются в палитре охристых тонов. Встречаются также черноглиняные сосуды. Следов вторичного пламени на них не наблюдается. Это явно была посуда, которую называют столовой, для хранений запасов и использования при приеме пищи.

На внешней поверхности сосудов первого класса встречаются прорезные знаки керамистов. Нередко они наносились оттисками пальцев. Посуда первого класса майкопского варианта имеет близкие аналогии в керамике культуры Лейлатепе на Южном Кавказе (*Нариманов*, 1987; *Нариманов и др*., 2007; *Мусеибли*, 2020) и среди памятников Северной Месопотамии, а также в Восточной Анатолии времени поселения Арслантепе VII (*Кореневский*, 2011) (рис. 2).

Керамика второго класса включает сосуды с искусственными минеральными примесями в тесте. Цвета такой керамики охристые и бурые. На них отмечаются темные пятна вторичного пламени.

Типы посуды первого класса включают формы больших сосудов для хранения – пифосов, сосудов средних размеров, сосудов с двумя ручками-ушками, а также очень небольших сосудов для личного пользования. Многочисленны формы мисок как первого, так и второго класса.

В Майкопском кургане найдены сосуды из золота, серебра и меди. Оружие и орудия представлены кинжалами с подтреугольной рукояткой, втульчатыми топорами, бронзовыми теслами и желобчатыми долотами, шильями (рис. 3; 4: *1–3*).

Дата майкопского варианта связана с первой половиной IV тыс. до н. э., его серединой. Самые поздние памятники датируются поздним диапазоном дат МНО. Они обнаружены на Тереке. Таково Галюгаевское поселение-1, имеющее как ранние,

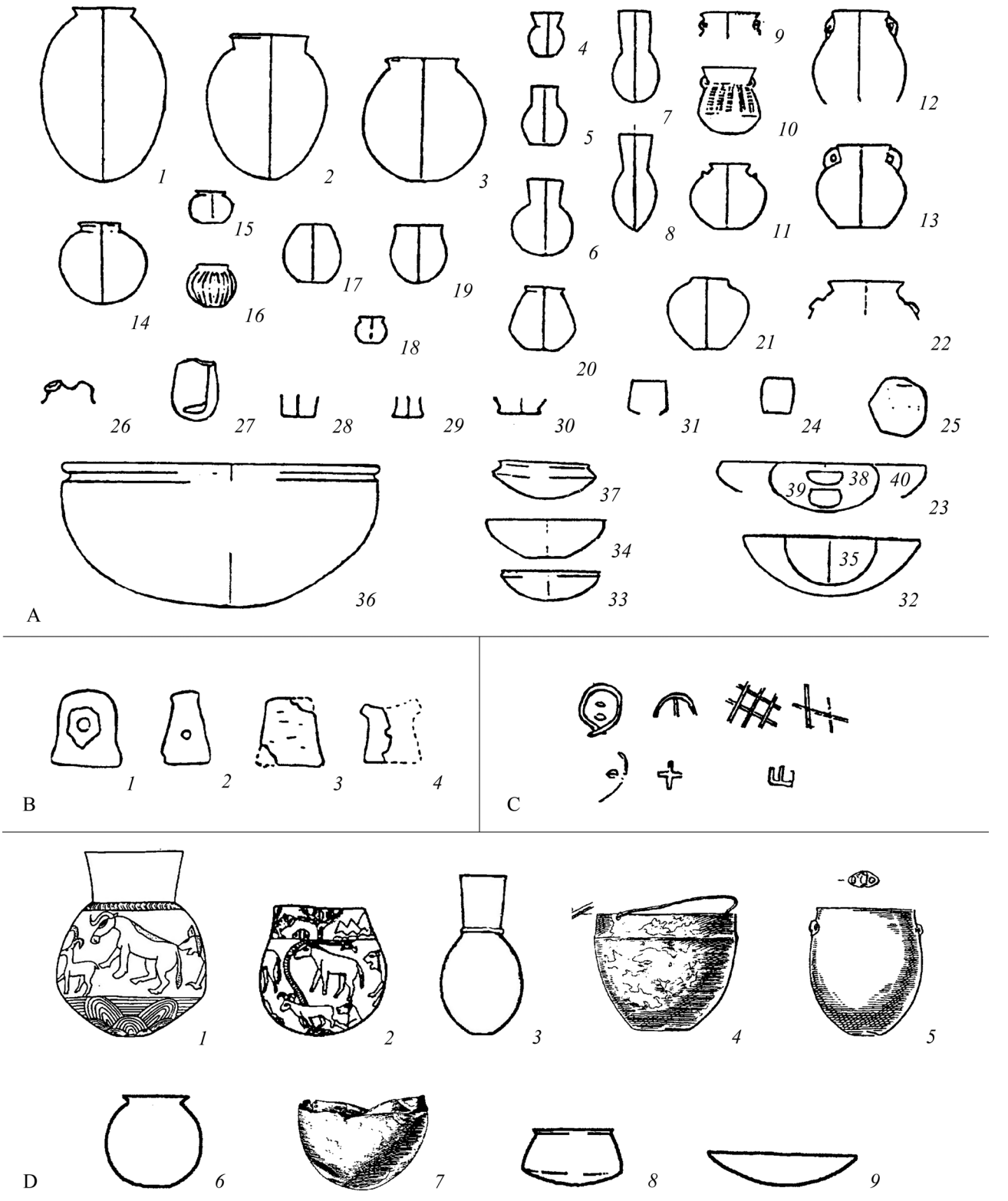


Рис. 2. Характерные формы керамики и металлической посуды майкопского (га-люгаевско-серегинского) варианта.
A – формы керамики, B – приставки к очагам, C – знаки на керамике, D – металлическая посуда из золота, серебра и меди

Рис. 3. Оружие и орудие Майкопского кургана. *1* – топор, *2* – топор-мотыга, *3, 4* – мотыга, *5* – стержень прямой, *6* – стержень изогнутый, *7* – кинжал малый, *8, 9* – долота черенковые, *10, 11* – тесло, вид в фас и вид на лезвие, *12* – вкладыши серпа, *13, 14* – тесла, *15* – наконечники стрел, *16* – кинжал крупный (бритва), *1–4, 7–9, 13, 14, 16* – бронза, *5, 6, 10–12, 15* – камень (*1–11, 13, 14* – фото и рисунки С. Н. Кореневского, *12, 13* – фото и рисунки Ю. Ю. Пиотровского)

Рис. 4. Кинжалы, меч и бронзовая посуда МНО. *1–3* – кинжалы раннемайкопского типа, *4–8* –черенковые кинжалы позднего типа, *9* – меч из к. 31 п. 5 находка А. Д. Резеп-кина (фото С. Н. Кореневского), *10* – ведро бронзовое из Майкопского кургана, *11* – котел бронзовый, Нальчикская гробница (фото С. Н. Кореневского)

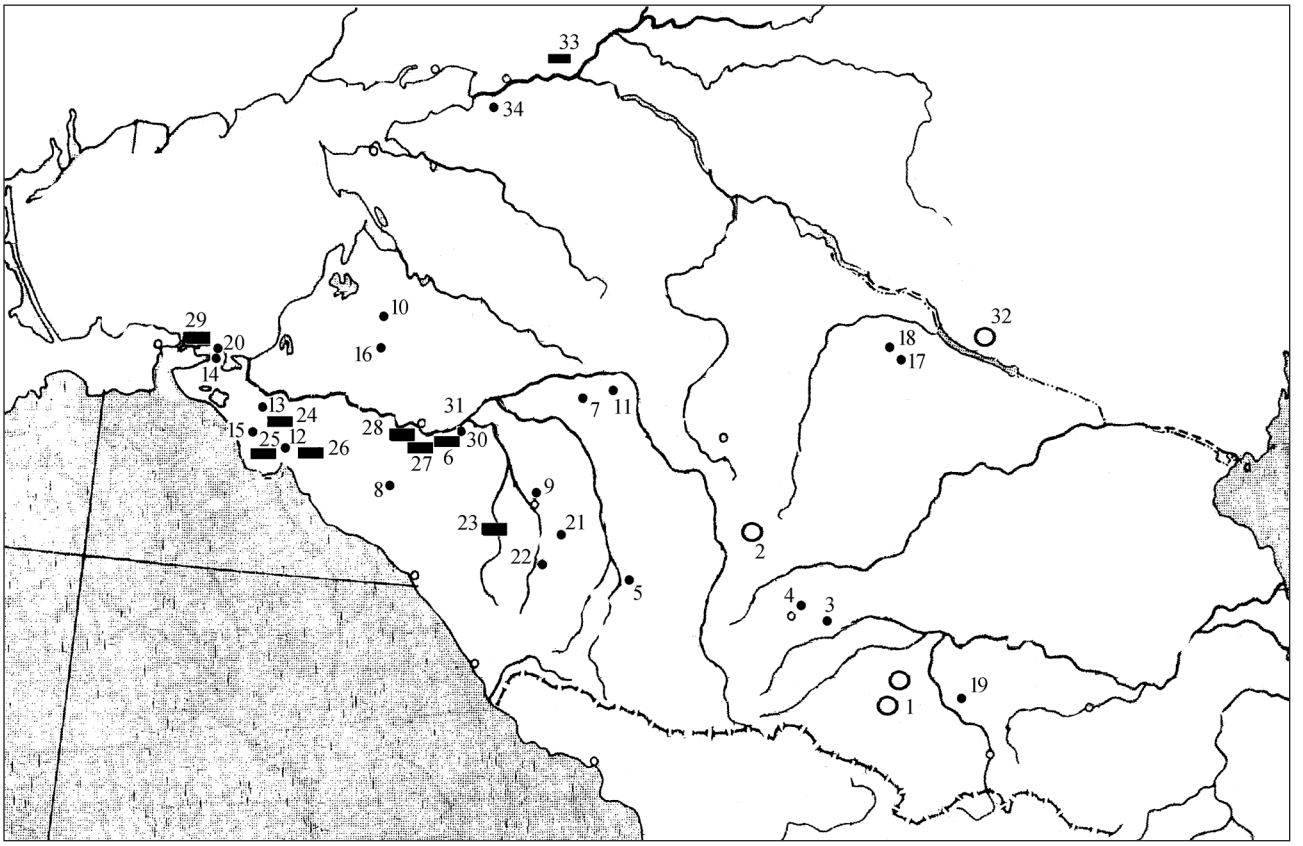


Рис. 5. Карта памятников псекупского варианта. *1* – Кудахурт, *2* – Курсавский, *3* – Кенделенская, *4* – Занозина балка, *5* – Владимировская 9/16, *6* – Псекупский, п. 2, *7* – Красногвардейский, *8* – Общественное, *9* – Синюха, *10* – Ольховский, *11* – Венцы, *12* – Натухаевские, *13* – Старотитаровская, *14* – Фонтан, *15* – Койсугский могильник, *16* – Олений, *17* – Айгурский, *18* – Золотаревка-1, к. 25, *19* – Верхний Акбаш, *20* – Темрюк, *21* – Костромская, *22* – Клады, *23* – Орлов Ерик, *24* – Чекон, *25* – Дюрсо, *26* –Натухаевское, *27* – Чишхо, *28* – Беляевское, Городской, Пхагуапе, Пшикуйхабль, *29* – Тузла-15, *30* – Псекупское, пос., *31* – Псекупский мог., п. 2, *32* – Восточный Маныч, *33* – пос. Константиновское

так и поздние даты, а также находящееся поблизости Стодеревское поселение. Всего сейчас можно учесть 11 поселений майкопского варианта и более 50 погребальных комплексов, один клад сокровищ из кургана у ст. Старомышастовской (*Кореневский*, 2004. С. 50–53).

Второй вариант – **псекупский** (назван по Псекупскому поселению) (рис. 5) (*Кореневский*, 2004. С. 53–54). Керамический комплекс состоит из посуды первого и второго классов. Формы керамики первого класса близки типам керамики майкопского варианта, но они обладают более плоским туловом и несколько меньшим разнообразием.

На своеобразие форм первого класса майкопского и псекупского вариантов наложили отпечаток традиции керамического производства Северной Месопотамии и посуды лейлатепинской культуры, но эти аналогии далеко не полные (рис. 6).

Показательным отличием посуды псекупского варианта от майкопского является отсутствие на посуде псекупского варианта знаков на плечиках и нанесение на шейку венчика и верхнюю часть туловища пролощенных орнаментов в виде сетки, штрихованных линий, налепных выпуклин. Не раз встречены фрагменты сосудов и мисок со следами окрашивания полосами темно-красного цвета.

Керамика второго класса псекупского варианта включает мешковидные формы с округлым дном, а также формы крупных и небольших горшочков с плоским дном, называемых часто «тюльпановидными». Всего сейчас учтено 11 поселений псекупского варианта и более 74 погребальных комплекса.

Ранних памятников псекупского варианта немного. Они известны из Центрального Предкавказья и датируются первой половиной IV тыс. до н. э. Поздние памятники датируются второй половиной IV тыс. до н. э. Они распространены в Западном Предкавказье и Причерноморье (*Кореневский*, 2011). В 2011, 2018 гг. было раскопано крупное поселение псекупского варианта у с. Чекон

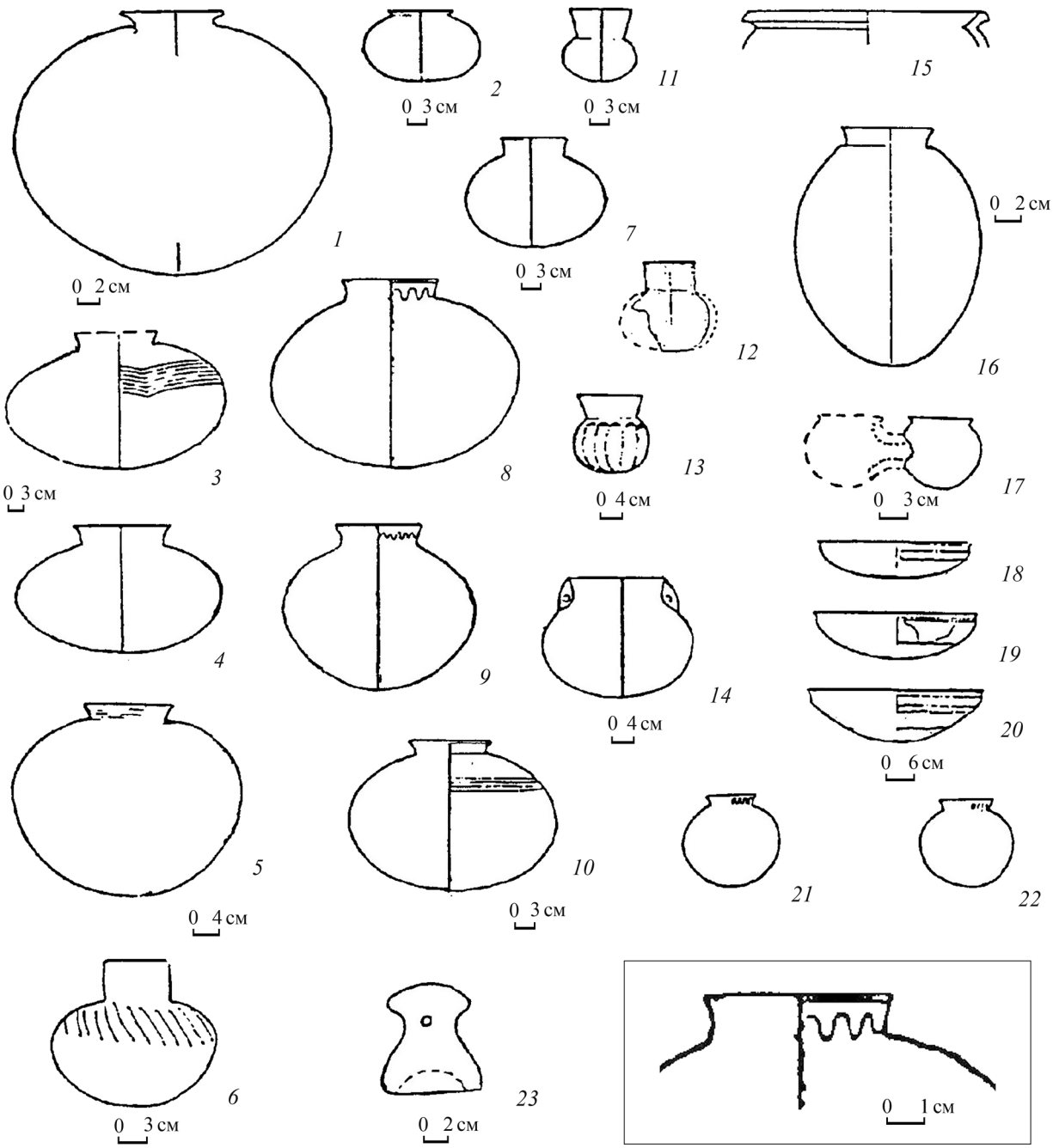


Рис. 6. Характерные сосуды псекупского варианта

Анапского района Краснодарского края с общей изученной площадью около 7 000 кв. м (основные работы: *Бочковой*, 2013; *Бочквой и др*., 2013; *Юдин, Кочетков*, 2019; *Кореневскй, Юдин*, 2023).

Третий вариант – **долинский** (назван по Долинскому поселению) (*Круглов, Подгаецкий*, 1941; *Кореневский*, 2004. С. 54–57) (рис. 7). Керамический комплекс долинского варианта существенно отличается от посуды майкопского и псекупского вариантов. Форм, характерных для посуды первого класса майкопского варианта, таких как миски или чаны, практически нет. Вместе с тем часть сосудов долинского варианта отражает их производство из формовочных масс без искусственных минеральных примесей. Для сосудов первого класса долинского варианта характерны отпечатки на дне горшка оси поворотного столика. Эти следы были ранее всего зафиксированы Р. М. Мунчаевым и А. А. Бобринским (*Кореневский*, 2004).

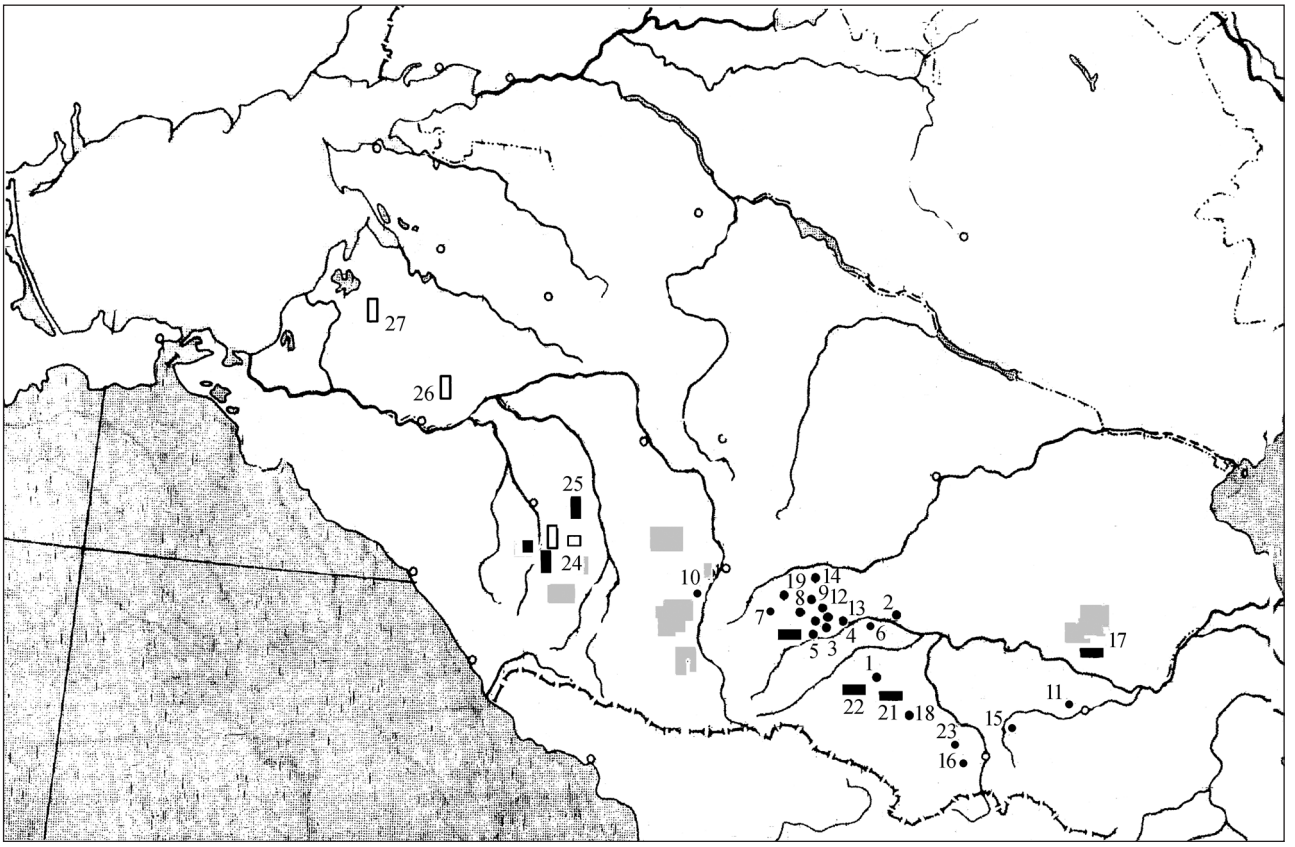


Рис. 7. Карта памятников долинского варианта и новосвободненских подгрупп.

Долинский вариант

1 – Нальчикская гробница, *2* – Кишпек, *3* – Чегем I, *4* – Чегем II, *5* – Лечинкай, *6* – Кызбурун, *7* – Нежинский, *8* – Лермонтовская скала, *9* – Иноземцево 1976, *10* – Кубина, *11* – Бамут, *12* – Марьинская-3, *13* – Марьинская-5, *14* – Горячеводск, *15* – Ассиновская, *16* –Дзуарикау, *17*– Луговое, пос., *18* – Лескен, *19* – Пятигорск, *20* – Кирпичный, пос., 21 – Долинское, пос., *22* – Нальчикское, пос., *23* – Старый Урух, пос.

Новосвободненские подгруппы НПГ

24 – Клады, Новосвободная, *25* – Костромская (Погуляево), *26* – Пластуновская, *27* – Новокорсуновская

Керамика второго класса долинского варианта вся плоскодонная. Встречаются трехручные сосуды, сосуды с ручками-приставками и с ленточными ручками. Круг аналогий керамики долинского варианта охватывает отдельные признаки форм или орнаментов куро-араксской культуры (рис. 8).

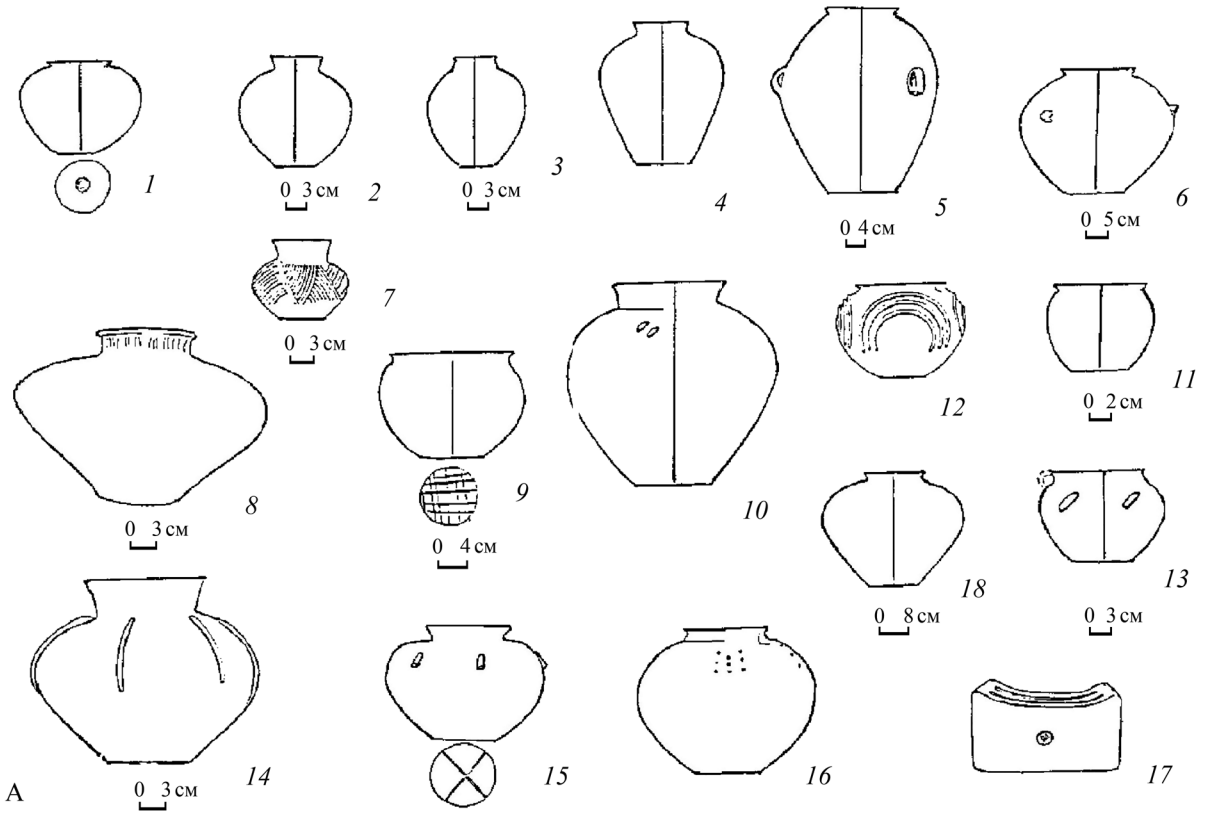
Памятники долинского варианта датируются второй половиной IV тыс. до н. э. В это время их носители доминируют в Центральном Предкавказье и некоторые из них сосуществуют с носителями майкопского варианта, как например, Иноземцевский курган 1976 г. (*Кореневский*, 2004).

Всего учтено 4 недостаточно информативных поселения долинского варианта и более 50 подкурганных захоронений.

Четвертый вариант – **новосвободненская территориальная группа** (*Кореневский*, 2004. С. 57–61) (рис. 9, 10). Комплексы новосвободненской территориальной группы локализованы в предгорной Адыгее и на Прикубанской равнине. Начало изучения новосвободненской территориальной группы положили раскопки Н. И. Веселовским двух каменных наземных гробниц в 1898 г. Затем многочисленные объекты, синхронные этим двум гробницам, были исследованы А. Д. Резепкиным в урочище Клады и В. Р. Эрлихом у станицы Костромской (*Днепровский и др*., 1995). А. Д. Резепкиным открыто и единственное поселение с ее керамикой (*Резепкин*, 2012).

В систематизации древностей новосвободненской территориальной группы еще много неясного. Пока можно лишь констатировать, что керамика из могильника Клады и из Новосвободненских гробниц позволяет выделить три подгруппы комплексов.

Подгруппа 1 (НПГ1) – предгорно псекупско-новосвободненская – состоит из 8 комплексов, которые характеризуется находками плоскодонных



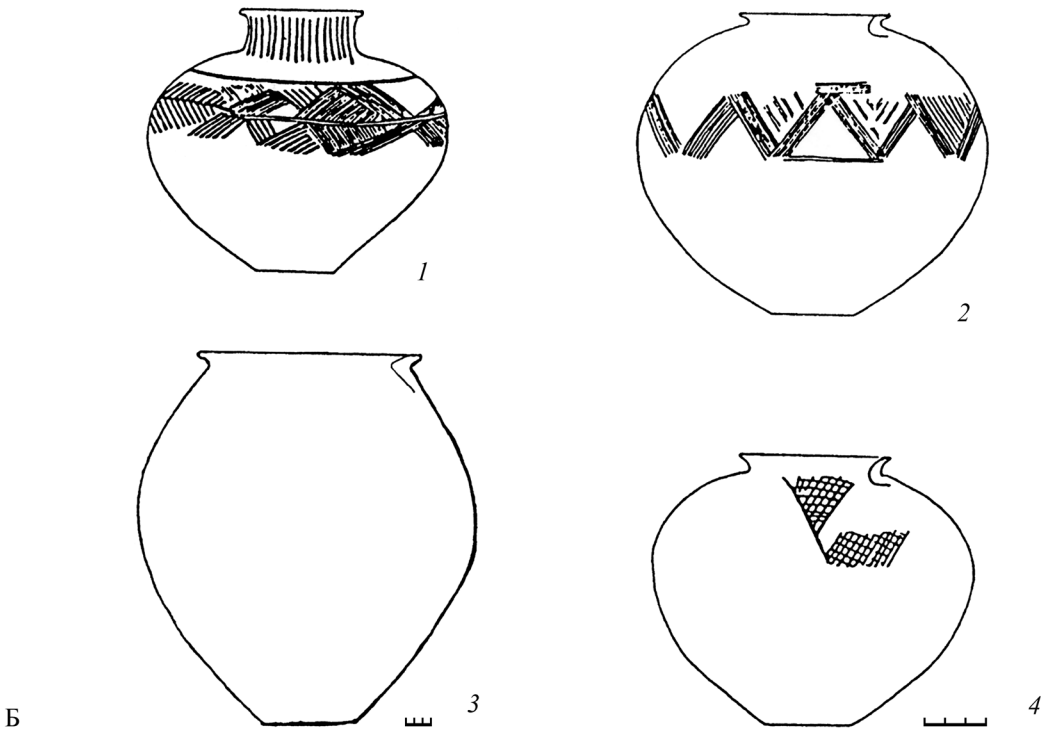


Рис. 8. Характерные формы керамики долинского варианта

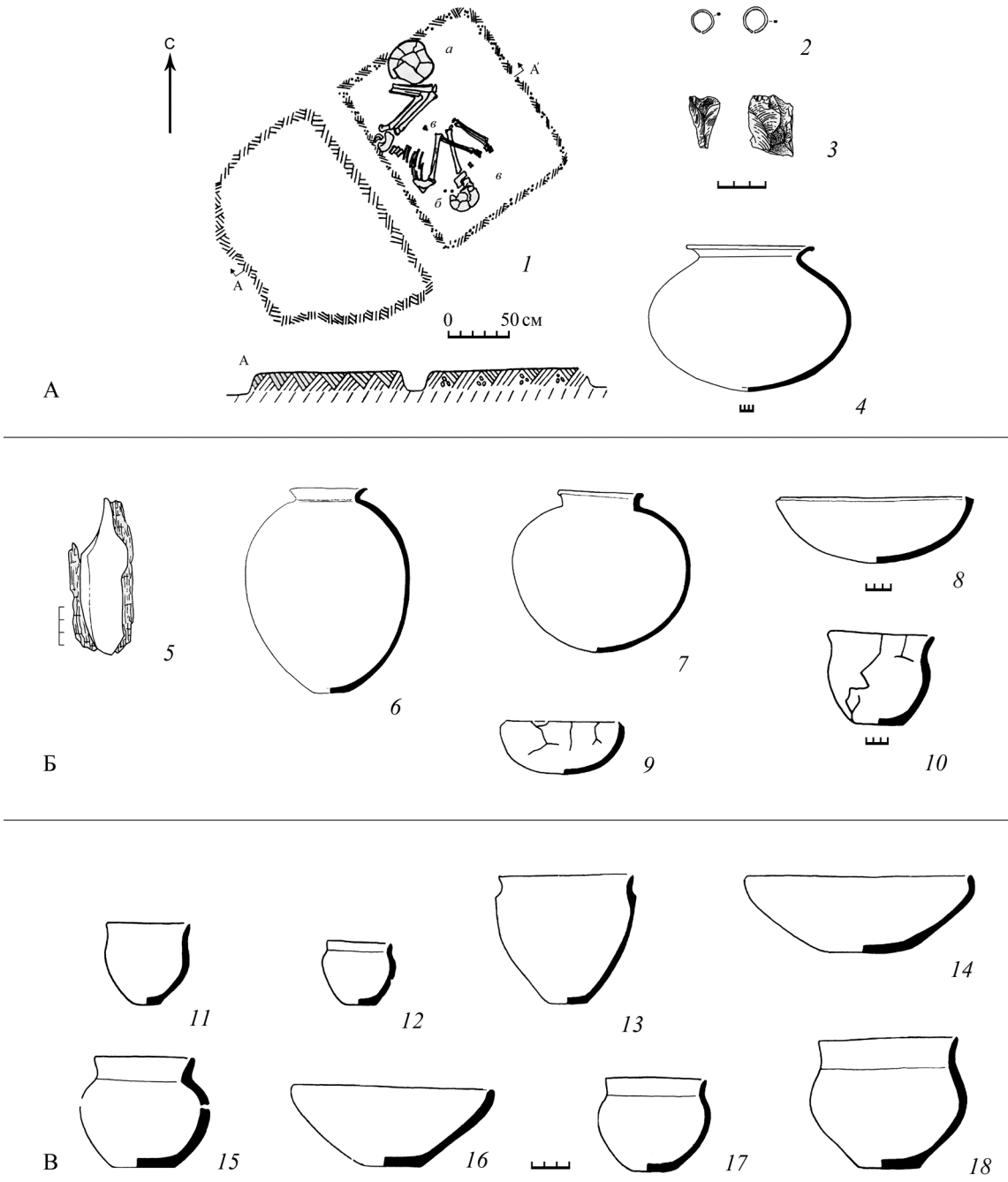


Рис. 9. Формы керамики подгрупп 1 и 2 новосвободненской территориальной группы. *1–4* – Клады, к. 31, п. 4, *5–10* – Клады, к. 11, п. 23 – НПГ1, *11–14* – к. 11, п. 14, *15* – к. 11, п. 15, *16, 17* – к. 11, п. 16, *18* – к. 11, п. 17 – НПГ2

кубков второго класса и сосудов с шаровидным туловом псекупского или майкопского вариантов. Подгруппа известна только по находкам в могильнике Клады (рис. 9: *1–10*).

Подгруппа 2 (НПГ2) – предгорно-равнинная-новосвободненская – обладает сочетанием керамики из небольших кубков и мисок без характерной посуды третьей подгруппы НПГ3. Она насчитывает около 30 захоронений и известна в предгорьях Адыгеи и на равнине (рис. 9: *11–18*).

Подгруппа 3 (НПГ3) – элитная предгорно-новосвободненская насчитывает – 25–30 комплексов, локализованных в могильнике Клады, курганах у ст. Новосвободной и ст. Костромской. Подгруппа

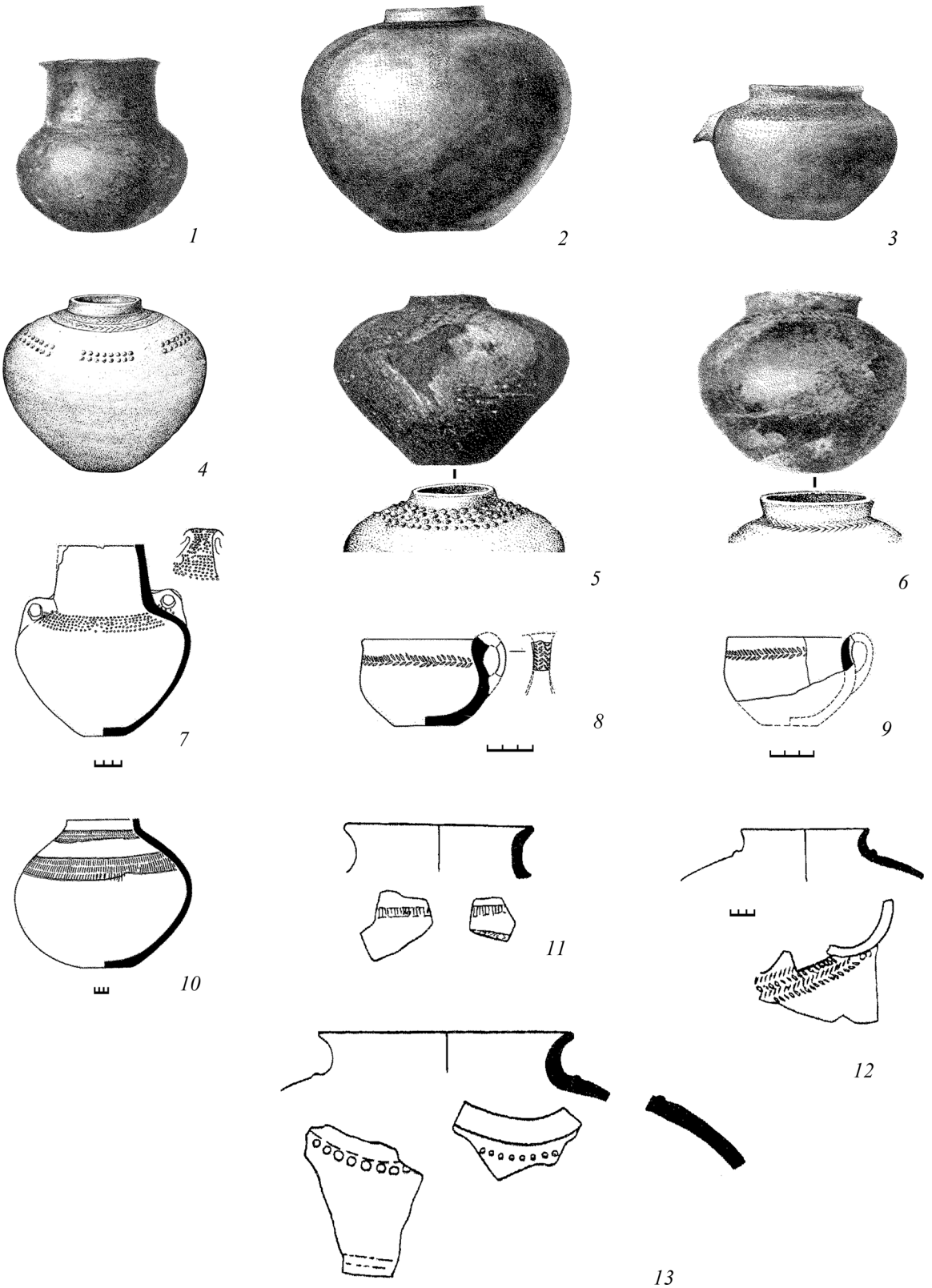


Рис. 10. Характерные формы элитной новосвободненской предгорной подгруппы НПГ3

Рис. 11. Находки на поселении Чекон 2018 г.

выделяется своеобразной керамикой второго класса, которая украшалась елочными орнаментами, налепными шишечками и иными орнаментами (рис. 10). Имеются сосуды с суженным горлом и двумя петлевидными ручками. По типологии А. Д. Резепкина, НПГ3 составляет основу группы «горизонта гробниц» (*Резепкин*, 2012). Именно с этой подгруппой связаны погребения в каменных конструкциях – гробницах – и многие находки бронзового оружия, орудий труда и изделий из золота. Керамика, похожая на сосуды долинского варианта первого класса, встречается в комплексах НПГ3, но ее формы украшены елочными новосвободненскими орнаментами (рис. 10). В комплексе п. 5 к. 31 могильника Клады найден и типичный охристый долинский трехручный сосуд из формовочной массы первого класса. Последняя находка подчеркивает синхронность п. 5 к. 31 с долинским вариантом МНО.

Хронология новосвободненских подгрупп сейчас основывается на радиокарбонных датах. Судя по ним, они датируются в основном второй половиной IV тыс. до н. э. и синхронны датам долинского варианта МНО.

По курганной стратиграфии А. Д. Резепкина (*Резепкин*, 2012), подгруппы НПГ1 и НПГ2 предшествуют памятникам элитной подгруппы НПГ3.

Кумо-Манычская периферия. Памятники МНО известны в степной зоне севера Ставропольского края и южной территории Калмыкии. Иногда их называют «степным майкопом», хотя это не совсем точное наименование, так как вся майкопская культура является степной.

По памятникам Кумо-Манычской периферии можно наблюдать смешение в комплексах типов посуды майкопской культуры и керамики местных ямных племен. В погребальном обряде встречаются формы могил в виде подбоев и катакомб с захоронениями, которые сопровождаются керамикой майкопской культуры, как, например, в Айгурском кургане (*Кореневский, Калмыков*, 2017).

ПОСЕЛЕНИЯ МНО, ЖИЛИЩА, ПРЕДМЕТЫ БЫТА

Поселения МНО располагаются на равнине, а также в предгорьях под скатами возвышенности. Из наиболее исследованных и опубликованных памятников майкопского варианта известны Галюгаевское-1, Серегинское, Большетегинское, из поселений псекупского варианта – Псекупское, Натухаевское, Тузла-15, Чишхо, Чекон (*Кореневский*, 2004; *Шишлов и др*., 2015; *Бочковой*, 2013; *Бочковой и др*., 2013; *Кореневский, Юдин*, 2023).

Долинский вариант представлен аналогиями керамики в основном на Долинском поселении (*Круглов, Подгаецкий*, 1941). Новосвободненские подгруппы находят аналогии по керамике на Новосвободненском поселении.

Наиболее широкая площадь раскопана на поселении Чекон (*Бочковой*, 2013; *Юдин, Кочетков*, 2019). На нем вскрыто около 7 000 кв. м. На других поселениях вскрытая площадь значительно меньше. Толщина культурного слоя майкопских поселений достигает до 0,5–1 м. Культурный слой часто лежит пластами, отражая оставление места жительства его обитателями и возвращение их спустя некоторое время. Как правило, низ культурный слоя майкопского поселения подстилает материковый горизонт карбонатов, углубленный от современной поверхности до 1 м.

Жилища майкопцев представлены конструкциями разного типа. На Галюгаевском-1 поселении на Тереке они наземные и имеют обкладку по контурам строения. Площадь жилищ на Галюгаевском поселении составляет 21, 32, 72 кв. м. На поселениях Закубанья в Адыгее жилища перекрыты целыми турлучными «шапками» (*Резепкин, Лионне*, 2007). На поселении Чекон Анапского района жилища не перекрывались турлуком и имели вид полуземлянок, немного углубленных в землю. Диаметры таких ям-полуземлянок достигают 3–5 м, иногда более (*Кореневский, Юдин*, 2023).

Стационарные очаги зафиксированы только на постройках Галюгаевского-1 и Серегинского поселений. Для поселения Чекон можно предполагать использование переносных очагов, аналогии которых найдены Н. Ф. Шевченко на поселении Новотитаровское-14 в Прикубанье (*Кореневский*, 2023).

Для поселений МНО очень показательны приставки к очагам. Они имеют вид конуса или пирамидки высотой 20–25 см с отверстием в центре фигурки. Верх приставки может быть овальным, плоским или расширенным в виде шляпки. На некоторых приставках имеются следы вторичного пламени от прикосновения к огню. Символика приставок объясняется через аналогии подобным фигуркам из неолитических поселений Малой Азии (например, поселение Хуючек). Последние приставки имеют изображение тела женщины с отверстием в центре живота, как священного места рождения жизни. Голова скульптурки может просто не обозначаться. В итоге получается упрощенная абстрактная схема тела человека. Она явно подразумевает образ богини – покровительницы очага и всего жилища (*Кореневский*, 2013).

В жилищах на Галюгаевском поселении найдены поставленные вдоль стенок сосуды, развалы керамики, зернотерки, кремневые вкладыши и явные следы покидания постройки ее обитателями. Жители строения забирали с собой все ценное имущество. Оставленное жилище сжигали.

На поселениях псекупского варианта Тузла-15 и Чекон отмечена устойчивая традиция майкопцев забрасывать оставляемые ямы своих сородичей бытовыми отходами, костями животных и золой. Золу получали от костров, разжигаемых на стороне. Этим обрядом соблюдались некие культовые церемонии, как например, обряд очищения места, но вместе с этим производилась дезинфекция покидаемого пространства (*Кореневский*, 2020; *Кореневский, Юдин*, 2023). Осознавали ли последнее жители поселка, трудно сказать, но факт остается фактом.

На поселении Чекон А. И. Юдиным найдены следы металлообработки. Они представлены серией небольших бесчеренковых кинжалов, булавкой с петлевидной головкой, обломком булавки с биволютным навершием, обломком стержня и небольшими слитками металла. Три из них имели медную основу (рис. 10: *7, 8, 9*). Один слиток был по своей основе практически чистым цинком (рис. 10: *11*) (*Кореневский, Юдин*, 2023).

На майкопских поселениях, кроме жилищ, много небольших ям до метра в диаметре с отходами пищи и керамическим боем. Возможно, это обычные мусорные ямы или ямы, связанные с некими культами.

ТРАДИЦИИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

Для племен МНО был характерен курганный обряд погребения. Мифология смерти предполагала захоронения сородичей в углубленных в материк ямах и на поверхности земли в плодородном слое почвы. Погребения в ямах имели различные размеры – от 2 до 6 или 7 м по длинной стенке. Им придавали вид прямоугольника или длинной траншеи. Стенки ямы могли обкладываться деревом, а дно устилаться галькой. Яма перерывалась деревянными плахами или каменными плитами.

Погребения на поверхности земли могли обкладываться деревом в виде ящика и перекрываться крышей. Были известны небольшие каменные ящики.

Монументальными сооружениями являются наземные гробницы из гальки, а также каменные гробницы из плит.

Много споров вызывают конструкции в наземных гробницах, имевших отверстие в одной их стенок, в так называемых «дольменах». Отверстие в стенке дольмена было невелико – 30–40 см по размерам – и непригодно для протаскивания через него тела человека. Скорее всего, это было культовое приспособление. Напротив отверстия иногда устраивался притвор, то есть подобие дворика. В целом гробницы с отверстием могли отражать идею двухкамерного помещения. При раскопках курганов в могильнике Клады А. Д. Резепкин показал на своих иллюстрациях деформированные плиты в конструкции гробниц. Последнее обстоятельство выглядит несколько странным, если памятники раскапывались, как положено, вручную. Возникает вопрос, когда плиты в конструкциях гробниц получили повреждения? Возможно, плиты появились ранее сооружения захоронения местной элитной группы?

На поселении Чекон в 2018 г. были открыты более 10 грунтовых захоронений в округлых ямах или в культурном слое. Их обрядовая нагрузка не совсем ясна, и вопрос о них сейчас находится в стадии исследования. Дата таких погребений относится ко второй половине, но в основном к концу IV тыс. до н. э. и к началу III тыс. до н. э. (*Кореневский, Юдин*, 2023).

Изредка встречаются погребения в катакомбах. Последний тип погребальных сооружений мог перейти к майкопскому населению от местных племен прото-ямной культуры предшествующей эпохи. Он связан у майкопского населения с редкими погребениями женщин и детей, а также некими жертвенными захоронениями (например, Комаровский курганный комплекс из погребений в катакомбах) (*Кореневский*, 2004. С. 166. Рис. 38; 2016).

Поза покойного человека по майкопским обычаям всегда отражает позицию скорченно на боку, костяк посыпался красной краской. Отмечается, что такая краска могла быть киноварью. Характерна поза скорченного на боку костяка, сдвинутого к стенке. Исключение составляет только сам Майкопский курган. Погребенные в нем люди, все трое, были положены на спину с кистями согнутых рук у головы. Ноги были согнуты в коленях и поставлены стопами на землю (*Веселовский*, 1900).

Формы погребальных сооружений по вариантам общности распределены так. Для майкопского варианта встречены крупные грунтовые ямы прямоугольной формы и удлиненные траншейные ямы. Отмечены редкие гробницы из гальки на поверхности земли. Самый выдающийся памятник майкопского варианта – это сам Майкопский курган с его

крупной ямой 5,33×3,73×1,42 м. Найденный в нем инвентарь уникален. Дно ямы было разделено деревянной перегородкой на три части. В каждом отсеке было похоронено по человеку. Под костяками отмечалась галечная выкладка, костяки были усыпаны красной краской.

Обряд погребения отражал очевидное социальное неравенство покойных людей. Главный костяк в Майкопском кургане находился в южном отсеке. При нем были найдены оружие, орудия из бронзы и камня, сосуды из золота и серебра, посуда из керамики, а также масса бус из золота и серебра, сердолика и бирюзы. Ряд сосудов из серебра был деформирован при похоронах. Их корпуса несут следы разрывов, вмятин (*Кореневский*, 2021). Символика этого захоронения была связана, по всей видимости, с культом Древа Жизни (*Кореневский*, 2012).

Два костяка в восточном и западном отсеках погребальной утвари из оружия и орудий не имели. Однако их погребальный костюм включал множество бус из золота, серебра и полудрагоценных камней. При погребенном человеке в восточном отсеке была поставлена посуда из меди.

Подробно о погребальных обрядах майкопского варианта судить пока трудно, так как более 90% его захоронений разграблено в древности.

Погребения псекупского варианта пока известны в основном в грунтовых ямах. Наиболее примечательны два захоронения 1 и 3 кургана Кудахурт в Кабардино-Балкарии (*Кореневский и др*., 2008). В них найдены украшения из золота и серебра, масса бус из лазурита Бадахшанского месторождения в Афганистане. Наиболее информативное погребение позднего псекупского варианта найдено в Псекупском могильнике под № 2. В нем зафиксирован наконечник копья, бронзовый топор и бронзовое тесло.

Погребения долинского варианта совершались в грунтовых ямах и на поверхности земли под небольшими каменными курганами. Самые значимые погребения связаны с захоронениями в Нальчикской и Кишпекской каменных гробницах. В конструкциях гробниц и камнях перекрытия использовались антропоморфные изваяния. Инвентарь гробниц включал оружие и орудия труда из бронзы, а также украшения из золота.

Погребения новосвободненской территориальной группы представлены грунтовыми ямами и погребениями с каменными обкладками. Наиболее информативными являются погребения НПГ3 в каменных наземных гробницах, содержащих богатый инвентарь из бронзы и золота. Таковы гробницы в двух курганах у ст. Новосвободной, гробницы в могильнике Клады в к. 31, п. 5, к. 28 и ряд других курганов. Каменные гробницы были очень крупными сооружениями. Так, вес плит гробницы из кургана 1 достигал в целом 15,3 тонны, а вес плит гробницы 2 – 14,5 тонны (*Попова*, 1963. С. 11). В погребениях долинского варианта и новосвободненской подгруппе НПГ3 также находят металлические сосуды. В основном это бронзовые котлы и золотая миска из погребения к. 31, п. 5 могильника Клады. Котлы представлены дефектными сосудами с разорванным корпусом, иногда деформированным венчиком. В Новосвободненской гробнице 1, перекрытой каменной плитой, были зафиксированы отдельные фрагменты бронзовых сосудов, которые явно были положены в погребение именно как обломки некогда целых горшков. Каменную плиту-перекрытие этого погребения после совершения захоронения не поднимали, и никакие обвалы грунта внутри гробницы не могли так деформировать сосуды из бронзы (*Попова*, 1963. Табл. VII).

Изделия из металла являются самой показательной частью материальной культуры МНО, известной по данным археологии. В основном об их формах можно судить по материалам погребальной практики, менее – по находкам на поселениях (рис. 2: *D*; 3, 4). Н. В. Рындина и И. Г. Равич в работе 2019 г. учли более 350 предметов из майкопских комплексов. Сейчас известно на 20–30 вещей больше.

Оружие из бронзы представлено типами втульчатых бронзовых топоров, кинжалов с треугольным черенком (бесчеренковых) и со стержневидным черенком, бронзовыми наконечниками копий. Орудия из бронзы включают бронзовые тесла, желобчатые долота, шилья, вилы, крюки, кольца для управления быками. Категория однолезвийных ножей отражена слабо.

К вершинам мастерства своего времени относятся литые и кованые из нескольких частей бронзовые сосуды-котлы. Шедевры производства представлены сосудами из золота, серебра (рис 2: *D*; 4: *10, 11*). С комплексом пира связаны бронзовые вилки и крюки. Последний обзор металлических изделий МНО представлен в работах С. Н. Кореневского 2011 г. (*Кореневский*, 2011), а также Н. В. Рындиной и И. Г. Равич 2019 г. (*Рындина, Равич*, 2019).

Майкопская металлическая посуда, найденная при раскопках или случайно, часто несет следы деформации. Вероятно, у майкопцев была традиция класть в могилу сородичу «порченную» металлическую посуду. В таком виде она также использовалась у племен ямной культуры, обитавших на территории современной Калмыкии. Так, в могильнике

Эвадык (к. 4, п. 23) в захоронении местного лидера, похороненного с золотой височной подвеской, был найден майкопский бронзовый котел без венчиковой части и даже без дна (*Шилов, Багаутдинов*, 1998).

На основании работ исследователей, специально занимавшихся проблемами химизма майкопского металла, были сформулированы выводы о местном характере майкопской металлообработки (*Кореневский*, 1984; 1988; *Галибин*, 1991; *Рындина, Равич*, 2019).

Новую страницу в исследовании майкопских бронз открывают находки А. И. Юдина на поселении Чекон в 2018 г. (рис. 11). При раскопках этого памятника были обнаружены очевидные следы обработки металлических вещей. Состав металла найденных предметов, отходов литья и слитков отражал разнообразный набор сплавов на медной основе. В него входили три чисто медных изделия (?) – отходы производства (рис. 11: *13, 16, 18*), семь образцов из медно-мышьяковой бронзы (рис. 11: *2, 5, 8, 11, 14, 17, 19*). Эта серия включает кинжалы (рис. 11: *2, 5*), стержень (рис. 11: *8*), подобие шильев (рис. 11: *11, 14*), слиток (рис 11: *17*), топор (рис. 11: *19*). Стержень – возможно, обломок булавки (рис. 11: *8*) – содержит 11% мышьяка. В остальных предметах количество мышьяка существенно меньше – от 0,5% до 1,47%.

Один кинжал изготовлен из медно-мышьяково-высоконикелевой бронзы. Содержание никеля в нем 3,354% (рис. 11: *4*).

Два предмета включают в свой состав свинец в количестве 1,92% и 2,78%. Это некое подобие шила (рис. 11: *10*) и какой-то отход производства (рис. 11: *15*).

Один кинжал включает в свой состав цинк в количестве 3,36% (рис. 11: *3*).

Четыре предмета имеют двойную лигатуру олова и цинка. Это булавка с закрученным в трубочку навершием (рис. 11: *6*), бракованное изделие – булавка с биволютной головкой (рис. 11: *7*), стержень – обломок некоего изделия (рис. 11: *9*), кинжал (рис. 11: *1*). Содержание олова в них колеблется от 11,77% до 18–22,45%. Содержание цинка колеблется от 2,12% до 5%. Мышьяк присутствует только в количестве сотых долей процента.

В слое поселения обнаружен небольшой слиток металла, напоминающий обломок кольца, который оказался практически чистым цинком (рис. 9: *20*). Это одно из древнейших, но не единственное для Предкавказья свидетельство знакомства местных металлургов с цинком на Кавказе.

В итоге сейчас оформилась точка зрении о том, что майкопский мышьяковый и мышьяково-никелевый металл был связан с кавказскими источниками. Он мог обогащаться присадками никелесодержащих минералов типа никелина (С. Н. Кореневский, В. А. Галибин, Н. В. Рындина, И. Г. Равич). Такие присадки способствовали удерживанию, по мнению Н. В. Рындиной и И. Г. Равич, летучего мышьяка в сплаве.

Материалы поселения Чекон 2018 г. показывают, что майкопские кузнецы-металлурги могли экспериментировать с выплавкой изделий с присадками олова, цинка, свинца. Для производства украшений они использовали очень высокий процент мышьяка в металле. Однако сведения о таких сплавах у майкопцев пока ограничены.

Производство металлической посуды, включая изделия из золота и серебра, ювелирных украшений и благородных металлов также было связано с местными умельцами, по выводам С. Н. Кореневского. Для этого времени оно нигде на Ближнем Востоке не находит аналогий.

Украшения носителей культуры МНО представлены в основном только изделиями из золота, реже из серебра и меди. Таковы две золотые ленты – диадемы из Майкопского кургана, золотые цветы из этого же комплекса. Для МНО в целом очень показательны височные золотые подвески в виде сомкнутых или разомкнутых колечек (височные кольца из серебра очень редки) и колечек с нанизанным на них сердоликовым камешком или камешком из лазурита.

Важно отметить, что украшение головного убора золотыми колечками практиковалось у майкопцев разных вариантов, комплексы которых содержат оружие, а также в некоторых женских захоронениях.

Украшения височных колец из серебра отмечаются очень редко. Можно упомянуть лишь около 4 случаев находки таких украшений. Все они найдены в комплексах, где нет оружия. В такой статистике заключена еще не совсем ясная традиция отношения майкопской элиты к украшению головного убора изделиями из золота и серебра.

Украшение головы подвесками из меди известно сейчас лишь в единичном случае. В этом захоронении также нет оружия.

Далее следует отметить, что тема о металле МНО нуждается, конечно, в особом освещении.

Мастера по металлу и ювелиры могли вести свое производство вне бытовых поселков обычных аграриев. Найти их локализацию на поселениях вдали от рудных источников очень проблематично. Исключения тут редки.

Хозяйственно-культурный тип племен МНО был связан с подвижно-оседлым образом жизни.

Основу хозяйства составляло пастбищное и придомное скотоводство, мотыжное земледелие, собирательство и охота. Перемещения групп населения могли быть обусловлены климатическими переменами, истощением плодородных участков почвы. Майкопцы разводили крупный и мелкий рогатый скот, свиней. Знали лошадь, но нет данных об использовании ее под верх или в качестве упряжного животного.

Из местных видов ремесел, помимо металлообработки, с майкопским населением можно связать гончарство, камнерезное дело, ткачество. Широко был развит ближний и дальний дарообмен, который, возможно, имел даже эстафетный характер, достигающий на юго-востоке далекого Бадахшанского месторождения лазурита в Афганистане. Ввозился также полудрагоценный камень – бирюза. Ее месторождения известны в Иране и Армении (Техутское).

Особенности материальной культуры МНО и ее погребальной обрядности позволяют создать базу для выводов об общественном устройстве ее общества. Решение такой темы давно старались отразить своими работами А. М. Тальгрен (1933), А. А. Иессен 1950), В. М. Массон (1997, 2020). Рассуждения по ней есть в работах А. Д. Резепкина (2012) и С. Н. Кореневского (2004, 2011). В итоге их можно представить следующим образом.

Предметы материального производства, прежде всего изделия из керамики, металла, камня, отражают наличие в обществе МНО профессионалов-мастеров, производящих свою продукцию для так называемого первобытного «рынка сбыта» внутри общины и вне ее территории. Некий круг лиц занимался дальним дарообменом. Он имел доступ к высокопрестижным изделиям и сырью, например, к полудрагоценным камням.

Сельское хозяйство находилось в руках аграриев, владельцев скота и занятых обработкой земли.

Погребальные обряды своими артефактами особо выделяют символику воинского дела и деревообработки. Это позволяет предполагать выделение лиц, занятых военной деятельностью, и подчеркивание особой значимости работы по дереву.

Металл в погребальных обрядах майкопцев играл значимую престижную роль. Всего с металлом можно учесть не менее 103 комплексов МНО. Вместе с тем большинство захоронений МНО (примерно более 130–140 из учтенных 240 погребений) связано с лицами, которые сопровождались только керамическими сосудами.

Важную роль в подчеркивании престижа при похоронах сородича играло золото. Находки могил с золотом насчитывают около 43 случаев. Примечательно, что золото встречается в основном только в могилах с оружием. Погребений с золотом, но без оружия немного – 5 случаев. Есть данные предполагать, что в основном это были погребения женщин. Захоронений мужчин такого типа не зафиксировано.

Особый престиж подчеркивали погребения устроителей трапез, которым ставили в могилу сосуд из металла. Погребения с металлической посудой подчеркивают высший престиж лиц, которые хоронились с особыми трудозатратами в больших ямах или каменных гробницах.

Распределение утвари погребений позволяет отметить артефактные группы (по наборам вещей), такие как могилы «устроителей трапез», которые сопровождались оружием, орудиями труда (деревообработки), а также металлической посудой. Безусловно, такие наборы сами по себе имели большую стоимость и могли отражать богатство их владельцев.

Эти факты позволяют полагать, что погребальные традиции МНО отражают еще первобытное общество, имеющее очевидное имущественное расслоение. В погребальных обрядах оно осуществлялось положением в могилы золотых изделий, оружия и инструментов деревообработки. Особенностью погребенной практики МНО стала традиция подчеркивать высший престиж погребений устроителей трапез, отражая важную роль в обществе разного рода пироторжеств.

Весьма показательной чертой погребальной обрядности майкопского, долинского вариантов и элитной новосвободненской подгруппы стали жертвенные захоронения женщин или детей с погребениями представителей высшей знати с символикой устроителей трапез. Они прослеживаются по захоронениям в Майкопском кургане, Нальчикской гробнице, Кишпекской гробнице, в могильнике Клады к. 31, п. 5, в Андреевском кургане по погребению 1 (*Кореневский, Прокофьев*, 2020).

Подобные черты погребальной практики позволяют проводить параллели общества МНО с традициями населения, которое в этнологии определялось принадлежностью к **первобытно-престижной фазе** предгосударственного развития, выделенной Ю. И. Семеновым (*Семенов*, 1993б; 1993а. С. 57, 58).

Общество МНО было высоко военизировано. Для высшей знати престиж военного дела был особо значим, как и престиж труда. Здесь важно отметить, что отдельно взятый престиж символики трудовых успехов, отражаемый положением в могилу только одного тесла, особой популярностью в погребаль-

ной практике МНО не пользовался. Случаи с такими захоронениями крайне редки (Бамут к. 8, п. 2) (*Мунчаев*, 1975. С. 294).

Антропологических данных о носителях МНО немного. Их сводка представлена в статье Т.И. Алексеевой. Ей были осмотрены черепа из Северной Осетии: из п. 7 к. 1 у с. Брут: мужской (35–40 лет), женский (18–20 лет), п. 3 к. 3 у с. Брут (мужчина около 50 лет), п. 13 к. 5 Нежинский I (мужчина около 40 лет). Кроме этого, имеются антропологические заключения А.А. Шевченко о погребенных людях из могильника Эвдык в современной Калмыкии, краниологические определения из кургана в Ипатово 3 и 5, Золотаревка 1, Горячеводский 1 и 2, Шарахалсун 6, Айгурский 2.

Они опубликованы в тезисах М.М. Герасимовой, Д.В. Пежемского, Л.Т. Яблонского (2002). На основании этих данных антропологи отмечают неоднородность населения майкопской культуры. Учитывая такое заключение, Т.И. Алексеева приходит к выводу, что проанализированные ею индивиды относятся к средиземноморской ветви южноевропеоидной расы. На территории Кавказа этот тип уже был широко распространен в V–IV тыс. до н. э. Известен он был также в Иране и в Месопотамии. Майкопские черепа отражают антропологический полиморфизм. Смешение майкопского населения с местным населением, возможно, привело к отличию черепов майкопцев из современной Калмыки от майкопских черепов из Северной Осетии (*Алексеева*, 2004).

В литературе сейчас появились первые данные о генетической характеристике майкопского населения. Всего проф. Краузе и Хааком было получено 16 определений (*Haak et al*., *2015; Skourtanioti et al*., 2020; *Mathieson et al*., 2018). По вариантам МНО они распределяются так. К майкопскому варианту принадлежит одно определение. Это мужчина Y группы J. Для долинского варианта произведено 5 определений. Два из них относились к Y гаплогруппе L.

Три определения связаны с ранними новосвободненскими погребениями 11/50/11/48/11/43. Определено одно мужское п. 11/50 – это Y гаплогруппа J2a1. Для двух поздних погребений могильника Клады 11/22 и Длинная поляна определены Y гаплогруппы J2a1, G2a2a.

Для долинского варианта могильника Марьинский (п. 12 и п. 25) определены два костяка с Y гаплогруппой L. Еще одно погребение с гаплогруппой L найдено в кургане «Синюха» псекупского варианта.

Из комплексов, близких к Кумо-Манычской впадине, определено одно захоронение Шарахалсун, к. 2/18. Гаплогруппа костяка из этого захоронения Q12. Однако погребение Шарахалсун 2/18 было совершено в катакомбе. Поза костяка отражает его сидячее положение. Керамика отсутствует. По таким показателям рассматриваемое захоронение невозможно отнести к майкопской культуре.

Необходимо отметить, что в выборке генетиков среди майкопских захоронений совершенно нет типично восточно-европейских значений гаплогруппы R1a, которые встречаются в энеолитических погребениях протоямной культуры и в погребениях ямной культуры бронзового века. Для майкопских захоронений отмечается только гаплогруппа J, G, L. Судя по этим данным, трудно сказать, насколько была однородна или разнородна МНО по своим вариантам. Генетических определений для таких заключений еще очень мало.

Общее представление о МНО по данным археологии таково. Эта общность существовала долго – около 1000 лет. Ее формирование было обусловлено миграцией населения с юга, принесшего в Предкавказье рецепты изготовления керамики без минеральных примесей в формовочной массе северо-месопотамских образцов посуды со знаками на плечиках.

Рассматриваемая миграция произошла в начале IV тыс. до н. э. Она была, скорее всего, связана с появлением лейлатепинской культуры на Южном Кавказе. В первой половине IV тыс. до н. э. в Центральном Предкавказье уже фиксируется и ранний псекупский вариант.

К середине IV тыс. до н. э. в Предкавказье формируются долинский вариант и поздний псекупский вариант, носители новосвободненской территориальной группы.

Мы не обсуждаем проблему языка или языковой семьи носителей разных вариантов МНО. Эта тема не обеспечена научными данными о лингвистической обстановке на Кавказе в V–IV тыс. до н. э., так же как и на Ближнем Востоке. Поэтому мы не можем утверждать, насколько носители МНО были едины по языку. Кроме того, в истории древнего населения известны случаи, когда с исчезновением культуры пропадал и язык ее носителей.

Все варианты МНО внезапно и относительно одновременно исчезли к началу и в начале III тыс. до н. э. Этот факт нуждается в специальном изучении. Подобные резкие культурные трансформации, вероятно, были связаны с некими глобальными событиями, влияющими на жизнь людей, как например, с разразившейся эпидемией. Конечно, пока это только предположение. Так ли это было, может дать ответ лишь новый анализ накопившегося материала и методы его исследования.

Литература

Алексеева Т. И., 2004. К антропологии племен майкопско-новосвободненской общности в Центральном Предкавказье // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М. С. 168–180.

Андреева М. В., 1977. К вопросу о южных связях майкопской культуры // СА. № 1.

Батчаев В. М., 1984. Погребальные памятники у селений Лечинкай и Былым // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик. С. 112–163.

Бетрозов Р. Ж., Нагоев А. Х., 1984. Курганы эпохи бронзы у селений Чегем I, Чегем II и Кишпек I // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик. С. 7–40.

Биджиев Х. Х., 1980. Большой курган у аула Кубина в Карачаево-Черкесии // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука. С. 33–43.

Бочковой В. В., 2013. Отчет Краснодарской археологической экспедиции о раскопках поселения Чекон и кургана у с. Юровка в 2011 г.: в 6 томах Краснодар. № 34075.

Бочковой В. В., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., Резепкин А. Д., 2013. Поселение майкопской культуры «Чекон» // Археология и этнография Понтийско-Кавказского региона. Вып. 1. Краснодар: Кубанский гос. ун-т. С. 5–18.

Веселовский Н. И., 1900. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1897 г. СПб.

Веселовский Н. И., 1901. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1898 г. СПб.

Галибин В. А., 1991. Изделия из цветного и благородного металла памятников эпохи ранней и средней бронзы Северного Кавказа // Древние культуры Прикубанья. М.

Герасимова М. М., Пежемский Д. В., Яблонский Л. Т., 2002. Палеоантропологические материалы майкопской эпохи из Центрального Предкавказья (предварительное сообщение) // XXII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Ессентуки; Кисловодск.

Державин В. Л., Тихонов Б. Г., 1980. Новые погребения майкопской культуры в Центральном Предкавказье // КСИА. Вып. 161.

Днепровский К. А., Кореневский С. Н., Эрлих В. Р., 1995. Новые погребения «новосвободненской группы» станицы Костромской в Закубанье // СА. № 3. С. 119–130.

Иессен А. А., 1935. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // Из истории древней металлургии Кавказа. М.; Л. С. 7–237. (Известия Гос. академии истории материальной культуры; вып. 120.)

Иессен А. А., 1950. К хронологии «больших кубанских курганов» // СА. № XII. С. 157–202.

Иессен А. А., 1962. Майкопская культура и ее датировка // Тезисы докладов на заседаниях ИА АНСССР, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. М.; Л.: ГЭ. С. 20.

Кореневский С. Н., 1974. О металлических топорах майкопской культуры // СА. № 3.

Кореневский С. Н., 1984. Новые данные по металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик. С. 264–299.

Кореневский С. Н., 1988. К вопросу о месте производства металлических вещей Майкопского кургана // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.

Кореневский С. Н., 1989. Некоторые проблемы изучения майкопской культуры // Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР. М.

Кореневский С. Н., 1998. Поселение «Замок» у города Кисловодска (нижний слой) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1. Археология. Ставрополь. С. 96–150.

Кореневский С. Н., 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность: проблемы внутренней типологии. М. 246 с.

Кореневский С. Н., 2011. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М. 385 с.

Кореневский С. Н., 2012. Символика погребального набора Майкопского кургана и культ Инанны-Иштар // РА. № 4. С. 66–80.

Кореневский С. Н., 2013. Культ жилища и очага у племен майкопско-новосвободненской общности (к проблеме символики обитаемого пространства) // Stratum plus. № 2.

Кореневский С. Н., 2016. Древнейшие катакомбы и символика орудий ударного действия у племен начала медно-бронзового века понто-предкавказских степей // КСИА. Вып. 245, ч. I.

Кореневский С. Н., 2019. О ранних и поздних датах майкопско-новосвободненской общности, а также дискуссиях вокруг них // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полос Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н. э. Оренбург. С. 69–74.

Кореневский С. Н., 2020. Поселение раннего бронзового века Тузла-15 на Тамани. М. 199 с.

Кореневский С. Н., 2021. Традиция порчи сосуда: истоки по данным археологии Предкавказья // История, археология и этнография Кавказа. Т. 17, № 4. С. 886–911.

Кореневский С. Н., 2023. Особенности консервации оставляемых построек у племен майкопско-новосвободненской общности (по данным поселений Новотитаровское-14 и Тузла-15) // История, археология и этнография Кавказа. Т. 19, № 1. С. 123–149.

Кореневский С. Н., Атабиев Б. Х., Батчаев В. М., 2004. Погребения майкопско-новосвободненской общности могильника Горячеводский // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа. М. С. 62–82.

Кореневский С. Н., Атабиев Б. Х. Аккизов А. Я., Хаширокова А. Х., 2008. Майкопские погребения в кургане 1 на р. Кудахурт в Балкарии // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М. С. 123–155.

Кореневский С. Н., Наглер А. О., 1987. Некоторые вопросы изучения энеолита центрального Предкавказья и Моздокских степей // Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе. С. 74–84.

Кореневский С. Н., Калмыков А. А., 2017. Майкопские погребения кургана 22 могильника Айгурский // РА. № 4.

Кореневский С. Н., Прокофьев Р. В., 2020. Майкопские погребения Андреевского кургана // Stratum plus. № 2. С. 83–101.

Кореневский С. Н., Юдин А. И., 2023. Чекон – поселение раннего бронзового века Западного Предкавказья. Саратов. 220 с.

Круглов А. П., Подгаецкий Г. В., 1941. Долинское поселение у г. Нальчика // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии. М.; Л. С. 147–212. (МИА; № 3).

Крупнов Е. И., 1957. Древняя культура и история Кабарды. М.: Наука. 176 с.

Массон В. М., 1997. Майкопские лидеры ранних комплексных обществ на Северном Кавказе // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб. С. 60–84.

Массон В. М., 2000. Ранние комплексные общества Восточной Европы // Древние общества юго-восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб. С. 135–169.

Мизиев И. М., 1984. Два кургана у селений Кишпек и Кызбурун III // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик. С. 88–111.

Мунчаев Р. М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.

Мунчаев Р. М., 1994. Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М. (Археология.)

Мусеибли Н., 2020. Лейлатепинская культура Южного Кавказа на перекрестке традиций Передней Азии и Юго-Восточной Европы // Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком в бронзовом и железном веке: диалог культур, культура диалога = Der Kaukasus zwischen Osteuropa und Vorderem Orient in der Bronze- und Eisenzeit: Dialog der Kulturen, Kultur des Dialoges. Berlin: Dietrich Reimer Verlag. S. 55–82.

Нариманов И. Г., 1987. Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана. Баку.

Нариманов И. Г., Ахундов Т. И., Алиев Н. Г., 2007. Лейлатепе. Баку. 128 с.

Нехаев А. А., 1992. Домайкопская культура Северного Кавказа // Археологические вести. № 1. СПб.

Попова Т. Б., 1963. Дольмены станицы Новосвободной. М. 46 с. (Труды ГИМ; вып. 34.)

Резепкин А. Д., 2012. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.: Нестор-История. 342 с.

Резепкин А. Д., Лионе Б., 2007. Поселения эпохи ранней бронзы на Кубани // Revista Arheologică. Seria nouva. Vol. III, № 1–2. P. 5–73.

Рындина Н. В., Равич И. Г., 2019. Металл майкопской культуры Северного Кавказа в свете аналитических исследований. М.: Книжный дом Университет. 236 с.

Селимханов И. Р., 1960. К исследованию металлических предметов из энеолитических памятников Азербайджана и Северного Кавказа // СА. № 2. С. 89–102.

Семёнов Ю. И., 1993а. Экономическая этнология. Т. I–III. М.: Ин-т этнологии РАН. 710 с.

Семёнов Ю. И., 1993б. Переход от первобытного общества к классовому, пути и варианты развития // Этнографическое обозрение. № 1. С. 52–70; № 2. С. 67–74.

Фармаковский Б. А., 1914. Архаический период в России. СПб.

Формозов А. А., 1965. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука. 160 с.

Чайлд Г., 1952. У истоков европейской цивилизации. М.: Изд-во иностранной лит. 466 с.

Черных Е. Н., 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.

Чеченов И. М., 1973. Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик.

Чеченов И. М., 1984. Вторые курганные группы у селений Кишпек и Чегем II // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик. С. 164– 253.

Шилов В. П., Багаутдинов Р. С., 1998. Погребения энеолита – ранней бронзы могильника Эвдык // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара.

Шишлов А. В., Колпакова А. В., Федоренко Н. В., Гей А. Н., 2015. Поселение Катусвина Кривица-2 – новый памятник майкопской культуры на Западном Кавказе (предварительное сообщение) // КСИА. Вып. 237.

Юдин А. И., Кочетков Ю. К., 2019. Майкопское поселение Чекон на Кубани и проблемы культурных взаимодействий // Феномены культур раннего бронзового века в степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н. э. Оренбург. С. 83–87.

Childe G., 1936. The Axes from Maikop and Caucasian Metallurgy // Annals of Archaeology and Anthropology. Vol. 23. Liverpool.

Courcier A., 2014. Ancient metallurgy in the Caucasus from the sixth to the third millennium BCE // Archaeometallurgy in Global Perspective / Eds.: B. W. Roberts, C. P. Thornton. P. 579–664.

Gimbutas M., 1956. The Prehistory of Eastern Europe. Cambridge.

Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N., Mallick S., Llamas B., Brandt G., Nordenfelt S., Harney E., Stewardson K., Fu Q., Mittnik A., Bánffy E., Economou C., Francken M., Friederich S., Pena R. G., Hallgren F., Khartanovich V., Khokhlov A., Kunst M., Kuznetsov P., Meller H., Mochalov O., Moiseyev V., Nicklisch N., Pichler S. L., Risch R., Guerra M. A. R., Roth C., Szécsényi-Nagy A., Wahl J., Meyer M., Krause J., Brown D., Anthony D., Cooper A., Alt K. W., Reich D., 2015. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe // Nature. Vol. 522, № 7555. P. 207–211.

Mathieson I., Roodenberg S. A., Posth C., Szécsényi-Nagy A., Rohland N., Mallick S., Olalde I., Broomandkhoshbacht N., Cheronet O., Fernandes D., Ferry M., Gamarra B., Fortes G. G., Haak W., Harney E., Krause-Kyora B., Kucukkalipci I., Michel M., Mittnik A., Nägele K., Novak M., Oppenheimer J., Patterson N., Pfrengle S., Sirak K., Stewardson K., Vai S., Alexandrov S., Alt K. W., Andreescu R., Antonović D., Ash A., Atanassova N., Bacvarov K., Gusztáv M. B., Bocherens H., Bolus M., Boroneanţ A., Boyadzhiev Y., Budnik A., Burmaz J., Chohadzhiev S., Conard N. J., Cottiaux R., Čuka M., Dorothée C. C., Drucker G., Elenski N., Francken M., Galabova B., Ganetovski G., Gely B., Hajdu T., Handzhyiska V., Harvati K., Higham T., Iliev S., Janković I., Karavanić I., Kennett D. J., Komšo D., Kozak A., Labuda D., Lari M., Lazar C., Leppek M., Leshtakov K., Vetro D. L., Los D., Lozanov I., Malina M., Martini F., McSweeney K., Meller H., Menđušić M., Mirea P., Moiseyev V., Petrova V., Price T. D., Simalcsik A., Sineo L., Šlaus M., Slavchev V., Stanev P., Starović A., Szeniczey T., Talamo S., Teschler-Nicola M., Thevenet C., Valchev I., Valentin F., Vasilyev S., Veljanovska F., Venelinova S., Veselovskaya E., Viola B., Virag C., Zaninović J., Zäuner S., Stockhammer P. W., Catalano G., Krauß R., Caramelli D., Zariņa G., Gaydarska B., Lillie M., Nikitin A. G., Potekhina I., Papathanasiou A., Borić D., Bonsall C., Krause J., Pinhasi R., Reich D., 2018. The Genomic History of Southeastern Europe // Nature. Vol. 555. P. 197–203.

Rostovtzeff M., 1920. L'age du cuivre dans le Caucase septentrional et les civilisations de Soumer et de l'Egypte protodynastique // Revue Archéologique.

Rostovtzeff M., 1922. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford.

Shmidt A. V., 1929. Die Kurgane der stanica Konstantinivskaja // Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki. IV. S. 9–21.

Skourtanioti E., Erdal Y. S., Frangipane M., Balossi Restelli F., Yener K. A., Pinnock F., Matthiae P., Özbal R., Schoop U.-D., Guliyev F., Akhundov T., Lyonnet B., Hammer E. L., Nugent S. E., Burri M., Neumann G. U., Penske S., Ingman T., Akar M., Shafiq R., Palumbi G., Eisenmann S., D'Andrea M., Rohrlach A. B., Warinner C., Jeong C., Stockhammer P. W., Haak W., Krause J., 2020. Genomic history of Neolithic to Bronze Age Anatolia, Northern Levant, and Southern Caucasus // Cell. Vol. 181. № 5. P. 1158–1175.

Tallgren A. M., 1933. Dolmens of The North Caucasia // Antiquity. № 26.

Сведения об авторе

Кореневский Сергей Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия;
e-mail: skorenevskiy@yandex.ru

https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-426-5.182-188

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ ПО ПАМЯТНИКАМ ПЛАСТУНОВСКОГО ТИПА ИЛИ ПЛАСТУНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В НИЗОВЬЯХ ВОЛГИ И ДОНА[1]

А. Н. Гей

Резюме. В работе рассматривается вопрос о датировке и культурной принадлежности нескольких погребальных комплексов, открытых в разные годы при раскопках степных курганов в низовьях Волги (Калиновский могильник) и на Нижнем Дону (Высочино VIII). Аналогии инвентарю из этих захоронений в материалах майкопской, новосвободненской, пластуновской культур конца IV тыс. до н. э. свидетельствуют об их вхождении в круг древностей эпохи ранней бронзы, а не в полтавкинскую или белозерскую культуры финала средней – конца поздней бронзы, как это зафиксировано в литературе. В свою очередь, это ориентирует исследователей на большую осторожность при определении культурной принадлежности других памятников региона, для погребального обряда которых обычны сильно скорченное положение в позе «адорации» и южные ориентировки.

Ключевые слова: Нижний Дон, Нижняя Волга, курган, погребение, майкопская культура, новосвободненская культура, полтавкинская культура, белозерская культура.

Тема об основных тенденциях развития материальной и духовной культуры в различные исторические периоды и в различных областях при несколько обобщенной формулировке имеет самое прямое отношение к фундаментальному вопросу о понимании, содержании, темпах и векторах исторического процесса, его участниках, движущих силах и т. д. Накопление археологических материалов, достаточно интенсивное в последние десятилетия, наряду с открытием принципиально новых фактов и явлений, способствует постоянной, зачастую весьма заметной корректировке существующих взглядов, подходов и гипотез, что влияет на решение общих проблем в неменьшей степени, чем яркие открытия.

В археологии эпохи бронзы Юга Восточной Европы на протяжении 10–15 последних лет существенные изменения происходят в проблемном блоке, связанном с изучением майкопской культуры, вернее, обширной майкопско-новосвободненской культурно-исторической общности/области, включающей не только эту культуру с несколькими заметно различными вариантами, но и целую свиту синкретических образований, возникших в результате разнопорядковых контактов, влияний и взаимодействий между группами носителей «классической» майкопской культуры Предкавказья и разными группами местного населения степной полосы Северного Причерноморья и Северо-Западного Прикаспия. Состав участников, характер и формы взаимодействий, их хронология, даже территориальные рамки вплоть до установления примерных границ самой майкопской культуры понимаются различными исследователями по-разному, иногда диаметрально противоположно.

В докладе на конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Николая Яковлевича Мерперта, автором была сформулирована гипотеза, согласно которой в западных районах Предкавказья, в Восточном Приазовье и на Нижнем Дону в последние века IV тыс. до н. э., а может быть, и на рубеже IV и III тыс., существовал особый культурный тип, близко родственный т. н. животиловско-волчанской культурной группе, памятники которой представлены в степной полосе от Днестра до Северного Приазовья с заходом в степную часть Крымского п-ва (*Гей*, 2022). Специфика животиловско-волчанских древностей объясняется исследователями как результат смешения позднетрипольских групп с местными степными или даже как переход части позднетрипольского населения на специфические

[1] Работа выполнена в рамках НИОКТР 122011200270-0 «Динамика развития духовной и материальной культуры в энеолите – бронзовом веке (Юго-Восточная Европа, Кавказ, Передний Восток)».

степные скотоводческие формы хозяйствования. Специфика предкавказских и нижнедонских памятников определяется большинством отечественных исследователей как результат их принадлежности к особой «степной периферии» майкопско-новосвободненской общности, или МНО (*Кореневский*, 2008; *Яценко*, 2012). Ряд исследователей, автор в том числе, согласны в том, что в степных памятниках имеются и трипольские, и майкопские элементы, просто на западе, в животиловско-волчанской среде сильнее ощущается связь с поздним трипольем (*Гей*, 2009; *Дергачев*, 2022), а на востоке – прямые контакты, доходящие до появления синкретических форм с майкопским миром. Для обозначения степных памятников восточной половины ареала предложен термин *пластуновский культурный тип* или *пластуновская культура* по одному из наиболее ярких памятников, раскопанных Северо-Кавказской экспедицией тогда еще АН СССР в конце 1980-х гг.

В связи с дискуссионностью целого ряда вопросов, касающихся состава и территориальных пределов пластуновской культуры (используем для краткости данный вариант названия) и ее места в таком обширном и недостаточно структурированном образовании, как «северная кумо-манычская периферия МНО», особое значение приобретает тема определения стандартов и признаков, типичных для пластуновской культуры, ее погребального обряда (ибо поселенческие памятники, как и у многих степных скотоводческих культур, отсутствуют), инвентарного набора, а на их основе – корректного отбора отвечающих таким стандартам комплексов и формирование фонда источников.

Первая часть – отбор признаков – с некоторыми оговорками (происходящими от неравномерного, дисперсного распространения большинства из них в различных культурных группах степей и Предкавказья) возможен с опорой на эпонимный памятник – Пластуновский I курганный могильник в степном Прикубанье. В самом кратком виде этот набор содержит следующие характеристики погребальной обрядности: захоронения в сильно скорченной позе с размещением кистей рук перед лицом, ориентация погребенных головами в южный сектор, использование простых ям подпрямоугольной и овальной формы в плане на ранних стадиях и ям с уступами на поздних, ограниченное применение минеральных красителей (охра или киноварь). Что касается категорий и типов материальной культуры, то наиболее показательными здесь являются кубковые формы посуды, технология изготовления темнолощеной керамики, использование специфических многообъемных сосудов «триволюмов» и «поливолюмов», специфические формы культовых изделий в виде прямых или изогнутых роговых, костяных и металлических булавок, характерной особенностью которых являются крохотные сквозные отверстия в разных частях стержня (обычно в средней его части).

Нетрудно заметить, что перечисленные признаки погребального обряда, свойственного пластуновской культуре, в различных комбинациях присутствуют и в погребальных обрядах целого ряда других культурных образований различных периодов эпохи бронзы. Это обстоятельство во многих случаях затрудняет культурно-хронологическую интерпретацию материалов, однако наблюдаются и случаи, когда на основании ярких выразительных вещественных находок или на основе корреляции обрядовых признаков и типологических характеристик сопровождающего инвентаря удается с большой долей вероятности оспорить имеющиеся культурные определения и пополнить список пластуновских памятников. Рассмотрим конкретные примеры. Их немного, но они крайне интересны и, главное, задают параметры для дальнейшего поиска. Первый происходит из раскопок Сталинградской экспедиции в 1952–1954 гг. на левобережье Нижней Волги.

Погребение 4 в кургане 54 Калиновского могильника совершено в прямоугольной яме размерами 2,25×1,65 м и глубиной 0,95 м от уровня древнего горизонта. Погребенной взрослой женщине придано сильно скорченное положение на правом боку с завалом на живот, головой к ЮЮЗ, кисти согнутых рук перед лицом (рис. 1: *1*). Возле черепа (на чертеже не показаны) найдены кусочек охры и плоский костяной предмет (7,1×0,4×0,2 см) в виде заостренной с одного конца пластинки с очень маленьким отверстием в центральной части стержня (рис. 1: *2*). Перед лицевой частью черепа и кистями рук, но на некотором удалении от них стояла округлодонная миска, украшенная зональным елочным орнаментом, выполненным насечками, похожими на ногтевые оттиски (рис. 1: *3*). Автором раскопок специально отмечено отсутствие каких-либо аналогий данному сосуду. В публикации данные о стратиграфии не приводятся, само же погребение определяется как срубное. (*Шилов*, 1959. С. 417, 420). В дальнейшем, после выделения полтавкинской культуры, стало относиться уже к ней (*Качалова*, 1968. С. 10).

С такими определениями трудно согласиться. По глубине и по составу остальных захоронений в данной насыпи (срубная и сарматская культуры) погр. 4 должно быть признано основным

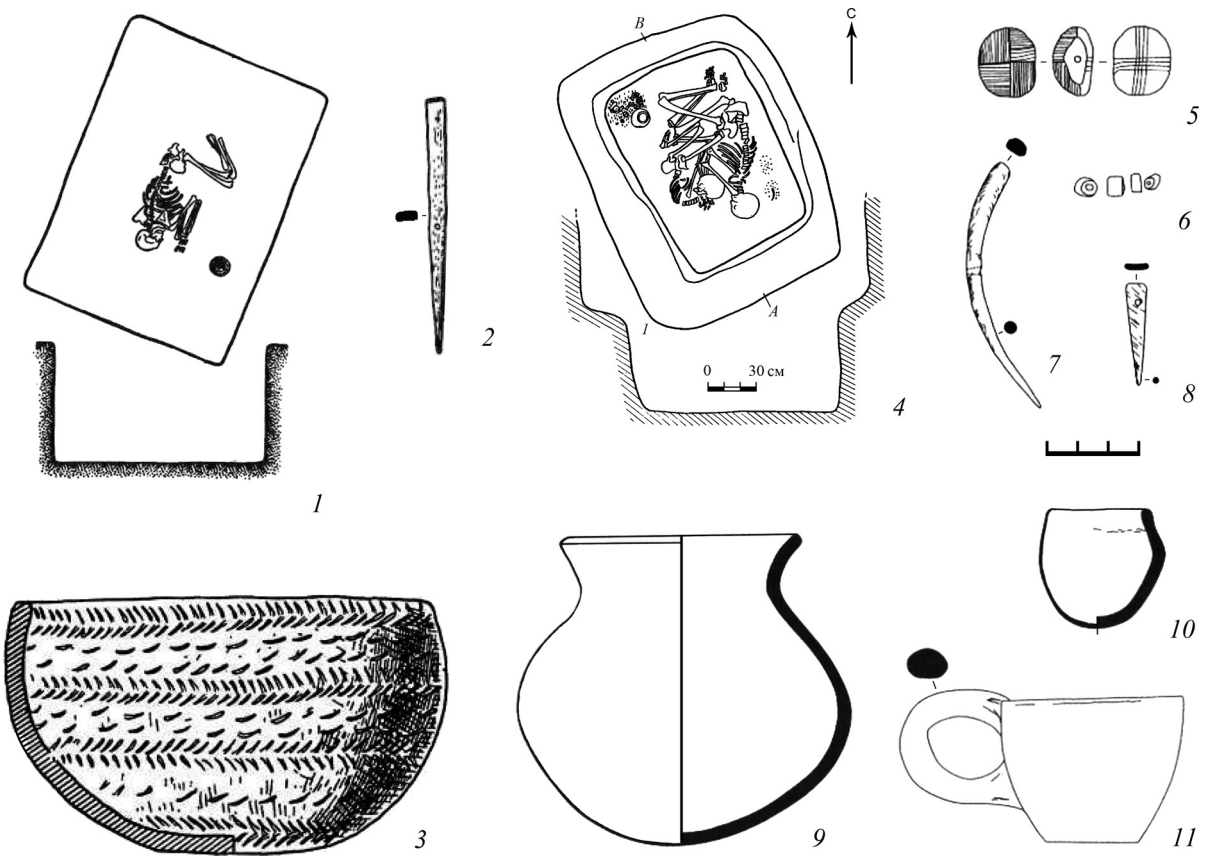


Рис. 1. Калиновский могильник, курган 54, погребение 4 (по: *Шилов*, 1959) и погр. 24 кургана «Радутка» (по: *Яценко*, 2012). *1–3* – Калиновский 54/4; *4–11* – «Радутка» погр. 24. *2, 7, 8* – кость, *9–11* – керамика

и древнейшим в кургане. Сосуд из него и по форме, и по орнаментации отличается от остальной полтавкинской керамики, орнамент его своеобразен, но форма глубокой миски-чаши обычна для ранней бронзы, известна по памятникам майкопской культуры предгорной полосы Кавказа (Кишпек) и, как будет видно далее, для испытавших их влияние памятников доно-волжских степей. Главным доводом для передатировки калиновского комплекса и отнесения его к животиловско-волчанско-пластуновскому культурному кругу является находка миниатюрного костяного амулета-булавки. Сквозное отверстие чрезвычайно малого диаметра в средней части стержня является обычной деталью множества костяных или металлических, прямых или изогнутых стержневидных булавок (рис. 3: *9–16*), известных от Пруто-Днестровского междуречья на западе до Кладов-Новосвободной на юго-востоке (*Резепкин*, 2012). Абсолютно такая же по форме и размерам костяная булавка (рис. 1: *8*) представлена вместе с обычной изогнутой в погребении 24 кургана Радутка возле устья Дона, относимого разными исследователями к животиловскому культурному типу (*Rassamakin*, 2004), новосвободненской культуре (*Резепкин*, 2012) или к т. н. степной периферии майкопско-новосвободненской общности (*Яценко*, 2012. С. 47).

Еще больший интерес представляет памятник на левобережье Нижнего Дона, известный под именем Высочинских курганных могильников. В кургане 4 группы Высочино VIII[2] в 2017 г. открыто несколько погребений, сходных с комплексом из Калиновки. Сам курган возведен над группой из трех захоронений, определенных исследовавшим их Л. С. Ильюковым как энеолитические. В западной половине насыпи, ближе к ее поле, открыты четыре погребения, сходных по обряду и сопровождающему инвентарю (погр. 7, 8, 21, 22). Все они совершены

[2] По другим данным, этот же памятник проходит как Высочино VI – курган 6. Наверное, поэтому в публикации его название звучит – Высочино VII, курган 4.

в ямах прямоугольных или подпрямоугольно-округленных очертаний, прослеженных в придонной части, поэтому по вопросу о наличии уступов информации нет. Погребенные (две взрослые женщины, подросток 12–15 лет и младенец) захоронены в сильно скорченном положении на правом боку в так называемой позе адорации, когда сильно согнутые в локтях руки уложены перед грудью, кисти перед лицом, шеей или возле плеча. В трех случаях ориентированы головами к югу, в одном – к юго-востоку. В погребении подростка на дне сохранились обычные для памятников раннего и среднего бронзового века остатки подстилки в виде желтоватого и коричневого органического тлена. У младенца – пятна золы и угольков. В трех захоронениях возле черепов или у плеча покойника отмечены небольшие пятна красной краски (рис. 2: *1, 3, 6, 7*).

Погребение подростка сопровождалось неорнаментированной округлодонной миской, покрытой темным лощением (рис. 2: *2*), при младенце найден фрагментированный округлодонный черноглиняный сосудик с прочерченным орнаментом в виде нескольких вертикальных и одной горизонтальной линии (рис. 2: *8*). Наиболее выразительные и информативные предметы сопровождали старшую по возрасту женщину из погр. 8. Перед телом находилась неорнаментированная миска, покрытая серо-коричневым лощением, дно разрушилось, но, похоже, не было абсолютно плоским (рис. 2: *4*), а перед лицом – орнаментированная костяная булавка с прямым стержнем и лишь частично сохранившимся навершием (рис. 2: *5*).

Все это небольшое кладбище сравнивается в публикации с могильниками белозерской культуры, распространенной в Северо-Западном Причерноморье на финальной стадии эпохи поздней бронзы (*Ильюков*, 2022. С. 126–128). Такое определение, как и общее итоговое заключение – «возможно, высочинские находки, появившиеся в низовьях Дона, следует рассматривать как памятники, появившиеся на этой территории в результате миграции белозерских племен через причерноморские степи с запада на восток» (Там же. С. 128), – представляются в корне ошибочными. Да, в белозерских могильниках обычны погребения в сильно скорченной позе с южными ориентировками и в «позе адорации». Да, в керамическом наборе там имеются плоскодонные и округлодонные чаши-миски с лощеной поверхностью, хотя полного совпадения морфологии форм не наблюдается. Да, в белозерских могилах известны случаи ограниченного применения красной краски. Однако при рассмотрении высочинской булавки Л. С. Ильюков вынужден признать ее уникальность, а проводимые им попытки сопоставления костяной резной булавки с перекрученными бронзовыми булавками белозерского и кобанского круга выглядят прямой натяжкой.

Гораздо логичнее видеть в материалах из Высочина VIII памятник эпохи ранней бронзы или конца IV тыс. до н. э., тесно связанный или, по крайней мере, примыкающий к кругу степной курганной пластуновской культуры. Вполне естественно размещение этих достаточно ранних материалов в насыпи энеолитического кургана, по-видимому, одного из наиболее ранних во всей водораздельной высочинской группе могильников (см.: *Беспалый, Лукьяшко*, 2008). Лощеные миски-чаши с округлым или уплощенным дном составляют одну из нескольких разновидностей этой категории сосудов майкопской культуры (Бамут и др. памятники поздней стадии этой культуры), белозерские миски отличаются от них профилировкой и обозначаются не только как миски, но и как кубки. К тому же высочинские миски по форме тождественны миске из Калиновского могильника, которая никак не вписывается в стандарты финала бронзового века, отличаясь от нее только отсутствием орнаментации.

Главным же и основным аргументом выступает «уникальная» костяная булавка, аналогов которой в позднебронзовых материалах не существует. Прямые костяные и роговые булавки с разнообразными, иногда зооморфными навершиями, украшенные по стержню легко узнаваемым прочерченным или протертым «паркетным» орнаментом, неоднократно встречены в материалах из погребений второй половины – конца IV тыс. до н. э., известных в майкопской культуре, новосвободненской культурной группе, а теперь и в пластуновской культуре (рис. 3: *1–8*)[3]. Именно к ней следует относить высочинские находки, хотя место их в системе этого образования нуждается в дальнейшем уточнении, тут не исключены как культурные, так и хронологические нюансы.

Таким образом, имеются серьезные основания для заметного пополнения источниковой базы по пластуновской культуре за счет пересмотра всего фонда

[3] При этом, наряду с высокохудожественными образцами, как булавка из Андреевского кургана (*Кореневский, Прокофьев*, 2020. Рис. 6: *9*), в серии имеются и более грубые образцы с Т- и Г-образными головками (*Резепкин*, 2012), сходными с головкой высочинского изделия.

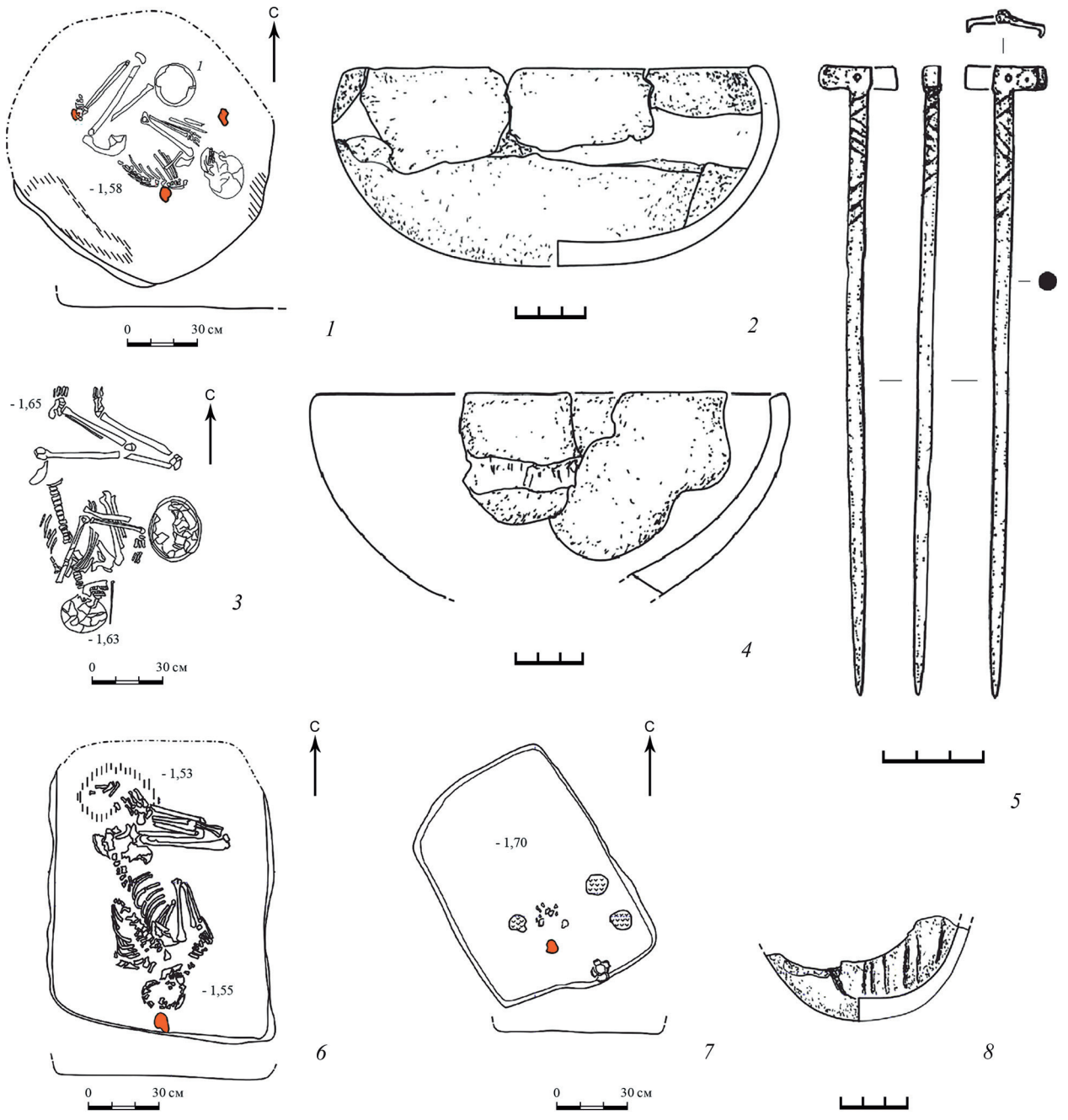


Рис. 2. Могильник Высочино VIII, кург.4 (по: *Ильюков*, 2022).
1, 2 – погр.7; *3–5* – погр. 8; *6* – погр. 21; *7, 8* – погр. 22. *2, 4, 8* – керамика, *5* – кость

материалов по курганным памятникам степных скотоводов. Речь идет в первую очередь о подкурганных захоронениях, определенных в полевых отчетах и научной литературе как срубные, эпохи поздней бронзы. Это касается захоронений без характерного для срубной культуры выразительного инвентаря (главным образом керамики) и с использованием красящих пигментов типа охры, доля которых в срубных сериях заметна и на Нижнем Дону, и на Нижней Волге. Такого же осторожного отношения требуют и серии безынвентарных погребений в позе адорации с южной ориентировкой. Такой обряд широко распространен в культурах финала эпохи бронзы – начала железного века, в Причерноморье в белозерской

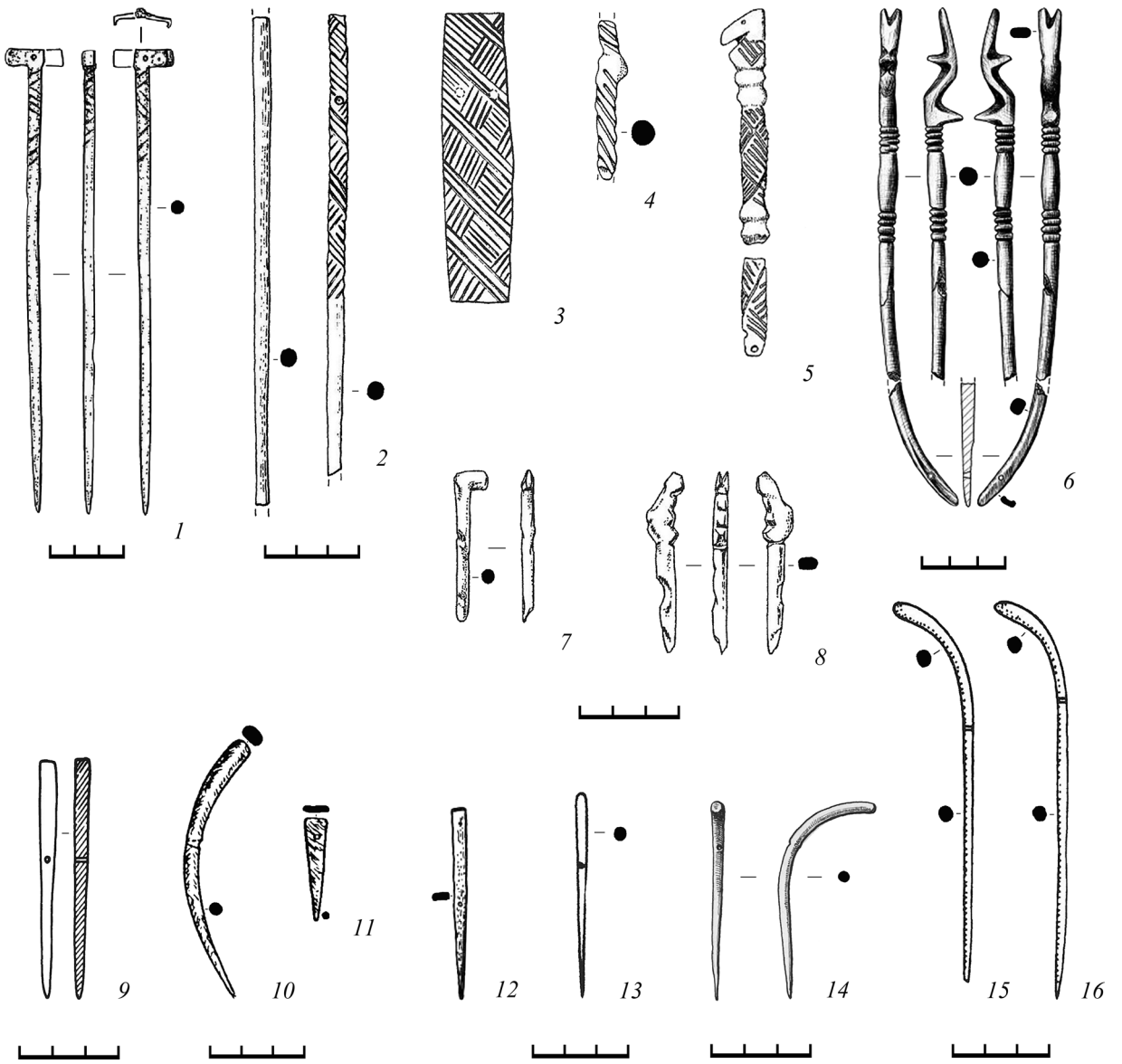


Рис. 3. Булавки из погребений майкопской, новосвободненской и пластуновской культур. *1* – Высочино VIII 4/8; *2–4* – клады 11/9; *5* – Соломенка; *6* – Андреевский курган – погр.1; *7, 8* – клады 11/43; *9* – клады 4/5; *10, 11* – «Радутка» п. 24; *12* – Калиновский 54/4; *13* – клады 38/2; *14* – Пластуновский 2/21; *15, 16* – клады 31/5 (погребение в дольмене). *1–8, 10–12* – кость/рог; *9* – золото; *13, 15, 16* – серебро; *14* – бронза

культуре, к которой ошибочно, как я постарался показать, были приписаны комплексы из Высочина. Южнее, в Закубанье, такая форма обряда представлена в протомеотских могильниках, на той же территории, где задолго до этого сходным образом хоронили своих сородичей носители пластуновской и сопряженной с ней новосвободненской культуры. Разумеется, при отсутствии костных останков, пригодных для датирования (а материалы из старых раскопок в абсолютном большинстве случаев не сохранялись!), пересмотр прежних культурных определений возможен в редких, можно сказать исключительных, случаях. Но новые поколения исследователей должны учитывать важность датировки современными методами хотя бы части невыразительных погребальных комплексов указанного типа, а не идти шаблонными путями.

Ареал пластуновской культуры также не сводится ни к Западному Предкавказью, ни к «кумо-манычской периферии майкопа», на примере Калиновского комплекса можно предполагать распространение его вплоть до Левобережья Нижней Волги.

Литература

Беспалый Е. И., Лукьяшко С. И., 2008. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганные могильники у с. Высочино. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного науч. центра РАН. 222 с.

Гей А. Н., 2009. О характере, критериях и векторах миграционных процессов бронзового века Циркумпонтийской зоны // КСИА. Вып. 223. С. 13–19.

Гей А. Н., 2022. Памятники пластуновского типа или пластуновская культура // Энеолит и бронзовый век циркумпонтийского региона: культурные процессы и взаимодействия: к 100-летию со дня рождения Н. Я. Мерперта: тез. докл. конф. М.: ИА РАН. С. 44–46.

Дергачев В. А., 2022. Позднее Триполье – Майкоп (с каталогом погребальных комплексов позднего Триполья). Кишинев: Гос. ун-т Молдовы. 676 с.

Ильюков Л. С., 2022. Финальнобронзовые погребения в кургане 4 могильника «Высочино VIII» // Археология Волго-Донского междуречья: культурогенез от камня до раннего средневековья: сб. ст. в честь 60-летия А. В. Кияшко. Ростов-на-Дону; Таганрог: Южный федер. ун-т. С. 125–138.

Качалова Н. К., 1968. О связях полтавкинских племен с катакомбными // АСГЭ. Вып. 10. Л. С. 9–13.

Кореневский С. Н., 2008. Современные проблемы изучения майкопской культуры // Археология Кавказа и Ближнего Востока: сб. к 80-летию чл.-кор. РАН проф. Р. М. Мунчаева. М.: Таус. С. 71–122.

Кореневский С. Н., Прокофьев Р. В., 2020. Майкопские погребения Андреевского кургана // Stratum plus. № 2. С. 83–102.

Резепкин А. Д., 2012. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.: Нестор-История. 343 с.

Шилов В. П., 1959. Калиновский курганный могильник // Древности Нижнего Поволжья (итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). М.: Изд-во АН СССР. С. 323–523. (МИА; № 60).

Яценко В. С., 2012. Группа погребений северной, кумо-манычской периферии майкопско-новосвободненской общности Койсугского курганного могильника // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. № 3 (169). С. 43–47.

Rassamakin Ju. Ja., 2004. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit. Gräber aus der Mitte des 5. Jts. bis Ende des 4. Jts. v. Chr. Mainz: Philipp von Zabern. 2 Teile. (Archäologie in Eurasien; Band 17).

Сведения об авторе

Гей Александр Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: donkuban@mail.ru

https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-426-5.189-198

АРХИТЕКТУРА КУРГАНА 1 КУРГАННОЙ ГРУППЫ КЫЗБУРУН II (ИСЛАМЕЙ)

М. Ю. Меньшиков, Б. Х. Атабиев, И. А. Резниченко, Ж. А. Юнкин, А. Х. Каширокова, З. Л. Зашакуев

Резюме. В 2020 г. на окраине г. Баксан (КБР) были проведены спасательные археологические работы, в рамках которых исследован большой одиночный курган. Высота кургана составляла около 7 м. В процессе исследования удалось проследить особенности формирования двух последовательных насыпей майкопского времени, выявить относительную дату древнейшего ограбления кургана, а также получить данные о впускных погребениях северокавказской культуры. В ходе работ были обнаружены признаки того, что вторая насыпь периода майкопской культуры была сооружена, вероятно, профессиональным «строителем курганов», о чем говорят необычные и сложные технологические приемы, использованные при возведении насыпи. Также выявлены признаки того, что древнейшее ограбление центрального майкопского погребения планировалось еще на этапе сооружения второй насыпи и было, по всей видимости, совершенно теми же людьми, которые и воздвигли вторую майкопскую насыпь кургана.

Ключевые слова: майкопская культура, северокавказская культура, курган, бронзовый век, северный Кавказ.

В 2020 г. на окраине г. Баксан экспедицией ИА РАН совместно с ООО «Институт археологии Кавказа» был исследован курган 1 из группы курганов Кызбурун II (Исламей), (1-я курганная группа) (*Меньшиков*, 2023). Изучение кургана методом раскопок стало необходимым в связи с расширением на данном участке трассы федеральной дороги и формированием развязки.

Впервые в поле зрение археологов этот курган попал еще в 1934 г., когда на данной территории проводились широкомасштабные разведки, связанные со строительством Баксанской ГЭС (*Иессен*, 1941. С. 220–236).

В 1974 г. курган был поставлен на государственный учет в составе памятника, получившего название «Кызбурун II. Курганная группа». А спустя 10 лет была проведена паспортизация данного комплекса насыпей. Первым отрядом разведочной археологической экспедиции Кабардино-Балкарского НИИ под руководством А. Х. Нагоева была составлена схема расположения курганов и произведена их фотофиксация. В состав памятника было включено 16 насыпей, высота которых варьировала от 1,5 до 6–8 м.

В 2008 г. памятник был повторно обследован разведочной археологической экспедицией ООО «Институт археологии Кавказа» под руководством З. Л. Зашакуева. В связи с переименованием населенных пунктов памятник получил новое название «Кызбурун II (Исламей)», (1-я курганная группа). В составе группы, по данным З. Л. Зашакуева, отмечено 7 насыпей высотой от 1,85 до 7,4 м и диаметром от 18 до 43,8 м. Курган 10 (по данным А. Х. Нагоева) соответствует кургану 1 (по данным З. Л. Зашакуева).

В 2019 г. при разработке раздела по сохранению объектов культурного наследия в составе проекта «Капитальный ремонт автомобильной дороги Р-217 «Кавказ» автомобильная дорога М-4 «Дон» – Владикавказ – Грозный – Махачкала – граница с Азербайджанской Республикой км 423 + 100 – км 436 + 000 в Кабардино-Балкарской Республике» археологической экспедицией ООО «Капиталдорстрой» под руководством В. И. Мамонтова памятник был отмечен как вновь выявленный и переименован в Курганную группу «Кызбурун II (Исламей)», (1-я курганная группа). В состав памятника было включено лишь три курганных насыпи.

Несмотря на то, что курган известен археологам уже почти девяносто лет, на сегодняшний день пока отсутствует информация о происхождении двух крупных валунов (один имеет размер около 2×1×1,2 м, второй – около 1,5×1,5×0,8 м) на вершине кургана. Авторам публикации точно не известны аналогичные случаи, когда крупные курганы региона были увенчаны отдельно стоящими

большими необработанными камнями. Существует местная легенда о том, что они были туда затащены в XX в. трактористами, однако ни подтвердить, ни опровергнуть данную легенду не удалось. Никто из местных старожилов не видел процесса подъема камней, при этом некоторые из опрошенных говорят о том, что помнят камни наверху ранее 1980-х гг. Если предположить, что воздвижение камней на вершине кургана относится к археологическому периоду истории памятника, то можно допустить, что первоначально этих валунов на вершине могло быть три. Еще один валун (около 1×1,2×0,8 м) был обнаружен на южном склоне кургана у его подошвы значительно «вросшим» в землю.

В целом на момент исследования поверхность кургана была задернована и не имела видимых разрушений, за исключением западной полы, где склон был подрезан, проложена грунтовая дорога, которая, как выяснилось в ходе раскопок, проходила поверх перекопа пластиковой водоводной трубы. Также северный склон кургана выглядел более крутым относительно основной формы, что отчасти было обусловлено проложенной в XX в. вплотную к кургану грунтовой дорогой и мелиорационной канавой.

На момент начала археологических раскопок в 2020 г. курган 1 имел высоту около 7 м и диаметр до 54 м.

В процессе исследования кургана выяснилось, что функционирование насыпи можно последовательно связать с майкопской, северокавказской и суворовской катакомбной культурами (*Клещенко*, 2014. С. 63–65). Данная работа посвящена именно этапности возведения насыпи и примененным при этом методам строительства кургана, а также тем нарушениям, которые в итоге оказали окончательное влияние на форму и стратиграфию курганной насыпи, исследованной под руководством авторов публикации.

Курган имел чрезвычайно интересную и сложную архитектуру, формирование которой можно в целом разделить на четыре основных этапа.

Наиболее ранним выявленным объектом на данном участке является захоронение майкопского времени (погребение 9). Захоронение было полностью разграблено в древности. В самой могиле удалось обнаружить всего две находки, которые могут быть отнесены к погребальному инвентарю: массивную литую крышку (?) сосуда, выполненную из желтого металла, и, вероятно, фрагмент одежды, расшитый бисером. Скопление бисера (одна бисерина из желтого металла и около 40 стеклянных) было обнаружено в норе грызуна. В выбросе грунта из грабительского хода на южном склоне кургана было найдено большое количество мелких фрагментов керамических сосудов майкопского времени. Часть костей погребенного также была обнаружена среди выброса грунта при ограблении, отдельные фрагменты длинных костей и фрагменты черепа были найдены и в самой могиле на дне. По определению антрополога к. и. н. И. К. Решетовой, в могиле был погребен мужчина 35–40 лет.

Для совершения погребения первоначально была выкопана яма глубиной до 165 см. Могильная яма имеет прямоугольную форму, размеры 4,5×6 м, яма вытянута по оси север – юг. Дно могильной ямы прослежено на уровне -840 см от R0 (самой высокой центральной точки кургана). Из-за ограбления проследить конструктивные элементы внутри могилы не удалось, однако можно говорить, что вдоль стен в верхней части могилы были обнаружены остатки органики (рогоз или камыш?), а поверхность вокруг могильной ямы по периметру на расстояние до 120–130 см от края могильной ямы была выложена речными валунами и перекрыта как просто положенными стеблями камыша или рогоза, так и плетеными матами, следы которых удалось проследить в виде отпечатков на отдельных камнях. При рытье могильной ямы, как уже было сказано выше, заглубление составило до 165 см от древней дневной поверхности. Верхний горизонт на данном участке представлял собой гумусированный суглинок с включениями колотых скальных и слабо окатанных фракций камня. Данный слой прослежен на глубину до 60–80 см от древней дневной поверхности. В виде выброса указанный грунт проследить не удалось. Судя по всему, он был полностью использован при сооружении курганной насыпи над погребением 9 и сформировал самый нижний слой первой насыпи (рис. 1: *1 л*). Глубже лежал слой светло-коричневого суглинка с включениями колотого камня. Мощность слоя – до 20 см. Остатки этого слоя не прослежены в составе насыпи и лежат преимущественно выбросом в виде вала к востоку от могилы на расстоянии около 4–5 м от могильной ямы. Ниже расположен слой плотного, богатого известью, практически белого суглинка, который прослеживается до самого дна могильной ямы. Выброс этого грунта в виде вала прослежен также к востоку на расстоянии от 2–3 м от могильной ямы, где он в восточной части наваливается и частично перекрывает слой выброса коричневого суглинка с колотым камнем (рис. 1: *1 г*). Первая ранняя насыпь кургана полностью перекрывает выбросы, которые не были использованы при строительстве насыпи.

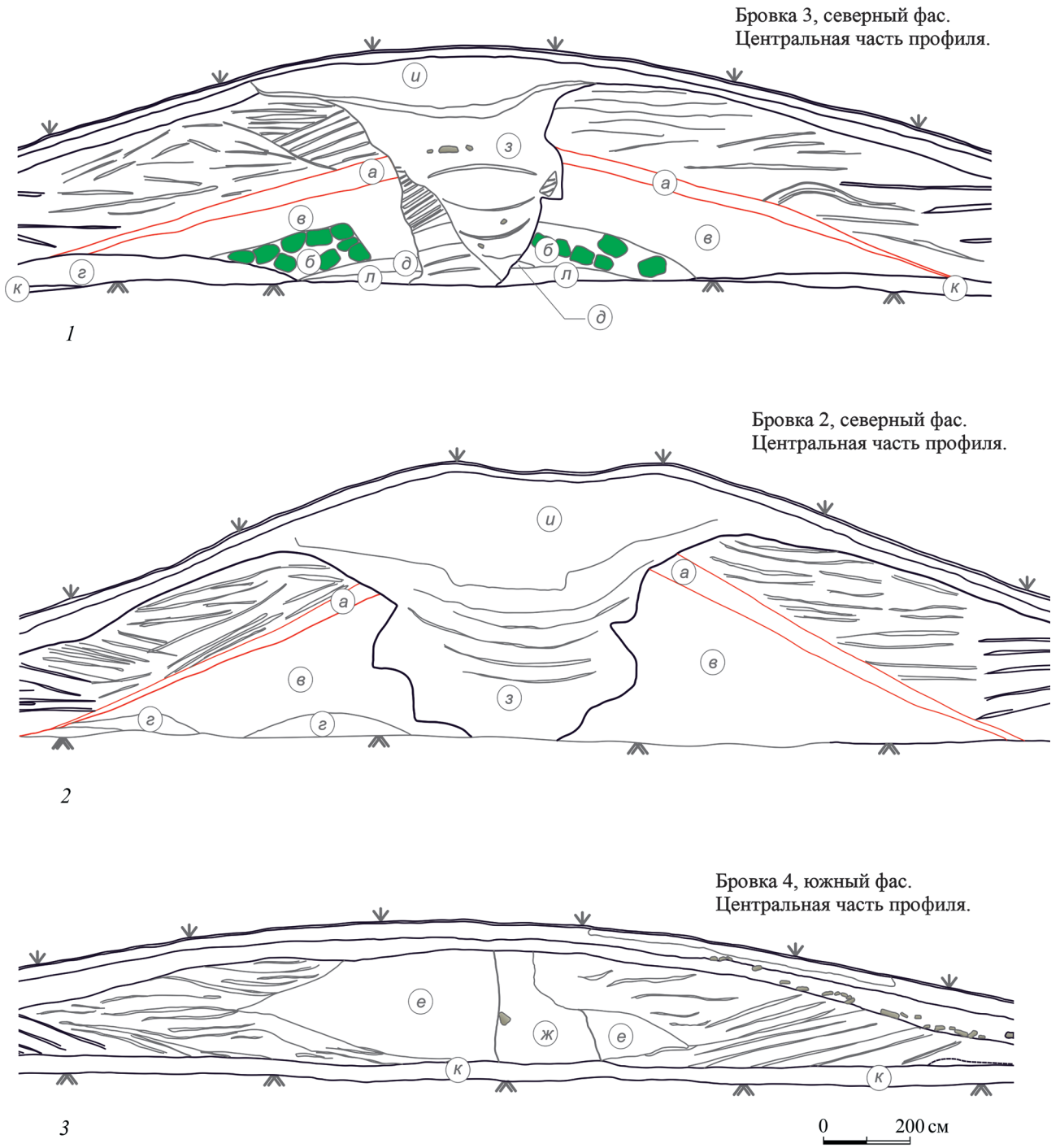


Рис. 1. Курганная группа Кызбурун II (Исламей), курган 1.
Стратиграфия. *1* – бровка 3, северный фас; *2* – бровка 2 (центральная), северный фас; *3* – бровка 4 (южная), южный фас.

На чертежах обозначены: а – «кожух» первой курганной насыпи, верхний слой снятой почвы, уложенный дерном вниз; б – нижний слой первой курганной насыпи из нарезанных дерновых блоков; в – мешанный темно-коричневый суглинок с щебнем, основная часть первой курганной насыпи; г – выбросы из могильной ямы погребения 9; д – засыпка могилы грунтом, вынутым ранее из ямы погребения 9, и основание первой курганной насыпи; е – линза темно-серого суглинка в слое второй насыпи; ж – заполнение могильной ямы погребения 7, впущенной в древний грабительский лаз; з – просадка грунта в камеру погребения 9 после ограбления; и – досыпка кургана при совершении погребений северокавказской археологической культуры (погребения 2 и 7); к – погребенная почва; л – перемещенный слой почвы, засыпка погребения 9

При исследовании стратиграфии первой насыпи кургана, несмотря на то что центральная часть разрушена провалом в опустошенную грабителем камеру, можно реконструировать до 5 стратиграфических слоев (рис. 1: *1 а, б, в, д, л*). Самый нижний слой насыпи представлен перемещенным почвенным горизонтом. Мощность данного слоя до 20–30 см (рис. 1: *1 л*). Выше лежит слой, изъятый при выкопке могилы, представляющий собой темно-серый суглинок с включениями камней. Мощность слоя – до 30 см (рис. 1: *1 д*). Поверх слоя темно-серого суглинка с камнями были уложены блоки дерна (рис. 1: *1 б*). Этот слой прослежен на высоту до 100 см на участках, примыкающих к провалу внутрь разграбленной конструкции. Выше лежал слой темно-серого мешанного суглинка, мощностью 60–120 см (рис. 1: *1 в*), который был перекрыт «кожухом» из дерна, перевернутого растительностью вниз и аккуратного уложенного по всей поверхности кургана (рис. 1: *1–2 а*). Слой дерна имел мощность до 30 см.

Общая высота первоначальной насыпи могла достигать 4–4,5 м и иметь диаметр около 25 м (рис. 1: *2 а*).

Судя по тому, что на поверхности первой курганной насыпи начались процессы почвообразования (определение к. б. н. А. В. Борисова[1]), первоначальная курганная насыпь была перекрыта новой спустя не менее одного вегетационного периода.

Вероятно, к этому же первому этапу можно отнести сооружение ямы (объект 34), которая располагалась в прикурганном пространстве к юго-западу от первой насыпи. Яма имеет округлую форму, стенки почти вертикальные, дно горизонтальное. Диаметр ямы – около 100–110 см. Глубина ямы – до 52 см. Заполнение ямы представлено слоем темно-серого суглинка с щебнем. В заполнении выявлены кости животных, найден фрагмент керамики, а также фрагмент турлучной обмазки. Изначально данная яма была принята за объект майкопского поселения, на территории которого мог быть сооружен курган, однако при дальнейшем изучении территории и прикурганного пространства никаких других признаков расположенного рядом поселения майкопского времени выявить не удалось. Яма, вероятно, была сооружена одновременно с первой насыпью кургана и при сооружении второй насыпи при расширении площади кургана была перекрыта насыпью.

Вторым этапом в формировании облика кургана можно считать сооружение новой насыпи, которая полностью перекрыла первую. Следует отметить наличие специализированных приемов, позволяющих предполагать, что архитектор второго этапа занимался сооружением курганов профессионально и не впервые (рис. 2). Изначально по периметру будущего кургана на расстоянии около 450–500 см от подошвы старой насыпи был сформирован невысокий валик (до 30 см) (рис. 2: *1*). Судя по общей стратиграфии насыпи, этот валик располагался по всему периметру кургана, однако уверенно проследить его удалось только во временном профиле, примыкающем к южной четвертой бровке кургана. Связано это с тем, что в результате древнего ограбления погребения 9, которое было, на наш взгляд, совершено практически сразу после строительства второй курганной насыпи, грабительский выброс лег на южный склон. Из-за того, что грабительский выброс имел достаточно большой объем, он перекрыл склон кургана отложениями мощностью до 70 см, что привело к надежной консервации структур кургана на данном участке и процессы почвообразования на уровне поверхности древней насыпи были остановлены.

После того, как валик был сформирован, началась очень аккуратная и продуманная отсыпка слоев внешней части насыпи от валика к центру (рис. 2: *1–2*). Нужно отметить два важных технологических нюанса: первый заключается в том, что нижние слои начали отсыпаться под обратным углом относительно склона первоначальной насыпи. То есть, начиная от валика, грунт сыпался так, что наклон прослойки вниз был направлен к центру кургана. Такая отсыпка грунта наблюдалась практически до уровня вершины первоначальной насыпи, после чего слои грунта постепенно приобретали горизонтальный характер, а выше уже отсыпались разнонаправленно. Это, в целом, привело к тому, что насыпь получила чрезвычайно устойчивое основание, структура которого препятствовала оползанию внешних слоев кургана. Вторым важным фактором, который сформировал твердую и плотную вторую насыпь кургана, стало использование при сооружении грунтов с различными характеристиками. При сооружении насыпи активно чередовались линзы грунта с глубины не менее метра от древней дневной поверхности, который содержал большое

[1] Авторы выражают благодарность к. б. н. А. В. Борисову за консультации по вопросам почвоведения, выполненные в поле непосредственно в ходе работ на кургане.

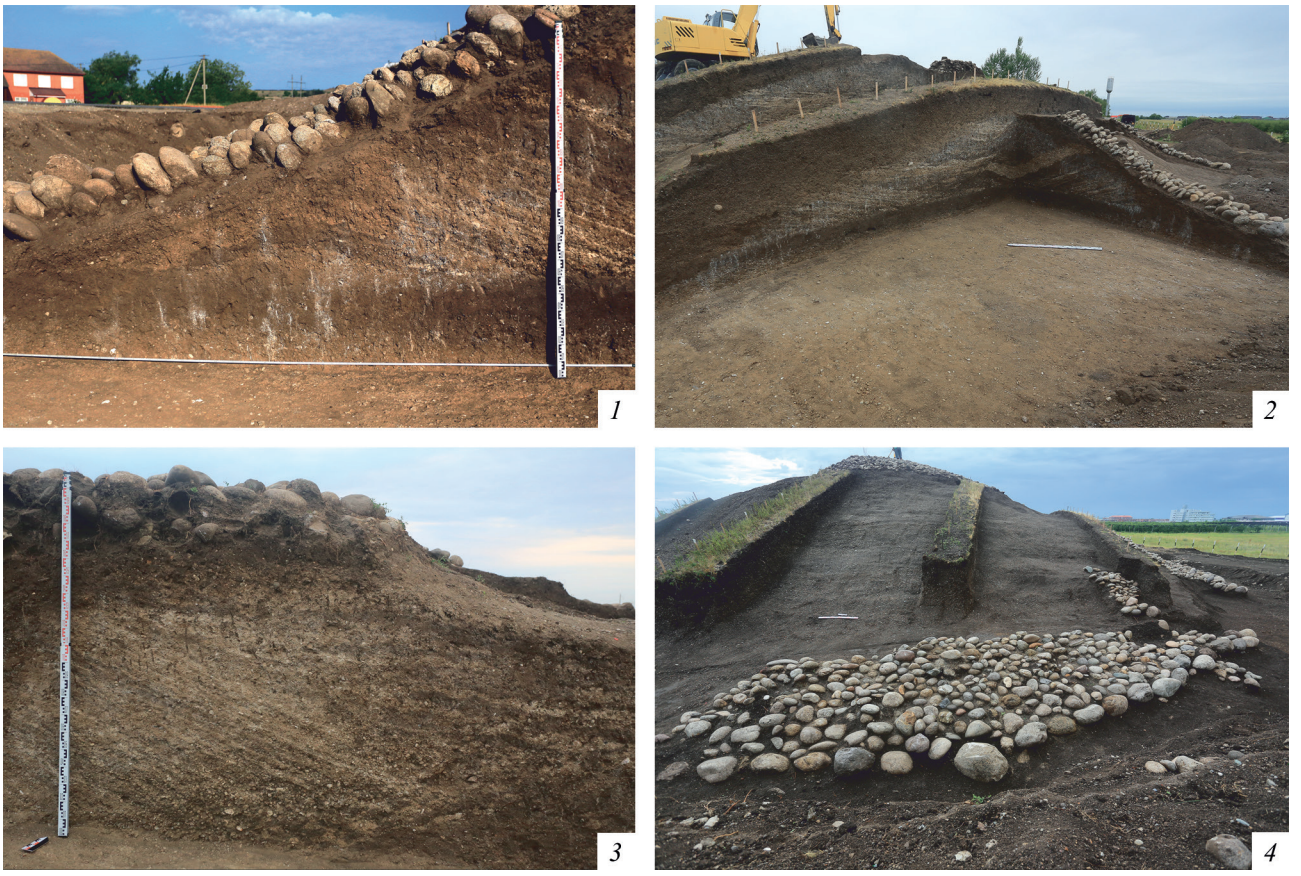


Рис. 2. Курганная группа Кызбурун II (Исламей), курган 1. Строительные приемы формирования второй майкопской насыпи. *1* – валик на погребенной почве по внешнему периметру кургана и чешуйчатая кладка из валунов; *2* – «обратная» отсыпка слоев грунта второй майкопской насыпи кургана; *3* – участок эталонной отсыпки чередующихся слоев; *4* – наиболее хорошо сохранившийся участок полигонального основания первого (нижнего) ряда валунов панциря кургана

количество включенной извести, с линзами суглинистого грунта с верхних подпочвенных слоев. Вероятно, объем каждой отсыпанной линзы коррелирует с объемом емкости, в которой этот грунт приносился на курган, – корзиной или кожаным мешком. То есть, безусловно, при сооружении кургана требовалось наличие отдельного человека, который занимался распределением грунта по насыпи в соответствии с задуманным планом строительства. Отдельный интерес представляет участок с эталонным распределением грунта, где работы выполнены чрезвычайно аккуратно. Этот участок хорошо фиксировался в северном и в южном профилях бровки 3, на участке, расположенном в 2–5 м к востоку от R0 с уровня -250 см до уровня -380 см (рис. 2: *3*). Как мы видим, на этом участке слои отсыпаны равномерно, разровнены, вероятно, утрамбованы и, судя по смещению тяжелых фракций вниз к основанию слоя, пролиты водой. Почему именно данный участок работы с насыпью кургана был столь аккуратно выполнен? Очевидного ответа на этот вопрос нет. Ни под этими аккуратными прослойками грунта, ни рядом с ними каких-либо уникальных элементов конструкции или погребения не выявлено. Возможно, этот участок отсыпался напоказ или служил запоздалым примером идеального распределения грунта. Плотность укладки грунта и чередование слоев привели к тому, что отдельные прослойки насыпи фактически сцементировались и представляли собой очень твердую структуру, разборка которой на отдельных этапах даже планировочным ковшом экскаватора (без использования зубьев) представлялась сложной задачей. Такая структура второй верхней насыпи прослеживалась по всему объему кургана, за исключением южной стороны. На этом участке в теле кургана от поверхности и до первой насыпи была сформирована линза из относительно мягкого чернозема (рис. 1: *3 е*). Данная линза была однородна и по структуре полностью отличалась от всей остальной насыпи второго этапа

строительства кургана. Ширина линзы – до 11 м. Прослеживается она с уровня -420…-520 см от R0. И уже на уровне южного фаса бровки 4 линза имела толщину до 260 см (-400…-660 см от R0) и основанием доходила до уровня погребенной почвы (рис. 1: *3*). Таким образом, получается, что в южной части кургана был оставлен участок более мягкого грунта, представленного темно-серым суглинком без камней, который в виде протяженной линзы вел от поверхности на склоне кургана под углом около 30 градусов вниз к первой насыпи и в направлении центрального погребения. Именно через эту линзу темно-серого суглинка был прокопан грабительский ход к центральному погребению.

После окончания формирования земляной насыпи, скорее всего, весь курган был перекрыт каменным панцирем. Как было отмечено выше, хорошо сохранилась поверхность лишь южного склона кургана, которая фактически оказалась «законсервирована» грабительским отвалом. На остальных участках поверхности кургана большая часть панциря была разобрана и вторично использована при оформлении кургана в процессе совершения более поздних погребений. После снятия грунта грабительского выброса нам удалось детально проследить конструктивные особенности кладки панциря. Для панциря использовались речные окатанные валуны. Вероятно, они привезены с берега ближайшей р. Баксан, который расположен на расстоянии около 1,5 км к югу от кургана. Судя по очертаниям хорошо сохранившейся часть кладки панциря, первоначальная насыпь не была округлой в основании. План первого нижнего ряда валунов позволяет предполагать, что периметр кургана был разбит колышками, между которыми были натянуты веревки, и кладка велась вдоль этих веревок. В южной и юго-западной частях полы кургана можно проследить несколько поворотных точек, которые соединяются прямыми отрезками внешнего контура кладки (рис. 2: *4*). Первый нижний и внешний ряд кладки панциря сформирован более крупными валунами, фракцией от 40 до 80 см. Далее укладка камней производилась вверх по склону. Валуны в основном имели фракцию 10–30 см. Выкладка камней производилась чрезвычайно плотно. При этом камни укладывались не горизонтальной частью на поверхность кургана, а примыкали к поверхности боковой малой гранью, формируя чешуйчатую кладку камней (рис. 2: *1*). Там, где между камнями оставались зазоры, они закрывались более мелкими гальками (рис. 2: *4*). Таким образом, кладка получалась достаточно плотной и для того, чтобы достать из нее камень, требовалось приложить усилия, чтобы расшатать валун и камни, примыкающие к нему.

Опираясь на представленную ситуацию, можно уверенно говорить, что ограбление кургана было запланировано на этапе строительства второй насыпи и было осуществлено теми, кто принимал участие в ее сооружении. Безусловно, южная сторона кургана была выбрана неслучайно. Как минимум два фактора могли быть учтены при подготовке будущего захода в курган с южной стороны: бóльшая инсоляция, что, безусловно, важно при работе в лазе, пусть и широком, а также то, что южный склон отогревается быстрее, если ограбление предпринималось весной. Можно уверенно говорить о том, что грабители не торопились и, возможно, не опасались быть пойманными. Косвенно об этом говорит тщательность опустошения могильной ямы и большой объем грунта, который было необходимо вынести на поверхность. Кроме того, внутри грабительского лаза был обнаружен очаг, который позднее был затоптан грабителями, что позволяет говорить о том, что работы велись не один день.

В результате ограбления и значительного по объему выброса на южный склон форма второй насыпи изменилась. Южный склон стал более пологим и похоронил под собой большое количество облицовочных валунов, что позволило им сохранится *in situ* и избежать переиспользования на более поздних этапах. Кроме того, вскоре после ограбления грунт над грабительским лазом и центральной опустошенной камерой обвалился и просел (рис. 1: *1–2 з*). Объем просадки должен был сильно трансформировать вершину кургана.

На следующем, третьем, этапе активного использования курганной насыпи в нее было совершено два впускных погребения северокавказской археологической культуры. Оба они оказали влияние на форму кургана, значительно изменив первоначальный замысел архитектора второй насыпи (рис. 3). Судя по всему, первое впускное погребение (погребение 2) было совершено сверху в центре кургана в уже просевшую над центральным разграбленным погребением насыпь. Контуры погребения читались на глубине -410 см от R0. Выше яму погребения проследить не удалось, так как она была впущена в перемешанные слои провала грунта. Само погребение прослежено на уровне -463…-470 см от R0. При обкладке могилы и над ней использовались речные валуны, которые, вероятно, были взяты из облицовки кургана. После совершения погребения над могилой на просевшей поверхности кургана из валунов была сформирована воронкообразная

Рис. 3. Курганная группа Кызбурун II (Исламей), курган 1. Этапы расчистки каменных конструкций. Съемка с квадрокоптера. *1* – вид с юго-востока, *2* – вид с юга. *а* – пятно могильной ямы впускного погребения 7; *б* – воронкообразная выкладка над впускным погребением 2; *в* – каменный купол, связанный, вероятно, с сооружением впускного погребения 7; *г* – кромлех, сооруженный и частично переложенный при формировании впускных погребений 2 и 7

выкладка – объект 24 (рис. 3: *1–2 б*). Диаметр ее составил около 10 м. Края воронкообразной выкладки прослежены на глубине около -140 см от R0, а основание – на глубине -275 см от R0. В центральной части воронкообразной выкладки сформировалась просадка грунта в яму погребения 2. Камни, использованные при формировании выкладки, скорее всего, были взяты из более раннего панциря кургана. В свою очередь, северная часть выкладки, вероятно, также была частично разобрана при совершении следующего погребения. После формирования воронкообразной выкладки на нее был насыпан грунт, который сформировал новую вершину кургана (рис. 1: *1–2 и*), просуществовавшую период, достаточный для начала почвообразовательных процессов до того, как она была перекрыта камнями, связанными со следующим впускным погребением (погребением 7).

Помимо воронкообразной выкладки, часть камней панциря кургана была разобрана для создания кольцевого кромлеха вокруг кургана (рис. 3: *1–2 г*). О том, что кромлех был создан в период совершения северокавказского погребения, говорит общая стратиграфическая ситуация у полы кургана. Очевидно, что остатки панциря, сохранившиеся в нижней части кургана, заходят под слой грунта, на котором уже лежит кромлех. Особенно это выражено на южном склоне, где кромлех положен поверх грабительского выброса из центрального погребения, лежащего на панцире.

Еще одно погребение северокавказской культуры (погребение 7) было совершено на южном склоне кургана (рис. 1: *3 ж*; 3: *1–2 а*). Верх могильной ямы перебивает грабительский ход. Вероятно, для погребения специально был выбран провал в поле кургана на месте начала грабительского лаза. Этот участок с более рыхлым перекопанным грунтом и свободным от камней был удобен для совершения впускного погребения. С этого уровня была впущена вертикальная шахта глубиной 260 см (-400…-660 см от R0), внизу которой располагалась незначительно заглубленная в древнюю погребенную почву могила. Шахта имела внутренние деревянные конструкции, от которых сохранились вертикальные и горизонтальные фрагменты древесного тлена, и была заполнена речными валунами, которые, по всей видимости, также были взяты из разобранного панциря кургана. В процессе выкопки объемной ямы будущей могилы погребения 7 на южный склон было снова высыпано относительно большое количество грунта из тела кургана, в результате чего кромлех был на отдельных участках перекрыт выбросом, а местами частично разрушен. Данное нарушение целостности кромлеха привело к тому, что после совершения погребения южная часть кромлеха была переложена. Структура кладки камней в этой части на момент раскопок имела визуальные отличия от сохранившихся участков кромлеха с востока и севера. Кроме того, южная часть кромлеха сместилась на юг, вследствие чего вместо кольцевого кромлех стал незначительно вытянутым. Кроме перекладки кромлеха, внешний вид кургана изменило создание новой вершины кургана (рис. 3: *1–2 в*). После того, как на грунтовой поверхности, насыпанной поверх каменной воронки первого впускного погребения, начались процессы почвообразования, через какое-то время она была перекрыта речными валунами, взятыми из панциря, далее на нее были уложены огромные камни, обнаруженные нами на вершине кургана в момент начала работ. Интересно, что сформированная из речных валунов вершина имела сложную форму: в центральной части из камней было выложено возвышение диаметром около 140 см, вокруг которого была валунами же сформирована канавка шириной до 80 см и глубиной до 40–50 см, ограниченная снаружи нешироким бортиком из тех же речных валунов. После чего с внешней стороны от канавки поверхность, выложенная валунами, уже плавно спускалась по склонам кургана до отметки –110…-140 см от R0. Вероятно, в процессе формирования последней облицовки вершины кургана была частично разобрана с северной стороны кладка воронкообразной конструкции, при этом вершина кургана, вслед за кромлехом, незначительно сместилась к югу.

Необходимо добавить, что при изучении северной полы кургана было обнаружено перемещенное и полностью уничтоженное еще одно погребение северокавказской культуры. Найти могильную яму, определить его приблизительное местоположение и понять, оказало ли оно влияние на архитектуру кургана, нам не удалось.

Можно сказать, что после совершения погребений северокавказской культуры внешний облик кургана уже не претерпевал серьезных изменений, кроме разрушений, связанных с хозяйственной деятельностью человека в XX в. и попыткой ограбления в XXI в. С началом этого нового, четвертого, периода в существовании насыпи можно связать группу погребений, относящихся к суворовской катакомбной культуре (погребения 1, 5, 6, 8). К сожалению, они впущены на участках, где в новейшее время были разрушены и панцирь майкопского времени, и кромлех периода формирования погребений

северокавказской культуры. Единственное погребение, которое позволило проследить взаиморасположение архитектурных элементов кургана и этих относительно поздних могил, – погребение 6. Оно располагалось в северо-западной части кургана. Входная шахта катакомбного погребения проходит через небольшой участок частично сохранившейся в этом месте кладки кромлеха. Свод катакомбы, как и у двух других расположенных рядом близких по времени погребений, в древности был незначительно ниже уровня древней погребенной почвы. К моменту раскопок своды были обрушены.

Еще одним элементом, который, возможно ненадолго, внес незначительные изменения во внешний облик кургана, можно считать изолированную человеческую голову, обнаруженную на восточном склоне кургана, на уровне -354 см от R0. Голова лежала в слое верхнего гумусированного суглинка. Краниальный скелет был полный, включая нижнюю челюсть. Наличие фрагментов черепов в разрушенных погребениях и комплектных скелетов в остальных могилах говорит о том, что голова была изначально изолирована и не является выбросом из какого-либо зафиксированного погребения. Расположение головы на склоне позволяет высказать предположение, что она первоначально располагалась на вершине кургана, а позднее скатилась по склону.

Серьезное разрушающее воздействие на форму кургана оказали хозяйственные работы в XX и XXI вв. Прокладка трубы водовода по западной поле кургана практически полностью уничтожила основание кургана и кромлех в этой части. Работы по мелиорации и прокладка грунтовой дороги вдоль северной полы кургана значительно подрезали северный склон, привели к разрушению как минимум одного погребения северокавказской культуры, а также к частичному разрушению северной части кромлеха.

Следует также упомянуть о неудачной попытке ограбления кургана в 2003–2004 гг. В наиболее скрытом от глаз северо-северо-восточном секторе в районе разрушенного дорогой XX в. кромлеха была пробита вертикальная шахта глубиной до 3,1 м от современной дневной поверхности. С уровня дневной поверхности начала XXI в. от колодца в сторону центра кургана вел горизонтальный лаз. Протяженность лаза – около 3 м. Лаз углублен в полу кургана на глубину до 1 м. После чего грабительские работы были остановлены. При выборке заполнения колодца были обнаружены 4 ведра, элементы крепления лебедки, кирка производства СССР со следами сработанности и новый практически неиспользованный лом из стальной арматуры. Вероятно, грабителей кто-то спугнул, и работы были прекращены. После чего оставшаяся в земле яма была превращена в помойку. Датировка времени попытки ограбления основана на найденных в лазе и шахте пачках сигарет и бутылках алкоголя.

Вместе с курганом 1 в этой курганной группе был изучен и курган 2, который примыкал вплотную к поле кургана 1 с востока. В отличие от кургана 1 насыпь кургана 2 не читалась и либо полностью была распахана в XX в., либо за остатки распаханной насыпи с камнями были приняты отвалы грунта, связанные с поздней мелиоративной деятельностью на участке примыкающего к кургану 1 сада. Тем не менее под предполагаемой насыпью кургана 2 было обнаружено раздавленное детское парное катакомбное погребение, содержащее небольшое количество бус. По своей структуре погребение кургана 2 синхронно погребениям 1, 5, 6 и 8 кургана 1 и может быть также предварительно отнесено к суворовской археологической культуре. По мнению авторов, можно допустить, что данное погребение относилось к погребальному пространству кургана 1 и не имело собственной курганной насыпи. Однако полученные полевые данные не позволяют уверенно интерпретировать данную планиграфическую ситуацию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основываясь на полученных результатах, можно уверенно говорить о том, что курганная насыпь над погребением майкопского времени сооружалась в два этапа. На первом этапе были затрачены большие усилия на формирование могильной ямы и работы, связанные с ее обкладкой валунами, камышом (рогозом?) и плетеными матами. Сверху была сформирована первая насыпь, которая складывалась частично из грунта, вынутого из могильной ямы, слоя почвы, принесенного с соседних участков, а также из блоков подрезанного дернового слоя. После чего какое-то относительно продолжительное время первая насыпь оставалась нетронутой. Вторая насыпь была выполнена уже с применением неких профессиональных навыков строителя курганов. При строительстве этой второй насыпи над погребением майкопской культуры значительно увеличился объем кургана, были приняты меры к формированию серьезной конструкции для защиты от разорения могилы случайными копателями, но при этом также на этом этапе были подготовлены условия для удобного ограбления центрального захоронения.

Изъятие вещей из погребения 9 произошло практически сразу после формирования второй насыпи. Есть основания полагать, как это указано выше, что ограбление было исполнено теми же людьми, которые и отвечали за формирование структуры второй майкопской насыпи.

Погребения северокавказского времени внесли значительные изменения в первоначальный облик кургана, дополнив его кромлехом, а также придав вершине насыпи облик, который и дошел до нас к моменту раскопок. При этом создатели впускных северокавказских погребений активно использовали камни из панциря кургана, не принося новых валунов с реки.

Дальнейшие исторические события не оказали серьезного влияния на внешний облик кургана, загадкой лишь остается время помещения двух (а возможно, и трех) крупных валунов на самую вершину кургана. Но очевидно, что это могло произойти не ранее того, как было совершено второе впускное погребение северокавказской культуры.

Хочется отметить феномен данного кургана, состоящий в том, что в результате древнего ограбления был утрачен интереснейший комплекс предметов, сопровождавший явно не рядовое погребение. Однако сформированный при этом выброс из погребения позволил сохраниться предповерхностной структуре насыпи, которая обычно подвергается переработке в ходе почвообразовательный процессов. Такая выразительная и надежная консервация стратиграфии насыпи на южном склоне является еще одним подтверждением того, что изъятие вещей из центрального майкопского погребения кургана произошло практически сразу. Это обстоятельство позволило зафиксировать и понять структуру основания курганной насыпи в южной части кургана.

Литература

Иессен А. А., 1941. Отчет о работе Баксанской экспедиции 1934 г. // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. М.; Л. С. 220–236.

Клещенко А. А., 2014. Синтезирующие признаки памятников суворовской катакомбной культуры // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 21–25 апреля 2014 г.). М.: ИА РАН. С. 63–66.

Меньшиков М. Ю., 2023. Отчет об итогах проведения археологических полевых работ (раскопок) курганов 1 и 2 в составе курганной группы Кызбурун II (Исламей), (1-я курганная группа). Городской округ Баксан. Кабардино-Балкарская Республика в 2020 г. // Архив ИА РАН.

Сведения об авторах

Меньшиков Максим Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: maxim-menshikov@yandex.ru;

Атабиев Бияслан Хакимович, ООО «Институт археологии Кавказа», ул. Катханова, 30, Нальчик, с. Кенже, 360904, Кабардино-Балкарская Республика, Россия; e-mail: biatabi@yandex.ru;

Зашакуев Заур Лиуанович, ООО «Институт археологии Кавказа», ул. Катханова, 30, Нальчик, с. Кенже, 360904, Кабардино-Балкарская Республика, Россия; e-mail: biatabi@yandex.ru;

Кашироков Аслан Хажсмелович, ООО «Институт археологии Кавказа», ул. Катханова, 30, Нальчик, с. Кенже, 360904, Кабардино-Балкарская Республика, Россия; e-mail: biatabi@yandex.ru;

Резниченко Иван Александрович, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия, e-mail: rezn_ivan@mail.ru;

Юнкин Жамиль Алиевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: maxim-menshikov@yandex.ru

https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-426-5.199-210

НАСЛЕДИЕ Н. Я. МЕРПЕРТА НА СТЫКЕ АРХЕОЛОГИИ, РАДИОУГЛЕРОДНОЙ ХРОНОЛОГИИ И ПАЛЕОГЕНЕТИКИ. РАННИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК[1]

П. Ф. Кузнецов

Резюме. В статье рассматриваются ключевые проблемы археологии раннего бронзового века степей Восточной Европы. Рассматриваются ключевые положения Н. Я. Мерперта и их соответствие в свете новых данных радиоуглеродной хронологии и палеогенетики. Рассматривается вопрос о преемственности культур энеолита и раннего бронзового века. Приводятся данные о диффузионном распространении подвижных скотоводов ямной культуры с востока на запад, связанном с освоением сходных экологических ниш.

Ключевые слова: ранний бронзовый век, ямная культура, хвалынская культура, радиоуглеродная хронология, палеогенетика, гаплогруппа, субклад, генетическая преемственность, антропология, диффузия.

Николай Яковлевич вел разносторонние исследования памятников Восточной и Южной Европы, Сирии, Месопотамии. Но он всегда сохранял искренний интерес к истории бронзового века Волго-Уралья. Долгие годы был редактором сборников и монографий, выходящих в региональных центрах, был председателем оргкомитетов конференций. На одной из последних – «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» он участвовал уже в возрасте 79 лет (Самара, 23–28.04.2001). Николай Яковлевич был научным руководителем диссертационных работ многих специалистов. Только из городов Самары, Саратова и Оренбурга под его руководством успешно защитились И. Б. Васильев, О. В. Кузьмина, П. Ф. Кузнецов, Н. М. Малов, Н. Л. Моргунова, В. И. Пестрикова, А. П. Семенова, М. А. Турецкий.

Многолетние контакты с Н. Я. Мерпертом неизменно показывали его искренний интерес к результатам новых раскопок и открытий. Темой нашего общения была ямная и полтавкинского проблематика. Конечно, ключевой для Н. Я. Мерперта всегда оставалась ямная культурно-историческая область. Николай Яковлевич согласился с моим пониманием ямной культуры раннего бронзового века как культуры, имеющей свое выраженное триединство. В ней впервые воссоединились такие признаки, как курганный обряд погребений, металлическое оружие и колесный транспорт (рис. 1). При выделении девяти вариантов ямной области Н. Я. Мерперт ведущее место отводил Волжско-Уральскому варианту, в котором и сформировалось это культурное ядро (*Мерперт*, 1974. С. 147, 148). В настоящее время к девяти известным добавился и полноценный десятый, карпато-дунайский вариант (*Frînculeasa et al*., 2015).

Н. Я. Мерперт регулярно принимал участие в конференциях, проходивших в Оренбурге, Самаре, Саратове, где высказывал свое понимание и давал оценки как новых, так и давних проблем в изучении бронзового века Восточной Европы. В частности, Н. Я. Мерперт публично выражал несогласие с термином М. Гибутас «степная инвазия». Действительно, термин *Invasio* (lat.) обозначает «нашествие, нападение» одной геополитической единицы на другую, что не соответствует археологическим источникам Северо-Западного Причерноморья и Балкан. М. Гимбутас с течением времени существенно трансформировала представления о волнах миграций «курганного народа» в ее понимании. Напротив, Николай Яковлевич твердо оставался на своих позициях в том, что не было ни единой миграции, ни единого периода миграций (*Мерперт*, 1965. С. 19). В его представлении, признаки «степного нашествия» не находят своего подтверждения. Это был скорее процесс постепенного, диффузионного распространения на запад ямных племен,

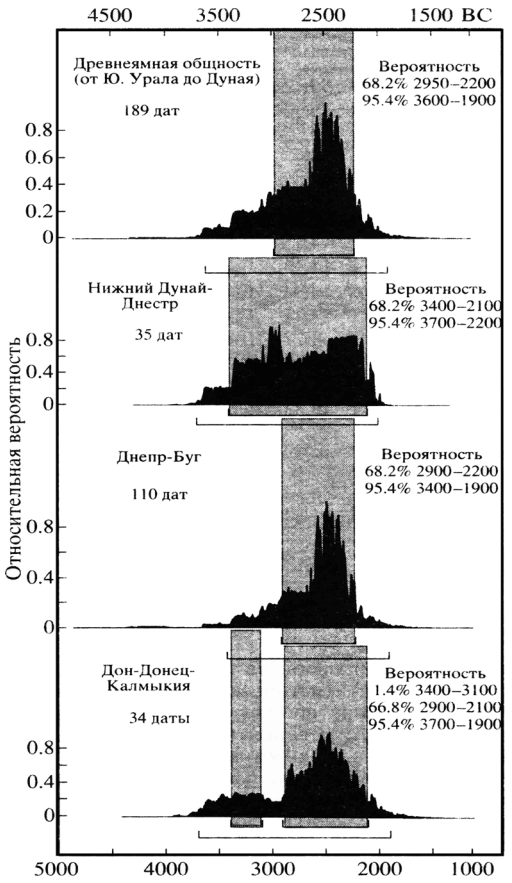
[1] Исследование выполнено в рамках проекта РНФ 22-18-00194 «Эпохальная трансформация культурного и физического облика населения юга Среднего Поволжья и Приуралья в период неолит – ранний железный век по источникам археологии, антропологии, генетики».

Рис. 1. I. Ареалы вариантов древнеямной культурно-исторической области (КИО) (по: *Мерперт*, 1974).
II. Культурно-определяющие символы ямной культуры: *1, 2* – сплошные колеса; *3, 4* – металлическое оружие; *5* – рогатые подвески; *6* – круглодонная керамика; *7* – курган; *8* – повозки.
1 – Шумаево II, О. К. , п. 2 (по: *Моргунова и др.*, 2003); *2* – Балковский курган, п. 57 (по: *Ляшко, Отрощенко*, 1988); *3* – Лещевский I, к. 2, п. 2 (по: *Кузнецов, Мочалов*, 2014); *4* – Кутулук I, к. 4, п. 1 (по: *Кузнецов*, 1990); *5* – Лопатино II, к. 3, п. 2. Фото автора; *6* – Екатериновка V, п. 1 (по: *Зудина, Крамарев*, 1993); *7* – Большой курган, р. Самара, окрестности с. Бобровка. Фото автора; *8* – Останний, к. 1, п. 150 (по: *Гей*, 2000)

сопровождающийся взаимодействием с носителями существовавших здесь культур.

Серьезные сомнения Н. Я. Мерперт высказывал в отношении радиоуглеродного датирования. И это вполне объяснимо, т. к. его знакомство с методом пришлось еще на шестидесятые годы, когда только формировались первые лаборатории и оттачивался сам метод. Однако начиная с девяностых годов массовое датирование памятников эпохи бронзы показало, например, что ямная культура Волго-Уралья имеет очень глубокое время и находится в интервале XXXV–XXIX cal.BC (*Kuznetsov, Mochalov*, 2017; *Кузнецов и др*., 2018. С. 87, 87). Н. Л. Моргунова начало ямной культуры относит даже к XXXVIII cal. BC, что вызывает сомнение, т. к. датировались илистые глины ямных сосудов (*Моргунова*, 2014. С. 184; *Черных, Орловская*, 2011. С. 71; *Кузнецов, Мочалов*, 2017). Сравнение датировок всей ямной КИО показывает, что наиболее древними они являются в ее восточном ареале – в Волго-Уралье. Напротив, в западном ареале, охватывающем Поднепровье – Дон-Донец и Калмыкию, ямные комплексы датируются начиная с XXXII/XXX cal.BC (*Трифонов*, 2001. С. 76, 77; *Черных, Орловская*, 2004. С. 94; *Шишлина*, 2007. С. 275). Тем самым подтверждается позиция Н. Я. Мерперта, что Волжско-Уральский вариант культурно-исторической области является наиболее ранним (*Мерперт*, 1974. С. 147, 148). Интересно, что датировки еще более западного Дунайско-Днестровского ареала опускаются до XXXIV/XXXII cal.BC (*Черных, Орловская*, 2004. С. 93, 94; *Иванова*, 2009. С. 51–53. Рис. 2: *1*). Сомнение в достоверности этих результатов выразили Ю. Я. Рассамакин и А. В. Николова (*Rassamakin, Nikolova*, 2008. S. 66). Авторы сделали выборку только тех дат, которые были получены по кости (*Rassamakin, Nikolova*, 2008. S. 66. Fig. 10). Тем самым они исключили из списка даты по дереву и получили выборку без тех определений, которые относятся ко времени до 90-х гг. XX в. При сравнении представленных авторами калиброванных значений по 11 регионам ямной культуры читается плавное омоложение дат от востока к западу (рис. 2: *3*). Кроме того, Ю. Я. Рассамакин последнюю четверть IV тыс. до н. э. в Поднепровье относит к доямному времени, когда здесь еще продолжаются местные традиции позднего энеолита (*Rassamakin*, 2004. Abb. 125. Fig. 2: *2).* Близкую методологическую позицию заняли А. В. Епимахов с коллегами, когда они предложили строить радиоуглеродную хронологию, основываясь только на AMS (ускорительных) датировках (*Епимахов и др*., 2005. С. 93, 94). Тем самым они исключили из списка те даты синташтинской культуры, которые были получены ранее по дереву и которые ее удревняли вплоть до рубежа IV/III cal.BC (рис. 3: *2*). И это, безусловно, явный нонсенс для культуры, которая открывает начало позднего бронзового века. Здесь же мною приведены и четыре датировки из п. 16, к. 20 могильника Курчи (рис. 3: *1*). Они также относятся к началу времени широкого радиоуглеродного датирования. Из четырех дат этого закрытого комплекса две либо три совершенно не совпадают, что, конечно же, свидетельствует о несовершенстве метода. Кроме того, из Дунайско-Днестровского региона мы не имеем публикаций многих датированных погребений, определяемых как ямные. Например, п. 3 из к. 1 мог. Утконосовка является коллективным, совершенным в яме неправильных очертаний (*Телегин*, 1977. С. 11). Ни одного собственно ямного признака здесь не указано. Почему же это ямная культура? Еще далее к западу, в степном Подунавье, на территории современных Болгарии, Венгрии, Румынии и Сербии благодаря исследованиям Ф. Хейда с коллегами установлено, что подкурганные погребения до III cal.BC по своим характеристикам соответствуют поздним энеолитическим нижнемихайловской и квитянской культурам (*Frînculeasa et al*., 2015. P. 83, 86). Погребения собственно подкурганной ямной культуры этого региона датируются после III cal.BC (*Frînculeasa et al*., 2015. P. 84, 85).

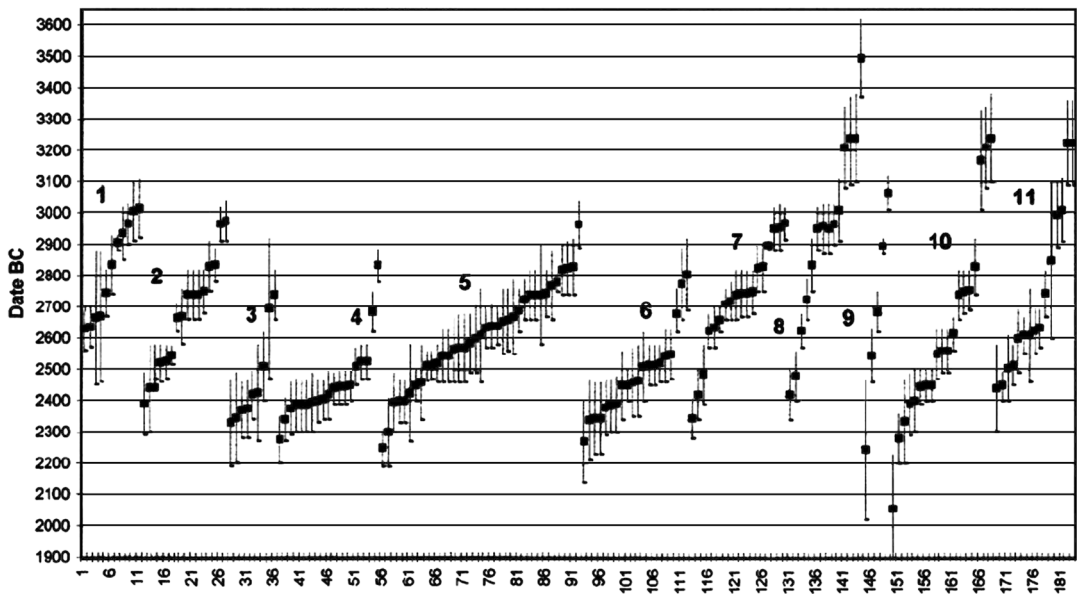
С большим воодушевлением Н. Я. Мерперт воспринял идею о том, что хвалынская культура является базовой для формирования ямной (*Мерперт*, 1980. С. 16–19). И. Б. Васильев первоначально даже предполагал рассматривать хвалынскую культуру как древнейший вариант ямной общности, но затем придал ей самостоятельный статус и отнес к энеолиту (*Васильев*, 1981. С. 31). Первые достоверные AMS-датировки это подтвердили, но показали, что между хвалынской и ямной культурами есть существенный хронологический пробел (*Кузнецов*, 1996). Вместе с тем сумма археологических признаков явно указывает на преемственность этих культур. Регулярно появляются новые материалы, подтверждающие это положение. Так, в ямном п. 6 ОК Паницкое 6Б был сосуд, имеющий выраженные хвалынские традиции (*Мимоход*, 2009. С. 48, 51, 245). И такой сосуд не единственный. Отчетливо видна эволюция от горшковидных форм с хвалынскими традициями к ямным (рис. 4). Наблюдается плавный переход от керамики с максимальным диаметром тулова ниже середины высоты сосуда к горшкам с диаметром выше середины их высоты. Достаточно четко прослеживается и трансформация рогатых амулетов



1

BC	Traditionen und Siedlungen							Cucuteni-Tripol´e	Nord-Kaukasus
	Erste	Siedlung	Zweite	Siedlung	Dritte	Siedlung	Vierte		
2900 -									
3000 -			Gruppe II-A	Repin Typ				Tripol´e C2	
3100 -					Spät		Gruppe III-C (ohne Siedlungen)		Majkop II
3200 –	Spät	Kleine Siedlungen mit Keramik des Kvitjana-Typs	Spät		Gruppe III-A, B			Sofievka Usatovo Gorodsk	
3300 -			Gruppe II-B, A	Konstantinovsk-Typ am Unteren Don					
3400 -	------				-------		----------		
3500 -						Michajlovka I			
3600 -	Früh (?)	?			Früh			Cucuteni B – Tripol´e C1	Majkop I (?)
3700 -			Gruppe II-B, A		Gruppe III-A, B				
3800 -			----------					----------	----------
3900 -			?	Srednij Stog II-Typ am Dnepr (?)				Cucuteni AB2 – Tripol´e B2	?
4000 -	?				?				
4100 -			----------					----------	----------
4200 -								Cucuteni A-B1 – Tripol´e B1-B2	
4300 -				Stril'ča Skelja-Typ am Dnepr, Razdorskoe IV, V am Unteren Don					
4400 -			Früh						
4500 -			Gruppe II-B					Cucuteni A - Triplol´e B1	Svobodnoe Mešoko Zamok
4600 -									
4700 -									
4800 -			---?---					Präcucuteni III – Tripolje AIII, 3	?
4900 -									
5000 -									

2



3

Рис. 2. Результаты комплексного изучения радиоуглеродных датировок различных ареалов ямной КИО: *1 – Черных, Орловская*, 2004; *2 – Rassamakin*, 2004; *3 – Rassamakin, Nikolova*, 2008 (калибровка радиоуглеродных датировок ямной культуры из различных регионов в пределах восточной Европы (сигма 1): 1 – северо-восточная Болгария и Паннония; 2 – Днестро-Дунайский регион; 3 – Ингульский регион; 4 – регион Ингульца; 5 – регион Поднепровья; 6 – лесостепь; 7 – Долина реки Молочная; 8 – Донецкий регион; 9 – Доно-Кубанский регион; 10 – Калмыкия; 11 – Волго-Уральское междуречье)

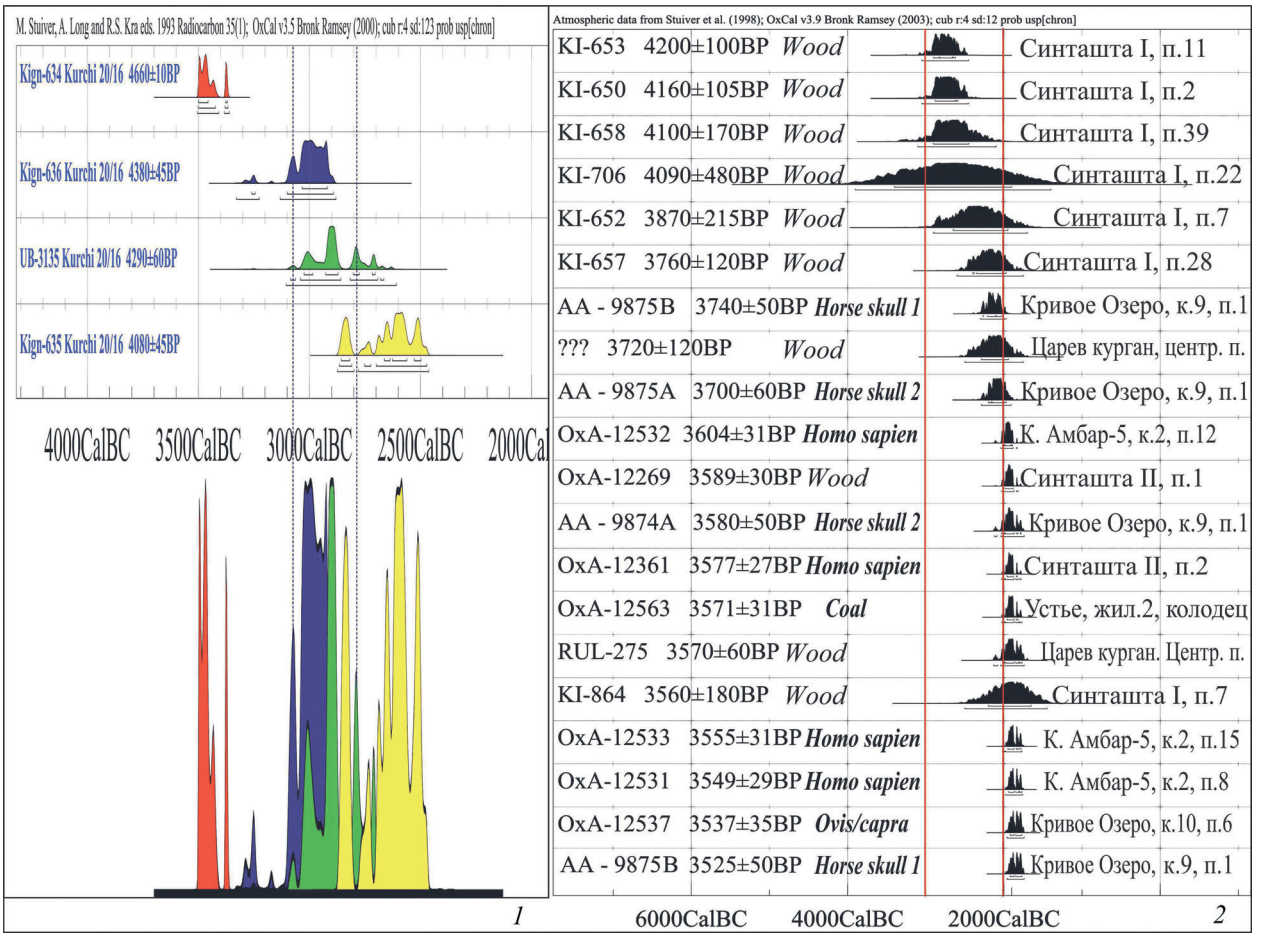


Рис. 3. Примеры результатов радиоуглеродных анализов 60-х – 80-х гг. XX в.
1 – Мог. Курчи, к. 20, п. 16. Из четырех дат две либо три не совпадают. *2* – Синташтинская культура. Начало позднего бронзового века. Первые шесть дат относятся к III тыс. до н. э.

от плоских к округлым в сечении стержням. Тогда возникло предположение, что наиболее древние даты (в пределах V cal.BC) имеют собственно грунтовые Хвалынские могильники, а другие памятники могут датироваться и более поздним временем. Для проверки этой гипотезы я провел сравнение дат из хвалынских поселений. Наиболее поздние значения памятников относятся ко времени XXXVIII cal. BC (*Кузнецов*, 2020. С. 48). Это существенно сокращает разрыв во времени между культурами, хотя и не преодолевает его полностью.

Важные результаты по генетическим данным получены при сравнении хвалынских и ямных людей. Д. Энтони и соавторы утверждают, что прямая генетическая преемственность здесь отсутствует и что у хвалынцев доминирует мужская группа (субклад) R-L754 (гаплогруппа R1b1), а у ямников – R-Z2103 (R1b1a1b1b) (*Anthony et al.*, 2022. P. 38, 39). Но это не совсем так. Сейчас мне известно более 60 определений ямных погребений. Из них около 40 – мужские[2]. Доминирует мужская гаплогруппа R. Но вариаций (групп-субклад) известно не менее семи. Это субклады R-Y13200; R-M269; R-L23; R-Z2103; R-Z2106; R-L51; R-S14328. В Хвалынских могильниках большинство мужчин, как утверждают авторы статьи, имеют субклад R-L754 (*Anthony et al.*, 2022. Tab. 6). Но это выглядит очень странно, т. к. данный субклад появился в позднем палеолите и тогда же исчез, трансформировавшись в процессе нескольких точечных мутаций (рис. 5: *1*). На это достаточно ясно указывает специализированный сайт https://www.yfull.com/tree/R/. Если при-

[2] Мой приятный долг – выразить искреннюю признательность А. А. Хохлову, Д. Райху, И. Лазаридису, Д. Энтони за предоставленную информацию и детальное обсуждение результатов генетического анализа.

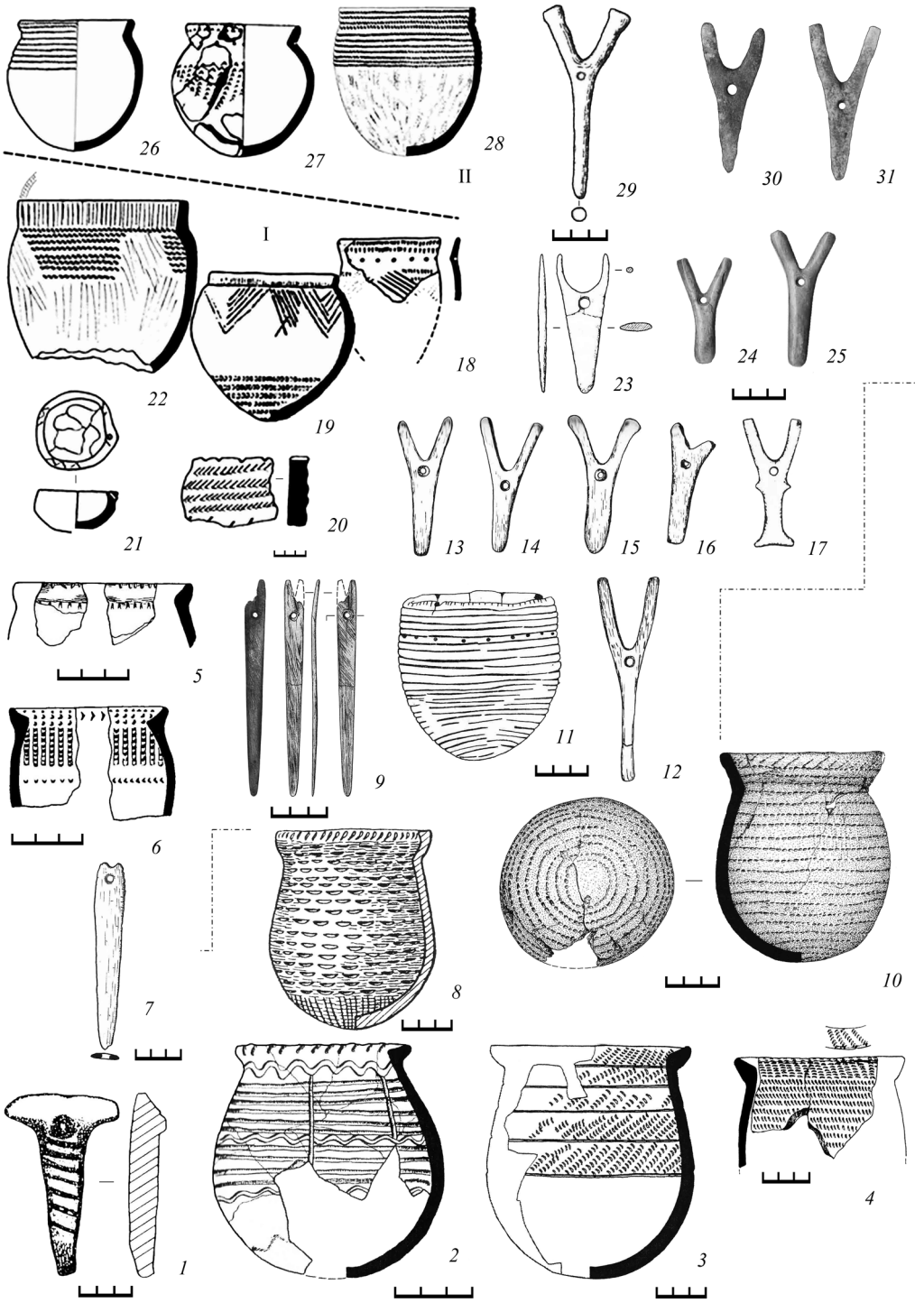


Рис. 4. Эволюционно-типологическая схема развития керамики и рогатых амулетов.
1–4 – хвалынская культура; *5, 6* – переходные формы сосудов; *7–31* – ямная культура.
1 – Хлопков Бугор, п. 4 (по: *Малов*, 2008); *2–4* – Хвалынский I мог.: п. 19/20, слой мог., кв. Н/17, гл. -95 (по: *Васильева*, 2010); *5* – Энгельс; *6* – Ровное, к. 5, п. 3 (по: *Дремов, Юдин*, 1992); *7* – Чкаловка, к. 3, п. 5 (по: *Ковалева*, 1992); *8* – Политотдельское, к. 12, п. 15 (по: *Смирнов*, 1959); *9, 10* – Паницкое 6Б О. К. , п. 6 (по: *Мимоход*, 2009); *11–16* – Герасимовка II, к. 4, п. 2 (по: *Порохова*, 1992); *17* – Покровский, к. 17, п. 1 (по: *Агапов, Васильев*, 1975); *18* – Покровский, к. 15, п. 1 (по: *Агапов, Васильев*, 1975); *19* – Шумейка, п. 6а (по: *Баринов*, 1996); *20–22* – Лопатино I, к. 31, п. 1 (по: *Кузнецов и др.*, 2018); *23* – Мингрельский, к. 1, п. 2 (по: *Гей*, 2002); *24, 25* – Лопатинский II, к. 3, п. 2. Фото автора; *26, 27* – Петровка, к. 1, п. 2 (по: *Моргунова*, 2014); *28* – Скворцовка, к. 5, п. 2 (по: *Моргунова*, 2014); *29* – Батуринский II, к. 3, п. 4 (по: *Шарафутдинова*, 1983); *30, 31* – Новый, к. 131, п. 1 (по: Курганные погребения…, 2014)

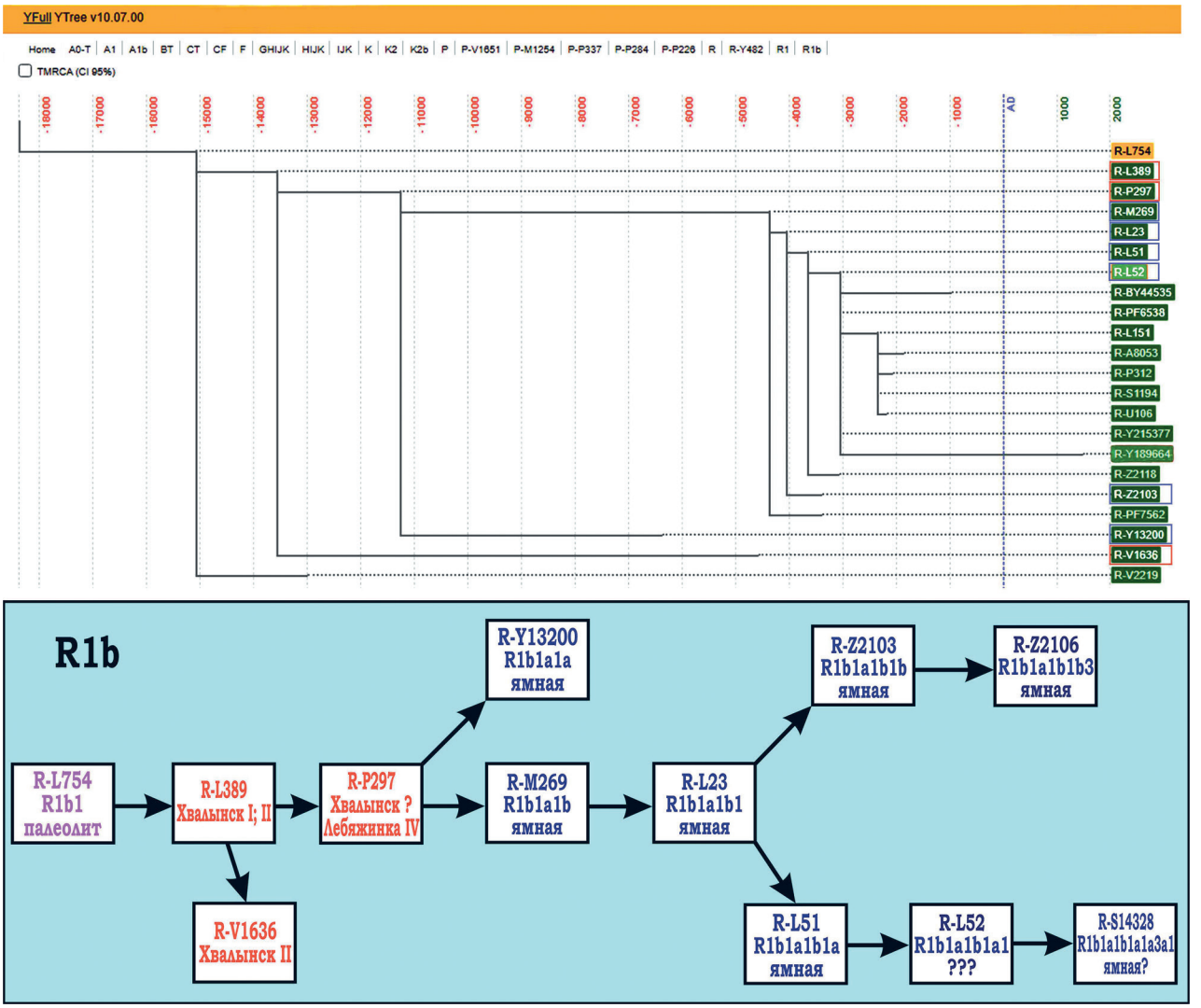


Рис. 5. Таблица ветвления мужских (Y-хромосом) субклад R1b энеолитических и ямной культур (по: https://www.yfull.com/tree/R)

знать, что в Хвалынских могильниках доминирует субклад R-L754, то возникает совершенно непреодолимое противоречие. Исчезнув на 10 тысяч лет, откуда он вдруг вновь появляется? И почему этот субклад отсутствует у людей последующих культур? Объяснить столь противоречивый феномен возможно недостатками лабораторного прочтения последовательности данного участка генома, выявившего не все точечные мутации. Возможно, по причине повреждения исходного материала исследования.

К сожалению, авторы статьи о Хвалынских могильниках публикуют субклады, которые не поддаются проверке за отсутствием сопровождающих материалов. Тем не менее здесь есть четверо погребенных мужчин, которые имеют генетические полиморфизмы, отличные от субклады R-L754. Эти погребенные имеют субклады R-L389; R-V1636 (Хвалынск I, п. 127 и X. II, п. 4, 7, 30, 31). Генетический полиморфизм субклады R-L754 имеет последовательность R1b1. Близок к ней полиморфизм субклады R-L389, последовательность R1b1a. От этой субклады, через одну мутацию (R-P297), появляется субклада R-Y13200. Ей обладает ямный погребенный мужчина из Самарской области – Лещево к. 3, п. 1 (*Кузнецов, Мочалов*, 2014). Субклад R-P297 должен быть у энеолитических мужчин из Хвалынска. Тем более, что появился он намного ранее, за 500–400 лет до Хвалынских могильников на пос. Лебяжинка IV, в погребении 1 (Самарская обл., р. Сок. Сайт Д. Райха, № I0124 просмотр от 2022 г.). От субклады R-P297 ведут свое происхождение все семь известных на сегодня ямных суб-

клад R (рис. 5: *2*). Один погребенный (Хвалынск I, п. 30) имеет субкладу I2a-L699. Близкие, но не тождественные ей субклады есть у ямных погребенных из Калмыкии (Ulan IV) и Болгарии (Mednikarovo 2/1). В результате, 6 хвалынских мужчин имеют субклады, близкие к ямным, что составляет более 20% от всех определений. Не все генетические гаплогруппы были переданы последующим поколениям. Возможно, за пятьсот-семьсот лет произошли мутации, которые закрепились в новую, еще до ямную, эпоху в виде новых субклад. Но для меня вывод вполне однозначный – мы имеем генетическую нить, связующую людей энеолита (хвалынская культура) и раннего бронзового века (ямная). В целом я полагаю, что неправомерно отождествлять археологическую культуру с какой-то конкретной гаплогруппой. На это нам уверенно указали результаты генетического анализа людей ямной культуры. Связывать воедино культуры и гаплогруппы есть методологическое заблуждение, на которое первым указал Л. С. Клейн, хотя сам не избежал «очарования» палеогенетикой (*Клейн*, 2016. С. 11, 12).

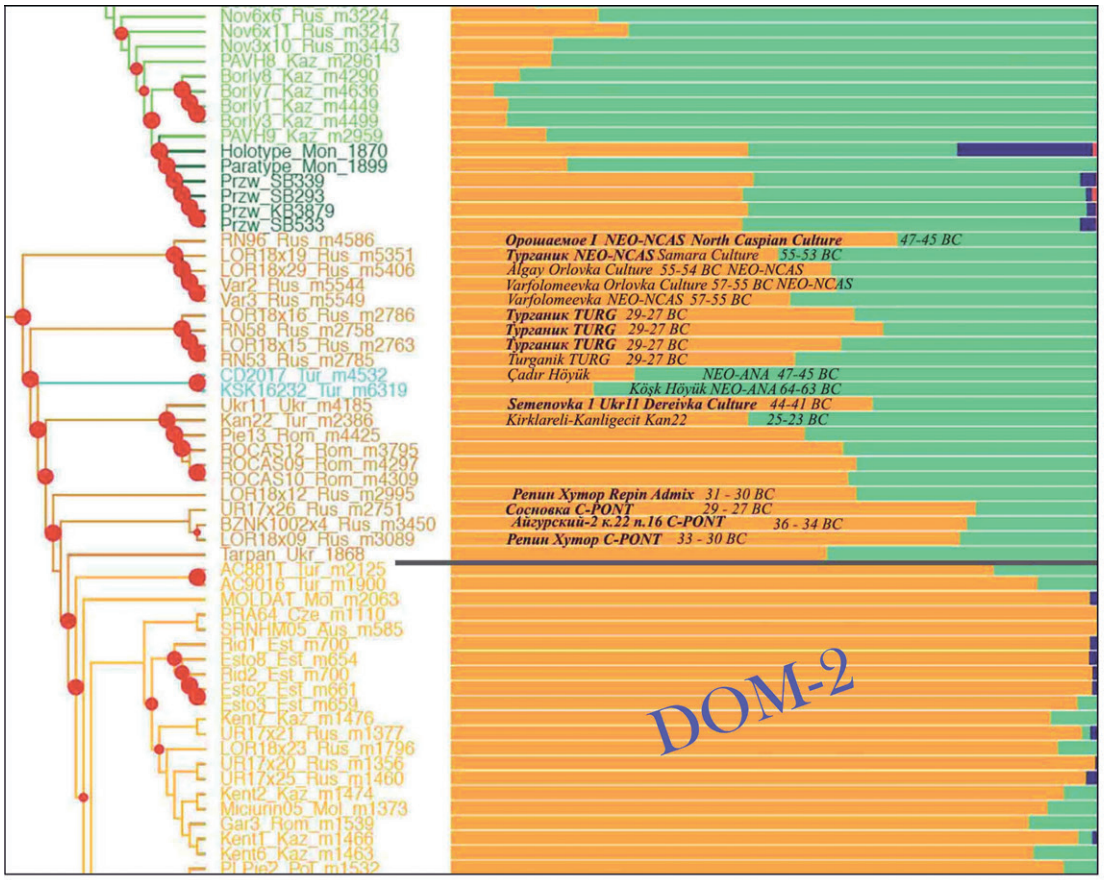
При работе с результатами генетического анализа древней ДНК необходимо учитывать, что геном (совокупность наследственного материала) восстанавливается из множества фрагментов. Некоторые его участки могут быть утрачены навсегда. Идеальным является полное восстановление генома. Для этого существуют специальные программы, которые по многу раз сравнивают участки генома молекулы ДНК, стремясь к их полному покрытию. Покрытие – это среднее число прочтений последовательности данного участка генома. В итоге результаты анализа древней ДНК, которые были опубликованы впервые, могут существенно отличаться от тех, которые станут известны позднее. Например, через год и более. За это время, в результате более полного покрытия, могут быть обнаружены новые точечные мутации (снип-маркеры), отличающие исходные данные гаплогруппы от ее производных ветвлений (субклад). В связи с этим обстоятельством Д. Райх (David Reich) поддерживает специальный сайт, в который внесены все изменения гаплогрупп, известных по ранее опубликованным результатам. Его адрес:

https://reichdata.hms.harvard.edu/pub/datasets/amh_repo/curated_releases/V52/V52.2/SHARE/public.dir/v52.2_1240K_public.anno.

Например, в статье по изучению генетической предыстории Большого Кавказа приведена мужская гаплогруппа из могильника Рассшеватский 1 (Rasshevatskiy 1), к. 21, п. 11 (*Wang et al*., 2018. Supplem. D. 1). Это субклад R-V1636, т. е. гаплогруппа R1b1a2. Но на сайте Д. Райха (просмотр 2022 года) это уже гаплогруппа R1b1a1b1. Соответственно, это другой субклад – R-L23/PF6534. Интересно, что субклад R-L23 мужчин ямной культуры присутствует не менее чем в восьми образцах.

Относительно комплексной характеристики людей ямной культуры мне весьма импонирует представление о них, изложенное в работах А. А. Хохлова. Антропологические серии ямной культуры органично соединяют в себе признаки всех степных предшественников энеолита степной зоны Восточной Европы (*Хохлов*, 2017. С. 68. Рис. 14, 15). Унифицированная по археологическим характеристикам ямная культура демонстрирует антропологическое разнообразие, полученное от предшествующих степных популяций. Столь яркие центростремительные силы человеческого ресурса свидетельствуют о высокой эффективности хозяйственно-культурной деятельности носителей ямной культуры. Кроме того, в популяции ямников появляются новые, неизвестные ранее женские mtDNA. Это гаплогруппы T1 и J2 (*Wang et al*., 2018. Supplem. D. 1). Они являются генетическими маркерами майкопско-новосвободненской общности (МНО). Такой генетический дрейф людей ямной культуры распространялся по женской линии. Генетическое наследие МНО восходит к армяноподобным ближневосточным популяциям. В этой связи весьма важным представляется вывод о том, что гончарство раннеямного населения содержит некоторые приемы изготовления, которые восходят к традициям куро-араксинской и майкопской культур (*Салугина, Моргунова*, 2022. С. 59). Учитывая традиции металлургического производства ямных племен, у нас есть все основания предполагать, что в результате майкопского влияния в степной зоне Восточной Европы берет свое начало новая эпоха – ранний бронзовый век.

В контексте ямной тематики важное значение имеют генетические исследования происхождения домашнего коневодства (*Librado et al*, 2021; *Кузнецов, Фоменко*, 2022). Гипотеза Д. Я. Телегина – В. Ф. Зайберта – Д. У. Энтони о приручении лошади в эпоху энеолита на протяжении последних 30 лет была общепринятой. Но некоторые исследователи выражали сомнения в столь раннем приручении (*Levin*, 1999. P. 67). Наиболее системно эта критика представлена в работе П. А. Косинцева и П. Ф. Кузнецова (*Kosintsev, Kuznetsov*, 2013). Новые результаты палеогенетических анализов ДНК решительно склонили чашу весов в пользу гипотезы Косинцева/Кузнецова о появлении домашней



1

2

Рис. 6. Результаты изучения палеогенетического секвенирования предков домашних лошадей и археологического исследования основных ареалов древнейших псалиев (по: *Librado, Orlando et al.*, 2021)
1 – участок графика, показывающего генетическую преемственность домашних лошадей (DOM-2) от популяций диких лошадей Доно-Волго-Уральских степей. *2* – ареалы древнейших псалиев, предназначенных для управления колесницами

лошади не ранее конца III тыс. Cal BC (*Librado et al*., 2021). Также выводы генетиков опровергают взаимосвязь между верховой ездой (horseback riding) и массовой экспансией (massive expansion) ямных скотоводов в Европу около 3000 г. до н. э (*Librado et al*., 2021. P.01). Появление древнейших псалиев на рубеже III/II cal.BC, предназначенных для управления колесницей, свидетельствует о более позднем появлении верховой езды (рис. 6: *2*) То есть предположение, вынесенное Д. Энтони в подзаголовок его книги «How bronze-age riders from the Eurasian steppes shaped the modern word» (*Как всадники бронзового века из Евразийских степей сформировали современный мир*) не нашло своего подтверждения у палеогенетиков (*Athony*, 2007). Тем самым несогласие Н. Я. Мерперта со «степной инвазией» получило дополнительное подтверждение. Важно отметить, что регионом, в котором и произошло приручение лошади, был степной ареал к западу от Урала и к северу от Кавказа. Здесь обитали популяции диких лошадей, имеющие наиболее высокий генетический профиль сходства с домашними лошадьми одной единой группы DOM-2 (рис. 6: *1*). Напротив, в Анатолии обитали дикие лошади (NEO-ANA) общей формы с лошадьми Пржевальского (PRZE), обитавшими в Центральной Азии (*Librado et al*., 2021. Fig. 01; *Guimaraes et al*., 2020. Fig. 1).

Итог проведенной работы позволяет сделать вывод о том, что мы имеем все основания утверждать о постепенном диффузионном распространении подвижных скотоводов ямной культуры с востока на запад, связанном с освоением сходных экологических ниш. Полагаю, модель поведения и хозяйственного освоения степных территорий ямными племенами была оптимальной для той эпохи. Разведение рогатого скота, изобретение повозок, металлургия и металлическое оружие, курганный обряд стали основой успешного развития носителей ямной культуры и в последующем – всего бронзового века.

Литература

Агапов С. А., Васильев И. Б., 1975. Покровский курганный могильник // Ученые записки Куйбышевского государственного педагогического института им. В. В. Куйбышева. Т. 165. Наш край. Вып. II. Куйбышев. С. 3–12.

Баринов Д. Г., 1996. Новые погребения эпохи средней бронзы в Саратовском Заволжье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов: Дирекция охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры. С. 84–97.

Васильев И. Б., 1981. Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. ин-т. 129 с.

Васильева И. Н., 2010. О технологии керамики I Хвалынского энеолитического могильника // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура / Сост. С. А. Агапов. Самара: Историко-эко-культурная ассоциация «Поволжье». С. 153–179.

Гей А. Н., 2000. Новотиторовская культура. М.: Старый сад. 224 с.

Гей А. Н., 2002. Булавки-рогатки и антропоморфные шпатели «en forme de Tour Eiffel» // Проблемы археологии Евразии. М.: ИА РАН. С. 127–139.

Дремов И. И., Юдин А. И., 1992. Древнейшие подкурганные захоронения степного Заволжья // РА. № 4. С. 18–31.

Епимахов А. В., Хэнкс Б., Ренфрю К., 2005. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. № 4. С. 92–102.

Зудина В. Н., Крамарев А. И., 1993. Могильник эпохи бронзы у с. Екатериновка // Археологические исследования в Поволжье. Самара: Самарский гос. ун-т. С. 48–59.

Иванова С. В., 2009. Исторические процессы в Юго-Восточной Европе (энеолит – ранний бронзовый век) // Проблемы изучения культур раннего бронзового века Восточной Европы. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т. С. 49–58.

Клейн Л. С., 2016. Ямная, буджакская и ДНК // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.). СПб.: ИИМК РАН. С. 6–13.

Ковалева И. Ф., 1992. Энеолитические курганы у села Чкаловка в Днепропетровской области // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск: Днепропетровский гос. ун-т. С. 66–75.

Кузнецов П. Ф., 1990. Уникальное погребение эпохи ранней бронзы на р. Кутулук // Древности Восточно-европейской лесостепи. Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. ин-т. С. 135–137.

Кузнецов П. Ф., 1996. Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита – бронзового века юга лесостепного Поволжья // Архео-

логия и радиоуглерод. Вып. 1. СПб.: ИИМК РАН. С. 56–60.

Кузнецов П. Ф., 2020. Хронология хвалынской культуры Волго-Уралья // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее. СПб.; Самара: Порто-принт. С. 47–50.

Кузнецов П. Ф., Мочалов О. Д., 2014. Особенности курганов позднеямного населения Самарской долины эпохи ранней бронзы // Археологические памятники Оренбуржья: сб. науч. тр. Вып. 11. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т. С. 90–95.

Кузнецов П. Ф., Мочалов О. Д., 2017. Хронологическая позиция ямной культуры Волго-Уралья // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Сб. научных трудов. С. 572–573.

Кузнецов П. Ф., Мочалов О. Д., Хохлов А. А., Энтони Д. У., 2018. Грачевские курганы. Археология, антропология, геномный анализ. Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т. 196 с.

Кузнецов П. Ф., Фоменко С. В., 2022. Генетические маркеры доместикации // Самарский научный вестник. Т. 11, № 1. С. 195–200.

Курганные погребения раннего бронзового века (свод археологических источников) / Сост. А. Н. Файферт. Ростов-на-Дону, 2014. 500 с.

Ляшко С. Н., Отрощенко В. В., 1988. Балковский курган // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. Киев: Наукова думка. С. 40–64.

Малов Н. М., 2008. Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 6. Саратов: Саратовский гос. ун-т. С. 32–134.

Мерперт Н. Я., 1965. О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке // КСИА. Вып. 105. С. 10–20.

Мерперт Н. Я., 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука. 173 с.

Мерперт Н. Я., 1980. Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. ин-т. С. 3–26.

Мимоход Р. А., 2009. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. М.: Таус. 292 с.

Моргунова Н. Л., 2014. Приуральская группа памятников в системе Волжско-Уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т. 347 с.

Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Краева Л. А., Мещеряков Д. В., Турецкий М. А., Халяпин М. В., Хохлова О. С., 2003. Шумаевские курганы. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т. 392 с.

Порохова О. И., 1992. II Герасимовский курганный могильник в Оренбургской области // Древняя история населения волго-уральских степей. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т. С. 92–107.

Салугина Н. П., Моргунова Н. Л., 2022. Генезис ямной культуры в Волго-Уралье в свете изучения технологии гончарства // Энеолит и бронзовый век Циркумпонтийского региона: культурные процессы и взаимодействия: к 100-летию со дня рождения Н. Я. Мерперта: тез. докл. конф. М.: ИА РАН. С. 58–61.

Смирнов К. Ф., 1959. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское // Древности Нижнего Поволжья (итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т. I. М.: Изд-во АН СССР. С. 206–322. (МИА; № 60).

Телегин Д. Я., 1977. Об абсолютном возрасте ямной культуры и некоторые вопросы энеолита юга Украины // РА. № 2 С. 5–19.

Трифонов В. А., 2001. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара: Науч. техн. центр. С. 71–82.

Хохлов А. А., 2017. Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита – бронзового века). Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т. 368 с.

Черных Е. Н., Орловская Л. Б., 2004. Радиоуглеродная хронология древнеямной общности и истоки курганных культур // РА. № 1. С. 94–99.

Черных Е. Н., Орловская Л. Б., 2011. Керамика и радиоуглеродное датирование в рамках ямной археологической общности: проблемы интерпретации // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2. М.: ИА РАН С. 64–78.

Шарафутдинова Э. С., 1983. Новые материалы по эпохе энеолита и бронзы в степном Прикубанье // КСИА. Вып. 176. С. 15–23.

Шишлина Н. И., 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н. э.). М. 400 с. (Труды Гос. ист. музея; вып. 175).

Anthony D. W., 2007. The horse, the wheel and language. How Bronze-Age riders from the steppes shaped the modern world. Princeton; Oxford: Princeton University Press. 553 p.

Anthony D. W., Khokhlov A. A., Agapov S. A., Agapov D. S., Schulting R., Olalde I., Reich D., 2022. The Eneolithic cemetery at Khvalynsk on the Volga River

[Электронный ресурс] // Praehistorische Zeitschrift. URL: https://doi.org/10.1515/pz-2022–2034 (дата обращения: 05.07.2023).

Frînculeasa A., Preda B., Heyd V., 2015. Pitgraves, Yamnaya and kurgans along the Lower Danube: Disentangling IVth and IIIrd Millenium BC burial customs, equipment and chronology // Prähistorische Zeitschrift. 90, 1–2. S. 45–113.

Guimaraes S., Arbuckle B., Peters J., Adcock S., Buitenhuis H., Chazin H., Manaseryan N., Uerpmann H.-P., Grange T., Geigl E.-M., 2020. Ancient DNA shows domestic horses were introduced in the Southern Caucasus and Anatolia during the Bronze Age // Science Advances. Vol. 6. eabb0030. 10 p.

Kosintsev P., Kuznetsov P., 2013. Comment on «The Earliest Horse Harnessing and Milking» by Alan K. Outram et al. // Tyragetia. Serie Nouă. Vol. VII (XXII), nr. 1. P. 405–418.

Kuznetsov P., Mochalov O., 2017. Radiocarbon dating of pottery from bronze age sites in eastern European steppes (Russia) // Radiocarbon. T. 59, № 1. P. 109–116.

Levine M., 1999. Botai and the Origins of Horse Domestication // Journal of Anthropological Archaeology. Vol. 18. P. 29–78.

Librado P., Orlando L. et al., 2021. The origins and spread of domestic horses from the Western Eurasian steppes [Электронный ресурс] // Nature. URL: https://doi.org/10.1038/s41586–021–04018–9 (дата обращения: 05.07.2023).

Rassamakin Y., 2004. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit. Mainz. 234 S. (Archäologie in Eurasien; 17).

Rassamakin Y., Nikolova A., 2008. Carpathian Imports and Imitations in Context of the Eneolithic and Early Bronze Age of the Black Sea Steppe Area // Schriften des Zentrums für Archäologie und Kulturgeschichte des Schwarzmeerraumes. Ausgabe 11. S. 51–88.

Wang C.-C., Haak W. et al., 2018. The genetic prehistory of the Greater Caucasus [Электронный ресурс] // bioRxiv. URL: https://doi.org/10.1101/322347 (дата обращения: 05.07.2023).

Сведения об авторе

Кузнецов Павел Федорович, Самарский государственный социально-педагогический университет, ул. М. Горького 65/67, Самара, 443099, Россия; e-mail: pavelf.kpf.kuznetsov@gmail.com

https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-426-5.211-219

ПАЛЕОЛАНДШАФТЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЕСНЫХ РЕСУРСОВ В ЭКОНОМИКЕ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ САЛЬСКО-МАНЫЧСКИХ СТЕПЕЙ[1]

Н. И. Шишлина, Н. В. Леонова, С. О. Троицкий, Д. А. Куприянов, Н. Г. Солошенко

Резюме. В статье рассматриваются контекст находок древесины в ямных погребениях могильника Песчаный IV Нижнего Подонья; результаты проведения ксилотомического анализа для идентификации видовой принадлежности отобранных образцов; определения изотопного состава $^{87}Sr/^{86}Sr$ в древесине и сравнительный анализ полученных данных с местными изоскейпами (вариациями отношений изотопного состава стронция в элементах экосистемы). Это позволило не только определить, какие местные/неместные древесные ресурсы использовало ямное население, проживавшее в регионе в начале III тыс. до н. э., но и дополнить палеоархивы природной среды этого времени. Ландшафты Сальских степей бронзового века включали лесные массивы. Это привлекало древнего человека, нацеленного на использование всех доступных природных ресурсов, что обеспечивало поддержание их экономических стратегий.

Ключевые слова: ямная культура Нижнего Подонья, древесина, изотопный состав $^{87}Sr/^{86}Sr$, природные ресурсы.

ВВЕДЕНИЕ

Характерной чертой ямной культуры Нижнего Подонья является использование древесины, которая шла на строительство перекрытий, обкладку стен и дна могил, а также на изготовление отдельных изделий. Благодаря особым условиям аридных почв, сохранность древесины хорошая или удовлетворительная, что позволяет сделать ее предметом дополнительного исследования.

Задача данной публикации заключалась в анализе контекста находок древесины из ямных погребений могильника Песчаный IV Нижнего Подонья; проведении ксилотомического анализа для идентификации ее видовой принадлежности; определении изотопного состава $^{87}Sr/^{86}Sr$ в древесине и сравнительном анализе полученных данных с местными изоскейпами (вариациями отношений изотопного состава стронция в элементах экосистемы). Это позволяет определить, какие местные/неместные древесные ресурсы использовало ямное население, проживавшее в регионе в начале III тыс. до н. э.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ, ОБРАЗЦЫ И МЕТОДИКА

Степной археологической экспедицией Государственного исторического музея были исследованы курганы 13 и 26 могильника Песчаный IV, расположенного в 6,1 км к юго-востоку от с. Ремонтное Ростовской области на небольшом возвышенном плато между р. Джурак-Сал и балкой Песчаная (рис. 1). Погребения, над которыми были сооружены насыпи, относятся к ямной культуре.

Основное захоронение 5 кургана 13 располагалось в юго-западном секторе невысокой насыпи. Оно было совершено в глубокой четырехугольной яме, размеры по дну – 158×105 см, глубина – примерно 234–248 см. По периметру ямы в заполнении могилы обнаружены многочисленные фрагменты древесины. На дне находился скелет ребенка 8 ± 2 лет на спине скорченно, черепом ориентированный на восток. Кисти и стопы погребенного окрашены красным пигментом. У северной стенки на дне могильной ямы располагалось небольшое скопление углей и красного пигмента. На лицевой части черепа найдены тонкие прутики. Рядом с левым плечом обнаружено костяное изделие из ребра животного длиной 4,1 см (рис. 2: *2, 10*).

Основное захоронение 2 кургана 26 располагалось в центре насыпи. Глубокая четырехугольная яма имела размеры по дну 171×107 см, глубина – примерно 170–172 см. В заполнении ямы и на дне найдены фрагменты деревянных плах, кремневый скребок на пластине длиной 2,2 см. На дне могилы лежал скелет женщины 18–25 лет на спине скорченно,

[1] Исследование проведено при поддержке гранта РНФ №21-18-00026

Рис. 1. Могильник Песчаный IV, Ростовская область, Ремонтненский район.

черепом ориентирован на восток. К северу от костей правого предплечья лежали фрагменты костей младенца, анализ которых показал, что они соответствуют размерам плода на последних (39–40) неделях беременности. Кости рук, ребра с правой стороны, нижние позвонки, тазовые кости и кости стоп скелетов были окрашены красным пигментом.

В 3 см к северу от скелета младенца лежали два овальных бруска красного пигмента размерами 2,0×1,3 и 3,1×2,0 см и каменный брусок размерами 12,0×4,5×1,5 см, покрытый пигментом. При просеивании грунта в районе шейных позвонков женщины найдены раковина длиной 1,8 см с просверленным отверстием и медная бусина размерами 0,7×0,5 см (рис. 2: *3, 11*).

В южную полу древнего кургана было впущено еще одно погребение 3 ямной культуры, сооруженное в овальной яме, размерами по дну 112×78 см, высота стенок – примерно 175 см. В заполнении ямы найдены фрагменты деревянных плах. На дне могилы лежал скелет ребенка 4 ± 1 лет, на спине скорченно, ориентированный черепом на восток. К юго-востоку от черепа лежал астрагал мелкого рогатого скота, у левой стопы – уплощенный каменный брусок подчетырехугольной формы, окрашенный красным пигментом, размерами 8,5×5,5×1,5 см (рис. 2: *1, 4–9*).

Сохранность образцов древесины из двух проанализированных комплексов была удовлетворительной, что позволило исследовать три фрагмента перекрытия и прутики, сохранившиеся на лице ребенка из погребения 5 кургана 13, для дополнительного анализа, а из погребения 3 кургана 26 – два образца от фрагментов перекрытия. Сохранность древесины из впускного погребения 2 кургана 26 не позволяла провести ее идентификацию и другие исследования.

Таким образом, для ксилотомического анализа было отобрано 6 образцов из двух погребальных комплексов ямной культуры. Ключевые признаки анатомического строения древесины использовались для определения таксономической принадлежности частиц с помощью атласа-определителя древесины России (*Бенькова, Швейнгрубер*, 2004), атласа-определителя древесины Восточного Средиземноморья (*Akkemik, Yaman*, 2012), а также с привлечением образцов современной древесины, отобранной в ходе

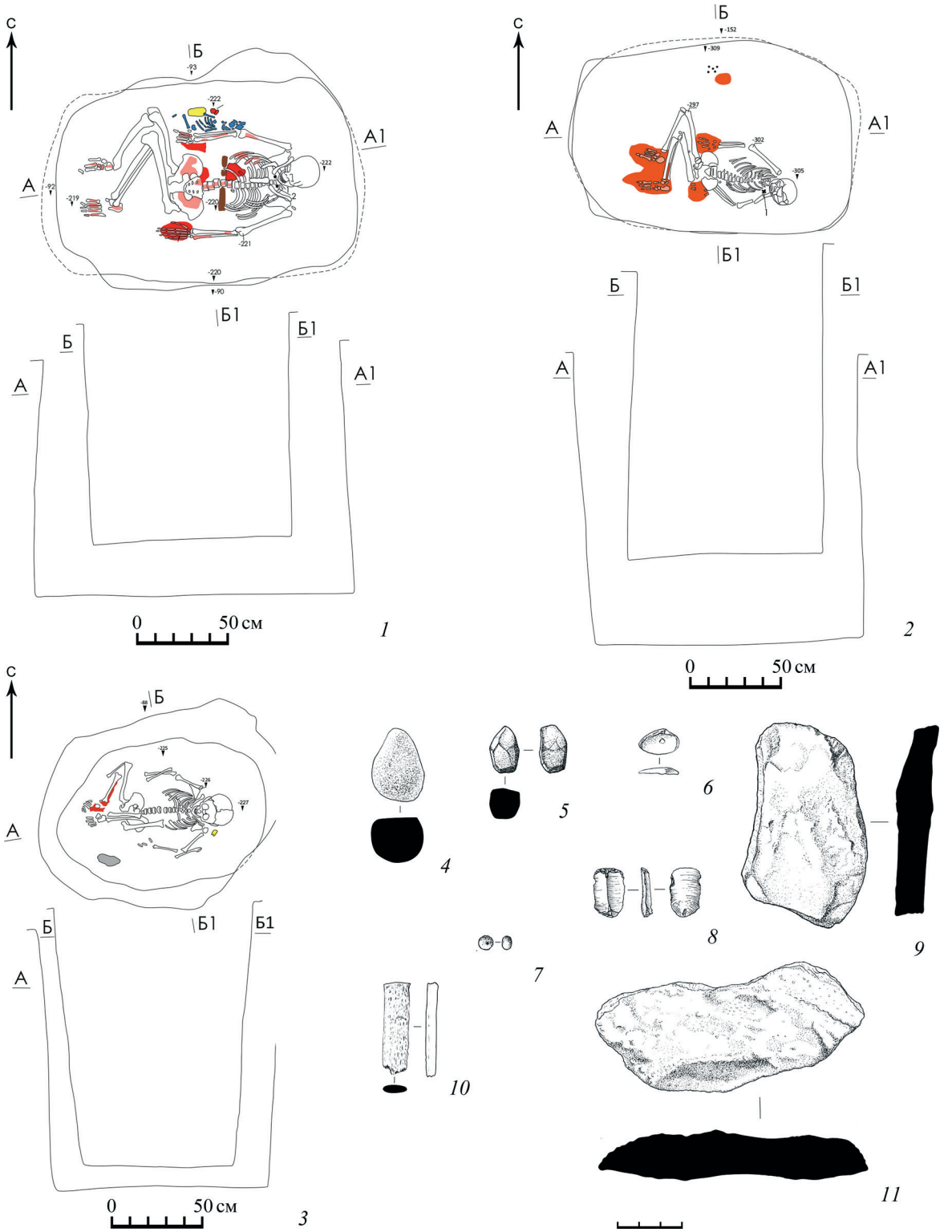


Рис. 2. Могильник Песчаный IV, погребения с деревянными конструкциями. Курган 26, погр. 3: *1* – план; *4, 5* – бруски пигмента; *6* – украшение из раковины; *7* – бусина медная; *8* – кремневый концевой скребок на пластине; *9* – каменный брусок. Курган 13, погр. 5: *2* – план; 10 – костяное изделие. Курган 26, погр. 2: *3* – план; 11 – каменный брусок

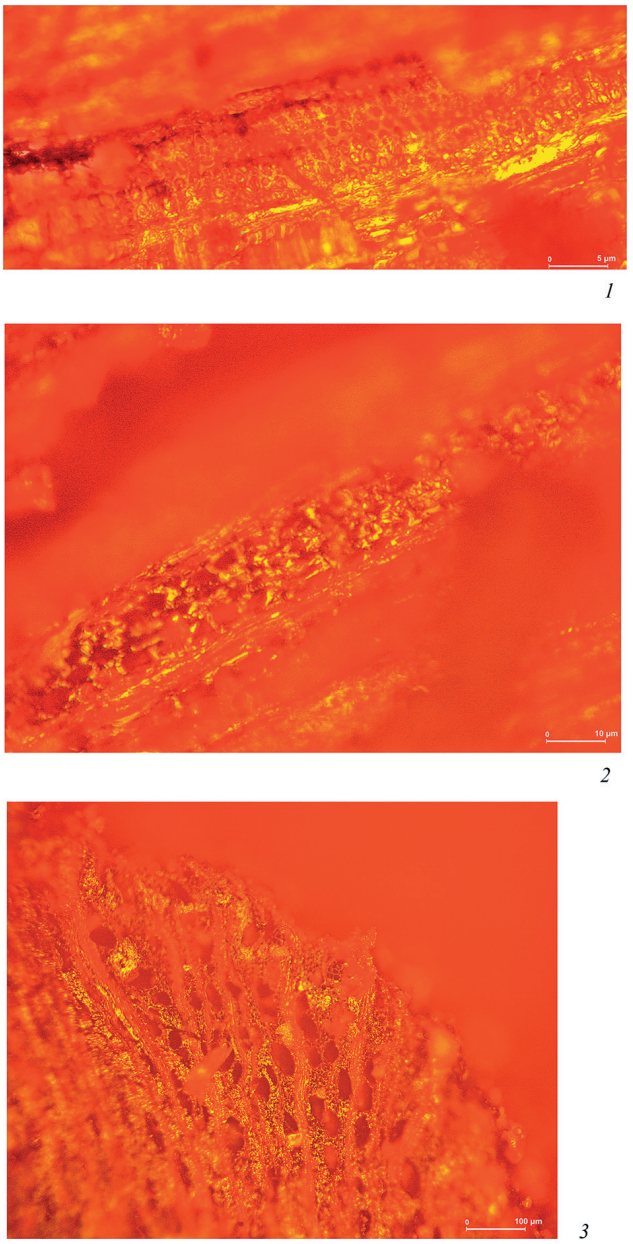


Рис. 3. Микрофотографии образца древесины рода *Elaeagnus*: *1* – радиальный срез: поры сосудов; *2* – тангенциальный срез: луч шириной 3–4 клетки; *3* – поперечный срез: просветы сосудов (полукольцесосудистая древесина – более крупные просветы сосредоточены в молодой древесине) и 2–4-рядные лучи

полевых исследований в районе расположения памятников, и из личной коллекции Д. А. Куприянова. В большинстве случаев определение таксономической принадлежности производилось до родов в связи с тем, что анатомия древесины определенных видов характеризуется отсутствием различий на видовом уровне (пробоподготовка образцов описана: *Шишлина и др*., 2023а).

После идентификации вида древесины от трех фрагментов были отобраны образцы для дальнейшего определения вариаций отношений изотопов стронция. Пробоподготовка и анализ изотопного состава стронция проведены в блоке чистых помещений с классами чистоты 6 и 7 ИСО ЦКП «Геоаналитик» ИГГ УрО РАН, г. Екатеринбург (описаны: *Шишлина и др*., 2023а).

Сопоставительный анализ вариаций изотопов стронция в образцах древесины сравнивался с полученными изоскейпами исследованного региона (*Шишлина и др*., 2023б), а в качестве локального *proxi* привлечены данные, полученные по эмали мелкого грызуна из погребения 5 кургана 13 и образцу древесины современного лоха серебристого, произрастающего примерно в 800 м к юго-востоку от кургана 26.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА И ОБСУЖДЕНИЕ

Результаты определения таксономической принадлежности полученных образцов представлены в табл. 1 и на рис. 3.

В проанализированной выборке встречено пять видов древесных и кустарничковых растений, как твердые, так и более мягкие породы.

Для трех образцов древесины, образца эмали грызуна из погребения 5 кургана 13 и образца древесины местного современного лоха получены вариации отношений изотопов стронция (табл. 2).

Определение вариаций отношений изотопов стронция в трех проанализированных образцах (табл. 2; рис. 4) позволяет обсудить, была ли такая древесина местной или привозной. Полученные данные сравнивались с фоновыми показателями вариаций изотопных отношений стронция в разных элементах местной экосистемы (*Шишлина и др*., 2023б), в образце современного лоха и эмали зуба мелкого грызуна из погребения 5 кургана 13, а также с вариациями изотопных отношений стронция в археологической древесине из погребений катакомбной культуры, раннего железного века и эпохи Средневековья, раскопанных в курганах могильника Песчаный IV, полученных ранее (*Шишлина и др*., 2023а) (табл. 3).

В целом вариации отношений изотопов стронция в образцах археологической древесины всех четырех видов из погребений разных эпох могильника Песчаный IV Сальско-Манычских степей практически идентичны, диапазон вариаций

Таблица 1. Результаты определения таксономической принадлежности полученных образцов древесины.

Образец	**Количество фрагментов**	**Таксономическая принадлежность**
Ростовская область, Ремонтненский район, могильник Песчаный IV		
Курган 13, погребение 5		
Образец 1: фрагмент перекрытия	1	*Acer* (клен)
Образец 2: фрагмент перекрытия	1	*Salix* (ива)/*Populus* (тополь)
Образец 3: фрагмент перекрытия	1	*Elaeagnus* (лох)
Образец 4: прутики на лицевой части черепа	1	Розоцветные, предположительно *Ephedra* (эфедра)
Курган 26, погребение 3		
Образец 5: фрагмент перекрытия	1	*Elaeagnus* (лох)
Образец 6: фрагмент перекрытия	1	*Ulmus* (вяз)

Таблица 2. Результаты определений вариаций отношений изотопов стронция $^{87}Sr/^{86}Sr$ в образцах археологической древесины, эмали мелкого грызуна и образце древесины современного лоха серебристого из Ремонтненского района Ростовской области

Образец	**Координаты**	**Описание образца**	**$^{87}Sr/^{86}Sr$**	**±SE, abs**
Ростовская область, Ремонтненский район, могильник Песчаный IV				
Курган 13, погребение 5				
Образец 2:	N46.533333 E43.716667	фрагмент перекрытия *Salix* (ива)/*Populus* (тополь)	0,709299	0.000007
Образец 5	N46.533333 E43.716667	фрагмент перекрытия *Elaeagnus* (лох)	0,709260	0.000007
-	N46.533333 E43.716667	зуб грызуна, эмаль	0,709348	0.000006
Курган 26, погребение 3				
Образец 6	N46.533333 E43.716667	фрагмент перекрытия *Ulmus* (вяз)	0,709193	0.000005
Современная древесная растительность				
-	N46.531122 E43.721929	фрагмент *Elaeagnus* (лох)	0,708902	0,000009

Таблица 3. Отношения $^{87}Sr/^{86}Sr$ в исследованных образцах археологической древесины из могильника Песчаный IV

Местонахождение	**Порода древесины**	**$^{87}Sr/^{86}Sr$**
Сальско-Манычская гряда, Балка Песчаная, Могильник Песчаный IV	вяз	0,709193–0,709334
	лох	0,709286–0,70933
	клен	0,709341
	ива	0.709299–0,709352
Балка Песчаная	современный лох	0,708902

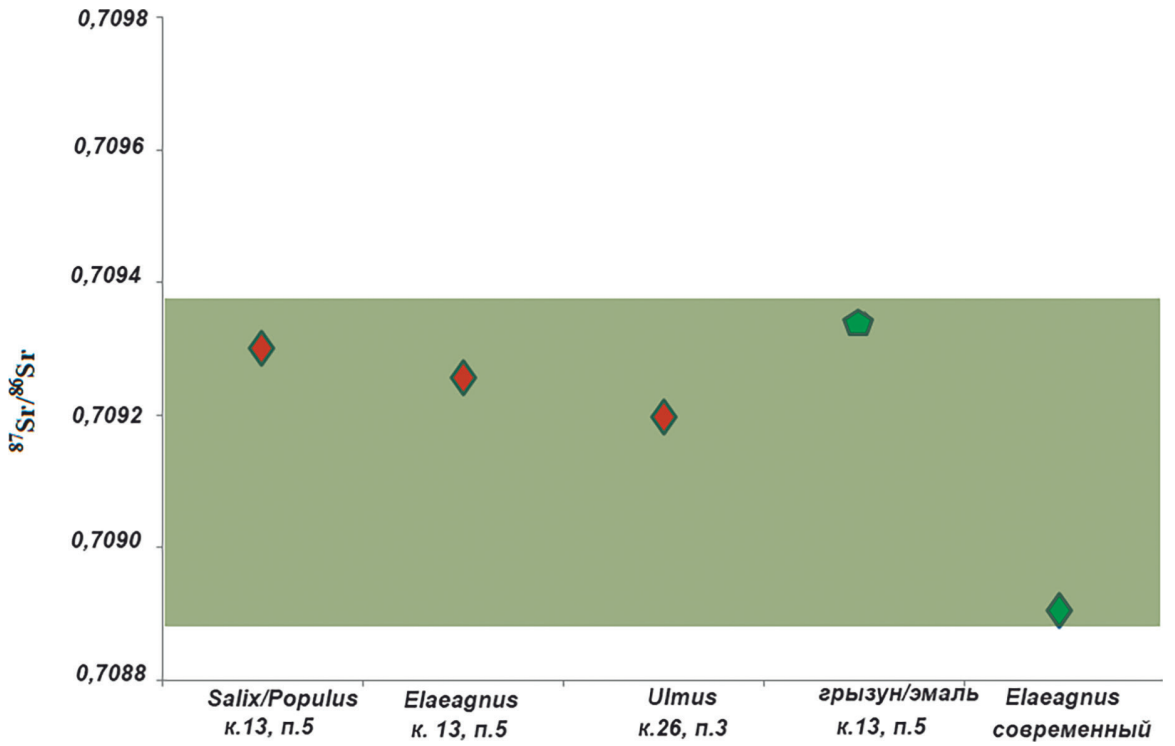


Рис. 4. Вариаций отношений изотопов стронция $^{87}Sr/^{86}Sr$ в образцах археологической древесины, эмали мелкого грызуна и образце древесины современного лоха серебристого из Ремонтненского района Ростовской области.

крайне незначительный ($^{87}Sr/^{86}Sr$: 0,70919–0,70935). Они чуть выше, чем вариации отношений изотопов стронция в образце древесины современного лоха, который в настоящее время произрастает на покатом склоне балки, в овраге, переходящем в песчаный карьер, расположенном примерно в 400 м к югу от курганов 19 и 20 могильника Песчаный IV (0,70892), и в листьях и стеблях полыни, собранных на противоположном склоне этой же балки (0,7088), но ниже вариаций отношений изотопов стронция в верхнем горизонте современной почвы и произраставшей на ней злаковых и полыни, отобранных на естественных пастбищных участках поблизости от курганов 19, 20 и 24 ($^{87}Sr/^{86}Sr$: 0,7094–0,7096). Среднее значение $^{87}Sr/^{86}Sr$: 0,7093 в археологической древесине из могильника Песчаный IV совпадает с вариациями отношений изотопов стронция в эмали мелкого грызуна из погребения 5 кургана 13 ($^{87}Sr/^{86}Sr$: 0.709348). Вариации изотопов стронция по почвенным профилям курганов 19, 20 и 24 могильника Песчаный IV, от верхнего горизонта погребенной почвы и грунта на дне могилы (заполнение могилы) попадают в диапазон $^{87}Sr/^{86}Sr$: 0,7091–0,7095 (*Шишлина и др*., 2023а).

Таким образом, проведенный анализ изотопных отношений стронция в археологической древесине и местных элементах экосистемы позволяет прийти к заключению, что вся использованная древесина, обнаруженная в погребениях ямной культуры, местного происхождения – в поймах балки Песчаная, р. Джурак Сал в первой трети III тыс. до н. э. росли клен, тополь/ива, лох, вяз.

Полученные изотопные результаты соотносятся с тем, что бассейн р. Сал входит в ареал коренных для районов расположения памятников древесных пород. Экологическая ниша большинства пород как в настоящее время, так и в прошлом приурочена к балкам и оврагам (лох) или поймам рек (дуб, вяз, клен, ясень, осина).

Пыльцевые спектры погребенных почв подтверждают результаты анализа вариаций изотопного состава стронция в проанализированных фрагментах древесины. Согласно палинологическим данным, в степной зоне юга Русской равнины были распространены долинные леса, где произрастали дуб, ясень, липа, ильмовые, лещина; в эрозионных формах рельефа и в поймах – тополь (осина), ива, ольха, вяз. Видовое распределение широколиственных деревьев и площадь лесных массивов на протяжении последних 5000 лет менялись в зависимости от климатических колебаний и хозяйственной деятельности человека (*Кременецкий*, 1991).

Таблица 4. Результаты определений вариаций отношений изотопов стронция $^{87}Sr/^{86}Sr$ в эмали детей из кургана 13 и 26 могильника Песчаный IV из Ремонтненского района Ростовской области

Образец	**Координаты**	**Описание образца**	**$^{87}Sr/^{86}Sr$**	**± SE, abs**
Ростовская область, Ремонтненский район, могильник Песчаный IV				
Курган 13, погребение 5				
Образец 1:	N46.533333 E43.716667	ребенок 8 ± 2 лет M1, верхний, левый	0.709158	0.000004
Курган 26, погребение 3				
Образец 2	N46.533333 E43.716667	ребенок 4 ± 1 лет M1	0.709008	0.000006

Палеоботанические исследования в пределах южной части Восточно-Европейской равнины представлены реконструкциями динамики растительного покрова в нижней части бассейна р. Дон (*Кременецкий*, 1991) и Нижней Волги (*Болиховская*, 2011).

Анализ споро-пыльцевых данных из многослойных поселений Нижнего Подонья (Раздорское, Самсоновское, Константиновское) показал, что в культурных слоях древних эпох присутствует пыльца березы, ольхи, лещины, дуба, липы, граба, вяза, сосны. Это указывает на бóльшее распространение лесных массивов в низовьях Дона в древности по сравнению с современным состоянием ландшафтов (*Кременецкий*, 1991. С. 121–122). Например, сосна росла на песчаных террасах Дона в районе современного Цимлянска, ареал граба был более широким, нежели сегодня. Примерно 9000 лет назад (эпоха неолита) нижнедонские долинные широколиственные леса включали сосну, березу, вяз, липу, лещину (*Кременецкий*, 1991. С. 123); около 6000 лет назад (эпоха энеолита) на песчаных террасах Дона росли сосновые леса с участием березы, липово-вязовые леса, лещина, ольха, береза; спустя 1000 лет площадь сосновых лесов сократилась, преобладали широколиственные леса, где произрастали дуб, граб, ольха, лещина, липа (эпоха раннего бронзового века).

Анализ пыльцевых спектров из разрезов в северной части Калмыкии (Харабулук, Цаца) позволил высказать предположение, что в балочных системах возвышенности Ергени на протяжении последних 7000 лет произрастали дуб, береза, липа, ива; на степень облесенности влияли колебания климата, приводившие к периодическому сокращению площадей байрачных лесов (*Кременецкий*, 1997).

Могильник Песчаный IV расположен непосредственно на границе биомов северных опустыненных степей и доно-волжских дерновиннозлаковых степей (Биоразнообразие биомов России, 2020). При этом для ландшафтного окружения памятников не характерно полное отсутствие древесных видов: в пределах данного региона они, в первую очередь, приурочены к эрозионным формам рельефа – оврагам и балкам, а также поймам, где встречаются вяз (берест), дуб, клен, ясень, тополь (Исаченко, 1985; Биоразнообразие биомов России…, 2020).

В настоящее время в сухостепной и полупустынной зонах юга Русской равнины древесная растительность встречается редко, однако в пределах Ергенинской возвышенности в балках и оврагах присутствует лох (*Бакташева и др*., 2016). Древесные виды (дуб, ясень, клен, тополь, вяз, ива) и древесные кустарники (бересклет, слива, терн и др.) в разной степени встречаемости были характерны во второй половине XX в. для пойм больших и малых рек, а также в зонах разгрузки грунтовых вод в глубоких оврагах и балках (Агроклиматические ресурсы Ростовской области, 1972; *Гвоздецкий*, 1968; Растительность Европейской части СССР, 1980). Тем не менее отметим, что бóльшая часть древесных видов при этом находится на границе своего ареала (*San-Miguel-Ayanz et al*., 2016; Ареалы…, 1977).

Сопоставление палинологических и современных ландшафтных данных (*Шишлина и др*., 2023а) с вариациями отношений изотопного состава стронция в образцах археологической древесины подтверждает высказанную гипотезу, согласно которой древесина, использовавшаяся при сооружении погребальных комплексов в Сальско-Манычских степях, может относиться к местным ресурсам. Для соблюдения правил погребального обряда ямные группы срубали иву, тополь, клен, лох, которые росли поблизости. Древесина таких деревьев шла на сооружение перекрытий могил. Интерес представляет образец 4 – прутики, закрывавшие лицевую часть черепа ребенка из погребения 5, кургана 13, определенные как эфедра. Этот кустарник обладает

лечебными свойствами, которые, возможно, учитывались степными жителями.

Определение вариаций отношений изотопов стронция в эмали зубов двух погребенных ямной культуры изученных курганов и сравнение с местными изоскейпами указывает, что ребенок 8 лет из погребения 5 кургана 13 и ребенок 4 лет из погребения 3 кургана 26, скорее всего, родились поблизости и могут быть отнесены к местным жителям (табл. 4). При совершении погребального ритуала при строительстве могил были использованы местные древесные породы. Это является косвенным подтверждением, что передвижения коллектива пастухов ямной культуры происходили в рамках небольшой освоенной пастбищной территории, куда входили пойменные и водораздельные участки. Это подтверждает предложенную ранее модель о перекочевках местных ямных групп по маршрутам пойма → водораздельное плато → пойма (*Шишлина*, 2007). В могильнике Песчаный IV преобладают ямные курганы, сооруженные над основными детскими захоронениями. Это, возможно, является особой характеристикой местных семейных групп ямной культуры (табл. 4).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование образцов археологической древесины из погребений ямной культуры позволяет дополнить палеоархивы природной среды и утверждать, что ландшафты Сальских степей III тыс. до н. э. значительно отличались от современных. В результате активной антропогенной деятельности – распашки балочных и пойменных систем, строительства дорог и каналов, использования древесины для хозяйственных и ритуальных нужд человека – за несколько тысячелетий коренные древесные породы были сведены. Этому способствовали и флуктуации климата. Тем не менее очевидно, что в эпоху освоения этой территории ямным населением в начале III тыс. до н. э. лесные массивы были частью локальных степных ландшафтов и активно использовались в культуре и хозяйственной деятельности населения. Это привлекало древнего человека, нацеленного на использование всех доступных природных ресурсов, что обеспечивало поддержание его экономических стратегий.

Литература

Агроклиматические ресурсы Ростовской области. Л.: Гидрометеоиздат, 1972. 251 с.

Ареалы деревьев и кустарников СССР: в 3 т. / С. Я. Соколов и др. Л.: Наука, 1977. 164 с.

Бакташева Н. М., Босхамджиева С. Г., Арсенов Я. Э., 2016. Анализ состояния растительности балок Северной части Ергенинской возвышенности в пределах Республики Калмыкия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Химия. Биология. Экология. Т. 16, № 4. С. 463–468.

Бенькова В. Е., Швейнгрубер Ф. Х., 2004. Анатомия древесины растений России. Берн: Хаупт. 456 с.

Биоразнообразие биомов России. Равнинные биомы / Г. Н. Огуреева и др. М.: Ин-т глобального климата и экологии им. академика Ю. А. Израэля, 2020. 623 с.

Болиховская Н. С., 2011. Эволюция климата и ландшафтов Нижнего Поволжья в голоцене // Вестник Московского университета. Серия 5: География. № 2. С. 13–27.

Гвоздецкий Н. А., 1968. Физико-географическое районирование СССР. М.: МГУ. 576 с.

Исаченко А. Г., 1985. Ландшафты СССР. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та. 320 с.

Кременецкий К. В., 1991. Палеоэкология древнейших земледельцев и скотоводов Русской равнины. М.: Ин-т географии АН СССР. 133 с.

Кременецкий К. В., 1997. Природная обстановка голоцена на Нижнем Дону и в Калмыкии // Степь и Кавказ (культурные традиции). М.: ГИМ. С. 30–46.

Растительность Европейской части СССР / С. А. Грибова и др. Л.: Наука, 1980. 429 с.

Шишлина Н. И., 2007. Северо-западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.). М.: ГИМ. 398 с. (Тр. ГИМ; вып. 165.)

Шишлина Н. И., Строков А. А., Куприянов Д. А., Солошенко Н. Г., Киселева Д. В., 2023а. Древесина в культуре древних кочевников: археологический контекст, идентификация, реконструкция древних ландшафтов // Ресурсы аридных регионов юга России и человек в эпоху бронзы, раннего железного века и средневековья / Отв. ред.: Н. И. Шишлина, А. А. Казарницкий. СПб.

Шишлина Н. И., Строков А. А., Киселева Д. В., Солошенко Н. Г., Леонова Н. В., Идрисов И. А., 2023б. Изотопный состав стронция $^{87}Sr/^{86}Sr$ в элементах экосистемы степной зоны юга Русской равнины: Ростовская область и Республика Калмыкия // Ресурсы

аридных регионов юга России и человек в эпоху бронзы, раннего железного века и средневековья / Отв. ред.: Н. И. Шишлина, А. А. Казарницкий. СПб.

Akkemik Ü., Yaman B., 2012. Wood anatomy of Eastern Mediterranean species. Remagen: Kessel Publishing House. 310 p.

San-Miguel-Ayanz J., de Rigo D., Caudull G., Durrant T. H., Mauri A., Tinner W., Ballian D., Beck P., Birks H., Eaton E., 2016. European atlas of forest tree species. Publication Office of the European Union. 200 p.

Сведения об авторах

Шишлина Наталья Ивановна, Государственный исторический музей, Красная площадь, 1, Москва, 109012, Россия, e-mail: nshishlina@mail.ru;

Леонова Надежда Викторовна, Государственный исторический музей, Красная площадь, 1, Москва, 109012, Россия, e-mail: nvleonova@mail.ru;

Троицкий Серафим Олегович, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский пр., 27, к. 4, Москва, 119192, Россия; e-mail: hunterduck333@gmail.com;

Куприянов Дмитрий Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: dmitriykupriyanov1994@yandex.ru;

Солошенко Наталья Геннадиевна, Институт геологии и геохимии им. академика А. Н. Заварицкого Уральского отделения РАН, ул. Академика Вонсовского, 15, Екатеринбург, 620016, Россия; e-mail: nats_igg@mail.ru

https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-426-5.220-227

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В ЯМНОЙ КУЛЬТУРЕ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ[1]

А. А. Файзуллин

Резюме. В статье дается анализ детских и подростковых захоронений ямной культуры Волго-Уралья. Установлено несколько подходов к обращению с детьми после смерти. Это основные подкурганные, парные детские, а также парные и коллективные погребения взрослых и детей. Возможно, курганный обряд для детей и подростков был избирательным и предназначался для детей с высоким наследственным социальным статусом/профессией. Парные погребения указывают на участие детей в качестве жертвоприношений при захоронении взрослых индивидов.

Ключевые слова: ямная культура, погребения детей, социализация, социальная структура.

Социальный возраст – культурно созданный, специфичный для каждого общества. В первобытных обществах каждой возрастной группе соответствуют определенные права, обязанности, поведенческие нормы и т. д. Переход из одной возрастной категории в другую мог маркироваться инициацией и, как правило, сопровождался изменениями в социальном статусе (*Бочаров*, 2001. С. 48–50). В этом плане интерес вызывает общество кочевников раннего бронзового века – население ямной культуры. Анализ погребальных комплексов детей и подростков позволяет рассмотреть социальные роли данной возрастной группы в обществе населения ямной культуры Волго-Уралья.

Захоронения детей в курганах ямной культуры встречаются редко. Из 398 погребений ямной культуры Волго-Уралья 329 захоронений принадлежит взрослым индивидам.

В изученных антропологами 243 погребениях было определено 124 мужских, 50 женских, 69 детских и подростковых костяков. Представленные выше данные свидетельствуют о наличии диспропорции, во-первых, в пользу взрослого населения, а во-вторых, мужского населения, что позволяет связать это с господством патриархальных отношений в обществе населения ямной культуры.

Было обнаружено 69 погребений детей и подростков, что составляет 17% от всех исследованных памятников. Из них 43 являются самостоятельными одиночными захоронениями (в том числе 15 погребений – основные и центральные в курганах), 4 парных детских, 8 погребений детей с женскими костяками, 9 детских с мужскими, а 5 погребений с взрослыми, где пол не определен. Детские захоронения обнаружены в курганах небольшого размера в небольших и неглубоких ямах. Инвентарь был найден в 35 погребениях (рис. 1: *6–9*). Керамические изделия в погребениях детей были обнаружены в 15 случаях. Большинство из них находилось рядом с черепами младенцев. Наряду с керамикой, в детских и подростковых могилах присутствовали медные и каменные орудия (песчаниковая плитка, медный нож, шило из меди) и украшения из меди (тонкий браслет, ожерелье, пронизки из пластинок, овальные подвески).

Особый интерес вызывают парные погребения детей и детей с подростками. В частности, погребение в курганном могильнике (далее КМ) Увак 5/6 и Тамар-Уткуль VIII 5/1. В небольшом кургане КМ Увак 5/6 на дне ямы покоился костяк подростка, который лежал скорченно на правом боку, головой на СВ (рис. 1: *1–2*). Костяк был окрашен охрой. Поверх костяка был прослежен слой органического тлена от покрывала. У юго-западной стенки могилы лежали частично истлевшие и интенсивно окрашенные кости младенца. В его ногах находился неорнаментированный керамический сосуд яйцевидной формы с выделенной шейкой (*Моргунова, Кравцов*, 1994. С. 35).

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 23-68-10006 «Этнокультурные процессы в бронзовом и раннем железном веке в свете междисциплинарных исследований в Южном Приуралье».

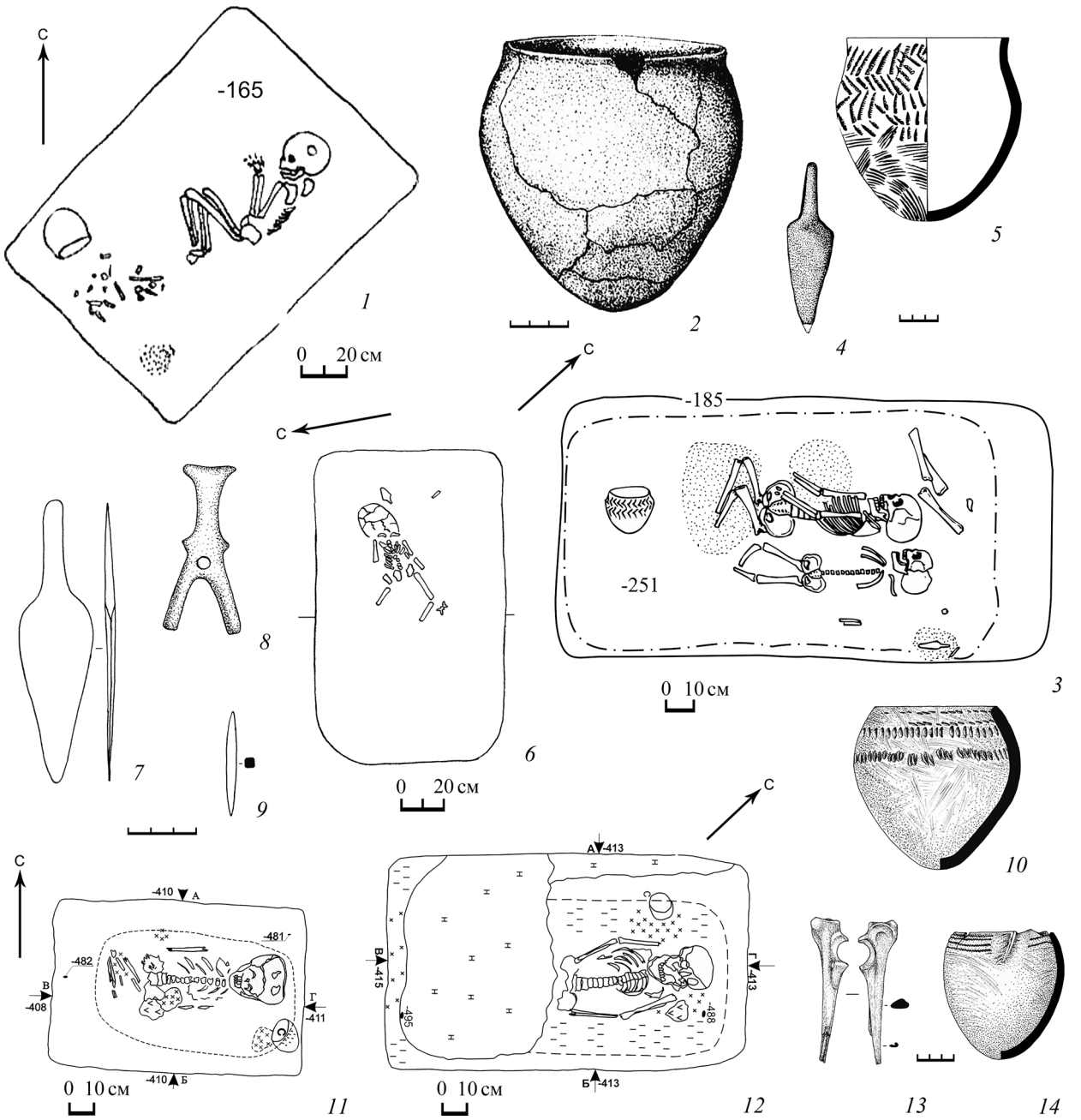


Рис. 1. Одиночные и парные погребения детей и подростков. *1, 2* – КМ Увак 5/6; *3–5* – КМ Тамар-Уткуль VIII 5/1; *6–9* – КМ Покровка 17/1; *10, 11* – КМ Болдырево 4 1/3; *12–14* – КМ Болдырево 4

В КМ Тамар-Уткуль VIII 5/1 в засыпи могилы обнаружены два скопления речных галек (23 шт.), несколько ниже – крупный необработанный камень и 12 таких же галек (Там же. С. 28). Дно ямы было посыпано охрой. На посыпке лежало два детских костяка. Костяк № 1 (ребенок 10 лет) лежал скорченно на правом боку, головой на СВ с вытянутыми вдоль туловища руками. Кости посыпаны охрой. Костяк № 2 (ребенок 5 лет) лежал позади костяка № 1 скорченно на спине, головой на СВ. В северо-западном углу ямы находились конечности мелкого рогатого скота и рядом с ними овальная подвеска в два оборота из округлой в сечении медной проволоки. В юго-западном углу на охристом пятне обнаружен медный нож с листовидным лезвием и медное четырехгранное шило. У черепа костяка № 2 лежала медная подвеска в полтора оборота из округлой в сечении медной проволоки и раздавленный глиняный сосуд (рис. 1: *3–5*).

В 2019–2020 гг. Оренбургской археологической экспедицией под руководством Н. Л. Моргуновой был раскопан стратифицированный монументальный погребальный комплекс – курган 1 КМ Болдырево 4, в котором обнаружены 2 кургана, предназначенные для детей. По данным изучения планиграфии и стратиграфии археологическими и палеопочвоведческими методами, курган 1 состоял из трех конструкций. Ранний горизонт представляют две курганные насыпи. Размеры этих курганов идентичны: высота – около 1,0–1,2 м, диаметр – 10–11 м. Древние насыпи находились в пределах подкурганной площадки, перекрытой самой большой, третьей насыпью, возведенной позднее для грандиозного погребения № 5, предназначенного для пяти взрослых человек. Третья насыпь полностью перекрывала всю площадку вместе с курганами 1 и 2, грунт для ее сооружения был взят из внешнего кольцевого рва. Данный факт позволяет утверждать, что архитектура насыпей над детскими погребениями сохранилась в первоначальном виде. Наряду с этим, детские захоронения 3 и 4 отмечены в связи с интересными заключениями антропологов М. Б. Медниковой и О. Ю. Чечёткиной. В погребении 4 обнаружены останки двоих детей, причем от одного из них сохранилась только передняя часть черепной коробки, которая накрывала череп другого ребенка с полным скелетом (рис. 1: *12–14*). Установлено, что оба ребенка при своей недолгой жизни неоднократно испытывали серьезные физиологические стрессы, возможно, сезонного характера. У одного из детей имелись на костях следы цинги. В погребении 3 была захоронена девочка, скончавшаяся от метастатического рака, имевшего гематогенное распространение и затронувшего костный мозг (рис. 1: *10–11*). Междисциплинарные исследования одиночных детских и парных детских подкурганных захоронений в стратифицированном 1 кургане КМ Болдырево 4 позволили выявить, что дети (девочки) были удостоены погребения под курганом, несмотря на серьезные заболевания и независимо от гендера (*Моргунова и др.*, 2022. С. 57).

Наличие небольшого количества детей в ямных курганах не говорит об отсутствии высокой смертности в этом возрасте. Возможно, это связано с тем, что в могилу под курганом были положены только дети, которые могли наследовать социальный статус своих родителей, о чем свидетельствует наличие курганных насыпей, содержащих одиночные детские захоронения и социально престижный инвентарь (украшения из меди). Подтверждением этому служит тот факт, что 14 погребений детей являлись основными и центральными в курганах.

О наследовании детьми социального статуса с рождения пишет и З. П. Марина, основываясь на материалах КМ Терны 9/10 (*Марина*, 1997. С. 16). Погребения детей в данном могильнике сопровождались металлическими украшениями.

В работе «Мир детства ямных племен Предстепья» И. Ф Ковалева пишет, что в Днепровском Предстепье наблюдаются частые случаи возведения насыпей над основными индивидуальными детскими погребениями. Погребения детей в 32 случаях являлись основными, или же с ними было связано строительство курганных досыпок (*Ковалева*, 1989. С. 38). Кроме того, здесь не отмечено принципиальных отличий от погребений взрослых в устройстве могил и организации внутримогильного пространства. Вместе с тем несомненна большая насыщенность их инвентарем: из 74 детских погребений 28 – инвентарных, что составляет 20,7%, в то время как в группе взрослых инвентарных всего 17,1% (*Ковалева*, 1989. С. 38). Причину этому автор видит в представлениях о незащищенности ребенка и естественном стремлении обеспечить ему загробное существование в соответствии с традиционными верованиями, о чем свидетельствует характер сопутствующего инвентаря – амулеты-фетиши, «флейты Пана», украшения, сосуды, но почти полное отсутствие орудий труда и отсутствие оружия (*Ковалева*, 1989. С. 39). Причины культовой неполноценности ребенка обусловлены тем, пишет автор, что до прохождения инициаций он не был допущен к эзотерическому знанию и, в силу этого, был особенно уязвим для враждебных человеку потусторонних сил, чем объясняется повышенное, в сравнении с погребениями взрослых, внимание к обрядовым действиям (*Ковалева*, 1989. С. 39).

В работе С. В. Федяева о мире детства скотоводческих обществ отмечается, что наличие в погребениях детей на территории Украины таких игрушек, как люльки-колыбели и кибитки-повозочки, может служить доказательством того, что дети бронзового века часто наследовали профессии своих родителей. Игрушки, в том числе колыбели и кибитки, могли служить своеобразным миниатюрным наглядным пособием для обретения мальчиками и девочками тех или иных профессиональных навыков (*Федяев*, 2001. С. 40).

По мнению В. А. Алекшина, в древних обществах избранные дети, вследствие магических свойств, которыми их наделяли, вскоре после рождения приобретали статус жреца, обязанности которого

они должны были исполнять по достижении определенного возраста. В случае преждевременной смерти этих детей хоронили в соответствии с их положением (*Алекшин*, 1986. С. 124).

Уникальное детское захоронение было раскопано в Воронежской области А. Т. Синюком. В Павловском могильнике, в кургане 31, погребении 4 был обнаружен костяк подростка, которого сопровождал богатый инвентарь: медные топор, тесло, долото-стамеска, каменная наковаленка, глиняный сосуд, серебряная подвеска из круглой проволоки (*Синюк*, 1983. С. 26).

Таким образом, наличие погребений детей раннего возраста подтверждает мысль о том, что дети наследовали социальный статус своих родителей, а затем в процессе социализации получали их профессию и социальный статус.

На территории Волго-Уралья найдено 9 погребений подростков. Насыпи курганов небольшие, как и в погребениях детей. Особый интерес представляет инвентарь в КМ Першин 1/4, где находился скелет подростка мужского пола (12–13,5 лет) с двустворчатой литейной формой для втульчатого топора, положенной у левого виска головы подростка (рис. 2: *1–2*). Анализ следов двигательной активности подростка позволил выявить деформации, свидетельствующие о том, что он был связан с металлургическим производством (*Черных и др*., 2000. С. 65). Погребение подростков с производственным инвентарем, очевидно, связано с участием данных погребенных в производственной деятельности, а мастерство и знания, видимо, передавались по наследству.

Наряду с одиночными погребениями, интерес вызывают и парные погребения детей, подростков и взрослых индивидов. Всего парных погребений 24. Парных погребений мужчин и детей – 9, женщин и детей – 8, детей и взрослых (пол не определен) – 5, коллективных (мужчина, женщина, ребенок) – 2. В ямной культуре Волго-Уралья отмечаются полярные подходы к месту ребенка и подростка в парных погребениях с взрослыми индивидами. Зафиксировано два обряда. Первый – это положение ребенка в ногах или за спиной у взрослого индивида. Второй – положение ребенка лицом к взрослому индивиду или в положении «рядом»/«на руках».

В КМ Пятилетка в кургане 3 было найдено погребение мужчины и ребенка. Скелет мужчины лежал в скорченном положении на правом боку, головой на СВ, костяк ребенка покоился за спиной у мужчины в положении антитезы, на спине, головой на ЮЗ (рис. 2: *3*). У стенки ямы лежали челюсти хищника мелких размеров и 6 каменных конкреций с просверленными отверстиями (*Богданов и др*., 1992. С. 80).

Особый интерес вызывает погребение подростка в КМ Пятилетка 5/2. Под курганом было найдено погребение взрослого мужчины. В ногах и у таза покойного находились останки подростка возрастом около 10 лет. Стопы взрослого упирались в череп подростка. Тело подростка в древности было не только расчленено, но и подвергнуто термической обработке. Все отчлененные кости, за исключением кистей рук и фаланги, сверху и снизу покрывал слой углистого нагара (рис. 2: *6–8*). Дно ямы не подвергалось воздействию огня. Видимо, костяк подростка в захоронении являлся жертвой ритуальной практики.

В КМ Преполовенка было обнаружено захоронение ребенка в ногах у взрослого мужчины (*Багаутдинов, Пятых*, 1987. С. 60). Аналогичный обряд наблюдается и в КМ Малокизильский, где было найдено погребение взрослого человека на правом боку головой на СВ. За его спиной покоился ребенок 7–10 лет, а в ногах взрослого был положен ребенок 1–2 года (*Сальников*, 1962. С. 45). В КМ Утевский I 2/1 было найдено захоронение взрослого человека на правом боку головой на восток, в ногах у которого был помещен ребенок (рис. 2: *9*). Погребенных сопровождал престижный инвентарь: шесть спиралек из серебряной проволоки, низка из шести медных и серебряных спиралек красной сердоликовой бусины, две серебряные спиральки, шило с упором, каменный пест, горшок, длинное штыковидное орудие, шильце, восемь костяных заколок, нож в ножнах (*Васильев*, 1980. С. 35).

Интерес вызывает погребение в КМ Шумаево II 6/6. В засыпке ямы была найдена половина костяного предмета в виде конуса. У восточной стенки ямы обнаружено трехсоставное деревянное колесо. На дне ямы были найдены два костяка плохой сохранности. Костяк № 1 принадлежал женщине старше 45 лет, которая лежала скорченно на спине с подогнутыми вправо ногами, головой на В. В ногах у женского костяка находился скелет ребенка 5–8 лет (рис. 2: *4–5*). Он лежал скорченно на левом боку, ориентированный головой на ЗСЗ, был посыпан слоем охры толщиной до 5 мм (*Моргунова и др*., 2003. С. 30).

Таким образом, судя по положению детей в могиле, можно сделать вывод, что дети в погребальном ритуале выступали в роли жертв, а погребенные вместе с детьми взрослые индивиды обладали высоким социальным статусом. Можно предположить

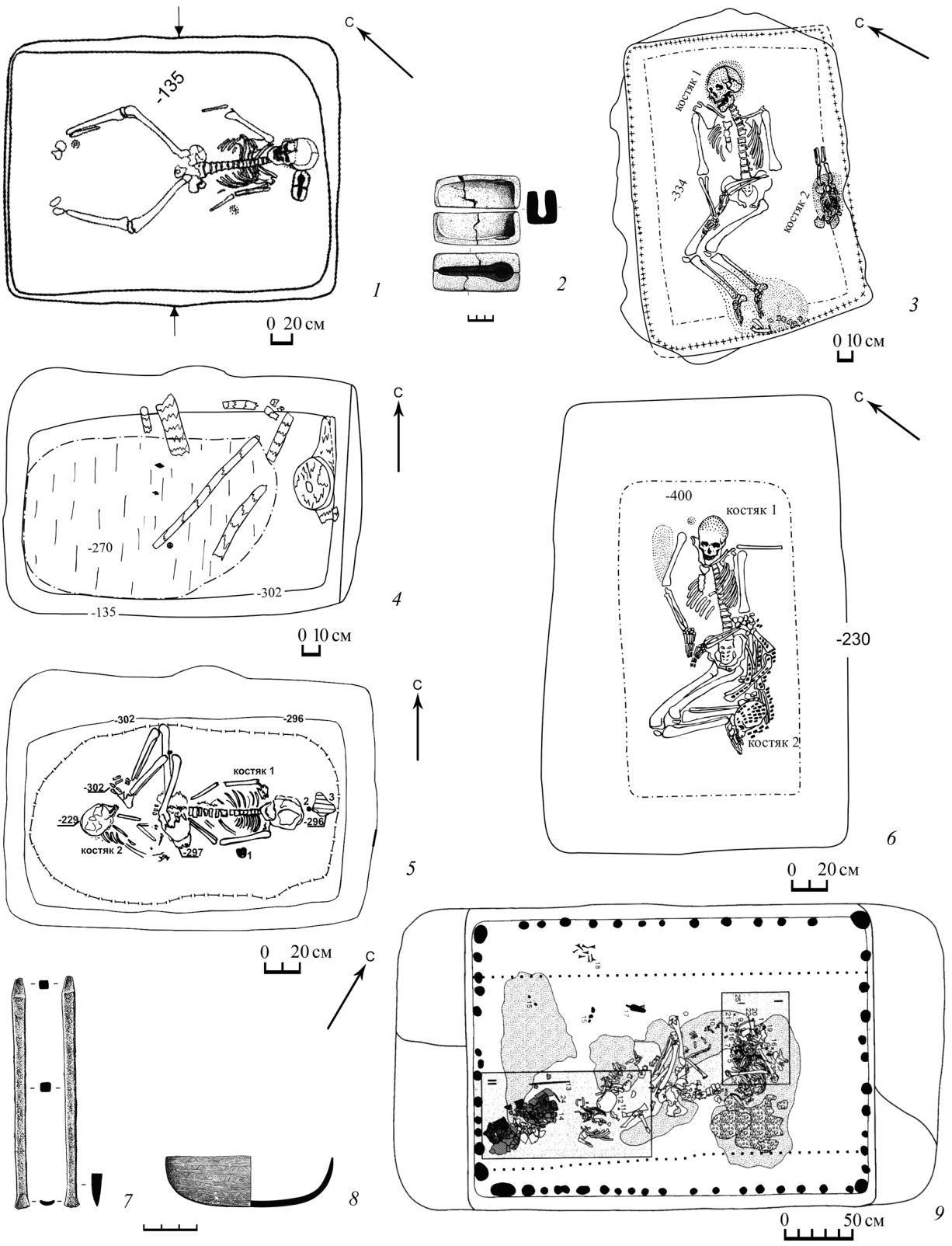


Рис. 2. Одиночные и парные погребения детей, подростков и взрослых индивидов. *1, 2* – КМ Першин 1/4; *3* – КМ Пятилетка 3/1; *4, 5* – Шумаево II 6/6; *6–8* – КМ Пятилетка 5/2; *9* – КМ Утевский I 2/1

патриархальную традицию такого обряда, но дети в положении у ног встречались и в женских погребениях – Шумаево II 6/6. Об этом свидетельствуют высокие трудовые затраты на совершение погребального ритуала (сооружение курганной насыпи и погребальной камеры), а также богатый социально престижный инвентарь.

Второй вид обращения с детьми – это положение ребенка лицом к взрослому индивиду. Такое погребение мужчины и ребенка было найдено в одиночном Шумаевском кургане. Оно было обнаружено в большой погребальной камере, где на ступеньках были найдены три деревянных колеса (*Моргунова и др*., 2003. С. 11). На дне ямы лежали погребенные – взрослый и ребенок. Оба скелета ориентированы головами на В. Скелет взрослого мужчины в возрасте 45–60 лет лежал в центре погребальной камеры, скорченно на правом боку. На правой руке, вдоль правого бока взрослого, находился ребенок в возрасте около 4 лет, лежавший на левом боку, в скорченном положении (рис. 3: *1–2*). Череп ребенка лежал на правом боку, лицевым отделом в сторону взрослого.

В двух погребениях КМ Паницкое 6Б/6 и 6Б/7 были найдены погребения мужчины и ребенка, женщины и ребенка (рис. 3: *3–5*). Дети в данных погребениях также лежали лицевым отделом в сторону взрослого человека (*Мимоход*, 2009. С. 48). Погребение женщины и ребенка лицом к лицу было обнаружено в КМ Калиновский 8/28 и 10/9 (*Шилов*, 1959. С. 325). Такое же положение ребенка в погребении выявлено в КМ Николаевка III 2/1, Полудни II 2/17 (рис. 3: *6–8*).

В КМ Николаевка III 3/1/2 обнаружено парное погребение мужчины и ребенка в большой погребальной камере, посередине которой была оставлена перегородка из грунта, отделявшая погребенных индивидов. В погребении ребенка был найден инвентарь: медные височные подвески, низка костяных бус и медная пронизка, горшок, семь костяных трубочек – «флейта Пана» (*Скарбовенко*, 1995. С. 26).

Таким образом, данные погребения отличаются положением детей. Они покоятся лицом к взрослым, рядом с костяками детей встречается инвентарь. Такое положение, видимо, свидетельствует о том, что дети участвовали в погребальном ритуале по праву рождения. Схожую точку зрения выдвигает С. В. Иванова, считая, что уже в самом раннем возрасте детьми наследовался статус социальной группы, к которой они принадлежали по рождению (*Иванова*, 2001. С. 135). О том, что власть могла быть наследственной, свидетельствуют данные Новосвободненской культуры, где обнаружены детские погребения с престижным инвентарем (*Резепкин*, 2012. С. 108). Особую престижность детских захоронений с оружием в эпоху медно-бронзового века отмечает С. Н. Кореневский. Он считает, что статус воина и мастера по деревообработке становился наследственным и мог передаваться детям с самого их рождения (*Кореневский*, 2017. С. 47). Такое предположение, по мнению С. Н. Кореневского, основано на общей закономерности права в древних обществах, при которых родственная наследственность была важной основой для занятия высокого социального ранга или власти, вплоть до власти вождя (Там же. С. 48).

Рассматривая погребения взрослых и детей, можно предположить, что в ямное время существовал обряд, когда в могилу к взрослым индивидам помещали человеческую жертву (ребенка). Интересно, что детей хоронили как с мужчинами, так и с женщинами. Погребения мужчин с детьми отличаются высокими трудовыми затратами на совершение захоронений, а также наличием социально престижного инвентаря. Исходя из этого, можно сделать вывод, что дети могли наследовать социальный статус и социальные функции своих родителей, а также могли участвовать в ритуальной практике общины в качестве жертвы при захоронении взрослых индивидов.

Таким образом, анализ детских захоронений ямной культуры позволяет сделать следующие выводы. Во-первых – небольшое количество погребений детей в курганах не отражает реальной демографической картины в ямной культуре Волго-Уралья, так как известно, что в первобытных культурах детская смертность была высокой. Во-вторых – обряд погребения детей и подростков под курганами был избирательным и предназначался для детей с наследственным социальным статусом. Об этом также может свидетельствовать то, что в могильниках, где обнаружены большие курганы лидеров, присутствуют и одиночные погребения детей под курганом. В-третьих – небольшие трудовые затраты на сооружение курганов и могильной камеры, вероятно, связаны с возрастом погребенных. В остальном архитектура курганов и погребений ничем не отличается от захоронений взрослых. Но в погребениях детей инвентарь встречается чаще, чем у взрослых, что позволяет считать эти захоронения социально значимыми.

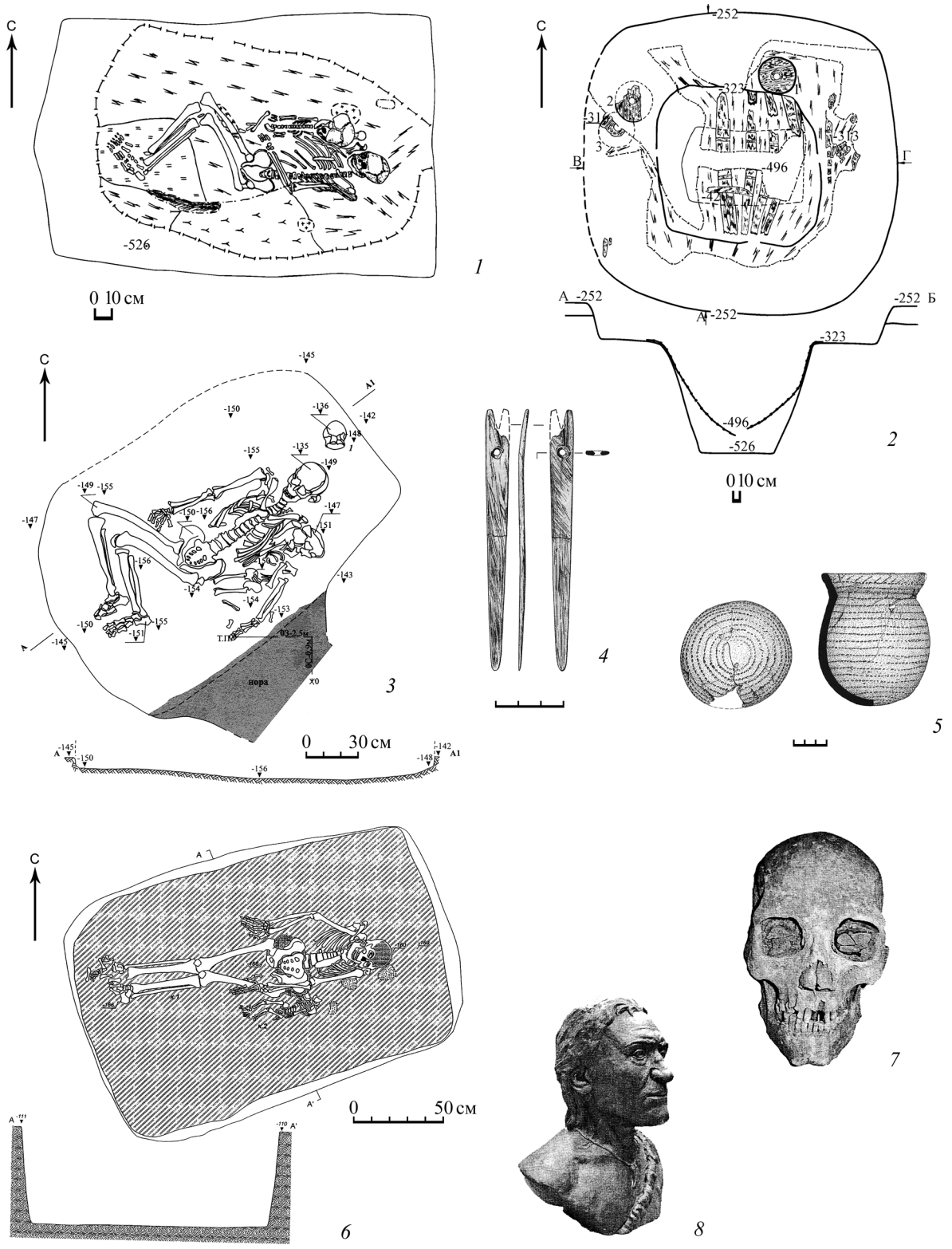


Рис. 3. Парные погребения детей и взрослых индивидов. *1, 2* – ОК Шумаево II/2; *3–5* – КМ Паницкое 6Б/6; *6–8* – Полудни II 2/17

Литература

Алекшин В. А., 1986. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Л.: Наука. 190 с.

Багаутдинов Р. С., Пятых Г. Г., 1987. I группа у села Преполовенка // Археологические исследования в Среднем Поволжье / Отв. ред. Г. И. Матвеева. Куйбышев: Куйбышевский гос. ун-т. С. 55–67.

Богданов С. В., Кравцов А. Ю., Моргунова Н. Л., 1992. Курганы древнеямной культуры в левобережье реки Урал // Древняя история населения Волго-Уральских степей / Отв. ред. А. Т. Синюк. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ин-т. С. 80–91.

Бочаров В. В., 2001. Антропология возраста. СПб.: СПбГУ. 104 с.

Васильев И. Б., 1980. Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // Археология Восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. А. Д. Пряхин. Воронеж: Воронежский гос. пед. ин-т. С. 32–59.

Иванова С. В., 2001. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк. 244 с.

Ковалева И. Ф., 1989. Социальная и духовная культура племен бронзового века (по материалам левобережной Украины), Днепропетровск: Днепропетровский ун-т. 88 с.

Кореневский С. Н., 2017. Феномен детских погребений с оружием в эпоху медно-бронзового века // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 13 / Отв. ред. А. Д. Пряхин. Оренбург: Оренбургский гос. аграрный ун-т. С. 41–49.

Марина З. П., 1997. Ямные погребения Днепровского Левобережного Предстепья с металлическими украшениями // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков: Бизнес информ. С. 15–16.

Мимоход Р. А., 2009. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. М.: Таус. 292 с.

Моргунова Н. Л., Гольева А. А, Краева Л. А, Мещеряков Д. В, Халяпин М. В., Хохлова О. С., 2003. Шумаевские курганы. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т. 392 с.

Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю., 1994. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург: Урал. изд. фирма «Наука». 153 с.

Моргунова Н. Л., Файзуллин А. А., Чечёткина О. Ю., Медникова М. Б., 2022. Биоархеология детства в ямной культуре по материалам кургана 1 могильника Болдырево-4 в Южном Приуралье // АЭАЕ. Т. 50, № 2. С. 49–59.

Резепкин А. Д., 2012. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника Клады). СПб.: Нестор-История. 344 с.

Сальников К. В., 1962. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // Археология и этнографии Башкирии. Т. 1. Уфа: Башкирский филиал АН СССР. С. 16–58.

Синюк А. Т., 1983. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). Воронеж: Воронежский гос. ун-т. 192 с.

Скарбовенко В. А., 1995. Отчет о раскопках могильника Николаевка III Волжского района Самарской области в 1995 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 19820.

Федяев С. В., 2001. К вопросу о мире детства скотоводческих обществ бронзового века // Проблемы истории и археологии Украины / Отв. ред. В. Ф. Мещеряков. Харьков. С. 38–40.

Черных Е. Н., Кузьминых С. В., Лебедева Е. Ю., Луньков В. Ю., 2000. Исследование курганного могильника у села Першин // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 4 / Отв. ред. Н. Л. Моргунова. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т. С. 63–84.

Шилов В. П., 1959. Калиновский курганный могильник // Древности Нижнего Поволжья (итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т. I. М.: Изд-во АН СССР. С. 11–38. (МИА; № 60).

Сведения об авторе

Файзуллин Айрат Асхатович, Оренбургский государственный педагогический университет, ул. Советская, 19, Оренбург, 460014, Россия; e-mail: faizullin.airat@yandex.ru

https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-426-5.228-237

БОЛЬШОЙ ЛИПЯГ – УКРЕПЛЕННОЕ ПОСЕЛЕНИЕ РЕПИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ВЕРХНЕМ ПОДОНЬЕ

И. А. Козмирчук, А. М. Скоробогатов

Резюме. Публикация вводит в научный оборот керамические материалы поселения репинской культуры Большой Липяг (Липецкая область). Памятник многокомпонентный, заселялся в эпохи финального неолита, энеолита, бронзы и в древнерусское время. Из строительных сооружений выявлены комплекс напольных оборонительных сооружений и четыре постройки эпохи бронзы. Приводятся данные, доказывающие, что материалам репинской культуры синхронна система оборонительных сооружений. Хронология репинского слоя памятника определяется XXXIV–XXIX в. до н. э.

Ключевые слова: Верхнее Подонье, энеолит, репинская культура, поселение, укрепления, стратиграфия, керамика.

Поселение Большой Липяг расположено южнее г. Липецка, у с. Крутогорье, на правом в виде мыса коренном берегу р. Воронеж (левый приток р. Дон). Площадка памятника имеет пологий уклон в сторону реки, возвышаясь над ней на высоту 12–18 метров (рис. 1: *1, 2*). Памятник открыт в 1966 г. и раскапывался В. П. Левенком в 1966–1967 гг. на площади более 100 кв. м. В 1993 г. Н. А. Тропиным на памятнике был заложен разведочный раскоп площадью 16 кв. м, а в 1997 г. совместной экспедицией Елецкого пединститута (руководитель Н. А. Тропин) и Липецкого областного краеведческого музея (ЛОКМ; руководитель И. А. Козмирчук) памятник исследован на площади 648 кв. м (*Тропин*, 1998).

В конце 1960-х гг. В. П. Левенок относил комплексы памятника (включавшие одновременно кости домашних животных, льячку, отходы микролитической кремневой индустрии) к среднестоговским энеолитическим, а в качестве аналогов приводил стоянки у хут. Репин на Нижнем Дону и у с. Михайловка на Нижнем Днепре (*Левенок*, 1968. С. 34). Со временем точка зрения об «однослойности» репинского поселения Большой Липяг утвердилась в некоторых работах (*Синюк*, 1980. С. 63. Рис. 1; *Скоробогатов*, 2007. С. 28–29). Однако при более масштабных и детальных исследованиях И. А. Козмирчуком и Н. А. Тропиным среди материалов поселения обнаружены неолитическая керамика позднего облика (ямочно-накольчатая, гребенчато-накольчатая), энеолитическая репинская, керамика эпохи бронзы воронежской культуры, материалы древнерусского времени (XII–XIII вв.), изделия из камня, остеологические материалы, индивидуальные находки. Из строительных конструкций изучены комплекс напольных оборонительных сооружений и четыре постройки эпохи бронзы (*Тропин*, 1998). По результатам работ 1990-х гг. была выпущена небольшая публикация основных результатов полевых исследований в региональном сборнике, почти сразу, как это часто бывает, ставшим библиографической редкостью (*Козмирчук, Тропин*, 1998). В данной публикации мы уделяем внимание древностям репинской культуры, хранящимся в фондах ЛОКМ.

Итак, площадь памятника была исследована тремя раскопами: раскоп 1 – работы В. П. Левенка, раскоп 2 площадью 156 кв. м, располагавшийся в северной части памятника, и раскоп 3 площадью 492 кв. м в юго-западной части памятника, исследованные в 1997 г.

Мощность культурного слоя в раскопе 2 составила в среднем 0,2–0,3 м. Стратиграфия: под слоем дерна располагался слой гумусированной супеси, лежащей на материковой глине. Неолитическая керамика здесь отсутствует, энеолитическая выявлена в количестве 49 фрагментов от 8–9 сосудов, керамика воронежской культуры – 457 фрагментов от 38 сосудов, древнерусская преобладает. Орудия из «местного» валунного кремня серого или желтого цвета единичны: концебоковой скребок, ретушер, резец на отщепе с ретушью, встречены отщепы с ретушью и без.

Поверхность раскопа 3 имеет уклон в западном направлении – в сторону балки «Большой Липяг» и в южном – в сторону р. Воронеж. Общий перепад высот составляет до 4 м. В пределах данного

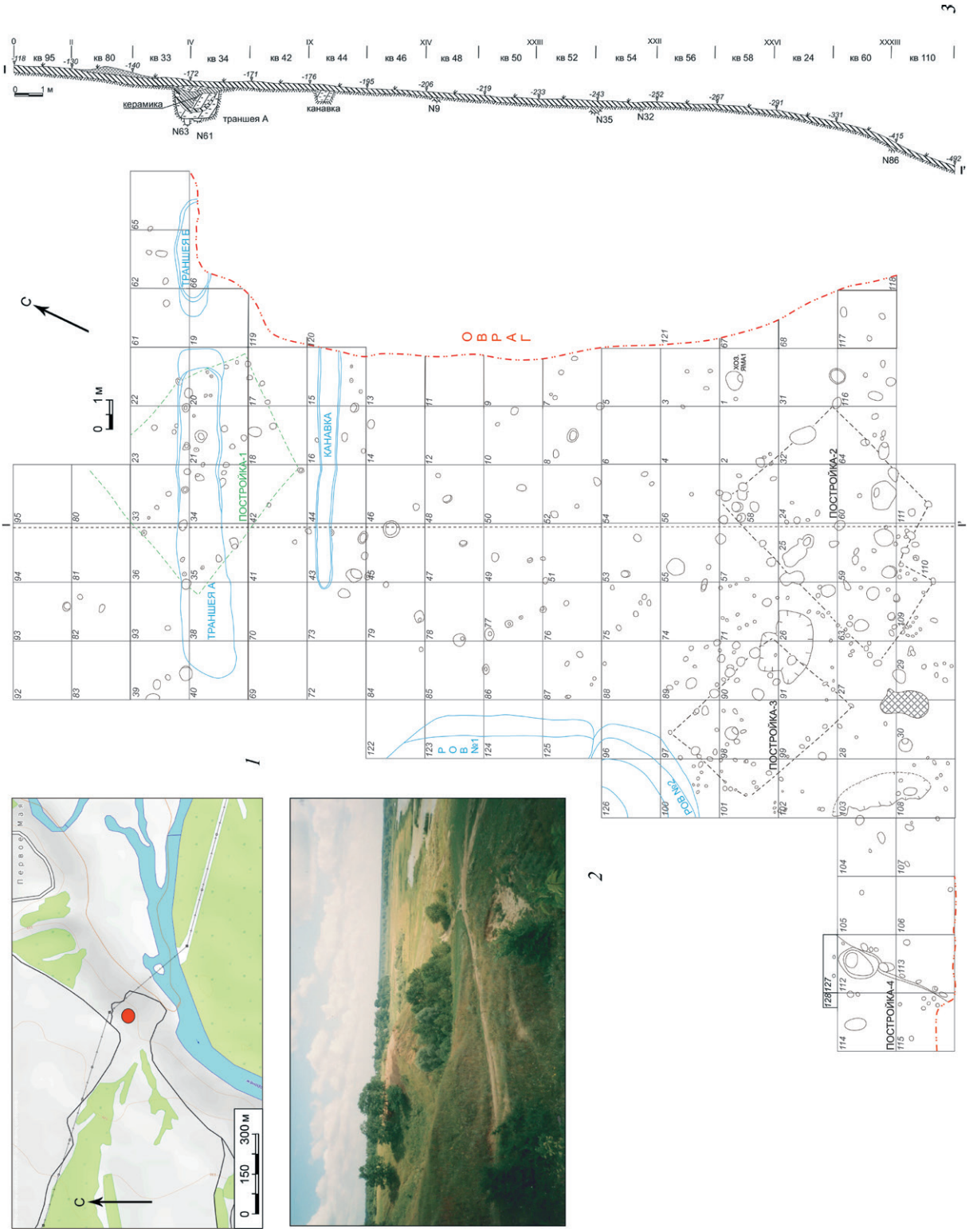


Рис. 1. Большой Липяг: 1 – ситуационный план памятника; 2 – общий вид памятника (1997 г.); 3 – план раскопа 3 и профиль бровки I-I′

раскопа сохранилась только небольшая пологая площадка размером 20×6 м, вытянутая длинной осью вдоль оврага, остальная площадь раскопа приходится на склон. Стратиграфия в раскопе 3 почти аналогична раскопу 2 при увеличении мощности культурного слоя темной гумусированной супеси до 0,5 м в западную сторону на склонах.

В раскопе 3 выявлена система напольных оборонительных сооружений (рис. 1: *3*). Авторы полевых исследований памятника еще во время раскопок пришли к заключению, что данные конструкции возникли во время обитания здесь населения репинской культуры, которым был обустроен укрепленный поселок. С напольной (северо-западной) стороны сооружения представлены в виде рва шириной 1,5 м, глубиной 1,2 м (на склоне глубина уменьшалась до 0,5 м). В раскопе зафиксирован проход шириной около 2 м. Западный участок рва (траншея А) имеет длину более 10 м, восточный участок рва сохранился на 3,5 м (траншея Б). Восточный участок оборонительного сооружения был изучен в 1966 г., но вскрыты были только верхние гумусированные слои. В раскопе Верхнедонской экспедиции, помимо повторно изученного участка рва, обнаружено продолжение оборонительной линии (траншеи В и Г). К моменту работ 1990-х гг. овраг уничтожил большую часть раскопа 1. Однако исходя из планов В. П. Левенка и результатов работ 1997 г., можно говорить об изученности рва на протяжении 26 м. Таким образом, ров состоял из четырех траншей, отделенных друг от друга проходами шириной 1–2 м.

При изучении западной траншеи А оборонительного рва на дне зафиксировано 20 столбовых ямок диаметром 0,1–0,4 м. При повторном обследовании траншеи Б обнаружены с напольной стороны пять столбовых ямок, расположенных в ряд вдоль траншеи. В обеих траншеях в заполнении на уровне дна выявлена керамика репинской культуры (*Тропин*, 1998. Рис. 77). Необходимо особо отметить, что траншею А перекрыла постройка 1 воронежской культуры (рис. 1: *3*), что позволило надежно фиксировать стратиграфические позиции материалов энеолитической репинской культуры и эпохи бронзы.

Также на площади раскопа 3 обнаружена канавка, расположенная параллельно ко рву в 3 м южнее траншеи А (рис. 1: *3*). Она прослежена на расстоянии 8,2 м. Ее ширина – 0,6–0,8 м, углублена в материк на 0,4 м. В заполнении встречены уголь, зола и отдельные находки репинской керамики.

Вдоль склона балки «Большой Липяг» укрепления образованы подрезкой материка крутого склона (эскарп). Вдоль эскарпа выявлены столбовые конструкции.

Со стороны реки площадка поселения была защищена деревянным ограждением, от которого сохранился ряд столбовых ямок, вытянутых с запада на восток на 20 м. Расстояние между столбами варьируется в пределах 0,4–0,9 м.

Полученные результаты позволяют предполагать, что площадь укрепленной части поселения составляла около 500 кв. м. Внутри системы укреплений обнаружены остатки нескольких наземных построек столбовой конструкции, которые по планиграфии и наличию в заполнении столбовых ямок материалов энеолитического времени отнесены к репинской культуре. В целом энеолитические материалы концентрировались на склонах памятника в пределах оборонительных конструкций. Интересным является тот факт, что внутри укрепленной площадки не обнаружены остатки стационарных жилых построек, очагов и т. п., которые указывали бы на систематический, долговременный характер поселка репинского времени.

Неолитическая керамика из раскопа 3 не выделялась на планах в отдельные скопления и поглубинно не вычленялась, тяготея к западному и южному склонам мыса, обнаружена в количестве 285 фрагментов, в том числе 34 венчика от 21 сосуда.

Репинская керамика в раскопах 2, 3 стратиграфически не вычленяется и равномерно распределена по всей вскрытой площади, не образуя скоплений. Энеолитическая керамика из культурного слоя раскопа 3 выявлена в количестве 1767 фрагментов, в том числе 97 венчиков от 72 сосудов.

К настоящему моменту в имеющейся в свободном доступе в фондах ЛОКМ репинской коллекции сохранились фрагменты от 44 сосудов (для анализа отбирались венчики, сохранившиеся в полный профиль, где прослеживается место перехода к тулову). Именно они учтены нами в статистической выборке.

Толщина керамики – от 8 до 14 мм и более (8–9 мм – 5 ед.; 10–12 мм – 30 ед.; 13 мм и более – 9). Визуально определимая примесь – измельченная раковина и органика, выщелоченные на поверхности, единично фиксируется шамот, охристая крошка, песок. Расчесы присутствуют на 20 сосудах: расчесы с обеих сторон у 4 экз., только с внутренней – 13, только снаружи – 3. Отметим, что на части крупных фрагментов расчесы прослежены только по тулову при необработанном венчике.

Графически реконструируемый диаметр венчиков – 18 см, 28 см, 30 см, 36 см, 38 см, дважды

по 24 и 26 см. Большинство сосудов (38 ед.) с венчиками выше 3 см. Среди них доминируют резко-отогнутые (36 ед.; рис. 2: *1, 3–7*; 3: *1–13, 15–17*; *4*: *1–4, 6–9*; 5: *1–6*), 23 желобчатых и 13 нежелобчатых. Слабоотогнутых 2, по типу – без ребра, нежелобчатые (т. н. «ямно-репинские», рис. 5: *9, 10*). Из образцов с «короткими» венчиками (до 3 см) все 6 сосудов (рис. 2: *2, 8*; 3: *14*; 4: *5*; 5: *7, 8*) с резко отогнутым верхом (4 с ребром, 2 без ребра, но с S-видным профилем), 3 желобчатых и 3 нежелобчатых.

Как и обычно для репинской посуды, орнамент наносился лишь на верхнюю половину сосуда, редко опускаясь в зону ниже плечиков. В доступной коллекции 20 сосудов были украшены ямочным (7 ед.) или жемчужным (13 ед.) пояском. Диаметр ямок – 5–6 мм (в одном случае 8 мм), стандартной глубиной в 8 мм (максимум – 12 мм), в плане округлые, есть прямоугольной формы 7×5 мм и 6×3 мм. В профиль ямки цилиндрической формы, в редких случаях – конической. В одном образце встречен прием нанесения одновременных ямок с двух сторон венчика, при заглаживании получившихся «жемчужин» на внутренней поверхности (рис. 3: *12*). В зоне перехода от венчика к тулову было дополнительное оформление ямчатым (не оставляющим негативов – «жемчужин» на противоположной внутренней поверхности) пояском 8-ми сосудов, еще 12 образцов было обозначено прочерченной линией или пояском в виде оттиска веревочки.

Варианты оформления венчиков: срез наружу – 15 ед. (из них с орнаментацией по срезу – 12); срез внутрь – один (без орнаментации среза); симметрично срезан в обе стороны – 18 ед. (без орнамента по срезу один, с орнаментом одновременно с двух сторон – 12 ед., только по наружной стороне – 5 ед.), округлый – 5 ед. (во всех случаях срез дополнительно орнаментирован) и плоский – 4 ед. (три с орнаментом). В одном случае сочетается небольшой срез внутрь и дальнейшее плоское оформление, с орнаментацией плоской части среза.

Всего три сосуда не имели орнамента (наличие только ямочно-жемчужного пояска не учитывалось как орнамент). По видам орнамент на венчиках делится на гребенчатый – 6 ед., веревочный (включая «личинки») – 2, накольчатый – 2, прочерченный – 1, в остальных случаях встречено сочетание элементов орнамента (гребенчато-ямчатый, ямчато-веревочный, веревочно-прочерченный, гребенчато-прочерченный и т. д.). Орнаментальные мотивы горизонтальные, встречен прием шагающей гребенки, зигзага, елочки, волны. Из имеющихся стенок сосудов (рис. 5: *11–16*) выделяется фрагментированное изделие овальной формы с подработанными торцевыми сторонами (рис. 5: *12*).

Ближайшие аналогии репинской керамике с Большого Липяга нам видятся в материалах энеолитического слоя поселения Пристань 1 на р. Воронеж (*Смольянинов и др*., 2011). Далее на юг подобные керамические серии в Подонье характерны для материалов от Университетских поселений до Репина хутора. В самых общих хронологических рамках, опираясь на С-14 даты по костям животных с поселения Репин хутор (*Кузнецов*, 2013), время бытования репинского укрепленного поселения Большой Липяг можно отнести к периоду от XXXIV в. до н. э. и вплоть до раннекатакомбного времени, самые ранние даты которого в Донской лесостепи указывают на XXIX в. до н. э. (*Гак*, 2019. С. 90–91). Отметим, что самые поздние С-14 даты Репина хутора совпадают с самыми ранними датами катакомбных погребальных и поселенческих комплексов Среднего и Верхнего Подонья (*Гак*, 2019. Приложение 4).

Несколько слов о коллекции керамики эпохи неолита. Типологически подобные материалы с Верхнего Подонья долгое время относились к финальной стадии неолитической эпохи (*Козмирчук, Тропин*, 1998; *Козмирчук*, 1999. Рис. 2: *4–13*; *Сурков, Скоробогатов*, 2012). Недавно Р. В. Смольянинов выделил ксизовский тип керамики эпохи энеолита, отнеся к нему и неолитические материалы с Большого Липяга (*Смольянинов*, 2019. Рис. 8). По Р. В. Смольянинову, «везде эта керамика залегает совместно с материалами среднестоговской энеолитической культуры» (Там же. С. 330). Однако керамический материал поздней среднестоговской и репинской культур Верхнего Подонья зачастую трудно различить между собой даже в рамках одного комплекса. Ввиду этого следует заметить, что часть керамики «ксизовского типа» с поселения Ксизово 6 имеет яркие черты репинской керамической традиции: ямочно-жемчужный поясок, форма и толщина венчика, желобчатое горло, крупные расчесы, разреженный орнамент (*Смольянинов*, 2019. Рис. 1: *3, 4, 8, 10, 13–15, 18*). По сути, если бы в такой керамике присутствовала примесь дробленой раковины или органики, то ее невозможно было бы отличить от репинской. Считаем, что пока Р. В. Смольяниновым не будут озвучены в печати четкие критерии керамики ксизовского типа, по которым ее можно выделить среди массива материалов финального неолита, пользоваться данной терминологией следует более осторожно. Например, сам Р. В. Смольянинов одни и те же материалы с Перехвальского I городища относит то к ксизовскому типу эпохи энеолита

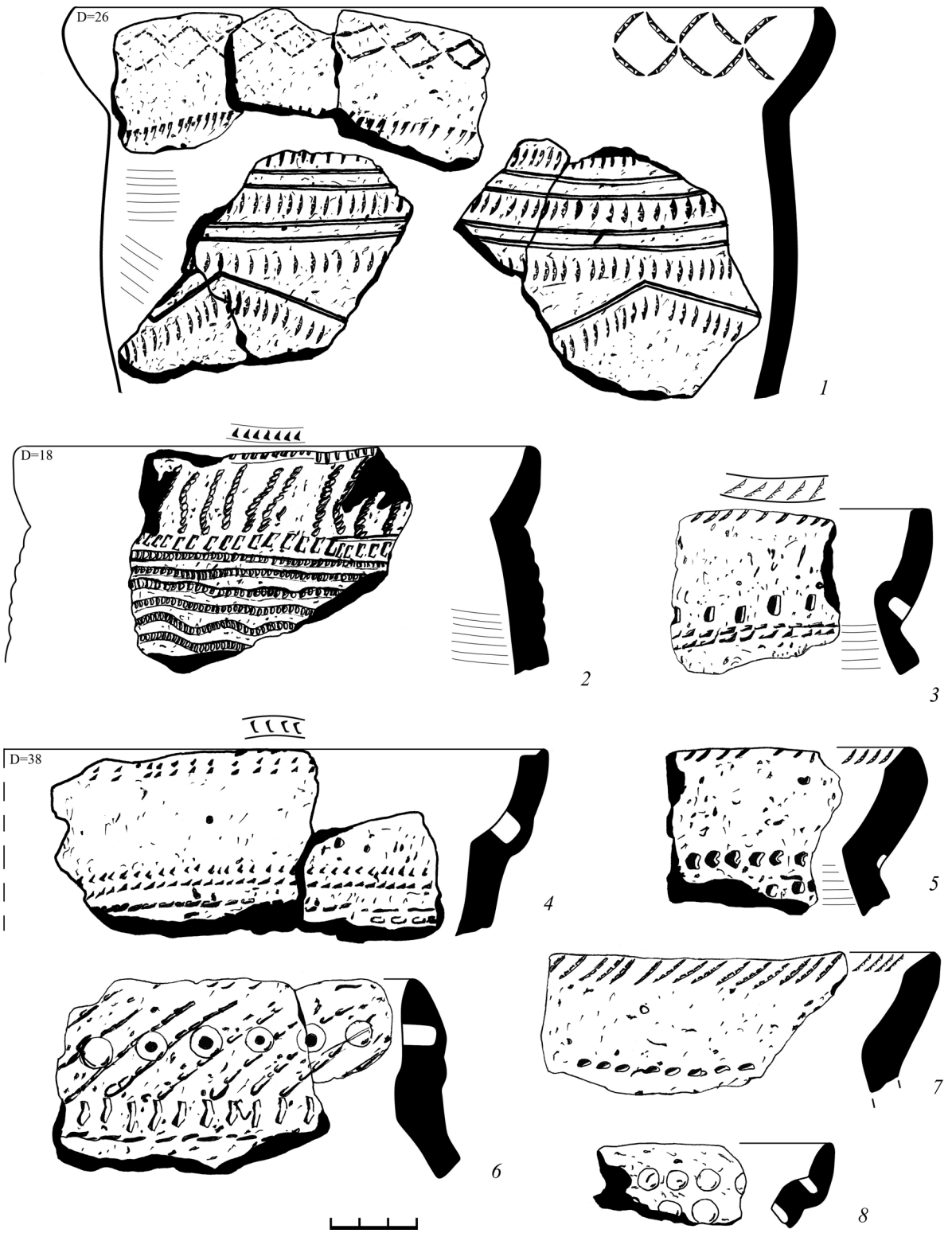


Рис. 2. Большой Липяг. Керамика репинской культуры

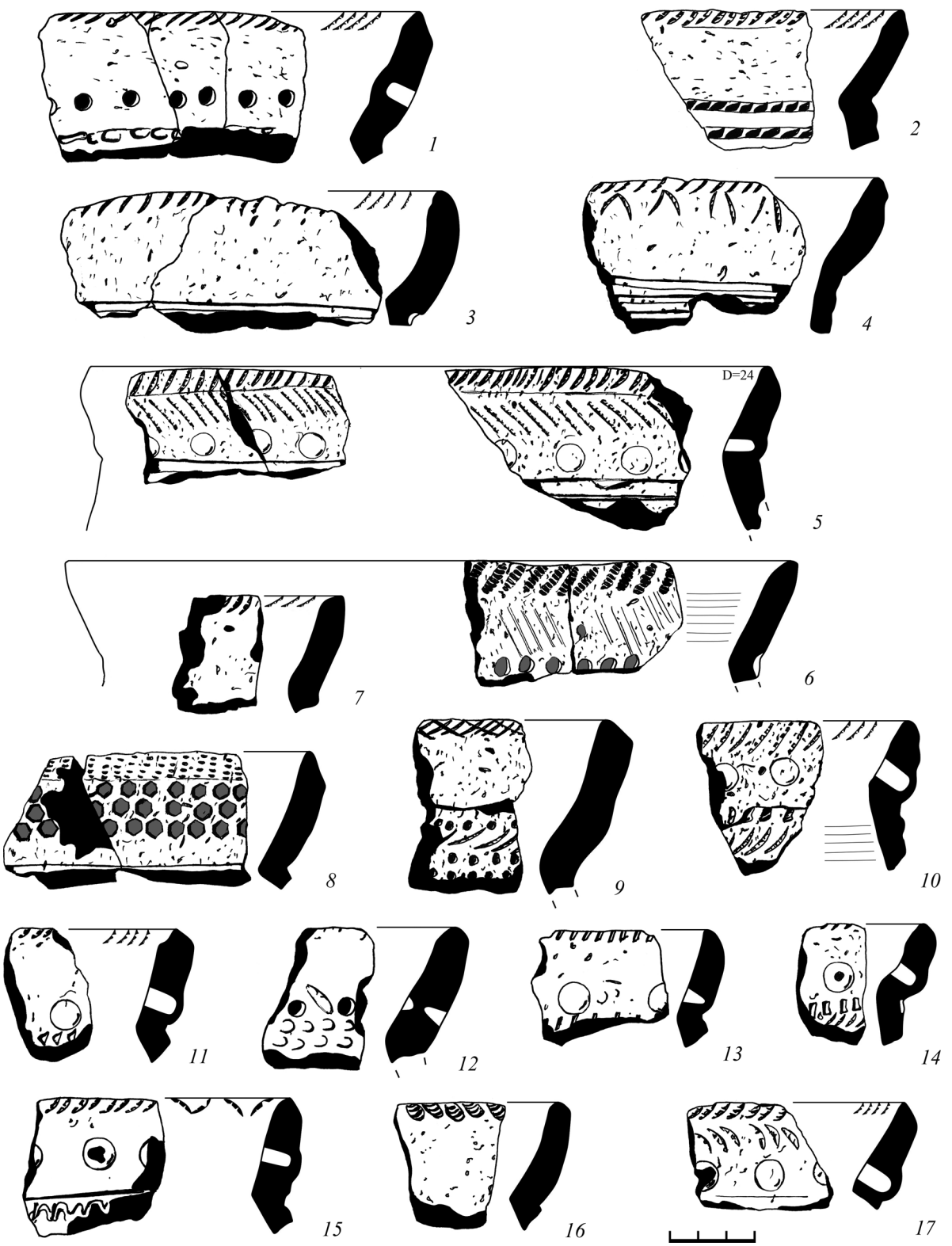


Рис. 3. Большой Липяг. Керамика репинской культуры

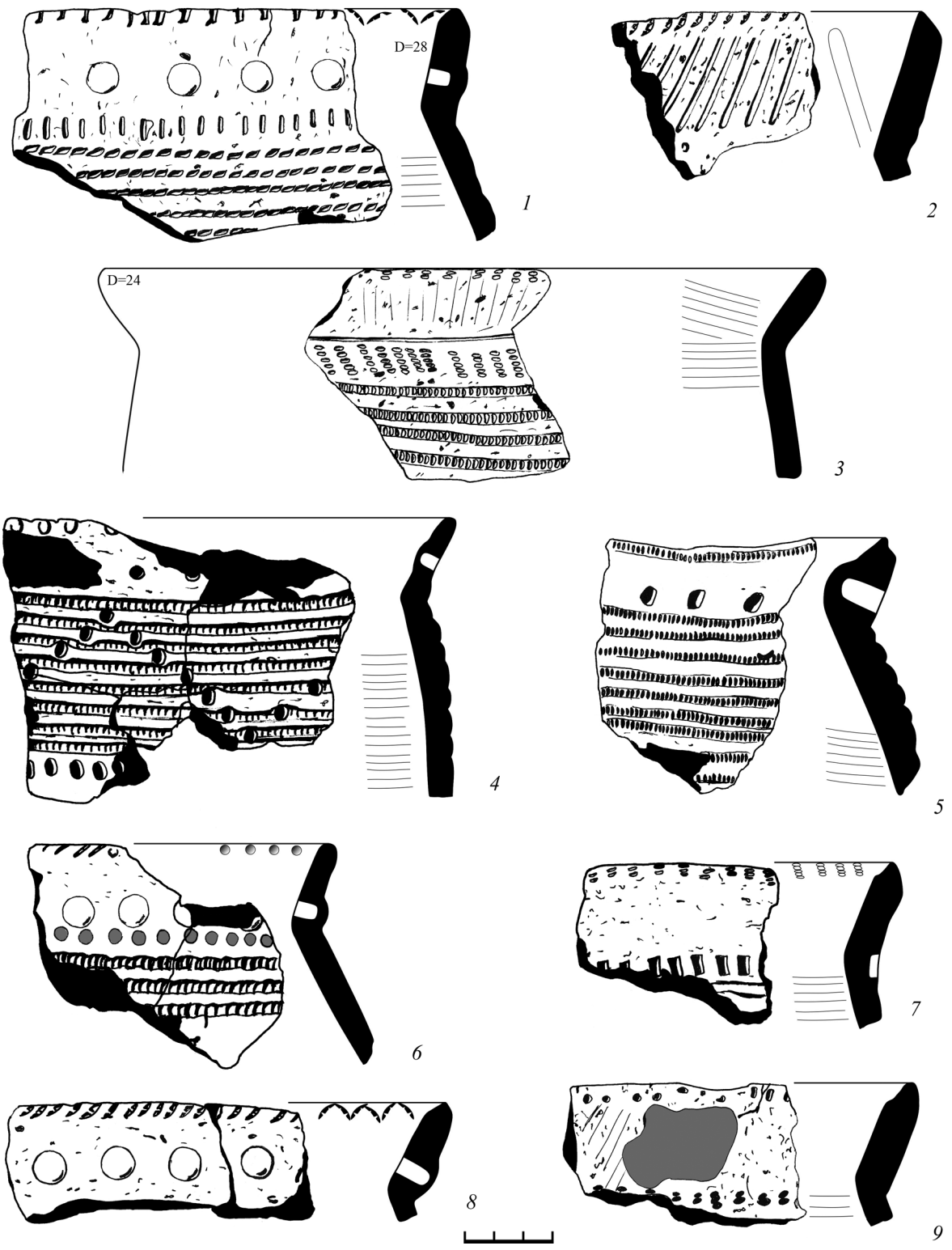


Рис. 4. Большой Липяг. Керамика репинской культуры

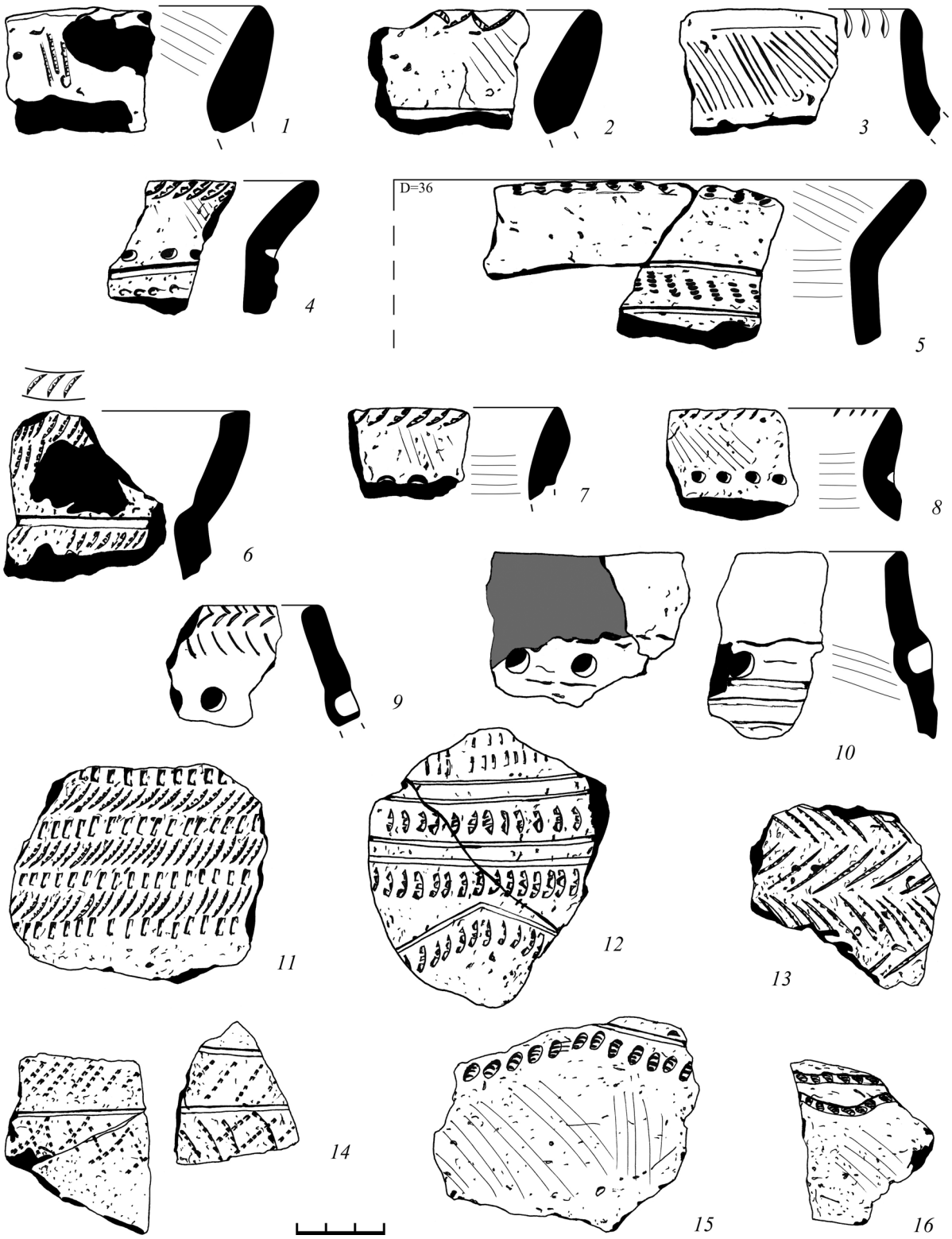


Рис. 5. Большой Липяг. Керамика репинской культуры

(*Смольянинов*, 2019. Рис. 2), то к накольчато-ямочным эпохи неолита (*Смольянинов*, 2020. С.154–155. Рис. 139). О хронологической позиции неолитической керамики с Большого Липяга относительно репинского комплекса что-либо определенное сказать сложно ввиду отсутствия надежных данных.

Факт обнаружения материалов финального неолита и/или энеолитических репинской культуры для Верхнего Подонья на высоких участках мысовых поселений не единичен (Чижовское 4, Ксизово 17, Малый Липяг и др.). На некоторых таких объектах впоследствии сооружались городища раннего железного века (*Козмирчук, Разуваев*, 2001; *Смольянинов*, 2020. Рис. 139). Для соседних регионов – Нижнего Подонья и Степного Поднепровья – картина схожа: материалы позднего энеолита встречены на высокорасположенных памятниках Репин хутор (*Синицын*, 1957), Константиновское (*Кияшко*, 1994), Темерницкое городище (*Файферт и др*., 2021), Самсоновское (*Гей*, 1983), Ливенцовское (*Братченко*, 1969), Михайловка (*Коробкова, Шапошникова*, 2005). Для степного Поволжья подобная картина заселения высокорасположенных участков наблюдается лишь с эпохи средней бронзы (*Малов, Сергеева*, 2010).

В заключение нельзя не поставить вопрос: для защиты от кого население репинской культуры возводило оборонительные укрепления на памятнике? К настоящему моменту, исходя из имеющихся данных по территории Донской лесостепи и смежным регионам, можно в качестве гипотезы отметить позднеямные – раннекатакомбные образования начала III тыс. до н. э. Однако это тема самостоятельного будущего исследования, требующего конкретной доказательной базы.

Литература

Братченко С. Н., 1969. Багатошарове поселення Лівенцівка I на Дону // Археологія. Т. XXII. С. 210–231.

Гак Е. И., 2019. Рыкань-3. Поселение скотоводов III тыс. до н. э. в лесостепном Подонье. М. 172 с.

Гей А. Н., 1983. Самсоновское поселение // Древности Дона: материалы работ Донской экспедиции. М.: Наука. С. 7–34.

Кияшко В. Я., 1994. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V–III тысячелетиях до н. э.). Азов: Изд-во Азов. краевед. музея. 131 с. (Донские древности; вып. 3).

Козмирчук И. А., 1999. Стоянка финального этапа неолитической эпохи у с. Писарево в Липецкой области (по результатам исследований 1995 года) // Проблемы археологии бассейна Дона: сб. науч. тр. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т. С. 31–43.

Козмирчук И. А., Разуваев Ю. Д., 2001. Городище «Малый Липяг» у с. Крутогорье на Верхнем Дону // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк. С. 71–88.

Козмирчук И. А., Тропин Н. А., 1998. Изучение многослойного памятника у с. Крутогорье в Липецкой области // Археология Юго-Востока Руси: материалы регион. науч. конф. Елец: Елецкий гос. пед. ин-т. С. 36–42.

Коробкова Г. Ф., Шапошникова О. Г., 2005. Поселение Михайловка – эталонный памятник древнеямной культуры (экология, жилища, орудия труда, системы жезнеобеспечения, производственная структура). СПб.: Европейский Дом. 316 с.

Кузнецов П. Ф., 2013. Датировка памятника у Репина хутора и хронология культурно-родственных материалов эпохи ранней бронзы степной зоны Восточной Европы // РА. № 1. С. 13–21.

Левенок В. П., 1968. Исследования в зоне Липецкого моря // АО 1967 г. М. С. 32–34.

Малов Н. М., Сергеева О. В., 2010. Поселения эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья, Волго-Донского и Волго-Уральского междуречья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 8. Саратов. С. 30–60.

Синицын И. В., 1957. Памятники ямной культуры Нижнего Поволжья и их связь с Приднепровьем // Краткие сообщения Института археологии АН Украинской ССР. Вып. 7. С. 32–186.

Синюк А. Т., 1980. Энеолит лесостепного Дона // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев: Издательство Куйбышевского гос. пед. ин-та им. В. В. Куйбышева. С. 53–72.

Скоробогатов А. М., 2007. К проблеме выделения каменных индустрий энеолитических культур территории лесостепного Подонья // Научные труды преподавателей и студентов исторического факультета. Вып. 2. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т. С. 24–31.

Смольянинов Р. В., 2019. Керамика ксизовского типа на Верхнем Дону // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 11. Липецк: Липецкий гос. пед. ун-т им. П. П. Семенова-Тян-Шанского. С. 323–332.

Смольянинов Р. В., 2020. Ранний неолит Верхнего Дона. Липецк; Саратов: Десятая Муза. 400 с.

Смольянинов Р. В., Свиридов А. А., Дубровский П. Я., 2011. Энеолитическое поселение Пристань 1 на Верх-

нем Дону // Тверской археологический сборник. Вып. 8, т. I. С. 254–257.

Сурков А. В., Скоробогатов А. М., 2012. Многослойная стоянка Ямное: материалы исследований. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т. 82 с.

Тропин Н. А., 1998. Отчет о проведении раскопок на поселении «Большой Липяг» у с. Крутогорье Липецкого района Липецкой области в 1997 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 20852.

Файферт А. В., Нечипорук А. А., Вдовченков Е. В., Солдатов А. В., Мазурицкий М. И., 2021. Материалы константиновской культуры с территории Темерницкого городища // КСИА. Вып. 264. С. 90–104.

Сведения об авторах

Козмирчук Игорь Анатольевич; ООО «Экспедиция», ул. Зегеля, 23а, Липецк, 398002, Россия; e-mail: fnklipetsk@mail.ru;

Скоробогатов Андрей Михайлович; ООО НПЦ «Воронежское археологическое общество», ул. Пушкарская, 39, Воронеж, 394055, Россия; e-mail: a.m.skorobogatov@mail.ru

https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-426-5.238-250

ЯМНО-КАТАКОМБНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ В КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ[1]

В. И. Мельник

Резюме. В статье дается обзор памятников, представленных ямно-катакомбными погребениями эпохи средней бронзы, то есть погребениями, которые сочетали характерные черты ямной и катакомбной культур. Эти погребения распространены на огромной территории от Волги до Днепра и встречаются в более западных районах. Их территориальное распределение позволило выделить 9 районов сосредоточения такого рода памятников. Несмотря на многообразие форм этих погребений, в каждом районе обнаруживается некоторая специфика их представительства. Намечаются и временные различия. Наиболее ранние погребения связаны с районами Предкавказья, что указывает на направления их последующего распространения. Культурный контекст демонстрирует несколько вариантов утверждения катакомбной атрибутики, где ямно-катакомбный симбиоз сосуществует с новотиторовско-катакомбной и северокавказско-катакомбной линиями культурного развития.

Ключевые слова: эпоха средней бронзы, ямно-катакомбные погребения, ямная культура, катакомбная культура, новотиторовская культура, северокавказская культура, линии культурного развития.

Из общего массива катакомбных погребений эпохи средней бронзы так называемые ямно-катакомбные погребения стали активно привлекать внимание исследователей начиная с середины прошлого века. По мере изучения этой группы памятников выдвигались разные варианты ее трактовки. Первоначально преобладала позиция, объясняющая появление такого рода памятников эволюционным развитием ямной культуры. Далее стала утверждаться их трактовка как смешение в результате сосуществования культур ямной и катакомбной (*Мерперт*, 1977). Состояние изученности ямно-катакомбных погребений в середине 90-х гг. прошлого столетия было освещено Н. И. Шишлиной, причем отмечалось, что эти позиции к тому времени уже воспринимались как крайние (*Шишлин*а, 1996).

Территория, охватываемая погребениями рассматриваемого типа, занимает северную часть Предкавказья и простирается поясом от Волги до Днепра, уходя далее за его пределы. На всем этом пространстве находились как ямные, так и катакомбные памятники. Учитывая разбросанность памятников на огромной территории, возникает необходимость их общего обзора с выделением территориальных особенностей и культурного контекста, а также отдельными примерами.

Идентифицирующими показателями ямно-катакомбных погребений выступают: форма погребального сооружения, позиция погребенного, из погребального инвентаря чаще всего – сосуды. Погребения, сочетающие ямные и катакомбные черты, показывают большое разнообразие форм катакомбных конструкций, имеются также и ямные сооружения. Позиция погребенных на спине скорченно обычно определяется как ямная, скорченно на боку с руками, протянутыми к ногам, – как катакомбная. Круглодонные сосуды считаются, как правило, ямными, плоскодонные, с учетом других признаков, чаще всего определяются как катакомбные.

Обзор ямно-катакомбных погребений целесообразно проводить начиная с южных районов, где, как представляется, сосредотачивались наиболее ранние катакомбные памятники (*Мельник*, 2016а; 2018а; 2020). Таким районом выступает юго-восточная часть Азово-Кубанской равнины, сопряженная с восточными отрогами Ставропольской возвышенности. Здесь, в верховьях реки Челбас, в курганной группе у поселка Степной были зафиксированы два погребения, которые могут быть определены как ямно-катакомбные (рис. 1: *1*). Это погребение 4 кургана 3 и погребение 7 кургана 4 (*Мельник*, 2013; 2018б).

[1] Работа выполнена в рамках НИОКТР 122011200270-0 «Динамика развития духовной и материальной культуры в энеолите – бронзовом веке (Юго-Восточная Европа, Кавказ, Передний Восток)».

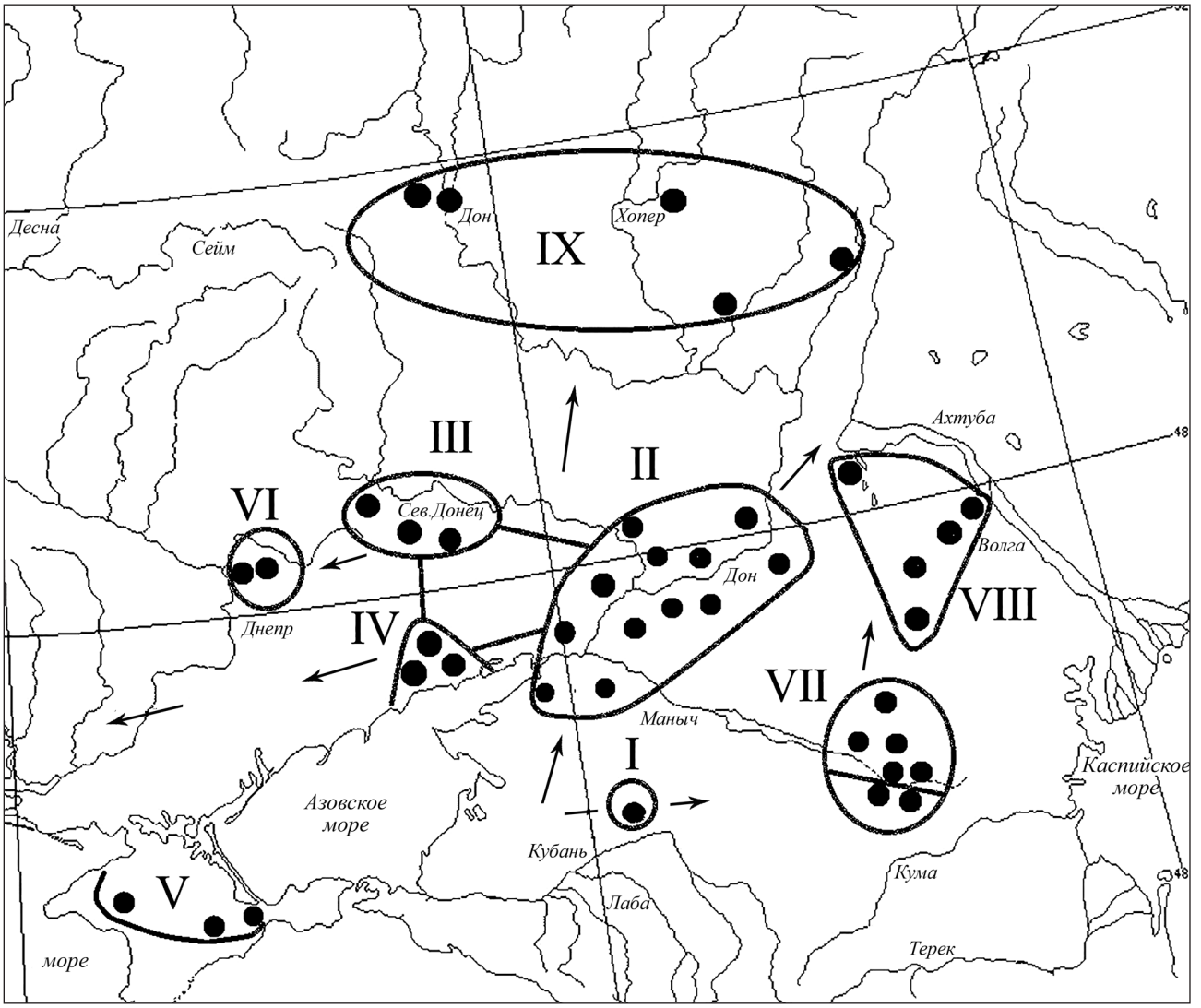
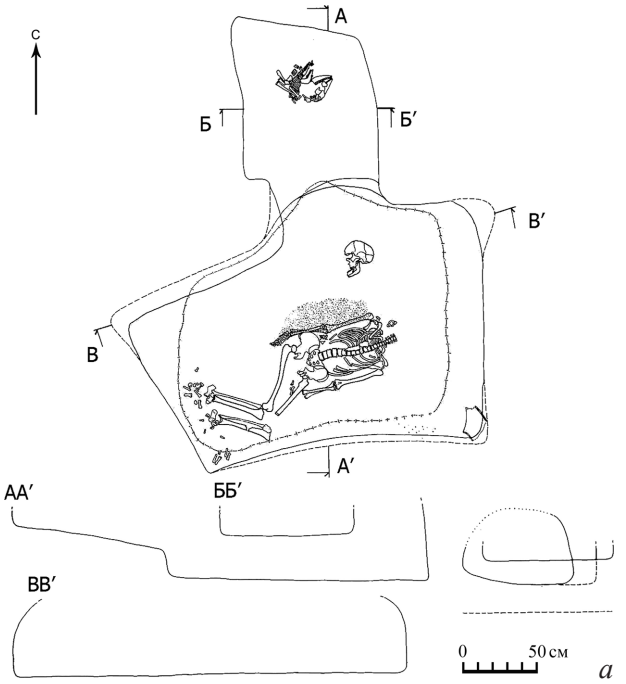


Рис. 1. Территориальные группы ямно-катакомбных погребений
(*стрелками показаны направления распространения катакомбной атрибутики*).
I – Азово-Кубанская группа; II – Нижнедонская группа; III – Донецкая; IV – Северовосточноприазовская;
V – Крымская группа; VI – Нижнеднепровская группа; VII – Восточноманычская группа;
VIII – Волго-Донская группа; IX – Среднедонская группа

Первое из этих погребений располагалось в центральной части кургана в Т-образной катакомбе с трапециевидной шахтой. Шахта была ориентирована по линии С – Ю и имела наклон в южную сторону к входу в камеру с четырьмя ступеньками. На середине первой ступеньки лежала часть сосуда с венчиком (жаровня). В камеру вел лаз, имеющий сводчатую форму. Камера была четырехугольной и имела форму параллелограмма с выделенными углами. На середине камеры лежал скелет взрослого человека на спине слегка скорченно и был ориентирован черепом на запад. Руки были вытянуты вдоль туловища и ладонями обращены вниз. Костяк лежал на подстилке с белесыми волокнами, проходившими поперек остова. С южной стороны от черепа и правого плеча прослежен отпечаток красной краски. В северо-восточном, левом от входа углу камеры лежало днище сосуда с углями (жаровня). Рядом лежали череп и ножка барана (рис. 2: *а*).

Второе погребение представляло также Т-образную катакомбу, находящуюся в центре кургана. Здесь, видимо, была прослежена только нижняя часть шахты. Дно ее было наклонно и понижалось к лазу в южную сторону. Камера по форме представляла неправильную трапецию с четко выраженными углами. В средней части камеры на спине скорченно



лежал скелет взрослого человека, череп которого находился в 0,25 м от правого плеча. Верхней частью туловища скелет был ориентирован на восток. Ноги были согнуты в коленях под тупым углом и повернуты в южную сторону. Руки были вытянуты вдоль туловища и ладонями обращены вниз. Судя по всему, первоначальное положение погребенного было полусидящим. Дно камеры в центральной части было покрыто тленом темно-коричневого цвета. Правая рука и пространство камеры вдоль нее было покрыто толстым слоем красной краски. В юго-западном углу камеры лежала часть сосуда с венчиком, которая выполняла роль жаровни (рис. 2: *б*).

Сразу следует отметить, что погребальные сооружения в виде катакомб, представленные данными погребениями, имели Т-образную в плане форму, а их камеры в виде четырехугольника с выделенными углами. Этот тип катакомб соответствует наиболее ранним катакомбным сооружениям (*Мельник*, 2016а). Такие катакомбы на территории Азово-Кубанской равнины связываются с памятниками

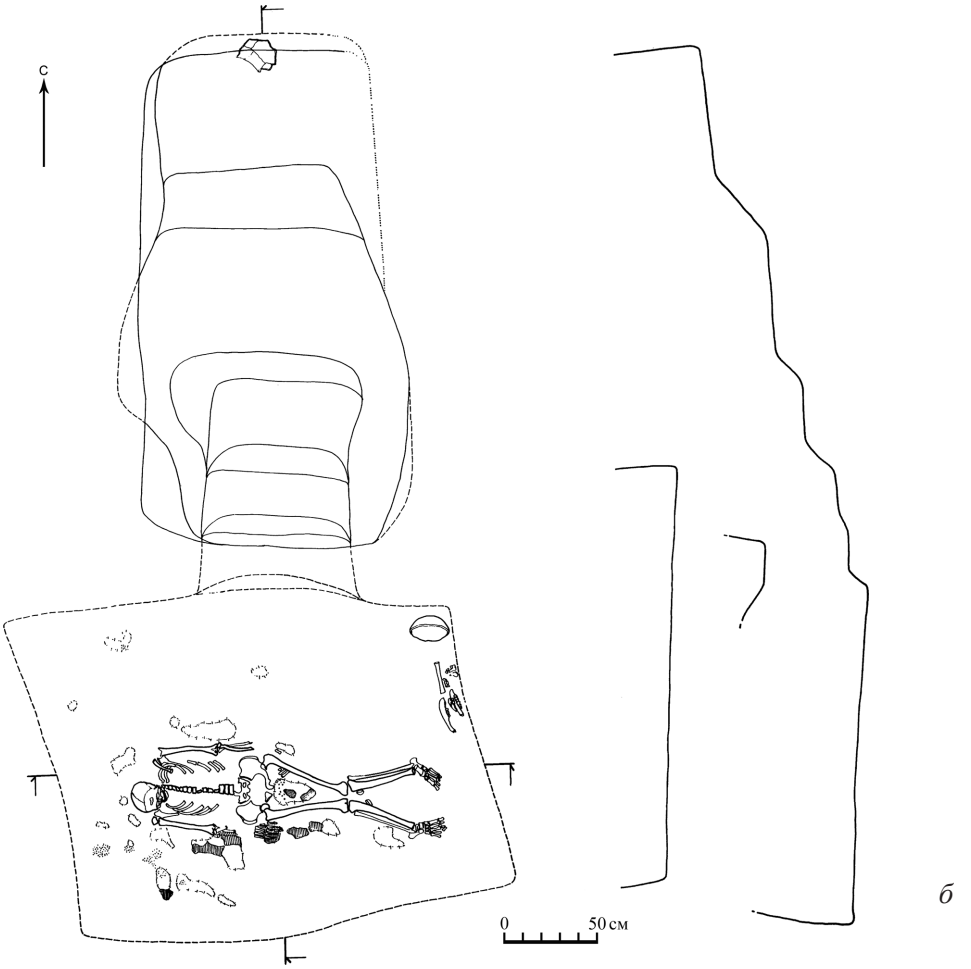


Рис. 2. Азово-Кубанская группа. *а* – Степная 3/4 (по: *Мельник*, 2018б); *б* – Степная 4/7 (по: *Мельник*, 2018б)

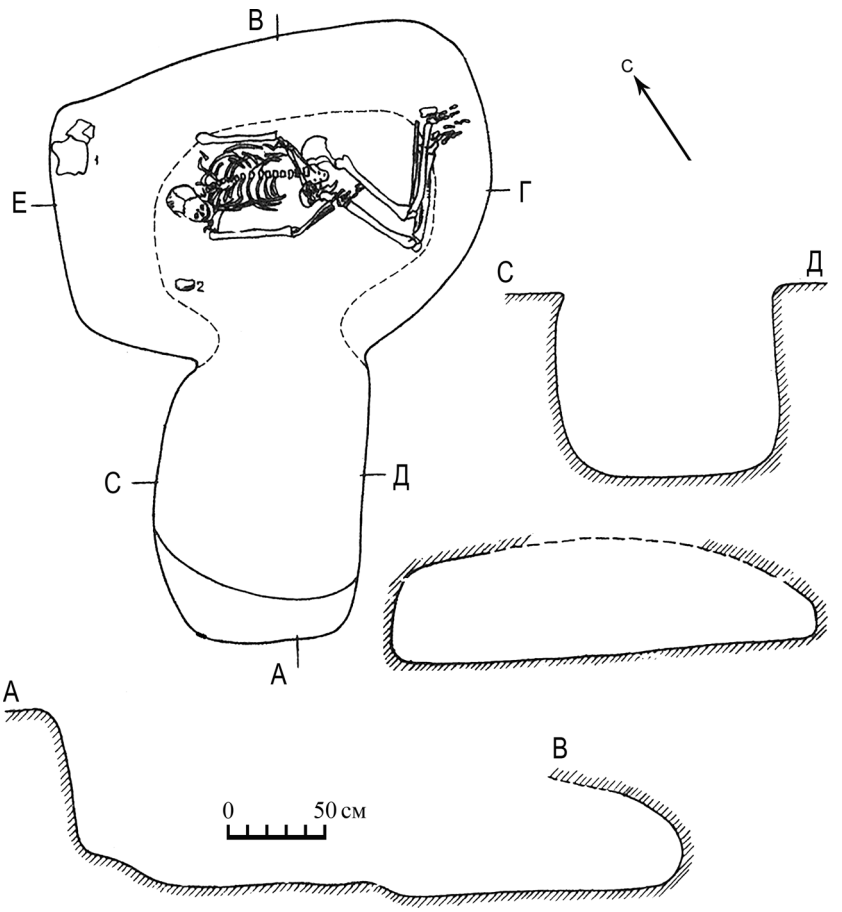


Рис. 3. Нижнедонская группа. Ясырев I 9/37 (по: *Мошкова, Федорова-Давыдова*, 1974)

восточноприазовской катакомбной культуры. Что касается памятников предшествующего времени, то они на этой территории относятся к ямной и новотиторовской культурам. Рассматриваемые погребения находились на восточной границе новотиторовской культуры (*Гей*, 2000. С. 9. Рис. 1) и западной части ямной группы III (*Клещенко*, 2022. С. 57. Рис. 1).

Ямно-катакомбные погребения Нижнего Дона (рис. 1: *II*) показывают большое разнообразие форм катакомбных конструкций, которые как совпадают с раннекатакомбными формами, так и имеют другие. В раннекатакомбный период на Нижнем Дону, по классификации А. В. Кияшко, в Т-видных катакомбах преобладает позиция – скорченно на спине с завалом в правую сторону, впрочем, эта позиция может определяться и как – на правом боку с завалом на спину. В могильных сооружениях, определяемых как подбои, погребенные находились на спине скорченно (*Кияшко*, 1999. С. 28–29). В нашем понимании это ямно-катакомбные погребения в Н-видных катакомбах (25 погр.).

Соответствие раннекатакомбным формам может показать погребение 37 кургана 9 курганной группы Ясырев I (рис. 3). Погребальная конструкция имела Т-образную форму. Камера овальной формы располагалась почти перпендикулярно к осевой линии дромоса. На дне камеры лежал скелет очень рослого человека на спине с подогнутыми и упавшими вправо ногами. Обе руки были согнуты в локтях. Погребенный был положен головой на ЗСЗ. На уроне левой руки, ближе к северной стенке камеры, лежали череп и часть туши барана. Справа от головы лежал пест из плотного камня. В северном углу камеры находилась жаровня из большого обломка сосуда с углями. Несколько угольков лежали у коленей ног (*Мошкова, Федорова-Давыдова*, 1974). Формы дромоса и камеры данного погребения косвенно указывают на его более позднюю позицию по сравнению с азово-кубанскими ямно-катакомбными погребениями.

Ямно-катакомбные погребения Донетчины (рис. 1: *III*) специально не выделялись. По данным С. Н. Братченко (*Братченко*, 2001), можно указать на 25 погребений в катакомбах с позой умерших

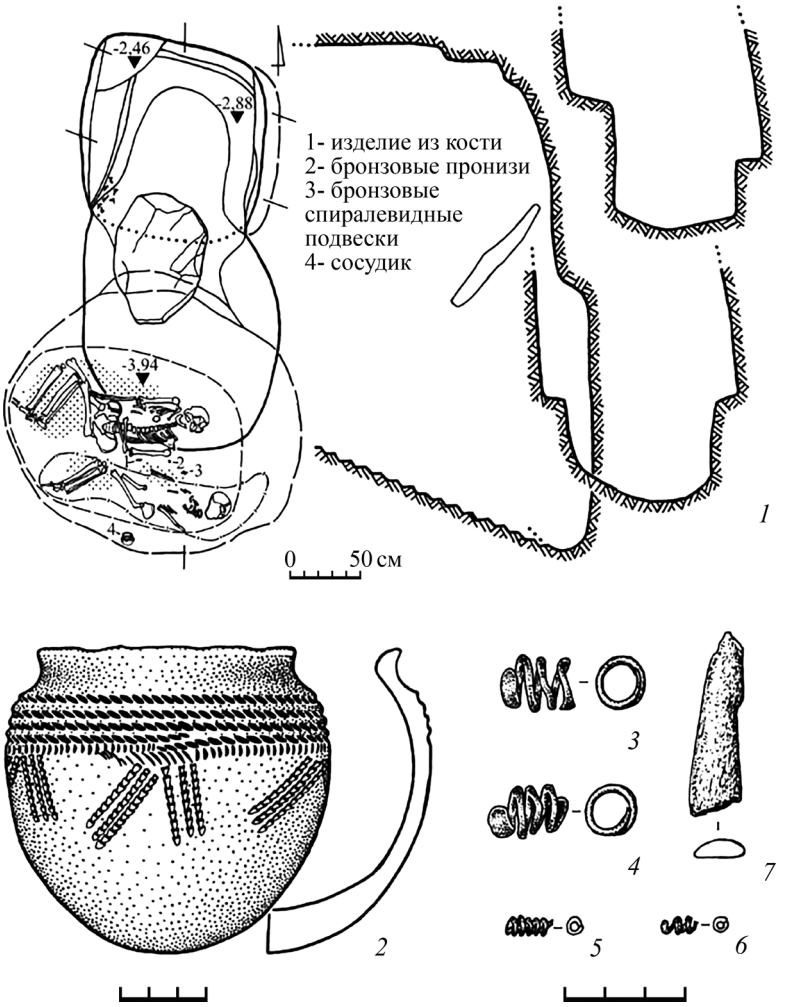
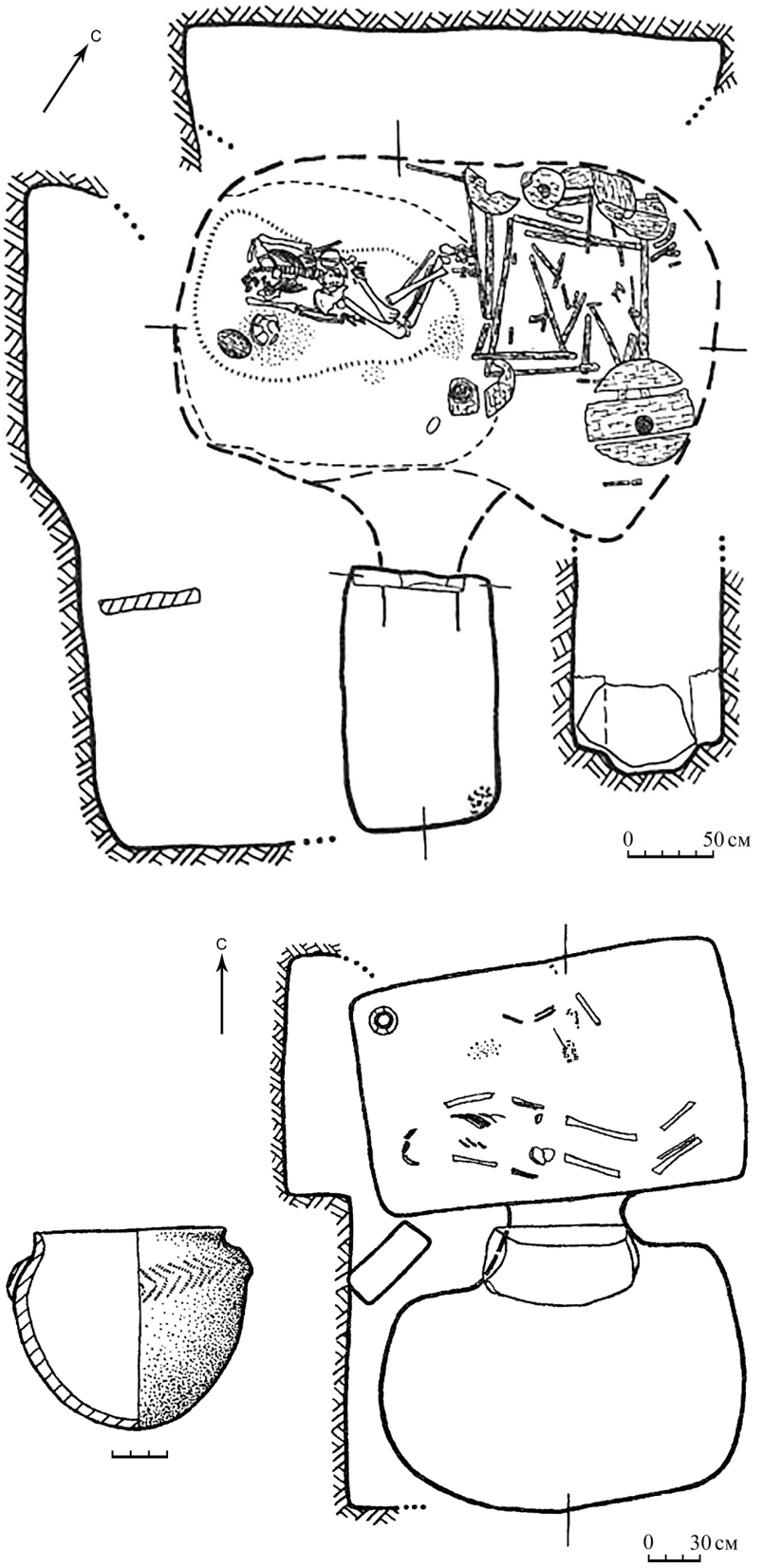


Рис. 4. Донецкая группа. Лисичанск ЛЖЗ 1/2 (по: *Санжаров, Черных*, 2021)

на спине скорченно. Весьма представительным примером может быть погребение 2 кургана 1 в группе ЛЖЗ в Лисичанске (рис. 4). Входная шахта катакомбного сооружения была прямоугольной формы и ориентирована по линии север – юг. В северо-западном углу оставлена ступенька. Ниже под западной, северной и восточной стенками имелись уступы по длине боковых стенок. Дно шахты полого понижалось к югу в сторону входа в камеру и посредством уступа переходило в ее дно. Входное отверстие закрыто вертикальной каменной плитой (песчаник). Западнее плиты, под западным уступом шахты, прослежено небольшое скопление древесных угольков. Погребальная камера в плане овальной формы ориентирована по линии юго-восток – восток – северо-запад – запад. В камере выявлены два костяка. В центральной части дна размещен костяк взрослого человека в слабоскорченном положении на правом боку корпусом на спине. Угол скорченности тупой, в коленях острый, близок к прямому. Правая рука вытянута вдоль туловища. Левая согнута в локте и кистью размещена на правом тазобедренном суставе. Умерший ориентирован на восток. Под костяком прослежена посыпка красной охры. За костяком взрослого под южным сводом камеры размещен костяк подростка в слабоскорченном положении на правом боку. Углы скорченности и в коленях тупые. Правая рука вытянута вдоль туловища. Ориентирован подросток на восток. Под костяком прослежена подстилка из черного тлена. Между костяками, у левого плеча взрослого умершего, в смещенном состоянии найдены пара бронзовых височных спиральных подвесок в 3,5 оборота, пара бронзовых спиральных многовитковых подвесок в виде тонкой проволоки, намотанной на деревянную основу, и обломок изделия из кости. За тазом костяка подростка обнаружен круглодонный сосуд (*Санжаров, Черных*, 2021. С. 15–18).



а

б

Рис. 5. Северовосточноприазовская группа.
а – Жданов 1/5 (по: *Санжаров*, 2001); *б* – Орловское 1/13 (по: *Санжаров*, 2001)

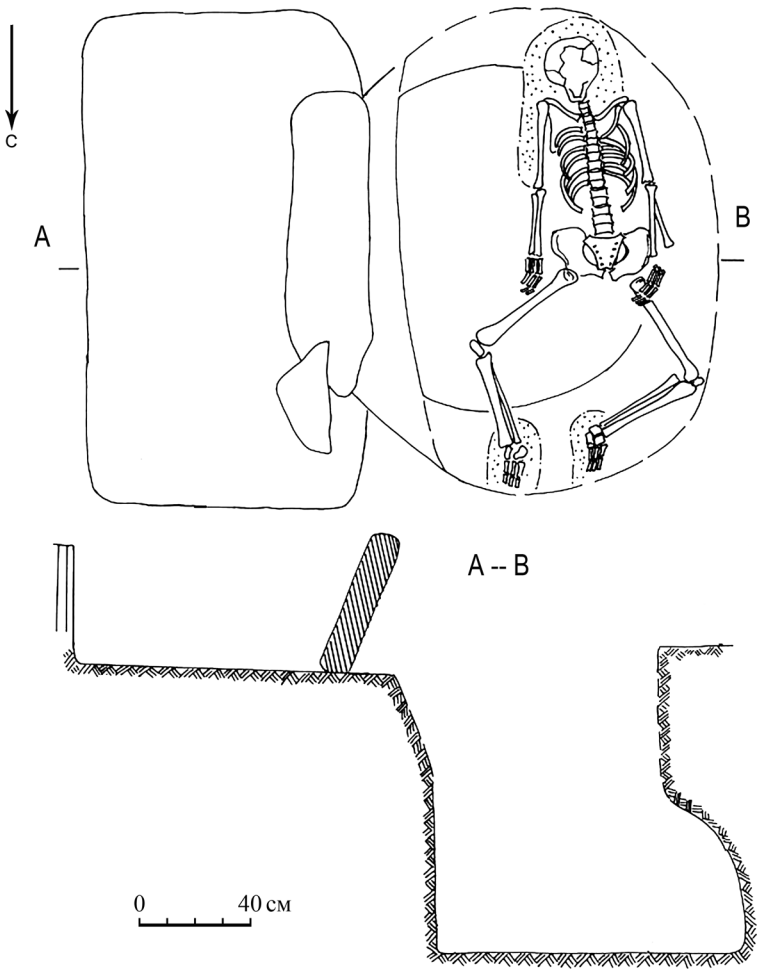


Рис. 6. Крымская группа. Крымская Роза 3/3 (по: *Копьева, Колтухов*, 2016)

В Северо-Восточном Приазовье (рис. 1: *IV*) формы ямно-катакомбных погребений близки донецким. Здесь можно указать на такие погребения, как Жданов 1/5 с Т-образной катакомбой (рис. 5: *а*) и Орловское 1/13 с катакомбой Н-образной (рис. 5: *б*). Погребенные здесь находились в позиции на спине скорченно и имели западную ориентировку. Вместе с тем погребение Жданов 1/5 имело неординарное сопровождение. Это была повозка. В погребении Орловское 1/13 находился круглодонный сосуд. Исходя из данных С. Н. Санжарова, в 9 случаях (при выборке в 52 раннекатакомбных погребениях) можно говорить о достоверно фиксирующемой позе на спине скорченно, где у четырех погребенных колени сохранились поднятыми вверх, а у пяти – распались ромбом (*Санжаров*, 2001). Что касается указания на общее число погребенных на спине, которое составляло 40 человек, то здесь не всегда ясно, была ли такая поза изначальной или это был завал на спину.

Наиболее ранние катакомбные формы слабее проявляются в погребениях Крыма (рис. 1: *V*). Характеристика крымских раннекатакомбных памятников (56 погр.) была дана Т. А. Копьевой, где среди групп, выделяемых по позиции погребенных, присутствовала группа с положением на спине скорченно (III), которую можно определить как ямно-катакомбную с уже известными оговорками (*Копьева*, 2010). Такого рода погребения были здесь открыты и в более позднее в время. Примером может быть погребение 3/3 курганной группы Крымская Роза I (*Копьева, Колтухов*, 2016. С. 25, 35), впускное при основном ямном погребении. Входная шахта в плане подпрямоугольной формы, дно наклонно в сторону камеры. Входное отверстие перекрывал заклад из песчаниковых плит, установленных на ребро. В погребальную камеру вела ступенька, камера овальной в плане формы ориентирована по оси юг – север. Захоронение взрослого человека совершено на спине, скорченно, головой на юг; ноги подогнуты в коленях, распались

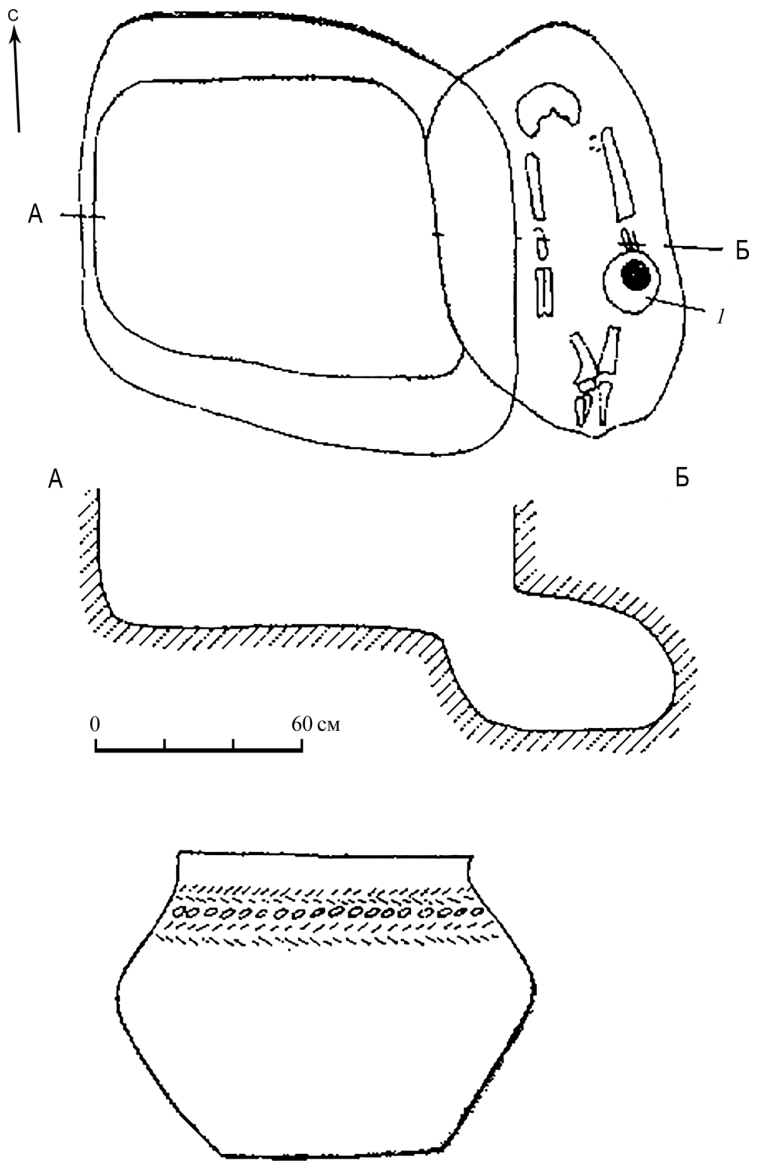


Рис. 7. Нижнеднепровская группа. Перещепино-70 1/6 (по: *Васильченко*, 1977)

ромбом; руки – вдоль туловища. Дно и стенки камеры посыпаны мелом, у черепа и под ним, вдоль левой руки, под тазом и у стоп дно посыпано красной охрой. Инвентарь отсутствовал (рис. 6).

Ямно-катакомбные погребения в левобережье Нижнего Днепра (рис. 1: *VI*) специально рассматривались С. А. Васильченко и З. П. Мариной (бассейн рек Самары и Орели). С. А. Васильченко выделил следующие варианты ямно-катакомбных сочетаний: I – яма и катакомбная поза погребенного (20 погр.); II – яма и сочетание ямной и катакомбной позы в коллективных погребениях, ямный инвентарь (3 погр.); III – катакомба и катакомбная поза, ямный инвентарь (2 погр.); IV – катакомба, ямная поза, катакомбный инвентарь (3 погр.); V – катакомба и сочетание ямной и катакомбной позы в коллективных погребениях, катакомбный инвентарь (1 погр.) (*Васильченко*, 1977).

По мнению З. П. Мариной, только вариант III С. А. Васильченко является ямно-катакомбным, а первые два должны относиться к ямной культуре, IV и V – к катакомбной культуре. З. П. Марина предложила считать в качестве определяющих признаков форму погребального сооружения, позу погребенного и инвентарь. На этом основании по материалам Левобережья Днепра выделялось две группы: 1) погребения, скорченные на спине, с ямным инвентарем и в катакомбном сооружении; 2) погребения,

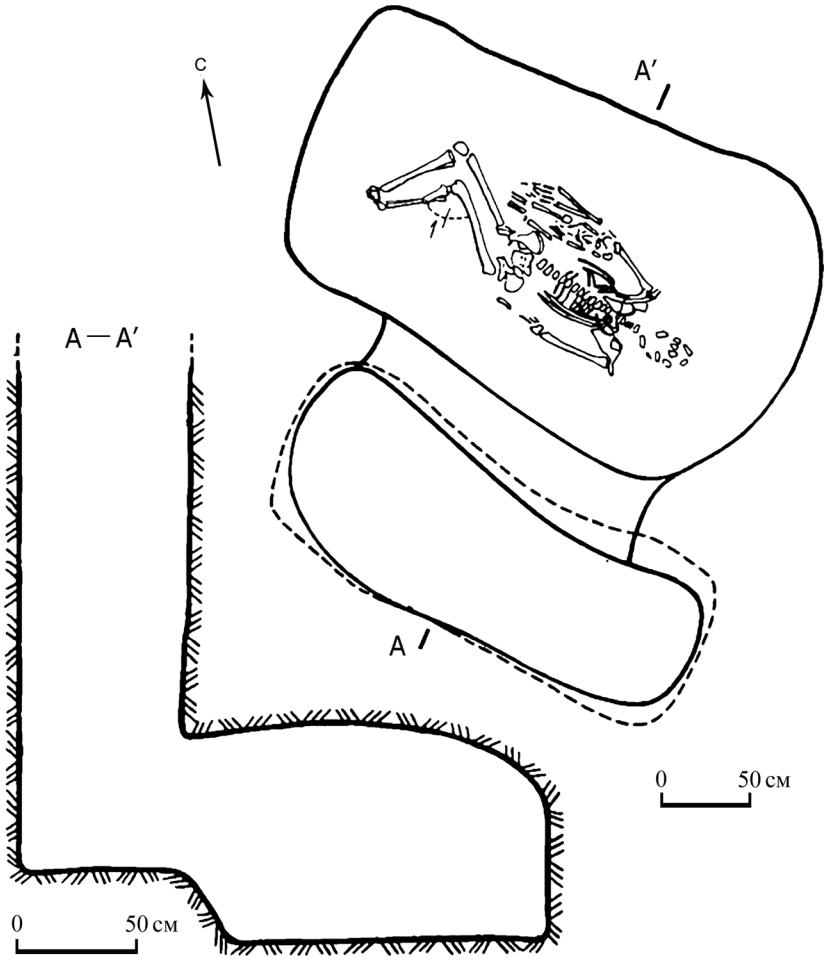


Рис. 8. Восточноманычская группа. Светлоград 2/5 (по: *Андреева*, 1986)

скорченные на спине, в простой яме с катакомбным инвентарем. В итоге в первую группу вошло 10 погребений, во вторую – 4 (*Марина*, 1982). Однако в широкой трактовке погребения на спине скорченно в катакомбе и с катакомбным сосудом также должны считаться ямно-катакомбными. Примером может быть погребение 6 из кургана 1 Перещенино-70, причем здесь позиция погребенного на спине скорченно твердо установлена, так как кости ног скелета остались поднятыми (рис. 7).

От Днепра и далее запад также встречаются погребения, которые могут трактоваться как ямно-катакомбные.

Помимо Азово-Кубанского, другим ранним центром распространения катакомбной атрибутики выступает район Восточного Маныча с прилегающими территориями (рис. 1: *VII*). Ямно-катакомбные погребения этого района весьма обстоятельно были рассмотрены Н. И. Шишлиной. Более сотни таких погребений учтены на разных участках этого пространства. В исследовании дан и культурный контекст (*Шишлина*, 2007).

Одним из вариантов этой большой группировки может быть Погребение 2/5 у Светлограда (рис. 8). Погребение было совершено в катакомбе. Входная шахта катакомбы имела в плане прямоугольную форму и была вытянута по линии северо-запад – юго-восток. В северо-восточной стенке шахты сделан вход в камеру шириной 1,6 м. В камеру вела ступенька высотой 0,35 м. Камера прямоугольной в плане формы была ориентирована параллельно входной шахте. Стенки камеры вертикальны, свод уплощен. На дне камеры, на подстилке из камыша лежал скелет мужчины юношеского возраста, на спине, скорченно, головой на юго-восток. Руки вытянуты вдоль тела. Под правой рукой мужчины лежал скелет ребенка 4–2 лет, вытянуто, на спине, головой на юго-восток. Под коленями взрослого, на дне прослежено пятно алой охры, в ногах – в северном и западном углах камеры – угольки. Основ-

ное погребение кургана относится к северокавказской культуре (*Андреева*, 1986).

Южное Волго-Донье – это уже восточная окраина катакомбного пространства (рис. 1: *VIII*). О специфике этой территории может свидетельствовать погребение 2 кургана 3 у села Цацы (рис. 9).

Погребение было совершено в катакомбе подбойного типа. На дне подбоя лежал скелет мужчины на спине с подогнутыми ногами, упавшими вправо. Погребенный был ориентирован головой на СВВ. Возле локтя правой руки находился сосуд типа плошки. У левого плеча погребенного – зубы лошади, а у ног – лопатка и мелкие кости этого животного (*Мамонтов*, 1967).

В 80-е гг. прошлого века, опираясь на схему В. А. Фисенко (*Фисенко*, 1970), включающую две группы и в дополнение к ней, нами было предложено выделение еще одной группы – III (*Мельник*, 1983. С. 27–28). При этом группа II, выделенная В. А. Фисенко, была заменена на группу, намеченную М. Г. Мошковой и Э. А. Федоровой-Давыдовой (*Мошкова, Федорова-Давыдова*, 1974. С. 80). В итоге группа I представляла погребения в катакомбе с позой погребенных на спине скорченно и безынвентарных (или с невыразительным инвентарем), группа II – погребения в катакомбе с позой погребенных на спине скорченно и содержавших катакомбный инвентарь, группа III – погребения в простой яме на спине скорченно при наличии катакомбного инвентаря. Эта классификация строилась и на материалах Южного Волго-Донья. Представленное погребение соответствует группе I.

Сводка ямно-катакомбных погребений Среднего Дона (рис. 1: *IX*) была дана В. И. Погореловым (*Погорелов*, 1989). Здесь было учтено 39 погребений, включая часть Южного Волго-Донья. Погребения были разделены на две группы. К группе I относились погребения, которые были совершены в прямоугольных ямах. В подгруппу «А» входили погребения с умершими в положении на спине скорченно и с катакомбным инвентарем (14 погр.), а в подгруппу «Б» – в положении скорченно на правом боку, где инвентарь был с ямными чертами (6 погр.). Группу II составляли захоронения в катакомбах. Подгруппы «А» (12 погр.) и «Б» (7 погр.) в общем соответствовали подгруппам группы I.

Для иллюстрации варианта этой группировки можно представить погребение 12 кургана 1 Стояновского могильника (рис. 10). Погребение было основным в кургане, в обширной и глубокой катакомбе. С положением умершего на спине, головой на север (*Погорелов*, 1996. С. 150, 157).

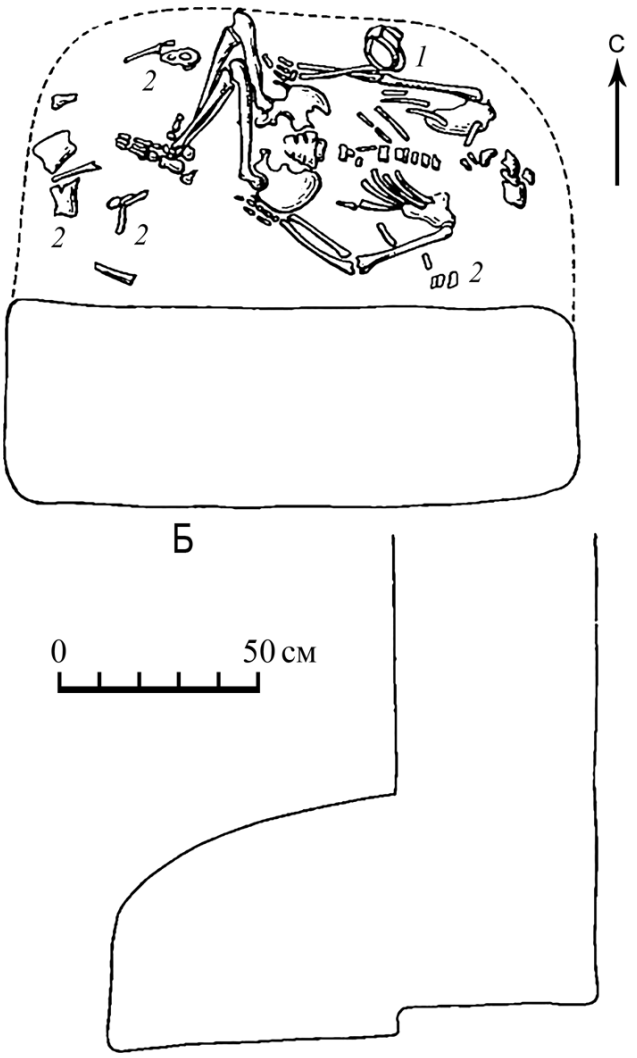


Рис. 9. Волго-Донская группа. Цаца 3/2 (по: *Мамонтов*, 1967)

Представленный обзор позволяет увидеть общую картину распространения ямно-катакомбных погребений и наметить их территориальную группировку. При сравнении характеристик этих образований вырисовываются некоторые их особенности. Прежде всего, следует выделить, хотя и малочисленную, но весьма примечательную группу на восточной окраине Азово-Кубанской равнины в верховьях реки Челбас. Фиксируемый здесь наиболее ранний тип катакомб свидетельствует о ранней стадии ямно-катакомбного сочетания. Нижнедонская группировка представляется более поздней, чем погребения в верховьях реки Челбас, хотя на Нижнем Дону присутствуют погребения в катакомбах, относящихся к наиболее ранним и идентичным восточноприазовским. Восточноприазовские катакомбы не имеют Н-образную конструкцию, а такие катакомбы здесь

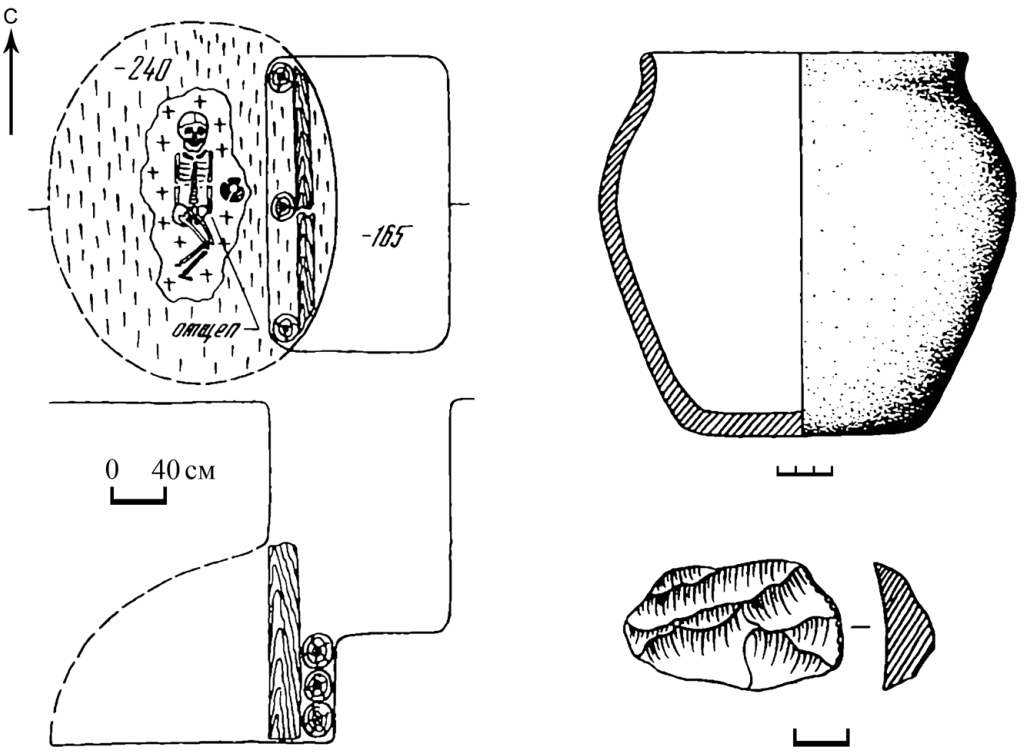


Рис. 10. Среднедонская группа. Стояновский могильник 1/12 (по: *Погорелов*, 1996)

связываются с более поздним временем. Донетчина и Северо-Восточное Приазовье не имеют ранних катакомб с четко выраженными углами камер. Это относится и к Крыму. Донецкая и северовосточно-приазовская группировки сближаются по форме погребальных сооружений с нижнедонской. Приближается к ним и крымская группировка. Что касается нижнеднепровской группировки, то, учитывая характер катакомбных сооружений, можно сказать, что они представляют более поздние формы.

Весьма представительная ранняя группировка ямно-катакомбных погребений связана с территорией, прилегающей к Восточному Манычу, то есть к югу – Ставропольская возвышенность, к северу – Ергени. Особенностью этой территории является то, что здесь катакомбному периоду предшествуют памятники ямной и северокавказской культур. В результате утверждения в этом районе катакомбной атрибутики здесь сформировались такие культурные феномены, как ямно-катакомбные погребения, так и северокавказско-катакомбные погребения. Последние связываются с намечаемой раннекатакомбной северокавказской культурой. Несомненно, что из этого района исходило катакомбное воздействие на соседей в северо-восточном направлении, то есть к Волге. В Южном Волго-Донье нет ранних форм катакомб, а на Волге присутствуют полтавкинские памятники, синхронные ямно-катакомбным погребениям Восточного Маныча (*Мельник*, 1983. С. 28–29).

Ямно-катакомбные погребения Среднего Дона представляют группировку, наиболее удаленную в северном направлении, памятники которой рассредоточены на стыке степи и лесостепи и, видимо, являются наиболее поздними.

Характеристики обозреваемых ямно-катакомбных групп и их расположение косвенно подтверждают направления движения катакомбной атрибутики. Ямно-катакомбные погребения, совпадая с территорией распространения раннекатакомбных памятников, отсутствуют на территориях, где также распространены раннекатакомбные памятники, но превалировала неямная культурная основа, например, новотиторовская культура.

Фактически во всех вариантах трактовок ямно-катакомбных погребений обсуждался вопрос становления катакомбной культуры. Безусловно, этот процесс был связан с ранней фазой катакомбного образования, то есть занимал определенное время. Однако этот период нельзя именовать ямно-катакомбным не только потому, что он им не исчерпывался, но и потому, что этот вариант погребальной практики мог существовать и в более позднее вре-

мя. Вопрос же становления катакомбной культуры включает уже не только ямно-катакомбные погребения, а значительно более широкий круг археологических памятников с другими культурными истоками. В этом контексте специфика появления и распространения ямно-катакомбных погребений приобретает иной характер.

Появление погребального сооружения в виде катакомбы и его последующее распространение олицетворяет культурный перелом на широких просторах степей. На основе новотиторовской культуры на территории Азово-Кубанской равнины формируется восточноприазовская катакомбная культура, а в районе Центрального Предкавказья утверждаются северокавказские раннекатакомбные формы. Начальная фаза этого процесса, связанная со становлением новых культурных элементов, видимо, имела общую тенденцию движения в северном направлении. При дальнейшем распространении формируются ямно-катакомбные формы. Таким образом, складывается несколько основных линий развития, связанных с трансформацией культур, которые ярко проявляются в погребальной практике: 1) новотиторовско-катакомбная, где погребенные укладываются на правом боку скорченно; 2) северокавказско-катакомбная с погребенными в вытянутом положении; 3) ямно-катакомбная, где погребенные находятся на спине скорченно. Учет фактора природной среды и ее изменения во времени (*Мельник*, 2020), подвижного характера хозяйства и наличие активного металлургического очага в непосредственной близости (*Мельник*, 2016б, 2019) создает условия для понимания причин и обстоятельств трансформации культур, связанных с участием в той или иной мере в этом процессе различных групп населения, находящихся в движении и взаимодействии.

При таком подходе становится более понятным и механизм формирования ямно-катакомбных погребений, поскольку здесь фиксируется как внутреннее культурное развитие, так и внешнее воздействие, без однозначности того или другого.

Литература

Андреева М. В., 1986. Курганы эпохи бронзы у г. Светлограда (Ставропольский край) // КСИА. Вып. 188. С. 106–114.

Братченко С. Н., 2001. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганьск: Шлях. 196 с.

Васильченко С. А., 1977. К вопросу о взаимоотношении ямной и катакомбной культур в Поорелье // Некоторые вопросы археологии Украины / Отв. ред. Н. Н. Бондарь. Киев: Вища школа. С. 3–14.

Гей А. Н., 2000. Новотиторовская культура. М.: Старый сад. 224 с.

Кияшко А. В., 1999. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та. 182 с.

Клещенко А. А., 2022. Памятники ямной культуры Предкавказья: общая характеристика и проблемы изучения // Энеолит и бронзовый век Циркумпонтийского региона: культурные процессы и взаимодействия: к 100-летию со дня рождения Н. Я. Мерперта: тез. докл. конф. М.: ИА РАН. С. 56–58.

Копьева Т. А., 2010. Ранний этап катакомбной культуры в Крыму: хронологический аспект // Археологический альманах. № 20. Актуальные проблемы первобытной археологии Восточной Европы. Донецк. С. 309–326.

Копьева Т. А., Колтухов С. Г., 2016. Исследования курганов в окрестностях сел Ароматное и Крымская Роза в Белогорском районе Крыма // История и археология Крыма. Вып. III. Симферополь. С. 22–35.

Мамонтов В. И., 1967. Курган эпохи бронзы у с. Цацы близ Волгограда // СА. № 1. С. 235–239.

Марина З. П., 1982. О погребениях так называемого ямно-катакомбного типа // Древности степного Поднепровья (III–I тыс. до н. э.) / Отв. ред. И. Ф. Ковалева. Днепропетровск: Днепропетровский гос. ун-т. С. 46–49.

Мельник В. И., 1983. Погребения Доно-Волжского междуречья с сочетанием ямных и катакомбных черт и их соотношение с полтавкинскими памятниками // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа / Отв. ред. В. Я. Кияшко. Ростов: Изд-во Ростовского ун-та. С. 27–29.

Мельник В. И., 2013. Обрядовая группировка катакомбных комплексов Восточного Приазовья // Шестая международная Кубанская археологическая конференция: материалы конф. / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Экоинвест. С. 282–283.

Мельник В. И., 2016а. Особенности наиболее ранних катакомбных погребений степного Прикубанья // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения: материалы Междунар. науч. конф. / Отв. ред.: М. Х. Багаев, Х. М. Мамаев. Грозный: Изд-во Чеченского гос. ун-та. С. 43–44.

Мельник В. И., 2016б. Пространственно-временные аспекты распространения катакомб в степях Восточной Европы в бронзовом веке // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом (V–II тыс. до н. э.): круглый стол, посвящ. 80-летию со дня рождения С. Н. Братченко: материалы / Отв. ред. В. А. Алёкшин. СПб.: ИИМК РАН. С. 91–94.

Мельник В. И., 2018а. К проблеме формирования катакомбных культур // Связи и взаимоотношения культур бронзового века циркумпонтийского региона: новые данные и материалы: тез. докл. круглого стола / Отв. ред. А. Н. Гей. М.: ИА РАН. С. 55–56.

Мельник В. И., 2018б. Погребения эпохи бронзы курганной группы Степной // Археологические памятники и межкультурные феномены энеолита и бронзового века. М.: ИА РАН. С. 294–327.

Мельник В. И., 2019. Проблема характера миграционных процессов и трансформация культур в предкавказских и восточноевропейских степях эпохи среднего бронзового века // VIII Алексеевские чтения: материалы конф. М.: НИИ и Музей антропологии МГУ. С. 77–78.

Мельник В. И., 2020. К проблеме ранних фаз формирования катакомбных культур // КСИА. Вып. 258. С. 137–150.

Мерперт Н. Я., 1977. Из истории древнеямных племен // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки / Отв. ред. Н. Л. Членова. М.: Наука. С. 68–80.

Мошкова М. Г., Федорова-Давыдова Э. А., 1974. Работы Цимлянской экспедиции 1970 года // Археологические памятники Нижнего Подонья. Ч. 1 / Отв. ред.: М. Г. Мошкова, Д. Б. Шелов. М.: Наука. С. 21–122.

Погорелов В. И., 1989. Ямно-катакомбные погребения Среднего Дона // СА. № 2. С. 108–126.

Погорелов В. И., 1996. Курганы эпохи бронзы Стояновского могильника // РА. № 1. С. 145–158.

Санжаров С. Н., 2001. Катакомбные культуры Северо-Восточного Приазовья. Луганск: Изд-во Восточноукраинского нац. ун-та. 172 с.

Санжаров С. Н., Черных Е. А., 2021. Курганные древности эпохи бронзы Привольнянской излучины Северского Донца. Луганск: Изд-во Луганского гос. ун-та им. В. Даля. 276 с.

Фисенко В. А., 1970. Погребения ямно-катакомбного типа Калмыкии и их место среди памятников бронзовой эпохи Северо-Западного Прикаспия // СА. № 1. С. 58–66.

Шишлина Н. И., 1996. Ямно-катакомбная проблема в свете современных представлений // Археологические памятники Окского бассейна / Науч. ред.: И. В. Белоцерковская, В. П. Челяпов. Рязань: Гос. ист. музей: Науч.-производ. центр по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской обл. С. 70–80.

Шишлина Н. И., 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н. э.). М. 400 с. (Тр. ГИМ; вып. 165.)

Сведения об авторе

Мельник Валерий Иосифович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия;
e-mail: melvaler@yandex.ru

https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-426-5.251-267

МЕТАЛЛЫ И СПЛАВЫ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА ОТ СРЕДНЕЙ К ПОЗДНЕЙ БРОНЗЕ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ[1]

Е. И. Гак, В. Ю. Луньков

Резюме. Статья посвящена систематизации и оценке инструментальных определений химического состава артефактов конца средней – начала поздней бронзы юга Восточной Европы. Для формирования корректной статистической выборки предприняты процедуры, связанные с критикой источников. Сравнительный анализ проводится по функциональным, культурным и территориальным группам инвентаря. Целесообразность исследования обеспечивается массовостью данных (495 анализов, 250 памятников), а также наличием горизонтальных и вертикальных связей между объектами источниковой базы в рамках периодизации, которая охватывает четыре этапа и полтора десятка культурных образований разного таксономического уровня – от позднекатакомбных до раннесрубных древностей включительно. Хронологический диапазон периода 2300–1700 cal BC. В результате прослежены тенденции использования металлов и сплавов на протяжении всего периода. Установлено, что относительно чистая медь использовалась территориально и хронологически неравномерно. Низколегированные мышьяковые бронзы тотально сохраняют значение основного рабочего материала. Олово распространяется вначале медленно и точечно, затем его поток резко возрастает. Волнообразной выглядит динамика сурьмяного декоративного литья. Серебро становится редким металлом и к концу периода выходит из обращения, оставаясь компонентом ювелирных сплавов.

Ключевые слова: эпоха бронзы, юг Восточной Европы, культура, состав металла, медь, мышьяк, олово, сурьма, орудия, украшения.

События и процессы, начавшиеся на юге Восточной Европы в поздний период среднего бронзового века (СБВ), к началу позднего бронзового века (ПБВ) кардинально изменили культурную ситуацию и повлекли существенные сдвиги в различных сферах материального производства (*Борисов, Мимоход*, 2017; *Мимоход*, 2018; *Мимоход и др*., 2022). Переориентация связей сказалась и на металлообработке, продукцию которой Е. Н. Черных охарактеризовал как имеющую «отчетливо выраженные признаки трансформации стандартов ЦМП[2]» (*Черных*, 2013. С. 390). Эта продукция, дошедшая до нас главным образом в качестве погребального инвентаря, рассматривалась в рамках различных археологических классификаций и структур (*Черных*, 1976; *Черных, Кузьминых*, 1989; *Кузьмина*, 1992, 1995, 2000; *Литвиненко*, 2006; *Ткачев*, 2007; *Гак, Мимоход*, 2007; *Припадчев*, 2013; *Мимоход*, 2013; *Бочкарев*, 2017; и др.). Конкретно по периоду, который вынесен в заглавие статьи, недавно проведен сравнительно-типологический анализ металлокомплексов на уровнях «территория – хронология – культура» (*Гак*, 2022).

Не менее важными в свете упомянутых исторических пертурбаций являются вопросы распространения и использования производственных материалов, особенно учитывая опосредованное поступление сырьевых ресурсов к большинству местных производителей. Сведения и размышления о циркулировавших тогда в степи/лесостепи металлах и сплавах в научной литературе носят отрывочный, избирательный характер (*Агапов, Кузьминых*, 1994; *Дегтярева*, 1999, 2010; *Мимоход*, 2016; *Peterson et al.*, 2016), и не всегда им, к сожалению, предпослана критика источников (*Дегтярева, Кузьминых*, 2022). Для формирования объективной целостной картины пространственно-географических и культурно-хронологических взаимосвязей, обуславливавших преемственность и новации в металлообработке, нами были предприняты сбор,

[1] Работа выполнена в рамках гранта РНФ № 1918-00406.

[2] Циркумпонтийская металлургическая провинция.

пополнение и систематизация инструментальных определений химического состава артефактов конца СБВ – начала ПБВ с их последующей оценкой по функциональным, культурным и территориальным группам инвентаря. Возможность проведения сравнительного химико-аналитического исследования в настоящий момент обеспечивается двумя фундаментальными факторами:

1) массовостью артефактов, для которых имеются инструментальные определения элементного состава. Такие определения выполнялись в разное время разными лабораториями с применением различных методик: эмиссионно-спектрального анализа (ИА АН СССР), оптико-эмиссионного анализа (ЛО ИА АН СССР и его преемник ИИМК РАН), рентгенофлуоресцентного анализа (ИА РАН, МГУ, ГИМ), электронно-зондового микроанализа (Оксфордский университет, Англия), атомно-эмиссионной спектрометрии (ИНХ СО РАН). Большая часть определений опубликована, остальные хранятся в базах данных лабораторий и были нам доступны[3].

В зарубежной литературе периодически высказываются сомнения в корректности комплексного использования так называемых «современных» данных, под которыми подразумеваются результаты рентгеновской спектроскопии, с «устаревшими», полученными на дуговом оптико-эмиссионном оборудовании. Особо педалируется, что первые являются высокоточными, проверяемыми и стандартизированными, тогда как вторые – неполными и однократными. Полезность «устаревших» данных признается только для широких обобщений и формирования гипотез (*Pollard et al*., 2007. P. 47–48, 64, 66; *Peterson et al*., 2016. P. 295). В нашей выборке дублированные анализы на разных приборах с разными принципами действия показывают высокий уровень совместимости результатов по относительно чистым металлам и легирующим компонентам сплавов, в том числе такому спорному, как мышьяк. Из 32 повторно исследованных предметов 25 имеют совпадения концентраций мышьяка до 1%, 5 – в пределах 1–2%, 2 – более 2%. Особенно показательны результаты анализов металла Потаповского могильника, проведенных сначала на эмиссионном спектрометре, а спустя четверть века – на микрозондовом анализаторе (*Агапов, Кузьминых*, 1994; *Peterson et al*., 2016), когда у всех 22 предметов в спектрах обнаруживается тождественность компонентов, а разброс значений составляет, за редким исключением, меньше одной целой процента. Следовательно, для решения поставленных задач можно оперировать, по сути, всем аналитическим банком лишь с оговорками, касающимися отдельных элементов и их значений (в частности, о взаимодополняемости спектра при непротиворечивости результатов дублирующих анализов). Таким образом, нивелируются погрешности и специфика работы разного оборудования, а также «информационный шум» второстепенных элементов, мешающий оценке существенных особенностей материала;

2) наличием горизонтальных и вертикальных связей между объектами источниковой базы в рамках периодизации соответствующих памятников, синхронность или последовательность которых установлены по комплексу взаимообусловленных признаков на основе сравнительно недавних разработок (*Ткачев*, 2007; *Литвиненко*, 2009; *Мимоход*, 2013; *Лопатин*, 2014; *Купцова*, 2016; и др.). Для оценки механизмов появления, распространения и исчезновения тех или иных металлов и сплавов в конце СБВ – начале ПБВ на рассматриваемой территории в целом и в отдельных ее частях привлекаются данные более широкого хронологического диапазона – от позднейших катакомбных до раннесрубных памятников включительно (рис. 1). Всего рассматриваемый период охватывает четыре этапа и полтора десятка культурных образований разного таксономического уровня. В системе калиброванных радиоуглеродных дат его рамки 2300–1700 cal BC (табл. 1).

Проведению сравнительного химико-аналитического исследования предшествовали процедуры, связанные с критикой источников для формирования корректной статистической выборки. Критический анализ был направлен на археологические и аналитические показатели.

Археологические показатели служили критериями для отбора памятников с металлическим инвентарем, имеющим определения химического состава. Отбор проводился на основе контекстуального анализа. Большинство памятников, вошедших в базу данных, – это курганные погребения, обладающие минимум двумя культурно-хронологическими признаками для отнесения к той или иной группе и этапу в рамках принятой периодизации. Кроме закрытых комплексов, в базу данных включены несколько грунтовых погребений и поселений, атрибуция которых несомненна.

[3] Выражаем признательность всем коллегам, содействовавшим сбору материалов, выполнявшим анализы и предоставившим их результаты.

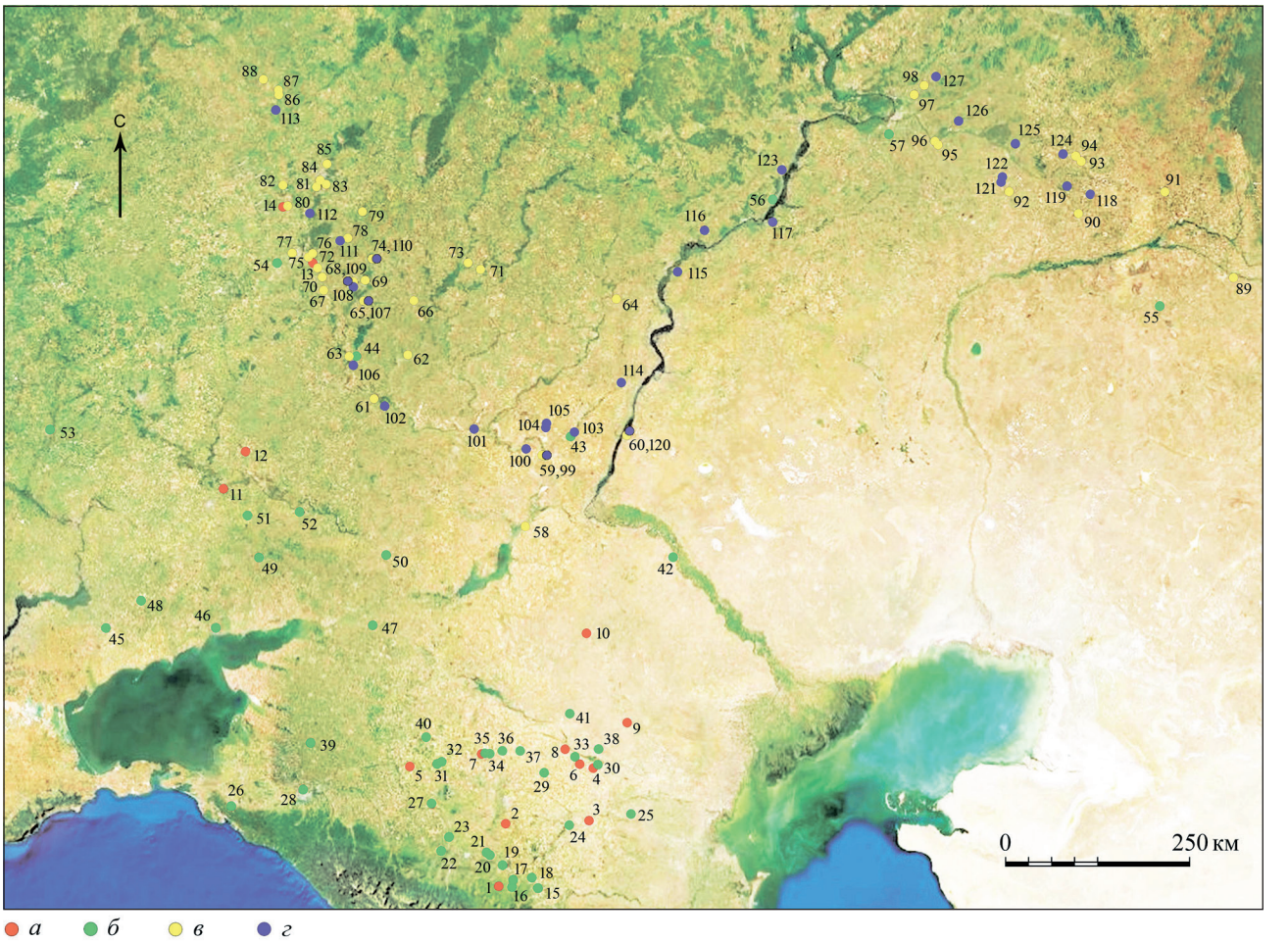


Рис. 1. Локализация аналитических данных по хронологическим группам:
а – поздний этап СБВ; б – финал СБВ; в – рубеж СБВ-ПБВ; г – ранний этап ПБВ

1 – Ессентуки 4; *2* – Веселая Роща II, III; *3* – Кабакинский 2; *4* – ВМПБ 67; *5* – Успенский I; *6* – Чограй VIII; *7* – Золотаревка 5; *8* – Дамба-Калаус 2; *9* – Цаган-Усн VIII; *10* – Ергенинский; *11* – Николаевка; *12* – Новоникольское; *13, 75* – Усманский к-н; *14* – Ксизово 1 пос., Ксизово 19; *15* – Комсомолец 1 (Марфа); *16* – Вонючка 1; *17* – Иноземцево 1; *18* – Георгиевский 3; *19* – Ульяновский 1; *20* – Николаевский 3; *21* – Кунаковский 2; *22* – Калиновский; *23* – Невинномысск; *24* – Буйвола; *25* – Зимняя Ставка 1; *26* – Садовый; *27* – Сенгилеевский 1; *28* – Динская-29; *29* – Шарахалсун 3; *30* – ВМЛБ II; *31* – Птичье 3; *32* – Ильинский 1; *33* – Островной 3; *34* – Вавилон 2; *35* – Золотаревка 1, 3, 6; *36* – Ипатово 3; *37* – Айгурский 2; *38* – Манджикины 1; *39* – Батуринская I; *40* – Красногвардейский; *41* – Лола I; *42* – Кривая Лука II; *43* – Писаревка II; *44* – Павловск II; *45* – Новофилипповка; *46* – Водяное; *47* – Четыре Брата; *48* – Пологи; *49* – Шахтерск; *50* – Ясиновский III; *51* – Возрождение 2; *52* – Александровск; *53* – Заплавка I; *54* – Хохольский к-н; *55* – Тамар-Уткуль VII; *56* – Алексеевский III; *57* – Пещера Братьев Греве; 58 – Первомайский XII; *59, 99* – Красная Дубрава к-н; *60, 120* – Верхний Балыклей; *61* – Высокая Гора; *62* – Подгорное; *63* – Павловский; *64* – Карамыш; *65, 107* – Шкарин; *66* – Елка 1; *67* – Рождественно; *68, 109* – Левобер. Березовка; *69* – Ст. Тойда; *70* – Кондрашкинский к-н; *71* – Губари; *72* – Сады; *73* – Власовский I; *74, 110* – Большие Ясырки; *76* – Новая Усмань; *77* – Подклетное; *78* – Плясоватские первый и второй к-ны; *79* – Большая Плавица; *80* – Введенки; *81* – Липецкий второй к-н (Ленино); *82* – Никольский; *83* – Сокольское пос.; *84* – Телецентр пос.; *85* – Филатовский; *86* – Устье-5 пос.; *87* – Колесовка 1 пос.; *88* – Мельгуново 3 пос.; *89* – Беляевка I; *90* – Герасимовка II; *91* – Гора Березовая; *92* – Кубанка пос.; *93* – Красиково I; *94* – Малоюлдашево I; *95* – Человечья голова; *96* – Утевка VI; *97* – Грачевка II; *98* – Потаповка; *100* – Перекопка III, V; *101* – Усть-Хоперская; *102* – Дубрава II; *103* – Мал. Воробцовка; *104* – Шляховский I, IV; *105* – Красные Липки; *106* – Павловский плодос/з, Павловск-2; *108* – Чесменка 3; *111* – Верхнехавский; *112* – Курино 4 пос.; *113* – Красное 1А пос.; *114* – Барановка I; *115* – Каменка; *116* – Покровск; *117* – Медянниковский; *118* – Натальино II; *119* – Боголюбовский; *121* – Скворцовский; *122* – Лабазовский; *123* – Благодатное; *124* – Нижнебахтиярово I; *125* – Твердилово I; *126* – Спиридоновка II; *127* – Нижняя Орлянка

Таблица 1. Культурно-географические блоки синхронизации аналитических данных. Сокращения: ДВАК – доно-волжская абашевская культура, ППТ – памятники покровского типа, ПВЛТ – памятники вольско-лбищенского типа, САП – памятники круга Синташта–Абашево–Потаповка

Хронология		Культурно-географические соответствия			
Этап	cal BC	Днепр – Дон	Предкавказье	Дон – Волга	Волга – Урал
Поздний этап СБВ	~ 2300 – 2200	Позднекатакомбные			–
Финал СБВ	~ 2200 – 2000	Бабино воронежская	Лола	Бабино, Лола	ПВЛТ
Рубеж СБВ-ПБВ	~ 2000 – 1800	–	–	ДВАК, ППТ ранние	ППТ ранние, САП
Ранний этап ПБВ	~ 1800 – 1700	срубная ранняя, ППТ поздние	–	срубная ранняя, ППТ поздние	срубная ранняя, ППТ поздние

Для распределения объектов исследования по условным химико-металлургическим группам выработаны критерии оценки аналитических данных и формализованы подходы к их интерпретации. Порогом при идентификации сплава считалась величина лигатуры в 1%, как это принято в металловедческих и геохимических исследованиях (*Смирягин*, 1956; *Шоу*, 1969). Для мышьяка по ряду причин сделано исключение – 0,1%. После термической обработки, тем более многократной, концентрация этого элемента в исходном сплаве может сократиться до уровня примеси. Тогда повторные анализы устойчиво показывают вариации мышьяка от рубежа сотых и десятых долей до целых процентов. В противном случае он или отсутствует в спектре, или его содержание ничтожно мало. Кроме нашей выборки, такую зависимость демонстрирует, в частности, мышьяк синташтинской серии Южного Урала (*Дегтярева*, 2009. С. 35). Колебания значений мышьяка на разных участках и в толще предмета, иногда очень резкие (*Черных, Луньков*, 2009), связаны с неравномерностью распределения этого элемента или окислами, способными его в себе концентрировать.

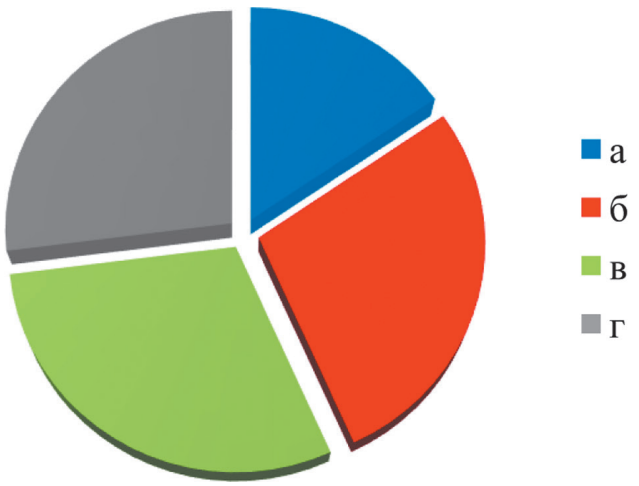


Рис. 2. Соотношение хронологических групп в аналитической базе данных: а – поздний этап СБВ; б – финал СБВ; в – рубеж СБВ-ПБВ; г – ранний этап ПБВ

Всего в нашем информационном банке 495 анализов металла артефактов из 250 памятников (рис. 2). Относительно общего количества источников конца СБВ – начала ПБВ с учетом их неравномерного пространственного и хронологического распределения эта выборка вполне репрезентативна. Некоторые культурные и функциональные группы малочисленны по объективным причинам, связанным с редкостью находок как таковых. Особенности химического состава металла различных групп памятников, категорий инвентаря и конкретных изделий оговариваются по ходу обсуждения.

Поздний этап СБВ. В базу данных отобраны 77 определений, которые сделаны по металлу памятников заключительной стадии катакомбной общности СБВ, непосредственно предшествовавшей ее распаду. Семь определений дублированы и имеют взаимодополняющие спектры. В культурно-географическом плане памятники разделяются на две группы: донецко-среднедонскую, которая ассоциируется со среднедонской культурой правобережья Дона и бассейна Северского Донца (12 ан.); предкавказско-доно-волжскую, которая объединяет восточноманычскую культуру и синкретичную суворовско-манычско-батуринскую группу, локализуемые в Предкавказье и на прилегающем юге Доно-Волжского междуречья (58 ан.).

Выделение позднейшего пласта катакомбных памятников из числа курганных погребений осуще-

ствлялось по рандомному сочетанию двух и более признаков, ставших характерными на следующих этапах СБВ – ПБВ: подбойная конструкция могилы; сильная скорченность, адоративная позиция рук у погребенного; налепные рассеченные и фигурные валики у сосудов; треугольно-ромбовидные клинки, продолжающаяся на черенке нервюра, приостренный рельефный насад у ножей; удлиненные пропорции, близкие костромскому типу, и секировидное лезвие у тесел; овальная в плане форма, приостренные или желобчатые окончания у серег и височных колец; бородавчатые и рожковые выступы у пронизей и бус. В выборку также вошел металл двух гомогенных памятников – бескурганного могильника Ксизово-19 и поселения Ксизово-1 на Верхнем Дону. Погребение в могильнике Ксизово-19 датирует подбойная конструкция и раструбошейный сосуд с ребром, появляющимся на местной керамике ближе к концу СБВ. Развалы аналогичных сосудов вместе с другой, уже, по сути, пережиточной катакомбной керамикой, встречены в перекрытом пачкой природных отложений слое поселения Ксизово-1, возраст которого верифицирован серией радиоуглеродных AMS-дат (*Гак и др*., 2017; *Ивашов, Гак*, 2019).

Проанализированные предметы относятся к 12 категориям, по которым они распределены неравномерно: орудия – 58, декоративные изделия – 10, крепежи – 1, отходы производства – 1. Также неравномерно распределяются эти категории по культурно-географическим группам. В частности, в донецко-среднедонской серии анализов тотально отсутствуют тесла, долота, крюки, только в одном экземпляре представлено стержневидное изделие.

В категории орудий преобладают ножи двух- и трехчастной конструкции с треугольно-ромбовидным клинком (рис. 3: *1–9, 11*). У трехчастных орудий перехват удлиненный (длина больше ширины), стороны параллельны или сужаются к клинку. На ряде ножей имеется нервюра, в нескольких случаях заходящая на черенок. Уникальным является асимметричный однолезвийный скальпель с петлевидным завершением длинной рукояти (рис. 3: *23*). Стержни четырехгранные, в основном обоюдоострые, равномерного сечения или с упором – так называемые шилья (рис. 3: *10, 12, 13*). Функциональным своеобразием отличаются микрозубильце (рис. 3: *22*) и изогнутое скорняжное шильце (рис. 3: *32*). Долота и крюки однотипно втульчатые (рис. 3: *15, 20, 21*). Тесла (рис. 3: *14, 19*) по морфолого-параметрическим показателям соответствуют кнышевскому и костромскому типам (*Братченко, Санжаров*, 2001; *Гак*, 2004). Изделия декоративной функции ограничиваются височными кольцами и серьгами, преимущественно проволочными, овальной формы с разным оформлением концов, и пронизью спирально-ленточного типа (рис. 3: *16–18, 24, 25, 31*). Крепежи и отходы производства представлены соответственно скобой и выплеском.

По химическому составу выделенные культурно-географические группы имеют заметные различия (рис. 4). В донецко-среднедонской серии анализов медь без легирующих компонентов и примесей зафиксирована лишь однажды, в остальных случаях – это бинарные мышьяковые бронзы (11 ан.). Содержание мышьяка достигает 2,9%, составляя в среднем 1,3%, что сближает медь и низколегированные сплавы.

В предкавказско-доно-волжской серии также превалируют медно-мышьяковые сплавы (40 ан.), а «чистая» медь не зафиксирована вовсе. Максимальный мышьяк в них достигает 8%, средний показатель – 2,6%. Немалая доля в аналитической выборке принадлежит медным сплавам с лигатурой цинка (до 16%), почти всегда сопровождающейся мышьяком. Это так называемые ранние латуни, которые выявлены только в могильнике Ергенинский вместе с бинарными мышьяковыми бронзами обычного состава. В этом же могильнике идентифицированы три серебряных височных кольца с добавкой меди (до 10%) и золота (до 3%). Гораздо более загрязненным является серебро овальной серьги из могильника Ессентукский-4. Содержание приплава меди в нем 48,8%, олова 1,1%. Примечательно само наличие олова, так как оно впервые встречено в составе катакомбного металла и вообще металла памятников СБВ к северу от предгорий Кавказа.

Финал СБВ. Учтены 102 определения, полученные по металлическим находкам более широкого, чем на предшествующем этапе, культурно-географического разброса. В Днепро-Волжском междуречье памятники с проанализированным металлом относятся к посткатакомбным культурам круга Бабино и воронежской культуре (Хохольский курган), в Предкавказье – к посткатакомбным культурам круга Лола, в Волго-Уралье – к памятникам типа Вольск-Лбище. Два предмета имеют по два анализа, спектры которых совпадают с расхождением значений до четырех десятых долей процента.

Идентификация памятников финала СБВ опиралась в основном на разработки И. Б. Васильева (2003), Р. А. Литвиненко (2009), Р. А. Мимохода (2013). Предметы аналитической выборки неравномерно, но пропорционально встречаемости распределены по категориям (всего 23) и культурно-гео-

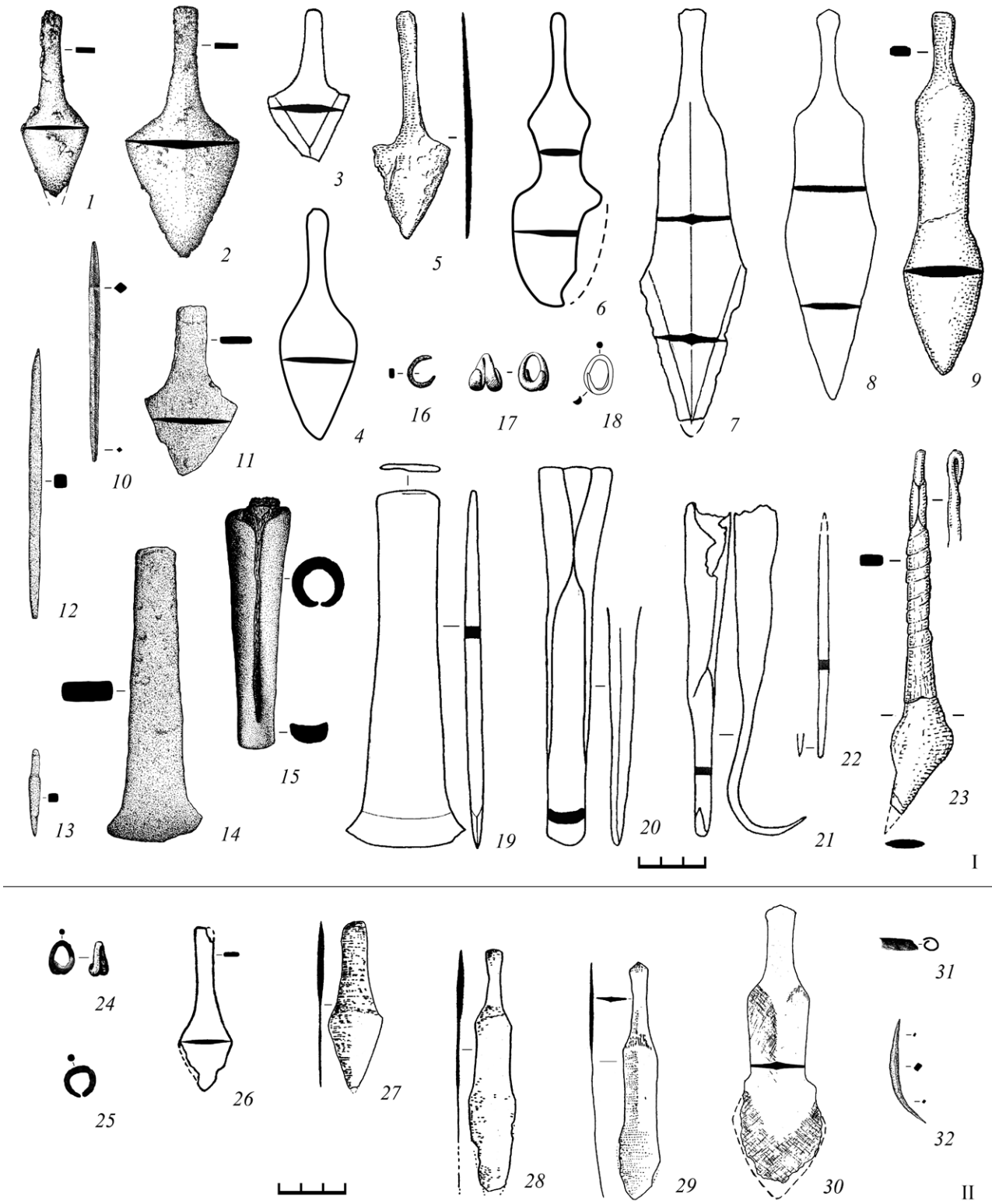


Рис. 3. Металлические изделия заключительного этапа катакомбной общности СБВ – объекты аналитических исследований: *1* – Успенский I 1/3; *2* – Успенский I 1/5; *3* – Веселая Роща III 26/10; *4* – Веселая Роща III 26/16; *5, 6* – Веселая Роща II 2/4; *7, 18–21* – Ергенинский 5/8; *8* – Ергенинский 5/4; *9, 23* – Цаган-Усн VIII 1/3; *10* – Дамба-Калаус 2 1/2; *11–15* – Кабакинский 2 4/2; *16* – Ессентукский 4 1/14; *17* – Чограй VIII 12/6; *18* – Ергенинский 5/8; *22* – Ергенинский 6/2; *24–26* – Николаевка 11/7; *27* – Новоникольское 1/2; *28* – Новоникольское 1/3; *29* – Новоникольское 1/10; *30* – Усманский к-н, п. 5; *31* – Ксизово-19 п. 53; *32* – Ксизово-1, поселение. **I** – предкавказско-доно-волжская группа памятников, **II** – донецко-среднедонская группа памятников

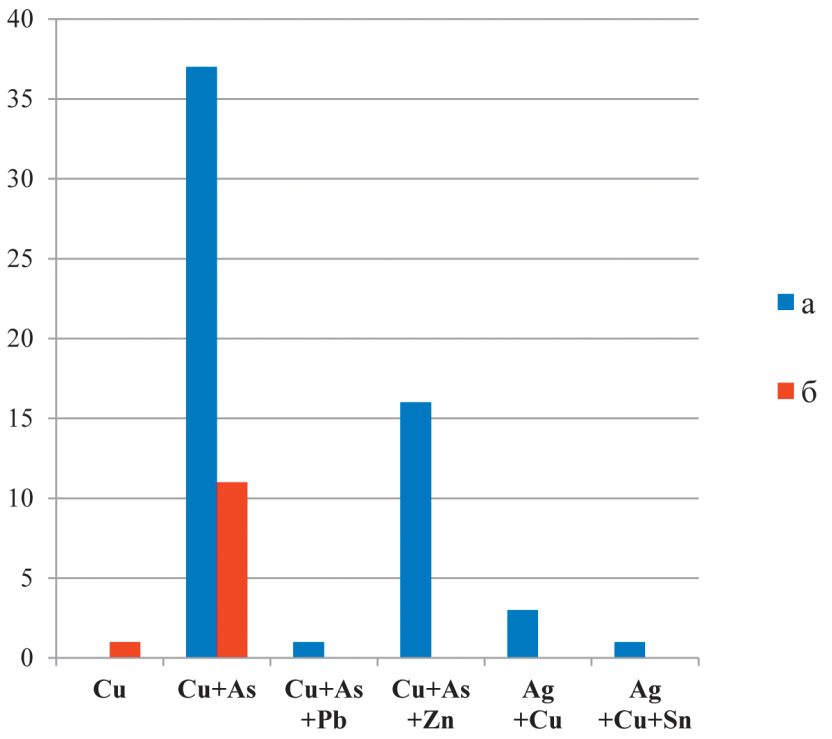


Рис. 4. Металлы и сплавы заключительного этапа катакомбной общности:
а – позднекатакомбные культуры Предкавказья; б – среднедонская катакомбная культура

графическим группам (всего 5). Состав металла определен у 31 орудия, 63 декоративных изделий, 5 крепежей, 1 слитка. Самая многочисленная серия – лолинская (59 ан.). Серии других культурно-географических групп гораздо менее представительны: вольско-лбищенская – 18 ан., воронежская и бабинская днепро-донская – по 11 ан., бабинская волго-донская – 3 ан.

В морфологическом плане локальные выборки характеризуются выраженным своеобразием. Особенностью днепро-волжской группы является сочетание украшений европейского стиля (гривны, браслеты, очковидные подвески) с формами изделий, имеющих широкий круг аналогий в Восточной Европе и на Кавказе (рис. 5: *4, 6, 7, 14–20*). К редким находкам этого времени относятся браслеты (рис. 5: *11–13*). Уникальны обкладки деревянного посоха и крепившие их гвоздики (рис. 5: *8, 9*). В выборку попали также немногочисленные клинковые орудия двухчастной конструкции, в том числе с ромбовидным насадом, шило (рис. 5: *1–3, 16*). В лолинской группе представлены в основном массовые категории находок – двулезвийные ножи, стержни-шилья, бусы, пронизи, подвески как широко распространенных, так и характерных только для кавказско-предкавказской зоны форм (рис. 5: *21–61*). Волго-уральская (вольско-лбищенская) группа включает украшения с влиянием шнуровых культур (очковидные подвески, браслеты треугольного сечения, крупные бляшки с отверстиями, височные кольца с иволистными и спиральными концами), хронологически индифферентные предметы (шилья) и орудия, морфологически тяготеющие к рубежу СБВ-ПБВ (нож-кинжал, тесло, крючок) (рис. 5: *62–78*).

Состав металла днепро-волжской группы иллюстрирован относительно чистой медью (6 ан.) и сплавами медь – мышьяк, которые с учетом случаев содержания мышьяка на уровне примеси резко преобладают (рис. 6). В свою очередь, число этих случаев превалирует над типичными сплавами, в которых значение мышьяка достигает 4,5%. При среднем его показателе в 1,3% такая диспропорция может быть объяснена регулярным использованием бронз, сходных по своим свойствам с медью. В виде единичных определений в днепро-волжской группе представлены: серебро височного кольца, загрязненное медью более чем на 10% (Хохольский, воронежская культура), и сплав меди с оловом (8,7%) и свинцом (4,1%), из которого сделан гвоздик от посоха (Пологи, днепро-донская бабинская культура).

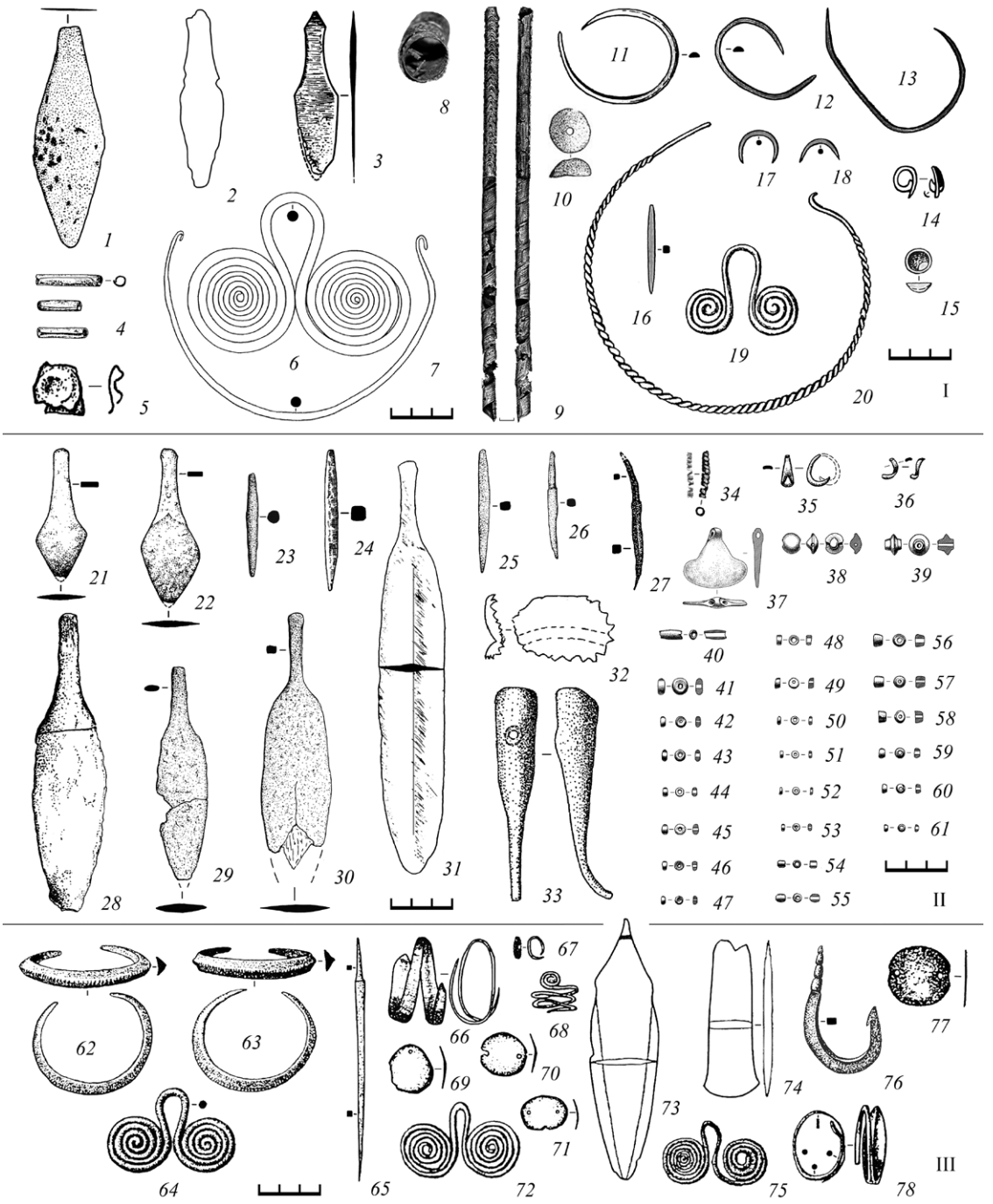


Рис. 5. Металлические изделия финального этапа СБВ – объекты аналитических исследований: *1* – Заплавка I 5/9; *2* – Четыре Брата 2/8; *3* – Александровск 1/4; *4* – Новофилиповка 2/4; *5* – Ясиновский III к-н, п. 19; *6* – Шахтерск 8/2; *7* – Возрождение 2 2/4; *8, 9* – Пологи 1/2; *10* – Писаревка II 10/2; *11–20* – Хохольский к-н, п. 1; *21* – Ильинский I 1/6; *22* – Ипатово-2 2/13; *23, 38* – Кунаковский 2 1/1; *24* – Шарахалсун-3 8/2; *25, 29, 59* – Кунаковский 2 3/3; *26, 30, 34, 46* – Кунаковский 2 2/9; *27* – Манджикины I 10/2; *28* – Кривая Лука II 1/13; *31* – Калиновский 6/4; *32, 33* – Садовый 4/10; *35, 36* – Буйвола 4/10; *37* – Золотаревка-3 9/13; *39* – Ульяновский-1 3/5; *40* – Золотаревка-3 9/13; *41, 48* – Николаевский-3 2/6; *42* – Николаевский-3 1/4; *43* – Николаевский-3 1/3; *44* – Вавилон-2 6/6; *45, 53* – Ульяновский-1 1/7; *47* – Георгиевский-3 1/3; *49* – Золотаревка-1 23/1; *50* – Золотаревка-3 6/3; *51* – Золотаревка-1 26/9; *52* – Иноземцево-1 7/3; *54* – Невинномысский-1 3/2; *55* – Золотаревка-3 9/6; *56* – Невинномысский-1 2/2; *57* – Птичье-3 6/8; *58* – Красногвардейский к-н, п. 7; *60* – Сенгилеевский-1 9/2; *61* – Невинномысский-1 3/5; *62–64* – Тамар-Уткуль VII 4/5; *65* – Тамар-Уткуль VII 4/1; *66–72* – Алексеевский III; *73–78* – Пещера братьев Греве. **I** – днепро-волжская группа памятников, **II** – предкавказская (лолинская) группа памятников, **III** – волго-уральская (вольско-лбищенская) группа памятников

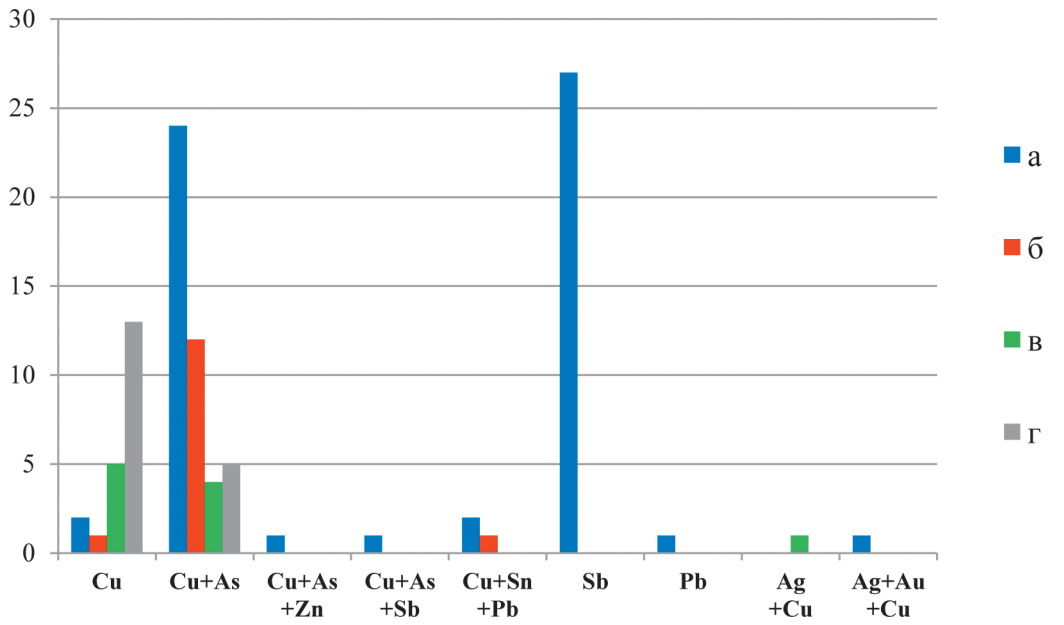


Рис. 6. Металлы и сплавы финала СБВ: а – культурный круг Лола; б – культурный круг Бабино; в – воронежская культура; г – памятники вольско-лбищенского типа

Медно-мышьяковые сплавы Предкавказья выглядят совершенно иначе (рис. 6). Соответствующие им изделия, как и в доно-волжской выборке, получены с применением ковки. Из 24 определений только в четырех случаях значения мышьяка меньше 1%, а у трех предметов они превышены относительно 5-процентного порога низколегированных бронз. Кроме бинарных, зафиксированы также отдельные случаи тройных сплавов медь-сурьма-мышьяк и медь-мышьяк-цинк, лигатуры которых находятся в диапазоне 1,7–5,5%. С их учетом среднее значение мышьякового компонента составляет 2,7%. Все это указывает на систематическое использование в кузнечном производстве сплавов с содержанием мышьяка на уровне, обеспечивавшем близкое к оптимальному сочетание, ковкости, твердости и пластичности (*Равич, Рындина*, 1984).

Другой и, пожалуй, главной особенностью предкавказской группы является массовое присутствие сурьмы. Из нее сделана почти вся литая декоративная пластика культур лолинского круга (рис. 5: *37–61*)[4]. Среди кованых украшений есть примеры мышьяковой и оловянной бронз. Последняя обращает на себя особое внимание как неиспользовавшаяся в степной металлообработке предшествующего времени. Приплав олова выявлен у двух височных колец из одного комплекса (рис. 5: *35, 36*). В одной подвеске значение олова составляет 3,95%, в другой (со следами мышьяка 0,18%) – 5,05%. Сами кольца округлые, изготовлены из уплощенной проволоки с раскованными лопастями и приостренными концами, заходившими друг за друга. Аналогии подвескам находятся в северокавказско-предкавказских памятниках конца СБВ – начала ПБВ (*Гак, Мимоход*, 2007. С. 91; *Мимоход*, 2013) и отсутствуют в памятниках финала эпохи бронзы (*Потапов*, 2010), которые нередко путают из-за обрядового сходства. Единичными образцами в лолинской группе представлены свинец в слитке и электрум в виде спирально-ленточной пронизи. Химический состав у них имеет загрязняющие компоненты. Оба материала для данного периода являются экзотическими.

Волго-уральская выборка, состоящая из определений металла трех памятников, распадается на две количественно неравные группы: медь (13 ан.) и мышьяковая бронза (5 ан.). Из меди изготовлены только украшения, из бронзы – все орудия и бляшка с отверстиями. Содержание мышьяка в бронзе относительно низкое (1,7–2,5%). Оловянных бронз, несмотря на утверждение А. Д. Дегтяревой (*Дегтярева*, 2007. С. 135), и вообще олова в волго-уральском металлокомплексе финала СБВ пока не зафиксировано.

Таким образом, по химическому составу бабинский и воронежский металл существенно

[4] Подробная характеристика находок из сурьмы и оценка ее значения в металлопроизводстве бронзового века даны в коллективной работе с участием одного из авторов статьи (*Гак и др.*, 2012).

не отличается от местного позднекатакомбного и вольско-лбищенского. Металлопроизводство в этих культурах базировалось на меди и близких по свойствам низколегированных мышьяковых бронзах. Более сложную картину демонстрирует лолинская выборка, отражающая, с одной стороны, продолжение традиций манычской катакомбной металлообработки в плане эффективного использования сплавов системы медь-мышьяк, а с другой – появление с разной степенью востребованности новых материалов в ювелирном деле (сурьма, оловянная бронза, электрум).

Рубеж СБВ – ПБВ (по другим оценкам – начало ПБВ) – время распространения на юге Восточной Европы колесничных и близких им культурных образований. Выделение этапа не противоречит обширной историографии, в которой многолетние жаркие дискуссии постепенно приходят к общей синхронизации на рассматриваемой территории таких явлений, как доно-волжское и приуральское Абашево, Синташта, Потаповка и ранний горизонт Покровска при сохранении разницы во взглядах на их культурогенез (*Лопатин*, 2013; *Кузнецов и др*., 2018; *Епимахов*, 2020; *Мимоход и др*., 2022; и др.).

Химико-аналитических определений для этого времени учтено 201. Почти все дубли сделаны по инвентарю Потаповского могильника (об этом см. выше). Кроме курганных комплексов, ввиду бесспорной хронологической позиции привлечен металл грунтового могильника Никольский и нескольких поселений (Устье-5, Колесовка-1, Мельгуново-3, Сокольское, Кубинка, Липецкий телецентр). Объекты анализов локализуются на западе, в междуречье Дона и Волги, где связаны с памятниками доно-волжской абашевской культуры, власовско-филатовского и покровского типов (всего 79), и на востоке, в междуречье Волги и Урала, где связаны с кругом памятников Синташта – Абашево – Потаповка (всего 88). Структура локальных выборок следующая: доно-волжская – 15 категорий инвентаря, в том числе 58 орудий, 16 декоративных изделий, 5 крепежей; волго-уральская – 20 категорий инвентаря, в том числе 64 орудия, 24 декоративных изделия, 6 крепежей, 3 выплеска и обрезок металла (отходы производства).

В обеих выборках присутствуют характерные типы изделий данного этапа. Самая массовая категория – клинковые орудия различных конструктивных групп с преобладанием трехчастной, в которой доминирует кинжальный тип, сочетающий лавролистный клинок, короткий перехват, ромбическую пятку черенка и сплошную продольную нервюру (рис. 7: *6–10, 22, 43, 48, 60, 61*). Из других орудийных категорий представлены серпы и серповидные орудия, плоские топоры-тесла, рыболовные крючки, втульчатые наконечники копий (рис. 7: *16–18, 23, 42, 44, 46, 49, 50, 57, 75*). В гарнитуре украшений – височные кольца в 1,5 оборота, небольшие круглые и овальные, желобчатого сечения (рис. 7: *33, 69, 70*); браслеты толстые прутковые, широкие желобчатые и переменного сечения (рис. 7: *24–28, 36–39, 51, 65*). Индифферентную морфологию имеют стержни-шилья, иглы, скобы, обоймы, обкладки, бисер (рис. 7: *11–15, 19–21, 30, 32, 34, 41, 62, 52–55, 66–68*). К редким находкам среди проанализированных предметов относятся втульчатые крюк и долото, очковидная подвеска, бляшка-полугорошина, происходящие из волго-уральских памятников (рис. 7: *56, 71, 73, 64*).

Химико-аналитические данные отражают сходство и различие металла доно-волжского и волго-уральского регионов (рис. 8). Пропорциональное соотношение наблюдается только по оловянным бронзам, чаще содержащим в обеих выборках и лигатуру мышьяка. Совокупная доля таких сплавов заметно больше в сравнении с предшествующим этапом. В Волго-Уралье почти все оловянные бронзы связаны с украшениями потаповской группы. В доно-волжском междуречье это не только украшения, большей частью происходящие из Подклетненского могильника, но и орудия.

Примечательным выглядит соотношение меди и бинарной мышьяковой бронзы. В доно-волжской серии анализов они имеют паритет, а в волго-уральской первая значительно уступает по количеству второй. Разница будет обратной, если пренебречь наличием мышьяка в виде примеси (50% в доно-волжской, 40% в волго-уральской выборке), и останется такой же, если оценивать в совокупности медь «чистую», медь с примесью и низколегированные бронзы с 1–5% мышьяка (45 и 55% соответственно). Сопоставимы средние значения и в целом низкий уровень содержания мышьяка (1,1 и 1,5%). Все это можно считать объективными показателями предпочтений и/или возможностей металлообработки в доно-волжском и волго-уральском регионах.

Других различий в использовании меди и мышьяковых бронз, в частности, по функциональному принципу, или особенностей, касающихся какой-либо узкой культурной группы или локации, имеющийся блок определений не показывает. Не проявляют концентрации находки редких металлов и сплавов. Комплексные сплавы с лигатурами свинца, цинка и сурьмы разбросаны по всему доно-волжскому междуречью. Медные сплавы с экстремально

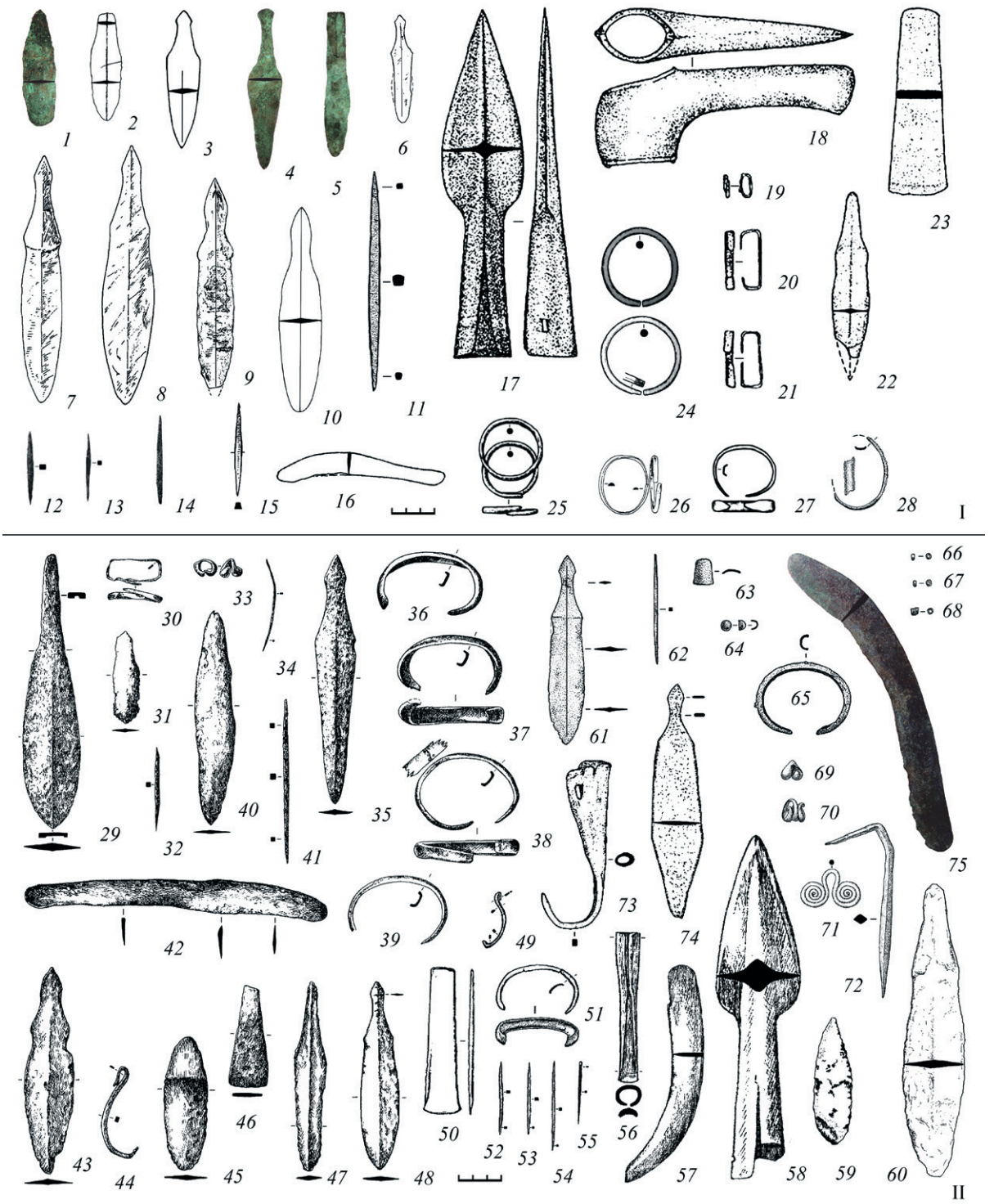


Рис. 7. Металлические изделия рубежа СБВ-ПБВ – объекты аналитических исследований: *1, 12, 14* – Липецкий (Ленино) 2/1; *2* – Елка-1 2/1; *3* – Подклетное 32/1; *4* – Липецкий (Ленино) 2/2; *5* – Никольский, п. 5; *6* – Филатовский к-н, п. 1; *7* – Власовка I 16/4; *8, 15* – Павловск 57/2; *9* – Первый Плясоватский к-н; *10* – Рождественно 4/1; *11* – Устье-5, пос.; *16* – Сокольское, пос.; *17–23* – Кондрашкинский к-н, п. 1; *24* – Шкарин 5/2; *25* – Подклетное 17/1; *26* – Филатовский к-н, п. 5; *27* – Подклетное 10/4; *28* – Первомайский XII 3/3; *29, 32* – Потаповский 1/4; *30, 31* – Потаповский 3/4; *33–39* – Потаповский 3/8; *40, 41* – Потаповский 5/8; *42* – Потаповский 5/13; *43–45, 47* – Потаповский 5/14; *46* – Потаповский 5/4; *48–55* – Утевка VI 6/2; *56, 57* – Утевка VI 6/6; *58* – Утевка VI 6/4; *59, 60* – Грачевка II 8/3; *61–68* – Малоюлдашево I пос., п. 1; *69–72* – дюна «Человечья голова»; *73–75* – гора Березовая. **I** – доно-волжская группа памятников, **II** – волго-уральская группа памятников

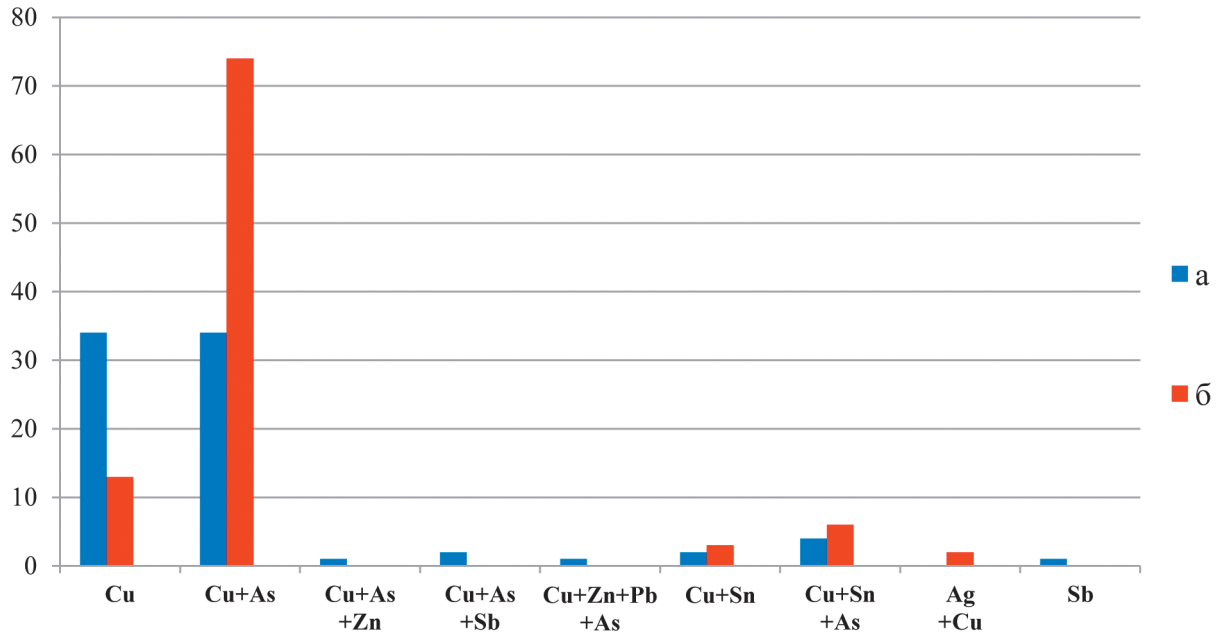


Рис. 8. Металлы и сплавы рубежа СБВ-ПБВ: а – доно-волжские абашевские памятники (ДВАК), памятники типа Власовка-Филатовка и ранние памятники покровского типа (ППТ); б – волго-уральские памятники круга Синташта – Абашево – Потаповка

высокими значениями мышьяка 13,89–18,46% происходят в основном из Волго-Уралья (бисер при обоих костяках синташтинского погребения на поселении Малоюлдашево; нож из погребения 4 кургана 3 Потаповского могильника). Высоколегированная мышьяком бронза (14,7%) выявлена также у браслета из погребения 8 кургана в ур. Красная Дубрава на правобережье Дона. Прочие материалы данного этапа представлены «грязным» серебром височного кольца (добавка меди > 10%), билоновым браслетом (добавка меди 50%) и сурьмяным бисером.

Ранний этап ПБВ соответствует завершающей стадии культурных процессов, приведших в итоге к сложению срубного культурного комплекса. Его маркируют поздняя группа памятников покровского типа и ранняя группа памятников срубной культуры, которые трудно дифференцировать. В целом же от предшествующего и последующего позднепокровско-раннесрубный этап выделяется прежде всего характерной посудой с чертами синкретизма разновременных керамических традиций. Наиболее выразительные и устойчиво повторяющиеся архаические черты – колоколовидность формы, раковинная примесь в глине, обработка поверхности расчесами. При оценке погребений данного этапа обращалось внимание на такие обрядовые признаки, как обширная яма, деревянные конструкции, жертвенник на перекрытии, слабая скорченность, правобочность, северная ориентировка, органическая подстилка, следы огня. В выборке учтены также находки с однослойных раннесрубных поселений Красное-1А и Курино-4.

Всего для раннего этапа ПБВ имеется 115 химико-аналитических определений металла из трех районов – правобережного Подонья (12 ан.), левобережного Подонья (34 ан.), Волго-Уралья (69 ан.). Распределение по инвентарю в локальных группах следующее: донская правобережная – 5 орудий, 7 украшений (всего 4 категории), донская левобережная – 17 орудий, 13 украшений, 3 крепежа, 1 слиток (всего 15 категорий); волго-уральская – 39 орудий, 28 украшений, 2 крепежа (всего 14 категорий).

Морфология проанализированных изделий практически не показывает локальной специфики, а при сравнении с металлокомплексом предшествующего этапа во многом сходна и модернизирована. Самые многочисленные во всех выборках клинковые орудия представлены в основном трехчастными кинжалами двух типов: более раннего, с лавролистным клинком, коротким перехватом и ромбической пяткой черенка (рис. 9: *1, 9, 13, 44*), и его устойчивой модификацией, с треугольно-листовидным клинком, удлиненно-выемчатым перехватом, четко выраженным перекрестием и прямоугольным завершением насада (рис. 9: *2, 10, 14, 33, 46, 47, 49, 50*). Характерными являются копья, тесло, серп, крюк,

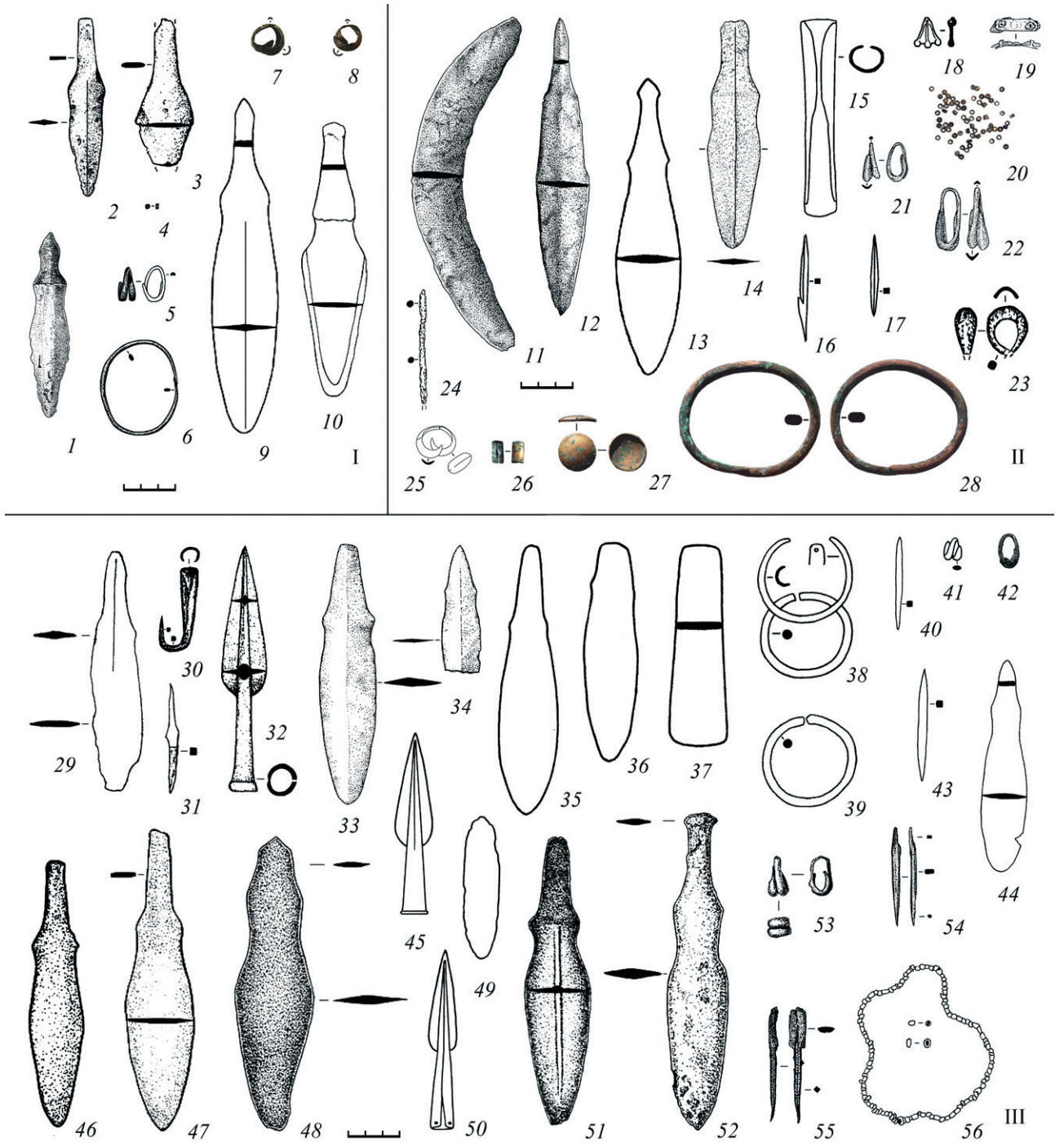


Рис. 9. Металлические изделия раннего этапа ПБВ – объекты аналитических исследований: *1* – Усть-Хоперская 2/6; *2* – Перекопка V п. 3; *3* – Перекопка V п. 4; *4–6* – Перекопка III 2/2; *7, 8* – Красная Дубрава к-н, п. 11; *9* – Дубрава II 1/3; *10* – Дубрава II 4/1; *11, 12* – Красное 1А пос.; *13* – Павловск-2 к-н, п. 1; *14* – Красные Липки 3/1; *15* – Левобережная Березовка 10/1; *16, 17* – Павловский плодосовхоз 1/2; *18* – Шкарин 1/1; *19* – Красные Липки 6/2; *20* – Красные Липки 7/12; *21* – Шляховский IV 1/2; *22* – Шляховский IV 1/6; *23, 24* – Малая Воробцовка 1/2; *25* – Чесменка-3 2/2; *26–28* – Чесменка-3 2/4; *29–32* – Медянниково 2/8; *33, 34* – Покровск 9/1; *35–38* – Покровск 35/2; *39* – Покровск 15/3; *40, 41* – Натальино II 4/8; *42* – Новоорлеанский 3/8; *43, 44* – Натальино II 14/1; *45, 49* – Покровск 8/1; *46* – Лабазы 1/2; *47* – Лабазы 2/2; *48* – Скворцовка 3/3; *50* – Покровск 15/2; *51* – Скворцовка 3/20; *52, 53* – Каменка 2/1; *54* – Твердилово 1/1; *55* – Твердилово 1/5; *56* – Боголюбовка 2/4. **I** – донская правобережная группа памятников, **II** – донская левобережная группа памятников, **III** – волго-уральская группа памятников

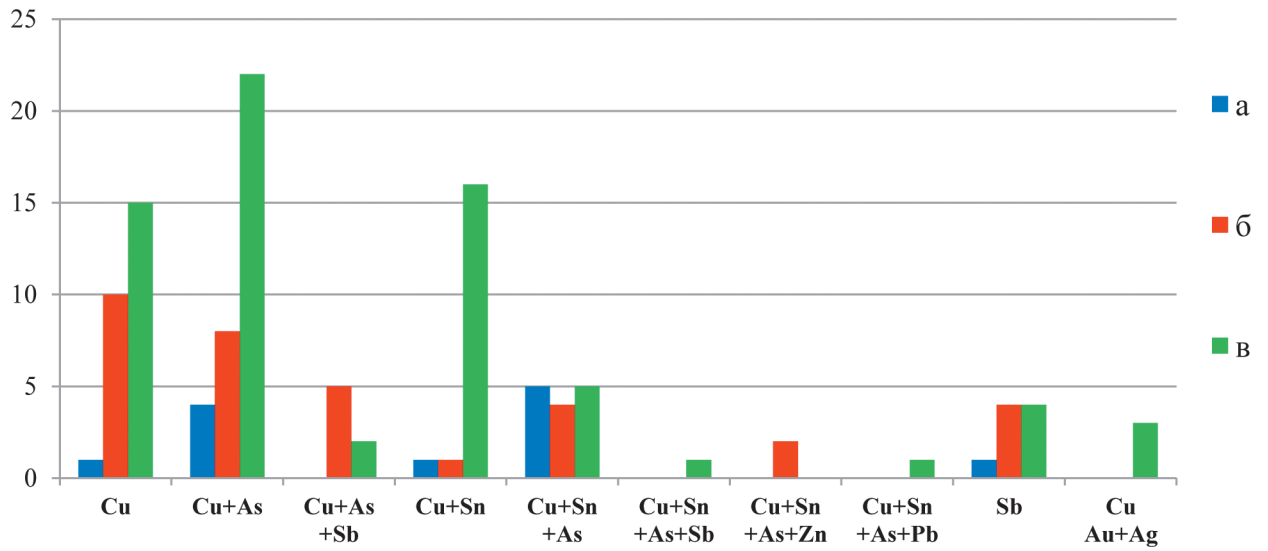


Рис. 10. Металлы и сплавы раннего этапа ПБВ: а – правобережное Подонье; б – левобережное Подонье; в – Волго-Уралье

долото (рис. 9: *15, 30, 32, 45)*. Среди височных колец (круглых и овальных, разного сечения, цельных и плакированных) выделяются крупные желобчатые, удлиненно-трапециевидной формы, которые стали новацией и продолжили бытование в развитой срубной культуре (рис. 9: *5, 7, 8, 21–23, 41, 42, 51*). Браслеты желобчатые и прутковые с тенденцией к утоньшению и уплощению сечений (рис. 9: *6, 28, 38, 39*). Прочие объекты анализов включают стержни-шилья, иглы, бисер, крепежи, элементы наборных украшений, слиток (рис. 9: *4, 16–20, 24, 26, 27, 31, 40, 43, 52–54*).

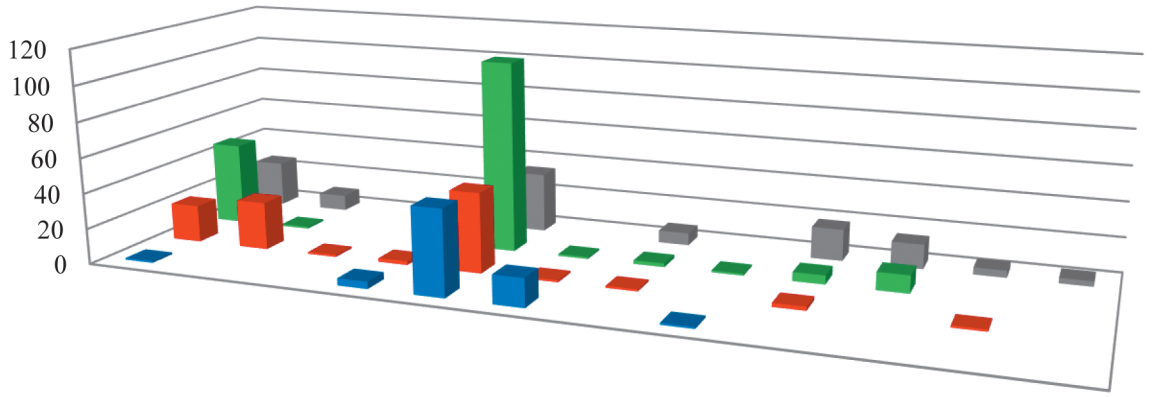
Основные металлы и сплавы мало отличаются от предшествующего этапа, а при внимательном, детальном рассмотрении имеют локальные особенности по частоте встречаемости и связям с функциональными группами инвентаря (рис. 10). На левобережье Дона для орудий и крепежей систематически использовалась медь в относительно чистом ее виде и с незначительной добавкой мышьяка (среднее значение 0,4%); для доработанных ковкой украшений (височных, наборных) – оловянная бронза с неустойчивым количественно ведущим компонентом, обычно содержащая также низкий мышьяк и, реже, цинк; для мелкого литого бисера – сурьма без существенных примесей. Заметную долю в левобережной серии составляют сурьмяно-мышьяковые медные сплавы, применение которых было разнонаправленным (браслеты, долото, лапчатая подвеска, слиток).

Правобережное Подонье, обеспеченное пока небольшим числом анализов, сходно с левобережным по набору материалов и их функциональной ориентированности. Разницу показывают несколько повышенные значения мышьяка (в среднем 3,11%) в бинарных сплавах, существенно меньший уровень их «загрязненности», отсутствие сурьмяных лигатур.

Волго-уральская аналитическая серия ближе к донской левобережной по основным показателям, но не иллюстрирует какой-либо взаимосвязи материалов с категорией предметов. Также обращает на себя внимание заметно бóльшая «чистота» оловянных бронз, даже если в них есть мышьяк (до 1,1%) и свинец (до 1,2%). Остальные примеры своеобразия или пока уникальны, как очень высокое содержание мышьяка (27,66%) у единственной крупной бусины из наборного челюстно-лицевого украшения (Каменка 2/1), или, как плакировка электрумом медных височных колец (Спиридоновка II 2/9, Нижняя Орлянка 3/8), вследствие широкого распространения аналогов имеют перспективу это своеобразие утратить.

В целом между выделенными районами и с предшествующим этапом наблюдаются соответствия по соотношению «чистой» меди и бинарных мышьяковых бронз. В это время снова возрастает количество сурьмы[5], но практически исчезает серебро. Восточнее Дона участились случаи фиксации

[5] Этот вывод основан не столько на результатах анализов, которых пока немного, сколько на эмпирических оценках сурьмы, имеющей характерные внешние признаки, резко отличающие ее, например, от фаянса в низке бус.



	Cu	Sb	Pb	Ag +	Cu+As	Cu+As +Zn	Cu+As +Sb	Cu+As +Pb, +Zn+Pb	Cu+Sn	Cu+Sn +As	Cu+Sn +As+Pb, Sb,Zn	Cu Au+Ag
а	1			4	48	16		1				
б	21	27	1	2	45	1	1		2		1	
в	47	1		2	108	1	2	1	5	10		
г	26	9			34		7		18	14	4	3

Рис. 11. Распределение аналитически выявленных металлов и сплавов по хронологическим группам:
а – поздний этап СБВ; б – финал СБВ; в – рубеж СБВ-ПБВ; г – ранний этап ПБВ

сурьмяной лигатуры вместе с мышьяком. Гораздо более значительным стало распространение оловянных сплавов, которые составляют немногим меньше половины от всех бронз.

Резюмируя использование металлов и сплавов в переходный период от средней к поздней бронзе в культурном пространстве юга Восточной Европы, акцентируем внимание на общих особенностях и тенденциях (рис. 11).

1. «Чистая» медь становится заметной начиная с финала СБВ. В это время ее образцы фиксируются на севере степи и в лесостепи, не демонстрируя однозначной связи с какой-либо культурно-географической группой населения. На следующем этапе медные изделия встречаются максимально широко, но неравномерно, концентрируясь в лесостепной зоне доно-волжского междуречья у носителей колесничных культур, которым, вероятно, были доступны соответствующие источники сырья. В раннесрубном металлопроизводстве медь используется значительно реже и у́же в функциональном плане.

2. Низколегированные мышьяковые бронзы в течение всего периода тотально сохраняют значение «рабочего металла». В Предкавказье и прилегающих районах доно-волжского междуречья применялись сплавы с содержанием мышьяка в среднем выше, чем на севере степи и в лесостепи, где они по составу и свойствам близки меди. Такие различия, по-видимому, тоже связаны с возможностями доступа к ресурсной базе.

3. Высоколегированные мышьяковые бронзы не относятся к числу популярных в это время материалов. Их употребление документировано редкими точечными случаями в колеснично-раннесрубной культурной среде, но не имеет жесткой корреляции с конкретной группой памятников или категорией инвентаря и поэтому не выглядит как ренессанс северокавказских «серых бронз» в ПБВ.

4. Сплавы меди с цинком или сурьмой, обычно в сопровождении мышьяка, характеризуются особыми локально-хронологическими связями. Применение первых резко сокращается вместе с распадом катакомбной общности к концу СБВ, оборот вторых возрастает на раннем этапе ПБВ с появлением носителей покровского культурного типа. Впрочем, эти сплавы никогда не имели здесь широкого массового распространения, так же как мышьяково-свинцовые и комплексные (с тремя и более лигатурами).

5. Оловянные бронзы играли на протяжении рассматриваемого периода в разной степени значимую роль. Продвижение в степь и лесостепь, учитывая морфологию и локализацию их ранних образцов, вначале происходило со стороны Кавказа, затем, по-видимому, диверсифицировалось за счет восточного направления связей. На раннесрубном этапе поток олова явно возрастает, а его

использование ориентировано на декоративную кованую продукцию.

6. Металлическая сурьма пришла на смену высоколегированным мышьяковым бронзам с возобновлением в финале СБВ практики декоративного литья. Востребованность и воспроизводство сурьмяной ювелирной пластики не было статичным. Оно колебалось от многообразия в лолинской культуре Предкавказья до почти полного исчезновения, а затем широкого распространения на качественно новом уровне в начале ПБВ.

7. Серебро как самостоятельный материал использовалось редко, локально и всегда с весомой добавкой меди. К концу периода массовое обращение этого металла фактически прекращается, но он продолжает выступать компонентом ювелирных сплавов.

Литература

Агапов С. А., Кузьминых С. В., 1994. Металл Потаповского могильника в системе Евразийской металлургической провинции // Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Изд-во Самарского ун-та. С. 167–173.

Борисов А. В., Мимоход Р. А., 2017. Аридизация: формы проявления и влияние на население степной зоны в бронзовом веке // РА. № 2. С. 48–60.

Бочкарев В. С., 2017. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // Stratum plus. № 2. С. 159–204.

Братченко С. Н., Санжаров С. М., 2001. Рідкісні бронзові знаряддя з катакомб Сіверськодонеччини та Донщини III тис. до н. э. Луганськ: Видавництво Східноукраїнського національного університету. 108 с.

Васильев И. Б., 2003. Вольск-Лбище – новая культурная группа эпохи средней бронзы в Волго-Уралье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: материалы междунар. науч. конф. Чебоксары: Чувашский гос. ин-т гуманитар. наук. С. 107–115.

Гак Е. И., 2004. К вопросу об эволюции топоров-тесел в металлопроизводстве культур катакомбной общности // Волго-Донские степи в древности и средневековье: тез. докл. конф. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та. С. 75–79.

Гак Е. И., 2022. Преемственность и новации в металлокомплексах конца средней – начала поздней бронзы юга Восточной Европы // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 2. С. 54–81.

Гак Е. И., Ивашов М. В., Кайзер Э., 2017. Поселение катакомбной культуры Ксизово-1 на Верхнем Дону: результаты и перспективы комплексных исследований // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Т. I / Отв. ред.: А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: Алтайский гос. ун-т. С. 226–230.

Гак Е. И., Мимоход Р. А., 2007. Металлокомплекс памятников посткатакомбного горизонта Предкавказья // Археология, этнография и фольклористика Кавказа: материалы науч. конф. Махачкала: Эпоха. С. 89–94.

Гак Е. И., Мимоход Р. А., Калмыков А. А., 2012. Сурьма в бронзовом веке Кавказа и юга Восточной Европы // АВ. Вып. 18. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 174–203.

Дегтярева А. Д., 1999. Металл Кондрашкинского кургана эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2. С. 30–38.

Дегтярева А. Д., 2007. Динамика развития технологий обработки оловянных бронз во II тыс. до н. э. // XVII Уральское археологическое совещание: материалы науч. конф. Екатеринбург; Сургут: Магеллан. С. 134–137.

Дегтярева А. Д., 2009. Химико-металлургические группы металла синташтинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 11. С. 29–41.

Дегтярева А. Д., 2010. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука. 162 с.

Дегтярева А. Д., Кузьминых С. В., 2022. Металл абашевской культуры Среднего Подонья // Археология Евразийских степей. № 2. С. 151–167.

Епимахов А. В., 2020. Радиоуглеродные аргументы абашевского происхождения синташтинских традиций бронзового века // Уральский исторический вестник. № 4 (69). С. 55–64.

Ивашов М. В., Гак Е. И., 2019. Микрорегион катакомбных памятников у с. Ксизово на Верхнем Дону // КСИА. Вып. 256. С. 108–120.

Кузнецов П. Ф., Мочалов О. Д., Хохлов А. А., Энтони Д. У., 2018. Грачевские курганы. Археология, антропология, геномный анализ. Самара: Изд-во Самарского гос. соц.-пед. ун-т. 195 с.

Кузьмина О. В., 1992. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. Самара: Изд-во Самарского гос. пед. ин-та. 128 с.

Кузьмина О. В., 1995. Соотношение абашевской и покровской культур // Конвергенция

и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы: материалы конф. Ч. II. СПб.: ИИМК РАН. С. 27–51.

Кузьмина О. В., 2000. Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб.: Европейский Дом. С. 65–134.

Купцова Л. В., 2016. Срубная культура Оренбургского Предуралья (по материалам погребальных памятников): автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб. 21 с.

Литвиненко Р. О., 2006. Поховання культурного кола Бабине з металевими ножами // Донецький археологічний збірник. Вип. 12. Донецьк: Видавництво Донецького університету. С. 32–61.

Литвиненко Р. О., 2009. Культурне коло Бабино (по матеріалам поховальних пам'яток): Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Київ. 32 с.

Лопатин В. А., 2013. Памятники покровского типа: ключевые вопросы историографии (вторая половина XX – начало XXI вв.) // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3 (41). С. 100–113.

Лопатин В. А., 2014. Начало эпохи поздней бронзы на севере Нижнего Поволжья. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та. 293 с.

Мимоход Р. А., 2013. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М.: ИА РАН. 568 с. (Материалы охранных археологических исследований; т. 16).

Мимоход Р. А., 2016. Культурно-хронологический комментарий к материалам кургана 2 Липецкого могильника // Голотвин А. Н. и др. Липецкий курган – памятник элиты доно-волжской абашевской культуры. Воронеж: Новый взгляд. С. 35–49.

Мимоход Р. А., 2018. Палеоклимат и культурогенез в Восточной Европе в конце III тыс. до н. э. // РА. № 2. С. 33–48.

Мимоход Р. А., Гак Е. И., Хомутова Т. Э., Рябогина Н. Е., Борисов А. В., 2022. Палеоэкология – культурогенез – металлопроизводство: причины и механизмы смены эпох в культурном пространстве юга Восточной Европы на рубеже средней и поздней бронзы // РА. № 1. С. 20–34.

Потапов В. В., 2010. Пластинчатые височные кольца и подвески на Нижнем Дону и в Предкавказье (финальный этап эпохи бронзы) // РА. № 1. С. 155–157.

Припадчев А. А., 2013. Металлические изделия из погребальных памятников переходного абашевско-срубного времени донской лесостепи эпохи бронзы // Берегиня. 777. Сова. № 4 (19). С. 6–13.

Равич И. Г., Рындина Н. В., 1984. Изучение свойств и микроструктуры сплавов медь – мышьяк в связи с их использованием в древности // Художественное наследие. № 9 (39). М.: Всесоюз. НИИ реставрации. С. 114–124.

Смирягин А. П., 1956. Промышленные цветные металлы и сплавы. М.: Металлургиздат. 559 с.

Ткачев В. В., 2007. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актюбинский обл. центр истории, этнографии и археологии. 384 с.

Черных Е. Н., 1976. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука. 302 с.

Черных Е. Н., 2013. Феномен Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. С. 386–400.

Черных Е. Н., Кузьминых С. В., 1989. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука. 320 с.

Черных Е. Н., Луньков В. Ю., 2009. Методика рентгено-флуоресцентного анализа меди и бронз в лаборатории Института археологии // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. I. М.: ИА РАН. С. 78–83.

Шоу Д. М., 1969. Геохимия микроэлементов кристаллических пород. Л.: Недра. 207 с.

Peterson D. L., Northover P., Salter C., Maldonado B., Anthony D. W., 2016. Bronze Age Metallurgy in the Middle Volga // Anthony D. W. et al. A Bronze Age Landscapes in the Russian Steppes: The Samara Valley Project. Los Angeles: Cotsen Institute of Archaeology Press. P. 291–332. (Monumenta Archaeologica).

Pollard M., Batt C., Stearn B., Young S., 2007. Analytical Chemistry in Archaeology. New York: Cambridge University Press. 404 p.

Сведения об авторах

Гак Евгений Игоревич, Государственный исторический музей, Красная пл., 1, Москва, 109012, Россия; Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, ул. Институтская, 2а, Пущино, 142290, Россия; e-mail: e.i.gak@mail.ru

Луньков Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва,117292, Россия; e-mail: vlunkov69@yandex.ru

https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-426-5.268-288

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ, ИЛИ РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ БЛОКА ПОСТКАТАКОМБНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ[1]

Р. А. Мимоход

Резюме. Статья посвящена анализу радиоуглеродной базы данных блока посткатакомбных культурных образований. За последние десять лет она увеличилась больше, чем в два раза, и произошло скачкообразное накопление AMS-дат. Это положительно сказалось на корректировке возраста как отдельных культур, так и блока в целом. В свете новых данных его, как и десять лет назад, следует датировать в рамках 2200–1800 CalBC, однако система аргументации претерпела серьезные изменения в сторону большей убедительности. Также более очевидной стала ситуация с расположением на шкале радиоуглеродной хронологии катакомбных, посткатакомбных и колесничных культур. Первые две общности представляют собой два последовательных этапа бронзового века, которые хронологически стыкуются друг с другом и не имеют отрезков частичной синхронизации. В свою очередь, ^{14}C данные показывают, что посткатакомбный блок сформировался раньше колесничных культур, но его поздние памятники им синхронны. Подтверждают радиоуглеродные даты и трехфазную периодизацию посткатакомбных древностей.

Ключевые слова: блок посткатакомбных культурных образований, радиоуглеродная хронология, LSC-даты, AMS-даты, катакомбные культуры, колесничные культуры.

Десять лет назад были опубликованы обобщающие работы по ^{14}C данным блока посткатакомбных культурных образований (*Мимоход*, 2011; 2013. С. 280–291). С этого времени до сегодняшнего дня процесс накопления радиоуглеродных датировок находился в активной фазе, поэтому необходимо обратиться к этой проблеме в свете новых данных. Блок посткатакомбных культурных образований делится на культурный круг Бабино и культурный круг Лола (рис. 1). Первый из них включает в себя днепро-донскую, волго-донскую и днепро-прутскую бабинские культуры (ДДБК, ВДБК и ДПБК), второй – лолинскую и невинномысскую культуры, а также волго-уральскую культурную группу (ВУКГ) (рис. 2).

За истекшее десятилетие ситуация с ^{14}C данными для посткатакомбных культур претерпела существенные изменения (*Мимоход*, 2022). В первую очередь речь идет о количестве дат. Если на момент выхода монографии по лолинской культуре было известно 52 даты (*Мимоход*, 2013. Прил. 4. Табл. 1–5), то сейчас их число возросло более чем в два раза – 112 (табл. 1–6, рис. 3–6)[2]: лолинская

[1] Работа выполнена в рамках НИОКТР 122011200270-0 «Динамика развития духовной и материальной культуры в энеолите – бронзовом веке (Юго-Восточная Европа, Кавказ, Передний Восток)».

[2] Даты, полученные за последние десять лет, в таблицах выделены красным для культурного круга Лола и зеленым для культурного круга Бабино. Шифры радиоуглеродных лабораторий: **ИГАН** – Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии Института географии РАН (Россия, г. Москва), **GIN/ГИН** – Геологический институт РАН (Россия, г. Москва), **AA** – AMS лаборатория Университета Аризоны (США, г. Финикс), **D–AMS** – Радиоуглеродная лаборатория DirectAMS (США, г. Ботелл), **GrA** – Центр изотопных исследований Гронингенского университета (Нидерланды, г. Гронинген), **MAMS** – Радиоуглеродная лаборатория Курт-Энгельхорн-Центра археометрии, CEZA (Германия, г. Мангейм), **IGAN$_{AMS}$** – Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии Института географии РАН (Россия, Москва), Центр прикладных изотопных исследований Университета Джорджии (США, г. Атенс), **Ki** – Киевская радиоуглеродная лаборатория Государственного научного центра радиохимии и окружающей среды НАНУ (Украина, г. Киев), **KIA** – Лаборатория радиометрического датирования и исследования стабильных изотопов Кильского университета (Германия, г. Киль), **Le** – Лаборатория археологической технологии Института истории материальной культуры РАН (Россия, г. Санкт-Петербург), **OxA** – Оксфордская радиоуглеродная AMS лаборатория археологии и истории искусств (Великобритания, г. Оксфорд), **Poz** – Познаньская радиоуглеродная лаборатория (Польша, г. Познань), **PSUAMS** – Радиоуглеродная лаборатория Лаборатории энергетической и экологической устойчивости университет штата Пенсильвания (США, г. Филадельфия), **Spb** – Лаборатории изотопных исследований Центра коллективного пользования «Геоэкология» Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Россия, г. Санкт-Петербург).

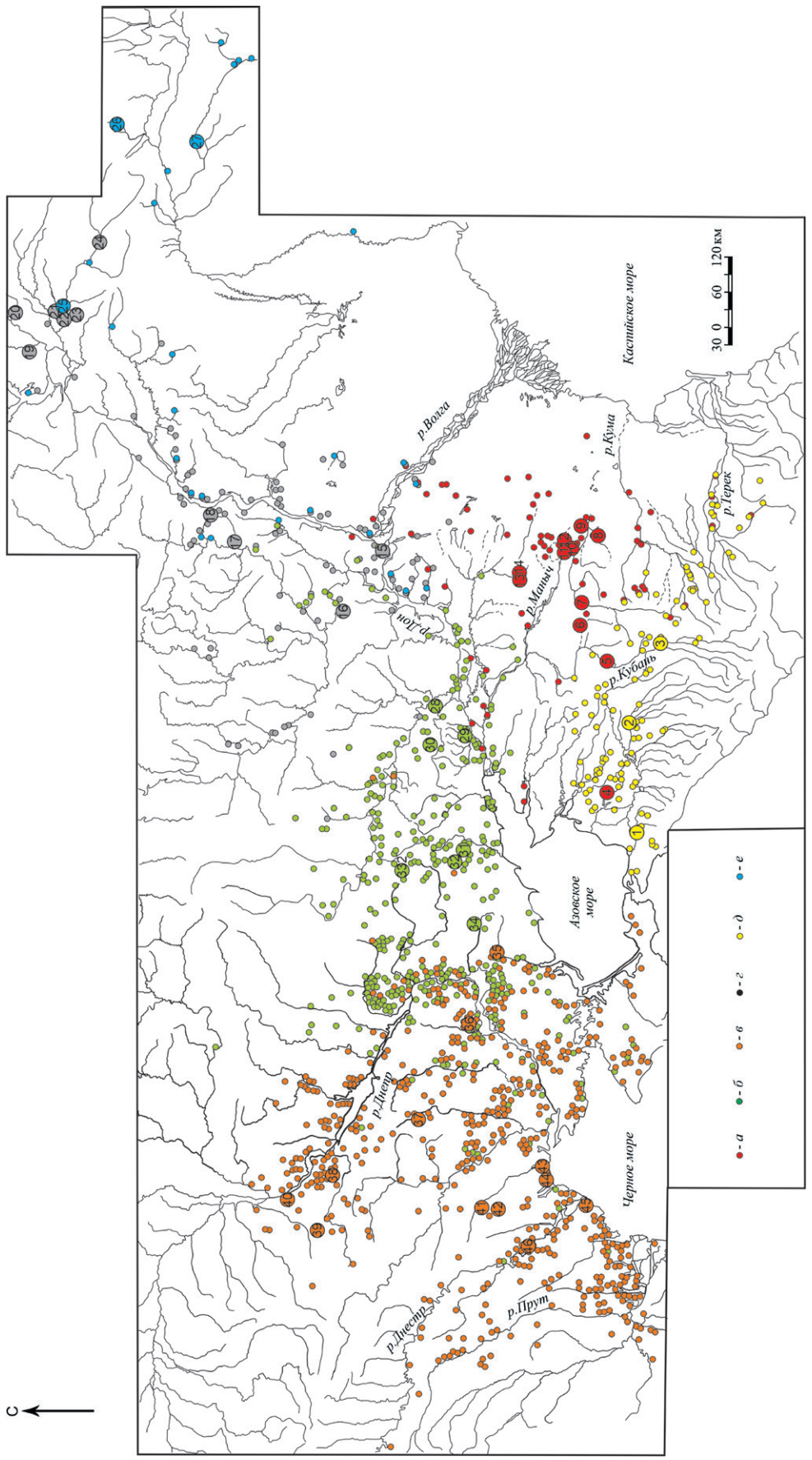


Рис. 1. Территория блока посткатакомбных культурных образований и пункты с ^{14}C данными

а – памятники лолинской культуры; *б* – памятники днепро-донской бабинской культуры (по: *Литвиненко*, 2006); *в* – памятники днепро-прутской бабинской культуры (по: *Литвиненко*, 2009); *г* – памятники волго-донской бабинской культуры; *д* – памятники невинномысской культуры; *е* – памятники волго-уральской культурной группы *1* – Адагум I 7/3; *2* – Садовый 4/10; *3* – Невинномысский 3 6/5; *4* – Малаи I 4/4; *5* – Ильинский 1 1/6; *6* – Золотаревка 1 23/1; *7* – Ипатово 3 2/13; *8* – Чограй VIII 34/1; *9* – Манджикины I 3/4, 4/1, 5/6, 9/1; *10* – Типки 1 2/4; *11* – Островной 6/8,9, 7/7, 3/39; *12* – Кевюды 1 3/5; *13* – Песчаный V 14/3; *14* –Темрта I 2/7; *15* – Ворошиловский участок 1/4; *16* – Евстратовский II 3/2, 4/3; *17* – Линево 6/6, 8/2; *18* – Паницкое 6 4/3; *19* – Николаевка 3 3/4, 5/1; *20* – Калиновский 1/4; *21* – Грачевка I 1/1, II 10/1; *22* – Красносамарский IV 3/10; *23* – Утевка V 4/1; *24* – Скворцовка 5/3; *25* – Грачевка II 5/3; *26* – Имангулово II 5/3; *27* – Тамар-Уткуль VII 4/5; *28* – Ясиновский III од.кург./6, 10, 13, 19, соор.; *29* – Чеботарев III 2/5; *30* – Бургуста 1 к. 5 п. 11; *31* – Хомуш-Оба 2/8; *32* – Викторовка 1/1; *33* – Мариенфельд 2/3; *34* – Пологи 1/2; *35* – Виноградное 3/39; *36* – Черная Могила 3/17; *37* – Суготклейская Могила п. 3, 4, 25; *38* – Мироновка 7/1, 8/5; *39* – Малополовецкое 3 п. 25; *40* – Великая Бугаевка п. 109; *41* – Любаша п. 9; *42* – Ревова 3/14; *43* – Сычавка 1/18, 21; *44* – Вапнярка 4/6; *45* – Аккембетский курган п. 11, 15, 16; *46* – ДОТ 3/8, Сад 1/2, 7, 13, 16, 20, 27, Водовод 2/2, 5, 8, 10, 11, 9/1, 15/1, Клин 1/3,6

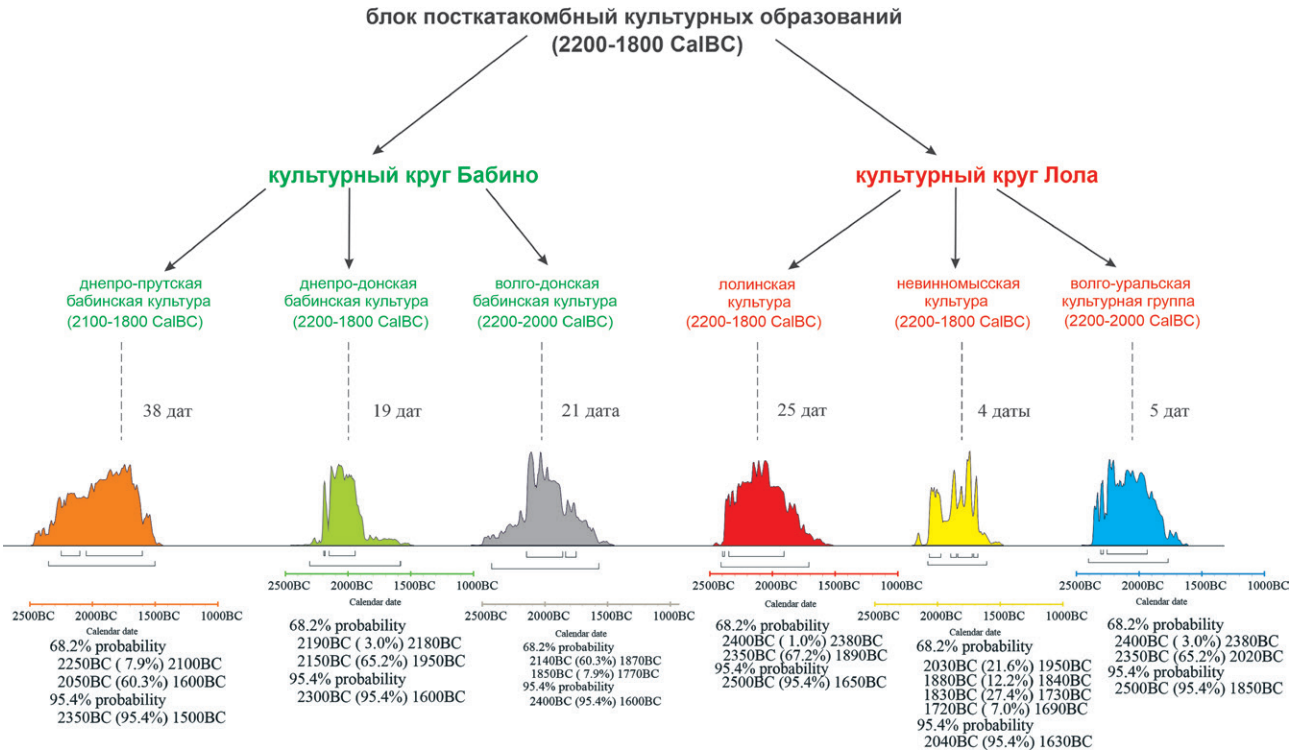


Рис. 2. Структура блока посткатакомбных культурных образований и результаты суммирования ^{14}C данных, его составляющих

культура – 25 (табл. 1, рис. 3, 4: *1–5*), невинномысская – 4 (табл. 2, рис. 4: *6–8*), ВУКГ – 5 (табл. 3, рис. 4: *9–11*), ВДБК – 21 (табл. 4, рис. 5: *1–14*), ДДБК – 19 (табл. 5, рис. 5: *15–25*), ДПБК – 38 (табл. 6, рис. 6). По культурам базы данных пополнялись неравномерно. Первое место занимает ДПБК: + 23 даты, второе – ДДБК: + 13, третье – ВДБК: + 10, четвертое – лолинская культура: + 8, пятое занимает ВУКГ: + 5. Замыкает ряд невинномысская культура: + 2 датировки. Если рассмотреть в процентном соотношении увеличение базы данных за последние десять лет, то получится следующая картина – ВУКГ: + 100%, ДДБК: + 68,4%, ДПБК: + 60,5%, невинномысская: + 50%, ВДБК: + 47,6%, лолинская: + 30,8%. При этом показатели для волго-уральской группы и невинномысской культуры не стоит переоценивать. Для этих культурных образований даты пока единичны. Это объяснимо. Невинномысская культура выделена совсем недавно, а ВУКГ в отношении количества памятников является самым малочисленным посткатакомбным культурным образованием, и в материалах новых раскопок комплексы попадаются крайне редко (табл. 1–6).

Культуры круга Бабино фактически равномерно охвачены датировками (рис. 1). За последние десять лет удалось преодолеть дисбаланс, когда ^{14}C данные ДДБК существенно уступали показателям ВДБК и ДПБК (табл. 4–6). В культурном круге Лола по-прежнему лучше остальных обеспечена радиоуглеродными датами лолинская культура (табл. 1). Невинномысская культура и ВУКГ (табл. 2, 3) больше всего нуждаются в целенаправленном датировании, и эта работа ведется.

Активная фаза датирования составляющих посткатакомбного блока за последнее десятилетие привела не только более чем к двукратному увеличению базы данных, но и к ее качественному переоформлению. Речь идет о скачкообразном увеличении числа AMS-дат. На 2013 г. посткатакомбный блок насчитывал всего две AMS-даты: по одной для лолинской культуры и ВДБК. На сегодняшний день их количество увеличилось в 18 раз и составляет 36 AMS-датировок. Если на 2013 г. даты, полученные на ускорителе, составляли всего 3,8% от общего числа анализов, то сейчас этот показатель в почти в десять раз больше – 32,1%. Лидером по числу AMS-дат является ДДБК – 12 дат, ВДБК – 9, Лола – 8, ДПБК – 3, Невинномысск и ВУКГ – по 2 (табл. 1–6).

Это внесло ожидаемую корректировку в уточнение радиоуглеродного возраста посткатакомбного блока. Существенно увеличились и радиокарбонные базы синхронных культур, в частности

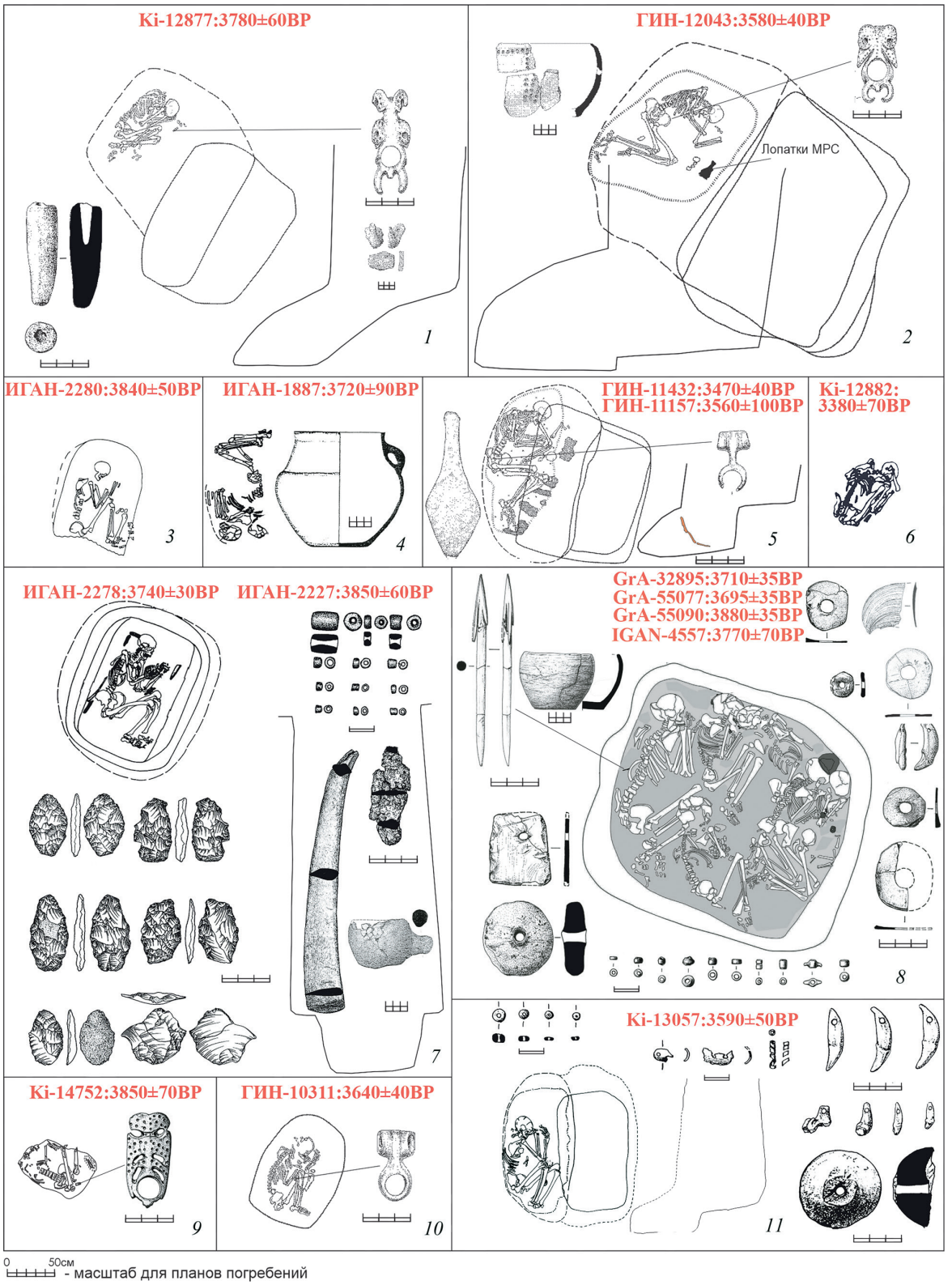


Рис. 3. Культурный круг Лола. Погребения лолинской культуры с ^{14}C данными. *1* – Чограй VIII 34/1 (по: *Андреева*, 1986); *2* – Кевюды 1 3/5 (по: *Калмыков, Матюхин*, 2007); *3* – Манджикины 1 5/6 (по: *Мимоход*, 2013); *4* – Манджикины 1 4/1 (по: *Шишлина и др.*, 1999); *5* – Ипатово 3 2/13 (по: *Калмыков, Мимоход*, 2005); *6* – Островной 6/8 (по: *Шишлина и др.*, 2002); *7* – Манджикины 1 9/1 (по: *Мимоход*, 2013);*8* – Песчаный V 14/3 (по: *Шишлина*, 2013; *Мимоход, Загородняя*, 2020); *9* – Темрта I 2/7 (по: *Мимоход*, 2013); *10* – Типки 1 2/4 (по: *Калмыков, Мимоход*, 2005); *11* – Малаи I 4/4 (по: *Гей*, 1995)

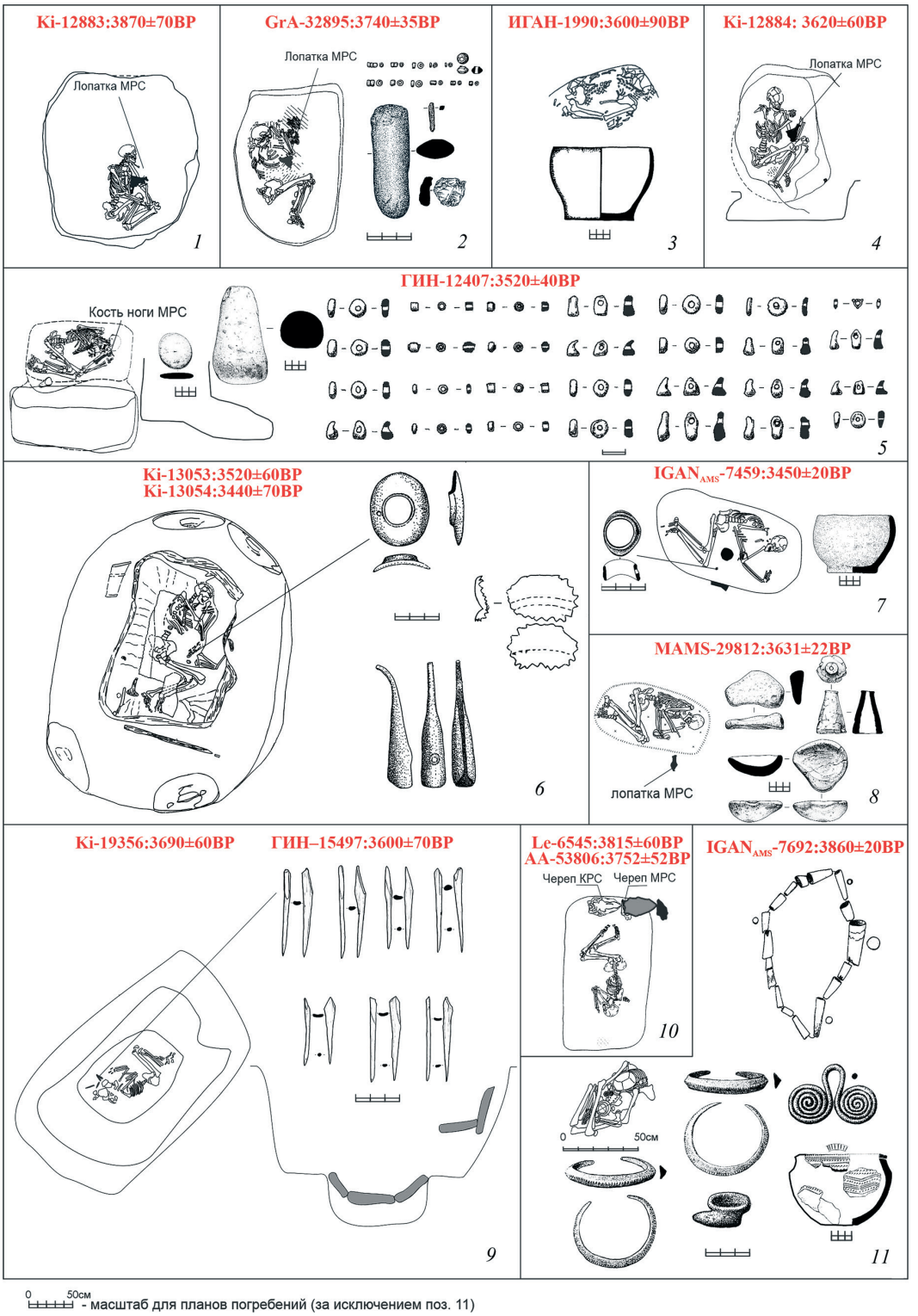


Рис. 4. Культурный круг Лола. Погребения лолинской, невинномысской культур и волго-уральской культурной группы с ^{14}C данными
1–5 – лолинская культура; *6–8* – невинномысская культура; *9–11* – волго-уральская культурная группа
1 – Островной 7/7 (по: *Шишлина и др.*, 2002); *2* – Островной 3/39 (по: *Шишлина и др.*, 2002); *3* – Манджикины 1 3/4 (по: *Шишлина и др.*, 1999); *4* – Островной 6/9 (по: *Шишлина и др.*, 2002); *5* – Золотаревка 1 23/1 (по: *Калмыков*, 2000); *6* – Садовый 4/10 (по: *Мимоход*, 2013); *7* – Адагум 1 7/3 (раскопки А. А. Клещенко); *8* – Невинномысский 3 6/5 (по: *Калмыков и др.*, 2018); *9* – Имангулово II 5/3 (по: *Купцова, Евгеньев*, 2022); *10* – Грачевка II 5/3 (по: *Кузнецов, Мочалов*, 2012); *11* – Тамар-Уткуль VII 4/5 (по: *Богданов*, 1998)

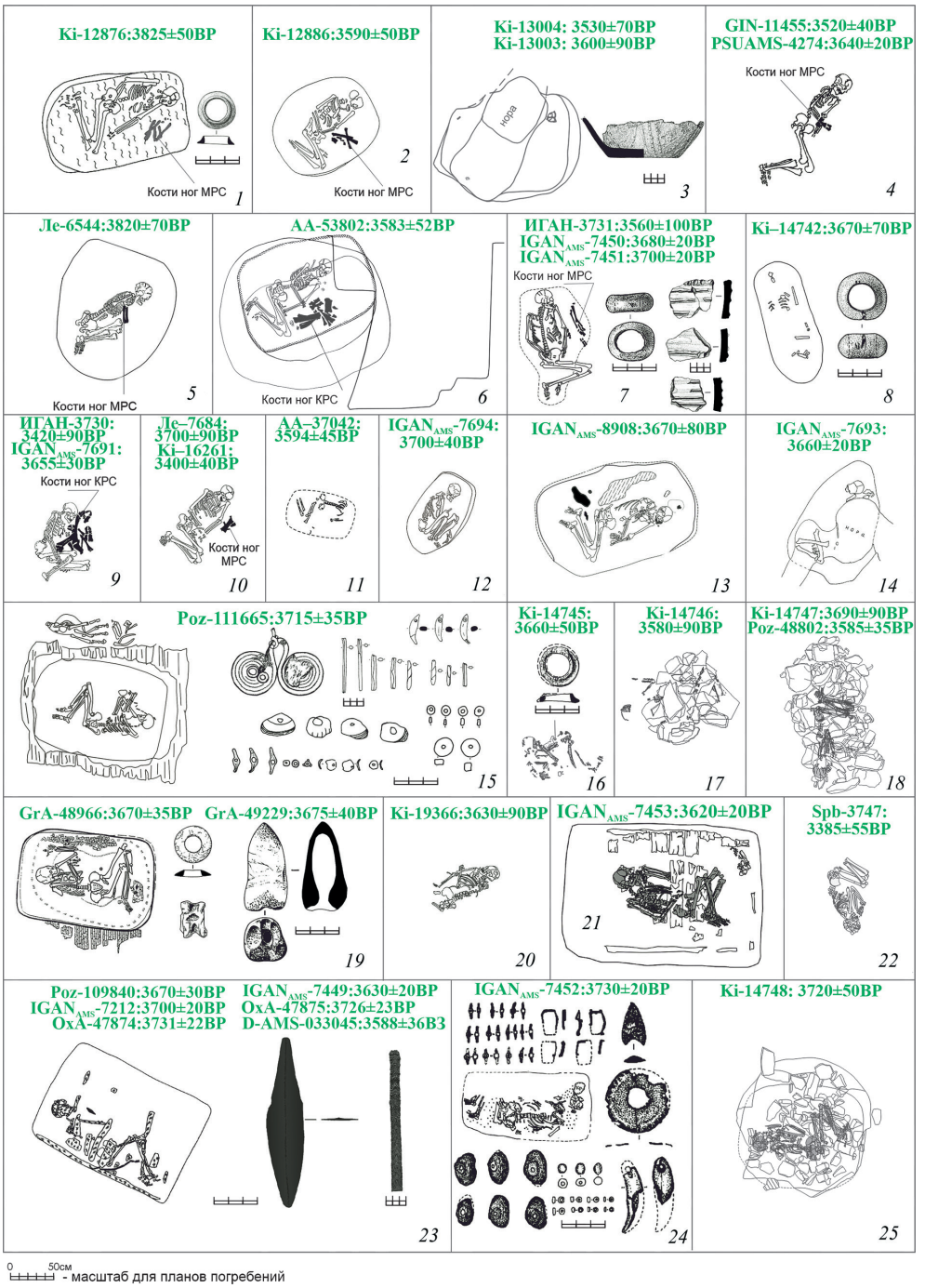


Рис. 5. Культурный круг Бабино. Погребения волго-донской и днепро-донской бабинских культур с ^{14}C данными
1–14 – волго-донская бабинская культура; *15–25* – днепро-донская бабинская культура
1 – Линево 6/6 (по: *Сергацков и др.*, 2006); *2* – Линево 8/2 (по: *Сергацков и др.*, 2006); *3* – Паницкое 6 4/3 (по: *Мимоход*, 2009); *4* – Грачевка I 1/1 (по: *Кузнецов и др.*, 2018); *5* – Грачевка II 10/1 (по: *Кузнецов и др.*, 2018); *6* – Утевка V 4/1 (по: *Мимоход*, 2014); *7* – ЕвстратовскийII 4/3 (по: *Мимоход*, 2014); *8* – ЕвстратовскийII 3/2 (по: *Мимоход*, 2013); *9* – Калиновский I 1/4 (по: *Сташенков*, 2006); *10* – Скворцовка 5/3, верхний скелет (по: *Моргунова и др.*, 2010); *11* – Красносамарский IV 3/10 (по: *Kuznetsov et al.*, 2016); *12* – Николаевка 3 5/1 (по: *Скарбовенко*, 1999); *13* – Ворошиловский участок 1/4 (раскопки И.Б. Тищенко); *14* – Николаевка 3 3/4 (по: *Скарбовенко*, 1999); *15* – Бургуста 1 5/11 (по: *Ларенок*, 2017); *16* – Ясиновский III од. кург./6 (по: *Мимоход*, 2018); *17* – ЯсиновскийIII од. кург./13 (по: *Мимоход*, 2018); *18* – Ясиновский III од. кург./10 (по: *Мимоход*, 2018); *19* – Хомуш-Оба 2/8 (по: *Литвиненко*, 2009); *20* – Чеботарев III 2/5 (по: *Мимоход и др.*, 2020); *21* – Мариенфельд 2/3 (по: *Мимоход и др.*, 2020); *22* – Филоновский курган п. 1 (по: *Борисов и др.*, 2022); *23* – Пологи 1/2 (по: *Папанова та ін.*, 2020); *24* – Викторовка 1/1 (по: *Шевченко*, 2019); *25* – Ясиновский III од. кург./19 (по: *Мимоход*, 2018)

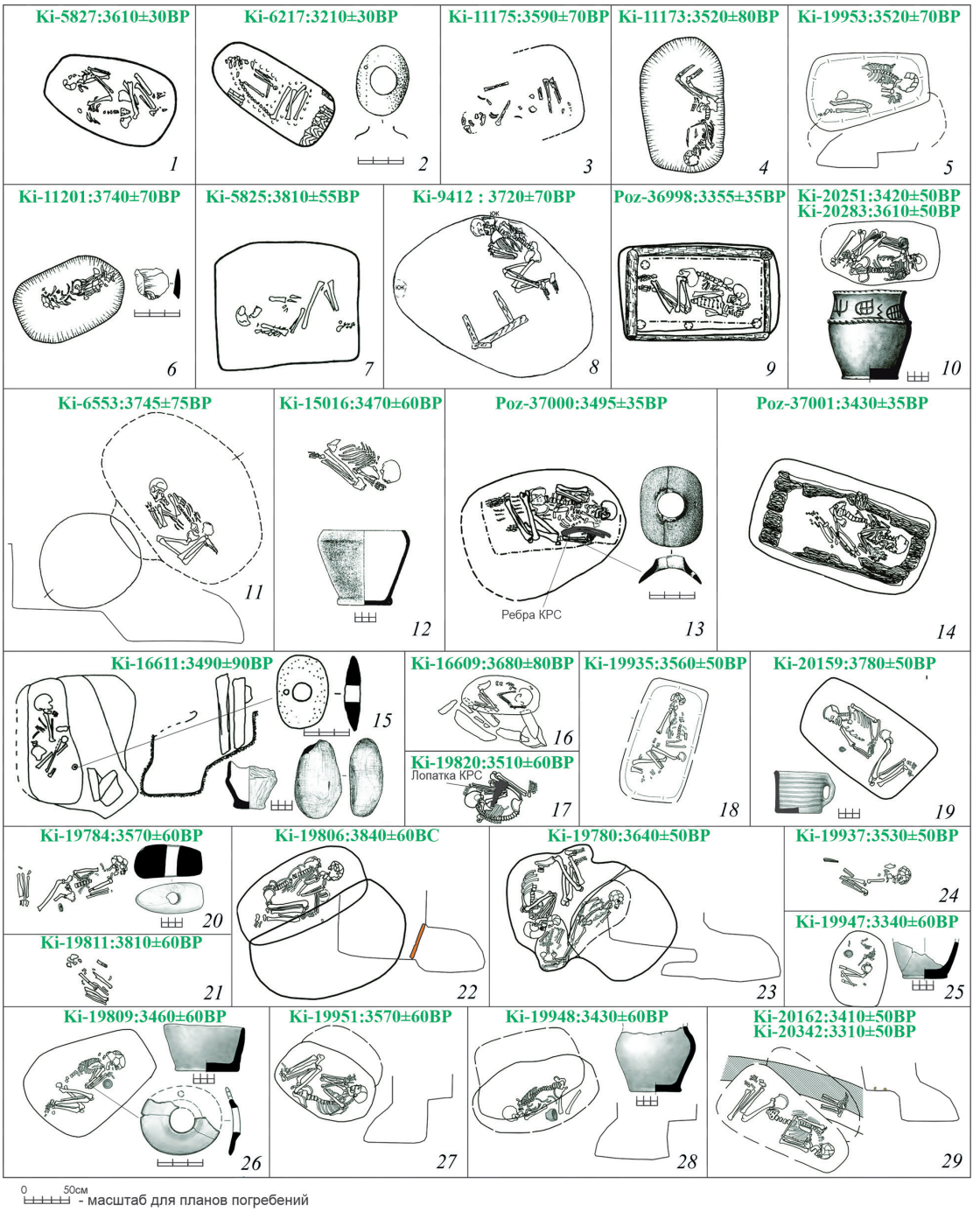


Рис. 6. Культурный круг Бабино. Погребения днепро-прутской бабинской культуры с ^{14}C данными
1 – Мироновка 7/1 (по: *Klochko*, 1999); *2* – Мироновка 8/2 (по: *Klochko*, 1999); *3* – Ревова 3/14 (по: *Иванова и др.*, 2005); *4* – Любаша п. 9 (по: *Иванова и др.*, 2005); *5* – Любаша п. 15 (по: *Иванова и др.*, 2005); *6* – Водовод 15/1 (по: *Лысенко и др.*, 2021); *7* – Мироновка 2/1 (по: *Klochko*, 1999); *8* – Виноградное 3/39 (по: *Рассамакін*, 2006); *9* – Сугоклейская Могила п. 3 (по: *Ніколова, Разумов*, 2012); *10* – Клин 1/6 (по: *Разумов и др.*, 2022); *11* – Черная Могила 3/17 (по: *Telegin et al.*, 2003); *12* – Вапнярка 4/6 (по: *Иванова, Ветчинникова*, 2009); *13* – Сугоклейская Могила п. 4 (по: *Ніколова, Разумов*, 2012); *14* – Сугоклейская Могила п. 25 (по: *Ніколова, Разумов*, 2012); *15* – Сычавка 1/18 (по: *Іванова, Савельєв*, 2011); *16* – Сычавка 1/21 (по: *Іванова, Савельєв*, 2011); *17* – Сад 1/7 (по: *Лысенко и др.*, 2021); *18*– ДОТ 3/8 (по: *Лысенко и др.*, 2021);*19* – Сад 1/2 (по: *Лысенко и др.*, 2021);*20* – Сад 1/13 (по: *Лысенко и др.*, 2021);*21* – Сад 1/20 (по: *Лысенко и др.*, 2021); *22* – Сад 1/16 (по: *Лысенко и др.*, 2021); *23* – Сад 1/27 (по: *Лысенко и др.*, 2021); *24* – Водовод 2/5 (по: *Лысенко и др.*, 2021); *25* – Водовод 2/8 (по: *Лысенко и др.*, 2021); *26* – Водовод 2/2 (по: *Лысенко и др.*, 2021); *27* – Водовод 2/10 (по: *Лысенко и др.*, 2021); *28* – Водовод 2/11 (по: *Лысенко и др.*, 2021); 29 – Водовод 9/1 (по: *Лысенко и др.*, 2021)

колесничных. В этой связи необходим новый анализ радиоуглеродной хронологии блока посткатакомбных культурных образований в синхронном и диахронном планах.

Методика формирования базы ^{14}C данных следующая. Она составляется по критериям относительной достоверности. В нее не включались даты, у которых доверительный интервал составляет более 100 лет. Даты с такими диапазонами малополезны. В базу данных не включены некорректные даты. Нет смыла выяснять в рамках этой работы причины их несоответствия реальному возрасту комплекса, но принципы, на которых даты считаются корректными или некорректными, необходимо обозначить. Дело в том, что сейчас мы уже неплохо представляем основные интервалы существования культур средней/поздней бронзы, и сместиться они в какую-либо сторону больше, чем на 200 лет, даже теоретически не смогут. Однако чтобы избежать угрозы оперирования только «правильными»[2] с точки зрения автора датами и допускать возможность корректировки существующих диапазонов, предлагается следующий принцип определения некорректности ^{14}C данных. Если крайние рубежи (нижний и верхний) калиброванной в одну сигму даты отстоят от определяемого интервала существования культуры более чем на 200 лет, дату следует признать не соответствующей реальному возрасту комплекса. Таким образом, создается люфт в 400 лет для возможной корректировки диапазона культур и при этом отсекаются некорректные датировки, выходящие за него, которые могут негативно влиять на статистические выкладки, в частности, результаты суммирования. В дальнейшем будет производиться оперирование датами с вероятностью в одну сигму, причем из нее будет исключен отрезок, который дает вероятность менее 5%. Калибровка и суммирование (sum_probability) производятся в программе OxCal v3.10. Она представляется более удобной для осуществления функции суммирования (*Черных, Орловская*, 2015. С. 8). Сравнение калиброванных интервалов дат, обработанных в версии OxCal v3.10 и в более современной версии OxCal v4.4, показывает, что расхождение интервалов не превышает 10 лет, а в большинстве случаев он меньше – 5–8 лет, что с точки зрения радиоуглеродного анализа не имеет никакого значения.

Суммирование всех 112 датировок культурного круга Бабино и культурного круга Лола дало

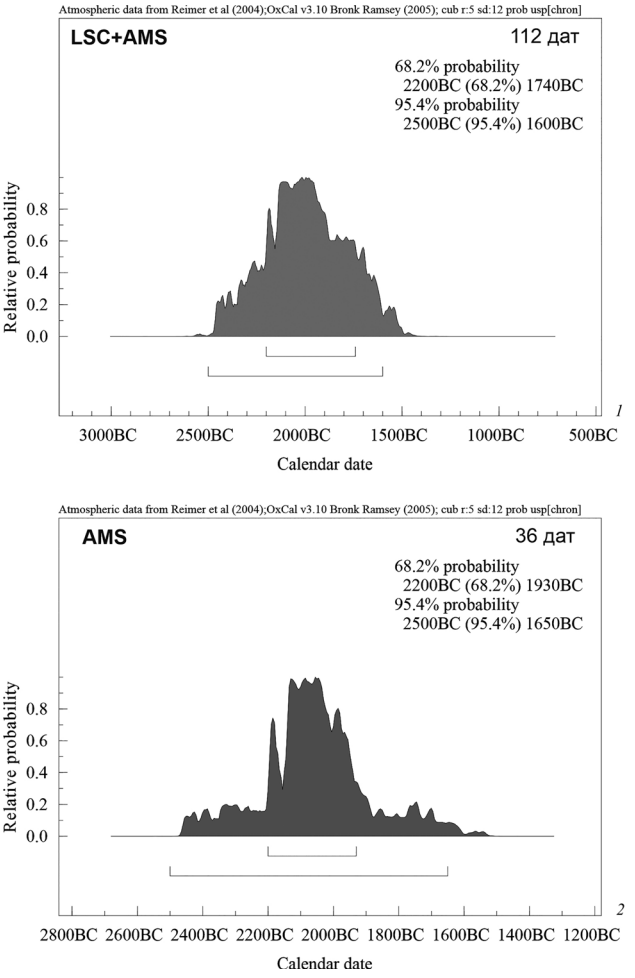


Рис. 7. Результаты суммирования ^{14}C данных блока посткатакомбных культурных образований. *1* – результаты суммирования всех радиоуглеродных дат; *2* – результаты суммирования AMS-дат

интервал с вероятностью в одну сигму в рамках 2200–1740 CalBC (рис. 7: *1*). По сравнению с данными на 2013 г. (2300–1650 CalBC) (*Мимоход*, 2013. Илл. 106) интервал серьезно сократился в отношении как нижней, так и верхней границы. Он стал полностью соответствовать предложенному десять лет назад времени существования блока посткатакомбных культурных образований. Это обусловлено и скачкообразным увеличением AMS-дат, и поступательным наращиванием LSC-датировок. На сегодняшний день мы уже можем говорить о том, что радиоуглеродный диапазон посткатакомбного блока вошел в застывшую стадию и, скорее всего, новые поступления в банк данных будут только косметиче-

[2] Ср.: *Епимахов*, 2022, мин. 1:18:07–1:22:48.

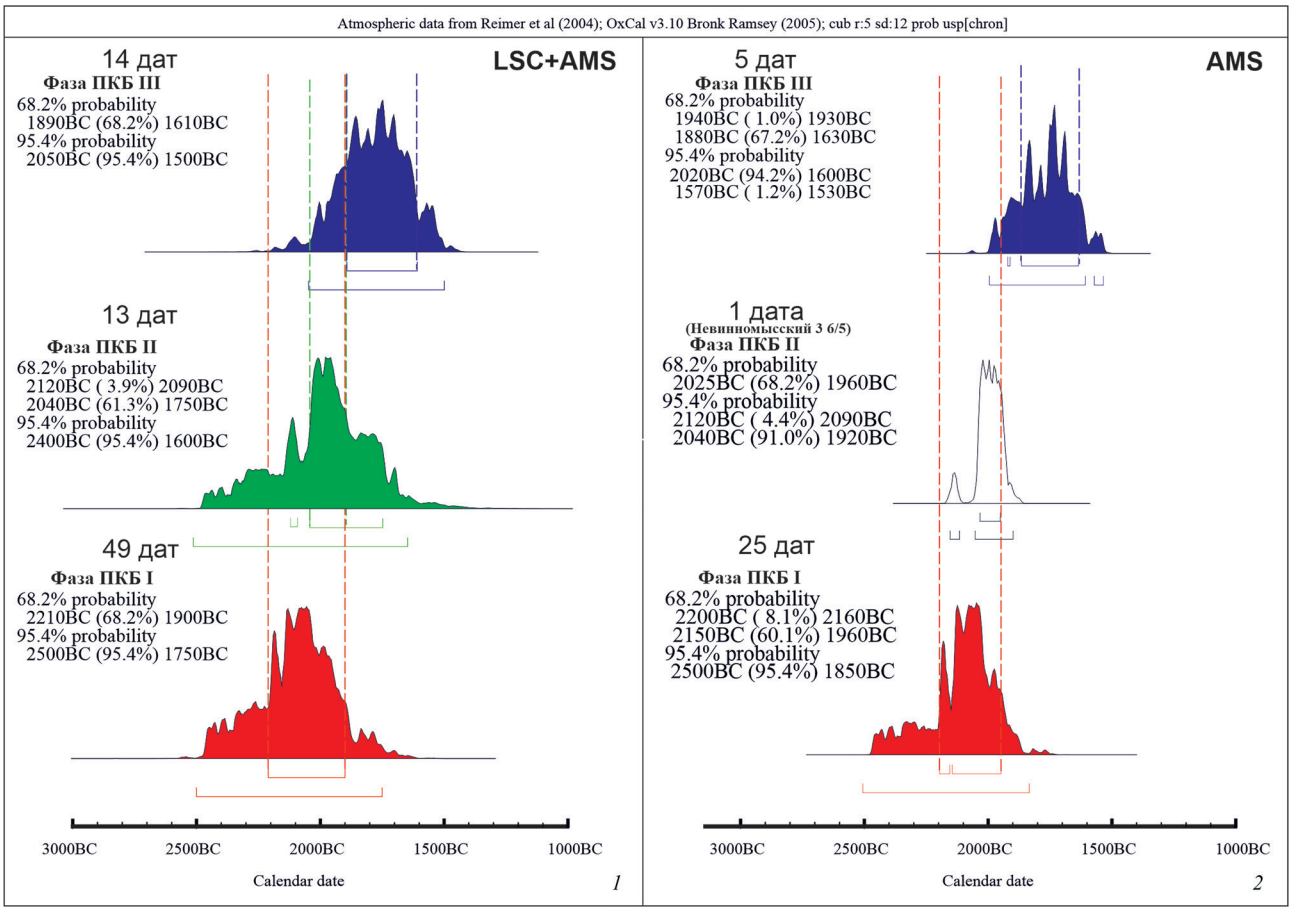


Рис. 8. Результаты суммирования 14C данных блока посткатакомбных культурных образований по его трехфазной периодизации. *1* – результаты суммирования всех радиоуглеродных дат; *2* – результаты суммирования AMS-дат

ски корректировать цифры в рамках XXII–XVIII вв. до н. э.

В последнее время все чаще звучит мнение о том, что следует отдавать предпочтение AMS-датированию. В этой связи уместно обратить внимание на результаты суммирования только ускорительных дат посткатакомбного блока, тем более что они уже представляют собой серию (35 определений), которую можно предварительно анализировать. Высокоточные ^{14}C данные дают интервал 2200–1930 CalBC (рис. 7: *2*). Нижняя граница существования блока посткатакомбных культурных образований полностью соответствует предложенной десять лет назад его хронологии, а верхняя, наоборот, удревнилась. Этому есть логичное объяснение. Высокоточное и дорогостоящее AMS-датирование зачастую устанавливает определенные психологические барьеры для исследователя в отношении отбора образцов на радиоуглеродный анализ. Назовем их «синдромом ценовой зависимости». Как правило, для него передаются образцы из наиболее ярких комплексов с хорошо датируемыми категориями инвентаря. В результате для посткатакомбного блока в фокусе датирования на ускорителе оказываются преимущественно погребения фазы ПКБ I (рис. 8: *2*), а в определенном смысле «безликие» комплексы фаз ПКБ II и III мало привлекают исследователей в отношении столь дорогостоящей процедуры. Как следствие, суммирование только AMS-дат дает заметное удревнение верхней границы существования посткатакомбных древностей.

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что установленные десять лет назад границы существования блока посткатакомбных культурных образований на данный момент не имеют существенных изменений. Его по-прежнему необходимо датировать в интервале **2200–1800 CalBC**. Однако система аргументации в отношении этого периода претерпела заметную корректировку в связи как с увеличившимся банком радиоуглеродных дат в целом, с одной стороны, так и со скачкообразным накоплением AMS-датировок – с другой. Последнее

обстоятельство представляется особенно важным. Увеличение количества высокоточных дат, полученных методом ускорительной масс-спектрометрии, позволяет существенно снизить доверительные интервалы вплоть до предельной минимизации хронологических отрезков наложения предшествующих и последующих культур. Остается только догадываться, как будет протекать процесс накопления AMS-датировок, столь необходимый для уточнения радиоуглеродной хронологии бронзового века Восточной Европы и Северного Кавказа, в новых реалиях.

Отдельный интерес представляет соотнесение дат посткатакомбных комплексов с их хронологией в пределах предложенной трехэтапной восточноевропейской периодизации (фазы ПКБ I–III) (*Мимоход*, 2021; *Мимоход и др*., 2022. С. 25, 26). Неоднократно отмечалось, что это непростая процедура ввиду того, что метод зачастую не в состоянии адекватно отразить дробную хронологию.

В свое время была предпринята попытка провести такую процедуру для трехэтапной периодизации лолинской культуры. Дат было немного, всего 18, причем, за исключением одной, – это LSC-даты, но даже в такой ситуации при суммировании датировок по этапам был получен «эффект лестницы» *(Мимоход*, 2011. С. 31, 32, 45–48, рис. 4; 2013. С. 281, 282, 285. Илл. 107), свидетельствующий о том, что радиоуглеродный метод в общих чертах все-таки может уловить периодизацию культуры. Если рассмотреть ^{14}C данные посткатакомбных погребений фаз ПКБ I, II, III, то ситуация получается достаточно четкая. В распределении графиков фиксируется выраженный «эффект лестницы» (рис. 8: *1*). Это связано с тем, что и дат для блока уже достаточно, и AMS-датировки существенно улучшили ситуацию. В целом графики суммирования всех ^{14}C данных по фазам ПКБ хорошо выстраиваются в ступенчатую структуру (рис. 8: *1*). При суммировании только AMS-дат вырисовывается двоякая картина. С одной стороны, ощущается явный недостаток этих датировок для фазы ПКБ III, а особенно для фазы ПКБ II, при представительной серии ^{14}C AMS-данных для фазы ПКБ I (рис. 8: *2*). О причинах такого дисбаланса говорилось выше. С другой стороны, налицо более структурная панорама, когда интервал фазы ПКБ I мало того, что даже не стыкуется с отрезком фазы ПКБ III, как это мы видим при суммировании всех данных (рис. 8: *1*), но и отстоит от последней почти на 100 лет (рис. 8: *2*). Вероятно, этот разрыв со временем займут AMS-датировки комплексов фазы ПКБ II. И даже при такой благоприятной ситуации нам вряд ли удастся избежать участков наложения, которые наверняка будут минимизированы, но точно не исчезнут. Что ж, таковы возможности метода. Однако его сложно переоценить в независимой верификации археологических построений, выполненных на базе традиционных методов нашей науки. Все вышесказанное свидетельствует о том, что трехфазная периодизация блока посткатакомбных культурных образований верна и проверяема естественно-научными данными.

Хронологическим предшествующим субстратом для посткатакомбного блока выступают катакомбные культуры. На данный момент серьезной серией радиоуглеродных определений обладают ингульские (учтено 56 дат), манычские (учтено 54 даты) и среднедонские (учтено 39 дат) катакомбные памятники. Графики суммирования однозначно свидетельствуют, что диапазон указанных катакомбных культур в целом древнее посткатакомбного блока. Однако есть заметный отрезок наложения в пределах 200 лет (рис. 9: *1*). В моих работах 10-летней давности такой отрезок между ингульской/Бабино и восточноманычской/Лолой составлял 270–300 лет. Теперь он сократился на 100 лет. Как было показано выше, уменьшение отрезка наложения произошло за счет сужения радиоуглеродного интервала именно посткатакомбного блока, что напрямую связано с существенным увеличением числа AMS-датировок для посткатакомбных культурных образований. Для сравнения: AMS-база катакомбных памятников за рассматриваемый период увеличилась на 11 дат, а у посткатакомбного блока на 33 даты, т. е. в три раза больше. При этом общее количество дат для катакомбных культур почти на треть больше, чем посткатакомбных, а соответственно, и эффект влияния новых AMS-датировок на общую ситуацию с радиоуглеродной хронологией катакомбных культур значительно меньше. В результате по данным LSC + AMS-дат верхняя граница катакомбного интервала осталась там же, где и была десять лет назад, в пределах XXI в. до н. э. (рис. 9: *1*).

Охарактеризованные закономерности влияния увеличения числа AMS-датировок на уменьшение отрезков наложения между последовательными культурами или блоками культур легко проверяются на примере катакомбных и посткатакомбных материалов. Для этого достаточно сравнить результаты суммирования только AMS-датировок без учета LSC-данных. Результат очевиден. Никакого отрезка наложения уже не фиксируется (рис. 9: *2*). Оба горизонта хронологически стыкуются в рамках XXIII/XXII в. до н. э. Катакомбные культуры

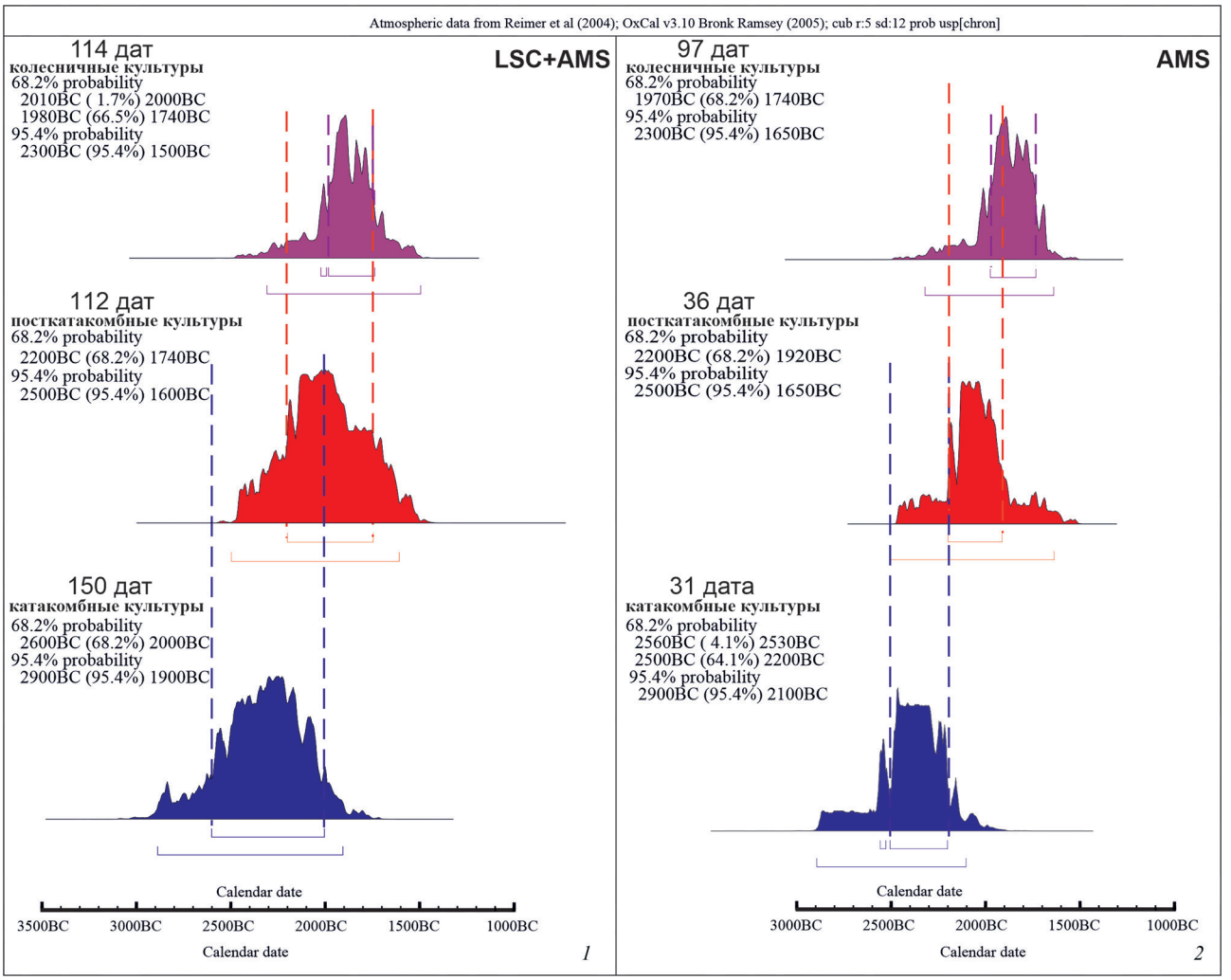


Рис. 9. Результаты суммирования ^{14}C данных катакомбных (ингульская, среднедонская, манычские), посткатакомбных (культурный круг Бабино и культурный круг Лола) и колесничных (Синташта-Потаповка-Покровск) культур
1 – результаты суммирования всех радиоуглеродных дат; *2* – результаты суммирования AMS-дат

(ингульская-среднедонская-манычские) датируются в пределах XXV–XXIII вв. до н. э. В то же время нельзя не обратить внимание, что время посткатакомбных памятников по результатам только AMS-датирования сузилось до XXII–XX вв. до н. э. (рис. 9: *2*), хотя с учетом LSC-дат верхняя граница блока располагается в пределах XVIII в. до н. э. (см. выше) (рис. 9: *1*). И здесь как опять не вспомнить противостояние AMS и LSC-сил. В первом случае в высокоточном меньшинстве с явным дисбалансом в логистике по фазам ПКБ, во втором – в равномерном покрытии всех периодов посткатакомбного блока, но с расширенными интервалами. На сегодняшний день есть смысл использовать даты, полученные по обеим методикам с использованием критериев относительной достоверности (см. выше). Это диктует как сам пройденный путь отечественной радиоуглеродной практики, так и его дальнейшие перспективы.

Ситуация, которая возникает при сравнении интервалов суммирования посткатакомбных (Бабино-Лола) и колесничных культур (Синташта-Потаповка-Покровск), следующая. Все датировки для первых располагаются в диапазоне 2200–1740 CalBC, вторых – в пределах 1980–1740 CalBC (рис. 9: *1*). Несложно заметить, что посткатакомбный блок на 200 лет старше колесничного при том, что верхние границы у них совпадают. Это как нельзя лучше соответствует относительной хронологии этих общностей. Блок посткатакомбных культурных образований сформировался значительно раньше колесничных древностей. Его развитие на фазах ПКБ I и II в конце III тыс.

до н. э. (2200–2000 CalBC) никак не связано с культурно-генетическими процессами в Волго-Уралье и Подонье в начале II тыс. до н. э. Памятники горизонта Синташта-Потаповка-Покровск формируются только на фазе ПКБ III (2000–1800 CalBC) (рис. 9: *1*), где они синхронны завершающей стадии существования посткатакомбного блока. В этом несложно убедиться, сравнив интервалы суммирования датировок посткатакомбных памятников фазы ПКБ III (1890–1610 CalBC) (рис. 8: *1*) и культур горизонта щитковых псалиев (1980–1740 CalBC) (рис. 9: *1*).

Сравнение только AMS-интервалов посткатакомбных и колесничных памятников позволяет сделать следующие выводы. Как известно, феномены Синташта-Петровка-Потаповка фактически сразу стали «AMS-культурами»[3]. Яркие материалы колесничных комплексов быстро привлекли внимание не только отечественных, но и зарубежных специалистов. В результате было организовано серийное датирование на ускорителях за границей. Как следствие, когда мы сравниваем колесничные интервалы суммирования LSC + AMS-дат (рис. 9: *1*) и только AMS-дат (рис. 9: *2*), мы получаем один и тот же интервал – 1980/1970–1740 CalBC. При его сравнении с посткатакомбными ^{14}C данными вполне ожидаемо мы видим, что древности культурного круга Бабино и культурного круга Лола сформировались значительно раньше колесничных культур (рис. 9: *2*), что хорошо показывает и вся совокупность датировок (рис. 9: *1*). Определенная проблема возникает при сравнении верхних границ AMS-интервалов. У посткатакомбного блока она оказывается древнее на 180 лет. Однако огорчаться не стоит. Здесь вступает в силу фактор, что и сколько стоит, т. е. «синдромом ценовой зависимости». В результате на сегодняшний день для определения времени реального существования блока посткатакомбных культурных образований лучше ориентироваться на всю совокупность датировок (LSC + AMS), которые дают интервал XXII–XVIII вв. до н. э. (рис. 9: *1*), полностью соответствующий положению культурного круга Бабино и культурного круга Лола на шкале относительной хронологии.

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что на сегодняшний день радиоуглеродная хронология степных и лесостепных культур Восточной Европы второй половины III – начала II тыс. до н. э. вполне адекватно отражает археологические реалии. При сравнении интервалов развитых и поздних катакомбных культур и посткатакомбного блока можно наблюдать выраженный «эффект лестницы», когда пики наиболее вероятных значений выстраиваются в ступенчатую структуру. Это хорошо заметно при анализе всех датировок (рис. 9: *1*) и не вызывает сомнений при оценке только AMS-дат (рис. 9: *2*). Сомнений в том, что катакомбные и посткатакомбные культуры являются двумя последовательными этапами бронзового века без каких-либо отрезков синхронности, не остается.

Ситуация с посткатакомбным блоком и колесничными культурами несколько иная. С одной стороны, «эффект лестницы» здесь тоже присутствует и опять же он более выражен у AMS-серии (рис. 9: *2*), а с другой – такой четкой картины, как это было при сравнении катакомбных и посткатакомбных выборок, мы не имеем. Интервалы LSC + AMS дат накладываются на отрезке в 240 лет в пределах XX–XVIII в. до н. э. (рис. 9: *1*). Это хорошо подтверждают данные относительной хронологии, которые свидетельствуют, что на фазе ПКБ III посткатакомбные и колесничные памятники синхронны. Этот факт, но в сильно ослабленном виде иллюстрирует и график AMS-дат (рис. 9: *1*). Трехфазная периодизация блока посткатакомбных культурных образований также подтверждается радиоуглеродным датированием. Графики по фазам ПКБ выстраиваются в ступенчатую структуру (рис. 8), которая свидетельствует о последовательной их смене во времени.

В заключение стоит отметить, что радиоуглеродная база данных блока посткатакомбных культурных образований занимает уже достойное место среди хорошо продатированных общностей культур бронзового века восточно-европейской степи-лесостепи. Однако и у нее есть свои изъяны. Главными из них являются единичность дат для невинномысской культуры и волго-уральской культурной группы, а также то, что в самой многочисленной из всех посткатакомбных культурных образований серии днепро-прутской бабинской культуры имеется всего три AMS-даты, да и остальные LSC-даты получены только в одной лаборатории. Есть над чем работать дальше, в особенности исходя из золотого правила, что дат много не бывает. Будет ли ситуация развиваться по сценарию французского беллетриста, покажет время.

[3] Для раннего Покровска (доно-волжской абашевской культуры) AMS-даты появились только в последнем пятилетии.

Таблица 1. Радиоуглеродные даты. Лолинская культура.

№ LSC/AMS	Памятник	Шифр лаборатории	Материал	Дата BP	Дата CalBC Вероятность 1σ
1. LSC	Манджикины 1 к. 3 п. 4 (рис. 4: *3*)	ИГАН–1900	Кость человека	3600±90	2112–1872
2. LSC	Манджикины 1 к. 9 п. 1 (рис. 3: *7*)	ИГАН–2278	Кость человека	3740±30	2190–2044
3. LSC	Манджикины 1 к. 9 п. 1 (рис. 3: *7*)	ИГАН–2227	Дерево	3850±60	2453–2197
4. AMS	Манджикины 1 к. 9 п. 1 (рис. 3: *7*)	KIA–45525	Ребро коровы	3704±27	2138–2038
5. AMS	Манджикины 1 к. 9 п. 1 (рис. 3: *7*)	KIA–45524	Кость человека	3824±26	2296–2205
6. LSC	Манджикины 1 к. 4 п. 1 (рис. 3: *4*)	ИГАН–1887	Кость человека	3720±90	2273–1972
7. LSC	Манджикины 1 к. 5 п. 6 (рис. 3: *3*)	ИГАН–2280	Кость человека	3840±50	2397–2196
8. LSC	Кевюды 1 к. 3 п. 5 (рис. 3: *2*)	ГИН–12043	Кость человека	3580±40	2009–1833
9. LSC	Ипатово 3 к. 2 п. 13 (рис. 3: *5*)	ГИН–11157	Кость человека	3560±100	2030–1744
10. LSC	Ипатово 3 к. 2 п. 13 (рис. 3: *5*)	ГИН–11432	Кость человека	3470±40	1878–1694
11. LSC	Типки 1 к. 2 п. 4 (рис. 3: *10*)	ГИН–10311	Кость человека	3640±40	2113–1942
12. LSC	Чограй VIII к. 34 п. 1 (рис. 3: *1*)	Ki–12877	Кость человека	3780 ±60	2300–2040
13. LSC	Островной к. 6 п. 8 (рис. 3: *9*)	Ki–12882	Кость МРС	3380±70	1750–1580
14. LSC	Островной к. 6 п. 9 (рис. 4: *4*)	Ki–12884	Кость МРС	3620±60	2040–1880
15. LSC	Островной к. 7 п. 7 (рис. 4: *1*)	Ki–12883	Кость МРС	3870±70	2460–2230
16. AMS	Островной к. 3 п. 39 (рис. 4: *2*)	GrA–32895	Кость МРС	3740±35	2201–2050
17. AMS	Островной к. 3 п. 39 (рис. 4: *2*)	KIA–45520	Лопатка МРС	3761±27	2206–2137
18. AMS	Островной к. 3 п. 39 (рис. 4: *2*)	KIA–45521	Кость человека	3875±26	2454–2298
19. LSC	Темрта I к. 2 п. 7 (рис. 3: *9*)	Ki–14752	Кость человека	3850±70	2460–2200
20. LSC	Малаи I к. 4 п. 4 (рис. 3: *11*)	Ki–13057	Кость человека	3590±50	2030–1880
21. AMS	Песчаный V 14/3 (рис. 3: *8*)	GrA–32895	Кость человека (подросток 1)	3710±35	2141–2036
22. AMS	Песчаный V 14/3 (рис. 3: *8*)	GrA–55077	Астрагал МРС	3695±35	2135–2035
23. LSC	Песчаный V 14/3 (рис. 3: *8*)	IGAN–4557	Кость человека (мужчина 30–40 лет)	3770±70	2294–2043
24. AMS	Песчаный V 14/3 (рис. 3: *8*)	GrA–55090	Кость человека (подросток 1)	3880±35	2457–2301
25. LSC	Золотаревка 1 к. 23 п. 1 (рис. 4: *5*)	ГИН–12407	Кость человека	3520±40	1889–1770

1–3, 6, 7 – даты (по: *Чичагова и др.*, 1999. Табл. 1; *Мимоход, Шишлина*, 2004. Табл. 1); *8–11* – даты (по: *Калмыков, Мимоход*, 2005. Табл. 1); *4, 5, 17–19, 21–24* – даты (по: *Шишлина*, 2013.Табл. 4); *12–15, 20* – даты (по: *Ковалюх, Мимоход*, 2007. Табл. 1); *16* – дата (по: *Шишлина и др.*, 2007. Табл. 7); *25* – дата (по: *Калмыков*, 2000. Табл. 1).

Таблица 2. Радиоуглеродные даты. Невинномысская культура.

№ LSC/AMS	Комплекс	Шифр лаборатории	Материал	Дата BP	Дата CalBC Вероятность 1σ
1. LSC	Садовый к. 4 п. 10 (рис. 4: *6*)	Ki–13053	Дерево (колесо)	3520±60	1920–1740
2. LSC	Садовый к. 4 п. 10 (рис. 4: *6*)	Ki–13054	Образцы серой глины с микровключениями древесины перекрытия	3440±70	1880–1680
3. AMS	Адагум 1 к. 7. п. 3 (рис. 4: *7*)	$IGAN_{AMS}$–7459	Кость человека	3450±20	1870–1690
4. AMS	Невинномысский 3 к. 6 п. 5 (рис. 4: *8*)	MAMS–29812	Кость человека	3631±22	2025–1962

1, 2 – даты (по: *Ковалюх, Мимоход*, 2007. Табл. 1), *3* – публ. впервые; *4* – дата (по: *Калмыков и др.*, 2018).

Таблица 3. Радиоуглеродные даты. Волго-уральская культурная группа

№ LSC/AMS	Комплекс	Шифр лаборатории	Материал	Дата BP	Дата CalBC Вероятность 1σ
1. LSC	Имангулово II к. 5 п. 3 (рис. 4: *9*)	Ki–19356	Кость человека	3690±60	2200–1970
2. LSC	Имангулово II к. 5 п. 3 (рис. 4: *9*)	ГИН–15497	Кость человека	3600±70	2041–1879
3. LSC	Грачевка II к. 5 п. 3 (рис. 4: *10*)	Le–6545	Кость человека	3815±60	2350–2140
4. AMS	Грачевка II к. 5 п. 3 (рис. 4: *10*)	AA–53806	Кость человека	3752±52	2280–2040
5. AMS	Тамар–Уткуль VII к. 4 п. 5 (рис. 4: *11*)	$IGAN_{AMS}$–7692	Кость человека	3860±20	2436–2238

1, 2, 5 – даты (по: *Мимоход*, 2021; *Купцова, Евгеньев*, 2022); *3, 4* – даты (по: *Кузнецов, Мочалов*, 2012.Табл. 1. Рис. 26).

Таблица 4. Радиоуглеродные даты. Волго-донская бабинская культура.

№ LSC/AMS	Комплекс	Шифр лаборатории	Материал	Дата BP	Дата CalBC Вероятность 1σ
1. LSC	Линево к. 8 п. 2 (рис. 5: *2*)	Ki–12886	Кость человека	3590±50	2030–1880
2. LSC	Линево к. 6 п. 6 (рис. 5: *1*)	Ki–12876	Кость человека	3825±50	2350–2190
3. LSC	Паницкое 6 к. 4 п. 3 (рис. 5: *3*)	Ki–13003	Фрагмент керамики	3600±90	2130–1810
4. LSC	Паницкое 6 к. 4 п. 3 (рис. 5: *3*)	Ki–13004	Астрагал МРС	3530±70	1940–1740
5. LSC	Грачевка I к. 1 п. 1 (рис. 5: *4*)	GIN–11455	Кость человека	3520±40	1910–1770
6. LSC	Грачевка II к. 10 п. 1 (рис. 5: *5*)	Ле–6544	Кость человека	3820±70	2410–2140
7. AMS	Утевка V к. 4 п. 1 (рис. 5: *6*)	AA–53802	Кость человека	3583±52	2030–1870
8. LSC	Евстратовский II к. 3 п. 2 (рис. 5: *8*)	Ki–14742	Кость человека	3670±70	2140–1940
9. LSC	Евстратовский II к. 4 п. 3 (рис. 5: *7*)	ИГАН–3731	Кость человека	3560±100	2030–1750

Таблица 4. Радиоуглеродные даты. Волго-донская бабинская культура (*окончание*).

№ LSC/AMS	Комплекс	Шифр лаборатории	Материал	Дата BP	Дата CalBC Вероятность 1σ
10. AMS	Евстратовский II к. 4 п. 3 (рис. 5: *7*)	$IGAN_{AMS}$–7450	Кость МРС	3680±20	2140–2010
11. AMS	Евстратовский II к. 4 п. 3 (рис. 5: *7*)	$IGAN_{AMS}$–7451	Кость человека	3700±20	2135–2036
12. LSC	Калиновский I к. 1 п. 4 (рис. 5: *9*)	ИГАН–3730	Кость человека	3420±90	1880–1620
13. AMS	Калиновский I к. 1 п. 4 (рис. 5: *9*)	$IGAN_{AMS}$–7691	Кость человека	3655±30	2130–1960
14. LSC	Скворцовка к. 5 п. 3 скелет 1 (рис. 5: *10*)	Ле–7684	Кость человека	3700±90	2210–1940
15. LSC	Скворцовка к. 5 п. 3 скелет 1 (рис. 5: *10*)	Ki–16261	Кость МРС	3400±40	1770–1630
16. AMS	Красносамарский IV к. 3 п. 10 (рис. 5: *11*)	AA–37042	Кость человека	3594±45	2020–1890
17. AMS	Николаевка 3 к. 3 п. 4 (рис. 5: *14*)	$IGAN_{AMS}$–7693	Кость человека	3660±20	2130–1970
18. AMS	Николаевка 3 к. 5 п. 1 (рис. 5: *12*)	$IGAN_{AMS}$–7694	Кость человека	3700±40	2140–2030
19. AMS	Ворошиловский участок к. 1 п. 4(рис. 5: *13*)	$IGAN_{AMS}$–8908	Кость человека	3670±80	2150–1940
20. AMS	Грачевка I к. 1 п. 1 (рис. 5: *4*)	PSUAMS-4274	Кость человека	3640±20	2035-1965
21. LSC	Трубино 1 п. 2	SPb–3745	Кость человека	3535±45	1940-1770

1–4 – даты (по: *Ковалюх, Мимоход*, 2007. Табл. 1); *5–7, 12, 16* – даты (по: *Кузнецов и др.*, 2018. Табл. 3); *14, 15* – даты (по: *Моргунова и др.*, 2010. С. 70. Табл. 2); *8–11, 13, 17, 18* – даты (по: *Мимоход*, 2021а. Табл. 1); *20* – дата (по: *Narasimhan et al.*, 2019); *19, 21* – публикуются впервые.

Таблица 5. Радиоуглеродные даты. Днепро-донская бабинская культура.

№ LSC/AMS	Комплекс	Шифр лаборатории	Материал	Дата BP	Дата CalBC Вероятность 1σ
1. LSC	Ясиновский III од. кург. п. 6 (рис. 5: *16*)	Ki–14745	Кость человека	3660±50	2140–1950
2. LSC	Ясиновский III од. кург. п. 13 (рис. 5: *17*)	Ki–14746	Кость человека	3580±90	2040–1770
3. LSC	Ясиновский III од. кург. п. 10 (рис. 5: *18*)	Ki–14747	Кость человека	3690±90	2200–1940
4. AMS	Ясиновский III од. кург. п. 10 (рис. 5: *18*)	Poz–48802	Кость человека	3585±35	2009–1892
5. LSC	Ясиновский III од. кург. п. 19 (рис. 5: *25*)	Ki–14748	Кость человека	3720±50	2200–2030
6. LSC	Ясиновский III од. кург. сооружение 2	Ki–14749	Керамика	3630±70	2040–1880

Таблица 5. Радиоуглеродные даты. Днепро-донская бабинская культура (*окончание*).

№ LSC/AMS	Комплекс	Шифр лаборатории	Материал	Дата BP	Дата CalBC Вероятность 1σ
7. AMS	Хомуш–Оба к. 2 п. 8 (рис. 5: *19*)	GrA–49229	Кость человека	3675±40	2134–1981
8. AMS	Хомуш–Оба к. 2 п. 8 (рис. 5: *19*)	GrA–48966	Кость МРС	3670±35	2132–1981
9. LSC	Чеботарев III к. 2 п. 5 (рис. 5: *20*)	Ki–19366	Кость человека	3630±90	2140–1880
10. AMS	Пологи к. 1 п. 2 (рис. 5: *23*)	Poz–109840	Кость человека	3670±30	2132–1981
11. AMS	Пологик. 1 п. 2 (рис. 5: *23*)	$IGAN_{AMS}$–7449	Дерево из посоха	3630±20	2025–1960
12. AMS	Пологи к. 1 п. 2 (рис. 5: *23*)	OxA–47874	Кость человека	3731±22	2200–2050
13. AMS	Пологик. 1 п. 2 (рис. 5: *23*)	OxA–47875	Растительное волокно	3726±23	2200–2040
14. AMS	Пологик. 1 п. 2 (рис. 5: *23*)	$IGAN_{AMS}$–7212	Дерево из перекрытия	3700±20	2135–2035
15. AMS	Пологик. 1 п. 2 (рис. 5: *23*)	D–AMS–033045	Кость человека	3588±36	2010–1890
16. AMS	Викторовка к. 1 п. 1 (рис. 5: *24*)	$IGAN_{AMS}$–7452	Кость человека	3730±20	2200–2040
17. AMS	Мариенфельд к. 2 п. 3 (рис. 5: *21*)	$IGAN_{AMS}$–7453	Кость человека	3620±20	2020–1945
18. AMS	Бургуста 1 к. 5 п. 11 (рис. 5: *15*)	Poz–111665	текстиль	3715±35	2200–2030
19. LSC	Филоновский курган п. 1 (рис. 5: *22*)	SPb–3747	Кость человека	3385±55	1750-1610

1–6 – даты (по: *Мимоход*, 2012. Табл. 1); *7, 8* – даты (по: *Шишлина*, 2013); *9–17* – даты (по: *Мимоход и др.*, 2020); *18* – дата (по: *Шишлина и др.*, 2020.Табл. 1); *19* – публикуется впервые.

Таблица 6. Радиоуглеродные даты. Днепро-прутская бабинская культура.

№ LSC/AMS	Комплекс	Шифр лаборатории	Материал	Дата BP	Дата CalBC Вероятность 1σ
1. LSC	Аккембетский курган п. 11	Ki–6823	Кость человека	3795±60	2310–2130
2. LSC	Аккембетский курган п. 15	Ki–6824	Кость человека	3745±50	2210–2030
3. LSC	Аккембетский курган п. 16	Ki–6825	Кость человека	3780±60	2300–2040
4. LSC	Аккембетский курган п. 20	Ki–6826	Кость человека	3685±45	2140–1970
5. LSC	Мироновка к. 7 п. 1 (рис. 6: *1*)	Ki–5827	Кость человека	3610±30	2030–1910
6. LSC	Мироновка к. 8 п. 2 (рис. 6: *2*)	Ki–5829	Кость человека	3325±50	1690–1520

Таблица 6. Радиоуглеродные даты. Днепро-прутская бабинская культура (*продолжение*).

№ LSC/AMS	Комплекс	Шифр лаборатории	Материал	Дата BP	Дата CalBC Вероятность 1σ
7. LSC	Ревова к. 3 п. 14 (рис. 6: *3*)	Ki–11175	Кость человека	3590±70	2033–1799
8. LSC	Любаша п. 9 (рис. 6: *4*)	Ki–11173	Кость человека	3520±80	1943–1741
9. LSC	Любаша п. 15 (рис. 6: *5*)	Ki–11201	Кость человека	3740±70	2277–2033
10. LSC	Мироновка к. 2 п. 1 (рис. 6: *7*)	Ki –5825	Кость человека	3810±55	2340–2140
11. LSC	Великая Бугаевка п. 109	Ki –9555	Кость человека	3430±70	1879–1793
12. LSC	Виноградное к. 3 п. 39 (рис. 6: *8*)	Ki–9412	Кость человека	3720±70	2210–2020
13. LSC	Черная Могила к. 3 п. 17 (рис. 6: *11*)	Ki–6553	Кость человека	3745±75	2290–2030
14. LSC	Малополовецкое 3 п. 25 (1997г.)	Ki–6213	Кость человека	3430±35	1862–1678
15. LSC	Вапнярка к. 4 п. 6 (рис. 6: *12*)	Ki–15016	Кость человека	3470±60	1880–1730
16. AMS	Сугоклейская Могила п. 3 (рис. 6: *9*)	Poz–36998	Кость человека	3355±35	1700–1600
17. AMS	Сугоклейская Могила п. 4 (рис. 6: *13*)	Poz–37000	Кость человека	3495±35	1880–1760
18. AMS	Сугоклейская Могила п. 25 (рис. 6: *14*)	Poz–37001	Кость человека	3430±35	1870–1680
19. LSC	Сычавка к. 1 п. 18 (рис. 6: *15*)	Ki–16611	Кость человека	3490±90	1930–1690
20. LSC	Сычавка к. 1 п. 21 (рис. 6: *16*)	Ki–16609	Кость человека	3680±80	2200–1950
21. LSC	ДОТ к. 3 п. 8 (рис. 6: *18*)	Ki–19935	Кость человека	3560±50	1980–1780
22. LSC	Сад к. 1 п. 2 (рис. 6: *19*)	Ki–20159	Кость человека	3780±50	2300–2130
23. LSC	Сад к. 1 п. 7 (рис. 6: *17*)	Ki–19820	Кость человека	3510±60	1910–1740
24. LSC	Сад к. 1 п. 13 (рис. 6: *20*)	Ki–19784	Кость человека	3570±60	2020–1820
25. LSC	Сад к. 1 п. 16 (рис. 6: *22*)	Ki–19806	Кость человека	3840±60	2460–2200
26. LSC	Сад к. 1 п. 20 (рис. 6: *21*)	Ki–19811	Кость человека	3810±60	2350–2140
27. LSC	Сад к. 1 п. 27 (рис. 6: *23*)	Ki–19780	Кость человека	3640±50	2130–1930
28. LSC	Водовод к. 2 п. 2 (рис. 6: *26*)	Ki–19809	Кость человека	3460±60	1880–1690
29. LSC	Водовод к. 2 п. 5 (рис. 6: *24*)	Ki–19937	Кость человека	3530±50	1930–1770

Таблица 6. Радиоуглеродные даты. Днепро-прутская бабинская культура (*окончание*).

№ LSC/AMS	Комплекс	Шифр лаборатории	Материал	Дата BP	Дата CalBC Вероятность 1σ
30. LSC	Водовод к. 2 п. 8 (рис. 6: *25*)	Ki–19947	Кость человека	3340±60	1690–1530
31. LSC	Водовод к. 2 п. 10 (рис. 6: *27*)	Ki–19951	Кость человека	3570±60	2020–1820
32. LSC	Водовод к. 2 п. 11 (рис. 6: *28*)	Ki–19948	Кость человека	3430±60	1880–1660
33. LSC	Водовод к. 9 п. 1, скелет 1 (рис. 6: *29*)	Ki–20162	Кость человека	3410±50	1770–1630
34. LSC	Водовод к. 9 п. 1, скелет 2 (рис. 6: *29*)	Ki–20342	Кость человека	3310±50	1640–1520
35. LSC	Водовод к. 15 п. 1 (рис. 6: 6)	Ki–19953	Кость человека	3520±70	1940–1750
36. LSC	Клин к. 1 п. 6 (рис. 6: *10*)	Ki–20251	Кость человека	3420±50	1870–1630
37. LSC	Клин к. 1 п. 6 (рис. 6: *10*)	Ki–20283	Кость человека	3610±50	2030–1900
38. LSC	Клин к. 1 п. 3	Ki–20248	Кость человека	3370±50	1740–1610

1–4 – даты (по: *Szmyt, Chernyakov*, 1999. Tabl. 1); *5, 6, 10* – даты (по: *Klochko*, 1999. Fig. 10, 14); *7–9*– даты (по: *Иванова и др.*, 2005. Табл. 2); *11* – дата (по: *Лысенко*, 2005.Табл. IV); *12* – дата (по: *Рассамакін*, 2006. С. 135); *13* – дата (по: *Telegin et al.*, 2003. Tabl. 2); *14* – дата (по: *Лисенко*, 2004. Прил. 3); *15* – дата (по: *Иванова, Ветчинникова*, 2009. С. 45); *16–18* – даты (по: *Ніколова, Разумов*, 2012. Табл.); *19, 20* – даты (по: *Іванова, Савельєв*, 2011. Табл.); *21–35* – даты (по: *Лысенко и др.*, 2021); *36–38* – даты (по: *Разумов и др.*, 2022. С. 241, 242).

Литература

Андреева М. В., 1986. Об одной зооантропоморфной фигурке из Ставрополья // СА. № 2. С. 231–234.

Богданов С. В., 1998. Большой Дедуровский Мар // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. II / Отв. ред. Н. Л. Моргунова. Оренбург: Печатный дом «Димур». С. 17–37.

Борисов А. В., Каширская Н. Н., Юршенас Д. А., Хомутова Т. Э., Петросян А. А., Мимоход Р. А., 2022. Палеоэкологические условия в степной зоне восточно-европейской равнины в посткатакомбное время // Нижневолжский археологический сборник. Т. 21, № 2. С. 82–99.

Гей А. Н., 1995. Батуринская катакомбная культура и финал эпохи средней бронзы в Степном Прикубанье // Историко-археологический альманах / Отв. ред. Р. М. Мунчаев. М.; Армавир. С. 4–14.

Епимахов А. В., 2022. Новые данные о радиоуглеродной хронологии поздней бронзы Южного Урала [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=ds4dK5L96FI&t=2242s (дата обращения: 15.06.2023).

Иванова С. В., Ветчинникова Н. Е., 2009. Курган эпохи палеометалла на берегу Аджылакского лимана в Одесской области // Старожитности степового Причорномор'я і Криму. XV / Ред. П. П. Толочко. Запоріжжя. С. 43–47.

Іванова С. В., Савельєв О. К., 2011. Курган біля с. Сичавка Одеської області // Археологія. № 3. С. 70–82.

Иванова С. В., Петренко В. Г., Ветчинникова Н. Е., 2005. Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра. Одесса: Изд-во КП ОГТ. 207 с.

Калмыков А. А., 2000. Отчет о раскопках курганного могильника Золотаревка-1 в Ипатовском районе Ставропольского края в 2000 году // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 43015–43021.

Калмыков А. А., Березина Н. Я., Грески Ю., Добровольская М. В., Бужилова А. П., 2018. Погребение мастера-литейщика лолинской культуры на Ставрополье // КСИА. Вып. 251. С. 64–79.

Калмыков А. А., Матюхин А. Д., 2007. Роговая пряжка из курганного могильника Кевюды-1 // Материалы по изучению историко-культурного наследия

Северного Кавказа. Вып. VII / Отв. ред. А. Б. Бединский. М.: Памятники исторической мысли. С. 75–84.

Калмыков А. А., Мимоход Р. А., 2005. Роговые и костяные поясные пряжки и подвески лолинской культуры // Матеріали та дослідження з археології Східної України. № 4 / Гол. ред. С. М. Санжаров. Луганськ: Видавництво Східноукраїнського національного університету імені В. Даля. С. 201–234.

Ковалюх Н. Н., Мимоход Р. А., 2007. Новые радиоуглеродные даты посткатакомбных погребений Нижнего Поволжья и степного Предкавказья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: II Междунар. Нижневолж. археолог. конф. / Отв. ред.: А. В. Кияшко, А. С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та. С. 35–39.

Кузнецов П. Ф., Мочалов О. Д., Хохлов А. А., Энтони Д. У., 2018. Грачевские курганы. Археология, антропология, геномный анализ. Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т. 195 с.

Кузнецов П. Ф, Мочалов О. Д., 2012. Потаповские комплексы курганов могильника Грачевка II // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области) / Отв. ред. М. А. Турецкий. Самара. С. 37–82.

Купцова Л. В., Евгеньев А. А., 2022. Погребения эпохи бронзы II курганного могильника у с. Второе Имангулово (Оренбуржское Приуралье) // Поволжская археология. № 1 (39). С. 49–60.

Ларенок О. П., 2017. Уникальный женский комплекс бронзового века из раскопок курганного могильника «Бургуста-1» // Проблемы археологии Восточной Европы и Дальнего Востока: материалы XII Междунар. археолог. конф. студентов и аспирантов / Отв. ред. Е. В. Вдовченков. Ростов-на-Дону, Таганрог: Изд-во Южного федер. ун-та. С. 74–78.

Лисенко С. Д., 2004. Доповнення до археологічної карти Фастівського району (1999–2004 рр.) // Археологічни пам'ятки Фастіщини: матеріали до археологічної карти Київської обалсті. Фасті в. С. 85–152.

Литвиненко Р. А., 2006. Днепро-донская бабинская культура (источники, ареал, погребальный обряд) // Матеріали та дослідження з археології Східної України / Гол. ред. С. М. Санжаров. № 5. Луганськ: Вид-во СНУ. С. 157–187.

Литвиненко Р. О., 2009. Культурне коло Бабино (по матеріалам поховальних пам'яток): дисертація … доктора історичних наук // Науковий архів Інституту археології Національної академії наук України. Ф. 12. Оп. 2. № 879.

Лысенко С. Д., 2005. Абсолютная хронология восточного массива тшинецкого культурного круга // Проблемы эпохи бронзы Великой Степи / Ред. И. Ф. Ковалева и др. Луганск: Глобус. С. 37–60.

Лысенко С. Д., Разумов С. Н., Лысенко С. С., Синика В. С., Тельнов В. П., 2021. Погребения эпохи поздней бронзы из курганов групп «ДОТ», «Сад», «Водовод» у с. Глинное на левом берегу Нижнего Днестра // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. № 13. Нижневартовск. С. 164–201.

Мимоход Р. А., 2009. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. М.: Таус. 292 с. (Материалы охранных археологических исследований; т. 10).

Мимоход Р. А., 2011. Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований // КСИА. Вып. 225. С. 28–53.

Мимоход Р. А., 2012. Радиоуглеродные даты погребений днепро-донской бабинской культуры из одиночного кургана Ясиновский III на Северском Донце // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України: матеріали III міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С. Н. Братченка / Гол. ред. В. В. Отрощенко. Луганськ. С. 295–299.

Мимоход Р. А., 2013. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М.: ИА РАН. 568 с. (Материалы охранных археологических исследований; т. 16).

Мимоход Р. А., 2014. Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: от криволукской культурной группы к волго-донской бабинской культуре // КСИА. Вып. 232. С. 100–119.

Мимоход Р. А., 2018. Стратифицированные курганы бронзового века на правобережье Северского Донца. М.: ИА РАН. 288 с. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 23).

Мимоход Р. А., 2021. «Загадочные» сидячие захоронения бронзового века в Волго-Уралье // РА. № 3. С. 52–66.

Мимоход Р. А., 2021а. Хронология и периодизация волго-донской бабинской культуры // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 9 / Отв. ред. М. А. Турецкий. Самара: Слово. С. 69–91.

Мимоход Р. А., 2022. Десять лет спустя или радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований в свете новых данных // Энеолит и бронзовый век Циркумпонтийского региона: культурные процессы и взаимодействия (к 100-летию со дня рождения Н. Я. Мерперта): тез. докл. конф. / Отв. ред. А. Н. Гей. М.: ИА РАН. С. 70–73.

Мимоход Р. А., Гак Е. И., Хомутова Т. Э., Рябогина Н. Е., Борисов А. В., 2022. Палеоэкология–культурогенез–металлопроизводство: причины и механизмы смены эпох в культурном пространстве юга Восточной Европы в конце средней–начале поздней бронзы // РА. № 1. С. 20–34.

Мимоход Р. А., Загородняя О. Н., 2020. Свидетельства ранений и убийств в посткатакомбном мире (XXII–XVIII вв. до н. э.) // Маргулановские чтения – 2020: материалы междунар. науч.-практ. конф. «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.). Т. 1 / Гл. ред. Б. А. Байтанаев. Алматы: Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана. С. 137–151.

Мимоход Р. А., Шишлина Н. И., 2004. Радиоуглеродные данные финальнокатакомбных погребений могильника Манджикины I и некоторые вопросы датирования памятников рубежа эпохи средней и поздней бронзы Северо-Западного Прикаспия // XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Древний Кавказ: ретроспекция культур: междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова: тез. докл. / Отв. ред. Л. Т. Яблонский. М.: ИА РАН. С. 124–127.

Мимоход Р. А., Шишлина Н. И., Хоммель П., 2020. ^{14}C данные кургана 1 мог. Пологи и радиоуглеродная хронология днепро-донской бабинской культуры // Пологівський посох (досвід міждисциплінарного вивчення): колективна монографія / Від. ред.: В. В. Отрощенко, Г. Н. Тощев. Київ; Запоріжжя: Друкарський двір Олега Федорова. С. 102–112.

Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Дегтярева А. Д., Евгеньев А. А., Купцова Л. В., Салугина Н. П., Хохлова О. С., Хохлов А. А., 2010. Скворцовский курганный могильник. Оренбург: Изд-во Оренбургский гос. пед. ун-т. 160 с.

Ніколова А. В., Разумов С. М., 2012. Поховання культури Бабине Сугоклейської могили // Археологія. № 3. С. 96–108.

Папанова В. А., Тощев Г. Н., Каїра Ф. В., Короткий О. В., 2020. Разкопки курганних могільників № 2007 и № 2417 (м. Пологи та с. Пологи Пологівського району Запоріжської області) у 2018 р. // Пологівський посох (досвід міждисциплінарного вивчення): колективна монографія / Від. ред. В. В. Отрощенко. Київ; Запоріжжя: Друкарський двір Олега Федорова. С. 8–45.

Разумов С. Н., Лысенко С. Д., Тельнов Н. П., Синика В. С., 2022. Сосуд с пиктограммами начала позднего бронзового века из Северо-Западного Причерноморья // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда: материалы V междунар. конгр. археологии евразийских степей. Т. 1 / Гл. ред. А. Онгар. Алматы; Туркестан: Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана. С. 237–245.

Рассамакін Ю. А., 2006. Курган біля села Старобогданівка та деякі проблеми абсолютної хронології доби ранньої бронзи басейну р. Молочної // Матеріали та дослідження з археології Східної України. № 5 / Гол. ред. С. М. Санжаров. Луганськ: Видавництво Східноукраїнського національного університету імені В. Даля. С. 122–156.

Сергацков И. В., Скрипкин А. С., Клепиков В. М., Дьяченко А. Н., 2006. Курганы у поселка Линево // Материалы по археологии волго-донских степей. Вып. 3 / Отв. ред. И. В. Сергацков. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та. С. 37–80.

Скарбовенко В. А., 1999. Николаевка III – могильник эпохи средней бронзы в долине р. Самары // Вопросы археологии Урала и Поволжья: к 30-летию Средневолжской археологической экспедиции / Ред. Г. И. Матвеева и др. Самара: Самарский ун-т. С. 143–160.

Сташенков Д. А., 2006. Раскопки Калиновского курганного могильника. Курган 1 // Калиновский I курганный могильник / Отв. ред. Д. А. Сташенков. Самара. С. 7–23.

Черных Е. Н., Орловская Л. Б., 2015. Радиоуглеродная хронология культур Западной Евразии в Эпоху Раннего Металла // Естественнонаучные методы исследования и парадигма современной археологии: материалы Всерос. науч. конф. (Москва, ИА РАН, 8–11 декабря 2015 г.) / Ред.: М. В. Добровольская, Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры. С. 8–18.

Чичагова О. А., Александровский А. Л., Анисимова М. А., Шишлина Н. И., 1999. Результаты радиоуглеродного датирования курганных погребений эпохи бронзы могильника Манджикины-1 // Могильник Манджикины-1 – памятник эпохи бронзы – раннего железного века Калмыкии (опыт комплексного исследования) / Отв. ред.: Е. В. Цуцкин, Н. И. Шишлина. М.; Элиста. С. 39–41.

Шевченко І., 2019. Поховання коло Бабине, відкрите в зоні бойових дій на Донеччине // Археологічни дослідження в Українів 2017 р. / Гол. ред. Ю. В. Болтрик. Київ: Інститут археології Національної академії наук України. С. 25–26.

Шишлина Н. И., 2013. Интерпретация радиоуглеродных данных: абсолютная хронология лолинской культуры Прикаспия // КСИА. Вып. 230. С. 23–36.

Шишлина Н. И., Зазовская Э. П., Севастьянов В. С., Й. ван дер Плихт, Чичагова О. А., 2007. Радиоуглеродное датирование разных углеродосодержащих материалов из одного археологического контекста: проблема интерпретации и дискуссии // Радиоуглерод

в археологических и палеоэкологических исследованиях: материалы конф., посвящ. 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН (9–12 апреля 2007 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред.: Г.И. Зайцева, М.А. Кулькова. СПб.: Теза. С. 225–235.

Шишлина Н.И., Матюхин А.Д., Цуцкин Е.В., 2002. Исследование могильника Островной в Ики-Бурульском районе Калмыкии // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-западного Прикаспия / Ред.: Н.И. Шишлина, Е.В. Цуцкин. М.; Элиста. С. 9–105.

Шишлина Н.И., Орфинская О.В., Хоммель П., Зазаовская Э.П., Анкушева П.С., ван дер Плихт Й., 2020. Шерстяные ткани бронзового века Северной Евразии: новые радиоуглеродные данные // Российские нанотехнологии. Т. 15, № 5. С. 671–680.

Шишлина Н.И., Цуцкин Е.В., Фирсов К.Б., 1999. Археологическое исследование могильника Манджикины-1 в Ики-Бурурльском районе Республики Калмыкии // Могильник Манджикины-1 – памятник эпохи бронзы – раннего железного века Калмыкии (опыт комплексного исследования). М.; Элиста. 5–31.

Klochko V.I., 1999. Radiocarbon chronology of the Early and Middle Bronze Age in the Middle Dnieper Region. The Mironovka Barrows // The foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3150–1850 BC / Ed. A. Kośko. Poznan: PPH Drukarnia Kolejowa w Poznaniu. P. 162–195. (Baltic-Pontic Studies; vol. 7).

Kuznetsov P.F., Mochalov O.D., Anthony D.W., 2016. The Bronze Age Kurgan Cemetery at Krasnosamarskoe IV // A Bronze Age Landscape in the Russian Steppe. The Samara Valley Project / Ed. D.W. Anthony et al. Los Angeles: Cotsen Insnitute of Archaeology Press. P. 443–470.

Narasimhan V.M. et al., 2019. The formation of human populations in South and Central Asia // Science. 365. eaat7487. Supplementary materials.

Szmyt M., Chernyakov I.T., 1999. Radiocarbon Chronology of «Akkiembetski Kurgan». A Preliminary Report // The foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3150–1850 BC / Ed. A. Kośko. Poznan: PPH Drukarnia Kolejowa w Poznaniu. P. 196–202. (Baltic-Pontic Studies; vol. 7).

Telegin D.Y., Pustovalov S.Z., Kovalyukh N.N., 2003. Relative and absolute chronology of Yamnaya and Catacomb monuments the issue of so-existence // The foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 4000–1000 BC / Ed. A. Kośko. Poznan: Zakład Poligraficzny Antoni Frąckowiak w Poznaniu. P. 133–184. (Baltic-Pontic Studies; vol. 12).

Сведения об авторе

Мимоход Роман Алексеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия;
e-mail: mimokhod@gmail.com

https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-426-5.289-297

ВЛИЯНИЕ КОЛИЧЕСТВА РАДИОУГЛЕРОДНЫХ ДАТ НА ДОСТОВЕРНОСТЬ РЕКОНСТРУКЦИЙ (БРОНЗОВЫЙ ВЕК ЮЖНОГО УРАЛА)[1]

А. В. Епимахов

Резюме. Несмотря на положительные тенденции в развитии тематики радиоуглеродного датирования археологических памятников, в среде российских специалистов сохраняется неопределенность по вопросу о необходимости многократного датирования одного памятника. Цель данной работы – представить на реальных примерах дополнительные возможности содержательной интерпретации материалов, располагающих большими сериями дат. В статье представлены итоги байесовского моделирования двух стратифицированных объектов (могильник Каменный Амбар-5 и поселение Горный-1), позволившие уточнить хронологические рубежи и длительность функционирования каждого из них, а также диагностировать статистические выбросы и протестировать наличие/отсутствие резервуарного эффекта при датировании костей человека. Часть датировок и данных о составе стабильных изотопов азота и углерода публикуется впервые (таблицы 1 и 2). Статистический анализ серий позволил успешно решить поставленные задачи и создал предпосылки для решения проблем реконструкции основных сфер функционирования древних коллективов.

Ключевые слова: радиоуглеродная хронология, байесовская статистика, бронзовый век, Южный Урал.

ВВЕДЕНИЕ

Радиоуглеродный анализ достаточно давно стал основным инструментом определения хронологических позиций памятников и культур бронзового века. Для территорий, лишенных серийных стратиграфических наблюдений или большого числа закрытых комплексов с разнотипным инвентарем, этот метод остается едва ли не единственным способом верификации культурно-хронологических схем, часто конкурирующих между собой. Южный Урал, сыгравший важную роль в становлении и развитии культур поздней бронзы Северной Евразии, – типичный пример именно такого рода (*Grigoris*, 2021). Первые опыты построения региональных систем периодизации опирались на единичные стратиграфические наблюдения, часто становившиеся предметом споров, а также типологические заключения, в основном связанные с металлическими изделиями (*Черных*, 1970; *Аванесова*, 1991). Последние сами по себе не содержат хронологической информации, и в зависимости от представлений авторов о направлении эволюции оценивались по-разному с отсылкой к длинным цепочкам аналогий из хорошо датированного контекста (например, к европейским). Опыты радиоуглеродного датирования (в основном единичные измерения) не играли существенной роли в аргументации.

Следующий этап развития темы связан с созданием первых серий датировок для основных культур и их обобщением в рамках процедуры суммирования вероятностей калиброванных значений (*Черных и др.*, 2000). Создаются первые базы данных, Е. Н. Черных с соавторами в ходе их анализа приходит к эмпирическому заключению о минимально необходимом числе 20–25 анализов для отдельных культур для получения достоверных интервалов. Увеличение серий продемонстрировало, что выделенные в процессе суммирования интервалы, даже при вероятности в 68,3%, иллюстрируют заметные наложения, хотя в целом соответствуют ожиданиям в рамках систем периодизации. Такая картина порождает иллюзию непрерывного развития и частичной синхронизации разных традиций, что явно не всегда соответствует реальному положению вещей, а обусловлено избранной процедурой

[1] Работа подготовлена при поддержке гранта РНФ № 20-18-00402-П «Миграции человеческих коллективов и индивидуальная мобильность в рамках мультидисциплинарного анализа археологической информации (бронзовый век Южного Урала)».

обобщения[2] и характером калибровочной кривой. Параллельно изживается практика получения единичных дат для одного комплекса или памятника в свете трудностей их интерпретации для объектов со сложной историей функционирования.

Современный этап характеризуется совершенно иными масштабами датирования. Впрочем, само по себе умножение числа дат для одного памятника не является панацеей, хотя, с нашей точки зрения, открывает возможности верификации результатов и статистического моделирования. Акцент на небольшом числе объектов, а не максимально широком охвате единокультурных материалов позволяет создать своего рода эталонные, хорошо датированные комплексы, которые могут стать опорными для дальнейшей работы. Тестированию таких возможностей посвящена данная работа. Статейный формат вынуждает нас сосредоточиться на единичных примерах, которые, с нашей точки зрения, способны стимулировать дальнейшие работы в данном направлении. Следует признать, что относительно небольшое число памятников бронзового века Южного Урала располагает крупными сериями радиоуглеродных дат, в отличие, например, от Западной Сибири (*Schneeweiß et al.*, 2018; Тартас-1, 2022. С. 524–529 и др.).

МЕТОДИКА И МАТЕРИАЛЫ

В данной статье мы используем ряд стандартных процедур калибровки и обобщения серий радиоуглеродных дат, полученных в разные годы и разными методиками. Большинство результатов опубликовано, но в ряде случаев калибровка проведена заново. Для могильника Каменный Амбар-5 расширен список дат, во всех возможных случаях информация дополнена сведениями о составе стабильных изотопов азота и углерода. Объем публикации не позволяет привести все исходные данные. Для калибровки и моделирования использована программа OxCal 4.4.4 (*Bronk Ramsey*, 2017), калибровочная кривая IntCal20 (*Reimer et al*., 2020). Для определения статистических выбросов серии в целом использована диаграмма размаха («ящик с усами») медиан калиброванных значений, а также встроенный функционал OxCal 4.4.4, тестирующий степень согласованности и конвергентности значений в рамках отдельных фаз при моделировании. При анализе степени однородности выборок использована процедура суммирования вероятностей калиброванных значений («Sum»), для определения границ интервала дат применена процедура «Boundary» (*Bronk Ramse*y, 2009).

Комплекс памятников бронзового века Каменный Амбар

Значительный интерес к синташтинским древностям обусловил количественное преобладание именно этих дат в рамках региона, хотя в последние годы наметилась тенденция к изменению этой диспропорции. Даже на этом фоне выделяется комплекс поселения и могильника Каменный Амбар. На поселении и в курганах была выявлена надежная стратиграфия, что наряду с серийным характером датирования создает хорошие предпосылки для углубленного хронологического анализа.

Комплекс включает укрепленное поселение Каменный Амбар и курганный могильник Каменный Амбар-5. В истории функционирования поселения ранее удалось выделить два этапа и четыре фазы, связанные с синташтинскими, петровскими и срубно-алакульскими традициями (*Epimakhov et al.,* 2021). В нашем распоряжении большое число анализов (61), выполненных с привлечением разных материалов (включая кратко живущие) и отобранных из достоверного контекста (*Епимахов и др.*, 2020). Критический анализ позволил выделить группу статистических выбросов, а стратиграфические факты помогли провести моделирование хронологии методами байесовской статистики. В результате установлено, что вся совокупность дат разделяется на два периода (ассоциированы с двумя этапами застройки). Моделирование позволило оценить длительность функционирования поселения в целом, каждого из этапов, выразить в цифрах длительность фаз и хиатуса в истории поселения (*Чечушков и др.*, 2020), в конечном итоге удалось ассоциировать отдельные фазы с конкретными культурными традициями.

Синташтинская часть могильника на момент публикации 2021 года (*Чечушков, Епимахов*, 2021) имела 17 датировок, сегодня их 26 (*Librado et al.*, 2021; *Epimakhov et al*., 2023). Таким образом, из 37 могильных ям четырех курганов продатированы 14, восемь из них снабжены 2–3 датами (табл. 1), что позволило проверить согласованность

[2] В настоящее время процедура суммирования вероятностей используется только для проверки соответствия получаемого графика нормальному распределению, т. е. тестированию однородности выборки. Наш опыт показывает, что и в этом случае на итоговый вывод сильно влияют характер калибровочной кривой и число дат.

Таблица 1. Радиоуглеродные даты синташтинской части могильника Каменный Амбар-5.

Курган	Яма	№ скелета / вид животного	Индекс	Конвенц. дата	Источник
2	6	Скелет 2	OxA-12530	3572±29	Епимахов, 2005
2	6	Скелет 8	PSUAMS-1954	3550±25	*Narasimhan et al.*, 2019
2	6	лошадь	UCIAMS-199288	3565±15	*Librado et al.*, 2021
2	8	Скелет 4	PSUAMS-2102	3460±20	*Narasimhan et al.*, 2019
2	8	Скелет 2	OxA-12531	3549±29	Епимахов, 2005
2	8	лошадь	UCIAMS-199242	3535±20	*Librado et al.*, 2021
2	11	Скелет 2	Beta-436293	3560±30	*Narasimhan et al.*, 2019
2	12	Скелет 2	OxA-12532	3604±31	Епимахов, 2005
2	15	Скелет 1	OxA-12533	3555±31	-*-
2	15	лошадь	UCIAMS-199278	3590±15	*Librado et al.*, 2021
2	15	КРС	IGANAMS-7813	3540±20	Настоящая публикация
2	16	Скелет 1	Beta-436294	3640±30	*Narasimhan et al.*, 2019
4	1	Скелет 1	OxA-12650	3521±28	Епимахов, 2005
4	1	лошадь	UCIAMS-223202	3520±15	*Librado et al.*, 2021
4	2	Скелет 4	PSUAMS-2101	3475±30	*Narasimhan et al.*, 2019
4	2	Скелет 6	Beta-436363	3500±30	-*-
4	2	Скелет 5	PSUAMS-1953	3540±25	-*-
4	3	Скелет 1	OxA-12534	3529±31	Епимахов, 2005
4	5	лошадь	UCIAMS-199305	3535±15	*Librado et al.*, 2021
4	5	лошадь	UCIAMS-223203	3545±15	-*-
4	9	лошадь	UCIAMS-199652	3555±20	-*-
4	11	Скелет 4	PSUAMS-1952	3495±25	*Narasimhan et al.*, 2019
4	11	Скелет 2	PSUAMS-2064	3520±25	-*-
4	15	Скелет 1	OxA-12535	3498±35	Епимахов, 2005
8	2	лошадь	UCIAMS-199250	3550±15	*Librado et al.*, 2021
8	2	лошадь	UCIAMS-199248	3530±20	-*-

значений для закрытых комплексов (достоверных следов многократного использования не выявлено). Материал для датирования – коллаген (10 животных и 14 человек). Наша выборка не выявила следов воздействия резервуарного эффекта (табл. 2), что ранее было установлено коллегами в отношении другого синташтинского могильника (*Svyatko et al*., 2022).

Для кургана 2 были стратиграфически выделены две фазы использования, что воплощено в статистической модели (рис. 1). Предварительный анализ позволил выявить статистический выброс для могильной ямы 8 (PSUAMS-2102, 3460 ± 20), резко отличный от двух других значений этого комплекса (OxA-12531, 3549 ± 29; UCIAMS-199242, 3535 ± 20) и выборки в целом. Моделирование выявило еще один статистический выброс – наиболее древнее значение во всей выборке (Beta-436294, 3640 ± 30). Остальные результаты статистически достоверно согласованы. Вероятностная оценка длительности не превышает 75 лет в рамках конца XX – начала XIX в. до н. э. (табл. 3). На некоторое омоложение и общее сокращение интервала могло повлиять отсутствие дат из центральных сильно потревоженных могильных ям.

Выборка дат кургана 4 не содержит выбросов: даты для закрытых комплексов оказались статистически согласованы, моделирование фаз также не выявило отклонений (рис. 2). Для данного кургана установлена последовательность сооружения почти всех могильных ям, поэтому выделение двух фаз имеет некоторый оттенок условности. Однако эта модель согласуется со стратиграфией и позволяет очертить границы фаз и погребального сооружения в целом (табл. 3).

Эти данные дают возможность строго аргументировать порядок возведения курганов. Не исключено, что использование площадки кургана 2 завершилось до начала совершения первых захоронений в кургане 4, который также функционировал несколько десятилетий. Палеогенетический анализ выявил немногочисленные связи первой и второй степени родства только в пределах отдельных могил

Таблица 2. Результаты анализа стабильных изотопов синташтинской части могильника Каменный Амбар-5.[3]

Индекс	$\delta^{13}C$, ‰	$\delta^{15}N$, ‰	%C	%N	C/N_{at}
OxA-12530	-18.5	11,50	40.7	13,80	3,40
PSUAMS-1954	-	-	-	-	-
UCIAMS-199288	-21,3	5,0			3,20
PSUAMS-2102	-17.8	13,3	27,50	9,70	3,30
OxA-12531	-18.2	14,2	41,00	15,30	3,10
UCIAMS-199242	-20,4	5,3			3,10
Beta-436293	-18,0	12,6	40,10	13,60	3,40
OxA-12532	-19.4	14,8	39.6	13,20	3,50
OxA-12533	-17.8	13,6	39,50	13,30	3,50
UCIAMS-199278	-19,9	7,2			3,20
IGANAMS-7813	-19,55	7,69			3,21
Beta-436294	-17.4	14,50	40.4	15,20	3,10
OxA-12650	-18,2	12,2	37,09	12,47	3,47
UCIAMS-223202	-22,4	5,0			3,20
PSUAMS-2101	17,9	13,9	37,82	12,63	3,49
Beta-436363	-17,8	14,4	38,49	12,79	3,51
PSUAMS-1953	-18	15,6	37,65	12,47	3,52
OxA-12534	-17,9	14,14	38,68	12,93	3,49
UCIAMS-199305	-19,9	4,1			3,20
UCIAMS-223203	-20,3	3,7			3,10
UCIAMS-199652	-20,6	4,2			3,20
PSUAMS-1952	-17,7	13,4	38,13	12,69	3,50
PSUAMS-2064	-18,6	12,9	35,93	12,16	3,45
OxA-12535	-	-	-	-	-
UCIAMS-199250	-20,3	4,0			3,10
UCIAMS-199248	-20,5	3,8			3,10

Примечания: прочерком обозначены датировки, для которых исследования стабильных изотопов не проводились.

Таблица 3. Результаты моделирования границ интервалов курганов 2 и 4 могильника Каменный Амбар-5.

Курган 2 (10 дат)			
	cal BC (68.3%)	**cal BC (95,4%)**	**Медиана cal BC**
Начало фазы 1	1937–1906	1951–1897	1921
Рубеж 1 и 2 фазы	1921–1896	1930–1889	1910
Конец фазы 2	1914–1883	1931–1858	1897
Длительность	0–33	0–75	20
Курган 4 (12 дат)			
Начало фазы 1	1896–1830	1896–1830	1885
Рубеж 1 и 2 фазы	1889–1826	1894–1781	1877
Конец фазы 2	1886–1811	1890–1748	1831
Длительность	0–30	0–135	16

[3] Часть данных таблицы опубликована ранее (*Hanks et al.*, 2018), остальные представлены впервые.

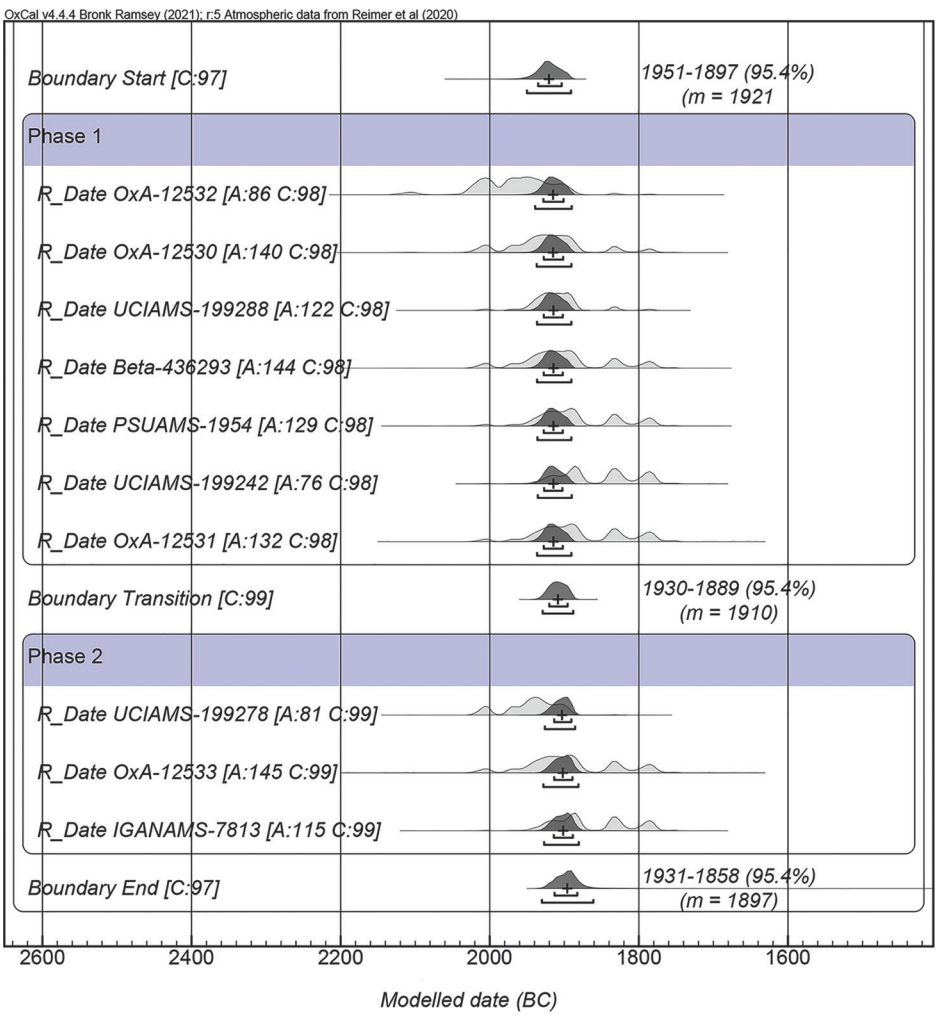


Рис. 1. Результаты моделирования хронологии кургана 2 могильника Каменный Амбар-5 (10 дат). Цифрами обозначены интервалы границ (вероятность 95,4 %) и медианы (до н. э.)

каждого из курганов (*Narasimhan et al.*, 2019). Все обсуждаемые события, видимо, укладываются в промежуток менее ста лет (конец XX–XIX в. до н. э.). Реалистичность такого вывода подтверждается сопоставлением с заключениями по хронологии поселения, опубликованными ранее. Углубление интерпретаций может вестись в направлении реконструкции демографии поселения; рассмотрении вопроса о том, насколько полно могильник отражает число и состав реально умерших; создании моделей экономической активности и локальной мобильности и т. п.

Поселение Горный-1

Одним из первых на Урале опытов массового датирования одного памятника стал проект комплексного исследования поселения Горный-1 на территории Карагалинского рудного поля (Каргалы, 2022. С. 125–127; 2004. С. 293–294). В разные годы три лаборатории получили 17 дат, выполненных по коллагену костей животных (13), углю (3) и бересте (1). Семь образцов проанализированы в рамках ускорительных технологий (индекс OxA). Большинство образцов имеет надежную привязку к конкретным объектам, почти все соотнесены с одной из четырех фаз функционирования памятника.

Конвенционные даты (с учетом стандартного отклонения) очерчивают длительный интервал (3530–3055 л. н.), который предсказуемо расширяется при калибровке. Диаграмма размаха медиан калиброванных значений, впрочем, не иллюстрирует статистических выбросов, хотя две наиболее ранние датировки (OxA-5649, 3460 ± 70; OxA-5647, 3455 ± 60) отстоят по медианам от остальных более чем на сто лет. Для установления хронологических рамок истории жизни поселения построена однофазная модель

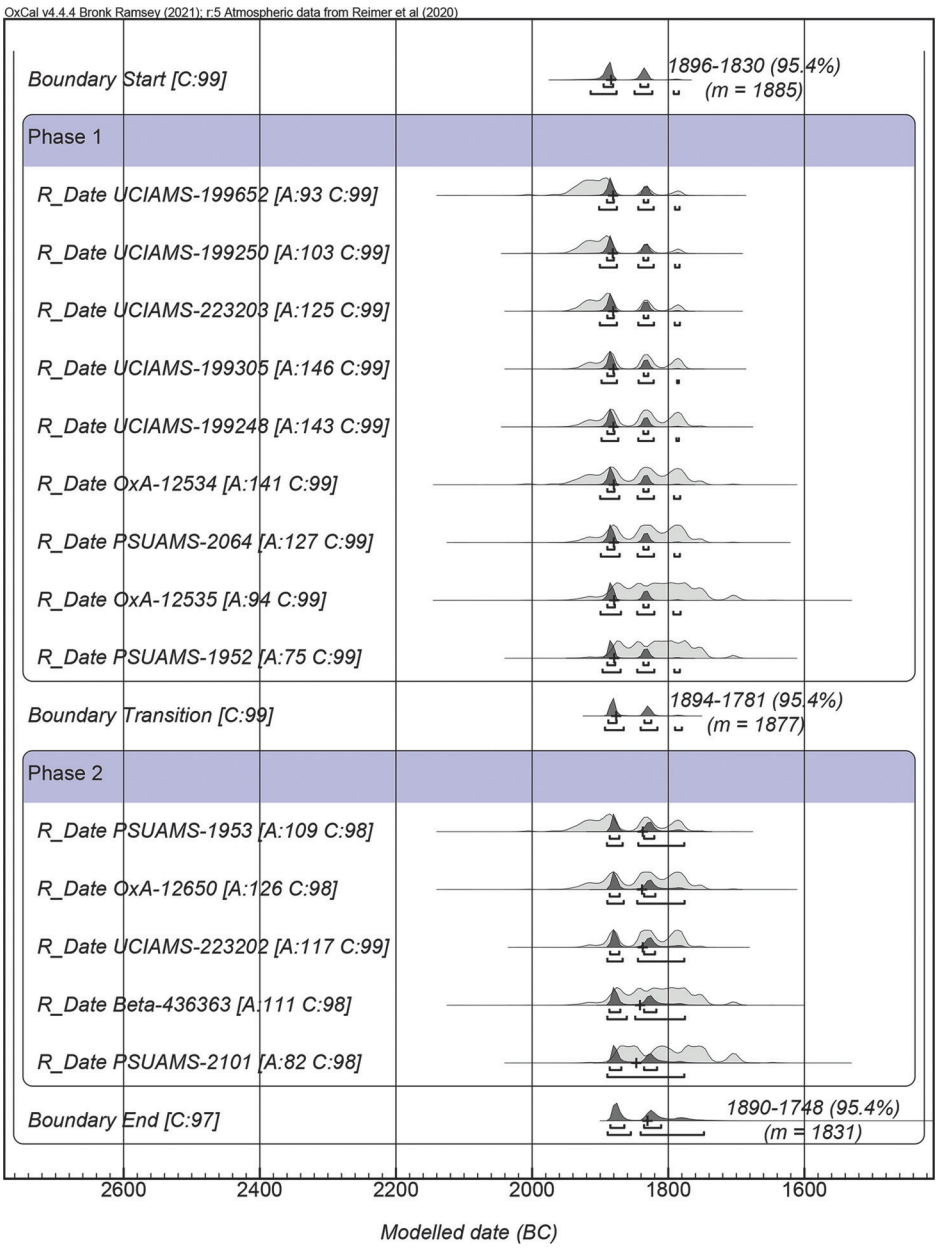


Рис. 2. Результаты моделирования хронологии кургана 4 могильника Каменный Амбар-5 (12 дат). Цифрами обозначены интервалы границ (вероятность 95,4 %) и медианы (до н. э.)

с определением границ и оценкой длительности. Первый показатель указывает на XVII–XIV вв. до н. э. (по медианам[4]), второй определяет примерно трехвековую длительность функционирования поселения. В целом эти данные выглядят реалистично, за исключением шлейфа поздних значений, который накладывается на период существования общности культур валиковой керамики.

Попытка использовать группировку дат по стратиграфическим данным (четыре фазы) оказалась менее результативной. Более половины значений демонстрируют критически низкий уровень согласования в группах (фазах), что хорошо видно и из таблицы 4, где даты фазы А, например, равномерно распределены по всей серии. Судя по всему, процесс формирования культурного слоя был достаточно сложным,

[4] Приведенные цифры не являются календарными датами, как, впрочем, и другие результаты измерений радиоуглеродного возраста, это один из методов статистической оценки.

Таблица 4. Результаты моделирования хронологии поселения Горный-1. Однофазная модель.

	Конвенц. дата	**Результаты калибровки без моделирования (cal BC)**		**Результаты моделирования границ (cal BC)**		**Фаза**	**A**	**C**
		95.4	**m**	**95.4**	**m**			
Начало				1822-1621	1702		96.8	
OxA-5649	3460±70	1955-1544	1774	1763-1533	1649	B1	69.9	99.3
OxA-5647	3455±60	1932-1615	1768	1757-1539	1653	B1	69	99.5
BM-2963	3380±35	1751-1540	1665	1736-1540	1643	A	100.5	99.7
OxA-5645	3375±60	1874-1510	1661	1732-1512	1624	B3	106.6	99.6
BM-3149	3360±35	1741-1536	1641	1732-1533	1626	B1	101.8	99.6
BM-2962	3340±35	1736-1518	1608	1689-1518	1599	A	104.6	99.5
OxA-5650	3315±50	1739-1460	1585	1692-1458	1579	B1	105	99.6
Bln-5552	3293±35	1668-1458	1562	1633-1459	1561	B1	100.8	99.4
OxA-5648	3290±50	1687-1447	1563	1676-1448	1560	A	102.9	99.5
BM-2945	3270±40	1622-1447	1536	1621-1447	1536	B1	100.3	99.7
OxA-5646	3245±70	1732-1325	1517	1669-1405	1517	B2	105.3	99.6
BM-2965	3220±35	1598-1416	1478	1541-1417	1479	B3	100	99.7
BM-3156	3180±45	1534-1311	1454	1531-1391	1458	B1	106	99.6
BM-2964	3170±50	1534-1298	1443	1536-1377	1453	B2/3	110.3	99.6
BM-3148	3120±40	1496-1275	1389	1500-1321	1417	B1	104.7	99.6
BM-3016	3120±45	1497-1269	1387	1501-1324	1420	B2	104.1	99.6
BM-3147	3090±35	1435-1261	1346	1492-1318	1404	A	91.5	99.7
Финал				1435-1270	1378		97.7	
Длительность				197-433	294		99.5	

Примечания: m – медиана; A (agreement) – коэффициент согласие; C (convergence) – коэффициент конвергенции.

а часть материалов была перемещена в процессе поздних перестроек. Частично наблюдения авторов раскопок находят подтверждение для выборки дат фазы B3 (заполнение мусором более ранних котлованов), включающей пару резко различающихся значений (OxA-5645, 3375 ± 60; BM-2965, 3220 ± 35) из числа отнюдь не самых поздних в серии. Видимо, в процессе «рекультивации» был использован более ранний культурный слой, включающий кости животных, в изобилии представленные на памятнике.

Результаты анализа этого уникального памятника менее впечатляющи, чем в примере с датированием закрытых комплексов с надежной стратиграфией. Однако и в этом примере возможны некоторые выводы. Хронологические рамки памятника в целом уточнены с помощью современных программных средств. Кроме того, диагностирован сложный порядок формирования культурного слоя, прежде всего в части наиболее ранней и наиболее поздней фаз функционирования поселения. Частным выводом может служить отсутствие расхождений в результатах датирования разными технологиями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенные примеры иллюстрируют дополнительные опции, возникающие при массовом датировании одних и тех же памятников. Первая из них – возможность проверки результатов для повторно датируемых комплексов. В некоторых случаях это позволяет выявить статистические выбросы, создающие информационный шум; в других – получить аргументы в диагностировании влияния резервуарного эффекта (разнотипные образцы и стабильные изотопы). Мы сознательно оставляем за скобками вопросы соблюдения процедуры отбора, документирования, хранения и анализа, влияние которых огромно.

Второй важный аспект – использование байесовского моделирования для определения более точной хронологии памятника или отдельных этапов, а также оценки длительности его функционирования. Последнее не может быть реализовано иными средствами. Моделирование, как показано выше, также отчасти решает проблему статистических выбросов. Их использование в обобщениях любого

масштаба неизбежно искажает итоговый результат, расширяя интервалы. Кроме того, моделирование для стратифицированных объектов сильно сглаживает негативный эффект, оказываемый локальными плато калибровочной кривой. В этом случае также трудно предложить иную альтернативу для сужения интервалов калиброванных значений.

Третий аспект, на котором стоит сделать акцент, – верифицируемый характер результатов. В ходе исследования могут быть протестированы разные модели с целью определения наиболее адекватной. Разумеется, это предполагает полноценное представление всех исходных данных и описание методов анализа. Современная ситуация в части применения радиоуглеродного датирования показывает, что значимость единичных анализов невелика, в этой связи открытость исходных данных представляется наиболее правильной политикой.

Выверенная хронология создает предпосылки для содержательных заключений о характере и скорости культурных и социальных процессов, реконструкции общественных структур, включая демографические параметры (через длительность накопления погребенной «популяции»), оценку степени сложности общества и др. Иначе говоря, увеличение серий не только повышает достоверность, но корректирует исходные посылки для реконструкций любой тематики.

Литература

Аванесова Н. А., 1991. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент: Фан. 200 с.

Епимахов А. В., 2005. Ранние комплексные общества Севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск: Челябинский дом печати. 192 с.

Епимахов А. В., Пантелеева С. Е., Корякова Л. Н., 2020. Колодцы как источник культурно-хронологической информации (по материалам поселения Каменный Амбар в Южном Зауралье) // АЭАЕ. № 4 (48). С. 101–111.

Каргалы. Т. II. Горный – поселение эпохи поздней бронзы / Сост. и науч. ред. Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2002. 184 с.

Каргалы. Т. III. Селище Горный / Сост. и науч. ред. Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2004. 320 с.

Тартас-1 – перекресток культур и эпох / Отв. ред.: В. И. Молодин, С. Хансен. Т. 1. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. 535 с.

Черных Е. Н., 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука. 180 с. (МИА; № 172).

Черных Е. Н., Авилова Л. И., Орловская Л. Б., 2000. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М.: ИА РАН. 96 с.

Чечушков И. В., Епимахов А. В., 2021. Хронологическое соотношение укрепленного поселения Каменный Амбар и могильника Каменный Амбар-5 в Южном Зауралье: возможности байесовской статистики // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 3 (54). С. 47–58.

Чечушков И. В., Молчанова В. В., Епимахов А. В., 2020. Абсолютная хронология поселений позднего бронзового века Каменный Амбар и Устье I в Южном Зауралье: возможности байесовской статистики // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2 (49). С. 5–19.

Bronk Ramsey C., 2009. Bayesian Analysis of Radiocarbon Dates // Radiocarbon. Vol. 51, 1. P. 337–360.

Bronk Ramsey C., 2017. Methods for Summarizing Radiocarbon Datasets // Radiocarbon. Vol. 59, 6. P. 1809–1833.

Epimakhov A. V., Berseneva N. A., Fedorova N. V. et al., 2021. Fortification lines of the Kamennyi Ambar settlement // The Bronze Age in the Karagai-ly-Ayat Region (Trans-Urals, Russia). Culture, Environment and Economy / Eds. L. N. Korjakova, R. Krause. Bonn: Dr. Rudolf Habelt. P. 101–158.

Epimakhov A., Zazovskaya E., Alaeva I., 2023. Migrations and Cultural Evolution in the Light of Radiocarbon Dating of Bronze Age Sites in the Southern Urals // Radiocarbon. (In press).

Grigoriev S., 2021. Andronovo problem: studies of cultural genesis in the Eurasian Bronze Age // Open archaeology. Vol. 7, 1. P. 3–36.

Hanks B. K., Ventresca Miller A., Judd M. et al., 2018. Bronze Age Diet and Economy: New Stable Isotope Data from the Central Eurasian Steppes (2100–1700 BC) // Journal of Archaeological Science. Vol. 97. P. 14–25.

Librado P., Khan N., Fages A. et al., 2021. The origins and spread of domestic horses from the Western Eurasia steppes // Nature. Vol. 598, iss. 7882. P. 634–640.

Narasimhan V. M., Patterson N., Moorjani P. et al., 2019. The Formation of human population in South and Central Asia // Science. Vol. 365, 6457. P. eaat7487.

Reimer P., Austin W., Bard E. et al., 2020. The IntCal20 northern hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 CAL kBP) // Radiocarbon. Vol. 62, 4. P. 725–757.

Schneeweiß J., Becker F., Molodin V.I. et al., 2018. Radiocarbon chronology of occupation of the Chicha Site and Bayesian statistics for the assessment of a discontinuous transition from Late Bronze to Early Iron Age (West Siberia) // Russian geology and geophysics. Vol. 59, 6. P. 635–651.

Svyatko S. V., Reimer P. J., Schulting R. J. et al., 2022. Freshwater reservoir effects in archaeological contexts of Siberia and the Eurasian steppe // Radiocarbon. Vol. 64, 2. P. 377–388.

Сведения об авторе

Епимахов Андрей Владимирович, Южно-Уральский государственный университет, пр. Ленина, 76, Челябинск, 454080, Россия; e-mail: epimakhovav@susu.ru

https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-426-5.298-310

ПОГРЕБЕНИЕ НАЧАЛА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ИЗ КУРГАНА ОКОЛО СТАНЦИИ ПЕРЕМЕТНОЙ НА РЕКЕ ДЕРКУЛ: РАСКОПКИ П. С. РЫКОВА

Н. М. Малов

Резюме. Анализируются материалы начала эпохи поздней бронзы. Составлен каталог погребальных памятников покровской культуры Нижнего Поволжья с миниатюрными сосудиками биконической формы без отогнутого венчика. Такие элементы их орнамента, как семь выпуклин, заштрихованных треугольников и горизонтальных желобков, отражают представления, связанные с солярной символикой, семеричной системой исчисления времени, семидневными фазами луны. Сосуды с шишечками известны в ямно-катакомбных и полтавкинских захоронениях. Вероятно, носители полтавкинской культуры также были знакомы с семеричной системой исчисления времени. Автор полагает, что памятники покровской культуры следует синхронизировать с синташтинскими и последующими петровскими комплексами, а не с полтавкинско-катакомбными и срубной культурой.

Ключевые слова: керамика, остроребериые сосудики, погребения, покровская культура, срубная культура, Нижнее Поволжье.

В 1925 г. экспедиция, возглавляемая профессором П. С. Рыковым, провела археологические работы в бассейне степной речки Деркул, протекающей по предгорьям Урала. Около станции Переметной «колодцем» был раскопан курган с двумя погребениями эпохи бронзы.

Фрагмент текста о раскопках кургана близ станции Переметной из опубликованного отчета (*Рыков*, 1926. С. 106–107):

«Около самой станции, невдалеке от реки, между станцией и водопроводом обнаружены 4 кургана расплывчато полусферической формы (14-я гр.). Из них один раскопан нами.

Курган. Диаметр – 22 м. Высота – 0,60 м. Форма кургана – уплощенно-полусферическая. Курган был окружен рвом, за исключением южной полы, куда, очевидно, оплыла насыпь.

1-е погребение, разрушенное. В Ю.–В. углу колодца, на глубине 20 см, обнаружена кость овцы, а в Ю.–З. углу – бедреная кость человека. В центре колодца – остатки истлевших ветвей, кости человека и черепок от крупного сосуда. Там же, но на глубине 26 см лежала колотая плаха в направлении от С. к Ю. Здесь же кости овцы, локтевая кость человека и истлевшие куски дерева. Несомненно, здесь было погребение, разрушенное другим, находившимся ниже.

2-е погребение, детское. В центре колодца, ближе к Ю. стенке, обнаружена могила прямоугольной формы с округлыми углами, длина ямы – 1,70 м., ширина – 0,95 м. и глубина – 0,80 м. Ориентирована по линии С.–Ю. В засыпке ямы найдены куски истлевших березовых плашек, служившие перекрытием ямы, и черепок от большого сосуда. На дне могилы лежал плохо сохранившийся костяк подростка лет 10–12 на правом боку, в скорченном состоянии, ориентированный к С.–З. Около него, за черепом, около рук находился разбитый глиняный остроребериый горшок, а в ногах, против колен, – стоял маленький сосудик с резным орнаментом, с семью выпуклинами по бокам и двумя дырочками в шейке для подвешивания. В могиле найдена также и зола. На сев. краю могилы на древней поверхности лежали кости овцы и позвонок коровы».

ОБСУЖДЕНИЕ

В. А. Городцов заложил фундаментальные основы для разработки модели культурогенеза бронзового века Восточной Европы. Профессор первым обратил внимание на памятники таких скотоводческих культур Нижнего Поволжья, как ямная, катакомбная, срубная и хвалынская (*Городцов*, 1927; *Малов*, 2010. С. 37, 39). Он считал, что носители ямной культуры жили в обширной области от р. Урала до р. Днепра. Границы распространения катакомбной культуры исследователь приблизительно наметил по линии от Одессы на Дербент, Астрахань и Орёл. Население срубной культуры распространилось из заволжских степей на запад. По его мнению, в Нижнем Заволжье

Таблица 1. Периодизация позднего бронзового века Нижнего Поволжья

Фаза	**Датировка**	**Культура**	**Стадия**
ПБВ 1	20–18/17 вв. до н. э.	Покровская	ПБВ 1. Покровская
ПБВ 2	17–16 вв. до н. э.	Поздняя покровская – ранняя срубная	ПБВ 2.1. Покровско-срубная
ПБВ 2	16–14 вв. до н. э.	Срубная	ПБВ 2.2. Срубная
ПБВ 3	14–13 вв. до н. э.	Поздняя срубная – ранняя хвалынская культура валиковой керамики (ХКВК)	ПБВ 3.1. Срубно-хвалынская
ПБВ 3	13–12 вв. до н. э.	ХКВК	ПБВ 3.2. ХКВК

срубную культуру сменила хвалынская, содержавшая вещи типа Сосново-Мазинского клада.

Археологи СГУ Ф. В. Баллод и П. С. Рыков, продолжившие группировать комплексы бронзового века Нижнего Поволжья, опирались прежде всего на работы В. А. Городцова (*Малов*, 2007. С. 37). П. С. Рыков подтвердил и далее развил точку зрения своего учителя о присутствии здесь памятников ямной, катакомбной, срубной и хвалынской культур (*Малов*, 2016. С. 346–347). В 1920–1930-е гг. он осуществил крупномасштабные раскопки, открыл неизвестные до этого выразительные комплексы позднего бронзового века в Нижнем Поволжье, Волго-Уральском и Волго-Донском междуречье. Профессор предложил новую, более дифференцированную модель культурогенеза в виде последовательных стадий, объединенных в одну хвалынскую или срубно-хвалынскую культуру (*Малов*, 1986. С. 22. Рис. 1). При этом П. С. Рыков, вслед за В. А. Городцовым, относил Сосново-Мазинский клад к хвалынской культуре, а затем к срубно-хвалынской.

Погребения катакомбной эпохи были включены в стадию А – переходную от древнеямных к срубно-хвалынским. Вскоре П. Д. Рау переименовал эту стадию в «полтавкинскую ступень» (Poltavker Stufe), дополнив ее характеристику. В зависимости от культурных влияний, приуроченности к разным природно-географическим зонам и других признаков четыре последующие стадии позднего бронзового век П. С. Рыков сгруппировал по двум параллельным культурным блокам, в каждый из которых вошли по две стадии.

Один блок представляли памятники стадий В и Е, испытавшие влияние срубной культуры. Стадии С и Д, где фиксировалось влияние «Сеймы и Бородина», отражали другое направление культурогенеза. Сюда вошли погребения срубно-хвалынской культуры, которые сейчас относят к покровскому культурному типу или покровской культуре (*Малов*, 2016. С. 348–549). При этом ранние покровские памятники, в том числе погребение № 2 из Перемётной, включаются в покровскую стадию (ПБВ 1) начальной фазы позднего бронзового века Нижнего Поволжья (табл. 1), датируемую в калиброванном значении XX–XVIII/XVII вв. до н. э. (*Малов*, 1986. С. 30. Рис. 2–34; 2012. С. 96–97; 2019. С. 85. Таблица).

П. С. Рыков отнес два захоронения из кургана близ станции Перемётной к эпохе бронзы и хвалынской культуре, синхронизируемой с Сейминской культурой и Бессарабским (Бородинским) кладом (*Рыков*, 1926. С. 92–93). Информация о первой более древней могиле очень лаконична, поскольку ее полностью разрушило второе впускное погребение. С первым захоронением связаны находки бедренной, локтевой и других разрозненных костей человека, костей овцы, остатков истлевших ветвей, дерева, колотой плахи и черепка от крупного сосуда. Фрагмент керамики не был опубликован. Культурная принадлежность этого погребения бронзового века не определена автором раскопок. Второе захоронение профессор включил в стадию С хвалынской культуры, поскольку именно здесь уже был встречен сосудик с отверстиями под венчиком (*Рыков*, 1927. С. 92–93. Табл. IV № 5, 9).

На хранение в СОМК из перемётненского кургана поступил только маленький остроребёрный сосудик (СМК № 46588) из захоронения № 2, фото которого опубликовано (*Rykov*, 1927. P. 55. Abb. 5). Его высота – 8,5 см, диаметр по венчику – 8 см, по дну – 6 см (рис. 1: *1*; 3: *5*). В глине заметна примесь толченых раковин. Внешняя поверхность светло-коричневая с серыми пятнами. С противоположных сторон венчика, по сырой глине, сделаны два отверстия диаметром 04–05 см. Вероятнее всего, они предназначались для привязывания – крепления крышки. Венчик «приостренный». Плечо вогнутое. Максимальное расширение расположено чуть выше середины тулова, по периметру которого последовательно, с интервалом около 3 см, расположены

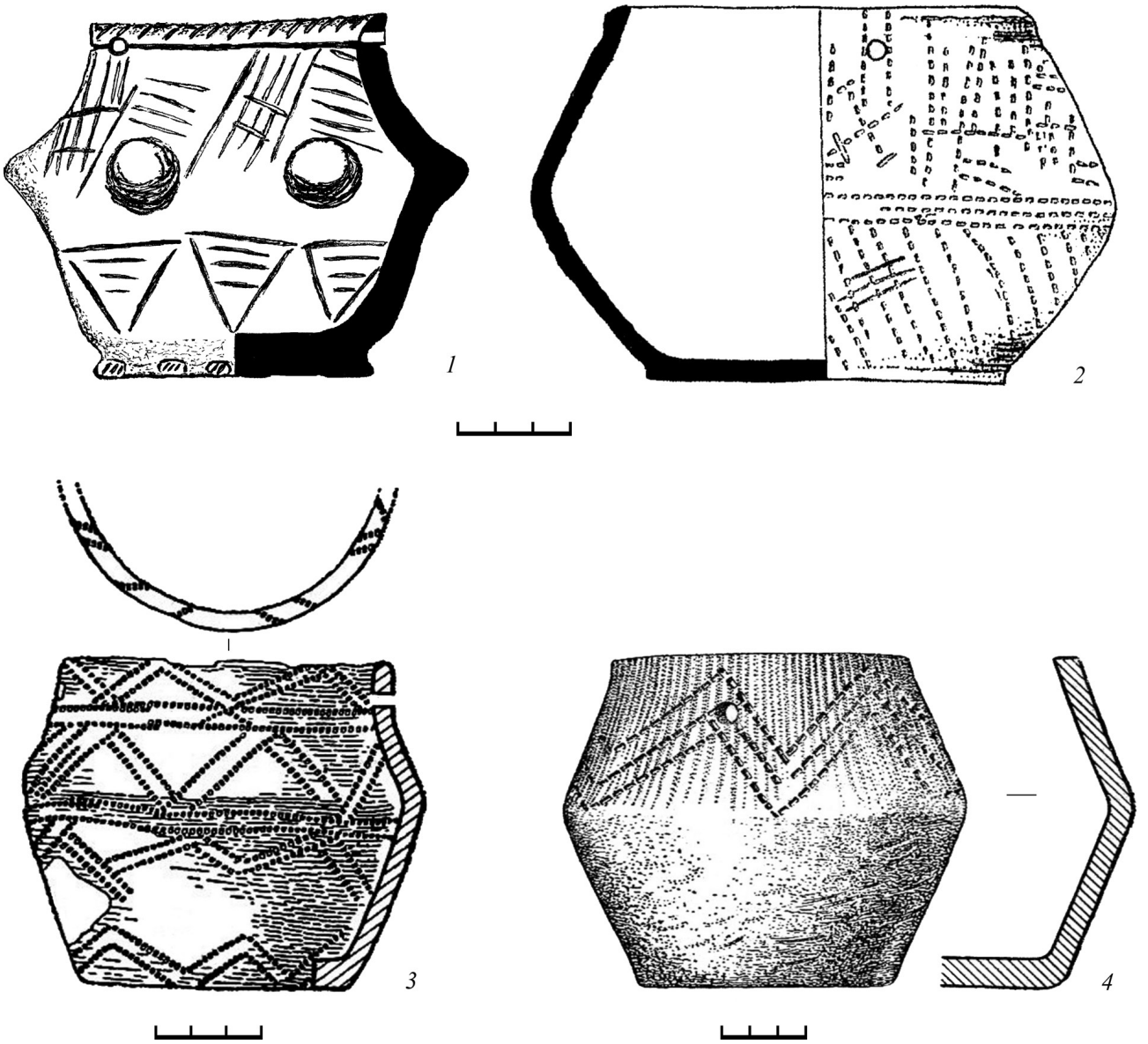


Рис. 1. Биконические сосудики из погребений покровской культуры. *1* – Перемётная. Курган, п. 2; *2* – Карамыш. Курган, п. 1; *3* – Иловатка. Курган 6, п. 1; *4* – Быково II. Курган 3, п. 4

семь рельефных выпуклин конусовидной формы, высотой до 1 см. Такие выпуклости иногда именуют «сосцевидными». Плечики и придонная часть орнаментированы наклонными линиями, выполненными концом острого инструмента, в виде косой решетки и заштрихованных треугольников вершинами вниз. Тем же инструментом по краю венчика нанесены короткие косые линии, а ниже – одна горизонтальная. Днище с закраиной, образовавшейся в результате крупных чередующихся вдавлений. Они перемежаются с выпуклинами, на которых орнамент из наклонных линий.

В. А. Городцов предполагал, что дырочки в шейках сосудов, предназначенные для их подвешивания, делались во многих доисторических культурах (*Городцов*, 1901. С. 605–606). В результате последующих раскопок были найдены сосуды, под венчиком которых сделаны отверстия, предназначенные для привязывания – крепления крышек. В Нижнем Поволжье впервые сосудик позднего бронзового века с керамической крышкой (рис. 3: *4*) обнаружил П. С. Рыков в кургане 14 юго-восточной группы около г. Покровска (*Рыков*, 1926. С. 130; *Rykov*, 1927. Abb. 23: *6*; Памятники…, 1993.

С. 32–33. № 159. С. 145. Табл. 15: *9–13*). Профессор интерпретировал их как сосудики «ритуального характера, с отверстиями для подвешивания» или «особые горшочки в виде курильниц с крышками» (*Рыков*, 1936. С. 45).

В последующем погребения с сосудами такой формы стали рассматривать в качестве поздних памятники покровского типа доно-волжской абашевской культуры (*Беседин*, 1998. С. 55–57. Рис. 6: *1*; 7: *11*), как абашевский компонент или элемент в срубной культуре Нижнего Поволжья (*Синицын*, 1959. С. 193; *Смирнов*, 1959. С. 315; *Качалова*, 1976. С. 6). Из нижневолжских погребальных памятников покровской культуры происходит около 40 миниатюрных сосудиков, основная емкость которых 0,2–0,3 литра. Они образуют отдельную типологическую группу.

Некоторые сосудики имели керамические крышки с отверстиями для привязывания: Покровск, к. 14; Баранниково, к. 1. п. 2; Линево, п. 2; Широкий Карамыш, к. 4 п. 9. Вероятнее всего, у другой миниатюрной посуды также были деревянные крышки, но они не сохранились. Сосудики с крышками могли предназначаться для специальных продуктов.

Среди бытовой посуды срубной культуры также представлены крышки. Однако здесь они, как правило, гораздо массивней, толще и большего диаметра. У них есть лепные ручки или продолговатые отверстиями для продевания ремня. В керамических изделиях заволжских селищ (Максютово, Успенка, Осинов Гай) они занимают особое место (*Синицын*, 1947. С. 139–140. Рис. 1. С. 150; 1969. С. 203. Рис. 2: *1–3*). Их диаметр – от 13 до 25 см, толщина – от 1,5 до 2 см. В этой связи следует подчеркнуть, что по каким-то причинам керамические крышки встречены далеко не на всех бытовых памятниках срубной культуры, раскопанных значительными площадями.

Крышка была в одном погребении срубной культуры Смеловского могильника. В захоронении № 10 встречен сосуд и керамическая крышка с отверстиями (*Лопатин*, 2010. С. 18, 201. Рис. 5: *4*). Здесь отверстия на плечиках явно предназначались не для подвешивания сосуда, а для крепления к нему именно этой крышки. В некоторых погребениях покровско-срубной стадии (ПБВ 2.1) совместно может находиться покровская, срубная и инокультурная керамика. Кроме покровской и срубной культур, крышки представлены в андроновских древностях. В могильнике Тасты-Бутак 1 они крепились к маленьким сосудам – «стаканчикам» (*Сорокин*, 1966. С. 13. Табл. XXX: *2–4*).

В начале 1990-х гг. среди маленьких сосудиков была выделена подгруппа биконической формы, характерная именно для покровской культуры (*Малов*, 2022. С. 80–81). Биконические сосудики обнаружены не только в Перемётненском кургане. В каталог опубликованных находок следует включить как минимум еще девять погребальных памятников, откуда происходит керамическая посуда этой подгруппы.

1. Карамыш. Курган. Погребение 1 (*Максимов*, 1956. С. 115–118; *Сальников*, 1967. С. 165. Рис. 19–17). Покровская культура (Малов, 1986. С. 30. Рис. 2–30; 2003. С. 175–178, 215. Рис. 9: *1–3*). Опубликованы материалы из двух сохранившихся могил и вещи из разрушенных погребений. Некоторые предметы из кургана хранятся в СОМК. Узкая могила прямоугольной формы, с остатками от трупосожжения, перекрыта дубовыми плахами, ориентирована по линии СВ×ЮЗ. На дне подстилка, зола и остатки пережженных костей. На СВ краю могилы под плахами: лепной сосудик, бронзовый литой наконечник копья и костяной цилиндрический предмет. Небольшой сосудик светло-коричневого цвета с темными пятнами и примесью толченых раковин в глине (рис. 1–2). Его высота и диаметр днища равны 8,5 см, диаметр устья – 10,5 см. Под скошенным наружу венчиком два отверстия для привязывания крышки, расположенные симметрично друг против друга. Все внешняя поверхность орнаментирована мелкозубчатым штампом. На плечиках повторяющиеся свастические и крестообразные знаки, по ребру три параллельные горизонтальные линии, на придонной части – косые линии. Анализ и сопоставление могильного инвентаря позволили Е. К. Максимову вполне обоснованно отнести данный комплекс, а также находки из разрушенных погребений к срубно-хвалынской культуре времени Бессарабского клада и Сейминского могильника. Наконечник копья изготовлен из металла химической группы ЕУ (*Черных*, 1970. С. 130. Табл. 1 № 1795). Н. К. Качалова включила захоронение № 1 в число инокультурных могильников срубной культуры второго этапа (*Качалова*, 1985. С. 58. Рис. 5: *13–15*).

2. Иловатка. Курган 6, п. 1. Покровская культура (*Малов*, 1986. С. 30. Рис. 2–55). Погребение единственное в индивидуальном кургане. Могила прямоугольной формы. Скелет мужчины лежал около западной стенки, скорченно на спине, головой на С. Череп на левом виске, лицевой частью на В. Руки согнуты в локтях, кисть правой – около подбородка, левая рука прижата к груди. Ноги подогнуты, коленями обращены влево. Инвентарь: крупный горшок, маленький сосудик и фаянсовая

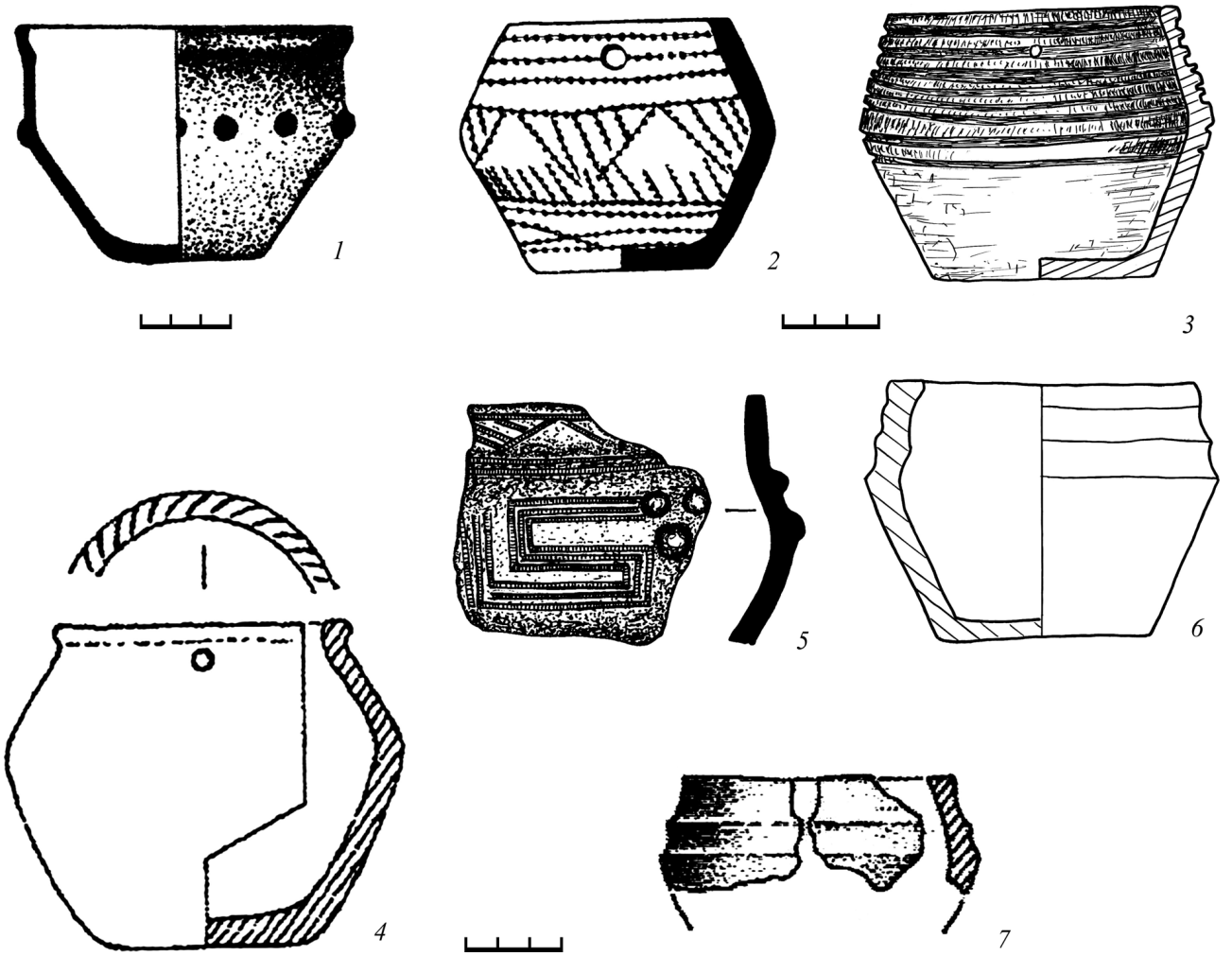


Рис. 2. Керамика эпохи поздней бронзы. *1* – Алмазово. Курган; *2* – Дубовое (Заливное); *3* – Осиновка. Курган 1, п. 4; *4* – Низовка. Курган 8, п. 2; *5* – Ивановки («Ближняя Ростошь»); *6* – Бородаевка II («Калмыцкая гора»). Курган 1, п. 11; *7* – Бородаевка II («Калмыцкая гора»). Курган 1, п. 17

бусинка желтого цвета. Сосудик с двумя противоположными круглыми отверстиями под венчиком стоял на костях правой руки (рис. 1–3). Вся его внешняя поверхность орнаментирована оттисками зубчатого штампа. В глине примесь известковых включений и толченого медного колчедана. Автор раскопок отнес захоронение к древнейшим в срубной культуре Иловатской группы (*Смирнов*, 1959. С. 223–224, 311–312. Рис. 8–15). Н. К. Качалова включила его в число инокультурных, с абашевскими элементами (*Качалова*, 1976. С. 9, 16–17. Рис. 2–22. Табл. 1 № 21). Коллекция хранилась в Археологическом музее истфака МГУ.

3. Быково II. Курган 3, п. 4 (*Смирнов*, 1960. С. 237–229. Рис. 22: *б*). Покровская культура (*Малов*, 1986. С. 30 Рис. 2–58). Погребение впускное. Скелет ребенка в позе адорации, черепом на СВ. Инвентарь представлен двумя лепными сосудами. Против лица стоял орнаментированный сосудик с примесью ракушки в глине (рис. 1–4). Под его венчиком два круглых отверстия, расположенных симметрично один против другого. Плечики орнаментированы тройным зигзагом крупнозубчатого штампа. Высота – 13 см, диаметр устья – 10 см, диаметр дна – 7,5 см. Н. К. Качалова отнесла захоронение к инокультурным комплексам, с абашевскими элементами, второго этапа эпохи поздней бронзы (*Качалова*, 1976. С. 9, 16–17. Рис. 2: *2*. Табл. 1 № 26; 1985. С. 58. Рис. 5–11, 12). Коллекция хранилась в Археологическом музее истфака МГУ.

4. Дубовое – Заливное (*Максимов*, 1979. С. 112–113, 116. Рис. 2: *2*; *Малов*, 1986. С. 30. Рис. 2–32).

Рис. 3. Биконические сосудики из погребений позднего бронзового века.
1 – Бережновка II. Курган 91, п. 2; *2* – Осиновка. Курган 1, п. 4; *3* – Дубовое (Заливное);
4 – Покровск (юго-восточная группа). Погребение в кургане 14; *5* – Перемётная. Курган, п. 2

Местные жители подобрали на дюнах разновременные находки, происходящие из разрушенных погребений. Среди них сосудик остроребериой формы с двумя симметрично расположенными противоположными отверстиями под венчиком, выполненными по сырой глине (рис. 2: *2*; 3: *3*). Место хранения – СОМК (СМК 49337). Диаметр отверстий – 0,5 см. Параметры: высота – 7,5–8 см, диаметр по венчику – 6,6–6,8 см, диаметр по дну – 5,5 см, максимальное расширение на середине тулова – около 9 см. Он орнаментирован по срезу венчика и от венчика до дна. В верхней и нижней частях тулова расположены по четыре горизонтальных линии. Между ними, выше ребра нанесены семь треугольников, заполненных вертикальными отрезками. Треугольники направлены вершинами вниз. По мнению Е. Максимова, «Орнамент выполнен как бы в два приема: вначале слегка прочерчены линии, по которым небрежно оттиснуты углубления, имитирующие мелкий штамп» (*Максимов*, 1979. С. 112–113). Внешняя поверхность сильно окатана. Возможно, поэтому сейчас некоторые элементы геометрической орнаментальной композиции воспринимаются как выполненные в технике так называемой «колючей проволоки». Е. К. Максимов полагал что, по форме и орнаментации он близок к абашевской керамике Приуралья и к экземпляру из детского погребения № 4 кургана № 3 группы Быково II (*Максимов*, 1979. С. 113).

5. Низовка. Основное погребение 2 в индивидуальном кургане № 8. Определено как памятник покровского типа (*Максимов, Лопатин*, 2007. С. 148, 161. Рис. 4–5, 6–8). На дне прямоугольной могилы скелет взрослого человека, в позе адорации, на левом боку, черепом ориентирован на север. Инвентарь: маленький лепной сосудик с двумя противоположными отверстиями под венчиком, фрагмент неорнаментированной стенки сосуда, белые фаянсовые бусины, две бронзовые желобчатые височные подвески в 1,5 оборота. Срез веника биконического сосудика орнаментирован резными насечками. Судя по украшениям, захоронение женское. Находки хранятся в СОМК.

6. Осиновка. Курган 1. Погребение 4, основное с материковым выкидом, коллективное (Памятни-

ки…, 1993. С. 148. Табл. 18: *7–26*; *Лопатин, Малов*, 2014. С. 76, 79. Рис. 1: *10–13*). Покровско-срубное (*Малов*, 1986. С. 30. Рис. 2–40). Яма почти квадратной формы, размером 1,6×1,6 м, глубиной 1,1 м, ориентирована по линии ССЗ – ВЮВ. Вдоль западной стенки могилы ступенька шириной 40 см, глубиной 25 см. На дне в ряд, близко друг к другу, на левом боку лежали четыре скелета подростков, ориентированные черепами на ССВ. Два скелета в позе адорации на левом боку. Около одного из них в углу могилы 10 альчиков мелкого рогатого скота. Остальные костяки почти не сохранились. Рядом с черепом четвертого костяка еще два альчика. При выборке заполнения могилы, в непосредственной близости к костякам встречены мелкие фрагменты яичной скорлупы. Инвентарь: четыре лепных сосуда, костяная пряжка ромбовидной формы, костяная пронизка, бронзовые желобчатые височные подвески в 1,5 оборота и фаянсовые бусинки. Сероглиняный сосудик биконической формы, с примесью толченых раковин в глине. Хранится в СОМК (СМК 39202). Он сероглиняный с примесью толченых раковин (рис. 2: *3*; 3: *2*). Параметры: диаметр по венчику – 8,8 см, по ребру – 10,5 см, по дну – 6,5 см, высота – 8 см. Ниже венчика по сырой глине сделаны два сквозных отверстия, расположенных симметрично друг против друга. Орнамент рельефный, из семи глубоких горизонтальных желобков, расположенных параллельно от венчика до ребра.

7. Орошаемый. Единственно в индивидуальном кургане (*Малов*, 1986. С. 40. Рис. 2–40; Памятники…, 1993. С. 140. Табл. 10: *11–13*). Отнесено к поздним погребениям покровского типа (*Жемков, Лопатин*, 2007. С. 102–103, 110, 118. Рис. 4: *5–8*). Могила трапециевидной формы, перекрытая деревянными плахами. На дне, посыпанном мелом, скелет взрослого человека преклонного возраста, на левом боку в позе адорации, ориентированный черепом на СВ. Представлены обломки от двух поздних покровских сосудов с примесью толченых раковин в глине, вероятно, стоявших на перекрытии. На верхней части маленького сосудика крупнозубчатым штампом нанесен орнамент (зигзаг, горизонтальная линия). Форма крупного неорнаментированного сосуда «подколоколовидная». Фрагменты керамики хранятся в СОМК.

8. Бородаевка II («Калмыцкая гора»). Курган 1, погребение № 11. Покровская культура (*Малов*, 1986. С. 30. Рис. 2–40; Памятники…, 1993. С. 139. Табл. 9–10, 11; *Лопатин*, 2009. С. 50, 89. Рис. 4–7, 8). Прямоугольная могила ориентирована с ЮЗ на СВ. В ЮВ углу фрагмент черепа и зубы мелкого рогатого скота. От скелета ребенка сохранилось только крыло таза. Инвентарь представлен двумя лепными сосудами с примесью толченых раковин, хранящимися в СОМК. Биконический сосудик с тремя горизонтальными каннелюрами, расположенными выше ребра, имел внутренний желобок и примесь толченых раковин в глине (рис. 2: *6*). Его параметры: диаметр по срезу венчика – 9,6 см, максимальное расширение по ребру – 10,8 см, диаметр по дну – 6,5 см, высота – 7,9 см. Для орнаментации каннелюрами указаны отдаленные параллели в комплексах петровского времени (*Лопатин*, 2009. С. 58, 62).

9. Бородаевка II («Калмыцкая гора»). Курган 1, погребение № 17. Покровская культура (*Малов*, 1986. С. 30. Рис. 2–40; Памятники…, 1993. С. 139. Табл. 9–28, 30; *Лопатин*, 2009. С. 52, 90. Рис. 5–8, 9). Могила прямоугольная, ориентирована по линии ЮЗ – СВ. На дне, со слабой меловой подсыпкой, скелет взрослого человека на левом боку в скорченном положении, ориентированный черепом на СВ. За черепом – биконический сосудик с примесью толченых раковин в глине, хранящийся в СОМК. Его диаметр по устью – 8,4 см, выше ребра каннелюры (рис. 2: *7*). Автор раскопок отнес захоронение, как и предыдущее, к кругу памятников покровского типа (*Лопатин*, 2009. С. 58, 61).

Для трех умерших соорудили индивидуальные курганы (Иловатка, Низовка, Орошаемый). Другим основным было захоронение в Осиновке. Впускное одно (Быково). Преобладает прямоугольная форма могилы (Карамыш, Иловатка, Низовка, Бородавка). Иногда она бывает трапециевидной (Орошаемый), имеет ступеньку (Осиновка) и перекрытие из деревянных плах (Карамыш, Орошаемый). На дне отмечены подстилка, зола (Карамыш) и мел (Орошаемый, Бородаевка, п. 17). Кости мелкого рогатого скота присутствовали в двух захоронениях (Осиновка, Бородаевка, п. 11).

Трупосожжение одно (Карамыш). В могилах чаще всего были захоронены взрослые (Иловатка, Низовка, Орошаемый, Бородаевка). Есть погребения подростков (Осиновка) и детей (Быково, Бородаевка). Одно погребение коллективное (Осиновка). Обряд трупоположения: скорченно на спине (Иловатка), на левом боку в позе адорации (Быково, Осиновка, Орошаемый), на левом боку в скорченном положении (Бородаевка). Покойники ориентированы головой на север и северо-восток. Что касается позы скорченного скелета подростка во втором погребении Перемётненского кургана, то она не бесспорна. Дело в том, что в статье, опубликованной на следую-

щий год, П. С. Рыков засомневался в том, что скелет находился на правом боку. Поэтому он сопроводил это вопросительным знаком (*Рыков*, 1927. С. 92–93. Табл. IV № 9).

Инвентарь: бронзовый наконечник копья (Карамыш), фаянсовые бусинки (Иловатка, Низовка, Осиновка), костяная пряжка (Осиновка), костяной цилиндрический предмет – пронизка (Карамыш, Осиновка), бронзовые желобчатые височные подвески в 1,5 оборота (Осиновка).

Половина учтенных сосудиков содержит в глине визуально заметную примесь толченых раковин. Отверстия для привязывания крышки есть на восьми сосудиках. Их нет только на двух бородаевских экземплярах. Ребро обычно находится на середине тулова. Диаметр по венчику – от 6,8 до 10,5 см. Диаметр по днищу – от 5,5 до 8,5 см. Высота – от 7,9 до 13 см. Полностью орнаментирована внешняя поверхность у пяти экземпляров. Такое же количество орнаментировано только по плечикам. Один сосудик украшен лишь по срезу венчика. Преобладают геометрические формы орнаментов, выполненные мелкозубчатым, крупнозубчатым и гребенчатым штампами. Представлен бороздчатый орнамент и рельефный в виде каннелюр (*Малов*, 2022. С. 80–81).

На остроребериых биконических сосудиках, вошедших в каталог, ритмически повторяются семь орнаментальных компонентов. Они состоят из одинаковых монолитных рельефных выпуклин (Перемётная), заштрихованных треугольников (Дубовое) и горизонтальных желобков (Осиновка). Кроме того, 14 налепных шишечек есть на сосуде (рис. 2: *1*) из кургана поздней покровской культуры, раскопанного около села Алмазово (*Хреков*, 1985. С. 95. Рис. 1–3). В данном случае их количество кратно 7.

«Священное число» 7 фигурирует в различных древневосточных мифологических, счетных и календарных системах, отражая представления, связанные с солярной символикой, семеричной системой исчисления времени и семидневными фазами луны (*Бидерманн*, 1996. С. 240). Поэтому исследователи небезосновательно полагают, что календарная система срубных племен основывалась на синодальном годе, начало которого приходилось на весну (*Бесединн, Сафонов*, 1996. С. 30).

В. А. Городцов относил «бугорчатый» орнамент из округлых и рельефных возвышений к семейству лепных (*Городцов*, 1901. С. 641–643). По его мнению, в Южной и Западной России такая орнаментация была беспрерывно распространена начиная с неолита, а затем в бронзовом и железном веках. Орнамент из налепных шишечек представлен не только в покровских древностях (Перемётная, Алмазово).

Биконические сосудики с двумя парами отверстий, а не с одной, сделанными по сырой глине, изредка представлены в срубной культуре стадии ПБВ 2.2. Из захоронения № 2 кургана 91 могильника Бережновка II (*Синицын*, 1960. С. 91, 94, 95. Рис. 34: *8–10*) происходит сосудик, на плечиках которого с двух сторон по две дырочки (рис. 3: *1*). Сосуд с двумя парами отверстий был в погребении № 5 четвертого кургана около с. Широкий Карамыш (группа «Горбатый мост») (*Малов*, 2018. С. 86–87, 111. Рис. 1–7. С. 115. Рис. 5: *1–3*). Здесь почти по диагонали прямоугольной могилы лежал скелет взрослой женщины (?) в позе адорации, на левом боку, черепом ориентированный на ССЗ. Инвентарь: два лепных сосуда, бронзовая игла и узкожелобчатая височная подвеска в 1,5 оборота. Биконический экземпляр орнаментирован по срезу венчика, вогнутому плечу и придонной части зубчатым штампом (кресты, зигзаг, прямая линия). Его высота – 13 см, диаметр по венчику – 10,2 см, по максимальному расширению тулова – 14,5 см, по днищу – 6,7 см.

В Введенском кургане обнаружено погребение, один из сосудов которого украшен шишечками. А. Д. Пряхин относил его к ранним комплексам доно-волжской абашевской культуры (*Пряхин*, 1977. С. 111. Рис. 21: *9*). Возражая против этого, А. С. Синюк отметил, что он необычен для местной абашевской культуры, поскольку имеет признаки среди материалов петровского и новокумакского типов (*Синюк*, 1996. С. 203).

В керамике третьей группы среднедонской катакомбной культуры с валиковой орнаментацией представлены и налепные шишечки (*Синюк*, 1996 С. 93, 165. Рис. 38: *3, 4*). Некоторые воронежские археологи связывают происхождение миниатюрных остроребериых абашевских сосудиков с амфорками развитого и финального периодов среднедонской катакомбной культуры (*Маслихова*, 2006).

Сосуды с налепными шишечками распространены в памятниках рубежа ранней – средней бронзы и полтавкинско-катакомбного времени в Нижнем Поволжье и прилегающих регионах. В кургане, раскопанном при строительстве дороги между г. Энгельсом и поселком Анисовкой, был сосуд, резко выделявшийся своей формой и орнаментом (*Синицын*, 1958. С. 267. Рис. 4: *3*. С. 288–290, 306). На его плечиках с двух сторон имелись небольшие лепные выступы в виде шишечек. В Быково I

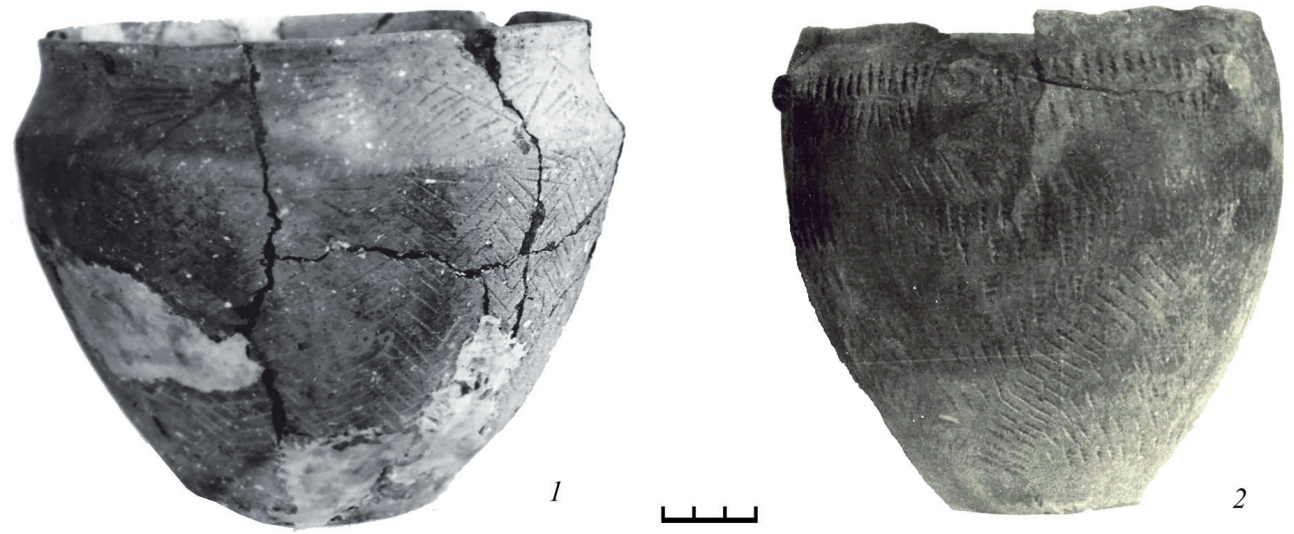


Рис. 4. Керамические сосуды. *1* – Покровск (юго-восточная группа). Курган 15, п. 2; *2* – Медянниково. Курган 3, п. 1

(курган 7, п. 12) под венчиком плоскодонной банки полтавкинской культуры имелось четыре горизонтальных налепа, расположенных симметрично по паре с обеих сторон (*Смирнов*, 1960. С. 188. Рис. 8: *7*. С. 192, 193). Анисовское и Быковское погребения отнесены к катакомбной культуре (*Качалова*, 1968. С. 19. № 15, 35). В погребении эпохи средней бронзы из курганного могильника около поселка Советское был плоскодонный сосуд с налепными шишечками (*Баринов*, 1996. С. 93. Рис. 4–5).

Курган 3 около села Медянниково содержал шесть могил, пять из которых относятся к ямной культуре (*Малов*, 1980). Впускное детское погребение № 1 полтавкинской культуры. Прямоугольная могила, размером 95×60 см, ориентирована длинными стенками по линии СВ – ЮЗ. В ее засыпи мелкие древесные волокна от перекрытия. В СВ углу лежал фрагмент непотревоженного детского черепа на левом боку, судя по которому, умерший был ориентирован головой на СВ. На дне мелкие древесные угольки, в центре пятно красной охры размером 30×15 см. Рядом с черепом кремневый отщеп. В СЗ углу стоял плоскодонный сосуд баночной формы с закрытым верхом и примесью толченых раковин в глине (рис. 4: *2*). Его высота – 16 см, диаметр по венчику – 15 см, по днищу – 6 см. Вся внешняя поверхность орнаментирована оттисками мелкозубчатого штампа. Непосредственно под венчиком налеплено 7 шишечек высотой около 1 см. Верхний конец их среза имеет ромбовидные очертания. Медянниковский сосуд с семью шишечками позволяет предполагать, что носители полтавкинской культуры также были знакомы с семеричной системой исчисления календарного времени.

В частично разрушенном кургане 3 близ с. Успенка Астраханской области основным было погребение, вероятнее всего, относящееся к рубежу ранней – средней бонзы, с плоскодонным баночным сосудом, орнаментированным оттисками веревочки, крупнозубчатым штампом и горизонтальными бороздками. При рытье траншей в этом кургане обнаружили лепной сосуд яйцевидной формы с плоским дном. Весь его корпус украшен рядами горизонтальных и вертикальных оттисков веревочки, треугольником, валиком и двумя налепами (*Шнадштейн*, 1986. С. 152, 155–156. Рис. 1–11). В могильнике Утевка VI на плечиках округлобокого полтавкинского сосуда также есть налепные шишечки. Они группируются своеобразно, а именно по шесть, образуя треугольник, направленный вершиной вниз (*Васильев и др*., 2000. С. 64).

В данном контексте симптоматично, что керамика, орнаментированная сходными с шишечками жемчужинами из Утевки VI, представлена в синташтинских древностях (*Генинг и др*., 1992. С. 285. Рис. 159: *15*. С. 291. Рис. 163: *2*). Она известна и в последующей петровской культуре. Например, на ребре сосудика, обнаруженного в яме 40 кургана 10 могильника Кривое Озеро, было шесть пар и одна группа из трех налепных шишечек (*Виноградов*, 2003. С. 212–214. Рис. 92: *б*).

В степном Саратовском Заволжье около с. Ивановки (русло оврага «Ближняя Ростошь») обследовано селище позднего бронзового века. Среди керамики этого поселения представлен инокультурный фрагмент от верхней части сероглиняного синташтинского сосуда (*Малов*, 2007. С. 89. Рис. 7: *2*). Он хранится в Пугачевском краеведческом музее (№ 1807, 1924 г.). Его внешняя и внутренняя поверхности залощены до блеска. Он имеет три округлых шишечки и меандровый орнамент, выполненный мелкозубчатым штампом.

В этой связи принципиальное значение имеет парное погребение 2 из кургана 35 юго-восточной группы близ г. Покровска, культурную принадлежность которого исследователи определяют противоречиво. А. Д. Пряхин отнес его к «синкретическим памятникам позднеабашевского этапа» абашевской культурно-исторической общности, где самой ранней считалась доно-волжская абашевская культура (*Пряхин*, 1977. С. 110–115. Рис. 21–104). В результате последующего анализа основное захоронение кургана № 35 и другие комплексы (Медянниково, к. 6; Перемётная, к. 1; Максютово, к. 3; Терновка, к. 4) вошли в группу ранних покровских памятников Волго-Уральского очага культурогенеза (*Малов*, 1992. С 14; 1993).

Инокультурный сосуд из кургана 35 (рис. 4: *1*) позволял полагать, что между синташтинской и покровской культурами существовали непосредственные связи и контакты (*Малов*, 2014). К тому же один нож по составу меди (группа ТК?) мог оказаться импортным «баланбашским» изделием, имеющим параллели среди некоторых металлических предметов из Турбино-I, Ростовки, Коршуново и Решного (*Черных*, 1970. С. 81; *Черных, Кузьминых*, 1989. С. 91–101). Медь группы ТК представлена в «абашевско-синташтинской археологической общности», реконструируемой Е. Н. Черных (*Черных*, 2007. С. 75–86).

Челябинские исследователи не исключают того, что оформление собственно аркаимского керамического комплекса произошло на втором этапе, при дальнейшем наложении абашевского субстрата, а сосуды покровско-абашевского облика появляются на следующем – третьем – этапе (*Малютина, Зданович*, 2005. С. 22, 24). В погребальном памятнике Кривое Озеро также отмечены свидетельства о петровско-покровских культурных связях (*Виноградов*, 2003. С. 231, 247; 2011. С. 145)

Сходство синташтинских и покровских памятников с абашевскими объясняется их родством, так как именно абашевские традиции стали важнейшим субстратом для синташтинской и ранней покровской культур (*Бочкарев*, 2016. С. 114). Металлические изделия, костяные псалии, керамика и радиоуглеродные даты служат вескими основаниями для синхронизации покровских памятников первой фазы позднего бронзового века с синташтинскими и последующими петровскими, а не с полтавкинско-катакомбными и срубной культурой.

Литература

Баринов Д. Г., 1996. Новые погребения эпохи средней бронзы в Саратовском Заволжье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году / Ред. А. И. Юдин. Саратов. С. 84–97.

Беседин В. И., 1998. Остроребериые сосуды абашевской общности // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 7 / Отв. ред. В. П. Челяпов. Рязань. С. 44–59.

Беседин В. И., Сафонов И. Е., 1996. Числа в орнаментации керамики срубной культуры // РА. № 2. С. 22–33.

Бидерманн Г., 1996. Энциклопедия символов / Пер. с нем. / Ред. И. С. Светлицкая. М.: Республика. 335 с.: ил.

Бочкарев В. С., 2016. Периоды развития металлопроизводство эпохи бронзы на юге Восточной Европы // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 12 / Отв. ред. В. А. Лопатин. Саратов. С. 109–153.

Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Турецкий М. А., 2000. Ямная и полтавкинская культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Гл. ред. П. С. Кабытов. Самара: Самарский науч. центр РАН. С. 6–64.

Виноградов Н. Б., 2003. Могильник бронзового века. Кривое Озеро в Южном Зауралье / Ред. В. П. Костюков. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во. 362 с.: ил.

Виноградов Н. Б., 2011. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века тыс. до н. э. (памятники синташтинского и петровского типа) / Ред. А. В. Епимахов. Челябинск: Абрис. 175 с.: ил.

Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В., 1992. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1 / Ред. В. И. Матющенко. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во. 408 с.: ил.

Городцов В. А., 1901. Русская доисторическая керамика // Труды Одиннадцатого Археологического съезда в Киеве. Т. I / Под ред. П. С. Уваровой, С. С. Слуцкого. М. С. 576–672.

Городцов В. А., 1927. Бронзовый век на территории СССР // Большая советская энциклопедия. М. С. 610–626.

Жемков А. И., Лопатин В. А., 2007. Курганы Малого Карамана (по материалам раскопок 1983 года) // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 5 / Отв. ред. В. А. Лопатин. Саратов. С. 93–118.

Качалова Н. К., 1968. О связях полтавкинских племен с катакомбными // АСГЭ. Вып. 10. Материалы и исследования по археологии СССР. Л. С. 9–13.

Качалова Н. К., 1976. Абашевские элементы в срубной культуре Нижнего Поволжья // АСГЭ. Вып. 17. Исследования по археологии и древней истории Восточной Европы / Ред. Б. Б. Пиотровский. Л. С. 5–17.

Качалова Н. К., 1985. Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно–историческая общность / Отв. ред. С. Г. Басин. Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. ин-т. С. 28–59.

Лопатин В. А., 2009. Бородаевские курганы (по раскопкам 1982 года на малом Карамане) // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 7 / Ред. В. А. Лопатин. Саратов: Научная книга. С. 44–97.

Лопатин В. А., 2010. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н. э.) / Ред. Н. М. Малов. Саратов: Наука. 244 с.: ил.

Лопатин В. А., Малов Н. М., 2014. Костяные пряжки ромбовидной формы на археологических памятниках эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии): материалы международной научной конференции. 12–14 мая 2014 года. – Самара: ПГСГА. С. 75–80.

Максимов Е. К., 1956. Памятник эпохи бронзы у станции Карамыш, Саратовской области // Археологический сборник / Ред. Е. К. Максимов. Саратов: Коммунист. С. 115–123. (Труды Саратовского областного музея краеведения; вып. 1).

Максимов Е. К., 1979. Археологические разведки по реке Стерех // Древняя история Поволжья / Ред. С. Г. Басин. Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. ин-т. С. 110–117. (Научные труды; т. 230).

Максимов Е. К., Лопатин В. А., 2007. Материалы Низовских курганов // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 5 / Ред. В. А. Лопатин. Саратов: Научная книга. С. 137–160.

Малов Н. М., 1980. Исследование памятников эпохи меди и бронзы в Саратовском Поволжье // АО 1979 г. / Ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука. С. 153.

Малов Н. М., 1986. Историография вопроса о срубно-абашевском взаимодействии в Нижнем Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья / Ред. А. С. Скрипкин. Саратов: Саратовский гос. ун-т. С. 21–38.

Малов Н. М., 1992. «Абашевские племена» Нижнего Поволжья (памятники покровского типа): автореф. … канд. ист. наук. СПб.

Малов Н. М., 1993. Покровский культурный тип памятников начального этапа эпохи поздней бронзы Степного Волго-Уралья // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии / Ред.: В. М. Массон, В. С. Бочкарев. СПб.: ИИМК РАН. С. 83–85. (Археологические изыскания. Вып. 4).

Малов Н. М., 2003. Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 5 / Ред. А. И. Юдин. Саратов: Научная книга. С. 157–218.

Малов Н. М., 2007. Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья по материалам поселений срубной культурно-исторической области // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 5 / Ред. В. А. Лопатин. Саратов: Научная книга. С. 34–92.

Малов Н. М., 2010. Василий Алексеевич Городцов и археология Нижнего Поволжья (к 150-летию со дня рождения исследователя) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. Т. 10, вып. 2. С. 36–41.

Малов Н. М., 2012. Культурогенез в эпоху поздней бронзы Нижнего Поволжья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. Т. 12, вып. 1. С. 95–100.

Малов Н. М., 2014. Необычное погребение из покровского кургана № 35 начала эпохи поздней бронзы: по материалам раскопок П. С. Рыкова // Арии степей Евразии: эпоха бронзы раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е. Е. Кузьминой. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та. С. 205–212.

Малов Н. М., 2016. Профессор П. С. Рыков – исследователь позднего бронзового века Поволжья, Волго-Уральского и Волго-Донского междуречья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. Т. 16, вып. 3. С. 345–351.

Малов Н. М., 2018. Металлические швейные иглы позднего бронзового века в Нижнем Поволжье // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 14 / Ред. В. А. Лопатин. Саратов. С. 78–117.

Малов Н. М., 2019. Сосново-Мазинский клад // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 15 / Ред. В. А. Лопатин. Саратов. С. 76–104.

Малов Н. М., 2022. Первый Чардымский курган эпохи поздней бронзы с коллективными могилами: раскопки П. С. Рыкова // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 18 / Ред. В. А. Лопатин. Саратов. С. 65–107.

Малютина Т. С., Зданович Г. Б., 2005. Керамика Аркаима: сравнительный анализ // РА. № 2. С. 20–31.

Маслихова Л. И., 2006. «Амфорки» среднедонской катакомбной культуры // РА. № 4. С. 142–144.

Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье. Т. I / Отв. ред. Н. М. Малов. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1993. 200 с. (Археология России. САИ; В1-10).

Пряхин А. Д., 1977. Погребальные абашевские памятники. Воронеж: Воронежский гос. ун-т. 168 с.: ил.

Рыков П. С., 1926. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. (предварительный отчет) // Известия Краеведческого института изучения Южно-Волжской области при Саратовском государственном университете. Т. I. Саратов. С. 87–134.

Рыков П. С., 1927. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье // Известия Краеведческого института изучения Южно-Волжской области при Саратовском государственном университете. Т. II. Саратов. С. 77–101.

Рыков П. С., 1936. Очерки по истории Нижнего Поволжья. По археологическим материалам. Саратов: Саратовское краевое изд-во. 152 с.

Сальников К. В., 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука. 408 с.

Синицын И. В., 1947. Древние памятники в бассейне Иргиза по раскопкам 1938–1939 гг. (предварительное сообщение) // Ученые записки Саратовского государственного университета. XVII. Вып. исторический. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та. С. 133–156.

Синицын И. В., 1958. Памятники родового общества степей Заволжья // Ученые записки Саратовского государственного университета. Т. LXVI. Вып. исторический. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та. С. 278–309.

Синицын И. В., 1959. Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953 гг.) // Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т. I / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Изд-во АН СССР. С. 39–205. (МИА; № 60).

Синицын И. В., 1960. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954–1955 гг.) // Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т. II / Отв. ред.: Е. И. Крупнов, К. Ф. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР. С. 101–168. (МИА; № 78).

Синицын И. В., 1969. Повеление Осинов Гай в Заволжье // Древности Восточной Европы / Отв. ред. Л. А. Евтюхова. М.: Наука. С. 196–207. (МИА; № 169).

Синюк А. Т., 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. пед. ун-та. 350 с.: ил.

Смирнов К. Ф., 1959. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т. I / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Изд-во АН СССР. С. 206–322. (МИА; № 60).

Смирнов К. Ф., 1960. «Быковские курганы» // Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т. II / Отв. ред.: Е. И. Крупнов, К. Ф. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР. С. 169–208. (МИА; № 78).

Сорокин В. С., 1966. Западные памятники андроновской культуры // Андроновская культура. Вып. 1. Памятники западных районов / Отв. ред. М. П. Грязнов. М.; Л.: Наука. С. 5–17. (САИ; вып. В3-2).

Хреков А. А., 1985. Абашевские памятники в бассейне р. Хопра // Археологические памятники на Европейской территории СССР / Отв. ред. А. Т. Синюк. Воронеж: Воронежский гос. пед. ин-т. С. 94–102.

Черных Е. Н., 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья / Отв. ред. Н. Я. Мерперт. М.: Наука. 180 с.: ил. (МИА; № 172).

Черных Е. Н., 2007. Каргалы. Т. V. Каргалы: феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакраль-

ная) жизнь архаичных горняков и металлургов. М.: Языки славянской культуры. 200 с.: ил.

Черных Е. Н., Кузьминых С. В., 1989. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука. 320 с.: ил.

Шнадштейн Е. В., 1986. Погребения эпохи бронзы Успенского курганного могильника в Астраханской области // Древние культуры Северного Прикаспия / Отв. ред. Н. Я. Мерперт. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского гос. пед. ин-та. С. 149–158.

Rykov P., 1927. Die Chvalynsker Kultur der Bronzezeit an der Unteren Wolga (Nach den Ausgrabungen in den J. 1924 und 1925) Von Prof. P. Rykov // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Bd. I. Helsinki. P. 51–84.

Сведения об авторе

Малов Николай Михайлович, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, Саратов, 410012, Россия; e-mail: malovnm@mail.ru

https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-426-5.311-317

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ НЕКОТОРЫХ БЕЗЫНВЕНТАРНЫХ КОМПЛЕКСОВ ОРЕНБУРГСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ)[1]

Л. В. Купцова

Резюме. В статье предложена культурно-хронологическая атрибуция некоторых безынвентарных комплексов, происходящих с территории Оренбургского Предуралья. Всего рассмотрено одно энеолитическое захоронение и три захоронения начального периода раннего железного века. Для всех комплексов проведено радиоуглеродное датирование, во многом благодаря которому и установлено их место на хронологической шкале.

Ключевые слова: Оренбургское Предуралье, погребальные памятники, радиоуглеродное датирование, самарская археологическая культура, отрадненские, черногоровские, новочеркасские памятники.

Нередко в ходе археологических раскопок выявляются безынвентарные комплексы, культурно-хронологическую принадлежность которых трудно определить, так как погребальный обряд этих комплексов нестандартен или невыразителен. Вспомогательным методом, позволяющим определить (подтвердить) место таких комплексов на временной шкале, является радиоуглеродное датирование.

Так, по результатам радиоуглеродного датирования была определена хронологическая принадлежность погребений из кургана 4 курганного могильника у с. Лабазы, два из которых (4/2 и 4/3) датируются эпохой раннего неолита – концом VII – началом VI тыс. до н. э. Их подробной публикации посвящена специальная работа (*Купцова и др*., 2019). На сегодняшний день эти захоронения являются наиболее древними погребальными комплексами на территории степного Волго-Уралья.

Не так давно на территории Оренбургской области было выявлено одно из немногих энеолитических захоронений, время происхождения которого также было установлено благодаря радиоуглеродному датированию.

Во II курганном могильнике у с. Второе Имангулово за пределами рва кургана 7 в узкой яме прямоугольной формы (1,9×0,54 м), ориентированной по линии С – Ю, было выявлено безынвентарное погребение (№ 4) (рис. 1: *2, 3*). По всей длине яма перекрывалась каменной кладкой. Ее глубина составляла -99 см от 0 (-34 см от уровня материка). На дне находился скелет женщины 35–45 лет в положении вытянуто на спине, головой на С, кости рук вытянуты вдоль тела, кисти не сохранились. Кости плохой сохранности интенсивно окрашены красной охрой, которой также были покрыты дно и нижняя часть стенок погребения. Ноги вытянуты, в области колен кости сильно обожжены, над ними выявлено скопление углей. Вероятно, в этой части захоронения был разведен погребальный костер.

Исходя из особенностей погребального обряда, было предположено, что указанное захоронение датируется не позднее раннего энеолита (*Моргунова и др*., 2022. С. 55, 59). Основные признаки (положение в узкой яме, на спине с руками, вытянутыми вдоль туловища, посыпка охрой, северная ориентировка костяка) позволяют связать данный комплекс с памятниками, относимыми к съезженскому этапу самарской энеолитической культуры (*Моргунова*, 2011. С. 14). Ближайшие аналогии погребальному обряду известны в могильниках Съезжее, Екатериновский мыс, Красноярский (*Васильев, Матвеева*, 1979. С. 149–153; *Королев и др*., 2015. С. 514–515; *Моргунова*, 2021. С. 77). Исследователи эпохи энеолита соотносят погребения с положением погребенных вытянуто на спине с памятниками мариупольского круга (*Королев и др*., 2018. С. 41). Имангуловское захоронение характеризуется использованием в обряде огня, что, возможно, так-

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 23-68-10006 «Этнокультурные процессы в бронзовом и раннем железном веке в свете междисциплинарных исследований в Южном Приуралье».

Таблица 1. Радиоуглеродные даты погребения 7/4 II курганного могильника у с. Второе Имангулово.

№ п/п	Лабор. №	Образец	^{14}C (BP)	Cal BC (1 sigma)	δ^{13}C, ‰	δ^{15}N, ‰	% Coll	C/N$_{at}$
1	ИМКЭС–14С1520	кость чел.	4165 ± 430	3347–2204	–	–	–	–
2	IGAN$_{AMS}$ – 10215	кость чел.	5545 ± 25	4442–4348	-20,45	13,30	9,45	3,25

же сближает его с указанным культурным кругом, в могильниках которого зафиксировано применение огня (*Телегин*, 1991. С. 12–13). К сожалению, что-то более конкретное о культурной принадлежности захоронения сказать сложно, т. к. оно безынвентарно. Его принадлежность к энеолитической эпохе подтверждается результатами радиоуглеродного датирования, представленными в таблице 1.

Всего есть 2 радиоуглеродные даты по кости человека. Дата, полученная LSC-методом (№ 1), имеет широкий диапазон погрешности и не дает представления о времени возникновения комплекса. AMS-дата (№ 2) четко соотносит анализируемое захоронение с серединой – второй половиной V тыс. до н. э. Погребения могильника Екатериновский мыс датируются несколько более ранним периодом (концом VI – концом первой четверти V тыс. до н. э.), причем авторы не исключают наличия резервуарного эффекта, в результате которого могло произойти удревнение дат (*Korolev et al.*, 2019. P. 395–396). Значения δ^{15}N и δ^{13}C имангуловской даты не выходят за средние показатели, полученные для энеолитических памятников Волго-Уральского региона (*Schulting, Richards*, 2015. P. 132–133), резервуарный эффект в данном случае очевидно не проявлен.

В целом хронология самарской культуры устанавливается с конца VI до конца V тыс. до н. э. (*Моргунова*, 2021. С. 82), полученная дата имангуловского комплекса хорошо укладывается в этот интервал.

Совершенно другой археологической эпохе принадлежат три следующих обсуждаемых захоронения с территории Оренбургского Предуралья, культурно-хронологическую принадлежность которых также во многом удалось определить благодаря проведенному ^{14}C-датированию. Ниже приведем их краткое описание.

Погребение 4/5[2] Лабазовского курганного могильника (рис. 2: *1*). Скелет был обнаружен в предматериковом слое кургана срубной культуры на глубине -43 см от 0. Судя по сохранившимся останкам, он находился в позе скорченно, на левом боку головой на восток. Из костей сохранились череп, кости ног, фаланги пальцев одной руки. На месте, где должен был находиться позвоночник, обнаружен каменный предмет (рис. 2: *2, 3*) (*Моргунова и др.*, 2009. С. 24, 25).

Погребение с похожим обрядом происходит из курганного могильника Каменка (2/3) (рис. 2: *4*). Во впускном захоронении в кургане срубной культуры находился скелет женщины 30–40 лет. Костяк лежал на левом боку, скорченно, головой на восток, левая рука протянута к коленям, лучевая и локтевая кости правой руки находились под прямым углом к локтевому сгибу левой руки, кисти отсутствовали. Перед грудной клеткой была положена часть туши барана: задний окорок с частью тазовой кости (*Купцова и др.*, 2018. С. 305–306).

Курганный могильник 4 у с. Болдырево, комплекс 1/1 (рис. 2: *5*) (раскопки Н. Л. Моргуновой, 2019 г.) (*Моргунова*, 2021а). Погребение парное, впускное в курган ямной культуры. Скелеты располагались параллельно друг другу на спине, головами ориентированы на З. Череп скелета 1 повернут влево и лицевыми костями направлен в сторону скелета 2, его колени слегка подогнуты влево. На темени черепа скелета 1 наблюдалась слабая окраска охрой. Скелет 2 также слабо развернут в сторону скелета 1 – череп наклонен вправо, и правая нога согнута в колене. Из инвентаря обнаружена только каменная пластина с неровными краями (рис. 2: *6*), находившаяся между лучевой костью правой руки и грудной клеткой скелета 2.

Все описанные комплексы – впускные, инвентарь представлен скудно. Погребения из Лабаз и Каменки объединяет восточная ориентировка скелетов, захоронения из Лабаз и Болдырево – наличие небольших изделий из камня (предметы

[2] Здесь и далее в числителе указан номер кургана, в знаменателе – номер погребения.

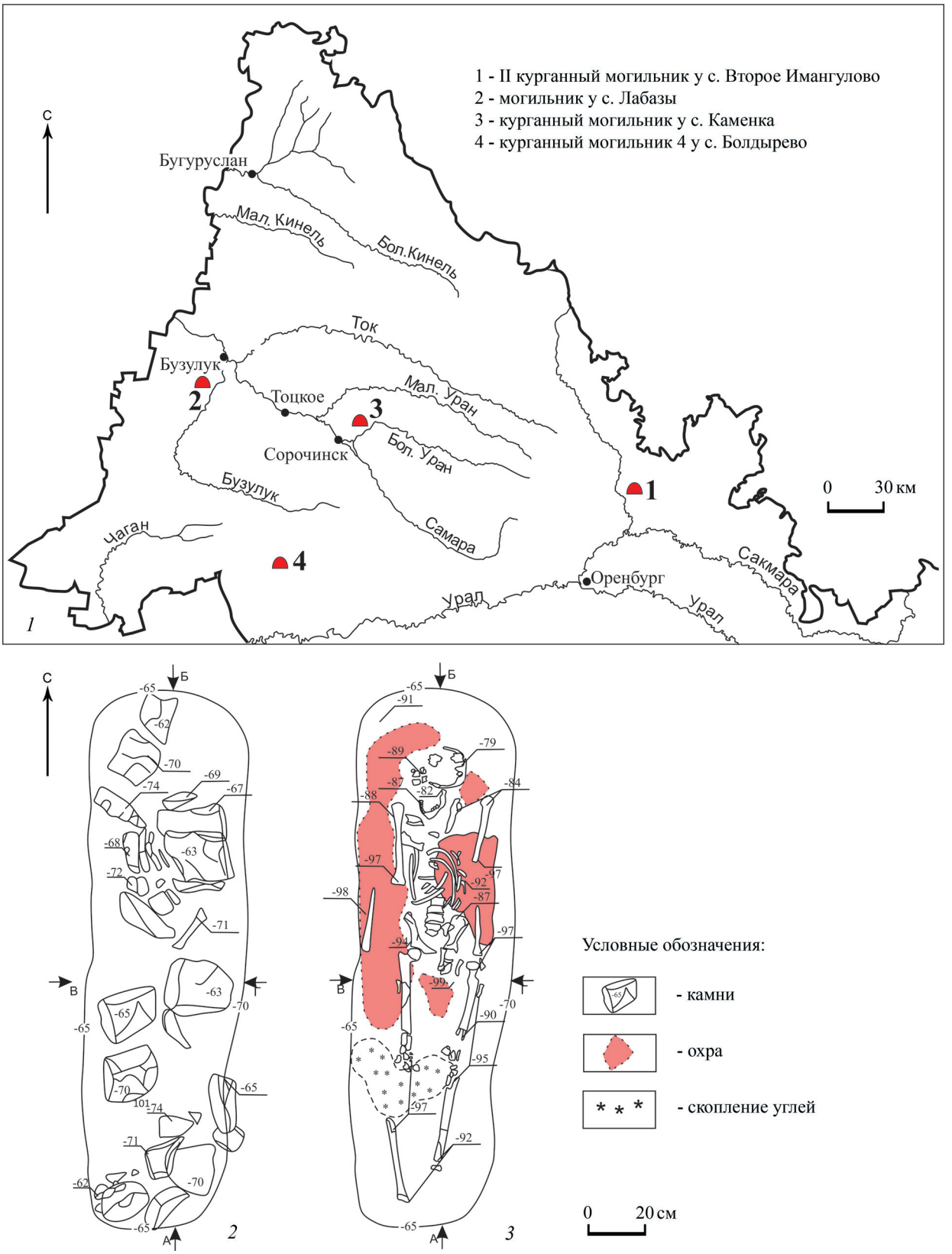


Рис. 1. Карта Оренбургской области и погребальный комплекс эпохи энеолита. *1* – карта Оренбургской области с нанесенными могильниками, погребения которых анализируются в статье; *2, 3* – II курганный могильник у с. Второе Имангулово, курган 4, погребение 4 (*2* – каменная кладка над погребением; *3* – план погребения)

Таблица 2. Радиоуглеродные даты погребений переходного периода от финальной бронзы к раннему железному веку с территории Оренбургского Предуралья.

№ п/п	Комплекс	Лабор. №	Образец	^{14}C (BP)	Cal BC (1 sigma)
1	КМ Лабазы 4/5	ГИН-15690	кость чел.	2990 ± 65	1316–1126
2	КМ Каменка 2/3	Ki – 19352	кость чел.	2830 ± 50	1050–900
3	КМ Болдырево 4 1/1, скелет 1	IGAN – 7671	кость чел.	3200 ± 80	1543–1391

определяются как скобель и скобель/резчик по дереву/рогу)[3].

Результаты ^{14}C-датирования материалов из указанных комплексов представлены в таблице 2.

Полученный диапазон LSC-дат оказался довольно широк, их крайние значения варьируют в пределах от XVI до X в. до н. э. Между тем результаты датирования однозначно указывают на то, что захоронения были совершены позже позднебронзовой эпохи, вероятно, в переходный период от бронзового к раннему железному веку либо в начале раннего железного века.

Такие признаки обряда, как восточная ориентировка скелетов, их положение скорченно на левом боку, сближают между собой погребения из Лабаз и Каменки. Эти черты, а также специфическое положение рук и помещение в могилу заупокойной пищи (погребение 2/3 КМ Каменка) встречаются в памятниках отрадненской и черногоровской культур (*Махортых*, 2008. С. 90–110; *Потапов*, 2010. С. 148–149). Причем помещение именно окорока барана перед лицевой частью скелета имеет полное соответствие в некоторых черногоровских комплексах (*Черных, Дараган*, 2014. С. 62–63; *Мимоход*, 2018. С. 37–38). Орудия на отщепах, сколах и пластинах довольно часто встречаются как в черногоровских, так и в отрадненских погребениях (*Махортых*, 2008. С. 122; *Потапов*, 2010. С. 101). В связи с отсутствием иного инвентаря что-либо более конкретное о культурной принадлежности захоронений из Лабаз и Каменки сказать сложно. Отметим только, что с территории Оренбургской области происходит достоверно атрибутированное черногоровское погребение, считающееся наиболее восточным для ареала этой культуры, – комплекс 24/1 КМ Покровка II (*Моргунова, Халяпин*, 2000. С. 157; *Потапов*, 2010. С. 150), погребения отрадненской культуры пока неизвестны.

Основные признаки обряда впускного погребения кургана 1 4 Болдыревского могильника (западная ориентировка скелетов, их положение на спине, положение ног скелета 2, когда одна из них прямая, а другая согнута в колене и стопой повернута в сторону, наличие в захоронении предмета из камня) наибольшее соответствие находят в памятниках новочеркасского типа предскифского (киммерийского) времени. Также «предскифским» элементом обряда в данном случае можно считать использование охры в обряде (на черепе скелета 1 сохранились следы красной краски) (*Махортых*, 2008. С. 160–162; *Мимоход*, 2009. С. 63). Между тем атрибутировать болдыревское захоронение как новочеркасское нужно с известной степенью осторожности. В Оренбуржье, кроме болдыревского погребения, известен пока только один комплекс, определенный как новочеркасский, – погребение 2/38 КМ у с. Новая Белогорка (*Тереножкин*, 1976. С. 53; *Таиров*, 2021. С. 32). Отметим, что существует точка зрения, обосновывающая связь вытянутых костяков из погребений киммерийского времени (новочеркасских) с населением карасукской и черкаскульской культур позднего бронзового века, происходящим с территории Южной Сибири и Зауралья. Данный факт объясняется возможным участием указанных культур эпохи поздней бронзы в этногенезе новочеркасского населения (*Балабанова, Пилипенко*, 2023). Принимая это во внимание, появление комплексов с новочеркасскими культурными признаками в Оренбуржье закономерно.

В завершение необходимо обсудить результаты ^{14}C-датирования трех анализируемых захоронений.

В сложившейся историографической традиции отрадненские памятники относятся к поздневаликовым (постсрубным) памятникам и датируются в пределах XII–X вв до н. э. (*Потапов*, 2010. С. 9–10). Черногоровские и новочеркасские памятники относятся

[3] Определения Д. В. Сёмина, с. н. с. ООО «НПЦ «УТР»».

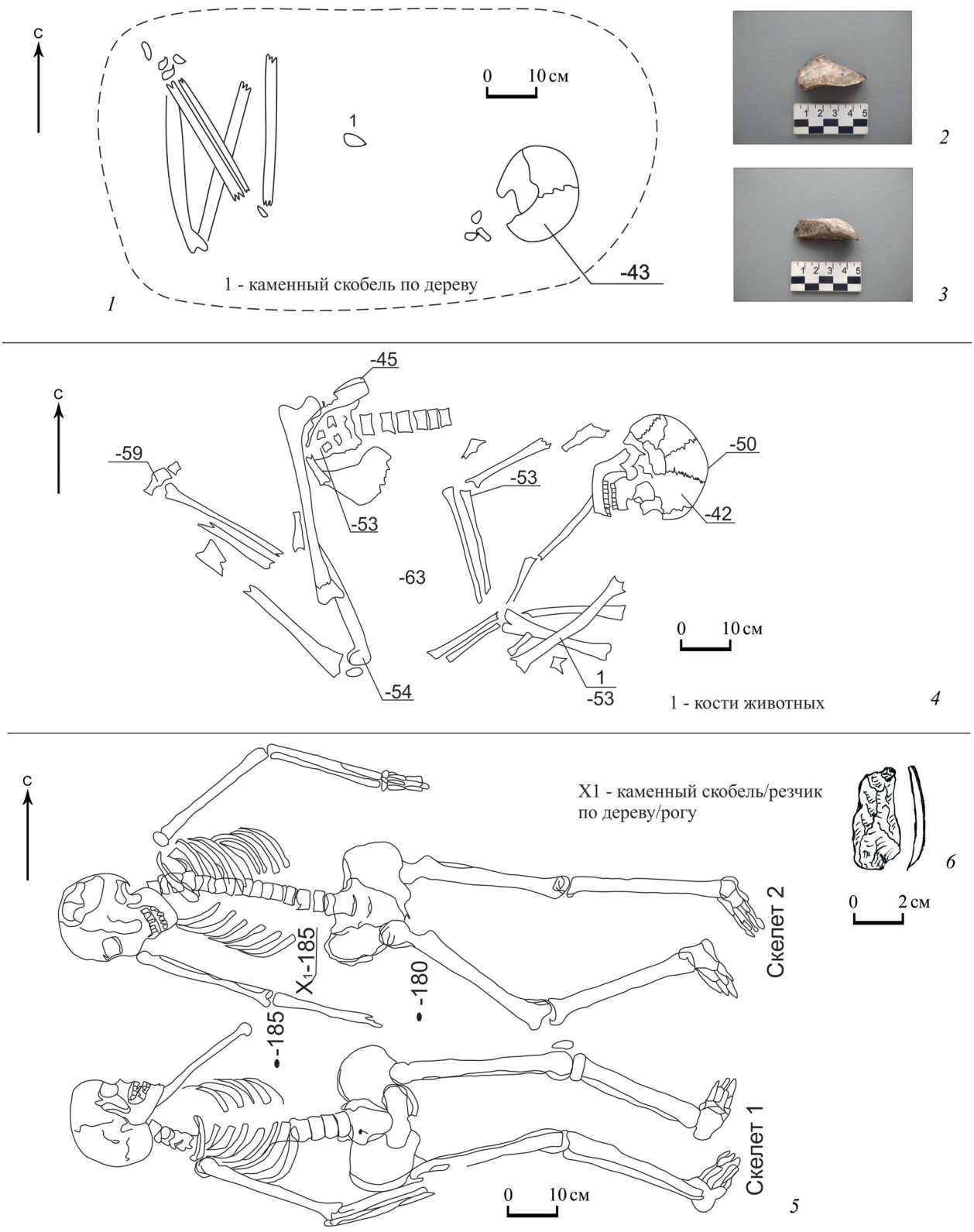


Рис. 2. Погребальные комплексы финальной бронзы – начала раннего железного века.
1–3 – Лабазовский курганный могильник, курган 4, погребение 5 (*1* – план погребения; *2, 3* – каменный скобель по дереву); *4* – курганный могильник Каменка, курган 2, погребение 3 (план погребения); *5, 6* – курганный могильник у с. Болдырево (*5* – план погребения; *6* – каменный скобель по дереву/рогу)

к предскифискому времени и датируются в диапазоне IX (X) – VII вв до н. э. (*Черных, Дараган*, 2014. С. 348; *Балабанова, Пилипенко*, 2023. С. 8). Даты, полученные для погребений из Каменки и Лабаз, более тяготеют к поздневаликовому времени (финалу эпохи бронзы). Однако, исходя только из датировок, однозначно считать, что они характеризуются отрадненской культурной принадлежностью, по-прежнему нельзя. Известны случаи получения удревненных радиоуглеодных дат для черногоровских захоронений. Так, Р. А. Мимоходом получена дата для черногоровского погребения из одиночного кургана Ясиновский III, укладывающаяся в пределы XVII–XVI вв. до н. э (*Мимоход*, 2018. С. 121).

Дата для предположительно новочеркасского погребения 1/1 Болдыревского КМ удревнена значительно, что, однако, не свидетельствует о столь раннем характере комплекса, все признаки которого хорошо соотносятся с погребениями начала раннего железного века.

Возможно, в будущем задача более четкого определения хронологической позиции комплексов начала раннего железного века из Оренбургского Предуралья будет решена при помощи датирования методом AMS. Однако уже сейчас понятно, что в указанный период эта территория была заселена: база данных постепенно прирастает новыми находками.

Литература

Балабанова М. А., Пилипенко А. С., 2023. Два варианта культуры киммерийского времени: антропологический аспект // Региональные особенности хронологии и периодизации савроматской и сарматских культур: материалы XI Всерос. науч. конф. с междунар. участием «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. памяти А. С. Скрипкина (г. Волгоград, 15–19 мая 2023 г.). Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та. С. 8–23.

Васильев И. Б., Матвеева Г. И., 1979. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // СА. № 4. С. 147–166.

Королев А. И., Кочкина А. Ф., Сташенков Д. А., 2015. Екатериновский мыс – новый энеолитический памятник в лесостепном Поволжье // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 17, № 3 (2). С. 514–517.

Королев А. И., Кочкина А. Ф., Сташенков Д. А., 2018. Результаты новых исследований могильника Екатериновский мыс // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Самара: Изд-во Самарского гос. соц.-пед. ун-та. С. 40–42.

Купцова Л. В., Зарецкая Н. Е., Моргунова Н. Л., Хохлов А. А., 2019. Древнейшие погребения в Оренбуржье (о двух захоронениях курганного могильника у с. Лабазы) // Вестник Московского университета. Серия XXIII: Антропология. № 1. С. 131–139.

Купцова Л. В., Файзуллин И. А., Крюкова Е. А., 2018. Памятник эпохи поздней – финальной бронзы в Западном Оренбуржье (курганный могильник у с. Каменка) // Поволжская археология. № 3. С. 299–313.

Махортых С. В., 2008. Культура и история киммерийцев Северного Причерноморья: дис. … д-ра ист. наук / ИА НАНУ. Киев.

Мимоход Р. А., 2009. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. М.: Таус. 292 с.

Мимоход Р. А., 2018. Стратифицированные курганы бронзового века на правобережье Северского Донца. М.: ИА РАН. 288 с. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 23.)

Моргунова Н. Л., 2011. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та. 220 с.

Моргунова Н. Л., 2021. Самарская культура // Археология Волго-Уралья: в 7 т. Т. 2. Энеолит и бронзовый век / Под общ. ред. А. Г. Ситдикова; отв. ред. А. А. Чижевский. Казань: Изд-во Акад. наук Республики Татарстан. С. 61–82.

Моргунова Н. Л., 2021а. Отчет об археологических раскопках объекта культурного наследия «Курганный могильник 4» у с. Болдырево в Ташлинском районе Оренбургской области по открытому листу № 1091–2019 в 2019–2020 гг. // Архив ИА РАН.

Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Евгеньев А. А., Китов Е. П., Купцова Л. В., Салугина Н. П., Хохлова О. С., Хохлов А. А., 2009. Лабазовский курганный могильник срубной культуры. Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та. 98 с.

Моргунова Н. Л., Евгеньев А. А., Краева Л. А., Купцова Л. В., Крюкова Е. А., Файзуллин И. А., 2022. II курганный могильник Второе Имангулово // Археологические памятники Оренуржья. Вып. 16.

Имангуловские курганы. Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та. С. 13–100.

Моргунова Н. Л., Халяпин М. В., 2000. Погребения эпохи бронзы у с. Покровка // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 4. Оренбург: Оренбургская губерния. С. 153–167.

Потапов В. В., 2010. Памятники финальной бронзы Нижнего Подонья: дис. … канд. ист. наук / ИА РАН. М.

Таиров А. Д., 2021. Переходный период от бронзового века к железному в степной зоне Волго-Уралья // Археология Волго-Уралья: в 7 т. Т. 3. Ранний железный век / Под общ. ред. А. Г. Ситдикова; отв. ред. А. А. Чижевский. Казань: Изд-во Акад. наук Республики Татарстан. С. 26–38.

Телегин Д. Я., 1991. Неолитические могильники мариупольского типа (свод археологических источников). Киев: Наукова думка. 96 с.

Тереножкин А. И., 1976. Киммерийцы. Киев: Наукова думка. 223 с.

Черных Л. А., Дараган М. Н., 2014. Курганы эпохи энеолита – бронзы междуречья Базавлука, Соленой, Чертомлыка. Киев: Изд. Олег Филюк. 568 с.

Korolev A., Kochkina A., Stashenkov D., 2019. The Early Eneolithic burial ground at Ekaterinovsky Cape in the forest-steppe Volga region // Documenta Praehistorica XLVI. P. 388–397.

Schulting R. J., Richards M. P., 2015. Stable Isotope Analysis of Neolithic to Late Bronze Age Populations in the Samara Valley // A Bronze Age landscape in the Russian steppes: the Samara Valley Project / Ed. by D. W. Anthony et al. Los Angeles: University of California. 514 p.

Сведения об авторе

Купцова Лидия Владимировна, Оренбургский государственный педагогический университет, ул. Советская, 19, Оренбург, 460014, Россия; e-mail: orelin.84@mail.ru

https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-426-5.318-326

ПЛАНИГРАФИЯ КУРГАНА У С. НЕКРЫЛОВО (ВОРОНЕЖСКАЯ ОБЛАСТЬ): К РЕКОНСТРУКЦИИ ПОДКУРГАННОГО ПРОСТРАНСТВА[1]

Ю. В. Лунькова, В. Ю. Луньков, А. Н. Скоробогатов

Резюме. В данной статье приводятся результаты планиграфического анализа многомогильного кургана у с. Некрылово, Воронежская область. Под насыпью кургана было исследовано 71 одновременное погребение развитого этапа срубной культуры лесостепной зоны Волго-Донского междуречья. Анализ проводился с учетом половозрастных характеристик погребенных и их ориентировок по сторонам света. За основу был принят методический подход, предложенный Н. Я. Мерпертом еще в 50-е гг. XX в. во время работ Куйбышевской экспедиции. Благодаря использованию современных методов статистического и планиграфического анализов, предложены варианты распределения погребений на внутримогильной погребальной площадке.

Ключевые слова: срубная КИО, лесостепная зона Волго-Донского междуречья, многомогильные курганы, статистический и планиграфический анализы, организация внутрикурганного погребального пространства.

Николаем Яковлевичем Мерпертом во время проведения грандиозных работ Куйбышевской экспедицией в Поволжье в 50-е гг. XX в. был предложен комплексный подход в изучении погребальных памятников эпохи бронзы[2] (*Мерперт*, 1954; 1958 и др.). Ключевым моментом являлось рассмотрение погребального комплекса как единой системы. Детальный анализ ее структурных элементов, в том числе планиграфических характеристик, с одной стороны, способствовал разработке нового методического подхода в исследовании памятников, а с другой – стал основой для детальной реконструкции погребального обряда изучаемой эпохи.

В дальнейшем при рассмотрении погребальных памятников срубной КИО планиграфические особенности могильников традиционно становятся предметом научных исследований многих специалистов (*Семенова*, 1983; 2000; *Обыденнов, Обыденнова*, 1992; *Крамарев*, 2008; *Лунькова и др.*, 2022 и др.). Наиболее полно эта характеристика обряда рассмотрена в публикациях А. И. Крамарева по материалам погребальных памятников Южного Средневолжья (*Крамарев*, 2002; 2008). Кратко остановимся на основных положениях этой работы. Исследователь под планиграфией понимает «…взаиморасположение археологических объектов (курганов, погребений, жертвенников и т. д.) в границах условно выделенного целостного объекта исследования (например: курганов в могильнике или погребений под насыпью кургана)» (*Крамарев*, 2008. С. 143). Он выделяет шесть вариантов планировки внутрикурганного пространства:

I – курганы с центрической схемой группировки объектов погребального комплекса;

II – курганы с рядовой схемой группировки погребений;

III – курганы с размещением погребений без определенного порядка (бессистемно);

IV – одно или все погребения смещены в один из секторов кургана;

V – погребения расположены треугольником приблизительно на одинаковом расстоянии друг от друга в центральной части кургана;

VI – погребения расположены в форме четырехугольника, также почти на равном удалении друг от друга (*Крамарев*, 2008. С. 145–149).

Резюмируя полученные результаты, исследователь приходит к выводу о существовании двух ведущих идей расположения погребений под насыпью: центрической и рядовой (*Крамарев*, 2008. С. 150).

Кроме этого, А. И. Крамарев отмечает, «что существует определенная сложность в идентификации

[1] Исследование выполнено в рамках НИОКТР 122011200270-0 «Динамика развития духовной и материальной культуры в энеолите – бронзовом веке (Юго-Восточная Европа, Кавказ, Передний Восток)».

[2] Во время работ экспедиции Николай Яковлевич был руководителем 2-го отряда, а затем и заместителем начальника экспедиции.

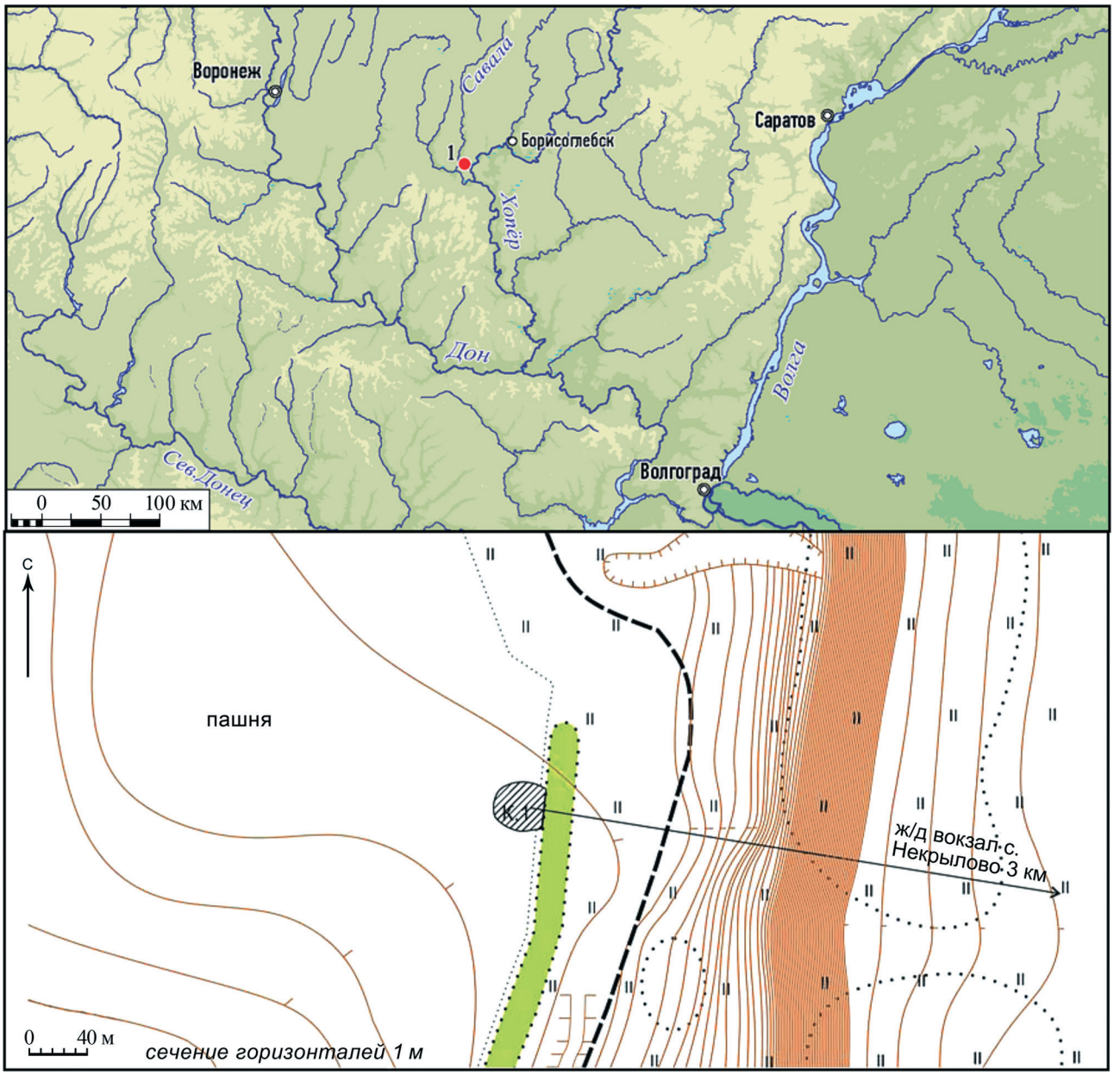


Рис. 1. Месторасположение кургана у с. Некрылово:
I – на карте Волго-Донского междуречья; *II* – на топографическом плане местности

части курганов с той или иной выделенной группой. Главным образом это касается многомогильных курганов с «плотным» расположением погребений под насыпью» (*Крамарев*, 2008. С. 149). Данное замечание, безусловно, справедливо. Но в то же время Николай Яковлевич Мерперт в одной из своих работ, в том числе и для многомогильных курганов, отмечал, что «на подкурганной площадке, несомненно, присутствовала организация погребений, которой была подчинена и ориентировка погребенных: у части погребенных она изменялась по кругу, другие направлены головой к центральному жертвеннику» (*Мерперт*, 1958. С. 87).

Руководствуясь этим замечанием, авторы статьи предприняли попытку проведения планиграфического анализа многомогильного кургана у с. Некрылово, расположенного в Новохоперском районе Воронежской области[3] (рис. 1). По географическому

[3] Курган был исследован А. Н. Скоробогатовым в 2014 г.

положению рассматриваемая территория занимает юго-восточную часть Окско-Донской низменности, долину р. Савала, впадающую в р. Хопер. В доступной для исследования части насыпи находилось 71 практически одновременное погребение срубной культуры, из которых 30 содержали скелеты детей и подростков, 32 – взрослых людей и в девяти – костяки либо отсутствовали, либо их фрагментарность не позволяла произвести определения (*Скоробогатов*, 2015). Для лесостепной зоны Волго-Донского междуречья, по имеющимся на сегодняшний день данным, погребальные памятники срубной культуры, под насыпью которых встречено такое количество захоронений, являются редкостью.

С целью определения хронологической позиции кургана были проанализированы основные характеристики погребального обряда, в том числе и инвентарь, в первую очередь керамический. В соответствии с общей периодизационной схемой СКИО, учитывая региональную специфику, он соответствует развитому этапу. При сопоставлении с другими срубными комплексами соседних территорий с похожим материалом, имеющим радиоуглеродные даты, курган у с. Некрылово может быть датирован концом XVII–XVI в. до н. э. (*Лунькова и др.*, 2022. С. 79; *Васильев и др.*, 2023. С. 73).

На первом этапе исследования было проанализировано расположение погребений по половозрастному признаку[4]. Идентифицировано 64 индивида. Из них – 19 мужчин, 11 женщин, 34 ребенка до 18 лет. В 9 случаях скелет либо отсутствовал, либо был сильно фрагментарен и неопределим. Среди детско-подростковых погребений 75% составляют захоронения детей до 10 лет включительно, причем новорожденные (до 1 года) полностью отсутствуют (*Васильев и др.*, 2023. С. 74). Среди взрослых фиксируется практически двойное преобладание мужских погребений над женскими.

Также удалось наметить выделение двух групп погребений, расположенных с учетом их возраста и пола в виде кругов: западного и восточного (рис. 2).

В восточном круге отмечено преобладание захоронений детей и подростков, в западном – взрослых людей. Также были выделены условные центры для каждого из кругов. Для восточного круга – это парное детское погребение (№ 8), а для западного – парное погребение подростков (№ 19) в сочетании с женским погребением № 29, которое, в свою очередь, окружено еще четырьмя женскими захоронениями. Погребенные находились в скорченном положении на левом боку с ориентировкой на север. В детско-подростковых «центральных» захоронениях присутствовал керамический инвентарь, а в женском встречены только два браслета. Кроме этого, отмечено тяготение мужских погребений к внешней границе кладбища. Таким образом, по полученным данным было намечено выделение «зон концентрации» детско-подростковых и взрослых захоронений. При этом, по основным признакам обряда, данные группы захоронений находят много соответствий между собой (*Лунькова и др.*, 2022. С. 78–80; *Васильев и др.*, 2023. С. 59–80).

Дальнейший анализ планиграфии кургана позволил конкретизировать предложенную схему. Принимая во внимание, что ориентировка погребенных находится в прямой зависимости от расположения захоронений на погребальной площадке, было рассмотрено распределение погребений с учетом этого показателя.

Так, в рамках восточного и западного кругов удалось наметить выделение менее крупных «групп концентраций» погребений[5]. В каждой из шести групп отмечено «центральное» погребение, вокруг которого концентрировались остальные (рис. 3). Последовательность в нумерации групп не несет никакой дополнительной нагрузки. Рассмотрим более подробно распределение погребений по этим группам.

Группа 1. Располагается в центре исследованной подкурганной площадки и состоит из четырех погребений: центральное (погр. 19) – парное детско-подростковое захоронение (возраст 12 и 13 лет), вокруг которого концентрировалось три мужских погребения (возраст 40–50 лет).

Группа 2. Располагается в северо-западной части подкурганной площадки и состоит из девяти погребений. Центральное (погр. 44) – одиночное детско-подростковое погребение (возраст 14–15 лет), вокруг которого находилось три детских (возраст до 10 лет включительно) и пять взрослых захоронений, из которых четыре принадлежали мужчинам (возраст от 30 до 50 лет) и одно – женщине (возраст 30–35 лет). Условно выделяемая дуга имеет «разрыв» в юго-восточном направлении.

Группа 3. Располагается в юго-западной части подкурганной площадки и состоит из пятнадцати

[4] Все антропологические определения выполнены д. и. н. С. В. Васильевым.

[5] Авторы статьи обращают внимание на условный характер используемых терминов («дуга», «круг», «центральное» погребение), применяемых для проведения анализа.

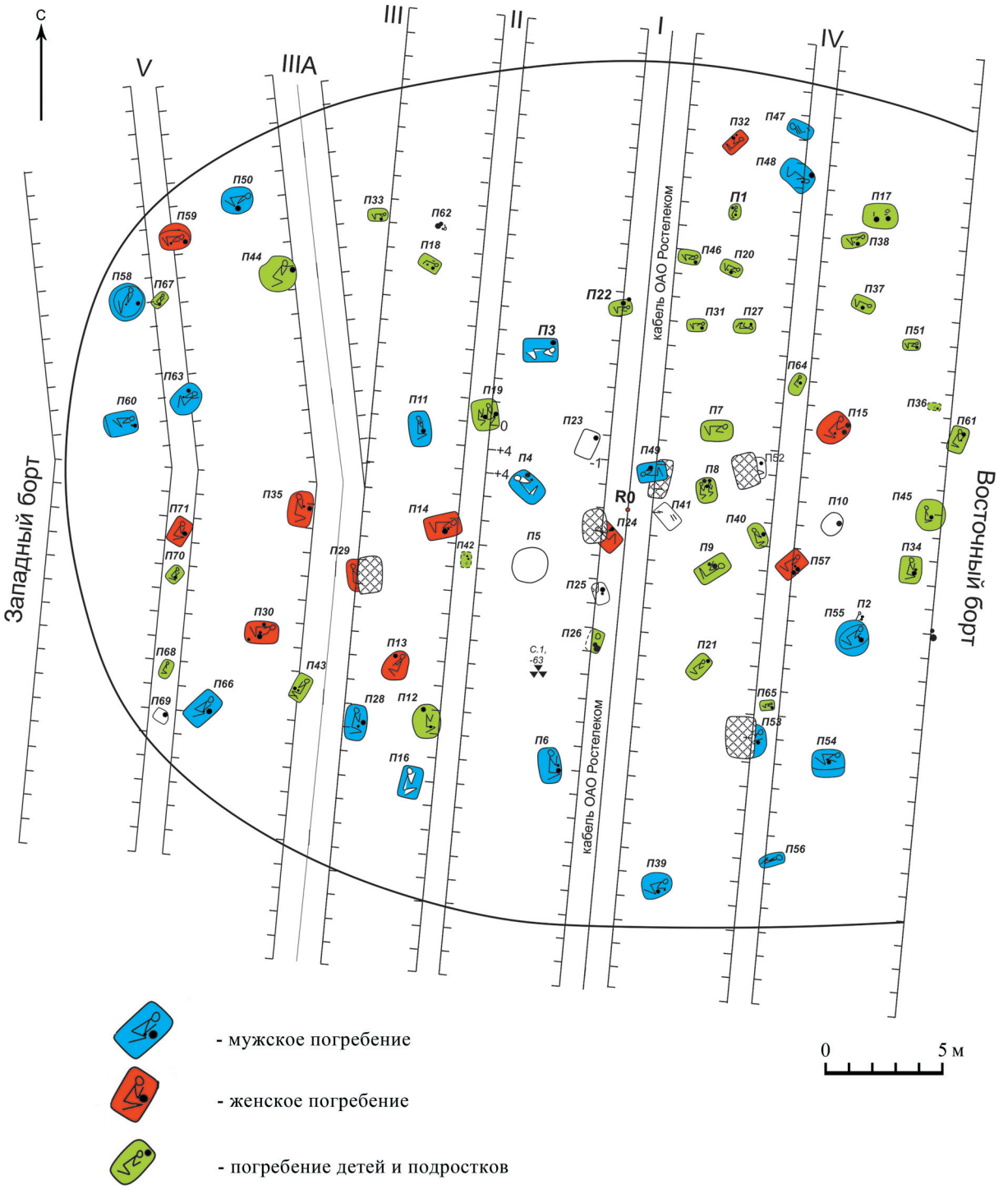


Рис. 2. Планиграфическое распределение погребений по полу и возрасту погребенных

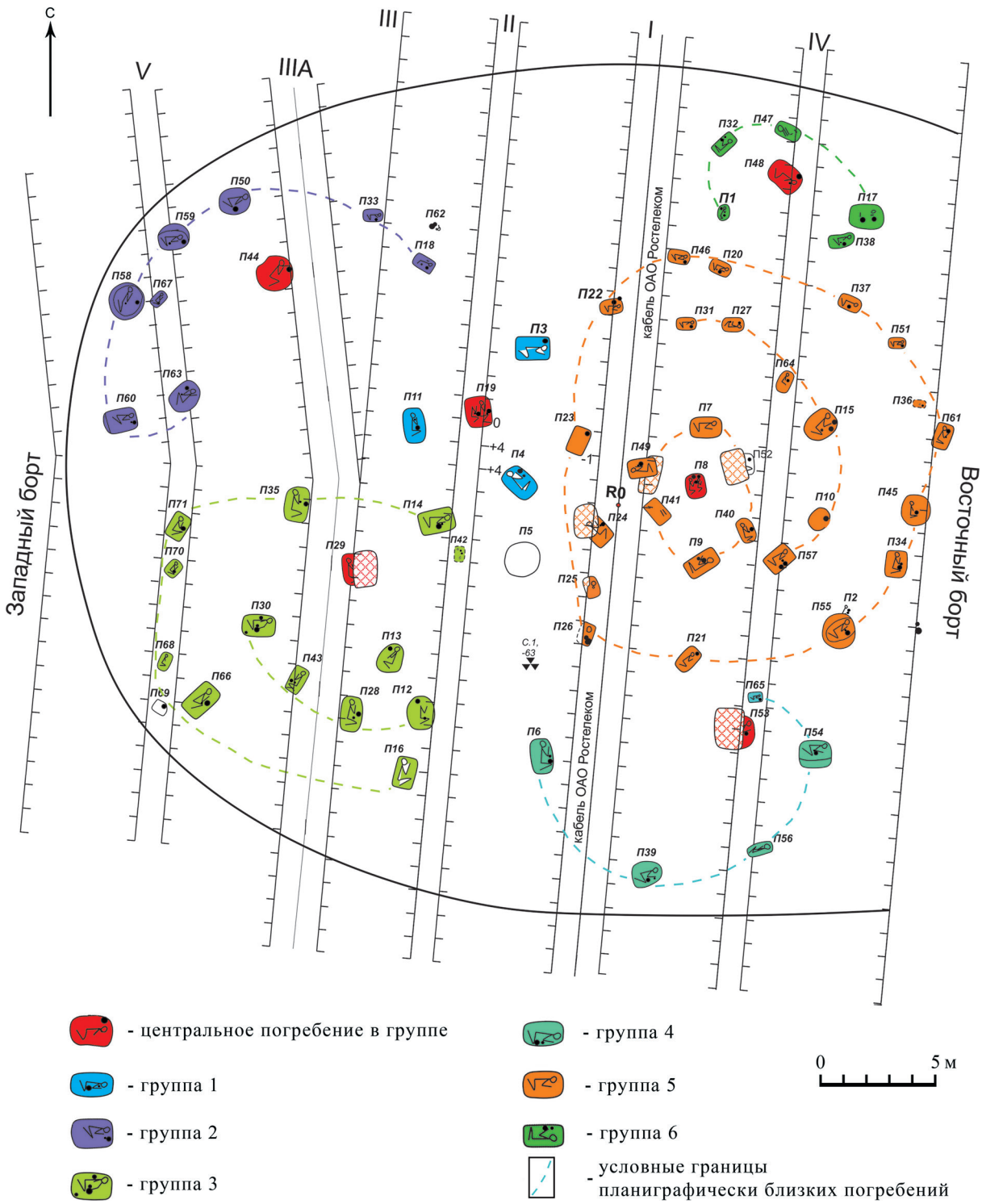


Рис. 3. Планиграфическое распределение групп погребений с условно выделенными центрами

погребений. Центральное (погр. 29) – одиночное женское погребение (возраст 30–35 лет), вокруг которого расположены по двум дугам четырнадцать захоронений, девять из которых принадлежали взрослым и четыре детям и подросткам. В двух погребениях фиксировалось только наличие могильной ямы, а человеческие кости либо отсутствовали, либо их сохранность не позволяла провести антропологические определения[6]. Дети двух возрастов: 5–7 и 16–18 лет; взрослые – мужчины 30–35 лет и 40–45 лет и женщины 30–35 лет и 40–50 лет. Во всех женских погребениях этой группы встречены бронзовые украшения[7] (подвески и браслеты). Здесь фиксируется «разрыв» в условно выделяемой внешней дуге в восточном направлении.

Группа 4. Располагается в юго-восточной части подкурганной площадки и состоит из шести погребений. Центральное (погр. 53) – одиночное мужское погребение (возраст 30–35 лет), вокруг которого находились четыре мужских захоронения (возраст 35–45 и 25–30 лет) и одно детское (7–8 лет). В двух мужских погребениях встречены бронзовые браслеты. В данной группе «разрыв» дуги фиксируется в северо-западном направлении.

Группа 5. Располагается в восточной части подкурганной площадки и состоит из двадцати девяти погребений. Центральное (погр. 8) – парное детско-подростковое погребение (возраст 2–2,5 и 3,5–4 года), вокруг которого фиксируются двадцать восемь захоронений, образовавшие два круга и одну дугу с разрывом в западном направлении. В трех погребениях фиксировалось только наличие могильной ямы. Внутренний круг образован шестью захоронениями, три из которых детско-подростковые (возраст с 9 до 15 лет), два неопределенных и одно мужское (возраст 40–45 лет), в котором находилась бронзовая подвеска. Внешний круг состоял из шестнадцати погребений, двенадцать из которых детско-подростковые, причем в десяти из них находились скелеты, принадлежавшие детям до 10 лет, а в двух других – погребенным было 12–14 лет. Также здесь располагались погребение мужчины 25–30 лет и женщины 20–21 года. В мужском погребении встречено бронзовое шило, в женском – бронзовая подвеска. В двух случаях присутствовал фрагментарный скелет, который определить невозможно. Между кругами зафиксирована дуга, которую образовывали шесть погребений, три из которых детские (возраст 2–7 лет), два женских (возраст 30–40 лет) и одно не определено. Обращает на себя внимание, что в четырех из пяти погребений взрослых встречены металлические изделия (шило, подвеска) вне зависимости от пола погребенного. Аналогичная ситуация – высокая степень встречаемости металлических изделий в захоронениях взрослых – отмечена для группы 3.

Группа 6. Располагается в северо-северо-восточной части подкурганной площадки и состоит из шести погребений. Центральное (погр. 48) – одиночное погребение мужчины (возраст 40–45 лет), вокруг которого находилось три детско-подростковых (возраст около 3 лет и 11–14 лет) и два взрослых захоронения, одно из которых принадлежало мужчине (возраст от 40–45 лет), другое – женщине (возраст 30–35 лет). Условно выделяемая дуга имеет «разрыв» в южном направлении. Стоит отметить, что над погребением трехлетнего ребенка была совершена тризна: обнаружены фрагменты сосуда и бронзовый нож.

Два погребения – 5 и 62 – практически полностью разрушены и не отнесены ни к одной группе.

Предложенная группировка погребений может рассматриваться как действенный инструмент для понимания организации внутрикурганного погребального пространства. Выделенные группы захоронений неравнозначны по численности и составу. Но во всех присутствуют как погребения детей с подростками, так и взрослых. В пяти из шести групп количество погребений не превышает 15, в них преобладают захоронения взрослых людей. Особняком стоит группа 5, включающая в большинстве своем захоронения детей до 10 лет. Во внутреннем и внешнем круге и дуге этой группы обязательно присутствуют погребения взрослых: два мужских и три женских. В этой группе во взрослых захоронениях, за исключением одного, отмечены металлические изделия: шилья и подвески. Более того, шилья встречены как у мужчины, так и у женщины, аналогичная ситуация и с подвесками. Выделенные «центральные» погребения в пяти из шести случаев

[6] Здесь и далее в случаях, когда невозможно определить ориентировку погребенного, за основу бралась ориентировка могильной ямы, так как большинство исследователей, в том числе и авторы статьи, констатируют, как правило, совпадение этих направлений (*Семенова*, 2000; *Лунькова*, 2002а; *Купцова, Лыганов*, 2021 и др.).

[7] Для всех металлических предметов определен элементный состав в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН и в Центре коллективного пользования научным оборудованием для археометрических исследований при ИА РАН (*Васильев и др.*, 2023. С. 73).

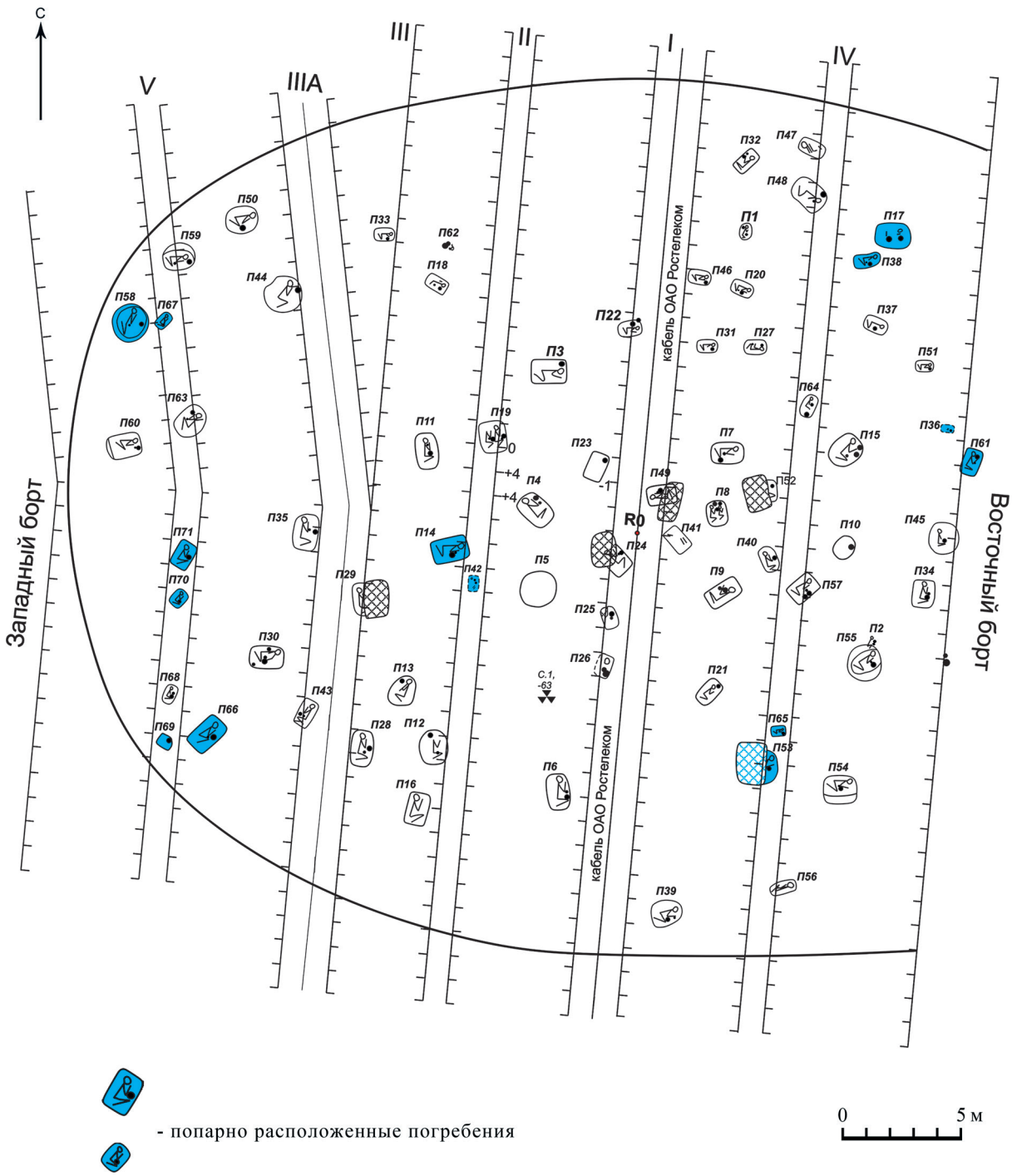


Рис. 4. Планиграфическое распределение попарно расположенных погребений

ориентированы на север с незначительными отклонениями. Исключением является группа 6, где погребенный ориентирован на юго-восток. В кургане находилось два парных погребения, вокруг которых в том числе и концентрировались остальные захоронения. Они оба детско-подростковые, но если возраст детей из погребения 8, являющегося «центральным» для самой многочисленной группы 5, не превышал 4 лет, то в погребении 19 – «центральном» для самой малочисленной группы 1 – возраст погребенных составлял 12–13 и 16–18 лет. Стоит отметить и встречаемость металлического инвентаря, представленного орудиями труда (шилья, игла) и украшениями (подвески, браслеты), только в погребениях взрослых людей разных групп. Особого внимания заслуживает ситуация с обнаружением ножа. Он находился в тризне над погребением 1, где захоронен ребенок около 3 лет. На наш взгляд, нож предназначался именно ребенку. И это не единственный случай на данной территории встречаемости бронзового ножа в одном комплексе с погребением ребенка. В частности, в детском (возраст 4–5 лет[8]) погребении 7 кургана 10 могильника у хут. Ветютнев также обнаружен нож (*Лунькова*, 2002б. С. 184). Еще один сюжет, присутствующий в большинстве групп погребений (кроме группы 1), на который хотелось бы обратить внимание, связан с незавершенностью кругов. Даже в многочисленной группе 5 при наличии «завершенных» внешнего и внутреннего кругов между ними располагается дуга, для которой фиксировался «разрыв» в западном направлении. Имея разную ориентировку, все «разрывы» направлены к яме круглой формы диаметром 1,25 м и глубиной 0,3 м, которая расположена в центре исследуемой погребальной площадки. В юго-восточной части заполнения ямы встречены фрагмент ребра человека и человеческий зуб, принадлежавшие ребенку четырех-пяти лет. Других находок в яме обнаружено не было.

Интерес представляет и присутствие в данном кургане попарно расположенных погребений. В процессе исследования кургана было обращено внимание на ряд захоронений, расстояние между которыми составляло меньше одного метра, в то время как в остальных случаях диапазон удаленности соседних захоронений друг от друга – от 1,5 до 3 м (*Скоробогатов*, 2015. С. 83). Таких «пар» погребений насчитывается восемь (рис. 4). Планиграфически они рассредоточены по внешнему краю погребальной площадки, за исключением одной «пары» (погр.14 – погр. 42). По половозрастному показателю погребенных эти попарно расположенные захоронения распадаются на следующие сочетания: взрослый – взрослый, взрослый – ребенок-подросток, ребенок-подросток – ребенок-подросток. Наибольшее количество отмечено для сочетания взрослый – ребенок-подросток, причем мужчин с детьми зафиксировано три случая, женщин с детьми – два случая. Детско-подростковые «парные» погребения встречены дважды и мужское «парное» захоронение – один раз. Больше всего таких попарно расположенных погребений отмечено для группы 3 (3 случая) и для группы 6 (2 случая). Наличие таких пар погребений, скорее всего, неслучайно, но интерпретация их на данном этапе проблематична.

Предложенные варианты планиграфического распределения погребений многомогильного кургана у с. Некрылово в целом находятся в рамках существующей схемы внутрикурганной планиграфии, предложенной А. И. Крамаревым, и могут быть отнесены к группе I.1.4. (*Крамарев*, 2008. С. 146) с той лишь разницей, что каждое из центральных погребений имеет свой круг захоронений. Причины, объясняющие сознательное завершение практики погребения на могильнике, могут быть разные: от смены территории пребывания коллектива до «переноса» места кладбища. В любом случае, на наш взгляд, это возможно при стабильном существовании коллективов, отсутствии эпидемий и внешних угроз.

Обобщая полученные результаты, необходимо отметить наличие различных вариантов распределения погребений на внутрикурганной погребальной площадке, что свидетельствует о сложности и неоднозначности в интерпретации планиграфии многомогильного кургана. В то же время изложенные в данной работе наблюдения в дальнейшем могут быть использованы при проведении планиграфического анализа на других, в первую очередь многомогильных, курганах срубной КИО.

[8] Определение выполнено автором раскопок В. М. Клепиковым (*Лунькова*, 2002б. С. 184).

Литература

Васильев С. В., Боруцкая С. Б., Луньков В. Ю., Лунькова Ю. В., Скоробогатов А. М., Пузанова Т. А., 2023. Детские погребения в одиночном кургане у с. Некрылово (Воронежская обл.): к характеристике возрастной структуры срубного общества // Stratum plus. Археология и культурная антропология. № 2. С. 59–80.

Крамарев А. И., 2002. К вопросу о планиграфии погребальных памятников срубной культуры Волго-Уралья // Степи Евразии в древности и средневековье: к 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. Кн. 1. СПб. С. 169–171.

Крамарев А. И., 2008. Планировка могильников (взаиморасположение курганов) и внутрикурганная планиграфия в погребальных памятниках срубной культуры Южного Средневолжья // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Д. А. Сташенков. Самара. С. 143–169.

Купцова Л. В., Лыганов А. В., 2021. Срубная культурно-историческая общность между Волгой и Уралом // Археология Волго-Уралья. Т. 2. Энеолит и бронзовый век / Отв. ред. А. А. Чижевский. Казань: Академия наука Республики Татарстан. С. 368–394.

Лунькова Ю. В., 2002а. К изучению погребального обряда срубной культуры Волго-Донского междуречья // РА. № 4. С. 143–149.

Лунькова Ю. В., 2002б. Погребения с ножами срубной культуры лесостепной зоны Волго-Донского междуречья // Проблемы археологии Евразии: к 80-летию Н. Я. Мерперта: сб. ст. / Отв. ред. Р. М. Мунчаев. М.: ИА РАН. С. 181–188.

Лунькова Ю. В., Луньков В. Ю., Скоробогатов А. М., 2022. К вопросу о планиграфии многомогильных курганов срубной КИО (на примере кургана у с. Некрылово) // Энеолит и бронзовый век Циркумпонтийского региона: культурные процессы и взаимодействия (к 100-летию со дня рождения Н. Я. Мерперта): тез. докл. конф. М.: ИА РАН. С. 78–80.

Мерперт Н. Я., 1954. Материалы по археологии Среднего Заволжья // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 1 / Ред. А. П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР. С. 39–156. (МИА; № 42).

Мерперт Н. Я., 1958. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 2 / Ред. А. П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР. С. 45–156. (МИА; № 61.)

Обыденнов М. Ф., Обыденнова Г. Т., 1992. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара: Самарский ун-т. 176 с.: ил.

Семенова А. П., 1983. Погребальный обряд срубных племен лесостепного Заволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы: межвуз. сб. науч. тр. Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. ун-т. С. 60–81.

Семенова А. П., 2000. Погребальные памятники срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Ред.: Ю. И. Колев, А. Е. Мамонов, М. А. Турецкий. Самара: Самарский науч. центр РАН. С. 152–208.

Скоробогатов А. М., 2015. Отчет о проведении охранных раскопок объекта археологического наследия «Одиночный курган у с. Некрылово» в Новохоперском районе Воронежской обл. в 2014 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 46366, 46367.

Сведения об авторах

Лунькова Юлия Владимировна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: ylunkova@rambler.ru

Луньков Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: vlunkov69@yandex.ru

Скоробогатов Андрей Михайлович; ООО НПЦ «Воронежское археологическое общество», ул. Пушкарская, 39, Воронеж, 394055, Россия; e-mail: a.m.skorobogatov@mail.ru

Научное издание

ЭНЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК ЦИРКУМПОНТИЙСКОГО РЕГИОНА.
Сборник к 100-летию со дня рождения Н. Я. Мерперта

Редактор-корректор: Н. В. Бельченко
Верстка: В. Б. Степанов
Художник: А. В. Любавина
Обложка Н. С. Сафроновой

Подписано в печать 17.12.2023
Формат 60×90/8. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 41,0. Уч.-изд. л. 42,6.
Тираж 400 экз. Заказ №

Институт археологии РАН
117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано с готового оригинал-макета
в

ISBN 978-5-94375-426-5